

Андрей Хорошевский

100 знаменитых символов советской эпохи

ОТ АВТОРА

Вечером 25 октября (7 ноября по новому стилю) в 21 час 40 минут крейсер «Аврора», стоящий напротив Зимнего дворца, произвёл выстрел из шестидюймового носового орудия. Вечером в 14 часов 25 декабря 1991 года первый и последний Президент СССР Михаил Сергеевич Горбачёв выступил по телевидению и прямо в эфире подписал указ о сложении президентских полномочий и полномочий Верховного главнокомандующего. Через несколько минут над Кремлём был спущен Государственный флаг СССР. Между этими двумя событиями — 74 года, 27 тысяч с лишним дней. И миллионы судеб людей, которым довелось жить в этом временном промежутке, называемом «советской эпохой»...

Каждый раз, начиная очередную книгу из серии «100 знаменитых», авторы и редакционная коллегия задаются одними и теми же вопросами: «Какова будет структура новой книги? Кто или что будет входить в число этих самых ста знаменитых?». И каждый раз очень трудно сделать окончательный выбор. Конечно же, есть определённые критерии. Для того чтобы назвать человека «знаменитым художником», нужно, чтобы он написал хотя бы одну картину. Полководец, чтобы стать «знаменитым», просто обязан выиграть хотя бы одну великую битву. А что такое символ эпохи? Ведь «советская эпоха» — понятие противоречивое, у каждого может быть своя эпоха. Для одних те годы — это время спокойствия, уверенности в завтрашнем дне, это время, когда большую страну уважали во всём мире. Для других же — это время страха, когда нечаянно сказанное слово могло обернуться для человека десятилетиями забвения, время, бесцельно потраченное на стояние в бесконечных очередях, время «железного занавеса», когда огромная страна была ядерным пугалом для всего мира.

И всё-таки было что-то объединяющее всех. Разве можно было остаться равнодушным, когда из каждой радиоточки звучали сигналы первого спутника или когда Юрий Левитан сообщал о полёте Юрия Гагарина? Разве не наворачивались на глаза слёзы, когда олимпийский мишка улетал в московское небо? И разве не переполнялась душа гордостью за страну, когда наши хоккеисты били родоначальников хоккея канадцев на их же площадках или советские фигуристы под звуки гимна стояли на верхней ступени пьедестала почёта? А кроме того, была обычная повседневная жизнь, с её заботами и характерными явлениями.

В общем, символ эпохи — это то, без чего нельзя представить нашу жизнь в те времена, когда все мы являлись гражданами единой страны под названием Советский Союз...

Автор старался быть как можно более нейтральным в своих оценках. И потому эта книга не претендует на некую «энциклопедию счастливой жизни», безупречную и беспорочную картинку советской действительности. Но читатель не найдёт здесь и каких-то громких разоблачений и обвинений. Только факты, известные и не очень, рассказы о событиях и явлениях. И лёгкая (чтобы не раздражать молодых читателей) ностальгия об ушедших временах...

Залл «Авроры»

Каждый моряк знает эту приметку. Знали её и моряки «Авроры». Женщина на корабле — быть беде. Но эта женщина была настолько красива, что матросы не посмели ей отказать, не смогли прогнать её с корабля. Высокая, стройная, одетая в белоснежное платье, оттенившее её суровую бледность. «Словно ожившая статуя», — вспоминали матросы. Именно эта женщина вечером 25 октября 1917 года взошла на «Аврору», и именно она в 21 час 40 минут отдала приказ произвести холостой выстрел. И моряки не посмели её ослушаться...

Эта легенда живёт с тех пор, как комендор Огнев произвёл из орудия «Авроры» тот самый выстрел, ставший не просто сигналом к штурму Зимнего дворца, а точкой отсчёта новой эпохи. Эпохи, коренным образом изменившей жизнь огромной страны. Историки, изучавшие октябрьские события 1917 года, утверждали, что таинственной незнакомкой могла быть известная революционерка и писательница Лариса Рейснер. Но в народе говорили, что красавица — на самом деле была «духом революции» и исчезла сразу же после выстрела. А матросы «Авроры» позже вспоминали, что руки незнакомки были в крови...

23 мая 1897 года на государственной судовой верфи «Новое Адмиралтейство» в Петербурге состоялась торжественная закладка трёх бронепалубных крейсеров — «Дианы», «Паллады» и «Авроры». Проектировкой кораблей занимались конструкторы Балтийского судостроительного завода. Руководителем группы по постройке «Авроры» был опытный инженер-кораблестроитель Константин Михайлович Токаревский. По традиции в киль будущего судна положили своеобразный паспорт корабля — закладную доску с изображением крейсера с поднятым флагом, на полном ходу разрезающим морскую гладь. Своё имя крейсер получил в честь парусного фрегата, построенного петербургскими кораблестроителями в 1835 году. Этот героический корабль прославился во время войны 1853-1856 годов при защите порта Петропавловск-на-Камчатке от войск англо-французской коалиции.

11 мая 1900 года к 11 часам на верфь прибыл император Николай II. По взмаху руки государя раздалась команда: «Приступить к спуску крейсера!». «Вчера, 11-го мая, в Санкт-Петербурге происходило морское торжество — спуск на воду крейсера I ранга „Аврора“, — писала газета „Кронштадтский вестник“. — Погода была ясная, тихая, тёплая. Крейсер выходил из-под крыши эллинга кормой вперёд, и на нём поднимались флаги. Как только носовая часть крейсера погрузилась в воду, были отданы оба якоря. С судов, стоящих на Неве, был произведён установленный салют». Командиром корабля был назначен потомственный моряк капитан I ранга Евгений Романович Егорьев. Под его командованием находился экипаж из 20 офицеров и 570 матросов.

Для тех, кто интересуется военно-морской историей и техническими сведениями о кораблях, коротко расскажем о тактико-технических характеристиках «главного корабля революции». Полное водоизмещение крейсера «Аврора» — 6731 тонна, длина — 127 метров, ширина — 16,8 метра, осадка — 6,4 метра. Максимальную скорость в 19,2 узла в час (37 км/ч) обеспечивали три паровых машины производства Франко-русского судостроительного завода. Максимальная общая мощность трёх машин составляла 11 610 лошадиных сил. Максимальный запас топлива — 964 тонны угля, что при скорости 10 узлов в час позволяло крейсеру автономно пройти 4000 миль (7000 километров). «Аврора» была оснащена восемью 152-миллиметровыми орудиями системы Канэ (главный калибр), двадцатью четырьмя 75-миллиметровыми орудиями также системы Канэ (средний калибр), восемью 37-миллиметровыми скорострельными пушками системы Гочкиса и двумя десантными 64-миллиметровыми пушками системы Барановского на колёсных лафетах. Крейсер имел три торпедных аппарата: два подводных, расположенных по правому и левому бортам судна и один надводный, находившийся в носовой части.

После установки вооружения и заводских испытаний 16 июля 1903 года крейсер «Аврора» вошёл в состав кораблей российского Балтийского флота. Через два месяца корабль отправился в своё первое дальнее плавание. В составе отряда крейсеров под командованием контр-адмирала А. А. Вирениуса «Аврора» совершила поход к берегам Африки через Балтийское, Северное моря, Атлантический океан и Средиземное море. Однако завершить намеченный маршрут плавания «Аврора» не успела — на Тихом океане, у дальневосточных берегов России, началась «буря».

Слабые и отсталые Китай и Корея были лакомым кусочком для двух «хищников», господствовавших на Тихом океане — России и Японии. Усиление напряжённости между двумя странами возникло в 1903 году, когда Япония предложила России отказаться от попыток утвердить своё влияние в Корее взамен на свободу действий в Китае и контроль за железными дорогами в Маньчжурии. Однако российское правительство отвергло эти предложения. То, что столкновение неизбежно, понимали все, но вот отношение к предстоящей войне было совершенно разным. Японцы с присущей им восточной методичностью готовились к будущим сражениям. Русские же... «Да мы этих косоглазых шапками закидаем» — таковы были настроения в русском обществе. К Японии, как к вероятному противнику, относились с полным пренебрежением, считая её слабой как в военном, так и в экономическом планах. Многие высшие государственные деятели были уверены, что японцы не

только не победят в войне, но даже не осмелятся её начать. Но японцы осмелились.

24 января 1904 года Япония разорвала дипломатические отношения с Россией, а в ночь на 27 января суда японского военно-морского флота, пользуясь преступной безалаберностью и попустительством командования российскими войсками, внезапно атаковали Порт-Артур. В результате этой атаки были повреждены два броненосца и крейсер. Остатки российского Тихоокеанского флота были блокированы в гавани Порт-Артура, а сам город подвергся многомесячной осаде.

2 октября 1904 года Вторая Тихоокеанская эскадра, в состав которой входил и крейсер «Аврора», под командованием адмирала Рожественского вышла из Либавы (ныне — город Лиепая в Латвии) на Дальний Восток.

14 мая возле острова Цусима состоялось решающее сражение, обернувшееся самым тяжёлым и позорным поражением в истории российского флота. Мы не будем подробно описывать ход Цусимской битвы, интересующийся читатель найдёт информацию о ней в многочисленных книгах. Остановимся только на том, что довелось испытать крейсеру «Аврора» и его команде в этой кровавой бойне.

Первыми в бой вступили броненосцы. В это время отряд крейсеров под командованием контр-адмирала Энквиста прикрывал колонну русских транспортов. «Аврора» следовала за головным крейсером «Олег». В 14:30 капитан Егорьев кивнул артиллерийскому офицеру: «Начали!» — и «Аврора» вступила в бой с противником. Примерно через полчаса один из снарядов, выпущенных с японского крейсера, разорвался о железный ходовой трап рядом с боевой рубкой. Осколки снаряда и трапа полетели в рубку. Один из них насквозь пробил голову капитана Егорьева. Несколько минут спустя судовой врач Кравченко записал в журнале: «Положение раненого безнадежно — разбит череп, повреждён мозг, пульса нет». Командование «Авророй» принял старший офицер капитан II ранга А. К. Небольсин.

Всего в ходе сражения в «Аврору» попало 18 снарядов, не считая огромного числа осколков от недолётов. После боя в корпусе корабля насчитали несколько сотен пробоин. Самый критический момент для корабля возник, когда один из снарядов перебил электрический кабель управления рулём. Неподвижный корабль представлял собой идеальную мишень для противника, и если бы не героизм минного электрика Андрея Подлесного, бросившегося под ураганным огнём исправлять повреждения, «Аврора» наверняка бы разделила судьбу других кораблей российского флота, погибших в тот день возле острова Цусима.

Около 16:30 «Аврора» прекратила бой и ушла под защиту уцелевших русских броненосцев. Статистика смерти на войне отличается от статистики в обычной жизни. Жизнь каждого человека бесценна, но на войне количество потерь — понятие относительное. В тот день российский флот потерял убитыми около 5000 человек. На «Авроре» же погибли пятнадцать моряков, так что её экипажу, можно сказать, повезло... «Потери личного состава: убит в боевой рубке наповал командир крейсера капитан I ранга Егорьев, — писалось в книге, посвящённой „Авроре“ и вышедшей из печати в 1914 году. — Ранены осколками снарядов лейтенанты Прохоров, Лосев и Старк, мичман Шаховской и прапорщик Берг. Тяжело ранены мичман Яковлев — в ногу с оторванием мягких частей, лейтенант князь Путятин — в правый бок — и старший офицер, капитан II ранга Небольсин — в голову и в ногу. Нижних чинов: убито — 9, умерло от ран — 5, тяжело раненных — 32 и легко раненных — 42, главным образом из числа орудийной прислуги. Один из убитых нижних чинов был найден без головы, рук и ног, у другого в груди была гильза... В течение 12 часов, как в течение боя, так и в тяжёлом напряжённом состоянии во время минных атак, команда и офицеры бесшумно стояли на своих постах: прислуга у орудий и боевая вахта в машине. Все работали безукоризненно и вносили всё от них зависящее для успеха дела».

В ночь на 15 мая контр-адмирал Энквист, понимая, что дальнейшее сопротивление равносильно самоубийству, принял решение увести оставшиеся под его командованием три крейсера — «Олег», «Жемчуг» и «Аврору» — к Филиппинским островам. 21 мая крейсера пошли в порт Манилы, где были интернированы американскими властями. В феврале 1906 года, через 16 месяцев после выхода из Либавы, «Аврора» вернулась на Балтику.

С 1906 по 1914 год «Аврору» использовали как учебный корабль, на котором кадеты и гардемарины Морского корпуса овладевали корабельной практикой. С началом Первой мировой войны «Аврора» вновь встала на боевую службу. Под командованием капитана I ранга И. Г. Бутакова крейсер вошёл в состав Балтийского флота. «Аврора» охраняла подступы к Финскому заливу, участвовала в установке минных заграждений, выполняла функции разведывательного корабля.

13 лет — «младенческий возраст» для корабля, однако частые походы измотали крейсер. «Аврора» нуждалась в капитальном ремонте. Осенью 1916 года два буксира притащили корабль к стенке Франко-русского завода в Петербурге. Вряд ли тогда кто-нибудь предполагал, что после капитального ремонта обычный крейсер 2-го отряда крейсеров Балтийского флота станет знаменитым «кораблём революции»...

Впервые «Аврора» взбунтовалась ещё в 1905 году, когда стояла в манильском порту. Матросы были недовольны своим питанием, полгода они не получали писем от родных. В конце концов их терпение лопнуло. Но тогда назревавший бунт удалось быстро погасить, причём мирными мерами. Американские власти, под контролем которых в Маниле находилась «Аврора», выполнили большую часть требований матросов. С тех пор на корабле не раз возникали волнения, но крупного бунта удавалось избежать. Пока...

Находясь у стенки Франко-русского завода, «Аврора» оказалась в самой гуще событий, приведших к Февральской революции 1917 года. Отношения между командой и старшими офицерами накалились до предела. «Нарыв» прорвало 27 февраля 1917 года. Накануне по приказу командования на «Авроре» были арестованы трое агитаторов. На митинге команда потребовала освободить заключённых, однако офицеры отказались выполнить это требование. Командир крейсера Никольский и старший офицер Огранович попытались разогнать митинг, открыв стрельбу из пистолетов. Несколько матросов были ранены. На следующий день команда «Авроры» вместе с рабочими Франко-русского завода захватила корабль и подняла на нём красный флаг. По данным одних источников, командир Никольский при попытке сопротивления восставшим был убит, а старший офицер Огранович тяжело ранен. Согласно другим источникам, Никольский и Огранович были расстреляны по приговору революционного комитета «Авроры».

Власть в России перешла к Временному правительству. Его председатель А. Ф. Керенский знал о настроениях, царивших на «Авроре» понимал, что в случае вооружённого восстания экипаж крейсера перейдёт на сторону большевиков, причём не только матросы, но и большая часть офицеров. В октябре 1917 года Керенский приказал командиру «Авроры» старшему лейтенанту Эриксону отплыть в финский порт Або (сейчас — Турку). Однако Центральный комитет Балтийского флота запретил «Авроре» выходить в море. Крейсер остался в Петрограде и отныне подчинялся Петроградскому совету рабочих и крестьянских депутатов. 24 октября старший лейтенант Эриксон получил новый приказ — провести «Аврору» по Неве к Николаевскому мосту. Командир сначала отказался, ответив, что идти по фарватеру Невы опасно: корабль может сесть на мель. Но после того как старшина Захаров промерил предстоящий маршрут, Эриксон отдал команду идти к Николаевскому мосту. В ночь с 24 на 25 октября 1917 года крейсер в полной боевой готовности занял позицию напротив Зимнего дворца.

В 21 час 25 минут 25 октября 1917 года на «Авроре» была объявлена боевая тревога. Через 15 минут с башни Петропавловской крепости был дан условный сигнал о начале штурма Зимнего дворца. Назначенный комиссаром «Авроры» минный машинист Александр Бельшев отдаёт приказ навести прожектор на Зимний дворец. Через несколько мгновений Бельшев командует: «Пли!», и комендор Евдоким Огнев производит холостой выстрел из шестидюймового носового орудия. Этот выстрел ознаменовал собой... Что именно ознаменовал собой этот выстрел, «светлое будущее» или «десятилетия ужаса» для огромной страны, каждый пусть решает, исходя из своих убеждений. А «Аврора» просто сделала своё дело...

В советские годы «Аврора» вновь стала учебным кораблём. До 1941 года на крейсере обучались курсанты военно-морских училищ. Начало Великой Отечественной войны застало «Аврору» в гавани возле Ораниенбаума. Курсанты прямо с крейсера ушли в бой, на защиту Ленинграда. Крейсер был включён в систему противовоздушной обороны Кронштадта. В сентябре 1941 года после налёта фашистской авиации «Аврора» получила несколько пробоин и была посажена на грунт Ораниенбаумской гавани.

Решение о реставрации «Авроры» как памятника революционным событиям 1917 года было принято ещё до окончания войны, в 1944 году. Корабль капитально отремонтировали — ленинградские корабли постарались сделать его таким, каким он был в 1917 году. В 1948 году восстановленный крейсер передали Нахимовскому военно-морскому училищу в качестве учебной базы. «Аврора» заняла место вечной стоянки у Петроградской набережной Большой Невки, напротив здания Нахимовского училища.

В 1956 году на базе «Авроры» был открыт филиал Центрального военно-морского музея. Крейсер впервые открыли для обычных посетителей, которые могли осмотреть верхнюю палубу и корабельный музей. На судне была оставлена команда из 50 человек для обслуживания и охраны корабля. Сейчас в музее «Авроры» представлено более 1000 экспонатов — документов, фотографий, флагов корабля, орденов и медалей, принадлежавших морякам-авроровцам...

Так кто же отдал приказ сделать выстрел — комиссар Бельшев, как утверждает официальная история, или же «женщина в белом», как гласит народная молва? Вряд ли мы теперь узнаем, появлялась ли таинственная незнакомка на «Авроре» вечером 25 октября 1917 года, была ли это женщина во плоти и крови или это был бестелесный призрак. Да и это, в общем-то говоря, уже не так важно. Так или иначе, «Аврора» произвела свой выстрел...

Артек

«Знает каждый человек: с буквы А заглавной начинается „Артек“ — детский лагерь славный». Так писал об «Артеке» Самуил Маршак. Но в советское время «Артек» был не просто «детским лагерем славным» — это была витрина, которую очень любили показывать иностранцам, мол, «смотрите, как отдыхают наши дети, смотрите и завидуйте!». Здесь бывали президенты, премьер-министры, короли и королевы, космонавты, артисты и писатели. Если какой-нибудь важный иностранный гость оказывался в Крыму, то его обязательно везли в «Артек». Правда, было в истории самого известного в СССР детского лагеря и такое, что иностранцам не показывали и о чём не рассказывали. Были и страшные 30-е годы, времена массовых репрессий, которые не обошли стороной и сотрудников «Артека». Были и самые настоящие шпионские истории, когда детей использовали для того, чтобы следить за иностранными посланцами. Всё это было. И всё-таки не это главное. «Артек» — явление уникальное, феномен которого трудно объяснить. Дети со всех концов СССР и из других стран ехали в Крым не просто отдохнуть и оздоровиться. В «Артеке» всегда присутствовал дух коллективизма (не толпы или стаи, а именно сплочённого коллектива), какая-то особая артековская атмосфера. А сотрудники «Артека» за короткую летнюю смену становились детям почти родными. В интервью газете «Сегодня» директор входящего в структуру «Артека» комплекса «Лесной» Евгений Васильев так описывал жизнь этих людей: «Нам некогда было создавать семьи и рожать детей. Все малыши, которые появились тут, — поздние. Мы люди, для которых чужие дети чаще важнее своих. А здесь иначе нельзя. Жизнь в „Артеке“ чётко вписывает человека в определённые рамки. Когда не чувствуешь, что болят кости и башка лысая, ощущаешь себя на уровне этих детей. В общем, сумасшедший дом, который длится сутками». От себя добавим: сумасшедший дом, в который ехали с большим удовольствием и из которого так не хотелось уезжать.

«Приехали в Нижний Новгород, купили хлеба и колбасы. Приехали в Москву. Обедали: щи с мясом и кашу. Из Москвы поехали и проехали много городов. В Курске пили чай с сахаром. Приехали в Симферополь. Купили колбасы и хлеба: на каждого по 1 фунту хлеба и по полфунта колбасы. Потом поехали в Артек. В море воды много. В Артеке жили месяц. Кормили хорошо». Это отрывок из письма одного из артековцев самого первого «призыва». О природе и прекрасном Чёрном море ни одного упоминания, разве что «в море воды много». Зато о еде — в каждой строчке по несколько раз. И это не случайно — измученным болезнями, ужасами Гражданской войны и страшным голодом детям Поволжья было не до крымских красот. Многие вообще впервые в жизни видели такую «роскошь», как щи с мясом и чай с сахаром. Именно для таких детей Российское общество Красного Креста (РОКК) и решило организовать на берегу Чёрного моря в урочище Артек недалеко от Гурзуфа детский оздоровительный лагерь. 6 января 1925 года Центральный комитет РОКК направил губкомам, губздравам и отделениям РОКК циркулярное письмо с предложением организовать первый в стране Всесоюзный санаторий для пионеров и школьников, страдающих туберкулёзной интоксикацией и другими детскими заболеваниями. 16 июня 1925 года в 17:00 состоялось торжественное открытие нового лагеря, на котором было поднято знамя «Артека» — красное полотнище с серпом и молотом в одном углу и красным крестом (эмблемой РОКК) в другом. Первым главврачом и директором «Артека» стал Ф. И. Шишмарёв. Огромный вклад в развитие лагеря внёс заместитель наркома здравоохранения Зиновий Петрович Соловьёв, недаром его называли «отцом „Артека“».

Несмотря на громкое название «Всесоюзный санаторий» первоначально «Артек», скажем так, не слишком впечатлял воображение — четыре брезентовые палатки, стоящие на берегу моря, дощатые столы, простая без изысков кухня, воду для которой ребята носили по очереди, обслуживающего персонала всего-то 21 человек. Тогда лагерь работал только в летние месяцы, во время которых в «Артеке» побывали 4 смены по 80 ребят в каждой.

В 1926 году «Артек» уже стал интернациональным: вместе с советскими детьми в лагере две недели отдыхали две группы немецких пионеров. Побывал в «Артеке» и первый высокий гость из-за границы — один из лидеров коммунистического и профсоюзного движения Японии Сэн Катаяма. В течение лета лагерь посетили делегации Франции, Германии, Польши, Голландии, Дании, Швеции, Норвегии. В этом же году были поставлены две новые палатки, «Артек» постепенно расширялся. Были построены стационарные кухня и столовые, чуть позже появились собственная пекарня и прачечная. И вдруг, буквально в одно мгновение этого всего не стало. 11 сентября 1927 года в 00 часов 20 минут страшное землетрясение силой до 9 баллов практически полностью уничтожило только-только родившийся «Артек». Сразу же после этого Центральное бюро юных пионеров объявило по всей стране сбор средств на восстановление «Артека». В декабре 1927 года началось строительство деревянных домиков. К новому летнему сезону в лагере к палаткам добавились 6 стационарных домиков, медпункт и административно-хозяйственный комплекс. «Артек» разрастался с каждым днём. В 1930 году было завершено строительство корпуса санаторного лагеря круглогодичного действия на 150 мест. Этот корпус назвали «Верхний», лагерь у моря — «Нижний». Через шесть лет первых отдыхающих принял санаторий «Суук-су», который был передан лагерю постановлением Совнаркома СССР. С каждым годом увеличивалось число ребят, отдохнувших в «Артеке». Если в 1925 году «Артек» посетили всего 320 пионеров, то в 1933-м — уже 2422, а в 1939-м — 4572 ребёнка.

Во время Великой Отечественной войны «Артек» был практически полностью разрушен. Как только немцы окончательно выбили с Крымского полуострова, в «Артеке» снова развернулось строительство. Восстановилась лагерь вся страна. Война ещё гремела на подступах к Берлину, а в «Артек» уже приехала первая послевоенная смена. И в это же время здесь случилась история, благодаря которой название крымского лагеря стало известно всей планете. Правда, вряд ли сами артековцы желали такой славы.

В феврале 1945 года в Крыму состоялась знаменитая Ялтинская конференция, на которой лидеры стран антигитлеровской коалиции определяли совместные военные планы и основные принципы послевоенного устройства Европы. Пока Сталин, Рузвельт и Черчилль вершили судьбы мира, супруга британского премьера подарила «Артеку» пятнадцать больших палаток (которые верой и правдой служили артековцам до конца пятидесятых годов), а посол США Аверелл Гарриман — чек на десять тысяч долларов. По законам гостеприимства артековцы должны были сделать высоким гостям ответный подарок. И они его сделали. Что вручили супруге Черчилля — неизвестно, а вот подарок послу США, ни много ни мало, многие годы серьёзно влиял на отношения между двумя супердержавами. Этот «подарочек» американцы вспоминали ещё долго, о нём даже упоминали не где-нибудь, а на заседании чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Правда, сами артековцы к подарку а точнее к его «начинке», отношения не имели. Политики просто использовали их ради своих целей.

В торжественной обстановке пионеры вручили послу Гарриману американский герб, выполненный из ценных пород дерева (сандала, самшита, секвойи, слоновой пальмы, красного и чёрного дерева, чёрной ольхи). Подарок действительно шикарный, герб выглядел роскошно, личный переводчик Сталина Валентин Бережной так и сказал Гарриману: «Повесьте его у себя в кабинете, и англичане просто умрут от зависти!». И посол послушался «доброего совета».

Герб провисел в посольском кабинете восемь лет, за это время сменились четыре американских посла. Каждый из них после своего назначения менял обстановку кабинета, но герб оставался на своём месте. Пока наконец в нём не было обнаружено (по одной из версий — совершенно случайно, по другой — тайну герба выдал один из советских перебежчиков) подслушивающее устройство. Причём «жучок» этот был особой конструкции и работал не от батарей, а от микроволнового излучения антенны, стоявшей на соседнем доме. Операция под характерным кодовым названием «Исповедь» курировалась лично Сталиным и Берией. Американцы несколько лет о факте прослушивания кабинета посла не распространялись, и понятно почему — ведь это был один из самых серьёзных провалов контрразведки США. И только в 1960 году, после того как в небе над Свердловском был сбит самолёт-шпион U-2, пилотируемый лётчиком Гарри Пауэрсом, и советское руководство обрушилось с резкой критикой на Америку, эта история была обнародована. Американцы рассказали о ней в ответ на советские обвинения и даже продемонстрировали герб на сессии ООН. Ныне подарок из «Артека» и подслушивающее устройство хранятся в музее ЦРУ в Лэнгли. Естественно, что ни сотрудники лагеря, ни тем более дети о «жучке» ничего не знали. Они просто должны были вручить подарок высокому американскому гостю, и всё.

Конечно, об этой истории не рассказывали иностранным гостям. А побывало их в «Артеке», надо сказать, великое множество. Французский писатель Анри Барбюс и турецкий поэт Назым Хикмет, лидеры дружественных Вьетнама и Монголии Хо Ши Мин и Цеденбал, руководители Индии Джавахарлал Неру и Индира Ганди, президент Финляндии Кекконен и премьер-министр Норвегии Герхардсен, принц Лаоса Суфанувонг и король Афганистана Мухаммед Захир Шах.

Были даже два императора — правитель Эфиопии Хайле Селассио I и ещё один, который, правда, в момент посещения «Артека» был премьер-министром своей страны. Он сразу же понравился артековцам и сотрудникам лагеря. В отличие от большинства других гостей, которые ограничивались «обязательной программой» — экскурсией по лагерю, концертом, вручением подарков — и держали себя строго в рамках, колоритнейший африканец в роскошных белых национальных одеждах и неизменной леопардовой шапочке был, что называется, «своим парнем». Вёл иностранец себя непринуждённо, без церемоний разговаривал с ребятами, а однажды устроил целое представление в африканском духе — пел, танцевал зажигательные африканские танцы, бил в барабан, научил детей песенке-кричалке. В общем, славный африканец очаровал всех — и детей, и взрослых. Когда он уезжал, ему присвоили звание «Почётный артековец» и торжественно повязали красный галстук. «Мне очень понравились дети „Артека“», — сказал на прощание заморский гость. И только позже сотрудники лагеря поняли, что в этой искренне сказанной фразе мог скрываться куда более злоебный смысл.

Звали африканского добряка Жан-Бедель Бокасса. Вскоре он устроил у себя на родине, в Центрально-Африканской Республике, военный переворот и объявил себя императором. Правда, его императорский век был недолог: в 1979 году Бокасса был свергнут и весь мир узнал о его преступлениях, среди которых были растрата государственных средств, убийства политических оппонентов и, самое страшное, каннибализм. Имя Бокассы стало синонимом слова «людоед»...

К счастью. «Артек» известен не только и не столько благодаря шпионским историям и императорам-каннибалам. «Всё лучшее — детям!» — был в советское время такой лозунг. Быть

может, так было не всегда и не во всём, но «Артеку» действительно отдавали всё самое лучшее. В 60-е годы лагерь превратился в целый город, состоящий из десяти отдельных детских городков. У подножия Медведь-горы появились пятиэтажные корпуса «Янтарный», «Алмазный» и «Хрустальный». На берегу моря рассыпались двухэтажные домики городков «Морской», «Полевой», «Лесной», «Озёрный», «Речной», а в роскошных домах, построенных в начале XX века, обосновались «Лазурный» и «Кипарисный». Территория «Артека» разрослась до 250 гектаров, из них 100 гектаров — живописные парки и около 40 — пляжи. Кроме моря, имелся открытый пятидесятиметровый бассейн с подогретой морской водой и несколько крытых бассейнов, где ребята могли плавать круглый год.

Землетрясение 1927 года, фашистская оккупация — в истории самого знаменитого детского лагеря СССР были такие моменты, когда казалось, что он исчезнет навсегда и в его стенах больше никогда не будут звенеть детские голоса. Но «Артек» восстал из руин. Кризисные явления 90-х годов XX века не обошли стороной и его, и хотя лагерь был цел и невредим, казалось, что бывшая всесоюзная детская здравница, гордость Советского Союза, не устоит перед ветром перемен. В 1992 году «Артек» принял детей по платным путёвкам. И впервые за много лет лагерь был заполнен едва наполовину, и это в самый разгар сезона. В зимние месяцы ситуация была ещё хуже. Не хватало топлива для обогрева помещений, из отсутствия бензина несколько смен пришлось вывозить из Ялты в Симферополь на троллейбусах. В 94-м новая беда: из-за отсутствия питьевой воды, вызванного засухой и эпидемией холеры, «Артек», как и все другие здравницы Крыма, был закрыт.

К счастью, трудные времена миновали. И пусть «Артек» перестал быть всесоюзным лагерем и не приобрёл статуса всеукраинского, но «Международный детский центр „Артек“» по-прежнему гостеприимно принимает у себя детей со всего мира. 16 июня 1995 года, в год 70-летия лагеря, на Центральном стадионе «Артека» состоялся большой праздник, посвящённый юбилею. На празднике чествовали миллионного артековца — ученицу 212-й средней школы города Ивано-Франковска Наташу Лазарь.

Правда, нет сейчас, как в былые времена, бесплатных путёвок, практически не осталось и льготных: отправить ребёнка в «Артек» будет стоить родителям 500–600 долларов. Недёшево, за эти деньги можно отправить любимое чадо на какой-нибудь комфортабельный заграничный курорт. И тем не менее «Артек» практически всегда заполнен до отказа. Тому «виной», очевидно, та самая артековская атмосфера, из-за которой многие ребята каждый год на вопрос родителей: «Куда ты хочешь поехать отдохнуть?» неизменно отвечают: «Только в „Артек“!». Ведь как сказано на официальном интернет-сайте лагеря, «„Артек“ — незабываемые впечатления быстро проходящего детства!».

«Будь готов!»

«В этом ритуале был свой практический смысл, но об этом говорить скучно, красоты было гораздо больше. Этот ритуал был очень важный, он был массовый и проходил всегда одинаково в любое время года при любой погоде». Те, кто знаком с творчеством Евгения Гришковца и его пьесой «Как я съел собаку», сразу вспомнят, о каком ритуале идёт речь. Для остальных же скажем, что это не так уж и важно применительно к этой статье. Главное, что в Советском Союзе очень любили и почитали ритуал, многое, очень многое в жизни простого гражданина было подчинено его соблюдению. Причём приучать к ритуальности начинали с детских лет. Для того чтобы участвовать и одним из первых ритуалов в жизни советского человека, нужно было выполнить три простых условия. Первое — родиться в Советском Союзе, причём совершенно не важно, мальчик вы или девочка, второе — пойти в школу и третье — дожить до 10–11 лет. И всё, вы автоматически становились участником ритуала. Назывался он «вступление в ряды Всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина».

Как утверждает газета «Киевские ведомости», «за годы Советской власти в рядах Всесоюзной пионерской организации побывало более 210 млн. детей и подростков. Они постоянно носили красные галстуки в форме равнобедренного треугольника с длиной сторон 113,66 и 66 см. Всего в СССР было продано галстуков на 63 млн. руб. (по 30 коп. за штуку). В лучшие свои годы существования Всесоюзная пионерская организация насчитывала 118 тыс. дружин, объединявших 23 млн. членов... Пропагандой движения занимались 28 пионерских газет и 35 журналов с общим разовым тиражом свыше 17 млн. экземпляров. Подготовка методистов по пионерской работе велась в 20 вузах и 100 педучилищах».

А начиналось всё в феврале далёкого 1922 года. Холодная зима, падают крупные снежинки, а по улице идёт отряд. Ребятишкам лет по двенадцать-тринадцать, но они шагают, как взрослые, строем, а у впереди идущего в руках красный флаг. Это был самый первый в Советской России пионерский отряд, организованный при 16-й типографии Краснопресненского района Москвы. Так начиналась Пионерия... Идея объединения детей в единую организацию, которая бы управлялась самими детьми (при содействии и контроле взрослых, естественно), была не нова. Ещё в 90-х годах XIX века в России появлялись разные детские общества, такие как «Комитет содействия молодым людям в достижении нравственного и физического развития», «Майский союз», детские летние колонии «Общества охранении народного здоровья» в Санкт-Петербурге и «Общества школьных вакационных колоний» в Москве. У всех этих обществ был один существенный недостаток — быстро родившись, они так же быстро исчезали.

Пожалуй, наибольших успехов в деле обвинения детей достигли общества скаутов. Официальной датой рождения российского скаутского движения считается 30 апреля 1909 года. В этот день штабс-капитан О. И. Пантюхов основал в Павловске первый отряд скаутов «Бобры». Вскоре скаутские отряды появились в Царском Селе и в Петербурге, а в 1914 году было организовано всероссийское общество «Русский скаут». Скаутское движение в масштабах страны было не таким уж многочисленным, но пользовалось благоволением самого Николая II, который даже записал в скаутский отряд своего сына, наследника престола.

После Октябрьской революции скаутские и другие детские общества ещё какое-то время продолжали существовать, но наиболее многочисленными «объединениями» стали банды, состоявшие из беспризорных детей и порой наводившие на простых обывателей не меньший ужас, чем взрослые матерые преступники. Конечно, большевики поначалу надеялись на свою, казавшуюся безотказной идеологию и пропаганду, но вскоре поняли, что одной идеологией положение не исправить и детей из социального болота не выдернуть. Представьте себе ребёнка, который давно забыл или вообще никогда не знал, что такое материнская любовь и отцовская забота, но зато был прекрасно знаком с тем, что такое война, холод, голод и жестокость людей (а в послереволюционные годы и представлять-то особенно не надо было — таких детей было, по разным подсчётам, от пяти до семи миллионов). Так вот, нельзя же просто подойти к этому ребёнку и сказать: «Ну вот что, настало новое время, так что ты давай, быстро становись хорошим...». Положение с беспризорниками было настолько катастрофическим, что вскоре новой власти стало ясно: проблему беспризорников надо решать и очень быстро, иначе эти миллионы скоро вырастут в соответствующей среде, и тогда... Тогда мало не покажется.

Советскую власть можно критиковать и разоблачать за многое, и вполне справедливо. Но то, что проблема беспризорничества была решена, и решена оперативно, — это факт. И одним из орудий борьбы была пионерская организация, в которой руководители советского государства видели один из инструментов воспитания нового человека.

Первой идею создания организации для детей в возрасте от 10 до 15 лет предложила в 1921 году Н. К. Крупская. В своей брошюре «РКСМ (Российский коммунистический союз молодёжи. — Авт.) и бойскаутизм» она призывала комсомольцев создать всероссийскую детскую организацию, которая по структуре напоминала бы скаутов, но имела бы коммунистическое содержание. Этот призыв был услышан — в Москве стали появляться пионерские отряды, а 19 мая 1922 года 2-я Всероссийская

конференция РКСМ приняла решение об организации пионерских дружин по всей стране. В октябре того же года 5-й Всероссийский съезд РКСМ утвердил это решение, постановил объединить все пионерские отряды, организованные в Москве, Петрограде, Туле, на Урале, в единую детскую коммунистическую организацию «Юные пионеры имени Спартака». В январе 1924 года пионерской организации было присвоено имя В. И. Ленина.

Постепенно Всесоюзная пионерская организация превратилась из разрозненных по всей стране и слабо управляемых отрядов в мощную структуру с чёткими законами и правилами, печатными органами (газета «Пионерская правда» издавалась миллионными тиражами), имуществом и даже ближайшим резервом. К середине 1923 года в пионерской организации насчитывалось около 75 тысяч пионеров, в начале 1924-го — свыше 161 тысячи и около 10 тысяч отрядов, а 1926-м пионерская организация включала уже более 45 тысяч отрядов, объединявших около 2 миллионов ребят.

В 1923 году появились первые отряды октябрят, детей 6–7 лет, ровесников Октябрьской революции (откуда, собственно, и пошло название «октябрюта»). Несмотря на столь малый возраст, октябрюта уже имели свои правила, которые гласили: «Октябрюта — будущие пионеры. Октябрюта — прилежные ребята, любят школу, уважают старших. Только тех, кто любит труд, октябрютами зовут. Октябрюта — правдивые и смелые, ловкие и умелые. Октябрюта — дружные ребята, читают и рисуют, играют и поют, весело живут». Естественно, что были свои законы и у пионеров, старших товарищей октябрют. Если отбросить идеологическую «нагрузку», то законы, в общем-то, хорошие и правильные:

«Пионер любит свою Родину, Коммунистическую партию Советского Союза. Он готовит себя к вступлению в члены ВЛКСМ.

Пионер чтит память тех, кто отдал свою жизнь в борьбе за свободу и процветание Советской Родины.

Пионер дружит с детьми всех стран мира.

Пионер прилежно учится, дисциплинирован и вежлив.

Пионер любит трудиться и бережёт народное добро.

Пионер — хороший товарищ, заботится о младших, помогает старшим.

Пионер растёт смелым и не боится трудностей.

Пионер говорит правду, он дорожит честью своего отряда.

Пионер закаляет себя, каждый день делает физкультурную зарядку.

Пионер любит природу, он — защитник зелёных насаждений, полезных птиц и животных.

Пионер — всем ребятам пример».

Многое пионерская организация заимствовала от скаутов, например деление по отрядам, институт вожатых, сборы у костра. Весьма похожа на скаутскую и символика — галстук, только не синий, а красный, три конца которого означали преемственность трёх поколений — пионеров, комсомольцев, коммунистов. На пионерском значке три языка пламени костра заменили три лепестка скаутского значка.

В постановлении ЦК ВКП(б) от 4 августа 1924 года «О пионерском движении» говорилось, что «идейное руководство со стороны Коммунистической партии должно обеспечить выполнение детским пионерским движением основной задачи — быть школой коммунистического воспитания». Пионеры рассматривались как резерв партии, в соответствии с курсом партии менялись и задачи Всесоюзной пионерской организации. Лозунг пионеров в 1927 году — «Беспризорному жить невмочь — пионер ему должен помочь!», в 1929-м — «Неграмотность должна быть бита!». В 1930 году пионерская организация рапортовала XIX съезду ВКП(б):

«Мы обучили грамоте свыше 1 000 000 неграмотных.

Мы отправили в подшефные сёла 20 000 радиоприёмников.

Мы отправили пионерам деревни свыше 5 000 000 книг.

Мы внесли на заём индустриализации 1 500 000 рублей.

Мы с радостью рапортуем, что на средства, полученные от реализации утиля, куплено для колхозов 4500 тракторов».

В начале 30-х годов вся страна во главе с партией борется с кулачеством. Кулак, эта «язва на теле советского общества», объявляется виновным в голоде, неурожаях, стихийных бедствиях, кулаки травят посевы и пускают поезда под откос, в общем, кулак виноват во всём. А как бороться с ним, как вывести на свет кулацкую сволочь и найти спрятанный от трудового народа хлеб?

«Развивайте способность доноса и не пугайтесь за ложное донесение», — писал в 1925 году журнал «Советская юстиция». Донос, конечно, не советское изобретение, доносили на Руси с незапамятных времён. Мало что изменилось и с приходом к власти большевиков, доносительство активно использовалось и всячески поощрялось.

Не остались в стороне от «всенародного почина» и пионеры. В начале 30-х годов лозунг пионерской организации звучит так: «Все пионерские силы — на борьбу с кулаком!». А главный герой для пионеров, образец для подражания — Павлик Морозов. О судьбе мальчика из села Герасимовка Свердловской области узнала вся страна, его портреты висели в каждой школе, Павлика Морозова называли «типичным выразителем действий и настроений нашей шестимиллионной армии пионеров», а его имя было внесено в Книгу почёта Всесоюзной пионерской организации под номером 001. Павлик Морозов стал символом советской эпохи, каждый пионер знал наизусть строки из поэмы Степана Щипачёва:

У Павлика щёки пылают, стыдно ему за отца, Ведь тут собрались и ребята из пионеротряда. Он чувствует стук сердец. И от его взгляда отводит глаза отец...

Что же произошло неподалёку от села Герасимовка 3 сентября 1932 года, и почему именем Павлика Морозова называли колхозы, улицы и пионерские дружины? Согласно официальной версии, бытовавшей до середины 80-х, Павел Морозов, организатор и председатель первого пионерского отряда в селе Герасимовка, в 1931 году сообщил в органы НКВД, что его отец Трофим Морозов, в то время председатель местного сельсовета, продавал раскулаченным переселенцам чистые бланки с печатью. На основании показаний Павлика Трофим Морозов был осуждён и отправлен в колонию на Колыму. Подросток на этом не остановился и продолжал разоблачать кулаков: обвинил мужа своей тётки в краже государственного зерна, а также сообщил властям о хлебе, скрытом у соседа и его родного деда Сергея Морозова. 3 сентября 1932 года мать будущего героя Татьяна Морозова уехала в город, а Павлик и его девятилетний брат Федя пошли в лес за грибами. Домой братья не вернулись. Через два дня их тела были обнаружены неподалёку от Герасимовки.

Следствие установило, что организатором убийства был дядя Павлика 70-летний Арсений Кулуканов, тот самый, которого подросток разоблачил в краже зерна, а непосредственными исполнителями — двоюродный брат убитых 19-летний Данила Морозов и дед Сергей Сергеевич, которому на тот момент исполнился 81 год. Кроме того, соучастницей преступления была названа 79-летняя бабушка Павлика Ксения Морозова. В местном клубе состоялся показательный суд, на котором преступники были приговорены к расстрелу.

Интересно, что Павлик Морозов отнюдь не был первым подростком, погибшим в борьбе с кулаками. Историк Ю. В. Дружников сообщает о восьми случаях убийств подростков за доносы, совершённые ими до 1932 года: «Первым был тоже Павлик по фамилии Тесля, украинец из старинного села Сорочинцы, донёсший на собственного отца пятью годами раньше Морозова. Семь доносов связаны с коллективизацией в деревне, один — с врагами народа в городе...». Официальное издание «Детское коммунистическое движение» (1932) ещё до смерти Павла Морозова сообщало, что имеют место случаи убийства за доносы «десятков наших лучших боевых товарищей, которые яростно борются против левых загибов и правых примиренцев». О героях, «мученически погибших за дело коммунизма», сообщалось в прессе, однако особого резонанса эти публикации не вызвали. Так почему именно Павлику Морозову было суждено стать «пионером 001» в советской истории? Может быть, потому, что он, согласно официальной версии, был председателем местного пионерского отряда? Однако анализ архивных документов показал, что ближайший пионерский отряд находился в районном центре в 120 километрах от Герасимовки, так что пионером Павлик Морозов никогда не был. Скорее всего, случай с Павликом «удачно» и вовремя произошёл именно тогда, когда в стране началась массовая кампания доносительства на всех и вся. Доносили по злобе, из-за зависти, корыстных побуждений, а иногда из-за боязни не донести и быть обвинённым в пособничестве «врагам народа». А дети всегда подражают взрослым: если папа и мама, если все вокруг сообщают «куда надо» о врагах и шпионах, значит, и ребёнок должен делать то же самое, не исключая из числа возможных «врагов народа» и родных папу и маму. «Павлик не щадит никого: попался отец — Павлик выдал его, попался дед — Павлик выдал его. Павлика вырастила и воспитала пионерская организация», — так писала газета «Пионерская правда» о «пионере 001». И этому примеру следовали — за Павликом Морозовым были Коля Мяготин (его имя было занесено в Книгу почёта под номером 002), Коля Яковлев, Кычан Джакылов и многие другие.

В 1932 году решением ЦК ВКП(б) Всесоюзная пионерская организация была реорганизована, а пионерская деятельность превратилась в составную часть воспитательной школьной работы. Перестройка завершилась к концу 30-х годов, и с этого момента пионерская организация стала работать по так называемому школьному принципу: класс — отряд, школа — пионерская дружина.

С тех пор практически каждый советский ребёнок становился членом пионерской организации, где бы он ни учился — в обычной общеобразовательной школе, школе-интернате, в суворовском, нахимовском училищах, детском доме.

В 1940 году под влиянием повести Аркадия Гайдара «Тимур и его команда» среди пионеров и школьников развернулось «тимуровское движение». Может быть, современным подросткам это трудно понять, но тимуровцы безвозмездно помогали престарелым ветеранам, собирали металлолом, макулатуру, лекарственные травы, а в годы войны организовывали сбор средств на танковые колонны и авиаэскадрильи, дежурили в госпиталях, оказывали помощь семьям военнослужащих и ветеранам войны. Правда, впоследствии тимуровское движение превратилось в традиционную советскую «обязаловку», энтузиазм как у самих пионеров, так и у их наставников куда-то пропал, и работа велась в основном «для галочки».

В 30-е годы начинается активное строительство пионерских лагерей, дворцов пионеров и других детских учреждений. К началу 70-х годов в СССР работало около 3500 дворцов и домов пионеров и школьников, свыше 7500 загородных пионерских лагерей, в которых ежегодно отдыхали около 10 миллионов ребят, 1000 станций юных техников, натуралистов и туристов, 33 детских железных дороги, 2 речных пароходства и Московская пионерская автотрасса.

С началом перестройки и переходом экономики на рыночные отношения всё это великолепие стало переходить в частные руки. У дворцов пионеров и пионерских лагерей появились новые хозяева, в помещениях станций юных техников обосновывались офисы или, например, швейные цеха. Отдельные островки прошлого благополучия ещё, к счастью, остались, например, до сих пор действует Харьковская детская железная дорога, одна из лучших на просторах бывшего СССР, но в целом пионерское хозяйство пришло в упадок. Столь же незавидная судьба постигла и саму пионерскую организацию. Когда-то в ней состояли миллионы ребят, сейчас счёт идёт в лучшем случае на сотни. В основном современные пионеры — это дети и внуки членов коммунистической и других левых партий. Пионерия осталась символом советской эпохи, однако символом эпохи нынешней так и не стала.

«Спокойной ночи, малыши!»

13 марта 1985 года. Продолжается «похоронный марафон» генеральных секретарей Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза. Перед программой «Время» отец укладывает сына спать. Сын спать не желает, он хочет видеть свою любимую программу «Спокойной ночи, малыши!». А её из-за траура не показывают. Изливающий потоки горьких слёз ребёнок спрашивает отца: «Папа, почему нет „Спокойной ночи“?!» — «Потому что Черненко умер», — отвечает отец. «А это кто — Хрюша или Степашка?»...

Анекдот? Да, безусловно. Но в каждом анекдоте, как известно, есть изрядная доля правды. Маленького ребёнка трудно заставить делать что-то по расписанию, но что касается «Спокойной ночи, малыши!», то тут ситуация была совершенно обратной. Дети сами, и очень строго, приучали своих родителей — ровно в 20:45, и ни секундой позже, за пятнадцать минут до начала программы «Время», телевизор должен быть включён на нужном канале, и никакие катаклизмы, никакие генсеки не могли этому помешать... Дети смотрели свою любимую программу, вырастали, становились школьниками, затем у них появлялись свои дети, которые с таким же удовольствием смотрели программу, потом эти дети тоже вырастали, заводили собственных детей которые уже приходились внуками первому поколению зрителей «Спокойной ночи, малыши!». И так продолжается уже больше 40 лет, меняются поколения, а «Спокойной ночи, малыши!» по-прежнему в эфире...

Издавна мамы и папы, бабушки и дедушки рассказывали детям и внукам на ночь сказку. «А чем телевидение хуже?» — подумали однажды советские телевизионщики и решили сделать свою «Сказку на ночь» (таким было рабочее название программы), только рассказать её детям всего Советского Союза. 1 сентября 1964 года программа «Спокойной ночи, малыши!» впервые вышла в эфир первого канала Центрального телевидения. Тогда программа ещё не приобрела привычный сейчас формат — поначалу это были картинки, по которым ведущие в прямом эфире рассказывали сказки. И только в 1970 году в «Спокойной ночи, малыши!» стали появляться куклы, «народные детские герои Советского Союза», как иногда называли их взрослые. А для детей они сразу же стали своими, и иначе быть не могло, ведь Хрюша, Степашка, Каркуша, Филя, Мишутка, Цап-Царапыч — это ведь, по сути, дети от четырёх до семи лет, только кукольные. Как говорила «мама» Хрюши (официально эта должность называется «кукловод», но какой может быть официоз в детской передаче), ныне, к сожалению, покойная Наталья Державина: «Хрюше где-то шесть с половиной лет. В детский садик он не ходил, в школу тоже, но он уже всё знает».

Программа стала сразу же любимой и узнаваемой. Своеобразным талисманом «Спокойной ночи, малыши!» стала песня «Спят усталые игрушки», по которой дети, даже не видя телевизора, узнавали, что наконец-то началась их любимая передача. Музыка к этому шедевру написал композитор Аркадий Островский, стихи — поэтесса Зоя Петрова, а исполняли песню Олег Анофриев, чуть позже — Валентина Толкунова. Постепенно создатели программы реализовали давно витающую в воздухе идею показать в эфире мини-пьески для детей с кукольными персонажами. Однако пьесы хоть и «мини», но играли в них серьёзные и известные актёры МХАТа и Театра сатиры — Наталья Голубенцева (Степашка), Наталья Державина (Хрюша), Гертруда Суфимова (Каркуша). Партнёрами кукольных персонажей были такие артисты, как Валентина Леонтьева (тётя Валя), Владимир Ухин (дядя Володя), Татьяна Веденеева, Ангелина Вовк, Татьяна Судец, Юрий Григорьев, Юлия Пустовойтова, Дмитрий Хаустов.

«Живые» артисты никогда не выступали наставниками, не пытались учить, они просто были добрыми собеседниками, а их мастерство общения придавало программе особый статус. Некоторые начинающие артисты рассказывали, что учились актёрскому ремеслу, в том числе и смотря «Спокойной ночи, малыши!». «Для детей нужно играть так же, как для взрослых, только намного лучше», — сказал однажды артист Юрий Григорьев, много лет проработавший в «Спокойной ночи» и многих других детских программах. От себя добавим, что нужно не только играть, но и всё остальное делать намного лучше, вкладывать всю душу. Тот же Юрий Григорьев рассказывал в интервью агентству «Русский Север» одну историю, которая очень точно характеризует всё вышесказанное. «Однажды мы решили заказать на Западе кукол, наших, но с их механикой. У них чудесная механика, наша механика близко не стоит — каменный век. И мимика, и жесты — что хочешь, они всё это могут сделать. Заплатили, мягко говоря, много тысяч долларов. Привезли, наши кукольщики посмотрели и были счастливы. Неужели она так движется, и так движется — о чудо!!! Всё хорошо, только снимать нельзя... Мы дали им наши матрицы, формы, фотографии с разных ракурсов каждой куклы. Они всё сделали. Но снимать нельзя, потому что они все без исключения злые. Наши бабушки своими руками делали Хрюшу из папье-маше, ляп-ляп-ляп — и наглядеться невозможно, детская душевная доброта». Вот так. Есть прекрасное оборудование, великолепные художники, хорошее финансирование, в конце концов. Но нет души, нет заинтересованности в том, чтобы ребёнок рос добрым и отзывчивым. И получается «продукт» коммерчески выгодным и... безликим. И наоборот. Допотопное оборудование, мизерные зарплаты, в общем, ничего нет, кроме беззаветной любви к детям. Кукловод — одна из самых сложных актёрских профессий, при этом артист остаётся обезличенным, пребывая в тени своего персонажа и находясь в буквальном смысле «под столом». А иначе никак, кроме как под стол, за которым сидел ведущий, кукловодам

спрятаться было некуда. Первый «Филя», актёр Григорий Толченский, в шутку говорил: «Всё, пишу мемуары: „Семь лет под юбкой тёти Вали“». Так и делалась передача, которую смотрят уже больше 40 лет...

Надо сказать, что хотя «Спокойной ночи, малыши!» — детская программа, её любили и с удовольствием смотрели и взрослые, даже в Кремле, говорят, были преданные поклонники передачи. Правда, находились «дяди и тёти», которым кукольные персонажи почему-то становились поперёк горла. Особенно доставалось Хрюше, самому заводному, говорливому персонажу, детскому «философу», как иногда называли кукольного поросёнка. «Зрители писали, мол, уберите Хрюшу с экрана — появление свиньи оскорбляет религиозные чувства мусульман, — рассказывала в интервью газете „Факты“ Наталья Голубенцева, долгие годы „работавшая“ Степашкой. — Но подумали и не убрали. Не хотите — не смотрите. Угрожали даже приехать в Москву и зарезать Хрюшу! Но наш тогдашний главный редактор ответила, что Коран запрещает есть свинью, а не смотреть на неё. И судьба Хрюши была решена. Его оставили».

Можно если не понять гневные письма такого рода, то, по крайней мере, хоть как-то объяснить. Однако случались на советском телевидении вещи, которые не поддавались вообще никакому объяснению. Одному из телена начальников вдруг не понравилось, что Хрюша... не моргает. Ну не моргает, так и пусть себе не моргает, какая разница? А не тут-то было... «Тогда этот вопрос решался чуть ли не на заседании Гостелерадио, — продолжает свой рассказ Наталья Голубенцева. — Пока его решали, наших кукол сняли с эфира. И в программу посыпалось такое количество писем от возмущённых зрителей, спрашивающих, где Хрюша со Степашкой, что нас быстро восстановили в эфире. С Хрюшей всегда было боязно что-то менять. Очень самодостаточная кукла. Боялись добавить что-то лишнее — чтобы не испортить образ. Но вот последнему Хрюше всё-таки сделали двигающиеся глаза... Прижилось. Кукла получилась хорошая. И когда Хрюша немного хитрит, это выглядит потрясающе. Глазки так начинают бегать...».

Несмотря на все «происки», программа не выходила в эфир только в дни траура по усопшим генсекам. Во все остальные дни «Спокойной ночи, малыши!» — это было «святое», другие передачи, в том числе и детские, закрывались, а Хрюша, Филя, Степашка и Каркуша каждый вечер радовали своих маленьких зрителей. Но пришли иные времена, и руководство телеканала ОРТ посчитало, что герои «Спокойной ночи, малыши!» устарели и их место должны занять спешащие на помощь Чип и Дейл, черепашки-ниндзя, телепузики и прочие заморские покемоны. И хотя передача трижды, в 1997, 2002 и 2003 годах, становилась лауреатом российской телевизионной премии ТЭФИ в номинации «Лучшая детская программа», с Первого канала её в итоге выгнали. «Спокойной ночи, малыши!» приютил канал «Культура», а затем программа перебралась на Второй канал российского телевидения. Вроде бы «скитания» Хрюши и его друзей на этом закончились, но складывается такое впечатление что кукольные персонажи на канале «Россия» находятся в положении «пасынков», а не любимых и обожаемых родных детей. Время эфира «Спокойной ночи, малыши!» сократилось в два раза. Если раньше программа длилась пятнадцать минут, то сейчас — около восьми, а ведь за это мизерное время надо показать заставку, мини-пьеску, часть мультфильма и спеть колыбельную.

Как же дальше сложится судьба передачи, на которой воспитывалось не одно поколение советских детей? «А какая нам разница? — возможно, скажет кто-то. — „Спокойной ночи, малыши!“ — это российская программа, а у украинских детей есть свои телегерои, так что это не наша забота». Может быть, и так. Но для тех, кто родился в Советском Союзе, «Спокойной ночи, малыши!» — это часть детства, это само детство, и очень не хотелось бы, чтобы оно ушло навсегда.

«Ну, погоди!»

«В этом что-то есть...» — сказал однажды Вячеслав Котёночкин. И эта фраза положила начало самому знаменитому и популярному советскому мультипликационному сериалу, завоевавшему поистине всенародную любовь. Кому-то сюжет «Ну, погоди!» может показаться примитивным, а герои мультфильма — не по-современному наивными. Но на этой незатейливой истории погони незадачливого Волка за добродушно-хитрым Зайцем воспитывалось несколько поколений советских детей. В «Ну, погоди!» всё было действительно просто — есть чёрное, есть белое, есть добро, есть зло. Но зло на самом деле не такое уж злое, ни капельки не страшное и временами даже привлекательное. А добро... Ну, тут уже без вопросов. Добро — всегда добро, и от этой доброты становилось (и сейчас становится) так тепло на душе...

«В этом что-то есть...» — сказал режиссёр мультипликационных фильмов Вячеслав Котёночкин, когда 3 марта 1968 года (эту дату создатели «Ну, погоди!» запомнили навсегда и отмечают её как день рождения мультсериала) трое молодых людей — Феликс Камов, Александр Курляндский и Аркадий Хайт — рассказали ему о своей идее. Они встретились случайно в коридоре возле лифта на втором этаже студии «Союзмультфильм» (этот коридор авторы тоже запомнили на всю жизнь и считают его местом рождения «Ну, погоди!»). Другие режиссёры отнесли к творческой заявке молодых авторов скептически. «Это несерьёзно и примитивно, да и там, — режиссёры многозначительно поднимали глаза кверху, — такой мультфильм не пропустят». А Котёночкин решил...

С датой и местом рождения мы определились, а как же родилась идея самого знаменитого мультфильма советской эпохи? «Мы сочиняли капустники, которые пользовались оглушительным успехом в Москве, — рассказывал Александр Курляндский в интервью газете „Факты“. — Писали юморески в „Клуб 12 стульев“ „Литературной газеты“, эстрадные программы. И вот на самом пике популярности наш друг Эдик Успенский привёл нас — Феликса Камова, Аркадия Хайта и меня — на киностудию „Союзмультфильм“. Понадобилось сделать что-то весёлое. Эдик в то время был занят „Чебурашкой“, так что мы начинали работу над „Ну, погоди!“ втроём. Стали придумывать и решили, что это должен быть мультфильм о погоне». Авторы долго не могли определиться, кто же и за кем должен гоняться: лиса за петухом, медведь за лисой, собака за котом? Наконец всё-таки решили — героями мультфильма будут волк и заяц, наиболее характерная для русского фольклора парочка.

Собственно говоря, первые серии «Ну, погоди!» были сняты ещё до знакомства Камова, Курляндского и Хайта с Вячеславом Котёночкиным. Впервые Волк и Заяц появились в мультипликационном журнале «Весёлая карусель». Это были трёхминутные выпуски, снятые режиссёром Геннадием Сокольским. Когда авторы увидели, что получилось, решили продолжить и снять три новые серии по 10 минут каждая. Стали искать режиссёра, который бы взялся за это дело, и встретили Котёночкина.

Была неплохая идея, подобрался достойный коллектив талантливых авторов. А хорошего мультфильма не получалось... Точнее, создателям «Ну, погоди!» долго не удавался образ Волка. Какой-то он выходил аморфный, однообразный и безликий, не было в нём индивидуальности и, если можно так сказать, хулиганского шарма. Котёночкин и Светозар Русаков, художник-постановщик мультфильма, пересмотрели тысячи эскизов, пока нашли то, что искали, — тот самый неповторимый образ Волка. В этом Котёночкину и Русакову помогли два случайных знакомства. Светозар Кузьмич встретил своего прототипа Волка зимой 1941 года в Новосибирске, где был в то время в эвакуации. «В 1941 году в самый мороз я пошёл в кино, — вспоминал Светозар Русаков. — Дело было в Новосибирске, в тылу. Очередь — громадная, не пройти. И в это время разбитой местный „джентльмен“ влез без очереди, всех растолкав. Я — следом. Взял его за воротник и говорю: „Джентльмен, куда вы лезете?!“ — „Это я джентльмен?! Ты как посмел меня так обозвать?!“. Вот этот „джентльмен“, с которым я только по чистой случайности не подрался, и засел во мне настолько, что через десятилетия всплыл как некий символ хулигана». А Котёночкин однажды увидел на улице длинноволосого парня со слегка выпуклым животиком и прилипшей к губам папиросой. И тоже «записал» его к памяти. Котёночкин и Русаков «сложили» свои впечатления, и получился Волк. Которого, правда, ещё надо было озвучить...

Представьте себе, уважаемый читатель, что вы — известный режиссёр-мультипликатор. У вас есть хорошая идея, вы успешно реализовали её в рисунках, и вам кажется, что ваше творение обязательно понравится самым строгим зрителям — детям. Дело осталось за малым — озвучить мультфильм! Ну а если вам удалось привлечь к этому делу известных актёров — всё, вам может показаться, что дело сделано. Но как бы не так! Озвучивание — едва ли не самая трудная стадия в создании мультфильма. И даже если в озвучивании участвуют знаменитые актёры, за плечами которых не один десяток удачных работ, в том числе и в мультфильмах, это ещё не значит, что вы можете почивать на лаврах будущего успеха. Вот, например, взять хотя бы самого знаменитого мультипликационного медведя. Для нас с детства образ Винни-Пуха настолько неразрывно связан с голосом Евгения Леонова, что кажется, будто пришёл Евгений Павлович в студию, сел за микрофон и быстро озвучил роль. На самом деле поиски голоса Винни-Пуха проходили очень долго и буквально в муках. Да, режиссёр мультфильма Фёдор Хитрук первым пригласил Леонова, но его, так

сказать, «натуральный» голос абсолютно не подходил на эту роль. Авторы перепробовали едва ли не десяток других актёров, но всё бесполезно. Пока наконец кому-то не пришла в голову гениальная мысль: слегка ускорить плёнку с голосом Леонова. И это оказалось попаданием в «самую десятку», Винни-Пух «заговорил» так, как того хотели создатели мультфильма.

Немало трудностей с озвучиванием возникло и у авторов «Ну, погоди!». Первоначально на роль Волка хотели взять Владимира Высоцкого, который сразу же буквально загорелся этой идеей. Но... «Слишком одиозная фигура» — такой формулировкой отреагировал Художественный совет «Союзмультфильма» на кандидатуру Высоцкого. Так что голос Владимира Семёновича остался в «Ну, погоди!» лишь в одном эпизоде, когда Волк забирается по верёвке на балкон и насвистывает мелодию из фильма «Вертикаль».

После Высоцкого на роль Волка позвали Анатолия Папанова. «Получилось то, что надо, — рассказывал Александр Курляндский. — Потом Анатолия Дмитриевича даже стали называть „заслуженным Волком СССР“. А сам он считал, что „Ну, погоди!“ — его лучшая работа». Правда, за эту работу Анатолий Дмитриевич не раз получал выговоры от режиссёра Театра сатиры Валентина Плучека, который считал, что ради озвучивания мультфильма актёр пренебрегает своей основной работой на сцене. Однако Папанову настолько нравился Волк и «Ну, погоди!», что ради них он готов был терпеть недовольство режиссёра.

А вот с Зайцем всё решилось без всяких проблем. «Папанов — Волк, а зайчиком будет только моя голубоглазая Кларочка, даже пробовать ничего не буду», — объявил Вячеслав Котёночкин. Клара Румянова — уникальная личность в советской мультипликации. За 30 лет работы на «Союзмультфильме» она озвучила более 300 ролей. Чебурашка, Малыш из мультфильма «Малыш и Карлсон» и многие другие мультипликационные герои говорили голосом Клары Михайловны. Но конечно, самой знаменитой ролью артистки стал Заяц из «Ну, погоди!».

Безусловно, такой «социально неблагополучный» элемент, как Волк, не мог не вызвать вопросов у чиновников, ответственных за содержание выпускаемых «Союзмультфильмом» произведений (проще говоря, цензоров). «Почему Волк у вас курит, почему плюётся, почему вы воспеваете образ хулигана, и вообще, зачем нужен такой герой и чему учит ваш мультфильм?». Эти и ещё много других «почему и зачем?» сыпались на авторов при просмотре первых серий «Ну, погоди!». Приходилось объяснять, что Волк просто необходим, поскольку мультфильм-то о погоне, а значит, плохой персонаж должен гоняться за хорошим, а тот, в свою очередь, должен затем оставлять негодника в дураках. Это было понятно трёхлетним детям, но с трудом «доходило» до некоторых взрослых. Да и к тому же Волк не такой уж и плохой и его можно перевоспитать. «Волк, конечно, из хулиганов, из „джентльменов“, ещё Папанов его мастерски усилил, — рассказывал Светозар Русаков. — Но Волк — хулиган романтический, поддающийся влиянию, реагирующий на общественное мнение, где-то и переживающий за свои антиобщественные поступки. Наверное, поэтому „Ну, погоди!“ всех и устраивал — академиков, космонавтов, спортсменов и даже членов Политбюро. Все признавались в любви к нашим героям».

К счастью, после оглушительного успеха «Ну, погоди!», причём не только у детей, но и у взрослых, цензоры отстали от авторов. Правда, политика временами так или иначе касалась даже такого аполитичного мультфильма, как «Ну, погоди!». Например, в одной из серий Волк в музее ложится в гроб с надписью «Рамзес II». На просмотре один из «ответственных товарищей» обратил на это внимание. «Товарищи, а не испортим ли мы таким образом отношения с Египтом?» — встревожился он. Однако то ли на это замечание никто не обратил внимания (а дело происходило, собственно говоря, уже не на самом просмотре, а на проходящем после него банкете), то ли товарищ был не слишком «ответственным», но вопрос о «фараонах и отношениях с Египтом» больше не обсуждался.

Другая история, связанная с «Ну, погоди!» и политикой, уже совсем не смешная и закончилась не столь благополучно. В середине 70-х мультфильм лишился одного из своих создателей. Было имя Феликса Камова в титрах, и вдруг его не стало... Можно ещё хоть как-то понять логику властей, когда из страны не выпускают человека, обладающего важной государственной тайной. Но в чём была «вина» Феликса Камова, литератора и кинематографиста, который всю свою жизнь просто делал мультфильмы и смешил людей? Когда Камов подал заявление на выезд в Израиль, его лишили работы и вычеркнули его имя из титров «Ну, погоди!». И при этом его всё равно не хотели выпускать! Камов, как и многие другие в подобной ситуации, попал в замкнутый круг. Вернуться к работе он не мог, поскольку «замарал» своё имя, средств к существованию практически не имел, и за границу его не выпускали. Феликс Камов десятки раз писал заявления на выезд, трижды объявлял голодовку, серьёзно подорвал себе здоровье, пока наконец-то не добился своего. Так что дальше «Ну, погоди!» снимался без одного из своих «отцов». Как мы уже знаем, первоначально «Ну, погоди!» задумывался как небольшой трёхсерийный мультфильм. Но как говорится, дальше пошло-поехало. За два с лишним десятилетия было снято 18 серий «Ну, погоди!», для чего понадобилось сделать около 300 тысяч рисунков и отснять километры плёнки. К сожалению, от состава съёмочной группы, начинавшей снимать сериал, остались немногие. В 1987 году ушёл из жизни Анатолий Папанов. Заменить его было некем, поэтому при съёмках 17-й и 18-й серий брали реплики Анатолия Дмитриевича из старых выпусков и подгоняли их под сюжет. Скончались Аркадий Хайт и

Вячеслав Котёночкин, а совсем недавно, в 2004 году, умерла Клара Румянова. «Ну, погоди!» осиротел, и на 18-й серии съёмки мультфильма прекратились. Однако недавно в прессе появились сообщения, что российская мультстудия «Кристинг филмс» запускает в производство 19-й и 20-й выпуски «Ну, погоди!». Так что будем надеяться, что скоро мы сможем увидеть новые приключения Волка и Зайца. Хочется верить словам Вячеслава Котёночкина, произнесённым в 2001 году, незадолго до смерти: «Я уверен, что с „Ну, погоди!“ ещё не всё закончилось. Заяц и Волк — существа творческие, и они обязательно ещё вылезут на экран».

Чебурашка

Известна ли вам, уважаемый читатель, история происхождения Чебурашки? Процесс, надо сказать, интересный. Как же родился «неизвестный науке зверь», великий и ушастый Чебурашка, «самый главный покемон» (как его называют японцы, понимающие толк в покемонах), ставший любимым не только на родине, но и далеко за её пределами?

Однажды зимой шла по улице девочка. Было холодно, искристый снег быстро падал в свете уличных фонарей. На девочке была большая, явно на несколько размеров больше, чем надо, шуба. Непослушный подол постоянно попадал девочке под ноги. Раз шаг, два шаг, а на третий сапожок наступал на край шубы, и девочка плавно, словно в замедленной съёмке, падала в сугроб. «Опять чебурахнулась, Чебурашка ты наша!» — говорила мама девочки и поднимала её на ноги. Рядом проходил начинающий детский писатель Эдуард Успенский. Это новое и какое-то тёплое слово «Чебурашка» ему запомнилось.

У Чебурашки появилось имя. Теперь его нужно было явить миру. Вначале Чебурашка должен был приплыть издалека... замороженным в айсберге. Затем зверёк мог стать игрушкой, по ошибке собранной из деталей других игрушек. Но всё как-то не так, не нравились эти идеи писателю. И тут Эдуард Николаевич вспомнил, как несколько лет назад ему пришлось участвовать в съёмках документального фильма в морском порту. В одном из ящиков с апельсинами был обнаружен живой хамелеон весьма крупных размеров, приплывший вместе с фруктами из далёких заморских краёв. Если хамелеон может приплыть таким образом, то «неизвестный науке зверь» и подавно.

Эдуард Успенский свой литературный путь начинал как юморист. В начале 60-х у него вышло несколько книг, написанных вместе с Аркадием Аркановым. А затем, совершенно случайно, как он сам вспоминал, Эдуард Успенский попал в детскую литературу. Первые его детские стихи были опубликованы в «Литературной газете» и прозвучали в популярной радиопередаче «С добрым утром!». В 1966 году была издана первая детская книга писателя «Крокодил Гена и его друзья». Книжку заметили, но не сказать, что она в одночасье стала бестселлером, а крокодил Гена, Чебурашка и старуха Шапокляк — самыми любимыми детскими героями. Может, так и не стали бы, если бы книжка не попала в руки режиссёру студии «Союзмультфильм» Роману Качанову. Однажды он зашёл к своему другу Алексею Аджубею (зятю Никиты Хрущёва и бывшему редактору газеты «Известия»), дети которого с интересом рассматривали какую-то книгу. Это была недавно вышедшая сказка Эдуарда Успенского о приключениях крокодила Гены и его друзей. Качанов присел рядом и вместе с детьми стал читать. Оказалось, действительно интересно. Режиссёр выпросил книжку у детей и пошёл к художнику-мультипликатору Леониду Шварцману. «Вот, моему, это интересно, — сказал Качанов Шварцману. — И мы должны сделать мультфильм»...

«Неуклюжий плюшевый зверёк, глаза у него были большие и жёлтые, как у филина, голова круглая, заячья, а хвост коротенький и пушистый, такой, какой бывает обычно у маленьких медвежат». Таким был Чебурашка в первом издании книги «Крокодил Гена и его друзья». Как и в любой детской книжке, были и иллюстрации, сделанные художником-графиком Алфеевским. И если мы сейчас посмотрим на эти иллюстрации, то вряд ли узнаем знакомых персонажей. Нет, рисунки, конечно же, не были плохими, просто такими видел Чебурашку и остальную компанию художник Алфеевский. А художник Шварцман видел героев по-своему... «Теперь я Чебурашка, мне каждая дворняжка при встрече сразу лапу подаёт...». Чебурашка продолжал эволюционировать. В книге ни слова не было сказано про большие уши. Но они постепенно росли, с каждым эскизом становясь всё больше и больше, пока наконец не получились знаменитые чебурашкины «локаторы». Плюш превратился в коричневую шёрстку, а хвостик вовсе исчез. И глаза... Нет, отнюдь не уши, как многим кажется, сделали Чебурашку самым милым и трогательным персонажем. Жёлтые, как у филина, глаза, стали иссиня-чёрными и добрыми. «Когда я создаю персонаж, наделяю его человеческим характером. Чтобы приблизить к зрителю, — рассказывал Леонид Шварцман. — Так было и с Чебурашкой. Ну как можно не влюбиться в пушистого обаятельного ребёночка?».

«Крокодил Гена работает в зоопарке... крокодиллом». Друзья Эдуарда Успенского рассказывали, что образ самого доброго в мире крокодила писатель срисовал с композитора Яна Френкеля. Так это или нет, точно неизвестно. Зато известно, что озвучил Гену народный артист СССР Василий Ливанов. И благодаря «самому лучшему Шерлоку Холмсу» крокодил Гена получился таким добродушным и обаятельным.

Чебурашка и крокодил Гена — персонажи положительные, они должны по определению быть добрыми, милыми и нравиться маленьким зрителям. Но не менее обаятельной получилась и старуха Шапокляк вместе со своей крыской Лариской. При всей своей зловредности и хулиганистости старушка (получившая своё прозвище от складывавшегося с помощью пружинки цилиндра) нравилась и детям, и особенно взрослым. «Шапокляк на самом деле выпрыгнула, как чёртик, из самого названия „складной цилиндр“, — рассказывал Леонид Шварцман в интервью газете „Московский комсомолец“. — Помню, как только начал рисовать отпетую хулиганку — сразу возник аромат XIX века. Это время мне близко во всех отношениях. Я вспомнил друзей своих родителей. В 20-е годы таких старушек с сумочками в виде металлических коробочек с крохотными замками ещё

можно было увидеть на улицах».

Через четыре года после выхода первой книги, в 1970 году, Эдуард Успенский и Роман Качанов выпустили вторую книгу «Чебурашка и его друзья». На её основе были сняты мультфильмы «Чебурашка» (1971), «Шапокляк» (1974) и «Чебурашка идёт в школу» (1983). Герои мультфильма приобрели невиданную популярность, в СССР не было человека, который бы не был знаком с Чебурашкой, крокодилом Геней и старухой Шапокляк. Даже во времена нашествия американских мультфильмов, когда казалось, что отечественные мультгерои обречены на проигрыш в неравной борьбе с дядюшкой Скруджем, Чипом, Дейлом и черепашками-ниндзя, Чебурашка не просто выжил — он вышел на мировой уровень. Свидетельством тому является захлестнувший Японию и другие страны «чеби-бум». Началось всё с того, что в 2002 году одна японская кинокомпания организовала мини-фестиваль советских мультфильмов, на котором были показаны три ленты: «Снежная королева», «Царевна-лягушка» и «Чебурашка». Мультфильмы показали в двух кинотеатрах в Токио и Нагое, где за несколько дней их посмотрели более 10 тысяч человек. А после этого началось... В Интернете появилось несколько сайтов, посвящённых Чебурашке и его друзьям, в газетах и журналах вышли публикации о «загадочном русском зверьке». А одна из крупнейших японских телекомпаний приступила к съёмкам пятидесятисерийного мультфильма о Чебурашке. И что интересно, Эдуард Успенский и сам не знает, в чём секрет популярности его героя в такой загадочной для русской души стране, как Япония. «Почему Чебурашка так популярен? — говорит писатель. — На этот вопрос психологи должны отвечать, или психиатры, или ещё кто-то. Я не могу ответить. Почему-то именно в Японии...».

В чём же сила отечественных мультфильмов, снятых для тех детей, которые ещё не знали, что такое компьютерные игры и мобильные телефоны? «Наши фильмы несут добро», — отвечает на этот вопрос один из создателей Чебурашки Леонид Шварцман. И лучше, наверное, не скажешь.

«Ералаш»

В начале 70-х годов начинающий кинорежиссёр Алла Сурикова высказала оригинальную идею: «Давайте сделаем детский юмористический киножурнал. А то у взрослых есть всё, есть „Фитиль“, а у детей ничего нет. Пусть у них будет свой „Фитилёк“». Идея понравилась, руководство дало добро на съёмки. Сурикова сняла несколько сюжетов, однако вскоре забросила этот проект. Но хорошей идее, к счастью, не дали пропасть...

Первая запись в трудовой книжке Бориса Грачевского — токарь четвёртого разряда, вторая — техник-конструктор, третья — грузчик, а затем уже — администратор, старший администратор, заместитель директора, директор объединения и художественный руководитель киножурнала «Ералаш». Да, кто-то попадает в волшебный мир кино с парадного входа. А кому-то приходится пробираться, что называется, «с заднего крыльца». Борис Грачевский как раз из вторых. В 1968 году Борис окончил Калининградский механический техникум, в котором готовили специалистов для очень модной и престижной космической отрасли. В те годы человек, хоть как-то связанный с космосом, считался чуть ли не героем. Но молодой конструктор Борис Грачевский вскоре понял — это не его. И круто изменил свою жизнь, устроившись по знакомству на киностудию имени Горького. Грузчиком.

Кому-то может показаться, что Грачевскому в кино «не светило». Но Борис Юрьевич — из породы людей настойчивых. «Я хотел работать в кино, я хотел попасть в съёмочную группу, хотел стать организатором производства, — вспоминал Борис Грачевский в интервью интернет-газете „Правда.ру“. — Были счастливые моменты, когда меня назначали дежурным по съёмочной площадке. Это было для меня просто супернаслаждение... Ведь я тоже участвовал в творческом процессе, пусть я был грузчиком, но я все фильмы, на которых дежурил, помню по кадрам!». Через несколько лет Бориса Грачевского назначили на должность старшего администратора. Должность эта, конечно, важная и ответственная, но кино снимают режиссёры, а не администраторы. Максимум, на что мог рассчитывать Грачевский, — на второстепенные, по мнению руководства, проекты. Идею Грачевского и драматурга Александра Хмелика — продолжить выпуск детского киножурнала — наверху встретили без энтузиазма, но съёмки всё-таки разрешили. Видимо, решили, что администратора и драматурга надолго не хватит. Поиграются, мол, да и бросят. Но не бросили...

«Суета, беспорядок, чепуха». Так на русский язык переводится слово тюркского происхождения «аралаш». Это сейчас кажется, что иному названию детскому киножурналу трудно было придумать, что «Ералаш» всегда был «Ералашем». А между тем, название, которое ныне знают все «мальчишки и девчонки, а также их родители», родилось отнюдь не сразу. «Почти год мы ломали голову, какое же дать название, — рассказывал Борис Грачевский, — пришлось обратиться за помощью к ребятам. Письма приходили мешками, предлагалось в основном известное: Винни-Пух, Чебурашка, даже старуха Шапокляк, но в один прекрасный день пришло письмо от таинственной незнакомки из 7-Б класса одной московской школы, она предложила назвать журнал просто — „Ералаш“. Это письмо до сих пор висит у нас на студии в золотой рамочке». То, что детский киножурнал будет называться «Ералашем», многим не понравилось — странное какое-то название. Да к тому же председателем Госкино в те времена был человек по фамилии Ермаш. Не насмеются ли авторы над столь уважаемым человеком? Это сейчас подобные рассуждения покажутся смешными, а тогда, в 1975 году, когда на экраны вышел первый «Ералаш», к таким звуковым сходствам относились куда серьёзнее.

Сказать, что «Ералаш» с первых же выпусков стал популярным, значит не сказать ничего. Каждый выпуск «Ералаша» состоит из трёх сюжетов. Мультипликационная заставка, незатейливая песенка (в первых выпусках её исполняла певица Елена Камбурова, а затем детская группа «Непоседы») и короткая смешная история — казалось бы, что может быть проще. Создатели изначально ориентировались на аудиторию от 10 до 15 лет. Но оказалось, что возрастные рамки куда шире задуманных авторами журнала. «Ералаш» смотрели все от мала до велика. И не просто смотрели, а ждали каждый новый выпуск с великим нетерпением.

«Посмотрите нашего ребёнка — он такой талантливый!». Эту фразу авторы «Ералаша» слышали, наверное, не одну тысячу раз. Конечно, все родители уверены в том, что их ребёнок самый-самый — самый умный, самый красивый и самый талантливый. А между тем очень немногим удавалось и удаётся получить главные роли. Путь начинающего актёра «Ералаша» очень непрост. Сначала ребят приводят на студию, проверяя, как они относятся к студийной обстановке, не боятся ли камеры. Затем — массовка, общий план, «задняя парта», как говорят «ералашевцы». После — план крупный, роль со словами. И только самым талантливым достаётся главная роль. Чуть больше других везёт рыжим, как считают авторы «Ералаша»: «Рыжие — от природы хорошие актёры». А вот красивым детям, как это ни странно, пробиться в «Ералаш» гораздо труднее: «Я стараюсь выбирать не слишком красивых детей, — говорит Борис Грачевский. — „Ералашу“ нужны дети с необычной внешностью, но талантливые». За тридцать лет в «Ералаше» снялись тысячи ребят. Конечно, не все стали известными артистами. «И слава богу, — говорит Борис Грачевский. — Зачем стране так много артистов?». Но некоторые известные в мире шоу-бизнеса личности начинали свой

путь именно в «Ералаше». Среди них — актёр и телеведущий Фёдор Стуков, Наташа Ионова, она же популярная певица Глюкоза, Юлия Волкова, одна из участниц группы «Тату», Александр Лойе, снявшийся вместе с Александром Абдуловым в телесериале «Next».

С 1975 года выпущено более 180 выпусков «Ералаша». Над созданием детского киножурнала работают сотни людей. Кроме того, ныне «Ералаш» — это не только киножурнал, но ещё и театр и детская актёрская школа. И по меркантильным соображениям, «Ералаш» — дело очень серьёзное, это не игра в кино, а настоящее кинопроизводство. Один выпуск киножурнала стоит около 40 тысяч долларов. «Но цель оправдывает средства, — говорит Борис Грачевский. — К каждому сюжету композитор специально пишет музыку, мультипликатор делает заставку, снимаются суперпопулярные личности. Всё как в настоящем кино». Маленькие актёры получают за свою работу гонорары, пускай и не такие большие, как звёзды Голливуда. Выпуски «Ералаша» снимали и снимают известные режиссёры: Алла Сурикова, Павел Любимов, Юрий Кара, Борис Дуров, Вениамин Дорман. А актёрскому составу «Ералаша» позавидует любой фильм или телесериал. Геннадий Хазанов, Спартак Мишулин, Михаил Пуговкин, Вячеслав Тихонов, Светлана Крючкова, Лариса Удовиченко, Лев Дуров, Татьяна Лазарева, Любовь Полищук, Ольга Аросева, Ефим Шифрин, Семён Фарада, Владислав Галкин, Анна Терехова, Валентин Гафт и многие другие известнейшие актёры снимались в «Ералаше».

«„Ералаш“ развивается, живёт вместе со страной, — говорит Борис Грачевский. — Появились новые объекты: пейджеры, мобильные телефоны... Иногда мы работаем на грани фола, хулиганим, но только чтобы подразнить». Кто-то считает, что «Ералаш», мол, уже не тот, каким был в их детстве. Как говорят в таких случаях: «Раньше и кипятильник был горячее, и „Ералаш“ смешнее». Конечно, у нынешних детей развлечений куда больше, чем у детворы 70-80-х. И тем не менее, любимый многими поколениями киножурнал продолжает жить. Каждый год снимаются новые выпуски, а мир кино благодаря «Ералашу» становится открытым для сотен талантливых ребят.

Сладкая жизнь

«Мишка на Севере», «Мишка косолапый», «Красный мак», «Тузик», «А ну-ка отними!», «Каракум», «Птичье молоко» и, конечно же, «Белочка» — dolce vita советского человека, квинтэссенция шоколадного счастья лакомки, квазиунофантазия кондитерского мастерства, сладкие символы эпохи... «Вкус нашего детства» — этими словами начинается едва ли не каждый второй теле- или газетный репортаж, рассказывающий о конфетах или работе кондитерских фабрик. Фраза эта от частого использования давно превратилась в затёртый штамп. Но ведь действительно, иногда звук разворачиваемой шуршащей обёртки вдруг вызовет из уголков нашей памяти сладкие воспоминания детства... «Господи, ну почему взрослых так волнует этот вопрос, неужели и так плохо выгляжу в свои четыре с половиной?». Почему-то всех маминых знакомых, встречаемых на улице, интересуется твой возраст. Но тётя только что вышла из магазина, возле её ног стоит большая сумка, в которой, помимо прочего, может быть что-нибудь вкусненькое. И ты бодро отвечаешь. Иногда твои ожидания оправдываются, — взрослые, в общем-то, вполне предсказуемы. Тётя лезет в сумку и достаёт оттуда конфету или две. Если надо, я ещё стишок могу рассказать... Не надо? Ну ладно, и на этом спасибо... Или вот пахнувший свежей смолой Новый год. Ты уже взрослый и, конечно же, знаешь, что Дед Мороз — это наивное желание взрослых по-доброму обмануть нас, детей. Но ты честно играешь в эту игру до конца. «Здравствуй, Дедушка Мороз, ты подарки нам принёс?». И вот наконец-то в руках у тебя заветный кулёк, и к зелёно-колючему запаху ёлки примешивается аромат шоколада, растекающегося по губам...

Нам сейчас кажется, что шоколад был всегда. Ну невозможно себе представить, что в этом мире когда-то не было шоколадных конфет. А между тем первая шоколадная плитка появилась только в 1899 году в Швейцарии. Шоколад, конечно, употребляли в пищу и до того, но только в жидком виде. Говорят, что первыми вкус напитка из зёрен деревьев какао распробовали индейцы майя в VII веке. Шоколадный напиток, придававший индейцам силу и бодрость духа, считался у майя священным. А у ацтеков какао-бобы, из которых, собственно говоря, и делается шоколад, были мерилем богатства и считались чем-то вроде денег. В Европу шоколад вместе с другими диковинками Нового Света привёз Христофор Колумб. Долгое время шоколад был скорее лекарством, тонизирующим средством, чем лакомством. Он стоил безумно дорого и был доступен только высшим слоям общества. Так было в Европе, так было и в Российской империи, куда заморскую диковинку завезли европейские купцы.

В России кондитерское производство до начала XIX века было, по большей части, кустарным. Элита предпочитала изделия заграничных кондитеров, а простой люд покупал сладости в маленьких лавочках, при которых обычно и располагалось производство. Часто московскими кондитерами становились крепостные, отпущенные своими хозяевами в столицу на заработки. Так в конце XVIII века в Москве оказался крестьянин из Пензенской губернии Степан Николаев. Местная помещица Анна Петровна Левашова отпустила его в столицу на оброк. Степан должен был открыть своё дело и каждый год выплачивать хозяйке определённую сумму. Дела сразу пошли на лад — очень быстро бывший крепостной (накопив денег, он сумел получить вольную как для себя, так и для всей своей семьи) стал одним из самых известных московских кондитеров. Особенно хороши были его сладости из абрикосов: варенье, пастила и мармелад. За это Степана прозвали Абрикосовым, а с 1814 года потомки Степана уже официально получили фамилию Абрикосовы. Расцвет фирмы пришёлся на 80-е годы XIX века, когда оборот товарищества достигал 1 800 000 рублей в год.

Конечно, мастерских, подобных той, которую открыл Степан, в Москве и в других городах было великое множество. Но в истории остались имена лишь тех, кого благодаря упорству и качеству выпускаемого товара, знала вся страна. Вот, например, в 1826 году московские купцы Леновы основали небольшую кондитерскую мастерскую, перерабатывавшую в день 6 пудов сахара. Производство росло и расширялось. В середине XIX века у Леновых работало около 200 человек, а в начале XX — более тысячи. В 1917 году владельцы фабрики продали её (предусмотрительности Леновых можно только позавидовать) за 1 миллион 800 тысяч рублей Всероссийскому центральному союзу потребительских обществ.

Активно осваивали русский кондитерский рынок и иностранцы. Приехавший в 1850 году из немецкого Вюртемберга в Москву Фердинанд фон Эйнем открыл на Арбате небольшую мастерскую по производству шоколада и конфет. В 1867 году Эйнем и его компаньон Гейс построили на Софийской набережной здание новой фабрики. Эта фабрика одной из первых в России была оснащена паровой машиной, что позволило фирме быстро стать одним из крупнейших производителей кондитерских изделий в стране.

После революции 1917 года все кондитерские фабрики перешли в руки государства — в ноябре 1918 года вышел декрет Совнаркома о национализации кондитерской промышленности. Естественно, что смена хозяев повлекла за собой и смену названий. Фабрика Абрикосовых получила имя рабочего Петра Акимовича Бабаева, председателя Сокольнического райисполкома Москвы. Фирма «Эйнем» стала называться «Красный Октябрь», а бывшая фабрика купцов Леновых была переименована в «Рот Фронт». Правда, идеи Маркса и Ленина, революционный настрой и новые названия никак не могли повлиять на технологию производства кондитерских изделий. Как при

старой, так и при новой власти для производства сладостей нужен был сахар, а для изготовления шоколада — какао-бобы. И с этим были серьёзные проблемы. «Сахарные» районы страны долгое время были под властью белых, а валюта и золото, за которые можно было купить заморское сырьё, шли на закупку хлеба. Только к середине 20-х годов кондитерское производство было более-менее возрождено. Помог этому НЭП, предпринимательская жилка и рост благосостояния городских жителей позволили быстро увеличить выпуск карамели, конфет, печенья, пирожных. Свой отпечаток на кондитерскую отрасль наложила плановая экономика, пришедшая на смену НЭПу. С 1928 года производство сладостей было строго регламентировано, каждая фабрика была переведена на свой, отдельный вид продукции. В Москве, например, карамель производила фабрика имени Бабаева, шоколад — «Красный Октябрь», а печенье — «Большевик».

В годы войны многие кондитерские фабрики были эвакуированы из европейской части страны в тыл. Кондитеры продолжали работать, выпуская, помимо прочего, стратегически важную продукцию. В набор «неприкосновенного запаса» обязательно входила плитка шоколада, спасающая жизнь не одному лётчику или моряку.

После войны по репарации из Германии в СССР поступило оборудование с немецких кондитерских предприятий, что позволило в короткие сроки наладить производство шоколадных изделий. Производство шоколада росло с каждым годом. К примеру, в 1946 году на фабрике имени Бабаева было переработано 500 тонн какао-бобов, в 1950-м — 2000 тонн, а к концу 60-х годов — 9000 тонн ежегодно. Такому внушительному росту производства косвенно способствовала внешняя политика. Советский Союз долгие годы поддерживал различные режимы во многих странах мира, в том числе и африканских. Главным для этих режимов было поклясться в верности коммунистическим идеалам, и тогда помощь в виде оружия, техники, оборудования была обеспечена. Поддержка эта была практически безвозмездной, единственное, чем африканцы могли хоть как-то расплатиться с СССР, — это сырьё и продукция сельского хозяйства. Поэтому-то кондитерские фабрики бесперебойно снабжались сырьём с далёких африканских просторов.

В советские годы конкуренции между кондитерскими фабриками, в традиционном её понимании, не было. Кондитеры могли бороться за премии и звания, например «лучший в отрасли», за награды на выставках, за любовь, в конце концов, потребителей, но не за их кошельки. Проблемы со сбытом конфет и другой сладкой продукции могли быть у совсем уж нерадивых и «невкусных» производителей. Но и дефицита, по крайней мере в крупных городах, не было. Конечно, время от времени «Белочка», «Мишка на Севере» или «Каракум» исчезали с прилавков, а «Птичье молоко» вообще редко на них появлялось, но обычно москвичи, киевляне или харьковчане могли купить, пусть не в каждом магазине, свои любимые лакомства. Исключение составляли предпраздничные дни. Каждое предновогоднее детское представление в театре или утренник заканчивались раздачей сладких наборов, из-за чего с полок магазинов в это время исчезали самые популярные сорта конфет. Перед 8 Марта с трудом можно было найти конфеты в коробках, которые вместе с букетиком цветов составляли «универсальный», не требующий от мужчин серьёзных раздумий подарок к празднику.

В перестроечные годы кондитерская промышленность, как и вся экономика, испытывала проблемы. Но в целом кондитеры достаточно безболезненно пережили распад Союза и переход от плана к рынку. Кто-то благодарит за это старые традиции, заложенные ещё в советские времена, кто-то считает, что росту производства сладкой продукции способствовал иностранный капитал, пришедший на отечественный рынок. Наверное, правы и те и другие. Но самое главное, конфеты, печенье и шоколад — это всегда вкусно. Просто мы любим сладкое вне зависимости от времени и эпох, в которых живём...

Русский с китайцем навеки друзья, или Мао Никите не товарищ...

«Русский с китайцем навеки друзья»... Эта строчка из суперпопулярной в 50-е годы песни «Москва — Пекин» казалась такой же верной и такой же вечной, как и то, что Земли вращается вокруг Солнца или, например, что в молекуле воды на один атом кислорода приходится два атома водорода. СССР для Китая был мудрым старшим братом, который поможет и защитит в трудную минуту. Для китайцев «великий вождь товарищ Сталин» был таким же божеством, как и председатель Мао, а Советский Союз — примером для подражания. В СССР же были уверены — благодаря китайским друзьям дальневосточные рубежи страны в полной безопасности и так будет всегда...

Но прошёл всего какой-то десяток лет, и великая дружба сменилась великой враждой. Отношения между двумя самыми большими коммунистическими державами мира не просто испортились, они грозили перерасти в широкомасштабную войну, в которую могли быть вовлечены миллионы людей. Что же случилось? Старший брат повёл себя надменно по отношению к младшему? Или же непочтительно взбунтовался младший, желая стать равным, а то и выше старшего? И почему в конце 60-х годов весь мир с напряжением следил за тем, что происходило вокруг Даманского, крохотного острова на Амуре, который и на карте-то с трудом разглядишь?..

В 1860 году между Российской империей и Китаем был заключён Пекинский договор, окончательно определивший границу между владениями двух стран. «С сих пор Восточная граница между двумя Государствами, — говорилось в этом договоре, — начиная от слияния рек Шилки и Аргуни, пойдёт вниз по течению реки Амура до места слияния сей последней с рекою Уссури. Земли, лежащие по левому берегу (на Север) реки Амура, принадлежат Российскому Государству, а земли, лежащие на правом берегу (на Юг), до устья реки Уссури, принадлежат Китайскому Государству». Границы на реках проводятся по главному фарватеру, то есть по середине реки — и в XIX веке, и ныне во всём мире так принято проводить речные границы. Но Китай был слаб, и царское правительство этим воспользовалось. Границу на реках Амур и Уссури провели вдоль китайского берега, и таким образом реки и находившиеся на них острова оказались российскими. Это была явная несправедливость. Однако до конца 50-х годов прошлого столетия никаких претензий к Российской империи, а затем и к Советскому Союзу Китай не предъявлял.

9 августа 1945 года Советский Союз объявил войну Японии. В Китае, много лет находившемся под японским игом, этот шаг был встречен с огромным воодушевлением. «Настал час окончательной победы над японскими захватчиками и всеми их приспешниками, — писал Мао Цзэдун. — В этих условиях все силы, борющиеся против японских захватчиков в Китае, должны развернуть контрнаступление в масштабе всей страны и сражаться в тесном и эффективном взаимодействии с Советским Союзом и другими союзными державами». Отчасти Мао оказался прав — вскоре японцы были изгнаны из страны. Но сразу же после этого в стране вспыхнула гражданская война. Такой лакомый кусок, как оставшийся без «присмотра» огромный Китай, не мог не заинтересовать двух самых крупных игроков на международной арене — Советский Союз и Соединённые Штаты. Американцы поддерживали так называемое гоминьдановское правительство во главе с генералом Чан Кайши, а в СССР делали ставку на прокоммунистически настроенного Мао Цзэдуна. Вначале перевес был на стороне Гоминьдана, однако к началу 1949 года ситуация изменилась — гоминьдановский режим был уничтожен на большей части китайской территории. Армия Чан Кайши распалась, а сам генерал вместе с ближайшим окружением сбежал на Тайвань. 1 октября 1949 года в Пекине была торжественно провозглашена Китайская Народная Республика.

Новое руководство и весь китайский народ прекрасно осознавали — своей победой они во многом обязаны Советскому Союзу. И потому любовь и уважение простых китайцев к СССР были вполне искренними. Клятвенные заверения в вечной дружбе звучали и на самом верху. Правда, здесь во главу угла ставилась не любовь, а политический расчёт. Возможно, Мао и хотел бы сразу освободиться от опеки северного соседа, но он прекрасно понимал — без продолжения практически безвозмездных промышленных поставок из СССР Китай ещё долго будет отсталой страной, а самому Мао будет очень трудно удержать власть в своих руках. Китай отправлял в СССР сельхозпродукты (в основном растительное масло) и продукцию лёгкой промышленности. Бытовые термосы, пуховые кофточки, коверкотные плащи и пишущие ручки, конечно, пользовались спросом у советского покупателя. Но эти поставки не могли сравниться с тем потоком, который шёл в обратном направлении. Промышленное и железнодорожное оборудование, станки, автомобили и самолёты, нефтепродукты, ткани, медикаменты и многое-многое другое. Проще, наверное, перечислить то, что СССР не поставлял в Китай. Однако Мао хотел большего, сделать за несколько лет из отсталой страны индустриальное государство — такой была его мечта. Но в Кремле, от которого в тот момент зависело развитие Китая, торопить события не собирались. Почему же кремлёвское руководство во главе со Сталиным так вело себя по отношению к Китаю? Знаток советско-китайских отношений профессор Александр Панцов считает так: «Наиболее серьёзной причиной явилось то, что Сталин опасался быстрой модернизации Китая, что могло бы составить конкуренцию Москве. Документы свидетельствуют, что Сталин не доверял Мао Цзэдуну и относился к нему с большим подозрением не только потому, что Пекин со временем станет конкурентом Москвы, но и потому, что из самого Пекина в Москву поступала на Мао Цзэдуна

„настораживающая информация“».

Крутой поворот во взаимоотношениях между СССР и Китаем произошёл после прихода к власти Никиты Хрущёва. 11 марта 1953 года состоялись переговоры Хрущёва и Маленкова с представительной китайской делегацией. И надо сказать, китайцы были весьма удивлены сговорчивостью нового руководства Советского Союза. Все их предложения и просьбы были удовлетворены без всяких возражений. Подписанные соглашения поражали своей щедростью. СССР обязывался помочь соседу в строительстве электростанций, заводов и прочих промышленных объектов. Хрущёв опасался усиления влияния Соединённых Штатов в Юго-азиатском регионе и решил задобрить Мао щедрыми подарками. Никита Сергеевич не стал дожидаться визита Председателя КНР в Москву и первым отправился в Китай в сентябре 1954 года. Говорят даже, что советский генсек обещал предоставить Мао ядерное оружие. К счастью, этого не произошло.

После визита Хрущёва начался период расцвета советско-китайской дружбы. Дружили, как говорится, «везде и всюду». Если раньше для советского человека живой китаец был каким-то чудом, то теперь увидеть жителей Поднебесной можно было на улицах каждого крупного города СССР. Тысячи китайцев учились в Советском Союзе, прекрасно знали русский язык. Тысячи делегаций посещали обе страны, а газеты пестрели статьями «о нерушимой дружбе советского и китайского народов».

Идиллия закончилась в конце 50-х годов. Кто виноват в разрыве? Как это часто бывает, стороны обвиняли в случившемся друг друга. Так или иначе, отношения между двумя лидерами, Хрущёвым и Мао, портились с каждым днём. Переломным моментом стал визит Никиты Сергеевича в Пекин в 1959 году. По китайской версии, Хрущёв пытался учить Мао, который к тому времени уже давно был самостоятельным лидером. В СССР же во всём винили китайского лидера. Хрущёв, например, терпеть не мог табачный дым. Зная об этом, Мао, заядлый курильщик, ранее не позволял себе курить в присутствии советского генсека. А тут дымил как паровоз прямо во время переговоров и даже пускал дым в лицо Хрущёву. Кроме того, переговоры, по воле Мао, в основном проходили... в бассейне. «Великий кормчий» прекрасно плавал, и Хрущёву постоянно приходилось догонять Мао на водной дорожке.

Очень быстро рознь между двумя лидерами спроецировалась и на отношения между народами. Резко сократился товарооборот, китайские товары исчезли с прилавков советских магазинов. Китайские студенты были изгнаны из советских институтов и вынуждены были вернуться на родину. «Дружба навеки» закончилась, и на её место пришла неприкрытая вражда. Пока дело касалось идеологических разногласий, казалось, что всё происходящее — какое-то недоразумение и вскоре отношения между СССР и Китаем вновь наладятся. Однако в это время стала обостряться обстановка на границе. Мао искал повод...

По уже упоминавшемуся ранее пекинскому договору 1860 года огромный Приморский край перешёл под юрисдикцию России. И через сто лет после этого «великий кормчий» решил, что пришло время вернуть Приморье Китаю. А раз так думал Мао — значит, так думал весь китайский народ. Первой «открыла огонь» китайская пропаганда: «К 1967 году Владивосток и Хабаровск будут нашими!» — вещали китайские газеты. Однако просто взять и напасть на СССР Мао всё-таки не решался. Для начала в Китае решили проверить, как Советский Союз отреагирует на попытки захвата островов, находившихся на речной границе между двумя странами.

Надо сказать, что китайское руководство ставило вопрос о границе и раньше, и советская сторона относилась к этому с пониманием. Дело шло к тому, что положения Пекинского договора могли быть пересмотрены и водораздел на Амуре и Уссури проведён в соответствии с общепринятой мировой практикой. Следовательно, к Китаю должны были отойти и несколько островов. Но как только отношения испортились, в Советском Союзе забыли о «понимании» проблемы несправедливой границы. Ситуация не изменилась и с приходом к власти Брежнева, наоборот, начиная с 1965 года китайская сторона выдвигала всё более ультимативные требования, одновременно развернув кампанию провокаций на границе.

Главным «яблоком раздора» стал остров Даманский, или, как его называли в Китае, Чжэньбао-дао. Остров длиной чуть меньше двух километров и шириной до 600 метров, отдалённый от советского берега на 500 метров, а от китайского — на 300, никакой стратегической или хозяйственной ценности не представлял. Но дело-то было не в ценности Даманского. Мао, выдвигая ультиматумы Советскому Союзу, рассматривал два варианта развития событий. Если Советский Союз согласится на пересмотр границы и отдаёт Даманский, это будет выглядеть как проявление слабости супердержавы перед «могучей Китайской республикой и её мудрым руководителем». Если же нет — то вот он, повод: Советский Союз не хочет пересматривать явно несправедливый договор столетней давности и отдавать территорию, по праву принадлежащую КНР, а значит, выступает в роли агрессора по отношению к Китаю. А агрессору нужно дать достойный отпор.

В СССР тоже понимали, что Даманский — это только предлог. На Дальний Восток из других регионов стягивались воинские части. На границе же тактика поведения была следующей: провокаторов с советской территории выдворять, однако оружие по возможности не применять.

Хрупкое равновесие на границе было нарушено в ночь с 1 на 2 марта 1969 года. «Возмездие» — так называлась операция, приказ о начале которой был отдан из Пекина. 300 китайских военнослужащих скрытно переправились на Даманский и оборудовали замаскированные огневые точки. Операция была хорошо организована, хотя советские пограничники вели круглосуточное наблюдение за островом, только в 10 часов 40 минут на заставу «Нижне-Михайловка» с наблюдательного поста доложили, что на Даманском замечены вооружённые люди. Начальник заставы старший лейтенант Иван Стрельников отдал приказ: «В ружьё!». Погрузившись на три автомобиля, около 50 пограничников отправились к острову. Из-за неисправности двигателя автомобиль, на котором ехали 12 пограничников во главе с младшим сержантом Ю. Бабанским, отстал от основной группы пограничников.

Примерно через полчаса пограничники приблизились к залёгшим на острове китайцам. Старший лейтенант Стрельников поступил так, как и должен был в этой ситуации. «Выражаю вам протест по поводу нарушения границы Советского Союза и требую покинуть территорию СССР», — заявил он китайцам. В ответ послышалась отрывистая команда, раздались два пистолетных выстрела, а затем на пограничников обрушился ураганный огонь из автоматов. Начальник заставы и семь его товарищей были расстреляны в упор.

Оставшиеся в живых пограничники приняли бой. Они отстреливались до последнего, но силы были неравными. Из находившихся тогда на острове бойцов в живых остался только рядовой Геннадий Серебров. В этот момент к месту боя подошла группа под командованием Бабанского. Пограничники залегли в снегу и встретили китайцев плотным автоматным огнём. Это позволило на некоторое время задержать наступавших.

Примерно в 18 километрах от Даманского располагалась ещё одна советская погранзастава — «Сопки Кулебякины». Получив по телефону сообщение о нападении китайцев, командир заставы старший лейтенант Виталий Бубенин действовал очень решительно. Посадив в БТР 20 бойцов, Бубенин отправился на помощь гибнущим товарищам. Около 11:30 БТР достиг Даманского. Пограничники высадились из бронетранспортёра и с ходу вступили в сражение. Очень быстро командир понял, что в открытом бою противостоять китайцам невозможно. И тогда он принял решение зайти на бронетранспортёре в тыл наступающим. Бубенин и четыре пограничника сели в БТР и, обойдя остров вокруг, неожиданно ударили с фланга. Это был переломный момент боя. Вскоре был уничтожен командный пункт нарушителей, и они, унося с собой убитых и раненых, стали отступать. К полудню 2 марта к Даманскому подошли подкрепления с других застав. Исход боя был решён. В сражении погибло 32 советских пограничника, 14 были ранены.

Поражение не остановило китайцев. На территории КНР напротив Даманского был развёрнут 24-й пехотный полк армии Китая численностью около 5000 военнослужащих, по сути дела, целая пехотная дивизия. В ответ с советской стороны была развёрнута мотострелковая дивизия, имевшая на вооружении реактивные установки залпового огня «Град».

14 марта около трёх часов дня находившиеся на Даманском советские пограничники получили неожиданный приказ: отойти с острова. Тотчас на Даманский устремились мелкие группы китайских военнослужащих. Около восьми вечера на заставу поступил совершенно противоположный приказ: вернуться на остров. На Даманский выступил отряд подполковника Яншина в составе 60 пограничников на четырёх БТРах. Китайцы тотчас отошли на свой берег. Ночь прошла спокойно. Около 9 часов утра 15 марта на китайском берегу заработал громкоговоритель. «Покиньте китайскую территорию!» — призывали китайцы советских пограничников. «Одумайтесь, пока не поздно, перед вами — сыновья тех, кто освобождал Китай от японских захватчиков», — пытались образумить китайцев. Прошло ещё около часа, после чего китайские войска начали массированную атаку при поддержке артиллерии и миномётов.

Перевес был явно на стороне китайцев, однако почти два часа отряду подполковника Яншина удавалось удержать свои позиции. Около полудня был подбит один БТР, ещё через несколько минут снаряд поразил второй бронетранспортёр. Ситуация становилась критической. О сложившейся обстановке было доложено в Москву. Пограничники просили разрешения ввести в бой армейские части, в том числе и установки «Град». «Использовать только силы погранвойск» — был ответ Москвы. Небольшой отряд пограничников на Т-62 под командованием начальника Иманского погранотряда полковника Леонова вышел навстречу нападавшим. На некоторое время этот рейд позволил задержать китайцев. Однако вскоре танк, где находился командир, был подбит из гранатомёта. Члены экипажа выбрались из машины, и в этот момент по ним был открыт ураганный огонь из стрелкового оружия. Полковник Леонов и несколько его товарищей были убиты.

С каждой минутой неравного боя угроза потери Даманского становилась всё более явной. Спасти ситуацию могли армейские части, однако вышестоящие инстанции с непонятным упорством не разрешали их использовать. В конце концов командование погранвойск, на свой страх и риск, около 17:00 вывело на позиции дивизион установок «Град». Наследники легендарных «катюш» буквально сравняли с землёй места скопления войск и техники противника. Этот удар решил исход боя. Даманский остался советским.

Со 2 по 21 марта в столкновениях на границе погибли 58 советских воинов, были ранены 94 человека. Четверо военнослужащих получили звание Героя Советского Союза: полковник Д. Леонов и старший лейтенант И. Стрельников (посмертно), старший лейтенант В. Бубенин и младший сержант Ю. Бабанский.

20 октября 1969 года в Пекине прошли переговоры глав правительств СССР и Китая — Алексея Косыгина и Чжоу Эньлая. Статус Даманского как советской территории на некоторое время сохранялся, но в дальнейшем стороны предусматривали проведение демаркационных мероприятий на границе, по сути дела, пересмотр границы в пользу Китая. Ситуация на границе, так же как и отношения между двумя странами, были «заморожены». Столкновений на границе больше не происходило, но и дружеские отношения восстановлены не были. В 1991 году по соглашению между КНР и СССР государственная граница была проведена по фарватеру рек и остров Даманский отошёл к Китаю.

Целина

«Товарищи, давайте обратимся с призывом к советской молодёжи, к комсомолу. Пусть возьмутся за освоение новых земель. Вспомним былые времена, когда люди вынуждены были жить не только в палатках, но и в окопах, жертвуя своей жизнью. Несмотря на тяжёлые условия, в которые попала наша страна в первые годы войны, народ мобилизовался и сумел преодолеть все трудности. А освоение целинных земель — это труд, который будет оплачен, получают к тому же люди моральное удовлетворение. Я убеждён, что найдутся энтузиасты». Никита Сергеевич Хрущёв умел зажечь массы, говорил он вдохновенно, в этом ему не откажешь. И верили. И писали, совершенно искренне, благодарственные письма. «Я простой человек, крестьянин-колхозник, но родился я в советской стране и поэтому хочу мысли, чувства свои изложить сессии Верховного Совета СССР, что ниже изложено... Я предисловия много писать не буду, а скажу от себя: присвоить Н. С. Хрущёву, человеку, который имеет богатые качества руководителя, высокое звание Вождя народа Советского Союза. Вот моя искренняя мысль, а народ пойдёт за вождём и будет слушать его зов. Анохин Александр Митрофанович, 1936 года, колхозник, комсомолец с 1953 года, Воронежская область, Бобровский район, село Анновка». Вот так. Верили комсомольцы «вождю», неспроста слова «целинник» и «романтик» стали практически синонимами. И ехали осваивать целину, огромные нетронутые плугом земли, по площади равные Франции и Англии, вместе взятым. А там...

«Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегла небо. Пошёл мелкий снег — и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась мятьель. В одно мгновение тёмное небо смешалось со снежным морем. Всё исчезло. „Ну, барин, — закричал ямщик, — беда: буран!“... Я выглянул из кибитки: всё было мрак и вихорь. Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевлённым...».

«Пришлось и мне увидеть, как обманчива степь. То над ней от горизонта до горизонта может синеть морозное небо, светит яркое солнце, но минёт полчаса — и уже не видно белого света, крутит, свистит, завывает пурга. Достаточно малой ошибки, случайности, неожиданно заглохшего мотора, и человек остаётся со степью один на один — без дороги, на морозе, в крошечной мгле... Помню, как всех на целине потрясла гибель студента-заочника Львовского строительного института Василия Рагузова. Одним из первых он приехал в совхоз „Киевский“ и стал работать прорабом. Способный организатор, хороший товарищ, человек весёлого общительного нрава, он быстро завоевал авторитет, уважение и любовь первоцелинников. В один из ясных дней в составе колонны Рагузов вёз со станции сборные дома для первой совхозной улицы. Неожиданно начался необычайной силы буран, длившийся потом несколько суток. Колонна остановилась. Василий решил идти за помощью. Пошёл один, заблудился и погиб...».

Наверное, кто-то из читателей узнал автора первого отрывка. Александр Сергеевич Пушкин, «Капитанская дочка». Так Пётр Андреевич Гринёв впервые познакомится с неприветливым и изменчивым характером оренбургских степей. Автор второго отрывка — тоже в своём роде «классик», в 60–80-х годах тиражи его книг как минимум не уступали тиражам книг Пушкина. Леонид Ильич Брежнев, «Целина». Совершенно разные авторы, к тому же один жил в XIX веке, второй — в XX-м. Но в одном их мнения и наблюдения совпадают: западносибирская, плавно перетекающая в североказахстанскую, степь — это не курорт. В непогоду в степи — просто жутко, горе путнику, которого застигает в открытой степи буран. А люди, приезжавшие на целину, жили в лучшем случае в продуваемых всеми ветрами вагончиках, а то и просто в палатках. «Они совершили трудовой подвиг», — говорили о целинниках в то время. С тем, что это был подвиг, никто не посмеет спорить, вот только ради чего?..

Плодородные западносибирские земли издавна привлекали к себе крестьян. «Воткни в землю оглоблю — вырастет тарантас», — говорили в народе об этих землях. Грузили в телеги безземельные мужички своё скудное добро и ехали в далёкую Сибирь. Так что «освоение целины» началось задолго до Октябрьской революции. Да и большевики в 20-х годах XX века пытались поднять сельское хозяйство в степных районах Казахстана за счёт переселенцев из регионов Центральной России. Однако по размаху все эти попытки несопоставимы с грандиозной «операцией», начавшейся в 1954 году.

При Сталине всё было ясно и понятно. «Зерновая проблема в СССР решена!» — и если партия сказала, что проблемы нет, значит, её нет. О голоде в Поволжье и Украине, унёсшем миллионы жизней, никто, естественно, не вспоминал. И только после смерти вождя, на сентябрьском 1953 года Пленуме ЦК КПСС впервые было сказано о том, что в стране сложилось катастрофическое положение с зерном. В последние годы страна проедала зерна больше, чем собирала, недостаток какое-то время удавалось покрывать за счёт стратегического запаса, однако запас этот, понятное дело, не бесконечен. Надо было что-то делать, но вот что и как? Впервые за многие годы партия пошла на некоторые послабления в отношении колхозников: были снижены налоги и повышены закупочные цены на сельхозпродукцию, соответственно, немного выросли доходы крестьян. Однако эти меры быстро спасти положение не могли. «Хлеб был нам нужен не завтра, а буквально сегодня», — писал в своих мемуарах Н. С. Хрущёв. Но об увеличении пахотных земель за счёт традиционных районов земледелия не могло быть и речи, наоборот, количество посевных площадей

в тех местах, где велись активные боевые действия во время войны (в Украине, Белоруссии, центральной и западной части РСФСР), резко сократилось. Повысить урожайность за счёт улучшения культуры сельхозпроизводства? Тоже нереально — не хватало ни средств, ни техники, ни грамотных специалистов. Оставался единственный путь — распахивать новые земли.

Сейчас нередко можно услышать мнение, что освоение целины изначально по сути своей было волонтаристской авантюрой, проводимой не разбирающимся в вопросах сельского хозяйства генсеком ради удовлетворения собственных амбиций. Однако, как мы видим, определённая логика в действиях Хрущёва всё-таки была. В первые послевоенные годы в СССР, как это ни странно для такой огромной страны, действительно не хватало пахотных земель. Однако нереальные масштабы и сроки задуманных перемен, желание решить сложнейшую проблему одним махом при отсутствии должного экономического обоснования привели к тому, что освоение целинных земель превратилось в совершенно неподъёмную «сверхпрограмму». Таким огромным по размаху действиям должна предшествовать основательная подготовка и просчёт всех возможных последствий. При освоении целины ничего подобного сделано не было...

Задача увеличения производства зерна в СССР за счёт освоения целинных и залежных земель Казахстана и Западной Сибири была поставлена на февральско-мартовском Пленуме ЦК КПСС 1954 года. «Посевные площади зерновых в США — 380 миллионов гектаров, в Канаде — 819 миллионов, а у нас — всего 107 миллионов, — говорил в своём докладе Хрущёв. — Нам надо пахать и пахать!».

Руководство Казахстана во главе с первым секретарём ЦК республики Жумабаем Шияхметовым идею освоения целинных земель не поддержало. Причин отсутствия энтузиазма было несколько, прежде всего — боязнь потерять контроль над властью в республике из-за прихода людей со стороны. Были и вполне разумные аргументы против резкого увеличения пахотных земель — отсутствие транспортных путей для вывоза хлеба, нехватка специалистов и хранилищ для зерна. Однако сопротивление не помогло, пришлось Москве срочно менять республиканское руководство. В Казахстан отправились два проверенных «бойца» — Пантелеймон Пархоменко, работавший до того в Белоруссии, а в военное время бывший начальником Центрального штаба партизанского движения, и Леонид Брежнев, до назначения в Казахстан занимавший пост заместителя начальника Главного политуправления Советской Армии и ВМФ.

С кадровой проблемой в высших эшелонах власти Казахстана справились быстро. Другая кадровая проблема — «в низах» — была посложнее. Буквально сразу же после исторического Пленума программа освоения целины стала всенародным делом. На целину, точнее на привлечение молодёжи, работала вся государственная машина — партия, комсомол, газеты, радио. Страна была буквально заряжена идеей освоения целины. Энтузиазма действительно хватало, к тому же целинникам обещали неплохие деньги. Правда, вскоре после приезда энтузиазм этот быстро улетучивался. На бумаге и в речах всё выглядело красиво: «организовать сотни новых совхозов, построить новые агрогорода...». На самом деле организация нового совхоза происходила следующим образом. Получал новоиспечённый директор приказ о своём назначении, печать и номер счёта в банке, брал с собой главного агронома и двух-трёх специалистов, и ехали они в степь. Приезжали на выделенный участок, где не было абсолютно ничего, втыкали в землю колышек с названием совхоза — и вперёд... Даже спустя несколько лет после начала освоения целины бытовые условия оставались самыми примитивными, точнее, их не было вообще. Писатель Анатолий Стреляный, приехавший на целину в 1956 году, в интервью радио «Свобода» вспоминал о своих первых «целинных» впечатлениях: «Бригада представляла собой несколько полевых вагончиков, пока волосы не стали примерзать, мы в них жили, потом разбежались, большинство разбежалось на родину. Это, кстати, была проблема: почти все очень быстро оттуда уехали, но приезжали новые романтики, новые желающие заработать (это было важнее). Несколько вагончиков, больших армейских палаток — и всё, степь кругом. Навес, в нём длинный стол из шалёвок сбитый, за ним обедали. Целыми неделями бывал рис, и я после этого много лет не мог видеть рис в разных видах».

Первоначально планировалось поднять 13 миллионов гектаров. Однако первый урожай превзошёл все ожидания, земля была действительно очень плодородной, на Урале и в Западной Сибири в 1954 году удалось собрать около 20 центнеров с гектара вместо привычных 8-9. Но ведь хлеб надо не только вырастить, его ещё нужно убрать и сохранить. И если с обеспеченностью техникой особых проблем не было, на целину работали все тракторные и комбайновые заводы страны, то элеваторов и зернохранилищ катастрофически не хватало. Зерно подолгу оставалось на токах, в лучшем случае под брезентом, а то и просто под открытым небом. По давней советской «традиции» после «битвы за урожай» началась «битва с урожаем». Зерно постепенно сгнивало, на ток приезжали несколько бульдозеров и сбрасывали с таким трудом собранный хлеб в овраг. По разным оценкам, тогда погибло от половины до трёх четвертей урожая. Постепенно ситуация улучшалась, однако каждый год миллионы тонн зерна так и не доходили до элеваторов.

Хрущёв, безусловно, знал о сложившемся положении. «Объезжая целинные поля, я видел много такого, чего не хотел бы видеть. Когда убирали хлеб, то сыпали зерно прямо на землю, при перевозке происходили большие потери. Токов не было, складов не было, не хватало вовсе простого брезента. Пшеницу на земле прикрывали кое-как, а чаще всего, к сожалению, вовсе не прикрывали.

Рабочей силы не хватало, и поэтому потери были колоссальные», — писал генсек, вспоминая свои поездки по целине. Однако от идеи освоения целинных земель он не отказался, более того, в 1955 году, на январском Пленуме ЦК, предложил увеличить площадь распахиваемой земли до 28–30 миллионов гектаров. Это была новая «агротехническая мина», заложенная под целину. Когда перед руководителем совхоза вставал вопрос: «Что важнее — будущий урожай или выполнение решения партии и правительства?», — то в подавляющем большинстве случаев он выбирал второе. Главное — отчитаться, а там будь что будет. В результате в спешном порядке распахивались не только пригодные для земледелия пашни, но и пески, солончаки, крутые склоны и неудобья. Да и целинная земля, которой явно недоставало удобрений, быстро «выдохлась», из неё за несколько лет выжали все соки. В результате резко снизилась урожайность, если в 1956 году в среднем в целинных районах собирали около 13 центнеров с гектара, то в 1958-м — всего 7. В период с 1956 по 1958 год в результате ветровой эрозии почвы и пылевых ураганов целина потеряла около 10 миллионов гектаров пашни.

Ещё одной проблемой, к которой власти были совершенно не готовы, оказались серьёзные межнациональные конфликты. Хотя официальная пропаганда утверждала, что «СССР — это союз братских народов» и что «на целине плечом к плечу в едином порыве трудятся представители всех национальностей страны», на самом деле едва ли не во всех районах Казахстана случались столкновения между представителями коренной национальности и «пришлыми». Помимо этого, регулярно происходили забастовки и массовые беспорядки, причиной которых была бытовая неустроенность жизни целинников. Наиболее серьёзными стали события в городе Темиртау в августе 1959 года. Тогда на работу не вышли около 25 тысяч человек, в результате массовых беспорядков погибли люди, были задержаны около 200 человек, 42 получили различные сроки заключения, а двоих приговорили к расстрелу, который, правда, впоследствии заменили 15 годами лагерей. Всё это приводило к массовому оттоку с целины квалифицированных специалистов, заменить которых было нечем.

Но несмотря на все трудности и проблемы, в Москву продолжали идти только победные репортажи о всё новых и новых миллионах тонн (нередко попросту приписанных) зерна, собранного на целине. А в столице то ли не видели, то ли не хотели видеть, что целина отнюдь не стала «новым сельскохозяйственным прорывом» и что она не оправдала всех возлагавшихся на неё надежд. В отчётном докладе ЦК КПСС XXII съезду партии говорилось, что целинные земли дают порядка 40 % зерна в стране. А значит, делался вывод, что освоение целины оказалось вполне оправданным и успешным. Вывод этот, на первый взгляд, кажется вполне логичным, если бы не одно «но». Эти самые «40 %» давали не собственно целинные земли, а в целом районы, где происходило освоение целинных земель. Но ведь на Урале, Казахстане, Западной Сибири и до 1954 года выращивали хлеб, и немалый.

В конце 40-х — начале 50-х годов эти районы обеспечивали 25–30 % урожая страны. А значит, целинные земли давали не 40, а всего 10–15 % объёма закупок зерна. Об этом в докладе, по понятным причинам, ничего не говорилось...

Символично, что когда в Москве на съезде партии звучали хвалебные речи, из Канады и США к берегам Советского Союза отплывали первые корабли, нагруженные высококлассным зерном. 1961 год стал годом позора для советского сельского хозяйства. Позора, в котором не было вины простых крестьян. Страна, которая до революции обеспечивала зерном чуть ли не весь мир, из-за бездарности своих вождей не могла прокормить себя и была вынуждена закупать хлеб за границей...

Кукуруза — царица полей

До начала 50-х годов кукуруза в Советском Союзе была вполне обычной сельскохозяйственной культурой. Скорее даже второстепенной, эдакой Золушкой в мире сельхозрастений. Пшеница или рожь — это да, «хлеб всему голова», без него никуда. А кукуруза... И вдруг Золушка, сельскохозяйственная падчерица, стала даже не принцессой, а сразу царицей...

У Никиты Сергеевича Хрущёва была мечта — «догнать и перегнать Америку». Согласно планам партии и лично генсека, к 1971 году СССР должен был превзойти Соединённые Штаты по общему объёму производства и по уровню производства на душу населения. Но сельское хозяйство безнадежно тянуло вниз все показатели. Несмотря на то что в селе проживало более половины населения страны, сельское хозяйство производило не более 15 % валового национального продукта. Ставка делалась на освоение целинных земель Казахстана и Западной Сибири, превращение кукурузы в главную сельскохозяйственную культуру и опережение США по количеству голов скота. Ещё на февральско-мартовском Пленуме ЦК КПСС 1954 года Хрущёв указал на кукурузу как на основной источник восполнения недостатка зерновых в стране и как культуру, благодаря которой будет поднята «мясная целина», то есть резко увеличено поголовье скота. А в 1959 году Никита Сергеевич, находясь с визитом в США (историческая поездка была первым в истории визитом советского лидера в Соединённые Штаты), побывал в штате Айова в хозяйстве простого американского фермера. Роскошные поля гибридных сортов кукурузы буквально опьянили советского руководителя. Ещё большее впечатление произвели с удовольствием поедавшие кукурузный силос упитанные, молочно-лоснящиеся американские бурёнки, каждая из которых без труда взяла бы первый приз на любой советской сельскохозяйственной выставке. Никита Сергеевич был сражён и решил победить врага его же оружием. Вернувшись домой, Хрущёв с невероятным рвением стал внедрять кукурузу в сельское хозяйство.

Вовсю заработала пропагандистская машина. Газеты и журналы, радио и телевидение, многочисленные плакаты на улицах, фильмы и даже мультфильмы восхваляли «царицу полей» и её бесценные свойства. Вспомнились даже «славные» довоенные годы, когда родители, добровольно или по принуждению, называли своих детей Револьтами, Владленами, Октябринами, Бебелинами или Чельнальдинами (этот ребус расшифровывается как «челюскинцы на льдине»). К этим шедеврам добавился новый — Кукузаполь, она же «кукуруза — царица полей». В стране появились сразу два «кукурузника» — самолёт Ан-2, которым была оснащена сельскохозяйственная авиация и который обрабатывал ядохимикатами и гербицидами поля, в том числе засеянные и кукурузой, и Генеральный секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущёв, прозванный так за свою любовь к кукурузе.

Площади, засеянные кукурузой, увеличивались с каждым годом. Если в 1955 году под эту культуру было отведено 18 млн. га, то в 1962-м — 37 млн., то есть в два раза больше. Каждый руководитель сельхозпредприятия, района или области должен был отчитаться наверх и доложить, на сколько процентов в его хозяйстве возросли посевы кукурузы. Но техники, удобрений, людей, да и просто пригодных пахотных земель не хватало, и перед председателем колхоза стоял выбор: или в соответствии со здравым смыслом засеять поля пшеницей либо, например, сахарной свёклой, или же отдать большую часть земли под кукурузу. Тех, кто был готов рискнуть своей должностью и пойти по первому пути, было немного. «Сами засохли и кукурузу сушат», — так генеральный секретарь говорил о тех, кто, по его мнению, недостаточно уделял внимания «царице полей». После чего для «засохших» руководителей следовали соответствующие выводы.

Сельскохозяйственные эксперименты, проводимые по воле одного человека, закончились грандиозным провалом. Ставка на целину не оправдалась, провалилась и кукурузная «эпопея». Климатические условия Белоруссии, Прибалтики, Архангельской и других северных областей (говорят, что Хрущёв даже заставлял селекционеров вырастить сорта кукурузы, которые можно было бы сеять в полярных районах) явно не подходили для возделывания кукурузы. Это в агитационных мультфильмах стоило только упасть нескольким каплям дождя — и из земли вырастали чудо-растения высотой до неба с огромными спелыми початками. Реальность же в корне отличалась от красивой мультипликационной картинки. Кукуруза отказалась расти и давать урожай там, где ей расти не положено.

Среди других «удачных» нововведений тех лет — попытки задавить личное подсобное хозяйство. Вновь был извлечён из сталинских времён лозунг «Главное — общественное, а не личное!». Городским жителям было запрещено держать любой скот (а это было вполне обычным явлением для жителей маленьких городов). Затем волна запретов докатилась и до сельских жителей. Стоило колхознику появиться на рынке с продукцией со своего подворья, как он рисковал быть записанным в «спекулянты». Если продаёт своё, значит, уделяет много времени личному хозяйству и, значит, плохо работает в колхозе.

Всё это привело к резкому снижению выработки мяса и молока в частном секторе (при том что в секторе государственном производство не росло), сократилось выращивание овощей и фруктов. В стране возникла реальная угроза продовольственного кризиса. Хрущёв, пытаясь спасти положение,

реорганизовал Министерство сельского хозяйства, лично объезжал десятки областей страны, давал указания, как правильно доить коров, сажать кукурузу и убирать хлеб. Понятно, что результат от этих поездок был практически нулевой. Для того чтобы стимулировать животноводство, правительство повысило цены на мясо, молоко и масло. Это привело к росту откровенно антисоветских настроений в обществе и к волнениям в ряде городов, в частности в Новочеркасске, где в июне 1962 года была жестоко подавлена демонстрация рабочих электровозостроительного завода — погибло более 20 человек. Люди несли лозунги «Мяса, молока и повышения зарплаты!», а по ним стреляли из автоматов...

Не лучше была ситуация и с хлебом. Несколько неурожайных лет и «кукурузомания» привели к тому, что перебои возникли не только с продукцией животноводства, но и с мукой и хлебобулочными изделиями. Вполне реальной становилась знаменитая сцена из всеми любимого фильма «Белое солнце пустыни», когда таможенник Верещагин с отвращением смотрит на огромную тарелку чёрной икры и просит у жены хотя бы небольшой кусок хлеба. В начале 60-х икру чёрную и красную можно было купить совершенно свободно по приемлемым ценам, а за обычным чёрным хлебом надо было выстоять немалую очередь. Муки катастрофически не хватало, и в хлеб начали добавлять перемолотую кукурузу и горох, из-за чего на вкус и цвет этот хлеб стал напоминать зелёный клей. Белый хлеб и мучные изделия вовсе исчезли с прилавков булочных. Дошло до того, что изделия из белой муки можно было получить... по рецептам, выписываемым врачами больным, которым было необходимо спецпитание. Возникла реальная угроза введения карточного распределения хлеба и муки. Выход оставался один — закупать зерно за границей...

Можно ли винить во всех этих бедах кукурузу? Конечно же, нет. По мнению многих специалистов, разумное внедрение кукурузы в сельское хозяйство, так же как и освоение целинных земель, могло дать результат, и весьма неплохой. Но именно разумное внедрение, а не шапкозакидательские настроения «догнать и перегнать». А кукуруза — растение необходимое и полезное. Главное, не совершать неразумных экспериментов ни с ней, ни с сельским хозяйством, ни со страной. И тогда всё будет в порядке...

Байкало-Амурская магистраль

«Уж сколько отчётов генерал-губернаторов Сибири я читал и должен с грустью и стыдом сознаться, что правительство до сих пор почти ничего не сделало для удовлетворения потребностей этого богатого, но запущенного края. А пора, давно пора...». В 1886 году Его Величество государь-император Александр III наложил эту резолюцию на отчёте иркутского генерал-губернатора. Действительно, богата Сибирь, очень богата, всё в ней есть — металл, лес, золото-серебро, — приходи и бери. Да как взять-то, как привезти всё это богатство в Москву, в Петербург? С тех пор как Сибирь приоткрыла свои тайны, этот вопрос мучил и царей, и предприимчивых людей, в общем всех, кому не безразлична была судьба этого края. Как только в России проложили первую железную дорогу, появилась надежда, что и до Сибири вскоре дойдёт цивилизация. Но одно дело проложить дорогу где-нибудь на западе России, и совсем другое — на Востоке, через дремучую тайгу, болота, скалы и горы, в местах, где на сто вёрст ни одного живого человека. Ещё в 50-х годах XIX века русские специалисты подавали правительству проекты строительства дорог из Европейской части в Сибирь. Но все они долго оставались только проектами, и лишь в середине 1880-х годов, когда Александр III приказал «представить соображения» по поводу подготовки к строительству, начались изыскательские и проектные работы на всём пути будущей магистрали.

В феврале 1891 года Комитет министров Российской империи принял решение начать строительство «Великого Сибирского пути» одновременно с двух сторон — от Челябинска и Владивостока. 19 мая 1891 года в 10 часов утра во Владивостоке, в присутствии наследника престола Николая Александровича, был совершён молебен по случаю начала прокладки Транссибирской магистрали.

Через 12 лет дорога длиной 7,5 тысяч километров была построена. Транссиб обошёлся российской казне в полтора миллиарда рублей. Эти огромные деньги были потрачены не зря — новая магистраль стала поистине «дорогой жизни» для Сибири и Дальнего Востока. Но у Транссиба кроме огромных «плюсов» было и несколько «минусов». Часть магистрали, а именно Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), проходила по территории Маньчжурии. Решение построить КВЖД было, по большому счёту, политическим, с помощью этой дороги правительство хотело мирным путём покорить Маньчжурию и Монголию. «Хотели как лучше, а получилось как всегда» — эта знаменитая фраза одного известного политика была актуальна и для тех времён. Россия осталась без Маньчжурии и Монголии, а Китай получил великолепную возможность «давить» на Россию и выкачивать из неё немалые деньги в обмен на нормальное функционирование КВЖД. Кроме того, стало ясно, что пропускная способность Транссиба явно недостаточна, особенно остро это проявилось во время русско-японской войны 1904-1905 годов.

Так что идея строительства «второго Транссиба» возникла не случайно. Ещё до начала прокладки «Великого Сибирского пути», в 1888 году, «Русское техническое общество» предложило проект дороги, начинавшейся от города Тайшет севернее озера Байкал и проходившей через всю Сибирь к Тихому океану. Но из-за географических и климатических трудностей строительство железной дороги через этот район было признано нецелесообразным. Однако изыскания продолжались и позднее. В 1914 году по распоряжению правительства экспедиция инженера Э. И. Михайловского исследовала район от Тайшета до Усть-Кута, после чего на рассмотрение был подан проект дороги, проходившей севернее Транссиба. Но из-за Первой мировой войны и последовавших за ней событий строительство так и не началось.

В советское время идея строительства «второго Транссиба» впервые появилась в 1924 году, когда Совет Труда и Оборона СССР утвердил перспективный план строительства железных дорог. В документе были, среди прочего, намечены и контуры будущей магистрали, проходившей от Байкала к Тихому океану. А в 1930 году Далькрайком ВКП(б) направил в Москву предложение о строительстве параллельной Транссибу железной дороги. В этом предложении впервые прозвучало название, которое спустя десятки лет стало известно каждому советскому человеку — «Байкало-Амурская магистраль» (БАМ).

В 1933 году вышло постановление Совета Народных Комиссаров «О строительстве Байкало-Амурской магистрали», где было определено генеральное направление БАМа: Тайшет — северная часть Байкала — посёлок Тындинский — Ургал — Комсомольск-на-Амуре — Советская Гавань. Вскоре приступила к работе специально созданная организация «БАМтранспроект» которой было поручено проектирование и подготовка к строительству дороги. Практически одновременно была создана ещё одна «специфическая» организация — БАМлаг, входившая в состав Объединённого государственного политического управления. По злой иронии управление БАМлаг расположилось в городке под названием Свободный. БАМ, как и любая другая советская «стройка века», создавался при помощи рабского труда заключённых, которые в официальных документах именовались «специализированными отрядами». В 1937 году по постановлению правительства в районе строительства БАМа были построены семь лагерей, через которые прошли сотни тысяч заключённых. Среди них было и немало известных личностей. Некоторое время на метеостанции в районе Свободного работал философ и богослов Павел Флоренский, десять лет срока в одном из лагерей отбыла Анастасия Цветаева, известная писательница и сестра знаменитой поэтессы.

До начала войны активное строительство велось на участках Байкал — Чара — Тындинский, Комсомольск-на-Амуре — Советская Гавань, Тайшет — Братск, Известковая — Ургал, Тайшет — Усть-Кут. В 1938 году открылось движение на участке от станции БАМ, примыкающей к Транссибу, до посёлка Тында, в 1941-м — на участке Хабаровск — Комсомольск-на-Амуре. По плану, в 1942 году должно было открыться сквозное движение от Байкала до Тихого океана...

В начале века постройке российского «второго Транссиба» помешала Первая мировая война. Через тридцать лет то же самое произошло и с советским БАМом. Мало того, большая часть только что построенной дороги... вскоре была разобрана. В стране не хватало металла и рельсов, особенно тяжёлая ситуация сложилась в районе Сталинграда. Летом 1942-го ГКО принял решение демонтировать рельсы на участках БАМ — Тында и Известковая — Ургал и переправить их к Волге. «Бамовские» рельсы были использованы для постройки участка дороги Саратов — Сталинград, а также для строительства противотанковых заграждений вокруг города.

Новая история БАМа началась в 1967 году. В районе «старого» БАМа вновь появились изыскательские партии. Из-за перехода железных дорог на тепловозную и электротягу и увеличения грузоподъёмности поездов старый проект дороги уже не отвечал современным требованиям. Было принято решение о пересмотре и уточнении проекта магистрали. Эту задачу решали несколько проектно-изыскательских и специализированных институтов Министерства транспортного строительства СССР. Главной проектной организацией был определён институт Мосгипротранс.

Аргументы в пользу строительства (точнее, возрождения) БАМа были, в общем-то, те же, что и в начале века, и в 30-е годы. Байкало-Амурская магистраль должна была обеспечить доступ к природным запасам Восточной Сибири и Дальнего Востока (по оценке Министерства природных ресурсов России, суммарная стоимость всех природных запасов в районе БАМа составляет более 600 миллиардов долларов), сократить почти на полтысячи километров пробег грузов с запада на восток, высвободить перегруженный и практически исчерпавший свои технические возможности Транссиб и т. д. Была и ещё одна причина, о которой знали многие, однако официально о ней не упоминалось.

Дело в том, что отношения с Китаем ухудшались с каждым днём, и в конце концов это вылилось в конфликт на острове Даманском, во время которого с обеих сторон погибли десятки пограничников. И хотя до крупномасштабных военных действий дело, к счастью, не дошло и в октябре 1969 года между СССР и Китаем было подписано мирное соглашение о разделе территории в районе острова Даманский, стало ясно, что присутствие такого «беспокойного» соседа в непосредственной близости от Транссиба делает дальневосточные районы страны крайне уязвимыми. В случае войны с Китаем (а такая угроза в конце 60-х годов была вполне реальной) противник мог без особых проблем вывести из строя Транссиб и отрезать таким образом грузопотоки от Хабаровского края и побережья Тихого океана.

В апреле 1972 года началось строительство «малого БАМа». Железнодорожники заложили первое звено на линии станция Бамовская — Тында, той самой дороге, которая была разобрана в годы войны. Эта магистраль соединяла Транссиб с перспективной трассой «большого» БАМа и тем самым обеспечивала развёртывание строительства железнодорожного полотна от Тынды и дальше на восток.

15 марта 1974 года в Алма-Ате Л. И. Брежнев назвал Байкало-Амурскую магистраль «важнейшей стройкой IX пятилетки». «Партия сказала надо — комсомол ответил есть!». 27 апреля, в день закрытия очередного съезда комсомола, на БАМ отправился «Всесоюзный ударный комсомольский отряд имени XVII съезда ВЛКСМ», состоящий из 600 добровольцев.

Окончательно контуры БАМа были определены в постановлении Совета министров СССР за № 561 «О строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали», вышедшем 8 июля 1974 года. В этом постановлении Министерству путей сообщения и Министерству транспортного строительства поручалось построить магистраль протяжённостью 3145 км от города Усть-Кут (станция Лена) до Комсомольска-на-Амуре через Нижнеангарск, Чару, Тынду, Ургал; проложить второй путь длиной 680 км на действующей Западной части БАМа Тайшет — Лена.

По планам, сквозное движение на БАМе должно было открыться в 1985 году. Однако строительство было завершено на год раньше намеченного срока. 29 сентября 1984 года на разъезде Бамбухта в Читинской области состоялась «золотая стыковка» — строители, 10 лет шедшие навстречу друг другу с востока и запада, встретились.

Как и на любой советской «стройке века», объём выполненных работ поражал воображение. При сооружении БАМа и притрассовых дорог строители за десять лет переместили более 600 миллионов кубометров грунта, перекинули через реки и водотоки около 4200 мостов и труб, проложили более 5 тысяч километров главных и станционных путей, построили 56 железнодорожных станций и 119 разъездов. В строительстве магистрали принимали участие до полумиллиона человек. И как это часто бывало, рядом с грандиозными объёмами и невероятными трудовыми подвигами

сосуществовала полная бытовая неустроенность людей, которые эти подвиги совершали. Дорогу построили, поезда пустили, обо всём отрапортовали, а о людях забыли...

Дошло до того, что доведённые бамовцы, многие из которых десятки лет жили в щитовых домиках из тонкой фанеры или железных вагончиках («бочках Диогена», как их называли сами жители), в 1993 году начали сбор подписей о проведении на БАМе референдума о создании «Байкало-Амурской демократической республики» в составе России. И хотя дальше идеи это «начинание» не продвинулось, сам факт говорил о многом, прежде всего о том, что в начале 90-х годов БАМ, по сути дела, стал никому не нужен. Всерьёз рассматривались идеи о закрытии и консервации магистрали. И не случайно — БАМ, по которому должны были проходить десятки поездов в день, в те годы по классификации МПС был отнесён к «малодеятельным участкам с грузонапряжённостью менее 8 пар поездов в сутки».

К счастью, БАМ выжил, труд огромного числа людей, бросивших ради стройки родные места, не пропал даром. Пусть медленно, но дорога всё-таки начинает приносить пользу и оправдывать вложенные в неё гигантские средства. Если раньше интенсивность движения на БАМе составляла всего несколько процентов от запланированной, то сейчас этот показатель приближается к 50 %. Возможно, что «дорога в никуда», как называли БАМ в начале 90-х, всё-таки станет «дорогой в будущее»...

Война в Афганистане

Эту войну, в зависимости от политической погоды, называли по-разному. Сначала она была «интернациональным долгом советского народа». Потом — «несправедливой и никому не нужной войной». Но так или иначе, она была и длилась девять лет, один месяц и девятнадцать дней. И на этой войне погибли люди... 13 833 человека, и это по официальным данным. А по неофициальным, но более правдивым — в три раза больше. В основном — молодые ребята 18–25 лет, которым бы ещё жить и жить. А ведь они не хотели воевать и уж тем более умирать...

Об афганской войне написано и сказано много — в фильмах, книгах, статьях, публикациях в Интернете. Но лучше всего о ней расскажут те, кто принимал непосредственное участие в боевых действиях, те, кому пришлось испытать на себе все ужасы войны. Поэтому в этой статье мы не будем подробно останавливаться на ходе самой войны — лучше чем сами воины-афганцы, о ней никто не расскажет, а попытаемся разобраться, что стало причиной ввода советских войск в Афганистан, как начиналась эта война и кто принимал решение о вторжении...

Исторически сложилось так, что Афганистану выпала нелёгкая судьба быть центром столкновения интересов двух империй — Российской и Британской. После того как в середине XIX века Россия подчинила себе огромные территории в Центральной и Средней Азии, британцы не на шутку обеспокоились. Границы владений северного соседа оказались в непосредственной близости от Индии — главной и самой богатой английской колонии. Чтобы защитить Индию с севера, Британия в течение второй половины XIX столетия пыталась подчинить афганские племена. Бытует мнение, что за десятки лет войны англичанам так и не удалось победить афганцев. Это не совсем так: британской короне всё-таки удалось добиться своего и создать в 1896 году государство Афганистан, возглавляемое марионеточным правительством. Но какой ценой!.. В январе 1842 года из Кабула в направлении Джелалабада выдвинулся корпус англичан и индийцев. В горах отряд попал в засаду и был полностью перебит. Из 16 тысяч человек выжил только один (!) — некий доктор Брайдон, которому удалось добраться до своих и поведать о страшной трагедии. За всю историю англо-афганских войн таких примеров было немало. Как известно, история учит тому, что ничему не учит — через сто с лишним лет «достижения» британцев попытался повторить Советский Союз. На какое-то время это удалось — в Кабуле сидело полностью подчинённое Кремлю правительство. Но за это была заплачена страшная цена...

В 1919 году правительство Амануиллы-хана объявило о независимости Афганистана, и британцы навсегда ушли из страны. Надо сказать, что после прихода к власти большевиков Афганистан стал одним из первых государств, с которым Советской России удалось установить нормальные, вполне мирные отношения. В 1929 году к власти пришла династия Надир-шаха, правившая в Афганистане до июля 1973 года. Последним королём был Мохаммад Захир-шах, свергнутый в результате переворота, устроенного его двоюродным братом Мохаммадом Даудом, который вскоре провозгласил в стране республиканскую форму правления.

Советский Союз первым признал вновь провозглашённую Республику Афганистан. Однако отношение к перевороту в Кремле было отнюдь не однозначным. На первый взгляд, в Москве должны были только радоваться — в сопредельной стране, являвшейся центром важного геополитического узла, произошла смена власти и вместо монархического режима была провозглашена республика. Но на самом деле СССР совершенно не был заинтересован в свержении Захир-шаха. В 50–70-х годах Афганистан являлся дружественным государством, на которое Советский Союз оказывал заметное влияние. Советские специалисты принимали активное участие в развитии афганской экономики, в частности, в 1964 году был построен тоннель Саланг, связавший Кабул с северными районами страны. Да и сами афганцы считали правление Захир-шаха одним из немногих периодов спокойствия и стабильности в истории страны. Самое главное, что королю удалось прекратить все межэтнические и религиозные конфликты, возникавшие между населявшими Афганистан племенами. А вот после прихода к власти Дауда ситуация изменилась в худшую сторону. Новый режим подвергся атакам со всех сторон — со стороны как исламистов, так и просоветски настроенных политических сил, авангардом которых была Народно-демократическая партия Афганистана. Она была образована в 1965 году афганским журналистом Нур Мухаммедом Тараки. Но уже через полгода после образования НДПА раскололась на два лагеря, сформированных по этническому принципу: таджикский «Хальк» («Народ») во главе с Тараки и пуштунский «Парчам» («Знамя»), одним из руководителей которого был Бабрак Кармаль.

Развязка политической борьбы в Афганистане наступила в апреле 1978 года. 25 апреля по приказу Дауда были арестованы Тараки и Кармаль. Мохаммад Дауд таким образом пытался избавиться от политических соперников. Однако утром 27 апреля в Кабуле начались массовые выступления сторонников НДПА, возглавляемые заместителем Тараки Хафизуллою Амином. В результате руководители НДПА были освобождены. На сторону восставших перешла армия, в этот же день дворец Дауда был взят штурмом, а он сам и члены его семьи убиты. 30 апреля 1978 года Афганистан был провозглашён Демократической республикой, пост руководителя страны занял Нур Мухаммед Тараки.

Здесь опять следует отметить парадоксы такой тонкой материи, как внешняя политика. В Кремле к подобному развитию событий были совершенно не готовы и отнеслись к Апрельской революции, мягко говоря, без особого энтузиазма. И это при том, что новый руководитель Афганистана Тараки клялся в любви и верности СССР и Коммунистической партии и называл апрельское восстание «пролетарской революцией, составной частью мировой пролетарской революции». Но в Кремле понимали — слишком резкая смена внутренней и внешней политики Афганистана может привести к нестабильности в стране, а значит, росту антисоветских настроений, поскольку местное население считало Советский Союз главным союзником НДПА. Так и случилось: новое правительство стало рушить сложившиеся веками устои, пыталось силой насадить коммунистическую идеологию, особенно возмутили народ расстрелы религиозных деятелей по приказу Тараки. Всё это привело к тому, что через некоторое время по всему Афганистану стали вспыхивать вооружённые мятежи. К весне 1979 года обстановка накалилась до предела, некоторые провинции перешли под полный контроль оппозиции. В это же время Тараки впервые обратился к советскому руководству с просьбой оказать военную помощь. С каждым днём объёмы запрашиваемой помощи увеличивались — если вначале речь шла о десятке вертолётов и самолётов, то в августе 79-го Тараки просил прислать 2–2,5 тысячи советских десантников. Но на все эти просьбы советское правительство отвечало отказом. До поры до времени в Кремле помнили, чем заканчивается вторжение в страны типа Афганистана или Вьетнама.

Между тем, борьба за власть усиливалась и внутри самой правящей партии. Эта «борьба» закончилась тем, что в сентябре 1979 года председатель Революционного совета Афганистана Нур Мухаммед Тараки скончался. Якобы от сердечного приступа. Правда, ни для кого не было большим секретом, что Тараки был задушен собственными охранниками. А приказ об его устранении отдал самый верный друг и соратник Хафизулла Амин. Он-то и занял пост руководителя Афганистана. В Москве поначалу «приняли игру», сделали вид, что поверили в версию о естественной смерти Тараки и простили Амину его «мелкие шалости». Но Кремль очень быстро разочаровался в Амине. Обстановка в Афганистане дестабилизировалась с каждым днём, к тому же появились агентурные данные, что Амин, несмотря на помощь и поддержку Москвы, может в конце концов пойти на сотрудничество с Западом. Этого в Кремле допустить не могли. 8 декабря 1979 года было принято предварительное решение — устранить Амина и ввести советские войска в Афганистан. Это решение принимала «первая пятёрка» Политбюро ЦК КПСС — Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, А. А. Громыко, М. А. Суслов и Д. Ф. Устинов. 12 декабря на заседании Политбюро было принято постановление ЦК КПСС № 176/125 «К положению в Афганистане», окончательно решившее судьбы и Хафизуллы Амина, и всего Афганистана. Против ввода войск возражали только представители Генштаба, понимавшие, что это приведёт к усилению мятежных действий, которые будут направлены прежде всего против советских солдат. Но к их мнению не прислушались. О вводе войск проинформировали Амина, что вызвало у руководителя Афганистана неподдельную радость. Собственно говоря, он, как и его предшественник Тараки, постоянно добивался расширения советской военной помощи, и вот наконец решение принято. 25 декабря 1979 года 40-я армия под командованием генерал-лейтенанта Ю. В. Тухаринова, имевшая в своём составе 4 дивизии, 5 отдельных бригад, 4 отдельных полка и смешанный авиакорпус, вступила в Афганистан.

«Советские дивизии уже на пути сюда. Всё идёт прекрасно. Я постоянно связываюсь по телефону с товарищем Громыко, и мы сообща обсуждаем вопрос, как лучше сформулировать для мира информацию об оказании нам советской военной помощи». Эту речь Амин произнёс перед собравшимися 27 декабря 1979 года на торжественный обед в роскошном дворце Тадж-Бек членами афганского Политбюро, министрами и членами их семей. Амин и не подозревал, что именно в этот момент началась операция по его устранению. Вокруг дворца Тадж-бек уже располагались бойцы спецгрупп КГБ, в том числе и знаменитой «группы А» («Альфа»), а в Кабуле советские войска блокировали афганские части, которые могли прийти на помощь руководителю Афганистана...

Во время обеда Амин и некоторые его гости неожиданно почувствовали себя плохо. Стало ясно, что еда была отравлена. Состояние Амина ухудшалось с каждой минутой, в конце концов он потерял сознание. Начальник личной гвардии срочно вызвал специалистов из клиники советского посольства. И советские врачи, не подозревая, что вмешиваются в ход операции, проводимой КГБ и санкционированной Политбюро, буквально вытащили Амина с того света. Правда, ненадолго, всего на несколько часов...

Попытка отравления встревожила охрану дворца Тадж-Бек. Вокруг дворца и в самом помещении были выставлены дополнительные посты охраны. Об этом, естественно, знали руководители операции, однако штурм дворца отменять не стали. Примерно в четверть восьмого вечера в кабульское небо взлетели две красные ракеты, сигнализирующие о начале штурма.

Личная охрана Амина, около 300 человек, большинство из которых, кстати, прошли подготовку в Советском Союзе, без боя сдаваться не собиралась. О том, что происходило во время штурма, можно судить по воспоминаниям одного из участников тех событий Валентина Братерского: «Мы оставили дворец, в котором ковры были пропитаны кровью и хлюпали под ногами. Это трудно себе представить...». Однако, несмотря на отчаянное сопротивление, через несколько часов дворец Тадж-бек был взят, а Хафизулла Амин убит в ходе штурма. Что касается бойцов спецгрупп КГБ,

непосредственно штурмовавших дворец Амина, то погибло 5 человек, в том числе и общий руководитель спецгрупп КГБ СССР полковник Г. И. Бояринов, почти все бойцы были ранены.

Если не обращать внимания на потери, операция по устранению Амина и передаче власти другому руководителю НДПА Бабраку Кармалю прошла успешно. Но к достижению главной цели — добиться стабильности и контроля над всеми районами Афганистана — это не привело. Сопrotивление афганской оппозиции не только не уменьшилось, а резко возросло. Произошло то, о чём предупреждали аналитики Генштаба, — основным объектом атак моджахедов стали советские войска, а не части афганской армии. Кроме того, разрозненные ранее племена и группировки, даже те, которые долгие годы враждовали между собой, объединились перед лицом общего врага.

Первоначально советское руководство не предполагало, что 40-я армия будет вести боевые действия против оппозиционных сил. Расчёт был на то, что сам по себе факт присутствия значительных и хорошо вооружённых частей позволит руководителям НДПА стабилизировать обстановку. Но ситуация развивалась не по плану Кремля. Уже 9 января 1980 года в районе Ишакчи произошло первое столкновение частей 40-й армии с афганским 4-м артиллерийским полком, перешедшим на сторону оппозиции. А в двадцатых числах февраля в Кабуле и других городах прошли массовые вооружённые антиправительственные и антисоветские выступления, после которых советским командованием было принято решение — совместно с вооружёнными силами Афганистана начать активные боевые действия против моджахедов. Советский Союз получил свой Вьетнам...

Первые столкновения между частями 40-й армии и силами оппозиции показали, что в открытом бою у моджахедов нет никаких шансов. Советские войска легко уничтожали противника. Причём потери среди солдат в этих боях обычно составляли до десятка человек, тогда как мятежники теряли сотни бойцов. После нескольких крупных поражений моджахеды изменили тактику, стали уклоняться от прямых столкновений, перейдя фактически к партизанской войне. В это же время увеличился объём поставок вооружений для войск оппозиции из США, Пакистана и других стран. Всё это привело к резкому увеличению потерь среди советских войск. Всё чаще и чаще с афганских аэродромов взлетали «Чёрные тюльпаны» с «грузом 200» — цинковыми гробами, в которых вчерашние мальчишки возвращались на родину. А там их ждали тихие, без всяких почестей, похороны, поскольку говорить о том, где отдал свою жизнь солдат, и делать надписи на памятниках «Погиб в Афганистане» запрещалось.

Самыми тяжёлыми были 1983 и 1984 годы. 40-я армия оказалось втянутой в широкомасштабные боевые действия по всей стране. А в 1985-м новый Генеральный секретарь ЦК Михаил Горбачёв заявил о намерении вывести войска из Афганистана. Но до того момента, как командующий 40-й армией генерал Борис Громов перешёл по мосту «Дружба» между Узбекистаном и Афганистаном и стал, таким образом, последним советским военным, покинувшим Афганистан, оставалось ещё долгих четыре года...

Во время визита в США в декабре 1987 года М. С. Горбачёв заявил о том, что политическое решение о выводе советских войск из Афганистана принято. 15 апреля 1988 года в Женеве было подписано четырёхстороннее мирное соглашение между СССР, Афганистаном, Пакистаном и США, после чего начался вывод советских войск из Афганистана. А 15 февраля 1989-го последний батальон 40-й армии пересёк государственную границу. Война, унёсшая жизни десятков тысяч советских солдат и миллиона афганцев, закончилась. Однако долгожданное спокойствие на земле Афганистана так и не наступило...

Антиалкогольная кампания

Пили горькую на Руси всегда и во все времена. От сего факта, как говорится, не убежишь. Да вот ведь вопрос: «А сколько пьём? И сколько можно пить?». Медики и учёные в своих многочисленных исследованиях доказали, что в расчёте на душу населения предельно допустимым уровнем потребления является 8 литров чистого алкоголя в год. А дальше начинаются все «прелести» алкоголизации населения, прежде всего деградация генофонда и, как следствие, резкое снижение рождаемости. В 1959 году в СССР население выпивало 5 литров чистого алкоголя на человека. Цифра, конечно, заниженная, ведь это так называемое «регистрируемое потребление», то есть то количество спиртных напитков, которое прошло через государственную торговлю. Вне этой цифры остаются самогон, всяческие вина-наливки — в общем, спиртные напитки, производимые в домашних условиях. По расчётам учёных, для получения истинных данных о потреблении спиртных напитков к регистрируемому уровню нужно прибавить 2–3 литра производимого в домашних условиях чистого алкоголя на человека в год. То есть к началу 60-х годов уровень потребления спиртных напитков в СССР был высок, однако критической отметки не переходил.

В 60-х ситуация с каждым годом ухудшалась. Согласно официальным данным Центрального статистического управления (ЦСУ) и Госкомстата РСФСР (кстати, эти данные были секретными и опубликованы только в 1988 году), в 1970 году уровень потребления составил 8,3 литра в год, и это без учёта кустарного производства, которое также росло с каждым годом. К середине 80-х положение стало критическим — регистрируемый уровень потребления: 10,6 литра, с учётом производства в домашних условиях — 14 с лишним литров. Это была уже катастрофа, страна попросту спивалась. «Дело иногда доходило даже до того, — вспоминал один из „отцов“ перестройки Александр Яковлев, — что на некоторых заводах замеченным в пьянстве не выдавали зарплату — выдавали сразу жёнам. А то некоторые мужья в день получки не успевали донести деньги до дома».

Конечно, в Кремле знали о сложившейся ситуации. Проблему алкоголизма рассматривали и при Брежневле, и при Андропове, и при Черненко. Но экономика страны и так трещала по швам, а без огромных «водочных» денег и вовсе рухнула бы. Монополия на водку давала государству невероятную прибыль. Население не останавливали даже постоянно растущие цены на сорокоградусную. Кстати, эти цены помнили лучше, чем таблицу умножения. Если человек подходил к кассе и говорил: «три шестьдесят две», кассир не спрашивал, что именно покупатель хочет купить и в какой отдел выбить чек.

Ситуация была, так сказать, обоюдовыгодной: народ, точнее мужская его часть, продолжал вести необъявленную войну с самим собой, государство же, получая сверхприбыли, этому не препятствовало. Наконец новая власть, пришедшая в Кремль в середине 80-х, решила. 16 мая 1985 года было опубликовано постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма и искоренению самогонноварения», а также указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством». Так началась знаменитая антиалкогольная кампания.

Поначалу инициатива сверху была встречена в народе, в общем-то, спокойно. «Разруху пережили, войну пережили, переживём и это». Женская часть населения писала в Кремль, на телевидение и в газеты письма с благодарностями. Правильно, мол, партия взялась за мужиков. Мужики же ворчали, но пить от этого не бросали. Однако дальше всё пошло по известной поговорке: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Инициаторы кампании почему-то решили, что если продажу водки резко ограничить, то у народа так же резко пропадёт желание эту самую водку пить. Для начала были резко повышены (на 50 % и более) цены на спиртные напитки. Затем спиртное стали продавать только с двух часов дня и не больше чем по две бутылки в одни руки.

Сочетание высоких цен и дефицита привело к тому, что народ стал искать замену привычному продукту. С утра очереди страждущих выстраивались у парфюмерных отделов. «Шипр», «Тройной одеколон» и особо почитаемый у «ценителей» за особый вкус «Огуречный лосьон» раскупались за час-два работы магазина. Так же как и в винно-водочных магазинах, в отделах парфюмерии были установлены нормы отпуска — не больше двух флаконов в одни руки. Надо сказать, что одеколон и прочие, спиртосодержащие парфюмерные изделия — это не самый плохой вариант. В худшем народ пил денатурат, политуру, жидкость для мытья окон, так называемую «бэфовку», то есть спирт, полученный из клея БФ, — в общем, всё, что хотя бы чуть-чуть пахло спиртом. И как следствие, в несколько раз увеличилось количество отравлений.

Резко возросло и кустарное производство спиртных напитков, в основном самогона. Если раньше самогон гнали преимущественно в сельской местности, то теперь к этому процессу подключились и горожане. Сахар и дрожжи моментально стали дефицитом и распределялись по талонам. Ответом самогонщиков были сотни новых рецептов изготовления самогона. Хитроумные конструкции самогонных аппаратов были достойны публикации на страницах журнала «Изобретатель и рационализатор», а то и премии в области науки и техники. Власть пыталась бороться с самогонщиками: если раньше на самогонноварение смотрели, по большому счёту, сквозь пальцы, то

после начала антиалкогольной кампании самогонщик оказался чуть ли не главным врагом государства. Ежедневно и еженощно проводились рейды, самогонные аппараты изымались сотнями и тысячами. Но все эти меры особого результата не давали.

Государство привлекло к антиалкогольной кампании мощные пропагандистские силы. Газеты клеймили пьяниц и самогонщиков, киноиндустрия выпускала художественные, документальные и даже мультипликационные фильмы на антиалкогольную тематику. Телевидению не рекомендовалось показывать фильмы со сценами застолий. Повсеместно пропагандировались так называемые «комсомольские» безалкогольные свадьбы, на которых вместо водки и шампанского пили чай. Борьбу с «зелёным змием» пытались вести и созданием якобы «народного и добровольного» объединения сторонников здорового образа жизни. В сентябре 1985 года в Москве было учреждено Всесоюзное добровольное общество борьбы за трезвость. Первая учредительная конференция вновь созданного общества проходила не где-нибудь, а в Колонном зале Дома союзов. Председателем Общества был избран вице-президент Академии наук СССР Ю. А. Овчинников. За несколько месяцев в Общество трезвости вступило более 12 миллионов человек, по всей стране было создано около 400 тысяч первичных ячеек. Над первичными ячейками стояли 3800 районных и 900 городских советов. Цифры выглядели очень внушительно, если бы не одно «но» — добровольностью здесь и не пахло. В Общество трезвости загоняли из-под палки, начальник любого ранга и просто член партии обязаны были стать приверженцами здорового образа жизни. Как только антиалкогольная кампания стала сворачиваться, Общество трезвости фактически перестало существовать.

Уже через несколько месяцев после старта стало очевидно, что антиалкогольная кампания обречена на провал. Бюджет страны нёс колоссальные потери. Сотни ликёро-водочных заводов перепрофилировались на выпуск фруктовых соков и безалкогольных напитков, но обеспечить прежнюю прибыльность не могли. Страшный удар был нанесён по виноделию. Дабы отчитаться перед вышестоящим начальством и изобразить борьбу за трезвый образ жизни, по всей стране нещадно вырубались виноградники, над которыми десятки лет трудились специалисты-виноделы. А ведь вырубка виноградников в таких республиках, как Молдавия или Грузия, где виноделие не просто отрасль пищевой промышленности, а часть культуры жителей, воспринималась как личное оскорбление целому народу.

К 1988 году антиалкогольная кампания фактически сошла на нет и, как и следовало ожидать, завершилась оглушительным провалом. Власть пыталась отучить народ пить горькую, делая ставку на административные методы, с помощью жёсткого нажима. «Егор Кузьмич Лигачёв (на тот момент второй человек в партийном руководстве, считался главным инициатором антиалкогольной кампании. — *Авт.*), обладающий весьма твёрдым характером, стремился к ужесточению в реализации указа, — рассказывал Александр Яковлев. — На каждом секретариате он кого-нибудь отчитывал — то Грузию, то Молдавию. Заместитель председателя Госплана, который ведал вопросами продовольствия, тоже получал выговоры. Нажим был колоссальный. Наше государство — вообще театр абсурда, а уж тут и говорить не о чем. Не приведи господи, если кто-то употребил шампанское по случаю чьей-нибудь свадьбы или дня рождения, да ещё являясь при этом членом партии. Его вызывали на собрание и прорабатывали. В общем, вводилась какая-то антиалкогольная опричнина». Так происходило повсеместно. Какой-нибудь районный начальник вызывал «на ковёр» своих подчинённых и гневно спрашивал, почему не выполнен план по сдаче населением самогонных аппаратов и как так допустили, что во время показа фильма о вреде пьянства зал не был заполнен до отказа.

Каковы же были итоги антиалкогольной кампании? За два года, с 1985-го по 1987-й, регистрируемое потребление алкоголя снизилось на 51 %, с учётом кустарного производства снижение потребления составило 27-29 %. Однако эти оптимистичные на первый взгляд цифры не сказались на здоровье народа, скорее наоборот, отучили людей пить качественные спиртные напитки. Как сказал в одном из интервью Михаил Горбачёв, вспоминая антиалкогольную кампанию: «Из-за допущенных ошибок хорошее большое дело закончилось бесславно». И с этим мнением трудно не согласиться...

Чернобыль

Весна, тихая украинская ночь. Негромко поют птицы, воздух наполнен терпким ароматом цветущих деревьев. И рядом смерть. И даже не рядом, а везде. Невидимая и неслышимая, но беспощадная...

Для миллионов жителей Украины, России и Белоруссии ночь с 25 на 26 апреля 1986 года разделила время на «до» и «после». Вышедший из-под контроля из-за человеческой самоуверенности и беспечности «мирный» атом показал свою страшную силу. Чернобыль — это не только символ разбушевавшейся ядерной стихии, авария на Чернобыльской атомной электростанции стала очень жёсткой проверкой для новой власти. Проверкой, которую эта власть не выдержала...

Строительство ЧАЭС началось в 1970 году. На станции предполагалось установить уран-графитовые реакторы типа РБМК (реактор большой мощности канальный) тепловой мощностью 3200 МВт. Ещё до начала строительства некоторые специалисты забили тревогу: реакторы типа РБМК, по их мнению, были небезопасны, прежде всего из-за того, что в случае непредвиденных обстоятельств безопасность реактора зависела от действий оператора — автоматической аварийной системы защиты не было предусмотрено. Но голоса эти остались не услышанными. Проект станции был принят Государственной комиссией и утверждён Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ). В 1977 году были построены 1-й и 2-й энергоблоки, а ещё через шесть лет введены в эксплуатацию 3-й и 4-й. И практически сразу же после того как ЧАЭС выдала первые киловатты электроэнергии, начались неприятности: нештатные ситуации и локальные аварии происходили одна за другой. К примеру, с 1983 по 1985 год на ЧАЭС произошло пять аварий и 63 отказа основного оборудования. Уже после аварии заговорили о том, что рано или поздно что-то подобное должно было случиться, если не на ЧАЭС, так на другой электростанции. Но до апреля 1986 года все робкие попытки привлечь внимание к проблеме безопасности на советских АЭС наталкивались на непробиваемую стену самонадеянности, мол, ядерная энергетика абсолютно надёжна, мелкие аварии, конечно, неизбежны, но высококвалифицированный персонал хорошо обучен и справится с любой нештатной ситуацией. «Мирный атом» безопасен на все сто процентов, а раз так, то и беспокоиться просто не о чем...

На конец апреля 1986 года на 4-м блоке ЧАЭС был запланирован так называемый эксперимент «по самообеспечению реактора энергией». Реактор предполагалось заглушить, но перед этим необходимо было проверить, хватит ли его энергии для обеспечения работы насосов системы охлаждения. Этот эксперимент уже проводился, однако достоверных и окончательных результатов получено не было, и тест решено было повторить.

Первоначально остановить 4-й энергоблок планировалось днём 25 апреля. Возможно, если бы так и произошло, то аварийной ситуации и не возникло или, по крайней мере, она не вышла бы из-под контроля. Днём на станции находились руководители и специалисты, подготовленные к подобного рода экспериментам. Но... Из-за проблем на другой электростанции в энергосистеме не хватало электроэнергии, и диспетчер «Киевэнерго» запретил останавливать 4-й блок. 25 апреля в 23:10 разрешение на остановку 4-го энергоблока было получено, и персонал станции начал плановое снижение мощности реактора. До этого в восемь часов вечера состоялись пересменка и общестанционное селекторное совещание, на котором было сообщено, что 4-й блок работает без достаточного количества стержней-поглотителей, которые в случае аварийной ситуации должны были обеспечить надёжное срабатывание системы защиты реактора. Но на это не обратили никакого внимания...

Вообще подготовка и сам ход эксперимента на 4-м энергоблоке были проведены настолько беспечно и халатно, с таким количеством отступлений от регламента обслуживания реактора, что складывается впечатление, будто персонал станции собирался испытывать небольшой дизель-генератор, а не ядерный реактор огромной мощности, заряженный тоннами радиоактивных веществ. Помимо прочего, программой теста предусматривалось отключение системы аварийного охлаждения реактора (САОР). Во всех инструкциях и правилах записано — отключать САОР категорически запрещено. Но проводивший тест персонал посчитал, что автоматическое срабатывание САОР может привести к срыву эксперимента, и один из самых главных элементов обеспечения безопасности реактора был отключён. И уж в который раз приходится упоминать пресловутое «если бы»... Если бы система аварийного охлаждения была включена, аварии, скорее всего, не случилось бы. Но...

Согласно разработанному регламенту эксперимента мощность реактора предполагалось снизить с 3000 МВт до 700–1000. Однако из-за ошибки оператора мощность агрегата упала почти до нуля. Как должны были поступить операторы, проводившие эксперимент, в такой ситуации? Согласно правилам — немедленно заглушить реактор. Как же поступил персонал 4-го блока ЧАЭС? В нарушение всех норм и требований было принято решение продолжить эксперимент и поднять мощность реактора. Чтобы сделать это, оператор уменьшил количество стержней-поглотителей, количество которых уже и так было меньше требуемого по правилам...

Примерно в 1 час ночи 26 апреля мощность реактора удалось поднять до 200 МВт. В таком режиме

из-за физических характеристик и особенностей конструкции реактор работал очень неустойчиво. В 1 час 22 минуты в ядре реактора началось образование пара. В 1:23:21 приборы зафиксировали резкое увеличение количества пара и бесконтрольный рост мощности реактора. Через 20 секунд операторы попытались ввести в активную зону реактора все регулирующие стержни и стержни аварийной защиты. Стержни пошли вниз, но через несколько секунд раздался удар и стержни остановились, не дойдя до конца активной зоны. В 1:23:44 мощность реактора превысила номинальную в 100 раз. Топливные каналы реактора начали разрушаться, и в 1 час 24 минуты раздался два глухих взрыва. В небо над 4-м блоком ЧАЭС взметнулся фиолетовый столб раскалённых газов. Взрывы сдвинули со своего места металлоконструкции верхней части реактора и пробили крышу машинного зала. Доступ воздуха привёл к возникновению пожара...

«Тим, хто врятував світ» — такая надпись высечена на памятнике пожарным и ликвидаторам аварии на 4-м блоке ЧАЭС... О том, что могло случиться, даже страшно подумать. В первое время после аварии существовала реальная угроза ещё одного взрыва, более ужасного по последствиям, чем первый. Под реактором находился резервуар с водой для охлаждения, и если бы поддерживавшие его конструкции не выдержали, то реактор рухнул бы в воду. И тогда... Тогда, по расчётам специалистов, зона отчуждения имела бы радиус не 30 километров, а как минимум 500–600, погибли бы десятки тысяч людей, а миллионы получили бы большие дозы облучения. Кроме того, существовала реальная угроза повреждения и 3-го энергоблока, находившегося в непосредственной близости от разрушенного реактора. Если бы это произошло, то страшный сценарий «ядерной пустыни» на территории в сотни тысяч квадратных километров стал бы реальностью. И только благодаря пожарным из Припяти, которые первыми бросились в ядерное пекло, последствия аварии удалось уменьшить. Эти люди шли на верную смерть, но благодаря их мужеству мир действительно был спасён от страшной ядерной катастрофы.

Наверное, многие из тех, кто в первые часы аварии участвовал в борьбе с огнём, понимали, что означает малиновое свечение над 4-м блоком. Но истинных масштабов произошедшего никто не представлял, люди просто не знали, куда они шли, и что допустимая доза радиации в районе станции превышена в 87 тысяч раз. До утра 26 апреля у персонала станции в распоряжении были дозиметры, рассчитанные на измерение дозы излучения 3,6 рентгена в час, тогда как возле 4-го блока излучение достигало десятков тысяч рентген. Естественно, что эти дозиметры моментально зашкаливали. Только у начальника гражданской обороны ЧАЭС был в распоряжении прибор, способный измерять излучение до 200 рентген в час. Около 3 часов ночи 26 апреля начальник ГО измерил радиационное поле возле 4-го блока. Прибор, естественно, тоже зашкалило, о чём было сообщено директору ЧАЭС Брюханову, который прибыл на объект около 4 часов утра. Но тот сказал, что прибор неисправен, и докладную записку выбросил в мусорную корзину. Первое сообщение в Киев ушло в полчетвёртого утра: «Взорвался бак аварийной системы охлаждения, один человек погиб, один тяжело ранен, взрывом повредило крышу блока, реактор цел, радиационная обстановка в пределах нормы». А в это время в медпункт один за другим попадали ликвидаторы с одинаковыми симптомами: «головная боль, першение в горле, сухость, тошнота, рвота, нарушения психики». А вскоре острые признаки лучевой болезни стали чувствовать и жители близлежащих населённых пунктов...

Наверное, сейчас любой здравомыслящий человек понимает, что прежде всего необходимо делать в подобной ситуации — принять меры к локализации аварии и немедленно приступить к эвакуации людей, проживающих в непосредственной близости от места ядерного взрыва. Но в советское время в случае каких-то аварийных ситуаций и катастроф господствовал принцип: любой ценой попытаться скрыть произошедшее, даже если сделать это невозможно. В зоне радиусом 30 километров вокруг ЧАЭС проживало примерно 125 тысяч жителей. Население города Чернобыль, расположенного в 15 км от станции, составляло 12,5 тысячи жителей, а Припяти, находящейся в трёх километрах от разрушенного реактора, — 49 тысяч. Буквально за минуту 8 из 140 тонн радиоактивного топлива реактора 4-го блока оказались в воздухе. Люди, проживавшие неподалёку от ЧАЭС, получили дозу облучения, сравнимую с дозой при американской ядерной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки. Естественно, что всех этих людей следовало немедленно оповестить о случившемся и в кратчайшие сроки эвакуировать в безопасное место.

Когда радиоактивное пятно достигло Швеции и это было зарегистрировано местными станциями радиологического контроля, шведские власти прежде всего провели эвакуацию людей из зоны атомной станции и только потом выяснили, что взрыв произошёл не у них. Так поступают там, где ценность человеческой жизни является главным приоритетом. Но в СССР было иначе. Цепочка лжи, начатая руководством ЧАЭС во главе с директором станции, продолжала действовать. «Пожар потушен, реактор цел, радиационный фон в пределах нормы» — эти успокаивающие сообщения продолжали поступать в Киев и Москву до самого утра 26 апреля. Только около 9 часов утра было созвано срочное заседание Политбюро ЦК КПУ, где впервые был поставлен вопрос об эвакуации жителей Припяти. Но ЧАЭС по статусу считалась объектом союзного подчинения, а только что созданная к тому времени правительственная комиссия во главе с заместителем председателя Совета министров СССР Борисом Щербиной из-за неправдивой информации не владела ситуацией, и потому решение об эвакуации затягивалось. Когда же масштабы катастрофы стали очевидны, в Кремле началась борьба между теми, кто настаивал на немедленной эвакуации жителей

прилегающих к ЧАЭС районов, а возможно, в случае ухудшения обстановки, и Киева, и теми, кто считал, что такое решение приведёт к панике и ситуация в двухмиллионной столице Украины попросту выйдет из-под контроля. В итоге эвакуация Припяти была проведена только 27 апреля, с опозданием на сутки. А в условиях, когда радиационный фон превышал допустимый уровень в тысячи раз, эти 24 часа означали тысячи жизней, которые забрала лучевая болезнь...

Спустя годы аварию на ЧАЭС называли первым испытанием политики «гласности», объявленной Михаилом Горбачёвым. С высоких трибун произносились громкие слова о том, что общество должно в полном объёме быть информировано о происходящем в стране, однако катастрофу на ЧАЭС скрывали до последнего. Об аварии в Чернобыле всю трубили западные «голоса», по Киеву ползли слухи один страшнее другого, но только 27 апреля центральная пресса сообщила о «нештатной ситуации на Чернобыльской атомной станции». Через два дня в «Правде» появилась небольшая заметка, в которой сообщалось о «двух погибших и незначительном выбросе радиоактивных веществ». Одна за другой в Кремль из многих стран мира шли телеграммы с требованием раскрыть всю информацию о ситуации на 4-м блоке ЧАЭС. Но «с целью недопущения панических настроений и ради успокоения мирового общественного мнения» в газетах и на телевидении до начала мая информация выдавалась по крупицам, а эвакуация жителей из 30-километровой зоны вокруг ЧАЭС началась только 2 мая.

Первоначально распространение радиоактивного загрязнения происходило в северо-западном направлении (именно поэтому первыми забили тревогу радиологические станции слежения скандинавских стран), в последующие два-три дня — в северном, а с 29 апреля 1986 года радиоактивное облако начало покрывать Киев и близлежащие районы. К этому моменту столицу Украины уже покинули иностранные специалисты и студенты, обучавшиеся в киевских вузах. Повторим ещё раз — на заседании правительственной комиссии рассматривалось предложение об эвакуации жителей Киева. Но эвакуацию решили не проводить, более того, не стали и отменять намеченную на 1 мая праздничную демонстрацию. По улице шли пионеры в рубашках с коротким рукавом, кружились в пляске пары в национальных костюмах, а в это время радиационный фон на Крещатике превышал естественный уровень в 80 раз...

После праздников в Киеве началась паника, остановить которую уже было невозможно. По разным данным, город покинули от 500 тысяч до миллиона жителей. очевидцы тех событий вспоминали, что в Киев приходили пустые поезда, на 20 вагонов иногда не набиралось и десятка пассажиров. В обратном направлении ситуация была совершенно противоположной. Руководство железной дороги распорядилось выделить дополнительно 30 поездов, но мест катастрофически не хватало.

Каковы же последствия самой страшной в истории человечества техногенной катастрофы? Значительному радиоактивному заражению подверглись Гомельская и Могилёвская области Белоруссии, районы Киевской и Житомирской областей УССР, Брянская область РСФСР. Всего же в той или иной степени 11 областей СССР, территорией более 160 тысяч километров и населением 17 миллионов человек, попали под действие радиоактивного облака. Согласно опубликованному в 1995 году специальному отчёту ООН, количество непосредственно и косвенно пострадавших от взрыва реактора на ЧАЭС составляет 9 миллионов человек, из них около 4 миллионов — дети в возрасте до 14 лет. От последствий лучевой болезни к настоящему времени умерло более 300 тысяч человек.

И последнее. 5 июня 2000 года президент Украины официально заявил о закрытии ЧАЭС. Но никакие указы не остановят выброс радиоактивных веществ, если возведённый ещё в ноябре 1986 года над 4-м блоком саркофаг даст трещину. По оценкам специалистов, полная консервация станции обойдётся в сумму от 2 до 4 миллиардов долларов. Огромные деньги, но их обязательно нужно найти. Ведь реактор 4-го блока по-прежнему непредсказуем в своём поведении. О том, что может случиться, если он снова выйдет из-под контроля, — не хочется даже и думать...

Владимир Маяковский

Владимир Маяковский написал предсмертную записку за два дня до своей гибели. Письмо было написано карандашом и почти не содержало знаков препинания. Вот этот текст:

«Всем.

В том, что умираю, не вините никого и, пожалуйста, не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил.

Мама, сёстры и товарищи, простите — это не способ (другим не советую), но у меня выходов нет.

Лиля — люби меня!

Товарищ правительство, моя семья — это Лиля Брик, мама, сёстры и Вероника Витольдовна Полонская.

Если ты устроишь им сносную жизнь — спасибо.

Начатые стихи отдайте Брикам, они разберутся.

Счастливо оставаться.

Владимир Маяковский. 12/IV — 30 г.

Товарищи Рапповцы, не считайте меня малодушным.

Серьёзно — ничего не поделаешь.

Привет.

Ермилову скажите, что жаль — снял лозунг, надо бы доругаться.

В. М.

В столе у меня 2000 рублей — внесите в налог.

Остальное получите с Гиза.

В. М.».

«Не сплетничать» не получается вот уже больше семидесяти лет — масштаб личности «покойника» настолько велик, что его предсмертная воля осталась неисполненной. Да и биография Владимира Маяковского под стать его стихам и рисункам — такая же бурная и полная неожиданных поворотов и в то же время отражающая твёрдость позиции поэта во всём, что касалось основных принципов его жизни и творчества.

Владимир родился в семье лесничего 7 (19) июля. Какое года? Сам Маяковский в своей автобиографии «Я сам» пишет: «...1894 г. (или 93 — мнения мамы и послужного списка отца расходятся. Во всяком случае, не раньше). Родина — село Багдади, Кутаисская губерния, Грузия». Ребёнок появился на свет в день рождения своего отца Владимира, и потому его тоже назвали Володей.

Мальчик рос и воспитывался в дворянской семье, получал вполне либеральное и светское домашнее воспитание. Он прекрасно владел русским, французским и, конечно же, грузинским языками, что, кстати, стало причиной анекдотического случая, произошедшего при поступлении Владимира в Кутаисскую классическую гимназию в 1901 году. Сам Маяковский пишет в автобиографии: «... Экзамен в гимназию... Священник спросил — что такое „око“. Я ответил: „Три фунта“ (так по-грузински). Мне объяснили любезные экзаменаторы, что „око“ — это „глаз“ по-древнему, церковно-славянскому. Из-за этого чуть не провалился. Поэтому возненавидел сразу — всё древнее, всё церковное и всё славянское. Возможно, что отсюда пошли и мой футуризм, и мой атеизм, и мой интернационализм».

В 1906 году от заражения крови умер отец Владимира, уколов палец медной булавкой. С тех пор он панически боялся малейших ран и бесконечно дезинфицировал порезы и ссадины, страшаясь смерти от незамеченной царапины. У многих, не знавших причин такой болезненной мнительности, это вызывало улыбку: гигант Маяковский бросался за йодом, случайно уколов палец; ему становилось плохо при виде даже капли крови, он требовал перевязки и широкомасштабных медицинских мероприятий. Кстати, потом этот страх стал почвой для домыслов о невозможности самоубийства

поэта.

После смерти отца семья Маяковских осталась без средств: «...После похорон отца — у нас 3 рубля. Инстинктивно, лихорадочно мы распродали столы и стулья. Двинулись в Москву. Зачем? Даже знакомых не было... Денег в семье нет. Пришлось выжигать и рисовать. Особенно запомнились пасхальные яйца. Круглые, вертятся и скрипят, как двери. Яйца продавал в кустарный магазин на Неглинной. Штука 10–15 копеек. С тех пор бесконечно ненавижу... русский стиль и кустарщину...».

После множества просьб и хождений по чиновникам удалось добиться пенсии 50 рублей в месяц. Но денег всё равно не хватало, и комнаты выбирали самые дешёвые, поэтому соседями Маяковских всегда были студенты. Так Володя, не по годам рослый и серьёзный, втянулся в революционную деятельность.

В 1908 году В. Маяковского отчислили из московской гимназии № 5 за неуплату и неуспеваемость, и он поступил в Строгановское училище, где учился изобразительному искусству, но «...29 марта 1908 г. нарвался на засаду... Ел блокнот. С адресами и в переплёте. Пресненская часть. Охранка. Сущёвская часть». Разумеется, его выгнали из училища.

1908–1911 годы. Заключение и ссылка. В Бутырской тюрьме Маяковский начал писать стихи: «... Исписал... целую тетрадку. Спасибо надзирателям — при выходе отобрали. А то б ещё напечатал!...». Выйдя из тюрьмы, он оставил «революцию», решив, что должен прежде всего получить образование: «...Я должен пройти серьёзную школу. А я вышиблен даже из гимназии, даже и из Строгановского. Если остаться в партии... перспектива — всю жизнь писать летучки, выкладывать мысли, взятые из правильных, но не мной придуманных книг... Я прервал партийную работу. Я сел учиться... Думалось — стихов писать не могу. Опыты плачевные. Взялся за живопись... Поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества: единственное место, куда приняли без свидетельства о благонадёжности».

В 1911 году Владимир поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества и завязал дружбу с художником и поэтом Давидом Бурлюком, который организовал литературно-художественную группу футуристов. «...В училище появился Бурлюк. Вид наглый. Лорнетка. Сюртук. ...Уже утром Бурлюк, знакомя меня с кем-то, басил: „Не знаете? Мой гениальный друг. Знаменитый поэт Маяковский“. Толкаю. Но Бурлюк непреклонен. Ещё и рычал на меня, отойдя: „Теперь пишите. А то вы меня ставите в глупейшее положение“». Пришлось писать: выходит книга Маяковского «Я» («Себе, любимому, посвящает эти строки автор...»), его стихи появляются на страницах альманахов «Молоко кобылиц», «Дохлая луна», «Рыкающий Парнас».

В 1912 году Маяковский становится постоянным участником диспутов о новом искусстве, выставок и вечеров, проводившихся радикальными объединениями художников-авангардистов. Футуристы вошли в поэзию шумно, эпатажируя читателя и слушателя своими литературными экспериментами, необычностью названий своих сборников («Пощёчина общественному вкусу», «Взял» и т. п.), разрисованными лицами, нарочитой скандальностью публичных выступлений: «...Газеты стали заполняться футуризмом. Тон не очень вежливый. Так, например, меня просто называли „сукиным сыном“».

Владимир Маяковский дразнил публику и едкой иронией, и броскими стихами, и всем своим видом. Он не мог не обратить на себя внимания: высокий, красивый, задиристый, любящий споры с публикой. «Здоровенный, с шагом саженным» Маяковский создавал образ площадного оратора, слова которого не могут быть красивы, они — «судороги, слипшиеся комом». Уже это было настоящим скандалом для критики и публики, привыкшей к изысканным поэтическим образам и манерности поэтов.

Но наибольшим нападкам подверглась... жёлтая кофта поэта, в которой он выступал. Ей приписывались какие-то демонические свойства и тайный смысл, она была воплощением футуристического эпатажа. Но, как это часто бывает, её появление стало результатом случайности: «...Костюмов у меня не было никогда. Были две блузы — гнуснейшего вида. Испытанный способ — украшаться галстуком. Нет денег. Взял у сестры кусок жёлтой ленты. Обвязался. Фурор. Значит, самое заметное и красивое в человеке — галстук. Очевидно — увеличишь галстук, увеличится и фурор. А так как размеры галстуков ограничены, я пошёл на хитрость: сделал галстукую рубашку и рубашковый галстук. Впечатление неотразимое».

В 1914 году Маяковского исключили из училища за участие в скандальных выступлениях футуристов, но к тому времени он был уже довольно известен.

Июль 1915 года стал поворотным пунктом в биографии Владимира Маяковского. Этим летом он получил сердечную рану, от которой так и не смог оправиться до самой смерти, до выстрела в сердце 14 апреля 1930 года. Начался путь Маяковского к гибели, но пока он пишет: «... Радостнейшая дата. Июль 1915-го года. Знакомлюсь с Л. Ю. и О. М. Бриками».

С этого момента и до конца жизнь поэта становится собственностью Лилии Юрьевны Брик, жены

Осипа Брика... Он посвящал ей все поэмы. Она стала его музой, то заставляя страдать, то давая надежду, но всегда неукоснительно следя, чтобы у поэта не было серьёзных отношений с другими женщинами. А Осип Брик занимался изданием стихов Маяковского и не мешал Лиле. И когда в 1928 году вышел первый том собрания его сочинений, посвящение гласило: Л. Ю. Б., несмотря на то что за прошедшие годы поэт не раз серьёзно влюблялся и даже собирался создать семью.

Итак, 1915 год. Эльза, сестра Лили Брик, привела своего давнего ухажёра Володю Маяковского в петроградскую квартиру Бриков. Он недавно закончил поэму «Облако в штанах» и решил прочесть её. Закончив чтение, Маяковский, словно сомнамбула, приблизился к Лиле и, спросив: «Можно, я посвящу это вам?», вывел над заглавием поэмы: «Лиле Юрьевне Брик». Первое издание поэмы было выпущено Осипом Бриком в сентябре 1915 года, несмотря на огромное количество цензурных правок: «...Облако вышло перистое. Цензура в него дула. Страниц шесть сплошных точек. С тех пор у меня ненависть к точкам. К запятым тоже».

В том же году Маяковского забирают в действующую армию, на фронт: «...Забрили. Идти на фронт не хочу. Притворился чертёжником. Ночью учусь у какого-то инженера чертить авто. С печатанием ещё хуже. Солдатам запрещают. Один Брик радуется. Покупает все мои стихи по 50 копеек строку... Паршивейшее время. Рисую (изворачиваюсь) начальниковы портреты. В голове разворачивается „Война и мир“, в сердце — „Человек“».

Лиля Юрьевна позже вспоминала: «...Мои отношения с О. М. перешли в чисто дружеские, и эта любовь не могла омрачить ни мою с ним дружбу, ни дружбу Маяковского и Брика. ...Они стали необходимы друг другу... Все мы решили никогда не расставаться и прожили жизнь близкими друзьями».

Революция 1917 года была принята Маяковским сразу и безоговорочно. Он считал, что футуризм в искусстве является прямой аналогией роли большевиков и пролетариата в истории и политике. Организовал группу «Комфут» (Коммунистический футуризм; 1918 г.).

Под влиянием революционных событий Маяковский настойчиво ищет новые формы, жанры, темы, работает над агитплакатами РОСТА: «...Пишу и рисую. Сделал тысячи три плакатов и тысяч шесть подписей». «Окна РОСТА» становятся лабораторией, в которой он, по собственным словам, освобождал стих «от поэтической шелухи на темах, не допускающих многословия». Стремясь использовать все художественные средства для поддержки нового государства, пропаганды новых ценностей, Маяковский пишет злободневную сатиру, стихи и частушки, пьесу «Мистерия Буфф».

В 1919 году семейство Брик, членом которого стал Владимир, перебралось в Москву. Они поселились в крохотной комнатке в Полуэктовом переулке, на двери повесили табличку: «Брики. Маяковский». Такие таблички будут красоваться на дверях всех их квартир до самой смерти поэта. Они жили втроём, вернее вчетвером, как писал потом Маяковский в поэме «Хорошо!»: «Двенадцать квадратных аршин жилья. Четверо в помещении — Лилия, Ося, я и собака Щеник».

В 1919–1925 годах Маяковский много пишет, деятельно участвует в газете «Искусство коммуны», в 1923 году создаёт объединение «Левый фронт искусств» (ЛЕФ), в которое входят писатели, художники, театральные и кинорежиссёры, архитекторы, издаёт журналы «ЛЕФ» (1923–1925) и «Новый ЛЕФ» (1927–1928). Много путешествует по Европе, СССР, едет в США. Он становится глашатаем нового искусства в новой стране.

В это время отношения Лили и Маяковского стремительно ухудшались. Она пускалась из одной любовной истории в другую, а он начал уставать от её непостоянства. Однако жить продолжали вместе — главным образом, благодаря Осипу Брику, который понимал, что без Маяковского их семья просто не выживет...

1926 год. Поэт только что вернулся из Америки и рассказал Лиле, что в Нью-Йорке у него был роман с русской эмигранткой Элли Джонс и теперь она ждёт от него ребёнка. Брик ответила: «Знаешь, Володя, пока тебя не было, я решила, что наши отношения пора прервать». В эту ночь Маяковский написал Элли: он окончательно убедился, что никого, кроме Лили, не любил и никогда полюбить не сможет. Что касается ребёнка, то он, конечно, примет на себя все расходы...

В 1927 году у Маяковского устанавливаются серьёзные отношения с Натальей Брюханенко. В Ялту, где отдыхала влюблённая пара, немедленно полетело отчаянное Лилино письмо: «Ужасно крепко тебя люблю. Пожалуйста, не женись всерьёз, а то меня ВСЕ уверяют, что ты страшно влюблён и обязательно женишься!». И Владимир снова возвращается к Лиле.

В 1928 году Маяковский едет в Ниццу, чтобы встретиться с Элли Джонс и в первый и последний раз увидеть свою дочь. В Париже, куда поэт приехал из Ниццы, он познакомился с эмигранткой Татьяной Яковлевой, моделью Дома Шанель, и влюбился в неё сразу и всерьёз, как когда-то в Лилю. Вернувшись в Москву, он рвался назад, в Париж, слал телеграммы: «По тебе регулярно тоскую, а в последние дни даже не регулярно, а ещё чаще»; «Тоскую по тебе совсем небывало». Лилия тоже не находила себе места, но от ревности — раньше Маяковский так писал только ей. Поэт пишет

стихотворение «Письмо товарищу Кострову о сущности любви» и посвящает его Яковлевой. Для Лили это означало измену.

Она сделала всё, чтобы разрушить отношения Владимира и Татьяны. Однажды якобы случайно прочла в присутствии Маяковского письмо своей сестры Эльзы, жившей в Париже, о том, что Яковлева якобы помолвлена с неким виконтом дю Плесси. Поэт в бешенстве выбежал из квартиры. У него оставалась последняя возможность всё исправить — съездить во Францию и лично увидеться с Яковлевой, но разрешения на поездку он не получил...

Брик ревновала Маяковского (или его славу?) к другим женщинам. Татьяна Яковлева хранила письма поэта до самой смерти, а её письма не сохранились. Став наследницей архива покойного поэта, Лиля Юрьевна уничтожила всю переписку Маяковского с другими женщинами.

Постепенно менялось отношение властей к ещё недавно обласканному Маяковскому. В Ленинграде в 1929 году с треском провалилась постановка написанной им пьесы «Баня», его итоговую выставку «20 лет работы» не посетило ни одно официальное лицо, хотя были приглашены все, включая Сталина. Маяковский крайне тяжело переживал опалу.

Лиля, чтобы отвлечь поэта от мрачных мыслей и воспоминаний о Татьяне Яковлевой, познакомила его с актрисой МХАТа Вероникой Полонской, женой известного актёра Михаила Яншина. Маяковский по-мальчишески влюбился в неё. Когда Вероника с беспокойством спросила у возлюбленного, что скажет Лиля Юрьевна, если узнает об их связи, то услышала в ответ, что онаотреагирует примерно так: «Живёшь с Норочкой? Ну что ж, одобряю».

Весной 1930 года Лиля с Осипом уехали в заграничную поездку. Стоило Лиле уехать, как Маяковский стал требовать, чтобы Нора оставила сцену, бросила Яншина и вышла за него замуж. Говорил, что ему невыносимо тяжело жить одному, что ему страшно.

13 апреля поэт встретился с Вероникой Полонской у известного писателя Валентина Катаева. Полонская вспоминала, что он был груб, ревновал, угрожал раскрыть характер их отношений. Скандал казался неизбежным. Ночью они расстались, и Вероника отправилась домой.

Продолжение объяснения состоялось в комнате на Лубянке утром 14 апреля. Владимир требовал, чтобы Вероника немедленно ушла из театра и осталась у него. Видя его состояние, она пообещала после спектакля объясниться с мужем и переселиться к поэту в Лубянский проезд. Маяковского это не устраивало — он требовал немедленного решения, но потом вроде бы согласился с доводами Полонской. Как только она вышла из квартиры, раздался выстрел...

Владимир Маяковский выстрелил себе в сердце.

15 апреля 1930 года в газетах появилось сообщение: «Вчера, 14 апреля, в 10 часов 15 минут утра в своём рабочем кабинете (Лубянский проезд, 3) покончил жизнь самоубийством поэт Владимир Маяковский. Как сообщил нашему сотруднику следователь тов. Сырцов, предварительные данные следствия указывают, что самоубийство вызвано причинами чисто личного порядка, не имеющими ничего общего с общественной и литературной деятельностью поэта. Самоубийству предшествовала длительная болезнь, после которой поэт ещё не совсем поправился».

Позже имя Вероники Полонской, названной поэтом в посмертной записке членом своей семьи, как-то затерялось в истории, так же как и имена остальных женщин, которых любил поэт. Кроме Лили Брик, разумеется. А она всю свою долгую жизнь проклинала ту поездку, повторяя, что если бы она была рядом, Маяковский остался бы жив. Она не сомневалась, что это было самоубийство.

А через десятки лет появились разоблачительные публикации, которые утверждают, что никакого самоубийства не было, — был заговор и покушение на жизнь Владимира Маяковского. Наибольшее хождение получила, разумеется, «чекистская» версия, согласно которой поэт был убит агентами ОГПУ, — это вообще наиболее популярное объяснение странных событий 20–50-х годов.

Другой вариант объяснения самоубийства поэта гласит: «Ищите женщину!». И надо признать, что в случае Владимира Маяковского этот вариант позволяет понять очень многое, хотя его, конечно же, нельзя считать исчерпывающим.

Есть и третий: Маяковский продал душу «дьяволу советской власти», став певцом революции за блага, которые она ему дала: возникла красивая версия об осознании поэтом своей вины. Сначала он продал свой дар «силам зла», а потом пробудился и раскаялся. Так считала, например, Марина Цветаева, безответно влюбившаяся в него после их первой и единственной встречи.

Есть и четвёртый вариант. Григорий Чхартишвили в своей книге «Писатель и самоубийство» пишет:

«...очевидной, большой причины не было вовсе, зато мелких называют целый ворох: холодок в отношениях с властью, запрет на поездку в Париж... провал юбилейной выставки, пробоина в „любовной лодке“... Вряд ли какая-то из этих мотиваций могла побудить „агитатора, горлана,

главаря“ выстрелить из револьвера в собственное сердце...

Мысль о самоубийстве была хронической болезнью Маяковского, и, как каждая хроническая болезнь, она обострялась при неблагоприятных условиях... В молодости, по собственным словам, он дважды играл в „русскую рулетку“. Есть основания предполагать, что 14 апреля 1930 года поэт решил попробовать в третий раз...

Оснований для гипотезы об „игре в самоубийство“ немного, но всё же они имеются. Первое... — два предыдущих сеанса „русской рулетки“. Второе — странный, не соответствующий масштабу личности тон предсмертной записки: ненужные, суетливые детали... Такое ощущение, что это не предсмертная записка, а соблюдение некоей формальности человеком, который вообще-то в скорую смерть не верит. Ну и, разумеется, третье: в барабане револьвера был всего один патрон...».

Но как бы то ни было, Владимир Владимирович Маяковский — выдающийся русский советский поэт и художник, новатор в области поэзии и искусства плаката, создатель нового поэтического языка — ушёл из жизни в роковом для искусства возрасте 37 лет.

Юрий Левитан

Его немногие знали в лицо, но голос знала вся страна. «Включите радио! — кричали друг другу соседи. — Там Левитан что-то говорит!». И все бросались к репродукторам и приёмникам. Потому что если говорит Левитан, значит, случилось что-то важное. Хорошее, плохое, радостное, трагическое... Не в этом суть. Что-то важное, определяющее судьбу всей страны и каждого её жителя. Ведь Левитан — главный диктор Страны Советов, символ эпохи не только в истории радио, но и всей страны.

Мальчишки во дворе звали его Трубой. «Юра! Покличь мово оборванца... — просили соседки. — А то зову-зову, не дозовусь. Голоса не хватает...». И неслось тогда по владимирскому двору, где он родился и вырос, раскатистое: «Серёга-а-а (Васька, Сашка и т. д.)! Иди домой! Мать зовёт!». Говорят, что его голос было слышно за несколько кварталов. Такой не то что вызовет нерадивое чадо домой, мёртвого подымет...

Юра с детства мечтал стать артистом. Таким, чтобы его имя красовалось на афишах во всех городах страны. Участвовал в самодеятельности, любительских театральных постановках, даже сам организовывал кружки. Когда он в 1932 году закончил школу, по рекомендации Владимирского горкома комсомола поехал «покорять Москву», мечтал поступить в кинотехникум. «Не бойся, — напутствовали его. — С твоими данными и голосом тебя в любой институт возьмут»...

Товарищ Сталин любил работать по ночам. Вообще распорядок дня «великого вождя и учителя» представлял собой весьма оригинальное явление. Он приходил в свой кабинет днём и работал часов до шести вечера. Затем делал трёхчасовой перерыв, а с девяти вечера снова сидел за столом. С этого момента начинался и продолжался до самого утра, по сути дела, его основной рабочий день. А вместе с товарищем Сталиным не спала вся страна, ну если и не вся страна, то, по крайней мере, всё советское начальство. Наверняка большинство руководящих работников предпочло бы в это время мирно спать в своей постели. Но... Во время ночных бдений Сталин мог позвонить любому министру и чем-нибудь поинтересоваться, например, «как обстоят дела с посевом ранних яровых во Владимирской области?». Допустим, министра нет на работе, это уже вызывает раздражение вождя, министра разыскивают дома. И что в этой ситуации мог ответить товарищ министр? «Да какая вам, к чёрту, разница, товарищ Сталин?! Зачем вам в четыре утра знать, как обстоят дела с посевом ранних яровых во Владимирской области? Ложитесь спать, а завтра с утра я вам доложу...». Нет, в принципе, министр мог так ответить. Но не часто. Собственно говоря, один раз. И не только в своей карьере, но и в жизни. Понятно, что вскоре вся руководящая верхушка вынуждена была подстраиваться под график работы вождя. Министр должен был иметь «под рукой» своих замов, те, в свою очередь, ответственных работников министерства, и так по всей цепочке до самых низов. Аналогичная ситуация была и в регионах. Так что вместе с вождём работать по ночам очень быстро «полюбили» и все руководящие работники огромной страны...

«Какое отношение это имеет к Юрию Левитану?» — может спросить читатель. Оказывается, самое прямое. В январе 1934 года Сталин по обыкновению поздно ночью готовил доклад к XVII съезду партии. В его кабинете всегда работало радио. В какой-то момент Сталин прислушался. По радио в это время шла так называемая «техническая трансляция». Диктор медленно, буквально по слогам, читал тексты передовицы только что сверстанного номера «Правды». Во всех регионах страны возле приёмников сидели стенографистки, записывавшие текст, чтобы уже с утра материалы главного советского печатного органа появились в местных газетах. Но Сталина текст не интересовал. Он поднял трубку телефона: «Соедините меня с председателем Радиокomiteта». Тот, естественно, как и всё остальное начальство, в это позднее время был на работе. «Здравствуйте, — сказал Сталин. — Завтра я делаю доклад на съезде, так вот, пусть по радио его прочитает тот самый человек, который у вас там сейчас диктует передовицу „Правды“. Мне нравится его голос!»...

В кинотехникум Юру Левитана не приняли. И данные есть, и голос, действительно, хорош, но это невыносимое владимирское «оканье»... Юрий, хоть и чистокровный еврей, но, как и все коренные владимирцы, все слова произносил с характерным «прононсом», меняя «а» на «о». Делать нечего, раз Москва его не приняла, значит, надо возвращаться в родной Владимир. Он шёл по улице, как вдруг увидел объявление: «Главная редакция информации при Радиокomiteте СССР объявляет набор в группу дикторов радио». Как вспоминал сам Юрий Борисович, тогда он очень смутно представлял, что такое «диктор» и что он должен делать на радио. Но решил всё-таки пойти попробовать.

Первое впечатление, которое Юрий произвёл на приёмную комиссию (а в ней участвовали люди весьма известные: артисты МХАТа Василий Качалов, Нина Литовцева, Михаил Лебедев), было, мягко сказать, не слишком хорошее. Полосатая футболка, спортивные штаны с дырками, и всё то же невероятное владимирское «оканье». Но голос! Голос хорош, чёткая дикция, даже завораживает, когда его слышишь. Жалко, если такой пропадёт. «А возьмём его в группу стажёром», — решили члены комиссии. Так Юрий Левитан попал на радио.

Поначалу стажёр Юрий Левитан занимался в основном тем, что разносил бумаги по кабинетам

Радиокомитета, дежурил в студиях, готовил своим более именитым коллегам чай и бутерброды. Жил тут же в небольшой комнатке при студии. И всё свободное время посвящал совершенствованию своей речи. «Решив стать радиодиктором, он не жалел на это времени, — вспоминал историк радио профессор Александр Шерель. — Занимался по 8–10 часов в день. Кроме правильной речи Юрбор (так на радио любили впоследствии называть Левитана) работал ещё и над развитием внимания — чтобы не допускать оговорок, пауз перед микрофоном... Тренировался самыми необычными способами. Например, так: становился на руки и, находясь вниз головой, читал тексты, которые подкладывал перед ним прямо на пол кто-нибудь из коллег-дикторов. Или другой вариант. Левитан читал, а его ассистент поворачивал листок с текстом то боком, то вообще вверх тормашками. Причём уговор был такой: ошибся — оплачиваешь товарищу ужин в столовой!».

Упорство принесло свои плоды — через два месяца после зачисления в группу дикторов Юрию Левитану в первый раз доверили прочитать небольшой текст в эфире. Спустя ещё месяц его перевели на ночное техническое вещание. В один из таких технических эфиров Левитана по радио услышал Сталин...

Радиокомитет охватила паника, когда стало известно требование вождя. Там ведь понимали, что Левитан хоть и способный диктор, но ещё очень неопытный, и кто его знает, каких ошибок и оговорок он может наделать? А ведь речь шла не о ночном чтении «Правды», а о докладе Сталина съезду партии...

После ночной смены Левитан ушёл в свою каморку отсыпаться, но не успел заснуть, как его подняли с постели. Понятно, что и он побледнел от страха, когда ему рассказали о том, что случилось и чего хочет Сталин. Но отступить было некуда. Около полудня в Радиокомитет привезли запечатанный конверт с докладом. Времени на подготовку не было, читать доклад пришлось «с чистого листа». Пять часов Левитан читал текст и за эти пять часов не сделал ни одной ошибки. После этого Сталин вновь позвонил председателю Радиокомитета. «Теперь пускай все мои выступления и другие важнейшие тексты читает по радио именно этот человек!» — сказал вождь. Вчерашний стажёр в один день стал ведущим диктором страны, и было ему тогда всего 19 лет...

Конечно, этот случай круто перевернул судьбу Юрия Левитана. Такое внимание со стороны Сталина и его желание, чтобы именно он, Левитан, читал все важнейшие для страны документы и сообщения. Но как вспоминали работавшие с ним люди, рано или поздно Левитан благодаря своему многогранному таланту и невероятному трудолюбию всё равно бы стал лучшим диктором страны, а случай с докладом Сталина просто ускорил этот процесс. «Как только Юрий Левитан садился к микрофону, — рассказывал бывший генеральный директор программ Центрального радиовещания Гостелерадио А. И. Ахтырский, — он преображался и мог делать со своим голосом всё что угодно — от спокойного будничного сообщения о завтрашней погоде до откровенного открытого ликования от первого полёта человека в космос»...

«Первое, что я сделаю, когда возьму Москву, это повешу Левитана!» — Именно так в 1941 году однажды сказал Адольф Гитлер. Для него врагом № 1 в Советском Союзе был диктор Всесоюзного радио Юрий Левитан, и только № 2 — главнокомандующий Иосиф Сталин. И это не красивая легенда. После окончания войны в архивах рейхсканцелярии был найден очень интересный документ — приказ о формировании спецгруппы СС, которая в случае взятия столицы СССР должна была найти самых опасных для Германии людей. Так вот именно Юрий Левитан значился в нём под номером 1. Но даже когда фашистские орды дошли до окраин столицы, Юрий Борисович не покинул город.

Маршал Рокоссовский однажды сказал, что голос Левитана по цене равен целой дивизии. А простые люди, услышав из чёрной тарелки репродуктора голос Левитана, действительно верили, что «наше дело правое, победа будет за нами». Его голос, даже тогда, когда он говорил об отступлении советских войск и сдаче немцам городов, вселял уверенность, что враг, как бы силен он ни был, всё равно будет разбит. «Москва. Кремль. Сталину» — так нередко подписывали граждане свои письма вождю. «Москва. Кремль. Левитану» — такие письма иногда приходили и Юрию Борисовичу. Он был не просто диктором, это был символ непобедимости великого народа.

В годы войны, чтобы обезопасить Юрия Борисовича от фашистских диверсантов, о нём распространялись слухи, будто Левитан — это маленький старичок с рыжими волосами. Такой образ настолько прочно укоренился в сознании народа, что когда пришла долгожданная победа и Юрий Борисович должен был прочесть текст Приказа Верховного главнокомандующего о разгроме фашистской Германии, он не смог пробиться через толпу людей, собравшихся на Красной площади, в студию, которая находилась за зданием ГУМа. «Я — Левитан, я спешу в студию!» — кричал он людям, прося их расступиться. Но ему не верили, ведь Левитан — это низенький старик, а перед ними был высокий молодой парень. Ему пришлось бежать в Кремль, где тоже была радиостанция, и, едва успев к началу эфира, Левитан прочитал-таки исторический приказ.

После войны Юрий Борисович продолжил работать на радио, учил молодых коллег дикторскому мастерству. Ему первому из дикторов в 1956 году присвоили звание заслуженного артиста РСФСР, а в 1980-м — народного артиста СССР. И в это же время фактически отстранили от радиоэфира.

Кому-то из чиновников Гостелерадио пришло в голову, что голос Левитана ассоциируется у народа с торжественными событиями вроде капитуляции Германии или полёта Юрия Гагарина, и ему негоже читать сводки о ходе посевной или уборочной кампаний.

Юрий Борисович вынужден был озвучивать хронику и художественные фильмы. А ещё он участвовал в многочисленных торжественных мероприятиях и вечерах. Особенно любили приглашать Левитана ветераны. И он, несмотря на занятость или плохое самочувствие, никогда им не отказывал. В августе 1983 года Левитана пригласили на торжества, посвящённые 40-летию Курской битвы. Ещё в Москве он почувствовал, что сердце пошаливает. Родные пытались его отговорить от поездки, но Левитан был непреклонен: «Я должен ехать! Меня люди ждут!». Август в тот год выдался невероятно жарким. Прямо на Прохоровском поле у Юрия Борисовича случился приступ. Его срочно доставили в ближайшую больницу, но врачи уже ничего сделать не могли...

Когда в годы войны Юрий Левитан читал сводки Совинформбюро, их не записывали. Не до того тогда было. А позже, в 50-х, его попросили для истории заново сделать запись части этих сводок. Со времени окончания войны прошло уже больше десяти лет, но у многих людей, слышавших как всегда чёткий и неповторимый левитановский голос, на глаза наворачивались слёзы, когда они слышали до боли знакомое: «Внимание! Говорит Москва! От советского Информбюро!..».

Олег Попов

Глаза то озорные, то печальные... Широкий жест, улыбка до ушей... Нос — помидором, волосы мочальные, Он взрослых превращает в малышей...

Это строчки из стихотворения Леонида Георгиевича Куксо «Буффонный клоун». Знаменитый комик, много лет проработавший на арене, так написал о себе. И одновременно обо всех клоунах мира. Такова уж клоунская судьба — хочешь не хочешь, когда конферансье объявляет твой номер, надо выходить на арену. Зритель хочет смеяться, хочет «вернуться в детство». А в этот момент у тебя на душе «кошки скребут», или ты заболел, и от высокой температуры подкашиваются ноги. Или просто нет настроения. Нет — и всё... Но зажигается свет — и надо забыть обо всём. Зритель ждёт...

В СССР всегда любили клоунов. Это было особенное явление. Приезд Карандаша, Леонида Енгибарова, Юрия Никулина вызывал в том или ином городе такой ажиотаж, какой и не снился сегодняшним эстрадным звёздам или политикам. А когда в 1956 году советский цирк впервые после Второй мировой войны отправился в заграничное турне, русская клоунада завоевала сердца и любовь зрителей во всём мире. Кое-кто даже считал, что это и есть выражение той самой «загадочной русской души». И первым был Олег Попов — «солнечный клоун», самый национальный и одновременно понятный каждому человеку, вне зависимости от национальности, символ добра...

«Так случилось, что клоун саратовского цирка Боровкин сломал ребро, и дирекция предложила мне подменить его. Мы с директором поехали в больницу. Объяснили ему ситуацию. Он выслушал, протянул ключи от гардеробной и сказал: „Бери всё, что нужно. Желаю успехов!“. Так я стал клоуном... и с тех пор другого амплу представить себе не могу». Так часто бывает в жизни — человек долго учится, планирует своё будущее, и вдруг какая-то случайность меняет все планы, и ты в одно мгновение находишь то, что искал всю жизнь. Примерно так было и у Олега Константиновича Попова. Он родился 31 июля 1930 года в подмосковной деревне Вырубово. Через месяц отец, работавший на Втором часовом заводе, получил квартиру в Москве, и семья Поповых переехала в столицу. Во время войны, когда Олегу было 13 лет, он устроился учеником слесаря на полиграфический комбинат «Правда». «Я очень рад, что освоил эту профессию, — вспоминал своё детство Олег Константинович. — Я бы всем начинающим клоунам рекомендовал быть немного слесарями, потому что тогда они смогли бы делать себе реквизит». Но тогда это было необходимо: время голодное, приходилось зарабатывать себе на хлеб и хоть как-то помогать родителям. А цирк... Это мечта, казавшаяся такой недостижимой. И вдруг она стала реальностью...

Когда Олегу было 14 лет, он занимался в московском дворце спорта «Крылья Советов» в кружке акробатики. В секцию часто заходили студенты циркового училища. Однажды они пригласили Олега к себе на репетицию. Тут, как говорится, Олег «пропал», заболел на всю жизнь. Теперь паренёк думал только о цирке, никому ничего не сказав, он поступил в цирковое училище. Даже мама узнала об этом лишь через год. «Во-первых, я боялся, что мама мне не позволит там учиться, — объяснял артист свою скрытность. — А во-вторых, она была твёрдо убеждена в том, что все артисты — пьяницы и развратники, поэтому не хотела, чтобы я этим занимался».

В 1950 году Олег Попов закончил училище по специальности «эксцентрик на проволоке». Теперь, казалось, все дороги были открыты перед молодым артистом. Но цирк — это не только смех и веселье, это ещё и тяжёлая, а нередко и просто опасная работа. Ещё в училище Олег с двумя товарищами готовил номер на проволоке. Всё шло хорошо, ребята уже видели себя на арене, с нетерпением ждали первого выступления. И тут произошло несчастье — один из партнёров Олега разбился насмерть. Оставшись вдвоём, молодые артисты не знали, что делать, замены погибшему товарищу они так и не нашли, и в итоге номер рассыпался. После окончания училища Олег по распределению попал в Тбилисский цирк. Он подготовил свой номер — эквилибр на свободной проволоке, придав при этом номеру юмористический уклон. Казалось бы, обычная цирковая реприза, идёт себе артист по проволоке, жонглируя различными предметами. Но вскоре произошло непредвиденное: молодого артиста попросили написать заявление об уходе. Грузинские чиновники «от культуры» умудрились разглядеть в номере Олега... намёк на космополитизм. Не проработав в Тбилиси и двух месяцев, артист был вынужден вернуться в Москву.

Наверное, Олег Константинович не раз благодарил слишком ретивых грузинских «борцов за чистоту нравов». Ему наконец-то повезло. Правда, как считает сам великий артист, дело тут не в везении. Он всегда смотрел на мир и на происходящее в нём глазами клоуна. И рано или поздно Олег Попов обязательно стал бы клоуном, такова уж его судьба.

В Москве Олег попал в цирк на Цветном бульваре, где тогда блистал Михаил Николаевич Румянцев, он же знаменитый на всю страну клоун Карандаш. Мэтру клоунады сразу приглянулся молодой артист, и Румянцев взял его в свою труппу. Кроме исполнения сольного номера, Олег ассистировал Карандашу в его репризах и, самое главное, смотрел и запоминал, как работает великий клоун. А затем были те самые гастроли в Саратове, где Олегу Попову пришлось подменить клоуна Боровкина.

Олег после выступления вернул коллеге костюм и реквизит, но на следующие гастроли в Ригу поехал уже не эквилибрист, а клоун Чижик. Поначалу Олег решил взять себе клоунский псевдоним, как это делали Карандаш и другие клоуны. Но потом решил: «Пусть будет как есть — Олег Попов». А после гастролей в Лондоне в одной из газет вышла заметка, которая называлась: «В туманном Лондоне появился „Солнечный клоун“». Так и осталось за Олегом Константиновичем это прозвище. И действительно, лучше не придумаешь. Особенно это ласковое сценическое имя пришлось по душе публике после того, как в 1961 году артист показал свою знаменитую и самую любимую репризу «Луч». Этот номер признан одним из лучших в истории мирового цирка.

Реприза начиналась с того, что в зале гас свет, цирк погружался в полумрак, а затем из-под купола сверху темноту рассекал тоненький лучик. Олег Попов выходил на арену, садился в середину яркого круга и доставал из принесённой корзинки свои нехитрые припасы. Зритель вместе с клоуном переносился на лесную полянку, освещённую нежным весенним солнцем. Но лучу не нравилось, что его тепло используют просто для того, чтобы с комфортом перекусить. Он потихоньку уходил от клоуна, оставляя его в полной темноте. Комик шёл вслед за ним и силой возвращал его на место, но обиженный луч снова убежал. И тогда клоун понимал, что лучик можно вернуть только лаской. Он нежно гладил его, как бы прося прощения и уговаривая вернуться. И солнечный свет отвечал на ласку. Клоун, обхватив луч двумя руками, бережно подводил его к центру арены. Разнежившись под тёплым светом, клоун засыпал. И вдруг из мрака раздавалась резкая трель. Всё, клоуну пора уходить. Он собирал свои вещи и направлялся к выходу. И уже буквально отодвигая занавес, комик вспоминал, что на арене в совершенном одиночестве остался его новый друг. Он быстро возвращался и осторожно укладывал лучик себе в корзинку, а потом потихоньку удалялся с манежа...

Вроде бы всё просто и лаконично. Но равнодушных в зале никогда не было, даже среди тех, кто уже десятки раз видел этот номер. Кстати, сейчас можно часто услышать мнение, что, мол, западная публика в массе своей примитивна, ей нужны номера на уровне «моя твоя — понимай»: вышли два клоуна, один исподтишка ударил другого, у того из глаз брызнули фонтаны фальшивых слёз, и все довольны. На самом деле примитивны те, кто так рассуждает. В этом-то и заключается искусство настоящего мастера — быть понятным каждому зрителю в любом уголке земного шара, суметь найти дорогу к его сердцу. Характерный в этом смысле случай произошёл во время гастролей цирка на Цветном бульваре в Вене. Перед поездкой Олег Константинович серьёзно повредил ногу, тут уж не то что по проволоке прогуливаться, просто ходить трудно. А в программе стоит коронный номер Попова «Сон на проволоке». Заменить Попова нельзя — билеты уже давно раскуплены. И тогда Солнечный клоун решил показать публике репризу «Луч». Против этого стал возражать директор венского цирка. Он считал, что местная публика не поймёт этого номера, ей нужно что-то попроще и посмешнее. Однако деваться было некуда, и Олег Попов показал свою знаменитую репризу. Аплодисментов действительно не было. Был шквал эмоций и буря восторга. Взрослые радовались как дети, а дети... Они всегда обожали Солнечного клоуна, для них он был ровесником, добрым и смешным, таким же, как и маленькие граждане разных стран мира...

Олег Попов стал своеобразным талисманом Москвы, визитной карточкой столицы. По Москве ходила присказка, что каждый гость города должен сходить в Мавзолей, купить что-нибудь в ГУМе, посетить Большой театр или Третьяковскую галерею и обязательно попасть на выступление Олега Попова в цирке на Цветном бульваре. А на Западе Солнечный клоун стал одним из самых популярных брэндов, как сказали бы сейчас. И, раз мы уже коснулись столь меркантильной темы, советское государство немало заработало на «национальном достоянии» — именно так, ни больше ни меньше, называли Олега Попова. Его выступления собирали аншлаги и приносили огромную валютную выручку во многих городах мира. И за это Олег Константинович получил от родины «соответствующую благодарность». «А сами вы себя национальным достоянием чувствуете?» — спросили в одном из интервью Олега Попова. «Если честно, не чувствую, — с горечью ответил он. — Хотя раньше думал, что это так, но когда получил пенсию в 400 рублей, стал думать по-другому... Я отработал в российском цирке 30 лет, но вот отмечала Москва 850-летие, и обо мне даже не вспомнили, не пригласили. На юбилей Нюрнберга — пригласили (хотя какое я имею к нему отношение?), я выступал в большом праздничном концерте, 60 тысяч зрителей смотрели на мою работу, смеялись, аплодировали. Здесь такое внимание, а там, в Москве, где я родился, жил, работал, — обо мне не вспомнили! Обидно...». Ситуация, к сожалению, характерная для начала 90-х годов: люди, своим трудом и талантом создававшие славу для Советского Союза, после развала государства оказались никому не нужными...

Во время августовских событий 1991 года Олег Попов был на гастролях в Австрии. В этот момент его труппу обманул немецкий импресарио: скрылся, не заплатив за два месяца работы. Попов остался без средств к существованию, вместе с животными и реквизитом. Незадолго до этого Олег Константинович пережил ещё один удар судьбы: от рака умерла его первая жена. Что делать — оставаться без денег на чужбине или возвращаться на родину, где непонятно что происходит и вообще есть ли ещё эта родина? Но, видимо, такая линия судьбы у Олега Константиновича — немного вниз, потом резко вверх, вниз — вверх. Именно в Австрии он встретил женщину, которая стала ему надёжной опорой.

«Моя Габи высокая, худенькая и красивая женщина, которая в своё время работала в аптеке, — рассказывал артист в интервью газете „Известия“. — Там она научилась жонглировать стеклянными пузырьками. И никогда не думала о том, что когда-то ей придётся работать в цирке. А познакомились мы во время моего выступления в Австрии. У выхода на манеж я заметил девушку, по случаю аншлага свободных мест не было. Я попросил принести ей мой стул. К немалому удивлению, в антракте она пришла ко мне за кулисы, поблагодарила и попросила автограф. Так и завязалась наша дружба. Она пригласила меня приехать к ней в гости, через месяц мы уже вдвоём поехали в Голландию, а в городе Бреда расписались. Она жонглирует, играет на различных инструментах, танцует степ, дрессирует крыс, пони и собак».

Так в жизни великого клоуна началась новая жизнь, вместо Солнечного клоуна появился Счастливый Ганс, как называет его немецкая публика. С 1991 года Олег Попов постоянно живёт в Германии вместе с супругой Габриэль. У них большой дом в деревне Эглофштайн в сорока километрах от Нюрнберга. Продолжает Олег Константинович и активную гастрольную деятельность. Несмотря на возраст, он по-прежнему в прекрасной форме, да и с чувством юмора у него всё в порядке. А как же без этого клоуну? Разве может человек, который сам перестал видеть прекрасное вокруг, радовать и смешить других людей?..

За свою долгую жизнь Олег Константинович Попов получил немало званий и наград — народный артист СССР, лауреат Международного циркового искусства в Варшаве, обладатель высшей цирковой награды «Золотой клоун»; его имя было даже внесено в Книгу рекордов Гиннеса «за большую популярность на Западе и на Востоке». Конечно, любому артисту приятно такое признание, и Олег Попов в этом смысле не исключение. Но, по большому счёту, награды — это одно из немногих явлений в жизни, к которому великий артист относится достаточно равнодушно. «Какая из наград была для вас самой важной и запоминающейся?» — спросила в одном из интервью Олега Попова корреспондентка газеты «Русская Германия». «Самое большое звание у человека — его фамилия. Не за ордена и звания тебя любят, а за фамилию. Поэтому я очень горд, что я — Олег Попов...».

Аркадий Райкин

«...До чего же всё-таки мимолётен актёрский успех! — писал в своей книге „Воспоминания“ Аркадий Райкин. — Сколько прекрасных имён забыто! Но эта мимолётность — неотъемлемое свойство театра. Пожалуй, ни в каком другом искусстве успех не бывает столь очевиден, осязаем. Равно как и забвение...». Забвение — страшный диагноз, его боится каждый актёр. Ты популярен, твоё имя мелькает на афишах лучших театров, восторженные зрители выстраиваются в очередь, чтобы получить у тебя автограф. Но проходит неумолимое время и... «Такой-то такой? Да-да, помню, хорошо играл, жизненно...» — вспомнит какой-нибудь старенький театрал. Для остальных же твоё имя не скажет ровным счётом ничего...

Всё это не касается Аркадия Райкина, хотя сам великий артист всегда думал о забвении. И, как и все актёры, боялся этого страшного слова. Его любят и помнят до сих пор, хотя вот уже почти двадцать лет его нет с нами. Райкин — самый популярный актёр разговорного жанра за всю историю советской эстрады. И никому в этом жанре не удалось его превзойти...

Аркадий Исаакович Райкин родился 24 октября (по старому стилю — 11 октября) 1911 года в Риге в семье лесного бракёра Рижского порта. После революции, в 1922 году, семья Райкиных переехала в Петроград. Аркадий пошёл в школу, увлёкся театром, начал посещать занятия в школьном драмкружке. Как это часто бывает, родители не разделяли любви сына к лицедейству. Кто-то сдаётся, кто-то, вопреки обстоятельствам, продолжает намеченный путь. Аркадий Райкин поначалу не стал перечить родителям и в 1929 году пошёл работать лаборантом на Охтенский химический завод. Но любовь к театру оказалась сильнее сыновней покорности — Аркадий вскоре ушёл с завода и поступил в Ленинградский театральный техникум, где его учителем был известный режиссёр и педагог профессор В. Н. Соловьёв. Окончив техникум в 1935 году, Аркадий Райкин по распределению был направлен в ленинградский Театр рабочей молодёжи (ТРАМ), позже переименованный в Театр имени Ленинского комсомола.

Несколько лет молодой актёр откровенно скучал: ТРАМ выпускал всего два-три новых спектакля в год, и серьёзных ролей для Райкина не находилось. И только после того как Аркадий заменил заболевшего актёра в спектакле «Начало жизни», о нём заговорили. На следующий день об игре Аркадия положительно отозвался журнал «Искусство и жизнь». Среди прочего в рецензии были такие слова: «Райкин проводит свою роль эстрадно». Как же относиться к этим словам? С одной стороны, критик был явно удовлетворён игрой начинающего артиста. А с другой — эстрада и конферанс в актёрских кругах всегда считались чем-то не слишком серьёзным. Главное для актёра — выйти на театральную сцену и, как говорится, «сыграть Гамлета и умереть». А эстрадные номера — это так, искусство второго сорта.

Наверняка Райкина пытались отговорить, и всё-таки он решил попробовать свои силы на эстраде. Поначалу ему пришлось довольствоваться выступлениями на студенческих вечерах и в рабочих клубах. Прорваться на большую сцену Аркадию снова «помогла» болезнь коллеги. Летом 1938 года заболел конферансье эстрадного театра Сада отдыха, и Райкина попросили его подменить.

Аркадий Исаакович не боялся экспериментировать и выходить за привычные рамки и шаблоны. Что из себя представлял «стандартный» конферансье? Громкоголосый и развязный остряк, бодрый до тошноты голосом представлявший артистов и иногда выступавший с примитивными эстрадными номерами. Совершенно по-другому видел конферанс Аркадий Райкин. К зрителю выходил молодой приятный человек, весёлый и открытый, но при этом немного застенчивый и лиричный. Ему достаточно было всего нескольких реплик, чтобы расположить к себе зрителя. «Вы все сидите, и я сяду», — артист брал стул и становился для зрителя душевным и чутким собеседником.

В том же 1938 году состоялся кинодебют Аркадия Райкина — актёр снялся в фильмах «Огненные годы» и «Доктор Калюжный». А в 1939-м к Райкину пришла всесоюзная слава. Артист завоевал первую премию на 1-м Всесоюзном конкурсе артистов эстрады, выступив с номерами «Чарли Чаплин» и «Мишка». Вскоре Аркадия Исааковича пригласили в группу только что созданного Ленинградского театра эстрады и миниатюр. А через месяц актёр получил ещё одно приглашение, пожалуй, одно из самых важных в своей жизни. Райкина включили в группу артистов, которая должна была выступать на концерте, посвящённом шестидесятилетию Сталина. Как говорил сам артист, «естественно, что ни вопросов, ни возражений тут быть не может». Концерт этот готовился с особой тщательностью, на репетициях артисты до мелочей отработывали свои номера. Но утром 21 декабря, накануне торжественного мероприятия, артистам сообщили, что концерт из-за занятости вождя отменяется. Райкин уехал выступать в Дом актёра, а когда вернулся в гостиницу, узнал, что концерт всё-таки состоялся. «Признаюсь, я огорчился, — вспоминал Аркадий Исаакович. — Ни разу не был в Кремле. Не видел Сталина. Но делать нечего! Лёг и по молодости быстро уснул. Среди ночи меня будит телефонный звонок. Включаю свет, смотрю на часы — пять. По телефону — короткий приказ: „Быстро одевайтесь. Едем в Кремль“». Оказалось, что первый концерт давно закончился, но юбиляр и гости расходиться не собирались, и их надо было чем-то занять. Райкин, как всегда, блестяще выступил и удостоился тоста от самого Сталина. «За талантливых артистов, вот вроде вас!» — сказал вождь и поднял бокал со своим любимым

грузинским вином. Позже Райкин ещё не раз встречался со Сталиным, выступал на правительственных концертах, а когда Сталин не мог присутствовать на концертах артиста, то присылал ему письмо с извинениями. «Летом 1942 года наш театр вернулся в Москву из поездки по Дальнему Востоку, — рассказывал Аркадий Райкин. — Нас попросили выступить для воинских частей, охраняющих Кремль. После некоторого колебания я послал Сталину записку с приглашением посмотреть наш спектакль. Обещал, что он увидит и смешное, и серьёзное. На следующий день мне принесли ответ в розовом конверте. В нём лежала моя записка. Поверх неё от руки было написано: „Многоуважаемый тов. Райкин! Благодарю Вас за приглашение. К сожалению, не могу быть на спектакле: очень занят. И. Сталин“». В те времена такая записка очень много значила. Вообще для советского времени отношение артиста и власти — тема особенная. Сколько же талантов было погублено из-за того, что кто-то наверху, имевший право распоряжаться людскими судьбами, говорил: «Нет, это нам не нужно, это не наше». И всё, будь ты хоть сто раз талантлив, вырваться «за флажки» было невозможно.

У Райкина, на первый взгляд, в этом смысле всё сложилось вполне удачно. Сталин лично приглашал его на свои юбилеи, а это было едва ли не самой высшей степенью признания в те времена. Когда Райкин вместе с театром выступал на фронтах Великой Отечественной, он сдружился с Брежневым, и позже, когда Леонид Ильич занял самый высокий пост в стране, эта дружба не была забыта. Райкин всегда мог позволить себе сказать со сцены больше, чем любой другой артист в Советском Союзе.

И всё-таки, несмотря на внешнее благополучие, великий артист всегда сохранял определённую дистанцию в отношениях с властью. Райкин не позволял себе диссидентствовать, но при этом никогда не был «верным слугой». Он так и не вступил в партию, хотя наверняка звали, и не один раз. К тому же высокопоставленные почитатели таланта Райкина были в Москве, а сам он жил и работал в Ленинграде. И с ленинградскими «царьками» у Райкина всегда были натянутые отношения. «Ленинград — особый город, — рассказывал сын Аркадия Исааковича Константин в интервью журналу „Огонёк“. — Мы знаем, как непросто и драматично складывалась судьба Георгия Товстоногова, хотя сейчас его биография представляется сплошной и ровной. С отцом ситуация чуть ли не постоянно была сложной. Толстиков (один из первых секретарей Ленинградского обкома) просто говорил ему: „Уезжайте, зачем нам ваш театр“. Не любил отца и Романов (тоже „хозяин“ города). Папа и сам хотел переехать в Москву, подальше от ленинградских властителей, к тому же сменить климат требовало и здоровье. Оно было всегда неважным, а за здоровьем отец всё-таки старался следить. В Москве речь шла о здании. В Ленинграде речь о здании никогда не шла. Базировался коллектив (а это был действительно коллектив единомышленников, в котором актёры добровольно работали на одного солирующего актёра, на отца) в Театре эстрады. Там у Театра миниатюр было две комнаты, в которых находились архивы и бухгалтерия. Репетировали же, арендуя дворцы культуры. Так продолжалось 48 лет, до 4 июня 1987 года, пока мы не получили этот кинотеатр». Жить Аркадию Исааковичу оставалось всего полгода. Сорок с лишним лет он потратил на то, чтобы получить пристойное помещение для своего театра...

Но вернёмся к началу артистического пути великого артиста. С 1940 года началось многолетнее и успешное сотрудничество Аркадия Райкина с писателем-сатириком В. С. Поляковым. В это время появилась первая программа Театра миниатюр «На чашку чая», написанная Поляковым. Тогда же появился МХЭТ — Малый художественный эстрадный театр. Намёк был более чем прозрачным — таким образом обыгрывалось название Московского художественного академического театра. В ходе основной программы Райкин и актёр Г. Карповский разыгрывали мини-пьески на две-три минуты — по сути дела, анекдот в лицах. Например, патетично выступающий начальник призывает слушателей беречь и приумножать социалистическую собственность и в конце концов, войдя в экстаз от своего красноречия, ломает указку. Или, в другой сценке, гражданин переходит дорогу в неполюженном месте, но, услышав свисток постового, прикидывается слепым, после чего милиционер сам переводит его через дорогу.

В сценках Аркадий Исаакович блистательно проявлял искусство перевоплощения (недаром его называли «человеком с тысячью лиц»). Вот перед нами строгий начальник, через секунду появляется глупый невежда, который затем преобразуется в пьяницу. Причём Райкин даже не нуждался в использовании грима и реквизита, достаточно было его мимики и голоса — и зритель уже видел перед собой недалёкого мужа или, к примеру, хамоватого работника торговли. Однажды, когда Аркадий Райкин ещё не был всем известным актёром, он участвовал в праздничном концерте, проходившем в небольшом городке. Его номер — доклад глупого начальника — организаторы концерта поставили первым. Обычно эта реприза всегда вызывала смех в зале, но на этот раз публика оставалась абсолютно серьёзной. Аркадий Исаакович «форсировал» выступление, однако зрители, вместо того чтобы смеяться, становились всё более серьёзными. Оказалось, что артист настолько точно вошёл в роль, что ничего не подозревавший зал без тени сомнения принял его за ответственного работника райкома.

После начала войны Театр эстрады и миниатюр был эвакуирован в Среднюю Азию. Но артисты не отсиживались в тылу за спинами солдат. Их оружием был смех и сатира, артисты ехали на фронт, в части, выступали перед солдатами, как могли помогали делу великой Победы. «За четыре года, —

вспоминал Аркадий Исаакович, — мы проехали много тысяч километров по всем фронтам от Балтики до Кушки, от Новороссийска до Тихого океана, выступали перед солдатами, матросами, командирами. И нацеливали свои, как принято выражаться, сатирические стрелы туда же, куда целились бойцы, — в фашистов». В начале 1942 года Райкин и его коллеги выступали в Сибири и на Дальнем Востоке, на пограничных заставах и на кораблях Тихоокеанского флота, в конце 1942-го и в 1943 году — на Центральном и Северокавказском фронтах. Во время гастролей на Кавказе Аркадий Райкин был награждён орденом Отечественной войны. Вместе с Советской Армией артисты продвигались дальше на запад — в 1944 году Театр эстрады выступал в войсках Белорусского фронта, в 1945-м — Прибалтийского.

В 1942 году Аркадий Райкин стал художественным руководителем Ленинградского театра эстрады и миниатюр. Имя артиста было настолько неразрывно связано с этим театром, что в народе его называли просто — «Театр Райкина». Для любого актёра, кроме забвения, очень опасен застой. Помня об этом, Райкин практически ежегодно ставил новые программы, авторами которых были писатели-сатирики В. Поляков, В. Масс и М. Червинский. Летом 1945 года Ленинградский театр миниатюр гастролировал с программой «Своими словами», затем были спектакли «Приходите, побеседуем», «Откровенно говоря», «Времена года», «Белые ночи», «Любовь и три апельсина» (по мотивам сказок Карло Гоцци), «От двух до пятидесяти», «История одной любви» (история, рассказывающая о четырёх «временах годах» в жизни человека — юности, молодости, зрелости и старости), «Время смеётся», «Волшебники живут рядом». С конца 60-х годов тексты для Райкина пишет тогда ещё начинающий сатирик Михаил Жванецкий. В 1969 году вышла их первая совместная программа «Светофор», в которой прозвучали знаменитые миниатюры «Дефицит», «Авас», «Век техники».

Аркадия Райкина всегда отличала невероятная работоспособность и требовательность, как к тем, кто с ним работал, так и к самому себе. Райкин полностью отдавал себя сцене, не делал никаких поблажек, и это при том, что с самого детства у него было слабое сердце. Родные и близкие не раз во время приступов пытались отговорить его от участия в спектакле, побережь себя, но Аркадий Исаакович, чувствуя ответственность перед зрителями, ехал в театр и выходил на сцену. А ведь помимо игры в театре, Аркадий Райкин снимался в кино. Среди его киноработ фильмы «Мы с вами где-то встречались» (1954), «Когда песня не кончается» (1964), «Волшебная сила искусства» (1970), «Люди и манекены» (1974).

Аркадий Исаакович всегда боролся за свой театр и как артист, и как его художественный руководитель, несмотря на все сложности и препоны. В 1982 году ленинградский Театр эстрады и миниатюр переехал в Москву, став Государственным театром миниатюр. И только через шесть лет, летом 1987 года, театр «осел» на постоянном месте. Вскоре Аркадия Исааковича не стало. У него была «тысяча лиц», но всего одно слабое сердце. Аркадий Райкин скончался 17 декабря 1987 года в Москве.

Говорят, что природа отдыхает на детях талантливых родителей. Но к семейству Райкиных это совершенно не относится. Как только Константин Райкин появился на сцене, стало ясно, что театр приобрёл ещё одного великолепного актёра. Константин никогда не пользовался именем своего знаменитого отца — ему это и не нужно. При внешнем сходстве сын создал свой неповторимый образ, отличный от актёрской манеры отца. Ныне Константин Аркадьевич возглавляет театр «Сатирикон», который стал преемником Театра миниатюр. «Я всегда критически относился к семейственности на производстве, — сказал однажды Аркадий Райкин, — а теперь вот сам впал в этот „грех“, но несколько в нём не раскаиваюсь. Мой сын принимает трудное фамильное наследство...». Аркадий Райкин передал дело своей жизни в надёжные руки. Великий артист был уверен, что когда он уйдёт, его театр будет жить и радовать зрителей...

Дин Рид

«Только благодаря сопровождению 20 милиционеров Дину Риду удалось покинуть зал после первого концерта своего третьего турне по Советскому Союзу. Его пластинки в СССР продаются миллионами. Нет другого американца, который пользовался бы в Советском Союзе бóльшим успехом, чем этот американец, бывший ковбой с туристического ранчо в штате Колорадо», — писали западные газеты в 1971 году. То же происходило и в других странах. Дин Рид даже попадал в Книгу Гиннеса как самый охраняемый певец мира. В Буэнос-Айресе шестьдесят полицейских были приставлены к Дину Риду, чтобы горячие латиноамериканские поклонницы не разорвали его на части. Были полицейские и в Чили и Уругвае, но в их сопровождении Дин Рид отправлялся не в свой гостиничный номер, а в ближайший полицейский участок.

Из каждой страны, где Дин выступал на гастролях, он посылал маме в Штаты фотографию, где был запечатлён в окружении полицейских. «Дорогой сынок, — писала мама в ответ. — Очень рада была получить твоё фото. Но ты забыл написать: эти копы тебя арестовывают или охраняют?». Дин рассказывал журналистам, что его всегда смешил этот вопрос, хотя тревога матери была вполне понятной. Уж слишком беспокойным был характер у её сына...

Дин Рид родился 22 сентября 1938 года в пригороде Денвера Уитридже, штат Колорадо. Он был обычным ребёнком из американского захолустья, и вряд ли кто-то мог подумать, что этого стеснительного мальчика через пару десятков лет станут называть «товарищ рок-н-ролл» и его имя попадёт в «чёрный» список Америки. Скорее наоборот. Мама Рут-Анна — обычная домохозяйка, её главным интересом были дела семейной фермы, а политику она старалась обходить стороной. А вот отец, Сирил Дин, придерживался весьма строгого нрава, был активным членом «Общества Джона Бэрча». Общество это, надо сказать, исповедовало крайне правые убеждения. И немудрено, что Сирил Дин пытался вдолбить сыновьям (у Дина было двое братьев — Верн и Дэйл) свои взгляды, иногда используя в качестве аргумента ремень. Так что Дин был типичным американским подростком — учился в школе, ездил верхом, хорошо плавал и больше всего на свете боялся «страшных коммунистов», которые, как считала вся страна, рано или поздно должны напасть на Америку. Когда ему было 12 лет, он впервые взял в руки гитару. Для того же, для чего учатся играть на гитаре 99,9 % подростков, — чтобы понравиться девочкам.

После окончания школы Дин Рид поступил в колледж, где изучал метеорологию и надеялся стать ведущим выпусков прогноза погоды. По вечерам он подрабатывал, исполняя свои незамысловатые песни в местном клубе. Но через два года Дин Рид бросил учёбу и отправился в Голливуд. Во время этого путешествия он подвёз человека, который посоветовал Дину обратиться на студию «Кэпитол рекордс». Дин послушался совета и в итоге добился возможности выступить перед директором «Кэпитол рекордс» Войлом Гилмором. Симпатичный и артистичный парень, к тому же обладающий хорошим голосом, заинтересовал Гилмора, и вскоре Дин Рид подписал свой первый контракт на запись диска.

В Голливуде Дин Рид поступил в школу драматического искусства при студии «Уорнер бразерс». Здесь он познакомился с человеком, который оказал на него настолько большое влияние, что Дин называл его «своим вторым отцом». Пэтон Прайс преподавал актёрское мастерство в группе Рида. Дин сблизился с преподавателем и постепенно проникся его взглядами. Прайс был либералом, можно сказать «почти социалистом», что для Америки того времени было достаточно редким явлением. По словам Дина Рида, он на всю жизнь запомнил главный урок, который преподавал ему Пэтон Прайс: «Хорошим артистом может стать только хороший человек».

В 1959 году к Дину пришёл первый серьёзный успех — его песня «Наш летний романс» («Our summer romance») попала в американский хит-парад «Топ 50» и заняла высокое место. Очень высокое... Второе. Выше подняться было невозможно, потому что первым был Король...

В это время уже всюду гремела слава нового идола Америки, которого звали Элвис Аарон Пресли. Вообще, их часто сравнивали и находили много общего в их судьбе, недаром одно из прозвищ, которым пресса наградила Дина Рида, было Красный Элвис. Оба родились в американской глубинке в фермерских семьях, оба в 12 лет научились играть на гитаре, оба случайно попали в поле зрения руководителей студий звукозаписи, и, наконец, Элвис и Дин, были, что называется, «симпатягами» и безумно нравились девушкам. Существует даже мнение, что если бы Дин родился немного раньше, то именно он стал бы Королём рок-н-ролла, а Элвису была бы уготована роль его «бледной тени». Однако Дин Рид появился на три года позже...

В чём они резко отличались, так это отношением к политике. Когда, например, Элвиса спросили, что он думает о войне во Вьетнаме (а такие вопросы в Америке задавали каждому известному человеку), он ответил, что его это вовсе не волнует и его дело — петь песни, а не рассуждать о войне, которая идёт за тысячи миль от Америки. Осмелимся предположить, что Пресли всё-таки имел своё мнение о Вьетнаме. Но решил его не высказывать, и понятно почему. Высказался бы «за» — потерял бы часть своих поклонников, особенно среди молодёжи. А «против»... Пример другого Великого был перед глазами. Мохаммеда Али, который резко высказывался против войны,

пытались забрать в армию, а когда он демонстративно отказался — едва не уперли в тюрьму и три года не пускали на ринг. Так что лучше благоразумно сделать вид, что война тебя не волнует... А вот Дин Рид молчать не стал, «резал правду-матку» направо и налево. Мало того, однажды принёс большой газ к посольству США в Чили и начал стирать в нём американский флаг. «Что вы хотите этим сказать?» — спрашивали его журналисты. «Я хочу смыть кровь тысяч убитых вьетнамцев с флага моей родины», — отвечал Дин...

Но если в Америке северной Дин Рид и близко не сумел подобраться к славе Пресли, то в южной части американского континента Дин быстро стал сверхпопулярным, его славе среди латиноамериканцев мог позавидовать и Элвис, и любой другой певец в мире. Первой страной, которую покорил Дин, была Чили. В 1961 году «Наш летний романс» стал самой популярной песней в этой стране. Видимо, в Дине крепко сидели ковбойские гены и прилегающая к ним страсть к перемене мест. Никому ничего не сказав о своих планах, он уехал в Южную Америку. После нескольких концертов в каждом чилийском городе его встречала восторженная толпа: «Вива, Дин! Вива, Дин!». Дальше были Бразилия, Перу, Аргентина — и везде ему сопутствовали неизменный успех и любовь публики. Он стал своим для Южной Америки, а Южная Америка для него — второй родиной. «Южная Америка изменила мою жизнь. Там справедливость и несправедливость, богатство и бедность видны невооружённым глазом, — рассказывал Дин. — Они настолько очевидны, что вы не можете не занять определённой позиции. Я не был ни капиталистом, ни слепцом. Именно там я стал революционером». Да, Дин из обычного певца превратился в трибуна, защищающего бедных и беспощадного к богатым. Его типичный концерт включал песни о любви, за которыми следовала политическая речь, а затем гимн рабочих «Венсеремос!». Это вызывало гнев у всевозможных южноамериканских правительств и хунт. Стычки с полицией происходили едва ли не в каждой стране, где он выступал, Рида неоднократно арестовывали, депортировали, ему запрещали въезд.

В Советский Союз Дин Рид впервые приехал в 1966 году. И буквально сразу же он стал своим, причём и для властей, и для публики. В ходе первого турне по СССР Дин дал концерты в тридцати городах и везде собирал полные залы. Он выступал и в Большом театре, где зрители устроили ему 25-минутную овацию, и просто на улицах, как, например, в Одессе, где на Приморском бульваре он за несколько минут собрал огромную толпу. Советские зрители влюбились в красивого и обаятельного парня, его песни моментально стали шлягерами, которые слушали буквально все. Конечно, популярности Дина Рида способствовала сама необычность ситуации — человек из самого сердца «империалистического логова», американец, и вдруг говорит, что «СССР — это лучшая в мире страна», и искренне восхищается бесплатной медициной, образованием и всеми остальными преимуществами социалистического строя. И даже если простой советский зритель понимал, что на самом деле всё не так замечательно, как думает этот улыбчивый американский парень, всё равно такая искренность была очень приятна. Но не только этим «брал» Дин Рид. Он действительно пел хорошие песни, обладал прекрасными артистическими данными и, самое главное, буквально за несколько минут после начала концерта умел расположить к себе публику. Всё это плюс благоволение власти обеспечило Дину невероятную популярность, с которой в 60-70-е годы могли поспорить очень немногие советские артисты, не говоря уже об иностранцах. Фирма «Мелодия» выпустила несколько миллионов экземпляров пластинок с песнями Рида, а в 1979 году Дин стал единственным американцем, удостоенным премии имени Ленинского комсомола.

Во время своих турне по Советскому Союзу Дин выступал и на лучших концертных площадках страны, и в «медвежьих углах», где до него вообще не видели ни одного иностранца. Особенно Дину запомнилась его поездка по строящейся Байкало-Амурской магистрали, о которой был снят документальный фильм «Я желаю вам счастья». «Мой соотечественник Джон Рид написал знаменитую книгу о России „Десять дней, которые потрясли мир“. И хотя я, в отличие от своего однофамильца, не писатель, я бы мог написать небольшую книжку под названием „Десять дней на БАМе, которые потрясли Дина Рида“». Увидел он, правда, и местную «экзотику», ту, которую, по понятным причинам, власти показывать не стремились. «По трассе БАМа мы ехали в литерном поезде начальника магистрали, — рассказывал в интервью еженедельнику „Аргументы и факты“ переводчик Олег Смирнов, постоянно сопровождавший Дина в его поездках по СССР. — Поезд шёл медленно — рельсы только положили. Вдруг видим: по тайге человек идёт в рваной телогрейке и треухе. Летом! А вокруг на 200 вёрст никакого жилья. Дин спросил: кто это там? А это, говорят ему, зэк. У него, скорее всего, пожизненный срок. Такие весной убегают, всё лето по тайге бегают, а зимой обратно, на зону».

В 1974 году в Петрозаводске, на съёмках фильма «Кит и Ко», Дин Рид познакомился с восточногерманской актрисой Ренатой Блюме. После развода с первым мужем Рената не хотела снова обременять себя семейными узами. «Однако, — вспоминала Рената, — романтический способ ухаживания Дина захватил меня совершенно... Он был полон невероятного внимания. Он всегда делал так, чтобы я понимала, что я — самая замечательная женщина в его жизни. Скоро мне стало ясно: мы принадлежим друг другу, и я ещё раз могу решиться на это». В 1981 году Дин и Рената поженились и поселились в небольшом городке Шмёквиц, недалеко от Берлина.

В ГДР Дин стал настоящей суперзвездой — как рассказывали знавшие его люди, стоило ему

появиться на улицах Берлина, как тотчас его окружала толпа поклонников. В Германии у него было всё — любимая жена, обожавшая его публика, да и в материальном плане у него не было никаких проблем. И всё-таки Дин любил Америку и хотел вернуться, если и не навсегда, то хотя бы для того, чтобы совершить турне по стране. Однако как бы встретила его родина, где за ним прочно приклеился ярлык «красного Пресли»? В 1985 году в Денвере на международном фестивале состоялся показ документальной ленты «Американский мятежник», рассказывающей о жизни Дина. Уилл Робертс, режиссёр фильма, вспоминал свою первую встречу с Дином: «Это произошло в 1979 году в Москве, во время Международного кинофестиваля. Мы с переводчиком были на Красной площади, когда увидели огромную толпу людей, берущих автографы у какого-то человека. „Кто это?“ — спросил я. „Дин Рид“, — ответил переводчик. „А кто такой Дин Рид?“ — „Вы не знаете? Это же самый знаменитый американец во всём мире!“». Конечно, для американца Робертса стала откровением такая бешеная популярность его соотечественника, о котором в самих Соединённых Штатах в это время практически ничего не знали. Он заинтересовался Ридом, встретился с ним и вскоре стал его другом. А через шесть лет американцы узнали об «американском мятежнике» Дине Риде, который приехал в Денвер на показ ленты о самом себе. Вскоре на американском телевидении вышла программа «60 минут», в которой Дин дал интервью известному журналисту Майку Уоллесу. Как вспоминал Уилл Робертс, эта программа вызвала больше враждебных откликов, чем какая бы то ни было другая. В письмах зрители нередко называли Рида перебежчиком, предателем и конъюнктурщиком, способным добиться успеха исключительно за «железным занавесом».

Но несмотря на прохладное отношение со стороны соотечественников, Дин, как рассказывали его знакомые, заново «открыл для себя Америку». А когда пришло время уезжать, по нему было видно, что расставание с родиной заставляет разрываться его сердце... «Я замечала, что Дин становился всё более недовольным и замкнутым, больше не восхищался Германией, — вспоминала Рената Блюме. — Если он видел утром серое небо, он говорил: „Над Колорадо сейчас синее небо“. Если люди были здесь недружелюбны, он вспоминал об улыбчивых людях в его стране. Он охотно бы уехал в Америку. Но я не хотела. Я должна была работать здесь».

В начале лета 1986 года Дин наконец-то смог заняться проектом фильма «Кровоточащее сердце», в котором он должен был выступить в качестве режиссёра, сценариста и исполнителя главной роли. Вместе с ним в этой ленте должна была играть и Рената Блюме.

12 июня 1986 года финансовый директор картины Геррит Лист прилетел в Берлин из Москвы, где он пытался получить деньги для съёмок. Сразу же после прилёта Лист позвонил Дину, и они договорились встретиться вечером. Но Дин на встречу так и не приехал...

Утром 17 июня тело Дина Рида было обнаружено в озере Зетнерзее, неподалёку от его дома. Таинственная гибель Рида сразу же стала обрастать слухами и домыслами и явилась объектом многочисленных судебных и журналистских расследований. Расследований, которые вряд ли когда-нибудь дадут ответ на вопрос: «Что же случилось с Дином Ридом?».

При вскрытии в его желудке были найдены частично растворившиеся таблетки снотворного. После чего официальной причиной смерти певца было объявлено самоубийство. Позже появилась версия о несчастном случае. Действительно, Дин в последние год-два до смерти находился в кризисе. «Железный занавес» ещё не рухнул, но уже стал понемногу приподниматься, и публика в СССР и ГДР узнала, что рок-н-ролл могут играть, и очень хорошо, и другие музыканты, а не только Дин Рид. А Дин понимал, что очень скоро из суперзвезды, каждый концерт которой собирал полные залы, он может превратиться в никому не нужный «символ тоталитарной системы». И хотя он никогда не гонялся за дешёвой славой, осознание своей ненужности, без сомнения, тяготило его.

Однако многие не верили и до сих пор не верят, что Дин мог добровольно уйти из жизни. Он неоднократно говорил и писал друзьям, что мечтает поскорее приступить к съёмкам фильма, которые должны были вот-вот начаться, а также хочет вновь посетить США осенью 1987 года и проехать по стране с большим гастрольным туром. Так что, несмотря на проблемы и душевные терзания, ничего не говорило о том, что он собирается уйти из жизни. Были и странности чисто следственного характера, которые не могли не настораживать. Если Дин и задумал совершить самоубийство и принял снотворное, то непонятно зачем он полез в озеро? Кроме того, несмотря на стоявшую тогда жару, Рид непонятно почему был одет в тёплую куртку, а водительская дверь его машины, стоявшей недалеко от озера, была странным образом повреждена. Всё это наводило на мысли, что Дин Рид кому-то мешал, и его решили убрать.

За океаном главным подозреваемым в предполагаемом убийстве Дина Рида была объявлена печально известная восточногерманская секретная служба «штази». Ходили слухи, что у Рида нередко возникали конфликты с властями ГДР. Он заявлял американскому телевидению, что считает необходимым сохранение берлинской стены, была в его интервью и другая фраза. «Я не считаю социализм и коммунизм лучшей системой... Я не согласен с тем, что социалистическое общество недостаточно открыто для критики, я полагаю, что должно быть больше индивидуальной свободы». Такие слова, понятное дело, не могли понравиться восточногерманскому режиму. В общем, Дин Рид, который критиковал социалистический строй и собирался вернуться в США, стал

неугоден и слишком опасен... Правда, существует и другая версия. К убийству Рида могут быть причастны американское правительство и ЦРУ. Дин хоть и мечтал вернуться в Штаты, однако своих взглядов никогда не менял. Якобы Белый дом совершенно не желал возвращения «американского бунтаря» домой, и потому Дина решили «оставить навсегда в ГДР». К тому же, такая загадочная смерть давала ещё один повод для критики восточногерманского режима. Но как бы там ни было, все эти версии и предположения так и остались догадками...

В последнее время в Соединённых Штатах вновь появился интерес к судьбе Дина Рида. Связано это во многом с намерением известного актёра Тома Хэнкса снять фильм о певце и сыграть в нём главную роль. Но даже несмотря на то что времена «холодной войны» давно прошли и берлинской стены уже нет, для американцев Дин Рид по-прежнему остаётся человеком, к которому прочно приклеился ярлык «красный Пресли». Хотя сам певец утверждал: всё, что он сделал в своей жизни, он сделал не потому, что был «красным», а потому, что считал нужным это сделать. «Есть только два типа певцов — хороший и плохой, — говорил Дин Рид. — И публике необходимо решить, к какой группе отнести певца. Если кому-то так хочется прикрепить ко мне ярлык, называйте меня певцом любви. Существует много типов любви. Любовь к детям, любовь к матери, любовь к путешествиям, романтическая любовь и любовь к идеалам и принципам, которым следуешь в жизни. Артист не только может говорить обо всём этом, он должен это делать, если он считает себя настоящим артистом. И нет противоречия в том, если сегодня артист поёт рок-н-ролл, а завтра политические песни на митинге солидарности. Только нужно быть правдивым и искренним в обоих случаях. Одно не исключает другого. Артист должен отдавать себя людям настолько полно, насколько это возможно, и вселять в них не только отвагу, но и дарить им радость...».

Александра Пахмутова и Николай Добронравов

Однажды Аля Пахмутова, которой только-только исполнилось три года, пошла вместе с мамой Марией Андреевной в кинотеатр. Фильм был музыкальный, с большим количеством песен и красивых мелодий. Придя домой, мама ушла на кухню, а дочка осталась в комнате, где на самом видном месте стояло пианино. Мария Андреевна готовила обед, как вдруг услышала, что кто-то наигрывает, и достаточно точно и чисто, мелодии из только что просмотренного фильма. Играть могла только Аля, но ведь ей всего три года и никто её до этого музыке не учил! Мария Андреевна вошла в комнату и увидела стоящую у пианино дочку. Она положила на стул стопку книг, посадила девочку к пианино и долго с удивлением слушала её игру. Позже с Алей стал заниматься отец, рабочий бекетовского лесозавода и одновременно неплохой музыкант-любитель. Когда Александре исполнилось четыре года, она написала свою первую музыкальную пьесу «Петухи поют». Так начиналась карьера Александры Пахмутовой — одного из самых успешных и знаменитых советских композиторов, народной артистки СССР, лауреата Государственной премии, автора более 400 песен и трёх десятков симфонических произведений.

Александра Николаевна Пахмутова родилась 9 ноября 1929 года в посёлке Бекетовка под Сталинградом. С первых же лет жизни музыка стала её судьбой. Проблемы выбора жизненного пути у Али не было — в шесть лет девочка поступила в Сталинградскую музыкальную школу, в которой училась до начала Великой Отечественной войны. «Когда говорят пушки — музы молчат» — в осаждённом фашистами и подвергавшемся ежедневным разрушительным бомбардировкам Сталинграде о занятиях музыкой не могло быть и речи. Занятия пришлось прервать, а вскоре семья Пахмутовых была эвакуирована в Казахстан.

Как же всё-таки везёт людям, которые с самого детства знают, чем они будут заниматься, и могут сказать себе: «Это — моё, и ничто, никакие трудности не заставят меня свернуть с этого пути!». Александру Пахмутову можно смело причислить к таким людям. Война ещё продолжалась, а она уже ехала в Москву продолжать учёбу. Летом 1943 года Аля была зачислена в Центральную музыкальную школу для одарённых детей (ныне — музыкальная школа при Московской консерватории). После её окончания в 1948 году Александра поступила в Московскую государственную консерваторию, в класс к известному композитору и прекрасному педагогу профессору Виссариону Яковлевичу Шебалину. В 1953 году Пахмутова успешно окончила консерваторию и поступила в аспирантуру. Через три года Александра защитила диссертацию по теме «Партитура оперы М. И. Глинки „Руслан и Людмила“».

«Бесспорно, без мелодического таланта композитору в песне делать нечего. Это жестокий закон, но — закон, — сказала однажды Александра Николаевна. — Но талант ещё не гарант. Как будет воплощён замысел песни, как будет развиваться её тематическое зерно, как будет сделана партитура, как будет осуществлена запись в студии — всё это не последние вопросы и из всего этого тоже складывается образ». Действительно, чтобы добиться успеха, композитору нужен талант. Это условие обязательное, однако отнюдь не гарантирующее признания. В Советском Союзе существовали тысячи музыкальных школ, ежегодно они выпускали тысячи юных музыкантов, в том числе и будущих композиторов. Многие из них были действительно талантливы, но только единицы добивались настоящего успеха, становились лауреатами всевозможных конкурсов и премий. Но не в званиях дело.

Александра Пахмутова — явление уникальное. Расхожий, конечно, штамп, но иначе не скажешь, факт остаётся фактом — такие, как Пахмутова, рождаются раз в сто лет, а то и вовсе лишь однажды. «Песня о тревожной молодости», «Геологи», «Главное, ребята, сердцем не стареть!», «ЛЭП-500», «Прощание с Братском», «Усталая подлодка», «Обнимаю небо», «Мы учим летать самолёты», «Нежность», «Орлята учатся летать», «Знаете, каким он парнем был», «Ненаглядный мой», «Старый клён», «Хорошие девчата», «Горячий снег», «Белоруссия», «Беловежская пуца», «Герои спорта», «Трус не играет в хоккей», «Команда молодости нашей», «До свиданья, Москва!», «И вновь продолжается бой», «Мелодия», «Надежда», «Нам не жить друг без друга», «Как молоды мы были» — эти песни Александры Пахмутовой знала и пела вся страна.

Стихи к музыке Александры Пахмутовой писали многие известные поэты: Лев Ошанин, Михаил Матусовский, Евгений Долматовский, Михаил Львов, Роберт Рождественский, Сергей Гребенников, Римма Казакова. И всё-таки трудно себе представить её музыку без стихов Николая Добронравова. Говорят, что без поэта Добронравова не было бы композитора Пахмутовой, и наоборот. С этим можно поспорить, однако они настолько гармонично подходили друг другу, что очень быстро сложился один из самых удачных в СССР творческих союзов, который вскоре стал и союзом семейным. Интересно, что Пахмутова и Добронравов, при всей своей известности и популярности, всегда относились к прессе и журналистам, скажем так, с осторожностью. Александра Николаевна и Николай Николаевич, вообще-то, не очень-то балуют журналистов, а что касается личной жизни — то в этом вопросе соблюдается строгое табу.

Их судьбы во многом схожи. Оба появились на свет в ноябре (Николай Николаевич родился 22 ноября 1928 года в Ленинграде), обоим в детстве пришлось узнать, что такое война и эвакуация. Но

если Александра Пахмутова буквально с трёх лет начала заниматься музыкой и это стало делом всей её жизни, то Николай Добронравов свой путь и предназначение нашёл не сразу. Окончив в 1942 году школу, Николай поступил сначала в Московский городской учительский институт, а затем в Школу-студию имени Немировича-Данченко при МХАТе. После окончания школы-студии Николай Добронравов работал актёром в Московском театре юного зрителя. Здесь он познакомился с актёром Сергеем Гребенниковым, вместе с которым написал несколько новогодних сказок, поставленных во Дворцах пионеров и клубах Москвы. Вначале для актёров это было своеобразным развлечением, но вскоре Николай и Сергей начали профессионально заниматься литературной деятельностью. Для редакции музыкального и детского вещания Всесоюзного радио авторы написали несколько пьес и инсценировок, в кукольных театрах страны были поставлены пьесы «Колосок — волшебные усики» и «Тайна старшего брата».

В середине 60-х годов Николай Добронравов заканчивает актёрскую карьеру. В это время в Московском театре юного зрителя с успехом идёт написанная им вместе с С. Гребенниковым пьеса «Загорается маяк» (в 1962 году она была издана в издательстве «Молодая гвардия»), а в Куйбышевском театре оперы и балета ставится опера по либретто Добронравова и Гребенникова «Иван Шадрин». В 1970 году Н. Добронравов становится членом Союза писателей СССР. Из печати выходят его повести «Отчаливай, отчаливай!», «Скоро каникулы», «Третий не лишний», поэтические сборники «Созвездие Гагарина», «Стихи и песни», «Таёжные костры», «Вечная тревога», «Стихотворения». Но безусловно, исключительное место в творчестве Николая Добронравова занимает песня. Стихи, положенные на музыку, — это стержень жизни поэта, «и нету жизни без судьбы, и без судьбы — нет песни», — написал он в песне «Пластинка памяти моей».

Творчество Александры Пахмутовой и Николая Добронравова настолько разнопланово, что их песни пели такие непохожие по стилю и манере исполнения певцы, как Л. Зыкина, С. Лемешев, Г. Отс, М. Магомаев, Ю. Гуляев, И. Кобзон, Л. Лещенко, Э. Хиль, М. Кристалинская, Э. Пьеха, В. Толкунова, А. Градский, Т. Гвердцители, Юлиан, Н. Мордюкова, Л. Сенчина, П. Дементьев, М. Боярский, Бисер Киров.

Конечно, для поколения «шестидесятников», детей оттепели, глотнувших воздух свободы, комсомольско-партийная лирика Пахмутовой и Добронравова — это символ «совка», которым партийные идеологи пытались заменить западную музыку. Да, «Битлз» в СССР официально так и не появился, зато песни Пахмутовой и Добронравова звучали всюду — на телевидении, радио, пионерских линейках, правительственных концертах. Но ведь, кроме того, их песни пел народ, а не это ли является показателем любви и признания? А песню «До свиданья, Москва!», прощальный гимн Московской Олимпиады-80, знал весь мир, и не просто знал, а плакал, когда под эту мелодию в московское небо улетал олимпийский Мишка.

Кстати, близость к власти ещё не означает взаимной любви. Александра Пахмутова никогда не была членом партии, хотя звали всегда и очень настойчиво. Почему? «Дело в том, что в любой идеологической системе, помимо её истинных приверженцев, всегда существуют и те, кто на ней откровенно паразитирует, — объясняла Александра Николаевна своё нежелание вступить в партию в интервью еженедельнику „Аргументы и факты“. — В коммунистической идеологии одни кидались за идеи в огонь, мужественно переносили пытки, бесплатно отстраивали страну, другие прятались за их спинами и возводили себе чужими руками роскошные дачи. Как раз те люди, которые относились к коммунистической идеологии крайне цинично, и тащили меня в партию. Я отлично понимала, что, получив от меня заявление, эти псевдокоммунисты сядут в чёрную „Волгу“ и уедут в свои загородные хоромы, а я с этого момента буду обязана на них работать, утопать в новых проблемах... Да, мы писали песни о комсомольцах. Но нашими героями были те святые люди, многие из которых сегодня вынуждены собирать бутылки и рыться в помойках. Обидно, например, что о Зое Космодемьянской теперь иначе как о психопатке не говорят».

Власть награждала Александру Пахмутову званиями и премиями (Александра Николаевна — народная артистка СССР (1984), лауреат премии Ленинского комсомола (1967), лауреат Государственных премий СССР (1975, 1982), Герой Социалистического Труда), но та же власть долго отказывала композитору в получении нормальной квартиры. Бывало, запрещали некоторые песни. Самый хрестоматийный и абсурдный пример — «Песня о Ленине», написанная для хорового исполнения. Недовольство вызвала строчка «...Ильич прощается с Москвой...». На прослушивании Пахмутовой и Добронравову объяснили, что Ильич с Москвой прощаться не может, поскольку он навсегда в ней. «Песню ветеранов Первого Белорусского фронта» запретили из-за того, что упоминались Жуков и Рокоссовский, но не было ни слова о Брежнев, «главном герое Великой Отечественной войны» в застойные времена. В музыке песни «И вновь продолжается бой» усмотрели роковые мотивы, из-за чего у художества возникли серьёзные нарекания, и только ценой невероятных усилий песню удалось отстоять. Всё это, конечно, не доставляло радости, однако Александра Николаевна всегда относилась к подобным вещам философски. «Не сегодня, так значит, завтра выйдет, — говорила она в одном из интервью, — глупо сидеть и копить обиды, когда можно успеть ещё столько всего сочинить. Я ведь и сегодня от не востребоваемости не страдаю. Нужно стараться жить в ритме молодёжи».

А жить и творить в молодёжном ритме ох как не просто, хотя Александра Пахмутова и привыкла к смене эпох. Начинала она писать музыку ещё при Сталине, затем была оттепель, брежневские времена, перестройка. Настало время перемен, изменились отношения между композиторами, поэтами и артистами, музыкальный мир стал жить по коммерческим правилам. Сейчас никого не удивляет, что за песню, тем более хорошую, нужно платить, и платить много. Но Александра Пахмутова и Николай Добронравов остались верны своим принципам. «Мы никогда не продавали песни и никогда не будем этого делать, — сказала недавно Александра Николаевна в интервью газете „Вечерний Минск“. — Да и как вы себе это представляете? Мы встречаемся с певцом, обсуждаем песню, пробуем так и этак, пьём кофе, разговариваем. А потом я говорю: „Теперь давай плати“? Это невозможно».

Конечно, сейчас песни Александры Пахмутовой и Николая Добронравова всё реже появляются в теле- и радиоэфире, их творчество, как говорят в современной музыкальной «тусовке», перешло в разряд «неформата». Но это не пугает авторов, Александра Николаевна и Николай Николаевич, как всегда, с оптимизмом смотрят в будущее. Их часто спрашивают о творческих планах и о том, чем они занимаются. «Чем же ещё заниматься композитору и поэту? Конечно, пишем песни», — отвечает Александра Пахмутова. А сидящий, как обычно, рядом Николай Добронравов добавляет: «И будем этим заниматься, пока живы...».

Булат Окуджав

«Писать о песенном творчестве Булата Шалвовича Окуджавы — дело трудное. Он всё написал о себе сам. Его творчеству не нужны ни переводчики, ни толмачи, ни толкователи. Шокирующие своей дремучестью предисловия — „...я в этом произведении хотел изобразить...“ — это не для него. Он что хотел, то изобразил. Что намеревался сказать — сказал». Так о Булате Окуджаве сказал Юрий Визбор. Наверное, лучше о поэте и певце не скажешь, лучшей похвалы не придумаешь. «Что хотел — то изобразил». И этим всё сказано...

Однажды известный публицист и критик Юрий Карякин определил понятие «Родина» как «не только та часть земли, на которой человек родился и живёт, но и Время, в которое он живёт». В этом смысле Булат Окуджав — один из символов Родины, символов негромких, но очень мощных по степени влияния на культурную жизнь страны.

Окуджаву нередко называют символом «арбатства» — некоего тихого духовного бунтарства, протеста против всеобщей косности и потакания официозу советской пропаганды. И символичны даже место и день рождения Булата Окуджавы. Он родился 9 мая 1924 года. Через восемнадцать лет вчерашний школьник ушёл добровольцем на фронт. Ещё через три года 9 Мая стал святым днём для каждого советского человека. А местом рождения будущего поэта, его малой родиной стал Арбат. Две этих темы — тема войны и тема Арбата — стали стержнем всего творчества Окуджавы, его вдохновением и болью.

Если рассуждать мерками 20-х годов, то Булату Окуджаве, можно сказать, повезло. Он родился в семье высокопоставленных партийных работников. Его отец, Шалва Степанович, незадолго до рождения сына был призван из Грузии на учёбу в Москву, мама, Ашхен Степановна, работала в аппарате московского горкома партии. В Москве семья поселилась в коммунальной квартире дома № 43 по улице Арбат, в двух комнатах, расположенных в разных концах длинного коридора.

В июле 1924 года Шалва Окуджав возвращается в Грузию. Для маленького Булата начинается кочевой период жизни — то он вместе с мамой живёт в Москве, то на некоторое время семья воссоединяется в Грузии. В начале 1930 года Ашхен Степановна вместе с сыном окончательно переезжает в Тбилиси. Булату пришлось учиться, и он пошёл в первый класс одной из местных школ. «Это был такой странный первый класс, — делился своими детскими впечатлениями Булат Шалвович. — О Пушкине мы не слышали ничего, Пушкин не существовал, Лермонтов не существовал, Толстой не существовал. Все они были помещики».

В 1931 году первым секретарём ЦК Компартии стал Лаврентий Берия. Между ним и Ш. С. Окуджавой возник серьёзный конфликт. Дошло до того, что Шалва Степанович был вынужден обратиться к своему другу Серго Орджоникидзе с просьбой посодействовать о переводе на работу в Россию. В 1932 году Ш. С. Окуджав был назначен первым секретарём Нижнетагильского горкома партии. Некоторое время Булат жил вместе с мамой в Грузии, а затем они переехали на Урал.

В 1937 году Шалва Окуджав был обвинён в «троцкизме» и арестован. Булат вместе с матерью вернулся в Москву. Ашхен Степановну, естественно, исключили из партии и сняли с руководящей должности. Она устроилась на работу кассиром, пыталась добиться освобождения мужа, но безрезультатно. А вскоре и сама была арестована и отправлена в ссылку.

Как воспринял арест родителей Булат? А как мог отреагировать двенадцатилетний ребёнок, который, с одной стороны, безоговорочно верил своим родителям, а с другой, не сомневался в непогрешимости «великого вождя и учителя товарища Сталина»? «Я считал, что это ошибка, — вспоминал Булат Шалвович. — Я был очень политический мальчик. И я знал, что мои родители такие коммунисты, каких не бывает вообще в природе. Произошла ошибка какая-то. И когда это до Сталина дойдёт, он всё исправит...». Но вождь ничего не исправил — отца Булата вскоре расстреляли, а мать вернулась из ссылки только после начала оттепели.

В это время Булат Окуджав узнал, что означает аббревиатура ЧСВН — «член семьи врага народа». «Жили мы впроголодь, — вспоминал поэт. — Страшно совершенно. Учился я плохо. Курить начал, пить, девки появились. Московский двор, матери нет, одна бабушка в отчаянии. Я стал дома деньги подворовывать на папиросы. Связался с тёмными ребятами».

В 1941 году, за несколько месяцев до нападения Германии на СССР, Булата забрала в Тбилиси тётя. Он ушёл из школы, не окончив девяти классов, устроился на оборонный завод учеником токаря. Когда началась война, Булат вместе со своим другом Юрой Попенянцем осаждал местного военкома капитана Качарова, требуя отправить его на фронт. Качаров выгонял ребят, кричал: «Малы ещё, чтобы лезть в пекло». Но в конце концов не выдержал, дал им чистые бланки и сказал: «Вот вам повестки, пишите себе их сами...».

Фронт казался безусым мальчикам несбыточной мечтой, чуть ли не раем, где есть сытная фронтальная пайка, и всё, что нужно делать, — это бить фашистов. Но жизнь оказалась куда суровее

мальчишеских представлений. Булат и Юрий оказались в 10-м Отдельном запасном миномётном дивизионе, формирувавшемся в Кахетии. А запасной батальон — это такая часть, которую гоняют по всему фронту и, как говорится, «затыкают ею дыры».

«Мы ходили в своём домашнем, присяги не принимали, потому что формы не было... Здесь кормили плохо, а все рассказывали, что на фронте кормят лучше... Мы приехали к месту назначения грязные, рваные, похожие на обезьян, спившиеся... Оказывается, у нас нет довольствия. Все жрут, а нам есть нечего... Началась муштра невыносимая. Такая муштра началась, что не дай бог... Кормили бурдой какой-то. Заставляли работать. Жутко было...». Это не цельные воспоминания, а отдельные эпизоды фронтовой жизни Булата Окуджавы. Но и по этим коротким фразам становится ясно — фронтовая жизнь быстро вышибла всю романтику из юношеской головы. И потому-то нет в творчестве Окуджавы войны героически-победоносной, в которой гениальные полководцы направляют батальоны и полки бесстрашных солдат на позиции врага, а есть та война, которую он видел своими глазами, война неприукрашенная и правдивая. «Войну может воспевать либо человек неумный, — сказал Булат Шалвович в беседе с известным журналистом Юрием Ростом, — либо если это писатель, то только тот, кто делает её предметом спекуляции».

Как ни странно, война изменила характер Булата Окуджавы. Он покончил со своим хулиганским прошлым, взялся за ум, экстерном закончил среднюю школу и поступил на филологический факультет Тбилисского университета. После окончания учёбы в 1950 году Булат попал по распределению в Калугу, где работал учителем русского языка и литературы. В его семье любили поэзию, и Булат ещё в детстве начал писать стихи. Впервые его произведения были опубликованы в 1945 году в газете Закавказского военного округа. А в Калуге, одновременно с работой в школе, Булат Окуджава сотрудничает с местными газетами «Знамя» и «Молодой ленинец», в 1956 году выходит первый сборник его стихов под незатейливым названием «Лирика». Сам поэт к этой книге относится очень самокритично: «Это была очень слабая книга, написанная человеком, страдающим калужской провинциальной самонадеянностью».

В 1956 году Булат Окуджава возвращается в Москву, работает редактором в издательстве «Молодая гвардия», позже переходит в «Литературную газету» на должность заведующего отделом поэзии. В 1959 году в Москве выходит его второй поэтический сборник «Острова». Появляется поэзия Окуджавы и в самиздате, в частности в известном самиздатском журнале «Синтаксис», в котором также были впервые напечатаны стихи Александра Галича, Беллы Ахмадулиной, Иосифа Бродского.

В середине 50-х годов Окуджава в первый раз выступил перед друзьями, исполнив под аккомпанемент гитары свои песни («песенки», как называл их автор). «Мои настроения совпали с настроениями эпохи. И всё. И поэтому мои песни считали откровениями. Я не преувеличиваю свою роль». Но именно такая поэзия, такие песни под негромкий перебор гитары и нужны были городской интеллигенции. Самодельные магнитофонные записи концертов Булата Окуджавы быстро распространяются среди слушателей, его песни обретают популярность, а их исполнитель становится одним из родоначальников авторской песни.

У официальных критиков песни Окуджавы вызывают, мягко говоря, раздражение. В 1961 году в газетах появляются несколько критических статей и фельетонов, а в следующем году на заседании поэтической секции Союза писателей СССР было заявлено, что «большинство песен Окуджавы не выражает настроений, дум, чаяний нашей героической молодёжи». И тогда же кто-то из критиков назвал поэта «Вертинским для неуспевающих студентов». Тем не менее, «со скрипом», но Окуджаву всё-таки принимают в Союз писателей. Вскоре Булат Шалвович ушёл со службы и полностью переключился на литературную деятельность.

В это же время у власти формируется своё отношение к одному из самых популярных поэтов страны: Окуджава поэт не то чтобы «вредный для советского строя», но какой-то «не нужный и безыдейный». Его не запрещают, однако каждая новая книга или пластинка выходит с большим трудом. Окуджава не критиковал власть и партию в своём творчестве, собственно говоря, он сам с 1955 года был членом КПСС (правда, он не побоялся открыто выступить против изгнания из страны Александра Солженицына, и ему это в своё время припомнили), но его «негероическая поэзия», простые человеческие чувства, «пушкинская простота», как сказал о стихах Булата Окуджавы Юрий Визбор, были не в чести.

По стране с начала 60-х ходили тысячи записей концертов поэта, но только в 1964 году фирма «Мелодия» выпустила пластинку «Песни Булата Окуджавы», в которую вошли четыре песни: «Король», «Песенка об Арбате», «По смоленской дороге» и «Полночный троллейбус». Однако песни исполнял не сам автор, а другие певцы под аккомпанемент инструментального оркестра. И только в 1976 году появилась пластинка Окуджавы в авторском исполнении.

В начале 60-х годов Булат Шалвович обращается к жанру прозы. В 1961 году в литературном сборнике «Тарусские страницы» выходит повесть «Будь здоров, школяр!» — автобиографическое повествование о вчерашнем школьнике, который отправляется на фронт защищать родину от фашизма. Через несколько лет в соавторстве с кинорежиссёром Владимиром Мотылём Окуджава написал киносценарий, по которому был поставлен фильм «Женя, Женечка и „катюша“». Песню «9

граммов в сердце» на слова Булата Шалвовича в исполнении Павла Луспекаева, сыгравшего в фильме роль таможенника Верещагина, знала и пела вся страна.

В 70–80-х годах Булат Окуджава пишет несколько исторических романов и повестей — «Бедный Авросимов» об истории декабристского движения, «Похождения Шилова, или Старинный водевиль», «Путешествие дилетантов», «Свидание с Бонапартом». А опубликованный в 1993 году роман «Упразднённый театр» получил международную премию Букера как лучший роман года на русском языке.

И всё-таки главной темой в творчестве Булата Шалвовича Окуджавы, его любовью и привязанностью, как в прозе, так и в поэзии, была тема Арбата и «арбатства». В одном из стихотворений поэт возвёл себя в высокое звание «дворянина с арбатского двора, своим двором введённого в дворянство», а «арбатство» считал «неистребимым, как сама Природа». Для Окуджавы его родной Арбат — это не только пространство, ограниченное домами и переулками, но и заповедный район, где нет лжи и предательства, погони за материальным счастьем и карьерой. «Проходит время, разрушая „ошибочные представления и кучу мнимых аксиом“, — писал Юрий Визбор. — Сгнивают заборы на старых писательских дачах. Стареют телевизионные дикторы, облысели некогда кучерявые авторы самодеятельных песен. А песни остаются. Вот в этом счастье». Да, время безжалостно и неумолимо. В 1997 году не стало и самого поэта. Булат Окуджава умер вдали от родины, в маленьком французском городке Кламар, вдали от Арбата и от родного дворика, где он провёл самые счастливые годы своего детства вместе с любимыми родителями. Да и Арбат за эти годы изменился. В 60-х годах по решению московских властей часть старого Арбата была снесена, был построен так называемый Новый Арбат, который коренные москвичи презрительно называли «вставной челюстью». Да и сейчас зачастую «власть предрержащих» Арбат интересуется больше как очень дорогая земля в центре одного из самых дорогих городов страны, а не как историческая ценность и память о прошлом. Бутики и офисы вытесняют дух Арбата, на знаменитой улице царствует коммерция, а не поэзия. И всё-таки Булат Окуджава всегда, где бы он ни был и что бы с ним ни происходило, носил свой Арбат в сердце, Арбат, на котором он родился и вырос. И несмотря на бег времени, его песни и стихи остаются жить.

А годы проходят, представьте. Иначе на мир я гляжу. Стал тесен мне дворик арбатский, И я уйду, уйду..... Но тесный свой дворик арбатский с собой уношу, уношу...

Владимир Высоцкий

Родился, крестился, учился, женился... Можно ли, пользуясь обычными фактами, анкетными данными, написать о Высоцком? А почему же нельзя — был человек, была жизнь, значит — есть биография. А тем более когда речь идёт о Владимире Высоцком, жизнь которого известна чуть ли не по дням. Когда родился, когда и что в первый раз сказал, когда написал первые стихи и попробовал вина, когда закончил школу и поступил в институт, почему бросил вуз и поступил в другое учебное заведение, когда впервые вышел на сцену и сыграл в кино, сколько раз его отстраняли от спектаклей и не давали роли в фильмах, сколько раз и на ком был женат, где давал концерты, куда ездил за границу, сколько раз уходил в загулы, сколько раз врачи возвращали его в этот мир из состояния клинической смерти... Всё известно, всё расписано. Но вот вопрос — может ли простое перечисление фактов объяснить, что значил Высоцкий для поколения 60-70-х и как простой московский паренёк стал символом своей эпохи? И почему, когда Высоцкого не стало, проститься с ним пришли десятки тысяч москвичей? И это несмотря на то, что власть, пытавшаяся не распространяться о жизни актёра и поэта, хотела умолчать и о его смерти. Крохотная заметка в «Вечерней Москве», объявление на кассе Театра на Таганке: «Умер актёр Владимир Высоцкий» — и растянувшаяся на пять километров очередь тех, кто хотел с ним попрощаться.

А ведь люди, пришедшие 27 июля 1980 года к Театру на Таганке, не думали о том, что их ждёт и сколько их будет — десяток, сотня, может быть, несколько сотен... В 1968-м, когда гусеницы советских танков лязгали в самом центре старой Праги, многих буквально выворачивало от того, что они читали в газетах и видели по телевизору. Ведь это несправедливо, так нельзя, советские танки давили не только «пражскую весну», но и все надежды на то, что в самом Союзе что-то может измениться к лучшему... Многие это понимали. Говорили об этом на кухнях, читали самиздатовскую хронику, сочувствовали обречённым чехам. Понимали, но протестовать в открытую решились самые отчаянные смельчаки. И таких были единицы...

Если бы в тот жаркий день возле Театра на Таганке и на Ваганьковском кладбище людей было немного, кто знает, что с ними могли сделать? Сигналили бы аккуратно в ближайшие отделения, а там бы начали разбираться: «Кто такой, откуда и почему пришёл на похороны антисоветского артиста?». К стенке не поставили бы (жаль, конечно, но времена всё-таки не сталинские), но напакоstitь, сломать жизнь могли капитально — выгнать из института или с работы, дать «волчий билет», а то и срок «за организацию массовых беспорядков». «Цап-царап, разойдись, больше трёх не собираться! Высоцкий умер? Да кто он такой, ваш Высоцкий?!».

Власть очень не хотела, чтобы проститься с Высоцким пришли тысячи. Ещё бы, вычищенная и выглаженная олимпийская Москва, вышколенные сопровождающие из числа комсомольских активистов и молодых кагэбэшников, заботливо приставленные к иностранным делегациям. Они бодры, веселы, подтянуты, их речь правильна, а глаза чисты. С их лиц не сходят ослепительные улыбки. Они учтиво объясняют иностранцам: «Смотрите, вот что, — и поводят плавно рукой, показывая московские новостройки, — может сделать советский народ под мудрым руководством Коммунистической партии. А это сам советский народ, счастливо живущий в самой лучшей стране в мире». И вдруг, в самом центре столицы, люди, в руках у которых — цветы, а в глазах — несанкционированное горе. Много людей, людское море...

Так как же Высоцкий стал тем Высоцким, которого любила вся страна? Что сделало его всенародным любимцем — гены, семья, окружение, друзья, любимые женщины? В родословной Владимира Высоцкого, как отмечают биографы, не было ничего необычного. Его отец, Семён Владимирович, в середине 30-х годов переехал из Киева в Москву, поступил в Институт связи. Во время учёбы познакомился с Ниной Максимовой, переводчиком немецкого языка. Обычная история — встречи, свидания, свадьба, рождение ребёнка. Он появился на свет 25 января 1938 года. Родители долго выбирали имя — Алексей, Борис, Олег... Остановились на Владимире.

Первые годы жизни Володя провёл в коммунальной квартире на Первой Мещанской улице. Типичная московская коммуналка — десяток соседей, на всех один туалет, одна плита и очередь в ванную комнату. Но бытовые проблемы и неустроенность мало заботили маленького мальчика. Он рос очень общительным, что неудивительно: в большой коммуналке только выйдешь из своей комнаты — всегда есть с кем поговорить и поиграть.

А затем началась война. Отец ушёл на фронт, а Володя с мамой эвакуировались в июле 1941 года на Урал. Два года Высоцкие прожили в селе Воронцовка возле города Бузулук. В конце лета 1943 года Нина Максимовна и Володя выехали обратно в Москву. С фронта пришёл отец. Однако встреча была не слишком радостной — на фронте Семён Владимирович познакомился с Евгенией Степановной Лихолатовой, которая стала его второй женой. Некоторое время Володя жил с матерью, которая также второй раз вышла замуж. Но отчим ребёнка не принял, и Володя переехал к отцу. А Евгения Степановна стала для мальчика второй мамой. Когда в начале 1947 года Семёна Владимировича направили на службу в Германию, он взял Володю с собой.

Осенью 1949 году Высоцкие вернулись в Москву. Семён Владимирович, Евгения Степановна и

Володя поселились в квартире в доме № 15 в Большом Каретном переулке. Аккуратный, шикарно (по тем временам, конечно) одетый мальчик в первый раз появился в 5-Е классе школы № 146. А в классе были одни мальчики (в те времена обучение было раздельным), да и район respectableным не считался. Вернулся в тот день «американец» (так одноклассники прозвали Володю) домой и попросил Евгению Степановну: «Одень меня, как все одеваются!». Крепким телосложением он не отличался, но постоять за себя умел. Обидное прозвище Американец вскоре было забыто, Володя стал если и не главным заводилой в школьной и дворовой компании, то вполне «своим парнем». Учился он хорошо, только «неуды» за поведение омрачали заполненный четвёрками и пятёрками дневник.

Обычная биография (если не считать двухлетнего пребывания в Германии) обычного московского мальчишки. Да, писал стихи (их печатали в школьных стенгазетах), да, обладал актёрскими способностями. Мог, например, подойти к контролёрам сада «Эрмитаж», куда стремились попасть все московские пацаны, скорчить глуповатую гримасу и сказать, глотая буквы: «Здравтуйти!». И контролёры, не требуя денег, пропускали «умственно отсталого» мальчика. Но таких способных — в одной Москве не пересчитать, а уж во всей стране... Да и не должен он был стать артистом. Окончена школа, перед Владимиром — несколько открытых дорог, да вот только по какой пойти? «У мужчины должно быть настоящее дело! — веско сказал отец. — Будешь инженером!». Володя-то хотел в театральный институт, в 10-м классе даже записался в драмкружок при Доме учителя. Но родители всё-таки настояли на своём. Высоцкий поступил на механический факультет Московского инженерно-строительного института (МИСИ). Это была большая удача, ведь вуз сверхпопулярный, в том году на одно место претендовали 17 человек. Но... «Каждый должен заниматься своим делом. Пойду в артисты!» — сказал однажды Владимир и, отучившись в МИСИ всего один семестр, бросил институт.

Высоцкий подал документы в три театральных училища: имени Щепкина, имени Щукина и Школу-студию при МХАТе СССР. И везде, к удивлению родственников и знакомых, был допущен к экзаменам, прошёл собеседования и вступительные туры. Ему даже пришлось выбирать, где учиться. И он выбрал Школу-студию при МХАТе.

Среди своих сокурсников по школе-студии Владимир, в общем-то, ничем особым не выделялся. Играл в спектаклях, ездил вместе с другими студентами на целину, где выступал перед целинниками. В 1959 году впервые появился в кино — в эпизодической роли в фильме «Сверстницы». Был на хорошем счету у преподавателей. «Талантлив, — говорили о Высоцком, — но не более того». Просто один из многих молодых артистов...

Владимир ещё учился на последнем курсе училища, когда получил приглашение в московский Театр имени Пушкина. Лестное предложение для молодого артиста — театр Пушкина считался одним из лучших в столице. Но актёрская карьера Высоцкого не задалась. Играл он много, но серьёзных ролей ни в театре, ни в кино ему не давали. Единственное светлое пятно — роль Софрона в известном фильме «Карьера Димы Горина». А так... Массовка в театре, крохотные эпизодические роли в кино. Отсюда — депрессия, сознание собственной ненужности. А чем на Руси издавна принято глушить душевный разлад? Правильно, водкой. И Высоцкий, к сожалению, не стал исключением...

В 1959 году Владимир впервые выходит на сцену как исполнитель песен (пока ещё чужих). Но и здесь его быстро «поставили на место». Публика в знаменитом студенческом клубе МГУ с удовольствием слушала парня с необычным хриплым голосом. Однако до конца допеть ему не дали. В зале присутствовал кандидат в члены Политбюро П. Пospelов, который потребовал убрать со сцены «этого хрипуна». По сути, это был первый конфликт Артиста с властью...

Здесь мы сделаем небольшое отступление. Высоцкий никогда не был, что называется, «классическим» диссидентом, он не пытался «идти на медведя с одной рогаткой» (так, по мнению многих, выглядела борьба диссидентов с советским режимом), он пытался договориться с властью. В 1973 году Высоцкий написал письмо министру культуры СССР, секретарю ЦК КПСС Демичеву. «Девять лет я не могу пробиться к узаконенному официальному общению со слушателями моих песен, — говорилось в письме. — Все мои попытки решить это на уровне концертных организаций и Министерства культуры ни к чему не привели... Девять лет я прошу об одном: дать мне возможность живого общения со зрителем, отобрать песни для концерта, согласовать программу... Я отдаю себе отчёт в том, что моё творчество достаточно непривычно, но так же трезво понимаю, что могу быть полезным инструментом в пропаганде идей не только приемлемых, но и жизненно необходимых нашему обществу...». Но власть договориваться не хотела, она требовала полного подчинения. Или ты поёшь, что мы скажем, или... А вот на это Высоцкий не хотел идти, быть подпевалой, а не певцом, он не желал. И потому-то, хотя и были у Высоцкого поклонники на самом верху, травили его нещадно...

Писать песни Владимир Семёнович начал в начале 60-х годов. Сперва это была модная в те времена «блатная» романтика. Записи Сергея Кулешова (под этим псевдонимом некоторое время «скрывался» Высоцкий) стали расходиться по Москве, но самому автору творческого удовлетворения не приносили. И только после появления песни «Подводная лодка» Высоцкий мог

сказать себе: «Я — поэт!». «„Подводная лодка“ — это было уже всерьёз, — вспоминал один из самых близких друзей поэта Игорь Кохановский. — И я думаю, что именно эта песня заявила о том, что пора его творческой юности кончилась».

«Я несколько своих песен написал, послушаете?». Режиссёр был удивлён: молодой человек пришёл наниматься в труппу, но вместо того чтобы демонстрировать актёрское мастерство, предлагает что-то спеть. Режиссёр согласился послушать одну песню. «Сколько времени это займёт? Минуты три-четыре, максимум пять», — так он думал. И не предполагал режиссёр, что будет полтора часа слушать этот завораживающий хриплый голос... Так прошла первая встреча Юрия Любимова и Владимира Высоцкого, встреча Мастера и Артиста.

Поставленные Любимовым спектакли Театра на Таганке стали культурным шоком для театральной Москвы. «Добрый человек из Сезуана», «Герой нашего времени», «Антимиры», «Десять дней, которые потрясли мир», «Пугачёв», «Гамлет» — эти и другие постановки обсуждала вся Москва. Для Высоцкого Таганка стала «своим театром». Конечно, не всё было гладко. Были друзья — Золотухин, Филатов, Бортник, был Любимов, прощавший ему очень многое, но были и завистники, не желавшие мириться с ошеломляющей славой Владимира Семёновича.

Всесоюзная слава пришла к Владимиру в 1967 году. На экраны вышла лента молодого режиссёра Станислава Говорухина «Вертикаль». Безусловно, фильм отличала хорошая режиссёрская работа и игра актёров, в том числе Высоцкого. Но не это главное. Песни... Страна впервые услышала этот запоминающийся, пробирающий до мурашек по коже хриплый голос и сразу же в него влюбилась. В каждом доме, где имелся магнитофон, обязательно хранились сделанные в подпольных условиях записи. Качество этих записей было иногда таким, что не поймёшь — где хрипит Высоцкий, а где — магнитофон. Но это было неважно. Главное — атакующий тембр и стихи, непохожие на те, которые писали официально признанные члены Союза писателей.

В том же 1967 году Высоцкий впервые встретился с Мариной Влади... Об отношениях Владимира Высоцкого с женщинами можно написать не одну толстую книгу. Он был женат три раза. Четыре года прожил с актрисой Изой Мешковой, потом был брак с Людмилой Абрамовой. А затем Высоцкий увидел «Колдунью». Так назывался фильм, снятый по рассказу А. Куприна, главную роль в котором сыграла Марина Влади... Это была самая необычная пара тех времён. Они ссорились, разъезжались по разным странам (точнее, Марина ездила по миру, а Владимир оставался в СССР), но жить друг без друга не могли. Отношение к этому союзу было неоднозначным. Кто-то считал, что слепая влюблённость Высоцкого в «русую французскую русалку» (так называл Марину Андрей Вознесенский) ничего хорошего ему не принесла. Другие же до сих пор благодарны Марине Влади за то, что она, как могла, оберегала Высоцкого, старалась вытащить его из регулярных загулов, и считают, что только благодаря ей Владимир Семёнович сумел увидеть мир (Марина с помощью главы компартии Франции Жоржа Марше сумела добиться для Высоцкого разрешения на выезд за границу).

18 июля 1980 года Владимир Семёнович в последний раз вышел на сцену Театра на Таганке в роли Гамлета. Он и сам предчувствовал, что дни его сочтены, об этом знали лечившие его врачи, догадывались друзья и знакомые, слухи о проблемах со здоровьем Высоцкого ходили по стране. И всё-таки его смерть стала для всех шоком и личным горем. Газеты, радио и телевидение молчали, но о том, что Высоцкого больше нет, знала вся страна...

Так почему же проститься с Высоцким пришла едва ли не вся Москва, почему через год, в годовщину смерти поэта, в каждом крупном городе прошёл вечер памяти Владимира Семёновича (и это несмотря на то, что власть всеми силами пыталась этому воспрепятствовать), почему его называют «символом совести» той эпохи, почему помнят и любят до сих пор? Ответ на все эти «почему» достаточно прост — Высоцкий никогда врал, был честен со своими зрителями и слушателями и всегда оставался самим собой...

«Машина Времени»

«Разумное поведение не есть прогибание перед властями, — говорил Андрей Макаревич в одном из интервью. — Мы были первой командой, которая попала на сцену, причём со своей программой, чужих песен мы не пели. Когда вышло постановление, что советские группы должны петь песни советских композиторов, это нас тоже не коснулось. Потому что мы спокойно стояли на своём».

«Машина Времени» — явление уникальное в советской истории. В 70–80-е годы, до начала перестройки, слово «рок» для официальной пропаганды было словом ругательным и фактически запрещённым, а понятие «рок-музыкант» означало почти то же самое, что и «антисоциальный элемент» и «тунеядец». Но тем не менее, «Машина Времени» была первой официально признанной в СССР рок-группой, которой некоторое время было разрешено появляться на радио и телевидении.

К середине 60-х годов прошлого века битломания докатилась и до СССР. Официально «Битлз» как бы не существовало, однако благодаря западным «радиоголосам» и подпольным записям и пластинкам песни ливерпульской четвёрки стремительно завоевали популярность у советской молодёжи. Во многих городах организовывались самостоятельные «супергруппы», названия у них были разными, но обязательно начинались на «The». То же самое происходило и в московской средней школе № 19 с углублённым изучением английского языка. В 1968 году в этой школе появилась группа «The Kids» в составе: Михаил Яшин, Лариса Кашперко, Нина Баранова и «идейный вдохновитель» Андрей Макаревич...

«Пусть закончит институт и идёт работать, а в свободное время пускай играет, сколько захочет». — «Зачем эти строгости? Пусть делает как хочет». Обычно в семьях строгие отцы наставляют сыновей на путь истинный и хотят, чтобы отпрыск занимался чем-то серьёзным, а всякие «глупости» вроде игры на гитаре должны уйти на второй план. Любящие же мамы менее строги и оставляют за ребёнком право самому выбирать свою судьбу. Но в семье Макаревичей всё было наоборот. Мама Андрея, Нина Марковна, врач по профессии, доктор медицинских наук, считала, что заработать себе на жизнь, профессионально занимаясь музыкой, особенно такой, какую играл её сын, невозможно. А отец, Вадим Григорьевич, человек творческий, относился к увлечениям сына более лояльно. Как вспоминал Андрей Макаревич, его отец, работавший архитектором-оформителем, был прекрасным рисовальщиком, обладал исключительным слухом (как говорил сам музыкант «у меня значительно хуже») и, практически не зная нот, великолепно играл на фортепиано. И потому-то разрешал сыну делать то, чего не очень-то хотела мама.

Надо сказать, что отношения с музыкой у будущего певца и композитора Андрея Макаревича, родившегося 11 декабря 1953 года в Москве, поначалу не складывались. Когда Андрею было полтора года, гулявшая с ним няня уронила его лицом прямо на асфальт. Увидев ребёнка с окровавленным лицом, родители были шокированы. Однако няня в содеянном не призналась, сказав, что Андрей просто сильно поцарапался во время игры. И только позже выяснилось, что у ребёнка в результате падения сместилась носовая перегородка. Это сейчас некоторая гнусавость голоса является «фирменной» чертой Андрея Макаревича, а тогда казалось, что о пении можно забыть навсегда.

Позже родители отдали Андрея в музыкальную школу, надеясь, что сын научится играть на фортепиано. Чувства, с которыми ребёнок посещал это учебное заведение, можно описать одним словом — ненависть. В конце концов после 2,5 лет мучений родители махнули рукой, и с музыкальным образованием было покончено. Так что в детстве Андрей Макаревич и не мечтал о том, чтобы стать знаменитым музыкантом. А хотел он быть врачом, геологом, биологом, змееловом (Андрей держал дома змей до тех пор, пока не сбежала гадюка, которую вся семья ловила целую неделю), палеонтологом. Но однажды кто-то из дворовых приятелей дал ему на время гитару. «Научившись более-менее сносно играть на гитаре, я целую неделю орал Высоцкого круглые сутки, дома и во дворе, — вспоминал Андрей Макаревич. — Пока наконец не убедил родителей купить мне такую же».

Группа «The Kids», которую Андрей Макаревич создал вместе со своими одноклассниками, просуществовала меньше года. В 1969-м на свет появляется «Time Machines», партнёрами Макаревича становятся Игорь Мазаев, Юрий Борзов, Александр Иванов и Павел Рубен. Надо сказать, что английские названия и англоязычный репертуар возникли не случайно. В те времена влияние «Битлз» было настолько велико, что в среде рок-музыкантов сочинять и петь песни на русском языке считалось, в некотором роде, дурным тоном. Не было исключением и Андрей Макаревич — подражая своим британским кумирам, он писал песни исключительно на английском языке. Но однажды Андрей услышал песни группы «Скоморохи» Александра Градского и понял — слово «рок» хоть и английское, но писать песни можно и нужно на родном языке. Группа «Time Machines» превратилась в «Машины Времени». В 1969 году группа даёт первый концерт в родной школе № 19, а через некоторое время состоялся и первый «гастрольный тур» — «Машины Времени» выступили в соседней школе № 20. Состав команды постоянно менялся, группу покинули Александр Иванов и Павел Рубен, на их место пришли Александр Кутиков (первый музыкант, помимо самого Макаревича, из «классического» состава «Машины Времени») и Сергей Кавагоэ.

Некоторое время местом выступлений «Машин Времени» становятся окрестные школы. Успех группы был не то чтобы грандиозным, но уважение со стороны сверстников и повышенное внимание слабого пола молодым музыкантам было обеспечено. А что ещё может быть нужно ребятам 16-17 лет? Но Макаревичу и его товарищам хочется большего. В 1970 году Андрей Макаревич знакомится со знаменитым Стасом Наминым, одним из пионеров советского рока. Здесь нужно отметить, что Стас Намин — фигура знаковая в истории советской музыкальной культуры. Начать хотя бы с того, что его настоящие имя и фамилия — Анастас Микоян. Да, Стас Намин внук того самого Микояна, который «от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича». Но в отличие от своего деда, входившего в ближайшее окружение Сталина и занимавшего ответственные посты при Хрущёве и Брежневом, Стас в партийные функционеры не подался, а с самого детства увлечённо занимался музыкой. Созданная Наминым группа «Цветы» в 1972 году выпустила свою дебютную пластинку, которая разошлась невиданным тиражом в 7 миллионов экземпляров, а через три года специальным постановлением Министерства культуры группа была распущена за «пропаганду западной идеологии и идей хиппи». Стаса это не остановило, помимо музыки он занялся организацией концертов. В 1981 году на велотреке в Ереване состоялся самый массовый в СССР рок-фестиваль, после которого Стаса Намина как главного организатора этого «безобразия» выдворили из Армении и запретили выступать в крупных городах. И только с началом перестройки этот запрет был снят. Стас Намин создал первый в стране продюсерский центр SNC и сейчас является одной из самых заметных фигур в российском музыкальном бизнесе.

Но всё это было позже, а в 1970 году именно Стас Намин помог «Машинам Времени» в первый раз выйти на серьёзную сцену. В московском Доме культуры «Энергетик» состоялся первый настоящий концерт группы. Ещё раз повторимся — песни на русском языке тогда были не в моде, и аудитория поначалу группу не восприняла: мол, «кто вы такие?». И лишь спустя некоторое время публика стала относиться к молодым музыкантам более благосклонно. В том же 1970 году «Машины Времени» записывают на радио свои первые песни «Продавец счастья», «Песня солдата», «Помогите», «Последние дни».

В 70-х годах состав группы постоянно менялся (всего до 1979 года в группе играл 21 человек), изменилось и название, на этот раз окончательно, — «Машины Времени» превратились в «Машину Времени». В 71-м в команду пришёл известный барабанщик Максим Капитановский, который через два года покинул группу, после чего «Машина Времени» практически распалась. Однако через год группа в новом составе (к Макаревичу, Кутикову и Кавагоэ присоединились Игорь Дегтярюк, Юрий Фокин и Александр Микоян) вместе с «Трио Линник» записывает пластинку с инструментальными партиями. А с 1975 года начинается рост популярности «Машины Времени». Группа завоёвывает первое место на таллинском фестивале «Дни молодёжной музыки» (как рассказывал Андрей Макаревич, именно в Таллине у него взяли первый в жизни автограф), а также записывает свой хит «Ты или я» («Солнечный остров»), который прозвучал в фильме Георгия Данелия «Афоня». Появляется полупрофессиональная запись песен «Машины Времени», куда входят песни «Круг чистой воды», «Ты или я», «Из конца в конец», «Чёрно-белый цвет», «Марионетки», «Флаг над замком», «Летучий голландец». А после нескольких триумфальных концертов в Ленинграде в стране начинается «машиномания». Популярность группы стремительно растёт, и, как вспоминали музыканты, «с ростом популярности в геометрической профессии росло количество „получений по голове“ от комсомольских работников».

В 1975 году из «Машины Времени» в группу «Високосное лето» ушёл Александр Кутиков, его место занял басист Евгений Маргулис. Через четыре года, говоря спортивным языком, произошла обратная замена — Кутиков вернулся в группу, а Маргулис вместе с Сергеем Кавагоэ занялись созданием группы «Воскресенье». Вместе с Кутиковым к группе присоединились клавишник и вокалист Пётр Подгородецкий и Валерий Ефремов.

С лета 1979 года начинается самый благополучный за советское время период в истории «Машины Времени». Незадолго до этого на речевой студии ГИТИСа известный в музыкальных кругах звукорежиссёр Андрей Тропилло записал первый магнитоальбом «Машины Времени», позже получивший название «День рождения». Тогда музыканты делали запись, по сути, нелегально, работая по ночам. Но в 1980 году с «нелегальным положением» на какое-то время покончено — «Машина Времени» выходит из подполья и становится первой в СССР официально признанной рок-группой. Ещё в 1979 году музыканты оформляются на работу в Московский областной театр комедии, а через год группа «Машина Времени» переходит в состав «Росконцерта» и в трудовых книжках «машинистов» появляется запись: «Концертная организация „Росконцерт“, артист». Создаётся новая концертная программа, в которую входят такие известные песни, как «Поворот», «Право», «Ах, что за луна», «Снег», «Свеча», «Будет день», «Три окна». Группа отправляется в первое большое гастрольное турне по стране, концерты, на которых нет ни одного свободного места, проходят в Ростове-на-Дону, Харькове, Одессе и других городах. В марте 1980 года «Машина Времени» завоёвывает первое место на тбилисском рок-фестивале «Весенние ритмы-80», а Андрей Макаревич за тексты песен «Снег» и «Хрустальный город» получает специальную премию Союза журналистов СССР. Песня «Снег» появилась и на пластинке «С Новым 1980 годом!», выпущенной фирмой «Мелодия», а песня «Поворот» 18 месяцев занимала верхние строки в первом советском хит-параде, публиковавшемся в газете «Московский комсомолец».

Всё это благополучие закончилось в 1982 году. В США на студии «Kismet Records» выходит диск «Машины Времени». С одной стороны, событие приятное, несмотря даже на то что диск фактически пиратский и сами музыканты до момента его выхода ничего не знали. «Мы удивлены. Поражены. Вознесены в собственных глазах», — вспоминали «машинисты». Но тут же следует реакция властей: «Имеем неприятную беседу с сотрудником Органов Внутренней Секреции». А затем в «Комсомольской правде» появляется «Рагу из синей птицы» — письмо, подписанное группой видных жителей Сибири, якобы возмущённых прошедшими в Красноярске концертами «Машины Времени».

Со времени опубликованной в 1936 году в «Правде» статьи «Сумбур вместо музыки», в которой уничтожающей критике было подвергнуто творчество Дмитрия Шостаковича, «Рагу из синей птицы» стала самой громкой статьёй в советской прессе, посвящённой музыкальной тематике. Собственно говоря, в самом факте появления такого письма нет ничего страшного и предосудительного. Ну не понравилось некоторым жителям Красноярска выступление московской группы «Машина Времени», они об этом написали в центральную газету, и газета это письмо опубликовала. Кстати, первым в списке подписавшихся была фамилия известного писателя-фронтовика Виктора Астафьева, человека, отношения которого с властью и цензурой тоже складывались не всегда гладко. Так что думается (хотя вряд ли можно утверждать об этом со стопроцентной уверенностью), что письмо в «Комсомольскую правду» не было «заказным». Хуже было другое. «Рагу из синей птицы» стало сигналом для многочисленных чиновников от искусства: «Ату их!». Каждое выступление музыканты должны были теперь согласовывать с бесконечными худсоветами, некоторое время «Машине Времени» вообще запрещали выходить на сцену. О пластинках и выступлениях на радио и телевидении можно было забыть. Неудивительно, что когда Андрея Макаревича спрашивают об отношении к советской власти, он до предела категоричен: «Я ненавижу эту власть во всех её проявлениях».

Гонения на «Машину Времени» прекратились после прихода к власти М. С. Горбачёва. Фирма «Мелодия» в 1986 году выпустила первую большую пластинку группы «В добрый час», «Машина Времени» одной из первых советских рок-групп отправилась на зарубежные гастроли.

О «Машине Времени» можно рассказывать ещё очень долго и много, но мы на этом поставим точку. История группы, конечно же, не закончилась с распадом Советского Союза. Были многочисленные концерты, в том числе и юбилейные, посвящённые 25- и 30-летию «Машины», новый взлёт популярности группы, были новые песни и альбомы, гастроли и турне. Но жизнь «Машины Времени», как и любой другой рок-группы, начинавшей свой путь ещё при Советском Союзе, разделилась на «до» и «после». И «после», несмотря на, казалось бы, наступившую свободу творчества и мысли, ещё не значит «лучше». В прошлом остались «худсоветы» и «комсомольские активы», запрещавшие музыкантам петь то, что они хотят. Однако их место занял пресловутый «формат», пробиться сквозь который так же трудно, как и через цензуру советских времён. Свобода, конечно, хороша, но что от неё толку, если твоя музыка для продюсеров является «коммерчески невыгодной»? И приходится выбирать — или писать песни, которые никто не услышит, кроме твоих друзей, или приспосабливаться под требования людей, правящих бал в современном шоу-бизнесе. «Машине Времени», в некотором смысле, повезло, группе удалось найти «золотую середину», которая позволяет ей оставаться популярной и при этом не опускаться до песен уровня «два прихлопа, три притопа». И всё-таки некоторая горечь остаётся, не даром в одной из песен Андрея Макаревича есть такие строчки:

Ты помнишь, ещё вчера была такая игра —
Стоять чуть-чуть вне закона, Бодаться с «совком» в тупой
чёрно-белой стране. Любая гитара в красном углу
Светилась, словно икона, А стала лопатой для
гребли в зелёной волне..... Свобода накрыла нас с головой.
И нам казалось, что всё состоялось. Но
мы проиграли в этой войне.

Алла Пугачёва

Я шут, я Арлекин, я просто смех. Без имени и, в общем, без судьбы. Какое, право, дело вам до тех, Над кем пришли повеселиться вы.

Кто бы мог подумать, что незамысловатая мелодия Э. Димитрова, давно позабытая в Болгарии, и текст, написанный за 30 минут малоизвестным поэтом Б. Баркасом, способны перевернуть заунывно-патриотическое существование советской эстрады. Впрочем, такой фантастический успех песня получила только благодаря своей исполнительнице. Пройдя «по острым иглам яркого огня», через десять лет от начала творческой деятельности А. Б. Пугачёва прорвала все заслоны и все «не пущать!». Она пела на международном конкурсе «Золотой Орфей» (Болгария, 1975 г.). Странный балахон, марионеточные движения рук, знаменитый смех «Арлекина» и голос-театр, наполненный болью, насмешкой, иронией и печалью... И хотя пресса на родине певицы охарактеризовала это выступление как «пугачёвский взрыв», песню удалось «пробить» во всеобщий эфир только спустя месяц. По мнению высокопоставленных «товарищей», её «успех был не советский». Эта непохожесть на других, неординарность творческого «Я» только мешали певице с уникальными вокальными данными. Много сил ушло на преодоление барьеров, это испортило характер и превратило закомплексованную девчонку в Примадонну и «Живую легенду» советской и постсоветской эстрады.

Родители Аллы прошли войну. Борис Михайлович Пугачёв был на фронте разведчиком и вернулся домой без одного глаза. На цирковой карьере пришлось поставить крест, но до последних дней жизни в нём бурлил неуёмный артистизм, озорство и балагурство, впоследствии так свойственные дочке. Его супруга, Зинаида Архиповна Одегова, была бойцом противовоздушной обороны, но так хорошо пела, что практически сразу её перевели в концертную бригаду. Алла, родившаяся в Москве 15 апреля 1949 года, и её младший брат Евгений считали родителей идеальной парой. Зинаида Архиповна благодаря мужу могла позволить себе какое-то время не работать и заниматься детьми. Для пятилетней дочки она пригласила учительницу и внимательно следила за её фортепианными занятиями в музыкальной школе. Даже летом на дачу перевозилось пианино, но Алла никогда не бунтовала против этого, хотя по характеру была лидером и давления не терпела.

«Алла была у нас самой главной заводилой и выдумщицей», — вспоминал её брат. К её чудачествам и беззлобным выходкам привыкли. Поэтому никого не удивило, когда с присущей ей непредсказуемостью после восьмого класса она поступила на дирижёрско-хоровое отделение музыкального училища им. Ипполитова-Иванова (1964 г.), хотя педагоги ей пророчили блестящее будущее концертующей пианистки. Позже она призналась: «Я с детства любила петь. И боялась это делать. Аккомпанировала другим, помогала подругам ставить песни на школьных концертах. А сама... Сочиняла песни и пела их в пустой комнате, когда никого не было. Стеснялась, что плохо это делаю». И всё же она преодолела свою робость. Первая её песня «Робот», прозвучавшая на всю страну в программе «С добрым утром», имела у слушателей грандиозный успех. Но Пугачёва не нравилась начальству, и редакторам радио приходилось сражаться за каждую её запись.

Девушка, которая никогда не училась петь, имела уникальный слух и голосовые данные. Сейчас бы она в один день превратилась в «раскрученную столичную звезду», но в 60-х годах об этом, не могло быть и речи. Уже на первых гастролях с сатирическим дуэтом Лившица и Левенбука (1965 г.), а затем в составе агитбригады радиостанции «Юность» (1966 г.) слушатели принимали её восторженно. Алле пришлось долго жить с чувством, что ею «заполняют перерывы». Ей было тесно в рамках ВИА «Новый электрон» и «Москвичи». В эстрадном оркестре под управлением О. Лундстрема она «разогревала» публику перед появлением В. Ободзинского, и даже в таком популярном ансамбле, как «Весёлые ребята», ей не удавалось много солировать.

Пугачёва не исполняла комсомольских и патриотических песен и, значит, даже не могла надеяться на скромное звание лауреата. Первый серьёзный успех пришёл к певице осенью 1974 года на Всесоюзном конкурсе артистов эстрады, когда жюри чуть ли не с боем присудило ей третье место за песню «Посидим-поокаем». Шуточную незамысловатую песенку Алла превратила в мини-спектакль, проявив великолепные артистические данные. Но ни это выступление, ни прекрасное исполнение песен в фильмах «Король-олень», «Удивительный мальчик», «Стоянка поезда две минуты» не изменили отношения администраторов филармоний к Пугачёвой. И слушатели, с восторгом распевавшие «Куда уходит детство» и песни из «Иронии судьбы», зачастую не знали имени певицы.

Только после конкурсов «Золотой Орфей» и «Сопот-78», где прозвучала знаменитая песня «Всё могут короли», мэтры эстрады были вынуждены признать «рыжую нахалку из самодеятельности». К тому времени Пугачёва успела стать любимицей всей страны, поступить на режиссёрское отделение Государственного института театрального искусства (1976–1981 гг.) и дважды побывать замужем. Её первым мужем и отцом единственной дочери Кристины был музыкальный эксцентрик Миколас-Эдмундас Орбакас (согласно литовскому лингвистическому феномену дочь получила всем известную фамилию Орбакайте). Затем была встреча с режиссёром «Мосфильма» Стефановичем. Именно Александр Борисович принял деятельное участие в создании неповторимого сценического

образа певицы. Исповедальность в песнях тонкой и ранимой женщины стала настоящим явлением на советской эстраде. Стефанович построил выступления Аллы именно на том, к чему она всегда стремилась: «Каждая песня должна стать маленьким спектаклем, потому что ты человек с актёрскими способностями и надо сделать спектакль с минимумом реквизита — обыгрывать пластику, обыгрывать детали декораций, если они существуют...». Фактически это были первые шаги к созданию «Театра Аллы Пугачёвой».

В 1979 году страна восторженно штурмовала кинотеатры. Фильм «Женщина, которая поёт», получивший от Госкино уничижительную третью категорию, просмотрело 55 миллионов человек. Сама Пугачёва говорила, что «фильм получился не плохой и не хороший — а музыкальный». После его показа на экранах Алла Борисовна уже не могла уйти с концерта без наряда милиции. В этом фильме она впервые выступила как композитор. Правда, некоторое время ей удавалось скрываться под именем мифического парализованного юноши Бориса Горбоноса. Алла Борисовна не была уверена, что и «королевы могут всё». Хотя, пока снимался фильм, в СССР разошлось свыше четырёх миллионов экземпляров пластинки «Зеркало души» с тремя песнями Б. Горбоноса.

Песенное искусство Пугачёвой было самобытным и неповторимым. Если она исполняла какую-то песню, то другим артистам уже не стоило за неё браться. Все свои сольные программы («Монологи певицы», «Как тревожен этот путь», «Пришла и говорю» и др.) Алла Борисовна продумывала до мелочей и ставила сама. Благо что все организационные вопросы взял на себя её новый муж и директор Росконцерта (впоследствии и личный менеджер) Евгений Болдин. Он обивал пороги кабинетов, отстаивал концертные ставки, помог с созданием музыкального коллектива «Рецитал», организовывал гастролы по стране и за рубежом, где слушатели были покорены талантом певицы. Пугачёва удостоилась «Золотого диска» за свой «скандинавский» альбом «Soviet Superstar» в Швеции, и финский паром носит её имя (1985 г.). Голос Аллы Борисовны завораживал, как волшебная свирель. Гитарист её ансамбля А. Левшин говорил: «Вы знаете, что много певиц у нас фальшиво поют живую? Она действительно пользуется богатой интонацией своей души, она может произвести в одной фразе так много оттенков... Она не мучается у микрофона, как многие! У неё есть возможность точно воспроизвести музыку, которая у неё внутри!».

С приходом славы имя певицы, её песни, поступки и личная жизнь стали «всенародным достоянием». Со злым задором Алла Борисовна выдавала журналистам «спонтанные дерзости» и, как положено звезде, обрастала легендами, слухами, скандалами. Публика с напряжением наблюдала за развитием её сценического романа с Р. Паулсом во время исполнения «Маэстро». Затем у всех на устах были «Две звезды» — Пугачёва и певец Владимир Кузьмин. «Пугачёва, по сути, была в то время моим продюсером, — признал по окончании романа Кузьмин. — Обсуждала со мной аранжировки, нюансы исполнения, придумывала образ, костюмы». Но сама певица оставалась в душе «шаловливым прикольщиком» и о себе «живописала» так, что журналисты дрожали в предвкушении сенсации. А она после многих публикаций заявляла, что это очередной «прикол».

Близкие друзья уверенно говорят, что Алла Борисовна исключительно тёплый и отзывчивый человек, всепрощающая, мудрая, волевая и мужественная женщина. Сама Пугачёва признавалась: «Ну, может быть, несколько раз подмочила себе репутацию, потому что уж слишком незапятнанной она была. Скучновато быть правильной». Пугачёва имела полное право на титул звезды. С «Монологами певицы» она покорила парижскую «Олимпию», где некогда пела её любимая певица Эдит Пиаф. Алла Борисовна не понаслышке знала, каким вниманием и комфортом окружены артисты за границей за свой нелёгкий труд. Не то что «советский ненавязчивый сервис». Обычное по мировым нормам требование заказанного ею номера в ленинградской гостинице вызвало бурю негодования «общественности» и переросло в настоящую травлю. Пугачёву почти год в наказание не выпускали на сцену, и её песни изъяли из эфира. Но лучшие эстрадные площадки мира, включая Карнеги-холл (1988 г.), распахнули двери перед неповторимой русской певицей.

По своей натуре Алла Борисовна — творческий трудоголик и не поживает на лаврах от концерта к концерту. В 1988 году она организовала «Театр песни» и создала первую программу из цикла «Рождественские встречи». Народная артистка СССР (1991 г.) А. Б. Пугачёва никогда не боялась, что её могут потеснить на пьедестале молодые исполнители. Наоборот, она их отыскивает, представляет публике и помогает встать на ноги, возможно, памятуя, как тяжело прорывалась на эстраду сама. Десятки певцов и групп обязаны ей своим стремительным успехом и сценическим образом. Помощь Пугачёвой в высшей степени профессиональна. Но многие видят в каждом протезе мужского пола очередного любовника, а роман певицы с музыкантом Сергеем Челобановым окрестили «челобановским периодом». В любви Алла Борисовна всегда бескорыстна. Так и в этом случае, она забросила все свои дела и открыла дорогу на эстраду одарённому человеку.

Пугачёва известна не только как эстрадная певица, режиссёр, продюсер, композитор и актриса. В 1992 году она создала фирму-студию «Алла» и начала выпуск духов. Этот год был для неё очень тяжёлым. Серьёзная операция, сделанная в Швейцарии, чуть не закончилась летальным исходом. Своё спасение Алла Борисовна назвала «вторым рождением». Вернувшись на сцену, она совершила большой гастрольный тур по России, СНГ и США с программой «Поёт Алла Пугачёва» (1993 г.). А в январе 1994 года огорошила своих поклонников помолвкой с Филиппом Киркоровым. Даже близкие

друзья считали это очередным розыгрышем Примадонны и Лучезарного. Но свадьба в Ленинграде и венчание в Иерусалиме состоялись, и «шутка» звёзд продолжалась почти двенадцать лет.

В 1995 году после большого гастрольного тура, выхода на экраны пятисерийного телефильма «Жди и помни меня» и выпуска дисков «Путь звезды», «Не делайте мне больно, господа» Пугачёва ушла в творческий отпуск. Занималась режиссурой (концертная программа А. Укупника), как дизайнер создала не одну коллекцию обуви марки «Alla Pugachova». Но публика не верила, что певица может расстаться с песней, и Алла Борисовна вернулась на сцену. Она по-прежнему умеет подобрать песни, характерные для нашего времени («Мадам Брошкина», «Девочка секонд-хенд», «Будь или не будь») и для всех возрастных категорий («Белый снег», «В Петербурге сегодня дожди», «Живи спокойно, страна!»).

По колоссальной силе воздействия на зрителя ярче Пугачёвой нет никого на российской эстраде. Её друг со времён учёбы в музыкальном училище М. Шуфутинский как-то сказал: «Есть два вида популярных людей: люди просто популярные и люди не только популярные, но и любимые. Алла Пугачёва — любимая. Она прошла с музыкой через всю жизнь, создавала такие песни, которые, услышав однажды, уже невозможно забыть. Её песни, если они звучат по радио или телевидению, никогда никто не выключит: они сразу западают в душу, притягивают как магнит». Именно за эти поразительные качества и за приумножение добра на Земле Пугачёва награждена орденами «За заслуги перед Отечеством» (Россия, 1999 г.) и Николая Чудотворца (Украина, 2000 г.). Обладательница уникальной коллекции званий, призов и наград признана «Живой легендой» (премия «Овация», 1994 г.) и певицей века (читателями «МК», 1999 г.), поскольку сумела создать свою эпоху эстрадного песенного искусства. Антология из 210 песен Пугачёвой («Коллекция», 1996 г.) с трудом поместилась на 13 лазерных дисках (около 70 песен из-за низкого качества старых записей не были включены), и её творчество по-прежнему никого не оставляет равнодушным. Алла Борисовна умеет достучаться до сердец.

София Ротару

Ходит анекдот, что при распаде СССР президенты трёх стран задумались: «А как же делить Ротару?». Действительно, эта певица остаётся кумиром нескольких поколений и разных государствах. Она не просто звезда — она легенда эстрады. И её чарующий голос, настолько разный, насколько разной может быть женщина, разделить между братскими державами — Украиной, Россией и Молдовой — так и не удалось. София Михайловна, Софа, Сонечка, как ласково называют её поклонники, по сей день продолжает радовать слушателей своими песнями на трёх родных ей языках.

7 августа 1947 года в молдавском селе Маршинцы Черновицкой области в семье Михаила Фёдоровича и Александры Ивановны Ротару родилась вторая дочь. Отец души не чаял в Сонечке и не без родительского преувеличения говорил всем знакомым, что дочка обязательно станет «великой артисткой». Он был первым из многих людей, кто поверил в её будущее и всячески помогал. Да и как было ей, её трём сёстрам и двум братьям (которые тоже стали профессиональными исполнителями) не запеть, «когда полсела — певцы, да какие! А вторая половина — музыканты!». Детство Сони было таким же, как и у любой сельской девчонки: пока родители работали (отец на винограднике, мать в поле), она хозяйничала в доме, пасла и доила коров, иногда продавала зелень на рынке. А после того как старшая сестра Зина перенесла тиф и ослепла, взяла на себя ещё и заботу о младших. От Зины, единственной радостью которой стало радио, София переняла русские песни, а потом и язык — в селе все говорили только на молдавском.

Училась она хорошо и успевала не только уроки делать, петь в школьном и церковном хорах (все в семье были верующими) да маме помогать, но и брала в школе единственный баян и занималась на нём самостоятельно, играла в драмкружке и, будучи по характеру очень живой и подвижной, любила спорт. Одно время Соня всерьёз увлеклась лёгкой атлетикой и делала успехи: была чемпионкой школы по многоборью, на областной спартакиаде в Черновцах стала победительницей в беге на 100 и 800 м. Но чем старше становилась девочка, тем больше её тянуло к музыке. Вскоре она стала петь в художественной самодеятельности и пошла в музыкальную школу. И поэтому по окончании десяти классов выбор София сделала уже сознательно: решила поступать в Черновицкое музыкальное училище. Но когда приехала в «область», выяснила, что вокального факультета в училище нет, и поступила на дирижёрско-хоровой. Закончила она училище в 1968 году и сразу же сдала документы на заочный факультет Кишинёвского института искусств им. Музыческу. А пока работала тут же, в училище, преподавателем сольфеджио и теории музыки, выступала на конкурсах и смотрах и пела, пела...

Надо сказать, свою дорогу на музыкальный Олимп София Ротару начала ещё школьницей. Победа в районном конкурсе художественной самодеятельности в 1962 году позволила ей поехать на областной смотр. За чарующий голос земляки тогда окрестили её Буковинским соловьём. Пела Сонечка удивительно. Сильный голос, его необычайно широкий диапазон и сочность не оставляли сомнений относительно будущей счастливой судьбы молодой певицы. Уже в следующем году диплом первой степени на областном смотре принёс ей путёвку в Киев на участие в республиканском конкурсе, где 17-летняя София вновь победила. Через несколько месяцев голос девушки покорила Москву — она пела на самой престижной сцене страны — в Кремлёвском Дворце съездов. «И кто тебя замуж возьмёт? — говорила ей часто мама. — Одна музыка в голове».

Но к тому времени у Сони уже был «надоедливый» поклонник. После победы на республиканском смотре её фотографию поместили на обложке журнала «Украина», который в те годы распространялся по всему СССР. Анатолий Евдокименко, служивший тогда в армии в Нижнем Тагиле, повесил фото красавицы-буковинки у себя над кроватью и дал себе зарок, что станет её мужем. Завершив службу, он приехал в далёкие Черновцы, перевёлся в местный институт, где получил специальность физика, и остался работать на кафедре. Долгих два года он добивался сердца Софии, а она всё твердила: «С городскими парнями я связываться не буду. Выйду замуж за своего, сельского. Может, не сельского, но за молдаванина». Не помогали ни красивые ухаживания, ни подарки. А вот когда Толя пригласил её солисткой в институтский оркестр, она оттаяла. Последние преграды разрушились в тот момент, когда парень рассказал ей о своих безответных чувствах и предложил руку и сердце... на чистейшем молдавском языке. «Скромная» свадьба человек на 300, длившаяся три дня, состоялась в Маршинцах 22 сентября 1968 года. Вскоре София Ротару впервые оставила сцену: у счастливых супругов родился единственный сын Руслан. Правда, вынашивала его мама «почти год» — решив проверить мужа, она заранее сказала, что ждёт ребёнка, — счастливый же Евдокименко на такую мелочь внимания не обратил.

В 1968 году в жизни Ротару произошло ещё одно радостное событие. Свой день рождения она встречала на IX Всемирном фестивале молодёжи и студентов в Софии как участница фольклорного конкурса (Толя тогда, чтобы поехать с ней, за два месяца освоил контрабас). Соня пела украинскую народную «На камне стою» и молдавскую «Люблю весну», а также «Степью» А. Пашкевича и «Валентины» Г. Георгице. Здесь её снова ждал ошеломительный успех. А когда певице вручали золотую медаль и её буквально засыпали болгарскими розами, один оркестрант пошутил: «Цветы Софии для Софии». Газеты тоже пестрели подобными заголовками, провозглашая рождение новой

звезды. А председатель жюри Людмила Зыкина сказала просто: «Это певица с великим будущим».

Но сама Ротару ведёт отсчёт своей музыкальной карьеры с 1971 года. Именно тогда Анатолий Евдокименко, известный в то время как учёный и автор множества статей, бросил науку, чтобы целиком посвятить себя любимой жене. И, чтобы София ни от кого не зависела в репертуарном вопросе, вскоре после её съёмок в музыкальном фильме «Червона рута» о любви девушки-горянки и донецкого паренька он создал при Черновицкой филармонии (куда певицу пригласили работать) коллектив с таким же названием. А чтобы она не отвлекалась на объяснения, какой свет ей нужен или аранжировка, Анатолий закончил режиссёрский факультет Киевского института культуры. Вскоре он стал художественным руководителем ансамбля, а фактически на долгие годы — продюсером Ротару, постановщиком программ, режиссёром, директором, телохранителем. Они вместе продумывали репертуар, и с тех пор народные мелодии в современной обработке стали основой большей части её эстрадных хитов.

Первое выездное выступление нового ансамбля состоялось в Звёздном городке перед космонавтами, которые восприняли его на ура. Да и как было не оценить прекрасную лирическую песню В. Ивасюка «Червона рута» в исполнении не менее обворожительной девушки в стилизованных народных одеждах, которая словно и не боялась выступать перед такой «серьёзной» публикой и своей кипучей энергией заряжала зал. Надо отметить, что туалеты, в которых долгое время выходила на сцену певица, до сих пор вызывают восхищение и у нас, и за рубежом: созданные на обычной швейной фабрике, они вручную расшиты мастерицами-вышивальщицами из села Бояны Черновицкой области и представляют собой не только художественную, но и этнографическую ценность. Не изменяет София Ротару любимым фольклорным мотивам и по сей день, одеваясь у таких модельеров, как Зайцев, Юдашкин, Бызов. Последнее время костюмы для певицы готовит талантливый украинский дизайнер Лилия Пустовит. На самом же деле София Михайловна доверяет только своему вкусу, утверждая, что сценические костюмы должны соответствовать внутреннему миру и создаваемому образу.

Встречу же с Владимиром Ивасюком Ротару считала счастливым подарком судьбы. В его творениях удивительным образом сочетались красота и романтика буковинского края, свежесть и целомудренность первой любви, бескрайняя вера в счастье. Именно он, а также В. Тромцев и Л. Дудковский сочинили песни, которые пела София Михайловна в «Червонной руте» и с которыми в полную силу разгорелась её звезда на отечественной эстраде. Именно Ивасюку, безвременно ушедшему из жизни, певица на каждом концерте посвящает одну из своих песен.

Тем временем слава её стремительно росла. За несколько лет из безвестной провинциальной исполнительницы София Ротару превратилась в обожаемого миллионами слушателей кумира. Она была исполнительницей всенародно любимых песен: «Баллада о матери» и «Лебединая верность» Е. Мартынова, «Верни мне музыку» А. Бабаджаняна, «Аист на крыше» Д. Тухманова, «Ожидание» Ю. Саульского, «Мой белый город» Ю. Силантьева и многих других. И в каждой из них певица сумела создать калейдоскоп неповторимых образов: её знали и смешной взбалмошной девчонкой, и переживающей трепетные мгновения первой влюблённости девушкой, и выдержавшей все разочарования и беды женщиной... А ещё она — первая в Советском Союзе исполнительница в стиле рэп. В своё время шлягер Тухманова «Я, Ты, Он, Она! Вместе целая страна!» побил в стране все рекорды по популярности. А когда Ротару показала его на Мюнхенской студии грамзаписи «Ориола», все были удивлены, откуда в СССР такая «продвинутая» музыка.

Сейчас репертуар певицы — это более 400 песен различных стилей: от народных баллад до суперсовременных хитов; множество её альбомов быстро раскупают на территории бывших республик Советского Союза. И кажется, что каждую песню София Михайловна пропускает через призму собственного жизненного опыта, своих бед и радостей. И так, в жизни певицы, с одной стороны — всенародная любовь и признание, конкурсы и победы, премии и награды. С другой, незаметной для чужого глаза, — титанический труд и горькие обиды. Например, мало кто знает, что в Крым певица переехала не по собственной воле или из-за болезни (якобы астмы или туберкулёза), а по... политическим причинам: «В конце 1975 года из армии вернулся мой брат Анатолий. На Старый Новый год братья колобродили с ёлкой, вытасченной из клуба, а в те времена был строгий запрет. В три часа ночи приехала милиция, и братьев забрали, якобы за участие в церковном обряде и празднование старорежимного праздника. Это сейчас смешно, а тогда нам всем было не до веселья, папу исключили из партии, братьев из комсомола. Наша фамилия оказалась в чёрных списках. Мне посоветовали уехать из Черновцов. Хорошо, что в то время у меня были гастроли в Крыму и директор крымской госфилармонии, прослышав о случившемся, предложил переехать в их регион». Так или иначе, но Крым принял Софию Михайловну ласково и стал для неё родным домом.

Надо сказать, что репертуар Ротару всё время рос как на дрожжах. Это объяснялось и любовью композиторов и поэтов-песенников, которые наперебой предлагали ей свои сочинения, и её лёгким характером, и собственной плодотворной деятельностью певицы. На шесть лет (1978–1984 гг.) она забыла, что такое отпуск: постоянная работа над новыми песнями, съёмки в кино («Песня будет среди нас», «Где ты, любовь», «Душа», «Золотое сердце») и непрекращающиеся гастроли.

Неудивительно, что после 137 концертов подряд сказалось накопившееся нервное перенапряжение: однажды на сцене София Михайловна потеряла чувство реальности и спросила у слушателей, где она находится. Врачи настаивали на продолжительном отдыхе, но она никак не хотела оставлять любимое дело, из-за чего пострадала ещё больше. Вскоре на голосовых связках образовались помпы (узелки) — профессиональное заболевание практически всех певцов. Операция была совсем несложной, но вот беда — требовала первое время беречь голос, разговаривать шёпотом и ни в коем случае не петь. Певица же начала распеваться уже через несколько дней... В результате — вынужденная повторная операция и почти год принудительного «отпуска». Время это София Михайловна, конечно, даром не теряла: готовила новую программу.

1983 год подарил певице ещё одну прекрасную новую встречу — с композитором Владимиром Матецким. Написанный им специально для Ротару шлягер «Лаванда» (признанный лучшей песней года) стал первым в их сотрудничестве.

Перестройка и приближающаяся независимость страны внесли в жизнь Софии Михайловны очередные горькие мгновения. Во время концерта во Львове в 1989 году её репертуар впервые попал под «обстрел» националистов. Ротару рассказывала об этом: «Неприятно... Но я глаза от зрителей не прятала. Меня засвистывают, а я пою. Мне телевизионщики кричат: „Отойди от трибун от греха подальше, не дразни гусей...“». Дальше — хуже: когда Украина стала независимой, подобные нападки усилились: провокации на выступлениях, статьи о том, что Ротару поёт по-украински, даже не зная этого языка, что большая часть её песен на русском, а значит, она «продалась москалям». Травля певицы в её стране приняла такие масштабы, что из-за размолвок, возникших в «Червоной руте», Ротару была вынуждена расстаться со своим ансамблем и поклялась никогда больше не выступать на украинских сценах...

Она вернулась к своим украинским поклонникам лишь в 1996 году, когда сам Президент Украины попросил её об этом. Газеты писали: «Президент страны встретился с президентом эстрады». Многолетнее противостояние закончилось полной победой певицы: слушатели хотели видеть и слышать свою любимицу. В том же году перед концертным залом «Юбилейный» была заложена Звезда Софии Ротару.

Казалось, что жизнь певицы постепенно налаживается. Она с головой погрузилась в работу, концерты по СНГ и за рубежом. Но самое страшное было впереди: в 1997 году Анатолий Кириллович слёг с инсультом и впервые оставил жену одну; в следующем году умерла её мама, зверски убили отца её невестки. Всё это не могло не повлиять на Софию Михайловну. Но она выстояла: «Перекрестилась дрожащей рукой, шагнула из кулис — и поняла: без сцены нет жизни».

В 2001 году София Ротару с новой концертной программой «Жизнь моя — моя любовь» отметила 30-летний юбилей творческой деятельности. Этот год певица провела в разъездах и снова сама: муж перенёс с недолгим перерывом ещё два инсульта, сопровождать её он физически не мог. В октябре 2002 года Украину она покидала с тяжёлым сердцем: должны были пройти выступления в Германии, а оставлять мужа надолго было боязно. 23 октября Ротару отменила все концерты и срочно вылетела в Киев — у Анатолия случился четвёртый удар, и он скончался.

Говорили, что певица так и не смогла оправиться от этого горя. Говорили, что она потеряла голос и никогда больше не сможет петь, не выйдет больше на сцену. Что происходило в душе Софии Михайловны, никому знать не дано. Известно только, что вскоре она улетела в Санкт-Петербург на съёмки клипа на новую песню «Белый танец», а оттуда — в Москву, где участвовала в нескольких концертах. Ротару не оставила эстраду и своих зрителей, которые тянутся к ней с такой же теплотой и восхищением, как и раньше, желая поддерживать и помочь своей любовью той, которая столько раз своими песнями поддерживала их. Люди искренне любят Ротару, ведь она не похожа на некоторых своих коллег. Простая, открытая, София Михайловна готова мёрзнуть в провинциальной гостинице, если знает, что её ждут, легко выбегает в зал, не обращая никакого внимания на пытающихся оградить её от возможных неприятностей охранников, общается с поклонниками, а её шаловливая улыбка разбивает мужские сердца. И потому любой придуманный скандал или раздутая прессой сенсация кажутся нелепыми, когда речь идёт о Ротару.

Живёт София Михайловна в Никите под Ялтой, в доме, спроектированном и обустроенном её сыном, или в своей киевской квартире. Она редко появляется на шумных звёздных тусовках, предпочитая всему работу в саду, каждый росток для которого нашла и посадила сама. «Мой любимый инструмент — секатор», — часто говорит Ротару. А ещё её любовь принадлежит семье: сыну Руслану, его жене Светлане и двум очаровательным внукам — Толику, названному в честь двух дедушек, и Сонечке-младшей. Толик любит петь бабушкин репертуар и часто требует: «Соня, давай». Конечно же, те песни, которые он знает, из «новой» Ротару: «Хуторянка», «Море, море», «Мотылёк», «Люби меня». Требует опять так же, как и слушатели на концертах, свои любимые, вечные — «Червону руту», «Водограй», «Черемшину»... И каждый из слушателей вслед за невесткой Софии Михайловны может повторить: «Для нас она — Солнце, которое согревает всех своим теплом».

«Ласковый май»

«Великий комбинатор» Остап Бендер знал как минимум 400 относительно честных способов отъёма денег у граждан. Некто Андрей Разин таких способов знал, наверное, меньше, но, тем не менее, получил от современников прозвище Остап Бендер-2. Первые деньги Андрей Александрович заработал в 12 лет, организовав из таких же пацанов, как и он, бригаду по сбору винограда. А позже ему пришла в голову идея, в сравнении с которой меркнут все «замыслы» Остапа Бендера. Зачем гоняться по всему Советскому Союзу за спрятанными в стуле сокровищами тётки Кисы Воробьянинова или за подпольным миллионером Корейко, который должен принести миллион «на тарелочке с голубой каёмочкой»? Всё гораздо проще — надо всего лишь создать группу, от песен которой будут сходить с ума едва ли не все, кому ещё не исполнилось двадцати лет. И тогда деньги потекут не просто рекой, а полноводной Амазонкой, разлившейся после месяца тропических ливней...

Имя: «Ласковый май». Место рождения: город Оренбург. Дата рождения: 1986 год. Отец... Здесь нам придётся отойти от традиционных правил написания биографий. Отцов у «Ласкового мая» было два. Один «Ласковый май», так сказать, «породил», а второй — «усыновил и вывел в люди». Начнём с первого...

Осенью 1986 года молодой поэт и музыкант Сергей Кузнецов демобилизовался из армии и устроился на должность руководителя музыкального кружка в Оренбургском интернате № 2 для детей-сирот. Сергей мечтал создать свою группу и искал вокалиста, которому, по его задумке, должно было быть лет 12-13. И однажды Вячеслав Пономарёв, его лучший друг, посоветовал ему послушать воспитанника Акбулакского (Акбулак — город примерно в 130 км от Оренбурга) детского дома Юру Шатунова.

«Шатунов выглядел нахохленным, как чиж на мокрой ветке, подростком, — вспоминал Сергей Кузнецов своё первое знакомство с будущим солистом „Ласкового мая“. — Я прикинул, вроде ничего, для сцены подходит. Довольно симпатичный. И характер угадывается такой, какой мне нужен». А потом, когда Юра спел несколько песен, Кузнецов сказал ему: «Знаешь, хочешь ты стать звездой или нет, но тебе придётся ею стать!». Тринадцатилетний паренёк настолько впечатлил Сергея, что он всеми правдами и неправдами добился его перевода из Акбулака в Оренбург.

Кузнецов, Пономарёв и Шатунов начали работу над своим первым альбомом. Дебют новой группы должен был состояться на новогодней дискотеке, но однажды, придя в интернат, Кузнецов услышал «радостную» новость: «А Шатунов-то сбежал...».

Да, Юра не раз «оправдывал» свою фамилию, по выражению Кузнецова, «тяга к бродяжничеству у него была обалденная». Пришлось Сергею бросать всё и ехать в посёлок Тюльган, где Юра прятался у своей тётки. Видимо, из-за всех этих хлопот музыканты забыли о том, что у их группы нет названия...

«31 декабря 1986 года, скоро выход на сцену, — вспоминал Сергей Кузнецов историю названия группы. — Программа готова, а названия у группы нет. Я когда-то предлагал назваться „Ласковый май“ — символично, потому что у нас в одной из песен были слова „но ласковый май вступит в права“. Название не понравилось никому. И мне тоже. Решили что-нибудь придумать другое... А теперь некогда придумывать. На сцену надо... Так и решили оставить...».

Конечно, музыка и тексты «Ласкового мая» были, мягко сказать, незатейливыми. Но они били точно в цель. Девочки-подростки просто сходили с ума, когда на сцену выходил симпатичный мальчик и детским голосом пел не о любви к Родине или к давно почившему «дедушке Ленину», а просто о любви. В начале 1988 года в киосках звукозаписи Оренбурга появился записанный в примитивных условиях, на бытовых магнитофонах, первый альбом группы «Белые розы». «Ласковый май» стремительно стал набирать популярность. Вскоре в местной оренбургской газете «Комсомольское пламя» появляется статья под названием «Неизвестные звёзды», а чуть позже в интернат № 2 приехало местное телевидение, чтобы взять интервью у Юры Шатунова.

Успех успехом, но вряд ли «Ласковый май» стал бы известен за пределами Оренбурга (по крайней мере, так быстро), если бы запись альбома «Белые розы» не попала однажды в руки Андрею Разину. В то время Разин был уже достаточно известным человеком в музыкальных кругах, продюсировал популярную женскую группу «Мираж». Но как только Андрей услышал «Ласковый май» и Юру Шатунова — он буквально бросил всё и загорелся идеей «раскрутки» группы из Оренбурга. Уж в чём-чём, а в чутье и предприимчивости Андрею Александровичу не откажешь.

Реакция Разина была молниеносной — раздобыв липовое удостоверение сотрудника Министерства культуры СССР, он отправился в Оренбург. Неизвестно, знал ли хорошо Разин классические произведения отечественной литературы («Ревизора» Гоголя, например, или те же «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова) или действовал по наитию, но его методы «знакомства» с высокопоставленными и не очень чиновниками были просто безотказными. Долгое время Разин

представлялся племянником не кого-нибудь, а самого Михаила Сергеевича Горбачёва. Он просто показывал всем снимок, на котором у человека, смутно напоминавшего первого и последнего президента СССР, сидел на коленях третьеклассник, также смутно напоминающий самого Андрея Разина. А позже и снимок показывать не надо было. «Всё делала „Чайка“, — рассказывал Разин в интервью газете „Факты“. — Это была правительственная машина. Со служебного входа я звонил зампреду Гостелерадио Попову и говорил: „С вами разговаривает племянник Михаила Сергеевича Горбачёва. Мне надо вам сказать два слова!“ . Он с семнадцатого этажа бежал вниз и видел: подъезжает ГАЗ-14 с флажками советского государства, водитель открывает двери, и оттуда выхожу я. „Садитесь, пожалуйста, мне надо с вами поговорить“, — говорил я Попову. Пока мы ехали в машине до проспекта Мира, я решал все вопросы. Мало того, мой друг звонил по секретному телефону 206-43-00 в эту „Чайку“, и я с ним разговаривал как с Михаилом Сергеевичем. Это произвело на Попова ещё большее впечатление. А я Горбачёву как бы отвечаю: „Дядя, сейчас я подъеду, машину отпущу, всё, пока“. До этого в течение четырёх лет нашу группу не пускали ни телевидение. После этого случая Попов собрал телевизионное начальство, среди которого был и Игорь Крутой, и нам был открыт „зелёный свет“».

В Оренбурге у Разина дела шли просто замечательно. Местные чиновники оказывали всемерное содействие уверенному в себе «работнику» Министерства культуры, да и дело-то было пустяковое — перевести одного из воспитанников оренбургского интерната в московский детский дом. Разин быстро договорился о сотрудничестве с Сергеем Кузнецовым. И всё вроде бы хорошо — есть связи, есть очень перспективная группа, да вот только солиста у этой группы нет. Солист в это время гулял где-то на просторах бескрайних оренбургских степей...

«Кто будет петь в твоей новой группе?» — спрашивали Андрея Разина знакомые. «Я, Аркадий Кудряшов (работавший вместе с Разиным в группе „Мираж“. — *Авт.*) и парень, которого мы ищем — Юра Шатунов, — отвечал Разин. — Он сбежал из детдома, и, если мы его поймем быстрее милиции, это и будет наш солист». Шатунов, ничего не знавший о необычайном интересе к своей персоне, в очередной раз сбежал из интерната. Он опять поехал в посёлок Тюльган, однако на этот раз жил не у тётки, а прятался в окрестных степях. «Заложили» его местные пацаны, показавшие Разину место его ночёвок. Конечно, он был невероятно напуган, когда забирать его приехал не привычный милицейский патруль или люди из интерната, а чуть ли не с десятков местных начальников во главе с Андреем Разиным.

Осенью 1988 года Шатунов переезжает в Москву. Официально он был оформлен как воспитанник школы-интерната № 24 г. Москвы, однако на самом деле жил на квартире у Разина или разъезжал вместе с группой на гастроли. Вслед за Юрием в Москву потянулись и другие участники группы. Сергей Кузнецов взял в «Ласковый май» друзей Шатунова. Из Оренбурга приехали Костя Пахомов и Сергей Серков, из Акбулака — Саша Прико и Игорь Игошин. Буквально за пару месяцев «Ласковый май» записывает на студии «Рекорд» (где работал Андрей Разин) сразу три альбома: «Белые розы», «Осень» и «Немного о себе». Эти альбомы сразу же становятся суперпопулярными, песни «Ласкового мая» звучат по всей стране буквально из каждого аппарата, способного хоть каким-то образом воспроизводить звук.

С этих пор для «Ласкового мая» наступили «трудовые будни», да такие ударные, что сам Алексей Стаханов и другие основатели всякого рода соцсоревнований, позавидовали бы таким темпам работы. Группа отправляется в гастрольный тур, на профессиональном жаргоне музыкантов называемый «чёмсом». В течение нескольких месяцев «Ласковый май» колесит по стране, собирая полные концертные залы и стадионы, в том числе московские «Лужники» и «Олимпийский». Конечно, ни о каком «живом» звуке речи и не шло. «Сами понимаете, работали только под „фанеру“, чего скрывать-то, — рассказывал Сергей Кузнецов. — Но пацаны знали все свои партии от и до... Конечно, можно было работать и вживую, но зачем людям слышать плохое качество звука? А всю студию „Рекорд“ на концерты возить не будешь...». Новые альбомы писались просто с невероятной скоростью — в начале 1989 года выходит три новых сборника «Ласкового мая»: «8 Марта», «Розовый вечер», «На крыше».

По воспоминаниям музыкантов, иногда им приходилось давать по шесть концертов в день. Но ведь в стране оставалось множество мест, которые ещё не были «осчастливлены» концертами «Ласкового мая», и миллионы поклонников, готовых отдать свои кровные, чтобы увидеть и услышать своих кумиров. И тогда Андрей Разин решает, что одного «Ласкового мая» мало. В то время по всему Советскому Союзу уже колесили десятки «липовых» «Ласковых маев» (по некоторым данным, в период пика популярности «Ласкового мая» в стране выступали сотни «двойников» группы). «Хорошая идея», — подумал, наверное, продюсер и начал претворять в жизнь свой новый «проект». Теперь по стране гастролеровали ещё и несколько групп под названием «Ласковый май», подконтрольных непосредственно Разину. «У меня было пять Разиных и пять Шатуновых, — рассказывал Разин газете „Факты“. — Мы этого не скрываем. Пою я, к примеру, в Киеве. Звонит мне директор Магаданской филармонии и приглашает приехать. „Не могу, пою в Киеве“. — „Андрей Александрович, дайте мне хоть кого-нибудь“. — „Есть только двойник“. — „Ой, пожалуйста, такие же деньги, как за вас платим“. Ну если они просят, если им это нравится, платят деньги — пожалуйста, возьмите Разина. Я — честный человек. В конце года в „Олимпийском“ я собирал их

всех вместе, и они пели... моим голосом».

В марте 1989 года после серьёзного конфликта с Разиным из «Ласкового мая» ушёл Сергей Кузнецов. Вместе с ним группу покинули Александр Прико и Игорь Игошин. Кузнецов, Прико и Игошин создали группу «Мама» (особой популярности, надо сказать, не снискавшую), а Разин организовал из «Ласкового мая» целую студию, с непрерывно меняющимся составом музыкантов и солистов. Производство новых альбомов (соответствующего качества) было поставлено на поток, за три года студия «Ласковый май» записала 14 (!) альбомов.

Летом 1989 года группу покидают ещё двое участников из первого состава — Константин Пахомов и Сергей Серков. И в это же время в центральной прессе появляется несколько разгромных статей, в которых Разина обвиняют во всех смертных грехах. Особенно много шума наделала статья «Майские метаморфозы», напечатанная в «Комсомольской правде», где Разина называли «монстром», мучающим несчастных детей. Но эти статьи только способствовали ещё большей «раскрутке» «Ласкового мая». «Пишите о нас хоть хорошее, хоть плохое, для нас любая реклама — хорошо», — сказал однажды журналистам директор группы Алексей Кудряшов. А когда после статьи в «Комсомольской правде» группа собрала аншлаги в нескольких городах, Разин позвонил журналисту и поблагодарил: «Большое спасибо, ты дал заработать мне сто тысяч долларов».

В дни новогодних каникул, с 28 декабря 1989 года по 10 января 1990 года, в спорткомплексе «Олимпийский» проходит, пожалуй, самое грандиозное выступление группы — шоу-ревью „Белые розы белой зимой“. По размаху и количеству зрителей это шоу превосходит знаменитые «Рождественские встречи» Аллы Пугачёвой. Через год ситуация повторяется — Разин, Шатунов и «Ласковый май» оказались «сильнее» Пугачёвой и трёх десятков самых популярных и известных артистов Советского Союза. Но это выступление, было, по сути дела, «лебединой песней» группы. В 1991 году популярность группы падает, «Ласковый май» затмевают новые звёзды и звёздочки. Шатунов, «главный козырь» группы, всё реже появляется на сцене. По одной из версий, у него начались проблемы с голосом, по другой — причиной стал конфликт с Разиным. Очередное новогоднее шоу-ревью «Ласкового мая» завершается провалом. В феврале 1992 года Юрий Шатунов окончательно разрывает отношения с Разиным, а тот, в свою очередь, вскоре объявляет о роспуске группы. Позже музыканты несколько раз пытались возродить «Ласковый май», но эти попытки оказались безуспешными. Сумасшедшая популярность, огромные заработки и толпы поклонниц остались в прошлом.

Раиса Горбачёва

Умная, красивая, стройная, элегантная... «Раиса Горбачёва оказалась первой и пока последней первой леди в нашей стране», — сказал о ней один из «отцов» перестройки Александр Яковлев. Она действительно олицетворяла собой незнакомый ранее советскому человеку образ «леди», выглядела так, словно сошла с обложки журнала светской хроники. Это было настолько необычно, особенно на фоне жён других советских генсеков и партийных лидеров. Это было настолько непривычно, что очень многих Раиса Максимовна... откровенно раздражала. Нет, конечно, были и те, кто её уважал и даже любил. На Западе русское имя «Раиса» стояло в одном ряду со словами «perestrojka», «glasnost'» и «Gorbachov» и было символом перемен, происходивших в стране, до недавнего времени считавшейся главным врагом всего свободного мира. Когда она появлялась на официальных приёмах рядом с мужем, мир вместе с ней открывал совершенно новый Советский Союз. Оказывается, одна шестая часть суши — это не только медведи на улицах, шапки-ушанки, водка и балалайка, и притом густо «приправленные» огромным количеством ядерных ракет. Оказывается, у «этих русских» вполне нормальный лидер, который хочет мира с Западом, а рядом с ним его жена, такая, какой и должна быть супруга политического лидера. «Она и её муж были неразделимой парой, и постоянная поддержка со стороны Раисы в огромной степени способствовала политическим свершениям президента Горбачёва и великим реформам, которые он провёл в Советском Союзе». К этим словам стоит прислушаться, ведь они принадлежат ещё одной женщине, определившей судьбу мира в 80-х годах, — «железной леди» Маргарет Тэтчер. Запад принял супругу Михаила Сергеевича и полюбил. А вот дома...

Кого-то раздражал её учительский тон и назидательные рекомендации, её самомнение и уверенность в своей правоте. Люди, знавшие Раису Максимовну достаточно близко, рассказывали, что она могла быть капризной и требовательной в мелочах. Кому-то не нравилось слишком большое влияние на облечённого огромной властью мужа, мол, «попал Михал Сергеич под женин каблук, а она вертит им как хочет, и вообще, не он, а она страной управляет». Она пыталась объяснить, что забота о муже и семье для неё — смысл жизни, она иначе не может, да и не хочет. «Я не кинозвезда, не писательница, не художница, не музыкант, не модельер. И — не политик. Не государственный деятель, принимающий решения и отвечающий за судьбы людей. Я — жена главы Советского государства, по мере сил поддерживающая мужа, помогающая ему — как могу, как делала это всегда, ещё с юности, когда мы только связали свои судьбы». Но её не понимали. И только после того, как её не стало... Есть такая русская (и советская) «народная» привычка — относиться к личности по-человечески только после того, как человек уйдёт на тот свет. До того можно пинать, попрекать за любую ошибку или даже просто так, поливать грязью. А вот потом... Сразу все считают своим долгом петь прочувствованные панегирики покойному: «Ах, каким же он (или она) был хорошим человеком, а мы не замечали, и теперь мы его потеряли, как же так...». К супруге первого и единственного президента СССР это относится сполна...

Раиса Максимовна Горбачёва (в девичестве — Титаренко) родилась 5 января 1932 года в городе Рубцовске Алтайского края. Её отец, Максим Андреевич, работал на строительстве железных дорог. Семья вела почти кочевой образ жизни. Как только строительство дороги заканчивалось, Максима Андреевича отправляли на другое место, куда-нибудь за тысячу километров. Мама, Александра Петровна, собирала нехитрый скарб, одевала троих детей — Раю, брата Женю и сестру Люду — и отправлялась вслед за мужем. «Где они только не жили — даже в железнодорожном вагоне, — рассказывала в интервью еженедельнику „Аргументы и Факты“ дочь Горбачёвых Ирина. — Мама всё время меняла школы — чуть ли не шесть раз. И каждый раз ей приходилось привыкать к учителям, одноклассникам, а в послевоенной школе все дети были разного возраста. Фактически она всё время находилась в состоянии новенькой. Было трудно».

Школу Раю закончила в Башкирии, в городе Стерлитамаке, закончила с золотой медалью, а это давало право поступления без экзаменов в любой вуз страны. Она выбрала столицу и сразу после окончания школы поступила на философский факультет МГУ. В студенческом клубе по вечерам проходили занятия по бальным танцам. Там она и познакомилась с Мишей, студентом юридического факультета...

Почему Раиса выбрала именно его? Она и сама не знала чёткого и однозначного ответа на этот вопрос. Да в общем-то, так и должно быть в любви, той, которая с полным правом может называться настоящей. Их знакомство было вполне обычным. Кто-то из друзей сказал Горбачёву: «Мишка, там такая девчонка! Раей зовут...». Парень молодой, 20 лет, отчего ж не познакомиться с хорошей девушкой. Однако в ответ на свои ухаживания Михаил получил вежливый, но холодный отказ. Как говорится, «разошлись, как в море корабли». А потом... «Потом произошло нечто... Однажды прихожу на Стромынку — наша великая Стромынка, где жили четыре тысячи студентов, — рассказывал Михаил Сергеевич Горбачёв в интервью газете „Комсомольская правда“, — в клуб, через который прошли все студенческие поколения и самые выдающиеся люди искусства, потому что встретиться со студентами МГУ всегда было престижно... Клуб забит. Я иду по проходу, дохожу почти до сцены, и вдруг наши глаза встретились: она сидела около прохода. Я говорю: ищу место. Она говорит: а я ухожу, садитесь на моё. Я вижу, настроение неважное. Говорю: а можно, я провожу? Пошли. А что такое настроение? В ответ: не будем об этом говорить. Я то-сё... Она пошла

на разговор...».

В сентябре 1953 года Михаил и Раиса поженились. На стипендию особенно не разгуляешься, а денег у родителей просить не хотелось. Поэтому свадьбу сыграли в общежитии, денег, которые Михаил заработал летом, работая комбайнёром на родном Ставрополье, хватило на праздничный стол и на свадебное платье, а туфли Раисе уже пришлось занимать у подруги. Вообще, Горбачёвы в те годы жили скромно, вместе осваивали простой быт студенческого общежития.

После окончания университета Раиса поступила в аспирантуру. Михаилу тоже предлагали остаться в Москве, звали на хорошую работу. Однако Горбачёвы уехали на Ставрополье. Другим и родным это решение показалось, мягко говоря, странным. Действительно, уехать из Москвы куда-то на окраину страны? Тогда казалось, что молодой перспективный выпускник юрфака МГУ ставит крест на своей карьере, а заодно и на карьере своей жены.

В КПСС Михаил Горбачёв вступил в 1952 году, ещё будучи студентом. В 1955-м он был назначен секретарём Ставропольского горкома комсомола, через год стал первым секретарём. Он быстро делал карьеру, чего не скажешь о Раисе. «Маме было очень сложно, — рассказывала Ирина Горбачёва. — Трудно было найти работу по специальности, все кафедры были забиты фронтовиками и партработниками, а она в то время была беспартийной. Какое-то время она даже работала в библиотеке. Трудно было писать диссертацию по социологии, которая тогда только начинала зарождаться. Трудно было работать и поддерживать порядок в доме. Но работа для неё всегда была очень важна». В те годы социологическая наука была чем-то диковинным. Это сейчас профессия социолога считается весьма престижной. А в 50-х... Тогда молодой социолог Раиса Горбачёва надевала резиновые сапоги на несколько размеров больше, чем нужно, и ходила по окрестным деревням, меся непролазную грязь, изучая жизнь и быт крестьянской семьи. Она вспоминала, что зашла однажды в дом вдовы фронтовика, и та, увидев её, тонкую и измученную, запримечала: «Что ж ты, доченька, такая худенькая? Мужа, у тебя, небось, нет. Есть? Значит, пьёт. Или бьёт. От добра по дворам не ходят...».

В 1956 году у Горбачёвых родилась дочь Ирина. Как же долго они ждали этого! Когда Раиса заканчивала университет, она серьёзно заболела. Сильный приступ ревматизма, опухали суставы, руки буквально крутило от боли. Врачи поставили диагноз «сердечная недостаточность» и рожать запретили. Однако когда Горбачёвы переехали в Ставрополь, состояние Раисы улучшилось, и она решила родить...

С 1962 года Михаил Горбачёв перешёл на работу в Ставропольский краевой комитет партии. С тех пор его карьера стремительно пошла вверх, во многом благодаря поддержке первого секретаря Ставропольского крайкома, а в будущем члена Политбюро Ф. Д. Кулакова. В 1968 году Михаил Горбачёв — первый секретарь Ставропольского горкома, через два года — второй секретарь крайкома, а в 1970-м он становится полноправным «хозяином» края, Михаила Сергеевича назначают на пост первого секретаря Ставропольского краевого комитета партии. Естественно, что по мере продвижения вверх главы семейства менялся и быт семьи Горбачёвых. О резиновых сапогах и грязи уже можно было забыть. Но и роскоши особой не было. Казённые квартиры, частые переезды. Первый телевизор, например, Горбачёвы смогли купить только в 1967 году, когда Михаил Сергеевич уже занимал ответственный пост в горкоме. Раиса Максимовна уделяла много внимания работе, преподавала философию, готовилась к защите докторской диссертации.

В 1978 году семья Горбачёвых переехала в Москву. Михаил Сергеевич был назначен секретарём ЦК, в его обязанности входило курирование вопросов, связанных с сельским хозяйством. Как любой солдат мечтает стать генералом, так и любой секретарь ЦК КПСС мечтал быть Генеральным секретарём. В конце 70-х стало ясно, что хозяин в Кремле сменится в ближайшие годы: после тяжёлого инсульта Брежнев уже фактически был номинальным главой партии, руководило же страной его ближайшее окружение. Однако Михаил Горбачёв как будущий лидер пока не рассматривался. Был Андропов, были и другие партийные «тяжеловесы»...

10 марта 1985 года в десять часов вечера в Кремле состоялось экстренное заседание Политбюро. За последние три года это было третье такое заседание. Сначала Брежнев, затем Андропов, и, наконец, скончался Черненко... Череда смертей генсеков, а также кончина в 1982 году «серого кардинала» партии Михаила Суслова сделали из Горбачёва, молодого секретаря ЦК, который ещё недавно правил в провинциальном Ставрополе, реального претендента на пост Генерального секретаря. Естественно, что после смерти Черненко внутри Политбюро развернулась борьба за трон, и борьба нешуточная. Горбачёва поддерживали молодые (по сравнению, конечно, с «кремлёвскими старцами»), правившими страной с середины 60-х) члены ЦК, ему удалось привлечь на свою сторону большинство республиканских руководителей, а также бессменного министра иностранных дел А. А. Громыко, пользовавшегося огромным влиянием в ЦК. В итоге на мартовском внеочередном Пленуме партии Михаил Сергеевич Горбачёв был избран новым Генеральным секретарём ЦК КПСС...

«Как теперь мне себя вести?» — когда Михаил Сергеевич стал главой государства, Раиса Максимовна задала ему этот вполне понятный вопрос. И получила на него простой ответ «Для нас с

тобой ничего не изменилось, поэтому веди себя, как обычно...». Но так ли всё было просто? И как себя вести? Быть безликой тенью своего мужа, практически не показываясь на публике, как это было принято у жён предыдущих генсеков? Или же быть открытой, постараться что-то изменить, как пытался сделать её муж, сломать застоявшиеся нормы советского протокола, когда жена лидера если и была рядом с супругом, то где-то на втором плане? Раиса Максимовна выбрала второй вариант. С тех пор начались бесконечные поездки по стране и миру, встречи с людьми, общественная и благотворительная деятельность. И всегда Раиса Максимовна старалась быть рядом с супругом, поддерживала его в трудные минуты. Первые шаги Михаила Горбачёва на посту главы СССР вызвали в стране огромные надежды, казалось, что у страны наконец-то появился лидер, который выведет её из тупика. Но надеждам этим не суждено было оправдаться, эйфория первых лет перестройки сменилась глубоким разочарованием. Михаил Горбачёв стал стремительно терять популярность, его зачастую непродуманные шаги вызвали раздражение в народе. А через супруга всё это переносилось и на Раису Максимовну...

Мы не будем подробно останавливаться на хронологии и анализе событий, происходивших в СССР в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века. Скажем только, что в стране назревал кризис, огромный нарыв, который должен был вот-вот лопнуть. Можно ли было найти выход из сложившейся ситуации? Наверное, можно. Но Михаил Горбачёв его не нашёл. И в итоге — август 91-го...

Горбачёвы почувствовали неладное, когда на даче в Форосе перестал работать телевизор. Подумали, что что-то случилось с антенной. А потом, когда около пяти вечера 18 августа отключился телефон, стало ясно — происходит нечто страшное. Так начиналось знаменитое «форосское заточение» Михаила Горбачёва и его семьи. Потом были ГКЧП, ввод войск в Москву, вице-президент Янаев, который с трясущимися руками пытался объяснить миру, что «президент СССР Михаил Горбачёв по состоянию здоровья не может исполнять полномочия Президента СССР, и т. д. и т. п.», штурм Белого дома, арест гэкачепистов, фактическая победа Бориса Ельцина в борьбе за власть, освобождение Горбачёвых. «Мама переживала больше всех. Очень переживала...» — вспоминала Ирина Горбачёва те события. Кто-то считает, что путч на самом деле был инсценировкой, что Горбачёв не был изолирован от мира, связь работала, и вообще Президент СССР был в курсе всех событий, а когда всё закончилось, решил «выехать на белом коне». Может быть, и так. Но тогда инсценировкой был и инсульт, который перенесла Раиса Максимовна в Форосе, когда у неё отнялась на некоторое время речь и онемела правая рука. Инсценировкой и умелой игрой надо признать и страх, который стоял в глазах супруги Президента СССР, когда она, вернувшись из Крыма в Москву, сходила с трапа самолёта. Всё уже было кончено, но она по-прежнему боялась и за свою семью, и за себя...

Как рассказывали родные, путч и последовавшие за ним события нанесли серьёзный удар по здоровью Раисы Максимовны, до конца она так и не смогла оправиться от перенесённого потрясения. Горбачёвы могли уехать за границу. Кстати, так думали многие соотечественники. «Вы же давно смылись в Америку. Наделали и уехали», — нередко слышали Михаил Сергеевич и его родные. Но они оставались на родине, считали, что не имеют морального права уехать из страны. В 91-м гэкачеписты проиграли, но Михаил Горбачёв не выиграл. В конце 1991 года он ушёл в отставку, позже пытался вернуться в большую политику, но на президентских выборах в России 1996 года набрал менее 2 % голосов избирателей. О Горбачёвых стали постепенно забывать. И вспомнили только летом 1999 года. Из маленького немецкого городка Мюнстер пришло сообщение — Раиса Горбачёва госпитализирована в местную университетскую клинику. У неё обнаружена тяжёлая форма лейкемии. Врачи до последнего боролись за её жизнь, но их усилия оказались тщетными. 20 сентября 1999 года в возрасте 67 лет Раиса Горбачёва скончалась...

Когда Раиса Горбачёва лежала в больнице, когда уже стало ясно, что жизнь покидает её, в клинику в Мюнстере стали приходить сотни писем со словами любви и сострадания. Сама Раиса Максимовна читать эти письма уже не могла. Выслушав очередное письмо, она со слезами на глазах сказала: «Неужели я должна умереть, чтобы заслужить их любовь!..».

Большой театр

«Содержать ему театральные всякого рода представления, а также концерты, воксалы и маскарады, а кроме его, никому никаких подобных увеселений не позволять во всё назначенное по привилегии время, дабы ему подрыву не было». 17 марта 1776 года указом Ея Императорского Величества Екатерины II великий князь Пётр Васильевич Урусов получил исключительное право на содержание русской театральной труппы и обязанность построить в Москве на Большой Петровской улице здание, в котором можно было бы круглогодично играть оперные, балетные и драматические спектакли. Именно этот день и считается датой основания Большого театра, уникального явления в истории не только Российской империи и Советского Союза, но всей мировой культуры. «Bolshoy» — это русское слово без перевода понимал любой иностранец, побывавший в Москве. Символ, в истории которого как в зеркале отражается сама эпоха, величественная и трагичная одновременно.

Князь Урусов с усердием взялся за дело, но, увы, ещё не достроенный театр из-за неосторожности сгорел, так и не открывшись. Дела Петра Урусова, вложившего в театр почти всё своё состояние, оказались на грани краха, и он передал привилегию на театр своему компаньону Майклу Мэддоку. Англичанин оказался более удачливым и довёл начатое дело до конца.

30 декабря 1780 года, в день открытия театра, тогда называвшегося Петровским, было дано торжественное представление из двух частей — аллегорического пролога «Странники» и пантомимного балета «Волшебная школа». Труппа Петровского театра состояла из 13 актёров, 9 актрис, 4 танцовщиц, 3 танцоров с балетмейстером и 13 музыкантов. В те времена артистам приходилось быть, как говорится, «многостаночниками» — они играли и в драме, и в опере, и в балете. Двадцать пять лет Петровский театр радовал московскую публику, пока... «по причине неосторожности гардеробмейстера, бывшего с двумя свечами в гардеробе, вышедшего оттуда и оставившего оные там с огнём», 8 октября 1805 года, в три часа дня, Петровский театр не сгорел.

«Русские медленно запрягают, зато быстро ездят» — эта поговорка полностью оправдала себя и при восстановлении Петровского театра. Два десятка лет Москва оставалась без театра, лишь обгорелые стены напоминали о том, что когда-то в этом здании звучала музыка, играли актёры и публика аплодировала их мастерству. И вдруг, по меркам тогдашних темпов строительства можно сказать — в одночасье, на Театральной площади выросло новое здание, настоящий архитектурный шедевр, поражающий воображение современников. «Большой Петровский театр, возникший из старых обгорелых развалин, изумил и восхитил меня, — говорил Сергей Тимофеевич Аксаков, известный русский писатель. — Великолепное громадное здание, исключительно посвящённое моему любимому искусству, уже одной своею внешностью привело меня в радостное волнение». Недаром на первом представлении публика несколько раз овациями приветствовала знаменитого архитектора Осипа Бове, автора проекта Большого театра. Восьмиколонное здание с колесницей бога Аполлона над портиком и золотисто-красной отделкой внутри — такого Москва ещё не видела, а иностранцы отмечали, что по красоте и величественности с произведением Осипа Бове может сравниться только здание миланского театра «Ла Скала».

Открытие театра, состоявшееся 6 января 1825 года (кстати, до Октябрьской революции именно этот день считался датой основания Большого театра), было обставлено с большой торжественностью. На первом представлении публика увидела аллегорический пролог «Торжество муз» М. А. Дмитриева на музыку А. А. Алябьева и А. Н. Верстовского. Название и сам спектакль были очень символичны: на сцене Гений России при помощи муз из обгоревших развалин старого театра создавал новый прекрасный храм искусства — Большой Петровский театр. В спектакле участвовали лучшие артисты труппы: Гения России играл знаменитейший актёр Павел Мочалов, бога искусств Аполлона — певец Николай Лавров, роли муз исполняли танцовщицы Фелициата Виржиния Гюльень-Сор и Анжелика Каталани.

Утро 11 марта 1853 года выдалось морозным и пасмурным. Москвичи, как обычно, спешили по своим делам, но, дойдя до центра столицы, останавливались, поражённые страшным зрелищем. Большой театр, гордость России, пожирала огромные языки пламени, он пылал так, что было ясно — здание не спасти. Два дня бушевал огонь, и только на третьи сутки пожар удалось погасить. Погибло не только само здание, сгорели уникальные костюмы, музыкальные инструменты, архив и библиотека театра.

Через два года после пожара, в мае 1855 года, на Театральной площади вновь начались строительные работы. Реконструкцией Большого театра руководил архитектор Альберт Кавос. Сохранив практически без изменения общую планировку здания и его внешний вид, Кавос изменил форму, пропорции и отделку зрительного зала. «Я постарался украсить зрительный зал как можно более пышно и в то же время по возможности легко, во вкусе Ренессанса, смешанном с византийским стилем, — писал архитектор. — Белый цвет, усыпанные золотом ярко-малиновые драпировки внутренностей лож, различные на каждом этаже штукатурные арабески и основной эффект зрительного зала — большая люстра из трёх рядов светильников и украшенных хрусталём канделябров — всё это заслужило всеобщее одобрение».

Возрождённый театр открылся 20 августа 1856 года, представив публике оперу В. Беллини «Пуритане». В истории Большого начался так называемый «итальянский период». Миланский импресарио Мерелли, ставший на некоторое время фактическим арендатором театра, привёз в Москву очень сильную труппу. С одной стороны, москвичи могли ежедневно лицезреть звёзд мировой оперы, таких как, например, Аделина Патти и Полина Виардо, но с другой — русская опера оказалась в роли падчерицы, а русские артисты не всегда имели возможность играть хотя бы второстепенные роли. Ситуация коренным образом изменилась в 70-х годах XIX века — одна за другой на сцене Большого ставились оперы, ставшие классикой мирового оперного искусства: «Демон» А. Г. Рубинштейна (1879), «Евгений Онегин» (1881), «Пиковая дама» (1891) и «Иоланта» (1893) П. И. Чайковского, «Борис Годунов» М. П. Мусоргского (1888), «Снегурочка» Н. А. Римского-Корсакова (1893), «Князь Игорь» А. П. Бородин (1898). Однако публика не сразу приняла русское искусство. В 80–90-х годах позапрошлого столетия Большой театр пребывал в серьёзном кризисе. Из труппы уходили ведущие артисты и балетмейстеры, сборы неуклонно падали, едва ли не каждая премьера оканчивалась провалом. О чём говорить, если даже на премьере классического балета всех времён и народов, «Лебединого озера» П. И. Чайковского, публика неистово свистела, а в прессе затем появились разгромные отклики. Одно время вполне серьёзно рассматривался вопрос о роспуске труппы Большого театра. К счастью, до этого дело не дошло. Начало XX века ознаменовало новую эру в истории театра, вернувшего себе звание эталона русского театрального искусства.

Новое время требовало нового искусства — революционные события 1917 года не могли не коснуться Большого театра. Репертуар был серьёзно изменён, из программы исключили оперы «князь Игорь», «Борис Годунов» и некоторые другие. Естественно, что «революционно настроенная общественность» не могла со спокойным сердцем слушать оперу «Жизнь за царя». Вот если бы опера называлась «Жизнь за народ» — это другое дело, но такой оперы, к сожалению (а может быть, и к счастью), не было, так что художественному руководителю театра известному тенору Леониду Собинову (он был избран на эту должность единогласным решением артистов и работников театра 8 марта 1917 года) пришлось возвращать в репертуар аполитичные «Снегурочку» и «Садко», а в 1918 году на сцене Большого была поставлена превращённая в балет симфоническая поэма А. К. Глазунова «Стенька Разин».

С 1919 года в здании Большого театра стали проходить съезды партии и торжественные заседания, посвящённые годовщинам революции и другим юбилейным датам. В это время прозвучало мнение, что «опера и балет — это чуждое пролетариату искусство» и Большой театр надо закрыть, а труппу распустить. Однако, надо сказать, высшее партийное руководство всегда с уважением относилось к Большому театру. Несмотря на все трудности переходного периода, театр по-прежнему сохранял статус культурного и музыкального символа страны. Артистам повысили зарплату и выдавали усиленные спецпайки. Когда в 1921 году специальная комиссия установила, что полуколыцевая стена зрительного зала, служившая опорой для основных конструкций зрительного зала, находится в таком катастрофическом состоянии, что из неё уже начали вываливаться кирпичи, и она в любой момент может обрушиться, строительные работы, несмотря на нехватку стройматериалов, были начаты немедленно и завершены в кратчайшие сроки.

В середине 20-х годов впервые появляется такое понятие, как «советская опера». Большой театр ставит оперы «Декабристы» В. А. Золотарёва, «Сын солнца» С. Н. Василенко и «Тупейный художник» И. П. Шишова, немногим позже — «Алмаст» А. А. Спендиарова и «Леди Макбет Мценского уезда» Д. Д. Шостаковича, а в 1927 году увидел свет первый советский балет — «Красный мак» Р. М. Глиэра. Постепенно в репертуар Большого возвращалась и классика оперы.

30-е — годы расцвета Большого театра. В это время на сцене блистают «золотые голоса» Большого — Валерия Барсова, Надежда Обухова, Мария Максакова, Иван Козловский, Сергей Лемешев. Москвичи и гости столицы с ночи занимали очередь в билетные кассы, чтобы увидеть божественный танец в исполнении Ольги Лепешинской и Марины Семёновой.

Последней предвоенной премьерой, показанной на сцене Большого театра, стала «Хованщина» М. П. Мусоргского, представленная публике 13 февраля 1941 года. После начала войны облик Театральной площади (тогда она называлась площадью Свердлова) преобразился — вместо публики, с нетерпением ожидающей очередной премьеры, появились зенитки и аэростаты противоздушного заграждения. В октябре 1941 года часть труппы Большого театра была эвакуирована в Куйбышев. Здание театра опустело, но Большой не прекратил своего существования. И в эвакуации театр продолжал ставить премьеры — в конце 1942 года были исполнены опера «Вильгельм Телль» Д. Россини (за эту работу артисты Большого театра были награждены Сталинской премией) и «Алые паруса» В. М. Юровского. Немногим ранее, 5 марта 1942 года, оркестр Большого театра под управлением Самуила Самосуда впервые исполнил знаменитую Седьмую («Ленинградскую») симфонию Дмитрия Шостаковича, ставшую символом всемирной борьбы с фашизмом.

Продолжали работать и оставшиеся в столице артисты Большого. После того как в октябре 1941 года в здание попала бомба, сброшенная с немецкого бомбардировщика, театр был закрыт, и

актёры давали концерты в других, иногда совсем для этого не приспособленных помещениях. Часто представления приходилось прерывать — объявлялась воздушная тревога, артисты и зрители спускались в бомбоубежище, а когда налёт заканчивался, возвращались в зал. Часть артистов Большого (всего 16 артистических бригад) непосредственно выезжали на фронт, поддерживая своим искусством моральный дух советских солдат.

В середине 1943 года труппа Большого театра воссоединилась, из Куйбышева вернулись артисты, находившиеся в эвакуации. В сентябре этого же года Большой открыл новый театральный сезон патриотической оперой М. И. Глинки «Иван Сусанин». И хотя в этой опере речь шла о событиях начала XVII века, её тема — борьба народа с иноземными захватчиками — была актуальна как никогда.

В 1944 году главным балетмейстером Большого театра стал Леонид Михайлович Лавровский, легендарный танцовщик и педагог. Незадолго до войны он поставил на сцене Ленинградского Малого оперного театра балет «Ромео и Джульетта» Сергея Прокофьева, ставший, по мнению критиков, вершиной советского балета довоенного времени. В 1946 году этот балет был перенесён на сцену Большого театра. И снова успех — «Ромео и Джульетту» в исполнении артистов Большого театра называют одной из самых выдающихся постановок в истории мирового балетного искусства. Среди других постановок Л. М. Лавровского — «Раймонда» А. К. Глазунова (1945), «Красный мак» Р. М. Глиэра, «Вальпургиева ночь» Ш. Гуно (1949), «Фадетта» Л. Делиба (1952), «Сказ о каменном цветке» С. С. Прокофьева (1954), «Паганини» С. В. Рахманинова (1960), «Ночной город» Б. Бартока и «Страницы жизни» А. М. Баланчивадзе (1961). Именно в 60-е советская балетная школа по праву завоёвывает признание во всём мире, становится эталоном балетного искусства.

Эпоху 60–80-х невозможно представить без двух людей, определявших художественное лицо театра, — главного режиссёра Бориса Александровича Покровского и главного балетмейстера Юрия Николаевича Григоровича. В это время меняется постановочная стратегия Большого: премьер становится меньше, зато каждая постановка тщательно готовится, оттачивается до мелочей и поражает своей грандиозностью. «Эпохально и грандиозно!». «Советская балетная школа — лучшая в мире!», «Браво, Григорович, браво, Большой!», «Русские вновь доказали, что равных в балете им нет!» — так советская и мировая пресса отреагировала на состоявшуюся в 1968 году премьеру балета «Спартак» А. Хачатуряна, в которой блистали звёзды Большого театра Владимир Васильев, Екатерина Максимова, Михаил Лавровский, Марис Лиепа, Наталия Бессмертнова, Нина Тимофеева. Среди других выдающихся постановок того времени — «Ромео и Джульетта» и «Иван Грозный» на музыку С. С. Прокофьева, «Анюта» В. А. Гаврилина, «Золотой век» Д. Д. Шостаковича, «Раймонда» А. К. Глазунова.

В июле 2005 года Большой театр был закрыт на реконструкцию. Здание, построенное в середине XIX века, сегодня не удовлетворяет элементарным санитарным нормам, требованиям комфорта и безопасности. За полтора столетия проблем накопилось столько, что их невозможно решить полумерами и косметическим ремонтом. Инженерно-техническое оборудование театра изношено до предела, требует серьёзного вмешательства и конструкция самого здания. До марта 2008 года зрители смогут увидеть спектакли Большого только на Новой сцене филиала театра, а также во время гастрольных туров труппы. В сезоне 2008/2009 года театр планирует полностью вернуться к «нормальной» жизни и полноценной работе на основной сцене.

Фигурное катание

«Накануне Нового года (а встречали мы 1880 год) моя матушка привезла из Москвы в Воронеж, где мы жили, подарок, который составлял предмет моих мечтаний. Она подарила мне пару чудесных коньков с медной подошвой и никелированным полозом: они прикреплялись за каблук медной цапкой, а за переднюю часть стопы — широким ремнём с пряжкой. Я был, как говорят, на седьмом небе и, ложась спать, клал коньки под подушку. И снились мне в новогоднюю ночь волшебные сны... У меня была любимая сестра, старше меня на полтора года. Я по-братски делился с ней, отдавая правый конёк. Мы катались на пруду: она — на одном правом, я — на одном левом. Впоследствии все самые сложные фигуры я исполнял всегда на левой ноге: она была ловчее правой».

С этих коньков, которые маленький мальчик клал перед сном под подушку, начиналась история побед отечественного фигурного катания. Мальчик, которого звали Николай Панин-Коломенкин, вырос и стал чемпионом Олимпийских игр 1908 года в Лондоне (до 1924 года разделения на летние и зимние игры не было), завоевав первое олимпийское «золото» в истории российского спорта.

После революции Николай Александрович был, пожалуй, единственным специалистом по фигурному катанию в Советском Союзе. И кто знает, как бы сложилась дальнейшая судьба этого вида спорта, стало бы фигурное катание спортивным символом советской эпохи, если бы не усилия первого российского олимпийского чемпиона. В начале 30-х годов он основал в Ленинграде первую в СССР школу фигурного катания. Выпускники этой школы неоднократно становились чемпионами СССР и победителями различных соревнований. Но самое главное, они воспитали немало известных фигуристов, которым было суждено выйти на международную арену.

Любителям спорта наверняка известно, что впервые советские спортсмены приняли участие в Олимпийских играх в 1952 году, в Хельсинки. Вообще, до начала 50-х годов мастера советского спорта практически не выезжали на соревнования за рубеж, очень редко иностранные спортивные делегации посещали Советский Союз. В этом смысле фигурное катание ничем не отличалось от других видов спорта, отечественные фигуристы, что называется, «варились в собственном соку». Это отнюдь не значит, что в СССР не было сильных фигуристов. Просто у них не было возможности посоревноваться с лучшими фигуристами мира. Победа на чемпионате СССР — вот тот максимум, которого могли достичь спортсмены. Кстати, о чемпионатах. С точки зрения современного зрителя, они представляли весьма любопытное зрелище. Сидеть в удобном кресле в тёплом зале, иметь возможность на огромном экране увидеть повторы самых интересных моментов выступления фигуристов — всё это, безусловно, хорошо и приятно. И всё-таки в тех чемпионатах, 40-50-х годов, была своя особенная прелесть. Представьте себе — зима, открытый каток. Магнитофонов, озвучивавших выступления, тогда не было, и потому на соревнованиях играл живой оркестр. Чтобы спортсмены и музыканты не замёрзли, рядом с катком разводили небольшие костры. Пожалуй, единственной проблемой были зрители, которые слишком близко подходили к кромке льда и мешали спортсменам.

Появившись на международной арене, советские фигуристы сразу заявили о серьёзных претензиях на высокие места. И всё-таки эти притязания долго оставались только претензиями — сказывался период длительного затворничества. Были удачные выступления, но не более того. Главная цель — олимпийское «золото» — для советских фигуристов оставалась недостижимой. Так продолжалось до тех пор, пока не появились Белоусова и Протопопов...

Сейчас, когда юные фигуристы встают на коньки в пять-шесть лет, трудно себе представить, чтобы кто-то привёл в школу фигурного катания шестнадцатилетнюю девочку и сказал тренеру: «Возьмите её, она перспективная и может стать олимпийской чемпионкой». Можно с уверенностью сказать, что любой тренер просто посмеётся над таким предложением. Но именно в этом, совсем не юном для фигуристки возрасте начала кататься Люда Белоусова. Её будущий партнёр и муж Олег Протопопов был тоже не из «молодых да ранних». В детстве вместе со сверстниками гонял шайбу во дворе, а затем совершенно случайно попал в секцию известного тренера Нины Лепнинской, ученицы Николая Панина-Коломенкина.

Впервые вместе Людмила и Олег вышли на лёд в 1954 году. Пара считалась слишком возрастной и потому бесперспективной. Было время, когда они работали без наставника, в качестве тренера им помогал... заливщик льда на катке ЦСКА. К тому же их стиль катания выбивался из общепринятых норм. В те годы в фигурном катании приоритетным было безукоризненное исполнение технических элементов. Сложные прыжки, поддержки, дорожки — вот что было на первом месте. А артистизм, желание воплотить на льду какой-то образ — это считалось чем-то лишним, прихотью фигуристов. Однако Людмила и Олег упорно отстаивали свой неповторимый стиль.

В 1957 году пара заняла второе место на чемпионате СССР и завоевала место в олимпийской сборной. А в следующем году пара спортивная стала ещё и парой супружеской. Это позже семейные дуэты, вместе выступающие на льду, стали обыденным явлением, а в 58-м это было чем-то очень необычным для отечественного фигурного катания.

К началу 60-х годов пара Белоусова — Протопопов считалась номером один в советской команде. Людмила и Олег постоянно выезжали на международные соревнования, занимали высокие места. Но если дома они были безоговорочными лидерами, то на международной арене безраздельно «правила» западногерманская пара Марика Килиус — Ханс-Юрген Боймлер.

Перед Олимпиадой 1964 года в Инсбруке Белоусова и Протопопов уже привычно считались надёжными претендентами на пьедестал почёта. Но только на две нижние ступеньки. «Золото» абсолютно все специалисты отдавали паре Килиус — Боймлер. Даже советские спортивные руководители считали, что Белоусовой и Протопопову выше второго места никогда не подняться. Килиус и Боймлер настолько подавляли всех, что им заранее отдавали «золото». Недаром в фойе «Айсштадиона», где соревновались фигуристы, продавались цветные открытки с изображением западногерманских фигуристов и надписью: «Олимпийские чемпионы 1964 года Килиус и Боймлер». Что же касается Белоусовой и Протопопова... «Тени чемпионов» — так называли советский дуэт журналисты.

Килиус и Боймлер катались вторыми. Сложная, насыщенная техническими элементами программа была выполнена не без ошибок. Но оценки были высокими, и публика овацией провожала немецких фигуристов. Настала очередь Белоусовой и Протопопова. Под сводами «Айсштадиона» зазвучала лирическая мелодия фортепианного концерта Рахманинова. А на лёд вышли не просто фигуристы, а артисты, блестяще исполнившие свой танец. Публика рукоплескала, но самое главное — выступление Людмилы и Олега очаровало не только зрителей, но и судей. Это была первая золотая медаль в истории советского фигурного катания и первое «золото» сборной СССР на той Олимпиаде. Через четыре года на Олимпиаде во французском Гренобле Белоусова и Протопопов повторили свой успех, выиграв «золото» в остром соперничестве с другой советской парой Татьяна Жук — Александр Горелик. А через год всерьёз о себе заявила ещё одна пара: Ирина Роднина — Алексей Уланов...

С одной стороны — умудрённые опытом олимпийцы, приверженцы артистического стиля катания. С другой — молодые, потрясающе быстрые, с сумасшедшей техникой фигуристы. Спор двух поколений решился в 1970 году на чемпионате СССР в Киеве. В 69-м Роднина и Уланов были сильнее и на чемпионате Европы, и на чемпионате мира. Для Белоусовой и Протопопова это был, по сути, последний шанс. После короткой программы Белоусова и Протопопов захватили лидерство. А их молодые соперники, совершившие несколько грубых ошибок, занимали лишь восьмое место. Но на следующий день Роднина и Уланов совершили чудо — они без единой помарки откатали насыщенную сложнейшими элементами произвольную программу, и в итоге стали первыми.

Время неумолимо. Для Людмилы Белоусовой и Олега Протопопова пришла пора уступить дорогу молодым. Но ведь это отнюдь не значит, что для таких, как они, путь на лёд должен быть закрыт. Обратимся вновь к современным реалиям. Итак, некая пара фигуристов, двукратные олимпийские чемпионы, четырёхкратные чемпионы мира, заканчивает карьеру в любительском спорте. Их с распростёртыми объятиями ждут профессиональные шоу, предлагая миллионные контракты. Сейчас это совершенно обычный путь — любительский спорт, а затем профессиональная карьера. Но в СССР всё было иначе. О том, чтобы легально выступать за рубежом, не было и речи. С большим трудом и только благодаря протекции министра культуры Екатерины Фурцевой Людмиле и Олегу удалось устроиться в Ленинградский балет на льду. Но работа была не в радость. И дело не только в зарплате, совершенно несоизмеримой с теми деньгами, которые они могли заработать за границей. Им постоянно давали понять, что они лишние, что им пора на пенсию. Постановки Олега Протопопова называли «бредом сумасшедшего». И тогда они решились на отчаянный шаг — бежать за границу. В Швейцарии фигуристы получили то, что хотели, — возможность за нормальную оплату воплощать свои замыслы. А на родине... В СССР издавались многочисленные книги и справочники, посвящённые достижениям советских олимпийцев, но фамилий Белоусова и Протопопов в них не было. Людей, в своё время бывших символами той эпохи, старались попросту вычеркнуть из истории.

В фигурном катании началось десятилетие Ирины Родниной. С 1969 по 1980 год она, вначале с Алексеем Улановым, а затем с Александром Зайцевым, не проиграла ни одного соревнования, в котором принимала участие. Победы, аплодисменты, награды... Внешне всё в жизни Ирины Родниной выглядело идеально. Но это была только одна сторона успеха. Её оставил партнёр (эта новость интересовала советских людей гораздо больше, чем международная обстановка или какой-нибудь очередной съезд партии), её преследовали травмы и семейные неурядицы, но она не сдавалась и продолжала выигрывать. И мало кто знал, какими душевными муками давалась маленькой хрупкой женщине эта стойкость.

70-80-е — годы расцвета советского фигурного катания. В соревнованиях спортивных пар отечественным фигуристам не было равных. Среди танцоров доминировала пара Людмила Пахомова и Александр Горшков. Успехи советских мастеров фигурного катания совпали с началом показа соревнований фигуристов по телевидению. Эти трансляции по популярности не уступали культовым сериалам типа «Семнадцать мгновений весны» или «Место встречи изменить нельзя». Это спровоцировало настоящий бум фигурного катания в СССР. Едва ли не все родители

непрерывно хотели, чтобы их чада стали знаменитыми фигуристами. По всей стране открывались сотни и тысячи новых школ и секций фигурного катания.

Последней зимней Олимпиадой, на которой спортсмены из бывшего СССР выступали в одной команде, стали XIV Игры 1992 года во французском Альбервилле. Правда, называлась та команда уже не сборной СССР, а объединённой командой СНГ и выступала под олимпийским флагом (сборные Литвы, Латвии и Эстонии выступали отдельно и уже как независимые государства). И что в каком-то смысле символично, эта олимпиада стала едва ли не самой удачной для наших (тогда они все ещё были «нашими») фигуристов. Три золотых медали из четырёх. Наталья Мишкунёнок и Артур Дмитриев выиграли соревнования спортивных пар, Марина Климова — Сергей Пономаренко стали победителями среди танцоров, а Виктор Петренко — чемпионом в одиночном мужском катании.

Если рассуждать формально, то после Олимпиады в Альбервилле такое понятие, как «советская школа фигурного катания», перестало существовать. Но, как показала XX зимняя Олимпиада в Турине, и по сей день в подготовке подавляющего большинства сильных фигуристов мира принимают участие тренеры и хореографы, начинавшие свой путь ещё при Советском Союзе. Так что советской школы, может быть, уже действительно нет, но традиции, к счастью, остались и продолжают служить прекрасному виду спорта — фигурному катанию...

Первый спутник

«Эпоха самоуверенности завершилась» («Вашингтон пост»). «Когда мы узнали о запуске русскими искусственного спутника Земли, мы пришли в шоковое состояние и в течение недели не могли ни принимать решения, ни разговаривать друг с другом» (Джон Фицджералд Кеннеди). «Мы не ждали советского спутника, и поэтому он произвёл на Америку Эйзенхауэра впечатление нового технического Пёрл-Харбора» (журнал «Форчун»).

Америка не могла понять, как же это произошло, как их великая страна могла проиграть эту гонку. На самом деле это было даже хуже, чем Пёрл-Харбор. Тогда, в 41-м, появление японских самолётов в ясном гавайском небе действительно было неожиданностью. А здесь...

Америка не то чтобы «не ждала». На конгрессе Международной астронавтической федерации в Копенгагене президент Академии наук СССР А. Н. Несмеянов сообщил: теоретически задача вывода спутника на орбиту решена. В СССР никто особенно не скрывал, что готовится запуск первого спутника. За неделю до этого события журнал «Радио», например, опубликовал частоты, на которых будет работать передатчик спутника. Так что какое уж тут «не ждали»... Но Америка просто не верила, не могла поверить, что русские, эти «медведи с балалайками», могут опередить их в космосе. А когда это свершилось, комок собственного личного проигрыша подступил к горлу каждого американца. А для советских людей маленький «шарик» с зеркальной поверхностью стал символом победы, самой важной после великой Победы в 45-м...

Первый раз это чувство Америка испытала в августе 57-го. В первое послевоенное десятилетие баланс сил был явно не в пользу Советского Союза. США, главный противник, буквально обложил со всех сторон своими базами территорию СССР, американские самолёты могли сбросить атомные заряды практически в любой точке территории вероятного противника. А надо сказать, в те годы понятие «вероятный противник» не было какой-то абстракцией, наоборот, всё было очень серьёзно и очень вероятно. Между тем сами американцы могли спать спокойно — Америка была практически неуязвима. Единственным способом для Советского Союза восстановить паритет было создание межконтинентальной баллистической ракеты. 20 мая 1954 года было принято совместное постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР о создании советской баллистической ракеты. Эту работу поручили знаменитому ЦКБ-1 во главе с Сергеем Павловичем Королёвым. Тогда главным было создать «длинную руку», с помощью которой можно было достать Америку. Космос же в тот момент был на втором плане. Но только не для людей, которые видели гораздо дальше, чем сиюминутная проблема.

Ещё в 1948 году Михаил Клавдиевич Тихонравов, научный сотрудник одного из оборонных институтов, на сессии Академии артиллерийских наук прочёл доклад по итогам своих расчётов искусственного спутника Земли (ИСЗ). Для учёного это было скорее увлечением, чем научной работой, ведь институт, в котором он работал, занимался совсем другими, более серьёзными проблемами. И потому отношение коллег было соответствующим. Конечно, учёные мужи не позволяли себе откровенно насмеяться над причудами коллеги, но никто доклад Тихонравова не воспринял всерьёз. Кроме одного человека. «Нам надо серьёзно поговорить», — сказал он Тихонравову. Звали этого человека Сергей Королёв.

В процессе работы над баллистической ракетой Королёв осознал, что эта ракета может не только нести ядерную боеголовку, но и вывести на орбиту искусственный спутник. В мае 1954 года в докладе, отправленном в Совет министров СССР, Сергей Павлович писал: «Проводящаяся в настоящее время разработка нового изделия с конечной скоростью около 7000 метров в секунду позволяет говорить о возможности создания в ближайшие годы искусственного спутника Земли». Работа пошла одновременно по двум направлениям.

Ракетную технику надо где-то запускать. 12 февраля 1955 года вышло постановление «о создании научно-исследовательского испытательного полигона». Для расположения будущего космодрома было предложено три варианта — на Северном Кавказе, на Дальнем Востоке и в Казахстане. В итоге было выбрано место в излучине реки Сырдарья, между двумя райцентрами Кзыл-Ординской области — Казалинским и Джусалами, около разъезда Тюратам. За два с небольшим года на пустом месте был построен крупнейший в мире космодром, занимающий площадь 6700 квадратных километров. А как же знаменитый на весь мир Байконур, может спросить читатель? На самом деле посёлок Бойконур (или, на русский манер, Байконур), лежащий на северных отрогах хребта Алатау, отношение к космосу имеет весьма косвенное. Из соображений секретности космодрому дали имя далёкого посёлка, где к тому же возвели деревянный «космодром», который должен был запутать американцев и прочих «супостатов». Американцы, правда, прекрасно знали, где находится настоящий космодром. Но советские СМИ всё равно упорно называли местом запуска Байконур...

Спутник назвали ПС-1 — Простейший Спутник первый. Однажды на совещании один из заместителей назвал спутник не ПС, а СП. Сергей Павлович моментально отреагировал: «Вы ошибаетесь: СП — это я (так за глаза подчинённые называли главного конструктора. — Авт.), а спутник — ПС!». В январе 1957 года ЦКБ-1 докладывает о подготовке первого спутника, а 25 января

Королёв подписывает исходные данные по спутнику. Но РС ещё не на чем вывести на орбиту. Первый старт межконтинентальной ракеты Р-7 был назначен на март 57-го. Из-за трудностей в доводке ракеты старт отложили на два месяца. 15 мая Р-7 ушла в небо. Однако цели ракета не достигла, развалившись от перегрузок. И только в августе, после напряжённых месяцев работы сотен людей в жаркой казахской степи, все ошибки и неполадки были устранены. 21-го числа состоялся первый успешный старт ракеты Р-7.

С неуязвимостью Америки было покончено. Правда, позже стало ясно, что ракеты Р-7 были безумно дороги — для того чтобы построить достаточное их количество, и без того не слишком эффективная плановая экономика страны должна была работать на полный износ. Так что эффект был скорее психологический, чем практический. Уже через десять лет Р-7 была снята с вооружения ракетных войск СССР и заменена более совершенными комплексами. Но именно Р-7 было суждено вывести на орбиту первый искусственный спутник Земли.

2 октября 1957 года был подписан приказ о лётных испытаниях РС. На следующий день ракету Р-7 вывезли на стартовую площадку. «Если у кого-то есть хотя бы малейшие сомнения, давайте остановим испытания и доработаем спутник, — говорил Королёв на совещании своим подчинённым. — Время ещё есть, нас никто не торопит». Однако причин для задержки не было. 4 октября в 19 часов 28 минут (22:28 по московскому времени) ракета Р-7, несущая на борту шар диаметром 58 сантиметров и массой 83,6 килограмма, разорвав тишину казахской степи рёвом двигателей, плавно ушла в небо.

Спутник отделился от второй ступени ракеты-носителя на 315-й секунде после старта и был выведен на орбиту со следующими параметрами: наклон орбиты — 65,1 градуса; период обращения — 96,17 минуты; минимальное расстояние от поверхности Земли (в перигее) — 228 километров; максимальное расстояние от поверхности Земли (в апогее) — 947 километров. Всё шло по плану, всё параметры были в норме. В автофургоне, стоящем в 800 метрах от места старта, была оборудована радиостанция, которая должна была принять радиосигнал со спутника. И наконец из приёмников послышалось: «бип-бип-бип». В фургоне, куда набилась масса людей, раздалось громогласное «Ура!». Председатель Госкомиссии Рябиков для страховки решил дождаться второго витка, а затем уже позвонил в Кремль.

Естественно, что известие о запуске спутника на следующий день стало новостью № 1 для всего мира. Восторг был всеобщим, вся планета чувствовала свою сопричастность к этому событию, к этому первому космическому ребёнку Земли, выведенному в бескрайние просторы Вселенной.

РС-1 пробыл в космосе 92 дня, совершив 1440 оборотов вокруг Земли, и ещё находился на орбите, когда был запущен второй советский ИСЗ, весом уже более полутонны. На его борту находилось живое существо, собака Лайка. Затем был третий спутник, четвёртый, межпланетная станция «Луна», первый космический корабль с собаками Белкой и Стрелкой, которые, побывав в космосе, благополучно вернулись на Землю. А потом полетели Гагарин, Титов, Николаев, Терешкова... Человечество с каждым днём всё увереннее осваивало космос, только в Советском Союзе было осуществлено более 2500 космических запусков. Что будет дальше? Когда-нибудь межпланетные и межгалактические полёты станут реальностью, вполне обыденным делом. И всегда люди будут помнить о маленьком блестящем шарике, издававшем радостное «бип-бип» на космической орбите. Ведь он открыл космическую эру, он был первым...

12.04.1961

Однажды знаменитого диктора Гостелерадио Юрия Левитана спросили: «Какие события в своей дикторской работе вам запомнились больше всего?». «9 Мая 1945 года — День Победы и 12 апреля 1961 года — день полёта Юрия Гагарина в космос, — без раздумий ответил Юрий Борисович. — 9 Мая — понятно почему: мы долго ждали завершения Великой Отечественной войны. А вот полёта человека в космос ждали и не ждали. Нам казалось, что он будет возможным через два-три года. И вдруг!..». А точнее ведь и не скажешь. Май 45-го и апрель 61-го... Две великих Победы. Победа над страшным врагом и Победа над силой притяжения, удерживавшей человека на Земле... Те, кому довелось пережить оба этих события, вспоминали, что никогда более в своей жизни не испытывали такого душевного подъёма. Гордость, чувство чего-то сверхважного и сверхисторического — вот что такое апрель 1961-го. Гордость не только за страну, за того парня с потрясающе-волшебной улыбкой, но и за себя. Ведь я живу в этой стране, я работаю для этой страны, значит, в этом космическом прорыве есть и мой вклад, моя, пускай микроскопически малая, но всё-таки личная толика...

День 12 апреля 1961 года начался в 9 часов 7 минут по московскому времени. Нет, обычные сутки начались, как и положено, в полночь, в 00 часов 00 минут. Но день исторический, день космический, день, ознаменовавший собой начало новой эры в жизни человечества, начался утром в 9 часов 7 минут. Именно в этот момент с космодрома «Байконур» стартовала ракета-носитель с космическим кораблём «Восток». На борту космического корабля находился лётчик Юрий Алексеевич Гагарин. Позади остались долгие годы подготовки, дни, сжатые в один миг для достижения цели, и бессонные ночи, первые запуски баллистических ракет, полёт первого спутника, успешное возвращение из космоса живых существ, собак Белки и Стрелки, заседание Госкомиссии, где прозвучали две фамилии: Гагарин — основной пилот, Титов — запасной. А впереди были знаменитое гагаринское «Поехали!», 108 минут полёта, 108 минут бессмертия, потрясших весь мир...

Почему же именно этот день стал символом эпохи? Дату полёта Гагарина во многом определили «американе» (так Сергей Павлович Королёв называл заокеанских противников по космической гонке). Королёву нужно было спешить. Американцы якобы готовили первый полёт на 20-е числа апреля 1961 года. Фактически это был бы обычный полёт, только на очень большой высоте. Пилот должен перелететь Атлантический океан по баллистической траектории. Но 15 минут этот полёт проходил бы в условиях невесомости, и значит... Значит, его можно было бы назвать космическим. И тогда американцы отыгрались бы за первый спутник. А этого допустить было нельзя. Для запуска «Востока» были определены сроки между 11 и 17 апреля 1961 года. К двенадцатому числу всё было готово...

О том, что человек скоро покорит космос, догадывались в то время многие. Как вспоминал известный журналист и писатель Ярослав Голованов: «В самых доверительных журналистских кругах даже произносились сверхсекретные фамилии: Гагарин, Титов, Попович...». Но чувство от первого полёта было сродни ожиданию рождения ребёнка: девять месяцев ждёшь-ждёшь, в конце срока понимаешь, что со дня на день это должно произойти, а когда ребёнок рождается, не можешь поверить, что это всё-таки случилось. Так и в случае с Гагариным — ждали, знали, что будут первыми, но поверить не могли...

В 10 часов 02 минуты по советскому радио прозвучало первое сообщение. Юрий Левитан, которого срочно вызвали в студию, включил микрофон: «Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза!..». «Читая текст, я старался быть спокойным, но слёзы радости застилали глаза. Так было и 9 мая, когда я читал „Акт о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии“», — вспоминал Юрий Левитан.

Был ли риск? Конечно же, был. Ещё до полёта в ТАСС заготовили три варианта сообщения о первом полёте человека в космос. Первое — торжественное, об успешном полёте. Второе — на тот случай, если корабль не выйдет на орбиту и упадёт где-нибудь в отдалённых районах. В этом сообщении содержалось обращение советского правительства к правительствам других стран с просьбой помочь в поиске космонавта. И наконец, третье — о трагической гибели первого космонавта. А сам первый космонавт за два дня до старта написал письмо жене и детям. Он попросил Королёва передать это письмо семье, если с ним что-то случится. «...В технику я верю полностью, — писал Гагарин, — она подвести не должна. Но бывает ведь, что на ровном месте человек падает и ломает себе шею. Здесь тоже может что-нибудь случиться. Но сам я пока в это не верю. Ну а если что случится, то прошу вас и в первую очередь тебя, Валюша, не убиваться с горя». К счастью, это письмо в том апреле вскрыто не было. К сожалению, оно было вскрыто в марте 1968-го, когда Гагарина не стало...

После того как «Восток» совершил виток вокруг Земли, в 10:25 включилась тормозная двигательная система, после чего корабль стал тормозиться и начал спускаться к Земле. Посадить космический корабль планировалось в 110 километрах от Волгограда. Однако разделение спускаемого аппарата и приборного отсека произошло на 10 минут позже, из-за чего Гагарин приземлился не там, где его

ожидали. В 10:48 на локаторах базы стратегических бомбардировщиков, располагавшейся в Саратовской области неподалёку от города Энгельс, была зафиксирована новая цель. Это был спускаемый аппарат с Гагариным на борту. На высоте 7 км космонавт катапультировался. В 10:55 спускаемый аппарат упал возле деревни Смеловка, а через 5 минут в двух километрах от этого места на колхозное поле приземлился Гагарин. Первыми людьми, которые встретили Гагарина после возвращения на Землю, оказались жена лесника Анна Акимовна Тахтарова и её внучка Рита. Могли ли они предполагать, что войдут в историю, и вообще, понимали ли они, кто перед ними и где только что побывал этот человек? Наверное, нет. Но так сложилось — космос, ракета, Гагарин, спускаемый аппарат приземляется не там, где надо, — и о жене лесника и её шестилетней внучке узнаёт вся планета.

Через несколько минут к Гагарину подъехали местные механизаторы, а затем командир и замполит расположенного неподалёку дивизиона ракетных войск. В 11:15 первый космонавт оказался на территории дивизиона, откуда доложил в штаб дивизии: «Прошу передать главкому ВВС: задачу выполнил, приземлился в заданном районе, чувствую себя хорошо, ушибов и поломок нет. Гагарин».

В 11:50 на вертолёте Юрий Гагарин прилетел на территорию аэродрома города Энгельс. Примерно через полчаса на этот аэродром прибыла поисковая группа под командованием заместителя главкома ВВС генерал-лейтенанта Ф. А. Агальцова, а также несколько корреспондентов.

Между тем новость о полёте человека в космос с быстротой молнии разнеслась по всей стране. Даже те, кто не слышал сообщения по радио или телевидению, знали о том, кто такой Гагарин и что он совершил. Все разговоры были только об этом. Люди стояли у станков и кульманов, сидели за партами, страна училась и работала, но все мысли были только об одном: «Гагарин — в космосе! Наш, советский человек в космосе!». Повсюду возникали стихийные демонстрации, студенты и школьники старших классов рисовали самодельные плакаты вроде «Даёшь космос!» — и вперёд, на улицу...

Около двух часов дня 12 апреля была налажена связь между Энгельсом и Москвой. Гагарин лично доложил Хрущёву о полёте. Через полтора часа самолёт Ил-14 с Гагариным на борту вылетел из Энгельса и взял курс на Куйбышев. После приземления космонавта отвезли на обкомовскую дачу на берегу Волги, где он наконец-то смог принять душ и нормально поесть. Туда же прибыли члены Государственной комиссии во главе с Сергеем Королёвым и коллеги Гагарина по первому отряду космонавтов. В девять вечера все собрались за столом. Банкет был недолгим — сказывалась усталость насыщенного событиями дня, — но очень душевным. Около 11 вечера космонавты ушли отдыхать...

А новость о первом полёте понеслась по планете. Ещё в 1955 году саратовская комсомольская газета «Заря молодёжи» опубликовала снимок курсанта местного аэроклуба Юрия Гагарина. Он тогда был очень горд этим, послал газету своим родителям. А через несколько лет в мире не было ни одной газеты, которая бы не опубликовала портрет улыбающегося «Колумба космоса». Гагарина награждали всевозможными орденами и медалями, ему вручали золотые ключи от городов, называли детей и звёзды его именем, а либерийское племя кпелле избрало его почётным вождём, о чём торжественно известило собрание совета старейших племени...

Утром 13 апреля Гагарин более трёх часов отвечал на вопросы членов госкомиссии, рассказывал о своих космических впечатлениях. Затем были многочисленные интервью. Во второй половине дня Гагарин готовил рапорт Хрущёву, а вечером примерил новую майорскую форму — ещё во время его полёта вышел указ о присвоении ему звания майора.

14 апреля в 10:40 Гагарин вылетел в Москву. Как говорят в таких случаях, природа вместе с людьми радовалась возвращению Героя. В Москве стояла отличная погода — весна уже не робкая и застенчивая, а полностью заявившая о своих весенних правах. И соответствующим было настроение людей, встречавших Гагарина в столице. В аэропорту Внуково самолёт Ил-18 аккуратно вырулил по бетонной полосе и встал так, что дверь оказалась точно напротив красной ковровой дорожки. Стоявшие на поле аэродрома люди с нетерпением ждали, когда же откроется эта дверь. Казалось, что она не открывалась целую вечность, хотя на самом деле прошло всего пару секунд. Наконец дверь открылась, и в проёме появился человек в офицерской форме. Он бодро сбежал с трапа и зашагал к парадной трибуне...

Всё, что хоть как-то было связано с Гагариным, становилось знаменитым. Вот и этот шнурок, некстати развязавшийся и попавший в объектив кинокамер, моментально стал знаменитым. Когда Гагарин шёл по ковровой дорожке, шнурок предательски соскочил с крючков его офицерских ботинок. И все, кто был на аэродроме, видели этот шнурок, и казалось невероятным, что Гагарин, этот полубог может наступить на него и упасть. Но всё прошло благополучно, первый космонавт дошёл до трибуны и отчеканил рапорт. В этот момент пожилой человек с любительской кинокамерой буквально растолкал строй почётного караула и стал снимать Гагарина почти в упор. Это был знаменитый авиаконструктор Андрей Николаевич Туполев. Никто не решился его остановить. Так же как никто не посмел остановить безвестного человека; выбежавшего с цветами

к машине с Гагариным и Хрущёвым, когда кортеж проезжал по запруженной людьми Москве. Охрана должна быть всегда начеку и действовать решительно, однако ни у кого и в мыслях не было, что в этом букетике цветов может быть спрятано что-то, что может нанести вред первому космонавту.

Как вспоминал позже Гагарин, происходившее тогда было для него покрыто какой-то дымкой: толпы людей с цветами и флагами, трибуна на Красной площади, вручение Золотой Звезды Героя, торжественный приём в Кремле. И только в особняке на Ленинских горах, куда его отвезли вместе женой Валентиной, он немного пришёл в себя и понял, что всё что с ним происходило, было наяву, а не во сне...

Некоторое время космические полёты воспринимались как чудо — второй космонавт, третий, космонавт в открытом космосе, женщина в космосе. Затем полёты стали если и не обыденностью, то делом вполне привычным. Когда-нибудь космические путешествия станут привычными не только для специально подготовленных людей, но и для любого человека. И всё равно тот день, 12 апреля 1961 года, останется днём великого чуда — первого полёта человека в космос...

В 1956 году британские и французские специалисты начали работу над проектом сверхзвукового пассажирского самолёта «Конкорд» («Согласие»). Ещё с десятков лет назад сверхзвук был доступен только экспериментальным самолётам, стоившим огромных денег. А «Конкорд» должен был быть не просто быстрым, но безопасным, комфортным и приносить прибыль своим хозяевам.

«Догнать и перегнать» — в соперничестве с Западом Никита Сергеевич Хрущёв не признавал компромиссов. Узнав о проекте «Конкорд», генсек захотел иметь такую же «игрушку». «Мы должны сделать свой советский сверхзвуковик, при этом летать он должен быстрее „Конкорда“», — заявил Хрущёв Андрею Николаевичу Туполеву, которому была поручена работа по созданию советского аналога «Конкорда». Туполев разбирался в самолётах гораздо лучше, чем советский лидер, и попытался возразить, что такая машина будет дорогой и невероятно прожорливой. Но такие «мелочи» Никиту Сергеевича не волновали. Он хотел утереть нос капиталистам и в борьбе за космос, и в сражении за пассажирский сверхзвук. «Нашли что жалеть, — ответил Хрущёв. — Керосина у нас хватит».

Несколько лет работа над сверхзвуковыми машинами и на Западе, и в СССР велась на уровне моделей и уменьшенных макетов. Слишком уж дерзкой казалась сама идея перелётов со скоростью звука. Но в начале 60-х «большая сверхзвуковая гонка» набрала ход. 29 ноября 1962 года представителями Соединённого Королевства и Франции подписывается межправительственное соглашение. А в июле следующего года выходит совместное постановление ЦК КПСС и Совета министров «О создании ОКБ Туполева сверхзвукового пассажирского самолёта Ту-144». Были окончательно определены основные характеристики лайнеров: скорость примерно в два раза больше скорости звука (у «Конкорда» — 2300–2400 км/ч, у «Ту» — 2500–2700 км/м), вместительность — 100–120 пассажиров, дальность полёта — 6000–6500 км. Кстати, в это же время над проектом пассажирского сверхзвукового лайнера работали и за океаном. Американцы замахнулись на большее, чем их коллеги из Европы и СССР. Специалистам из «Боинга» и «Локхида» виделся лайнер, способный со скоростью, в три раза большей скорости звука, перевозить до 300 человек. Но эти планы дальних испытательных моделей не пошли.

Работу над проектом Ту-144 КБ Туполева начинали не на пустом месте. Предложения по сверхзвуковому гражданскому лайнеру базировались на проектах дальних бомбардировщиков: самолётов семейства Ту-22 и стратегического ударного самолёта проекта «135». Это был, пожалуй, единственный случай в истории советской авиации, когда гражданскому самолёту уделялось больше внимания, чем военным разработкам. На Ту-144 не жалели ни сил, ни средств, к работе над проектом лайнера были привлечены специалисты со всего Союза. Всё было подчинено главной задаче: Ту-144 должен был взлететь в небо раньше «Конкорда». Кстати, отставка Никиты Хрущёва, последовавшая осенью 1964 года, приоритетов не изменила.

Постройка первого экземпляра Ту-144 (серии «044») началась в 1965 году, одновременно в цехах московского завода «Опыт» строился второй самолёт, предназначенный для наземных статических испытаний. Через два года была закончена сборка основных элементов Ту-144, а к концу 1968 года самолёт с бортовым номером 68 001 был полностью готов к первому полёту. Те, кто впервые видел этот самолёт, не мог поверить, что его задача — перевозить пассажиров, настолько Ту-144 не был похож на крутобокие дозвуковые лайнеры. Тонкий, удлинённый в носовой и хвостовой частях фюзеляж, тонкие треугольные крылья, опускающаяся остеклённая носовая часть фюзеляжа перед пилотской кабиной, предоставляющая лучший обзор при взлёте и посадке. Да и внутренняя начинка Ту-144 была самой передовой на то время. Новая система автопилотирования и мощный бортовой компьютер обеспечивали надёжную ориентацию самолёта в воздушном пространстве. На экране, расположенном на приборной доске, пилоты могли постоянно видеть координаты самолёта. Специальное устройство обеспечивало автоматический заход на посадку при любых погодных условиях. Всё это делало Ту-144 эталоном для подражания не только в отечественном, но и в мировом авиастроении. И конечно же, скорость в два раза выше скорости звука. Всё было бы прекрасно, казалось, что Ту-144 должен был стать флагманом и гордостью советской авиации. И так бы и случилось, если бы не одно «но». Однако об этом чуть позже.

В течение декабря 1968 года проводились последние наземные проверки двигателей и систем Ту-144. Начиная с 20 декабря борт № 68 001 и экипаж в составе командира корабля — заслуженного лётчика-испытателя Э. В. Еяна, второго пилота — заслуженного лётчика-испытателя Героя Советского Союза М. В. Козлова, ведущего инженера-испытателя В. Н. Бендерова и бортинженера Ю. Т. Селивёрстова были готовы к первому полёту. Но ухудшившаяся погода не давала возможности поднять самолёт в воздух. И только в последний день уходящего года Ту-144 совершил свой первый полёт, продолжавшийся 38 минут. В вышедших после Нового, 1969 года газетах было напечатано фото Ту-144 и официальное сообщение. «Впервые в мире 31 декабря 1968 г. в Советском Союзе совершил полёт сверхзвуковой пассажирский самолёт Ту-144. Этот полёт является новым достижением советской науки и техники». Действительно, это был лучший новогодний подарок руководству страны. «Капиталистов», как и в случае с первым спутником и полётом Гагарина, опять оставили позади. «Конкорд» поднялся в воздух из аэропорта Тулузы только 2 марта 1969 года.

Конечно, авральные темпы и новизна конструкции не могли не сказаться на качестве самолёта. В полёте наблюдалась повышенная вибрация, чрезмерно нагревалась задняя часть фюзеляжа. И самое главное, самолёт был невероятно прожорлив, особенно на сверхзвуковых скоростях. Дальность полёта в сверхзвуковом режиме составляла всего 2900 км, что было значительно меньше планируемой дальности. Тем не менее, первый Ту-144 успешно выполнил испытательную программу, совершив около 150 полётов. Машина не раз вылетала за рубеж, неизменно производя фурор на международных авиасалонах. В 1971 году на самом престижном в мире авиации салоне, проходящем в пригороде Парижа Ле-Бурже, Ту-144 посетил президент Франции Жорж Помпиду. Специалисты отмечали, что советский лайнер имеет некоторые преимущества по сравнению с «Конкордом», прежде всего меньший шум и отсутствие дымного следа от двигателей. К сожалению, следующий визит Ту-144 в Ле-Бурже закончился трагически...

В 1969 году на заводе «Опыт» началось строительство модернизированного самолёта Ту-144 (так называемой «предсерийной серии 004»), 1 июня 1971 года самолёт с бортовым номером 77 101 совершил первый полёт. Главным отличием этой машины были новые двигатели, была увеличена вместимость салона (до 150 пассажиров), несколько изменена форма крыла, внесены некоторые другие изменения. По решению правительства серийное производство Ту-144 должно было развернуться на Воронежском авиационном заводе. 20 марта 1972 года в небо взлетел первый серийный Ту-144 (борт № 77 102), собранный в Воронеже.

В первые дни лета 1973 года борт № 77 102 вылетел во Францию на очередной салон в Ле-Бурже. 2 июня Ту-144 совершил первый демонстрационный полёт. Здесь же, в Ле-Бурже, был и конкурент «Ту» — «Конкорд». Соперничество продолжалось. 2 июня «Конкорд», пилотируемый французским экипажем, продемонстрировал публике «истребительный» манёвр, пройдя над взлётно-посадочной полосой, а затем, не касаясь земли, снова взмыв в небо. Руководители советской делегации и лётчики решили не отставать от французов и повторить этот манёвр — если такое может сделать «Конкорд», значит, должен повторить и «Ту».

Борт № 77 102 взлетел 3 июня в 15 часов 19 минут. Выполнив ряд манёвров, Ту-144 на скорости 190 км/ч на малой высоте прошёл, как и было запланировано, над взлётно-посадочной полосой. Экипаж включил форсаж, и самолёт резко ушёл вверх. «Ту» набрал высоту примерно 1200 метров, а затем неожиданно сорвался в неуправляемое пики. Перегрузки достигли критической отметки, и на высоте 700 метров самолёт начал разрушаться в воздухе. Всё это происходило на глазах 350 тысяч зрителей, собравшихся в тот день на лётном поле. Обломки «Ту» упали на окраину городка Гуссенвиль. 6 членов экипажа и 8 жителей Гуссенвиля погибли.

Сразу же началось расследование катастрофы, которое, согласно международным правилам, производила французская сторона. Заключение комиссии носило весьма обтекаемый характер. Было установлено, что отказов технической части самолёта не было. Катастрофа могла произойти из-за стечения ряда случайных факторов, а именно: внезапное появление истребителя французских ВВС «Мираж», который летел тем же курсом несколько выше «Ту» и должен был сфотографировать сверху советский лайнер, присутствие в кабине непристёгнутых членов экипажа, возможное наличие в руках у одного из лётчиков кинокамеры (эту камеру попросили взять в полёт журналисты телеканала RTF), которая могла при падении заклинить штурвал. В целом же, как отмечалось в заключении, комиссия не смогла однозначно определить причины падения Ту-144. Как считают некоторые специалисты, у французов был свой резон не привлекать повышенного внимания к произошедшему в небе над Гуссенвилем. Причина эта называлась «Конкорд». Ведь подозрения в надёжности советского «Ту» могли бросить тень и на любимое детище французских и британских авиастроителей.

Надо сказать, начало пути в небо конкурента Ту-144 тоже не было гладким. «Конкорд», как и советский сверхзвуковик, не отличался экономичностью, производимый им шум при переходе на сверхзвуковой режим был подобен артиллерийскому залпу, из-за чего «Конкорду» долго не давали разрешения на полёты в США. И всё-таки «Конкорд», пусть и с опозданием, но начал выполнять свою основную задачу — перевозить пассажиров со сверхзвуковой скоростью из европейских столиц в Нью-Йорк и Вашингтон. А Ту-144 долгое время так и оставался, по сути дела, испытательной лабораторией. Самолёт летал из Москвы во все концы страны: в Баку, Ташкент, Алма-Ату, Новосибирск, Хабаровск. Но всё это были пробные полёты. А «Конкорд» между тем совершал регулярные коммерческие рейсы. Дабы не уронить престиж страны и отечественного авиастроения, нужно было, чтобы Ту-144 как можно быстрее «встал на крыло», то есть начал перевозить пассажиров. В 1977 году было принято решение о начале пассажирских перевозок на Ту-144 по маршруту Москва — Алма-Ата. Начиная с 1 ноября 1977 года каждый вторник в 8:20 утра красавец-лайнер с пассажирами на борту взлетал с аэродрома Домодедово.

23 мая 1978 года Ту-144 отправился в очередной рейс в Алма-Ату. Полёт прошёл нормально, в назначенное время лайнер приземлился в аэропорту казахской столицы. Но в этот же день модернизированный самолёт Ту-144Д вылетел в испытательный полёт в Хабаровск. Этот самолёт совершил вынужденную посадку в Московской области, возле села с печально символическим названием Ильинский Погост. Посадка была очень жёсткой, в результате погибли два

бортинженера, а самолёт, вспыхнув от вытекшего топлива, сгорел.

На тот момент Ту-144 выполнили 55 рейсов, перевезя 3284 пассажира. Следующий рейс сверхзвукового лайнера в Алма-Ату должен был состояться 30 мая. Но в последний момент полёт отменили, был введён временный запрет на пассажирские рейсы Ту-144. Больше первый в мире сверхзвуковой пассажирский самолёт не перевёз ни одного пассажира. Официальной причиной свёртывания пассажирской программы Ту-144 были большие эксплуатационные расходы. Действительно, расход топлива в пересчёте на одного пассажира был в два раза больше, чем у Ил-62, отнюдь не самого экономичного самолёта. Но некоторые специалисты считали, что Ту-144 можно было дать ещё один шанс. В это время велись работы по созданию новых двигателей, которые могли бы обеспечить сверхзвуковому лайнеру приемлемый расход топлива. Однако произошедшая так не вовремя катастрофа под Москвой (если, конечно, катастрофы вообще могут происходить вовремя) поставила крест на Ту-144. Такова уж судьба первопроходцев, которым очень часто так и не удаётся дойти до конца пути...

Останкинская телебашня

«Ну что, товарищи, воткнём капиталистам нашу иголочку?» — Никита Сергеевич Хрущёв, приехавший 1 июля 1964 года на строительство Останкинской телебашни, был чрезвычайно доволен. Ещё бы, такой проект, самое высокое строение в мире (только в 1975 году Останкинскую телебашню «обогнала» башня в Торонто высотой 555 метров), американцы и прочие капиталисты просто лопнут от зависти. Никита Сергеевич всегда хотел «догнать и перегнать Америку». Далеко не во всём это получалось, но Останкинская «иголочка» действительно была самым передовым сооружением того времени. Правда, самого Никиту Сергеевича, казалось бы, «непотопляемого» генсека, через три месяца сняли со всех постов. Были сомневающиеся и в прочности Останкинской телебашни. Когда строительство было завершено, кто-то из журналистов спросил Николая Васильевича Никитина, автора проекта самого высокого на тот момент несущего сооружения в мире: «Вы уверены в прочности вашей башни? Сколько она простоит?». — «Триста лет», — не раздумывая, ответил архитектор. «Но этого не может быть!». — «Приходите через триста лет и убедитесь», — пожал плечами неизменно серьёзный Никитин и продолжил: «Я не хвастун, не честолюбец, но, ей-богу, хорошо при жизни увидеть эту постройку. Вы поднимались наверх? Нет? Советую. Я сам бываю там, как на празднике».

1 октября 1931 года из Московского радиовещательного технического узла (МРТУ), расположенного на Никольской улице недалеко от Красной площади, начались регулярные опытные передачи механического телевидения в европейском стандарте (30 строк, 12,5 кадров в секунду). Этот день считается официальной датой рождения отечественного телевидения. Через пять лет на улице Шаболовка, 53 было начато строительство Московского телевизионного центра (МТЦ). Строительство центра велось рядом со знаменитой шуховской башней, на которой было решено установить передающую телевизионную антенну. 9 марта 1938 года в эфир вышла первая пробная передача, 25 марта был показан первый кинофильм «Великий гражданин». Через год МТЦ начал регулярную работу.

Сигнал с шуховской башни обеспечивал уверенный приём телепрограмм практически во всех районах Москвы и Московской области, однако в масштабах страны его мощность была явно недостаточной. И поэтому в 1953 году группа специалистов (С. В. Новаковский, Ф. И. Большаков, Н. А. Скачко) обратилась с предложением к председателю Всесоюзного радиокомитета (ВРК) А. А. Пузину с предложением построить в Москве многопрограммный телецентр. По замыслу телевизионщиков, новый центр должен был располагать 15–20 студиями, оборудованными аппаратными для записи телефильмов и, самое главное, передающей станцией на 15 каналов с башней-антенной высотой 500 метров для уверенного приёма передач вне пределов Москвы. А. А. Пузин проект «Фабрики телевизионных программ», как называли этот телецентр, одобрил и представил на рассмотрение Н. С. Хрущёву. После утверждения и согласования в верхах Совет министров СССР 15 июля 1955 года издал постановление «О строительстве нового телепередающего центра».

Весьма сложной задачей оказалось определение удачного места для нового телецентра. Проект ведь уникальный, и нужно учитывать множество факторов — состав почв, близость к жилым домам, рельеф местности для уверенной передачи сигнала, а кроме того, полукилометровая высота башни требовала согласования с авиационными службами. Сначала Моссовет в январе 1956 года утвердил для строительства участок земли в районе Черёмушек. Провели некоторые планировочные работы, однако состав грунта явно не подходил для такого массивного сооружения. Строители присматривали участки около Берсеневской набережной, затем в районе Кропоткинской улицы и Калужской заставы. В конце концов подходящий участок был найден на территории Останкинского питомника Управления благоустройства города Москвы.

Времена были ударные — если уж браться за такое грандиозное дело, так уж всей страной. Был объявлен всесоюзный конкурс на лучший проект телебашни. Победителем была объявлена группа киевских архитекторов, предложивших ажурную металлическую конструкцию, напоминавшую знаменитую парижскую Эйфелеву башню. И вроде бы всё ясно: раз проект признан лучшим, значит, он и должен быть воплощён в жизнь. Но... «В мире не удалось создать красивого архитектурного сооружения из металлических уголков, — вспоминал главный инженер Останкинской башни В. А. Орешников. — Башня Эйфеля в Париже — в этом смысле единственный, непревзойдённый экземпляр, который неоднократно пытались повторить, но безуспешно». Не лежала душа у архитекторов к киевскому проекту, не хотелось им строить в Москве копию Эйфелевой башни, разве что более высокую. Но ведь строить-то что-то надо. Ситуация сложилась тупиковая...

Среди членов конкурсной комиссии Останкинской телебашни был и Николай Васильевич Никитин, крупный специалист в области железобетонных и металлических строительных конструкций, лауреат Государственной премии СССР. И такой серьёзный человек вдруг предложил совершенно несерьёзную, как многим казалось, вещь: построить башню из бетона. В понимании обычного человека, далёкого от строительной науки, бетон — это символ прочности, сам Бог велел строить из него такие здания, как Останкинский телецентр. Но на самом деле специалисты знают, что бетон,

по сути своей, материал достаточно хрупкий. И потому-то Никитину и его коллегам пришлось доказывать, проводя бесчисленное количество экспериментов, что бетон вполне пригоден для такого высотного сооружения.

Конструктивно башня по проекту Н. В. Никитина состояла из трёх частей: фундамента, железобетонной конусообразной части с развитым основанием и стальной трубчатой опоры для антенны. Основная часть сооружения высотой 385 метров строилась из отдельных блоков, поставленных друг на друга и находящихся в напряжённом режиме, создаваемом натяжением 149 стальных канатов. Эти тросы удерживали бетон от появления трещин и придавали конструкции необходимую прочность.

Строительство Останкинской башни началось в 1960 году весьма странным образом: проект ещё не был окончательно утверждён, а строительные работы по закладке фундамента уже велись. Кроме использования в качестве основного материала бетона, сомнения у специалистов вызывали соотношение диаметра башни к её высоте (классическим для такого рода сооружений считается соотношение 1:14–16, у Останкинской башни — 1:26), а также глубина фундамента. Обычные высотные дома в то время строились на фундаменте с глубиной закладки семь метров, а Никитин для 500-метровой башни предложил всего лишь трёхметровое заглубление. Позиция скептиков возобладала, и весной 1961 года строительство было приостановлено: уж слишком смелым казался такой лёгкий фундамент. В результате технических согласований основание фундамента было увеличено на 2,25 метра в глубину и 1,5 метра в ширину. Окончательно проект Останкинской телебашни был утверждён 22 марта 1963 года, после чего и возобновилось прерванное строительство. В 1970 году Н. В. Никитин и его коллеги Б. А. Злобин, М. А. Шкуд, Д. И. Бурдин и Л. Н. Щипакин были награждены Ленинской премией в области науки и техники. Что любопытно, авторы проекта получили свою награду спустя три года после того, как Останкинская телебашня была сдана в эксплуатацию. Такой временной разрыв не случаен: несмотря на огромное количество положительных технических экспертиз и испытаний, скептики ещё долго сомневались в прочности «царь-башни»: «Выдержит — не выдержит, упадёт — не упадёт?». Многие москвичи год-два обходили башню за километр, а после каждого сильного урагана, не раз пронесившегося над Москвой, в Останкино раздавались звонки с одним и тем же вопросом: «Ну что, стоит?». — «Стоит, куда ж она денется?» — отвечали в телецентре. За всё время эксплуатации Останкинской башни максимальное отклонение от оси в верхней точке достигало всего пяти метров, при этом по расчётам специалистов при отклонении на 14 метров конструкция всё равно сохраняет двукратный запас прочности. Время показало, что конструкция Николая Никитина способна выдержать самые серьёзные испытания.

В те годы строительство крупных (и не очень) объектов обычно завершали к какому-нибудь празднику. Не стал исключением и Аппаратно-студийный комплекс (АСК), в состав которого входила и Останкинская телебашня. 4 ноября 1967 года, к 50-летию Октябрьской революции, с высоты 540 метров (в ходе строительства к проектным 505 метрам решили добавить ещё 35) впервые ушёл в эфир телевизионный сигнал. Строительство на башне продолжалось до 26 декабря 1968 года когда был подписан Акт Госкомиссии о сдаче в эксплуатацию второй очереди строительства. АСК начал вещание по четырём телевизионным и трём радиоканалам. Ввод в эксплуатацию Останкинского телецентра позволил сделать первую программу общесоюзной, обеспечил уверенный приём сигнала в самых отдалённых уголках страны, в Москве к трём существующим добавился ещё один канал.

Кроме главной задачи — обеспечивать страну надёжным телесигналом — на Останкинскую «иглолку» были возложены и другие «обязанности». На башне была запущена новая система связи Центра управления полётами авиации. Гидрометеоцентр СССР получил в своё распоряжение высотную метеорологическую станцию, оборудованную по последнему слову техники и позволяющую вести наблюдения на полукилометровой высоте. В начале 90-х Останкинскую телебашню стали активно использовать операторы мобильной и пейджинговой связи, сейчас на башне стоят передатчики порядка тридцати компаний.

С первых же дней Останкинская телебашня стала принимать экскурсантов, желающих полюбоваться видами Москвы с высоты птичьего полёта. Посмотреть действительно есть на что: со смотровой площадки, расположенной на высоте 337 метров, открывается потрясающая панорама города и ближайшего Подмосковья. За всё время существования телебашни её посетили более 10 миллионов экскурсантов, в том числе гости из более чем 100 стран мира. Особой популярностью у туристов пользовался знаменитый ресторан «Седьмое небо», три этажа которого расположены на высоте 328, 331 и 334 метра. Особый шик ресторану придавали столики для посетителей, расположенные на вращающемся участке пола, который за 40 минут совершал полный оборот вокруг оси башни. В советское время «Седьмое небо» был одним из самых прибыльных ресторанов Москвы.

27 августа 2000 года Останкинской телебашне пришлось пережить самое тяжёлое испытание в своей истории. Впервые возникла реальная угроза обрушения уникального сооружения. В 15 часов 8 минут на пульт пожарной части поступило сообщение о возгорании в антенной части башни. На

высоте между отметками 454 и 478 метров загорелись кабели, связывающие передатчики с антеннами. Через 11 минут к телебашне прибыли первые пожарные экипажи и расчёты МЧС России.

Быстро остановить огонь не удалось, пожар с угрожающей скоростью стал распространяться по башне. В 15:19 огонь достиг высоты 450 метров и продолжал опускаться ниже. Все попытки пожарных остановить горение с помощью водяной завесы и асбестовых полотен окончились неудачей. Вскоре огонь распространился до отметки 119 метров. Около шести часов вечера башня была полностью отключена от электропитания, и Москва осталась на некоторое время без центральных телевизионных каналов. Персонал телецентра и посетители были своевременно эвакуированы, но, к несчастью, три человека — Владимир Арсюков, Александр Шипилин и Светлана Лосева — оказались заперты в одном из скоростных лифтов и погибли.

Пожар был настолько сложным, что на борьбу с огнём потребовалось более суток. Всего в тушении пожара на Останкинской телебашне было задействовано 2400 человек, 269 единиц техники и 4 пожарных вертолётa. Полностью пожар был ликвидирован около шести часов вечера 28 августа. Сразу же после этого на Останкинской телебашне начались восстановительные работы, которые продолжаются и по сей день.

Температура при пожаре была настолько высокой, что возникло серьёзное опасение в надёжности стальных тросов, удерживающих бетонную конструкцию башни. К счастью, тросы хотя и пострадали, но напор огня выдержали.

Скоро Останкинская телебашня отметит сорокалетний юбилей. Её автор Николай Никитин прогнозировал, что башня простоит триста лет. Что ж, осталось подождать всего каких-то 260 лет и посмотреть, сбудется ли этот прогноз...

Ледокол «Ленин»

Как проплыть из Европы на Дальний Восток, как связать европейские и дальневосточные советские порты? Расстояние от Ленинграда до Владивостока, если плыть через Суэцкий канал — 23 200 км, если идти вокруг мыса Доброй Надежды — то 29 400 км. А если через Северный Ледовитый океан, по Северному морскому пути, то дистанция от северной столицы до столицы дальневосточной составит каких-то 14 280 км. Арифметика простая. Но только на первый взгляд. Полярное лето короткое, месяц-другой — и навигация закончилась. А потом водная гладь покрывается льдами, с которыми не справиться простым судам. Зажмут корабль, словно в тиски, и безжалостно сомнут своей неукротимой силой...

Без ледоколов на Севере никак не обойтись, только они могут справиться с многометровым слоем льда и провести суда. Однако есть здесь своя проблема. Ледокол с дизельной силовой установкой, даже самый лучший и экономичный, не обладает необходимой в условиях Севера автономностью. Запасы топлива составляют почти треть веса судна, но при этом их хватает на 30–40 суток работы, а если лёд особенно толстый, то и того меньше. За час ледокол может сжечь более двух тонн топлива. Иногда ледокол и ведомый им караван судов замерзали во льдах просто потому, что топливо заканчивалось до того, как кораблям удавалось выйти на свободную ото льда воду.

В начале 50-х годов атомная энергетика развивалась семимильными шагами. Становилось реальностью то, что раньше казалось лишь теорией. К сожалению, усилия учёных были направлены, в основном, на создание новых видов ядерных вооружений. Но кое-что перепало и на мирные цели. Однажды учёные подсчитали, что ледокол, оснащённый атомной силовой установкой, будет расходовать до 50 граммов ядерного топлива в сутки. Вот оно, решение проблемы, ведь такой ледокол будет обладать практически неограниченным запасом хода. К тому же строительство первого в мире корабля с атомной силовой установкой должно было ещё раз доказать всей планете «неоспоримые и очевидные» преимущества советского строя.

20 ноября 1953 года было принято постановление Совета министров СССР «О разработке первого в мире мощного арктического ледокола с ядерной энергетической установкой». Научным руководителем работ был назначен академик А. П. Александров, главным конструктором ледокола — В. И. Неганов, главным конструктором проекта атомной силовой установки — И. И. Африкантов. Строительство корабля поручалось ленинградскому Адмиралтейскому судостроительному заводу, а разработка проекта атомной силовой установки — ОКБ горьковского завода № 92. Всего к созданию первого в мире атомохода было привлечено более 500 предприятий со всей страны.

В планах и мечтах всё выглядело прекрасно, однако в реальности проектировщики столкнулись с серьёзными проблемами и задачами, за решение которых ранее никто в мире не брался. Одно дело стационарный атомный реактор, и совсем другое — реактор, который устанавливается на корабле. Атомщикам необходимо было создать установку компактную и одновременно мощную, устойчивую к условиям качки и постоянной вибрации. Необходимо было также обеспечить надёжную защиту команды корабля от вредного воздействия радиоактивного излучения. И здесь была своя специфика, ведь в отличие от наземной электростанции на морском судне гораздо сложнее установить громоздкое защитное оборудование.

К весне 1956 года работа над проектом атомного ледокола, получившего название «Ленин», была завершена. Согласно проекту, судно предполагалось оснастить ядерной паропроизводительной установкой водо-водяного типа, расположенной в центральной части судна. Установка должна была вырабатывать пар для четырёх главных турбогенераторов, питающих постоянным током три гребных электродвигателя, которые должны были приводить в действие три гребных винта (два бортовых и один средний) особо прочной конструкции. Основные характеристики ледокола «Ленин» были следующими: водоизмещение (без балласта) 16 тыс. тонн, мощность главных турбин 32,4 МВт (44 тыс. л. с.), наибольшая длина 134 м, ширина 27,6 м, высота борта 16,1 м, скорость хода на чистой воде 18 узлов и 2 узла во льдах толщиной более двух метров.

27 июля 1956 года на стапеле Адмиралтейского завода состоялась торжественная церемония закладки первой секции атомохода. 5 декабря 1957 года был завершён первый этап постройки судна, ледокол был спущен на воду, его достройка продолжалась на плаву. 20 октября следующего года начался третий этап сооружения ледокола «Ленин» — швартовые испытания. Проверке подвергался весь сложный комплекс атомно-энергетической, дизель-генераторной установок, систем и устройств судна. 12 сентября 1959 года ледокол «Ленин» покинул пирс Адмиралтейского завода. После испытаний в водах Балтийского моря в декабре 1959 года атомоход поступил в распоряжение Мурманского морского пароходства.

19 августа 1960 года началась первая арктическая навигация ледокола «Ленин». За три с лишним месяца атомоход прошёл более 10 000 миль, провёл через льды Карского моря и моря Лаптевых 92 судна. В тяжёлых ледовых условиях атомный ледокол продемонстрировал свои лучшие качества. Ядерная силовая установка показала неоспоримые преимущества по сравнению с двигателями,

работающими на жидком топливе. И всё было бы хорошо, если бы не одно «но». Атом, хоть и мирный, всё равно оставался опасным и не всегда удавалось обуздать его неконтролируемую силу...

«На корабле полностью обеспечивается радиационная безопасность личного состава ледокола и окружающей среды». Это цитата статьи из Большой Советской Энциклопедии, посвящённой атомоходу «Ленин». К сожалению, действительность отличалась от написанного в энциклопедиях. В СССР все инциденты, связанные с ядерными объектами, умалчивались и засекречивались. И лишь после распада СССР стали известны некоторые факты. По данным международных экологических организаций, в 60-х годах на «Ленине» произошло две аварии, вследствие которых в окружающую среду попали радиоактивные вещества. Первая случилась в феврале 1965 года, во время планового ремонта и перезарядки атомных реакторов ледокола. Второй инцидент произошёл в 1967 году. Из-за течи трубопроводов реакторного контура было решено удалить весь реакторный отсек. Его упаковали в специальную капсулу и утопили в районе архипелага Новая Земля. Эта операция была настолько секретной, что и поныне координаты затопления реакторного отсека неизвестны.

Первая атомная установка ледокола «Ленин» отработала шесть лет. После замены реакторного отсека трёхреакторная ядерная установка была заменена на двухреакторную. Эта конструкция оказалась более надёжной, с ней ледокол отработал до 1989 года. После 30 лет эксплуатации атомоход «Ленин» был снят с обслуживания арктических трасс. За время работы на Северном морском пути первый в мире атомный ледокол прошёл 654,4 тыс. морских миль, из них — 560,6 тыс. во льдах, и провёл через льды 3741 судно. Атомоход был поставлен на вечную стоянку возле мурманского Морского вокзала. Недавно было принято решение создать на базе ледокола «Ленин» Музей истории и развития атомного флота.

«Фитиль»

Те, кто хотя бы раз был в советском кинотеатре, наверняка помнят одну особенность кинопроката тех времён — каждый сеанс имел свою дополнительную «нагрузку». Перед началом художественного фильма 10–15 минут зритель должен был смотреть абсолютно ему не нужный и не интересный документальный киножурнал. Обычный набор — идеологическая «жвачка», рассказывающая об очередных успехах народного хозяйства, выполнении пятилетних планов в четыре года или же о происках всякого рода империалистов в какой-нибудь банановой республике на краю Земли. И вдруг появился «Фитиль». Он был похож на остальные киножурналы разве что продолжительностью выпуска. А в целом же это было абсолютно новое явление, уникальное и неповторимое. Это тоже была идеология, причём спущенная сверху, по инициативе самого главного партийного органа. Но, пожалуй, впервые идеология делала упор не на достижения и успехи, а была, и очень серьёзно, по недостаткам.

Главным редактором «Фитиля» был назначен мэтр советской литературы, знаменитый автор «Дяди Стёпы» Сергей Владимирович Михалков. «Меня вызвали в ЦК и спросили: „Что вам надо для нормальной работы?“ — вспоминал Михалков-старший своё назначение. — Я ответил единственное: „Не мешать!“». Конечно, и для «Фитиля» были рамки, конечно, ни у кого не было в мыслях критиковать систему в целом и докапываться до причин освещаемых в «Фитиле» негативных явлений в жизни страны. Михалкову и его коллегам не разрешалось «трогать» чиновников рангом выше замминистра, но и это для тех времён было очень необычно. Резонанс от выпусков «Фитиля» был огромным, часто новый выпуск «Фитиля» вызывал гораздо больший интерес и отклик у зрителя, чем собственно художественный фильм.

«Фитиль» был своего рода «чёрной меткой», высылаемой сверху начальникам различного ранга. Если тот или иной руководитель напрямую или в завуалированной форме упоминался в «Фитиле», то практически однозначно его ждало в лучшем случае увольнение с занимаемой тёплой должности. Но и это ещё не всё. «Фитиль» вызывал цепную реакцию. К примеру, появлялся сюжет о птицефабрике в городе А и её нерадивом директоре Иванове. Это означало, что о спокойном сне могли забыть и директор птицефабрики Петров в городе Б, и директор такой же фабрики Сидоров в городе В, и сотни других руководителей. По всей стране прокатывалась волна проверок и ревизий птицеводческих предприятий. Неудивительно, что через год-два после появления «Фитиля» (первый выпуск киножурнала вышел на экраны 4 июня 1962 года) журналистов и операторов боялись куда больше, чем ревизоров.

Конечно, с «Фитилём» пытались бороться. В Политбюро постоянно поступали жалобы на корреспондентов, которые «мешают воплощать в жизнь решения партии и правительства». Авторам киножурнала приходилось идти на хитрости. На предварительных просмотрах (а проходили они чаще всего не где-нибудь, а на так называемых «кремлёвских дачах») членам Политбюро сначала показывали то, что было вырезано из выпуска. Срабатывал такой метод практически безотказно — руководство соглашалось и давало разрешение на показ сюжета.

Самая громкая история, связанная с «Фитилём», произошла в 1981 году и была связана с тогдашним всемогущим «хозяином Кубани», первым секретарём Краснодарского крайкома КПСС Сергеем Медуновым. В 60–70-х годах по решению Политбюро на кубанских землях активно развивалось рисоводство. Одновременно были построены и несколько рыбководческих заводов, разводивших осетровых рыб. И то и другое — вполне похвальные начинания. Но только если всё делать по уму. А вот с этим-то как раз были проблемы. Медунов в духе тех времён решил не просто выполнить указ Политбюро, а перевыполнить на сколько-то там процентов. И перестарался. Рисом были засеяны все мыслимые и немыслимые земли, в том числе и территории рыбозаводов, тех самых, где разводили осетровых. Мальки попадали на рисовые поля, обильно поливаемые гербицидами и ядохимикатами, и практически полностью гибли. В «Фитиле» об этой истории сняли сюжет под названием «Рыбозагубители». Медунов узнал об этом и решил нанести упреждающий удар. В ЦК из Краснодара пришла традиционная «телега» на «Фитиль» с жалобой на журналистов и требованием запретить показ сюжета. Вопрос решался на самом верху. Выйдет или не выйдет сюжет «Рыбозагубители» на экраны страны, решала специальная комиссия во главе с тогдашним секретарём ЦК по сельскому хозяйству Михаилом Горбачёвым. И Горбачёв дал «добро». После этого Медунова иначе как «рыбозагубителем» в Политбюро не называли, а вскоре сняли с должности и отправили на пенсию...

«Работа в „Фитиле“ чрезвычайно полезна — она тренирует режиссёрскую мускулатуру, оттачивает мастерство, будит мысль, — сказал корреспонденту РИА „Новости“ народный артист России Леонид Марягин, снявший около 40 сюжетов для „Фитиля“. — Здесь в кратком остром сюжете нельзя ошибаться — в большом кино есть линия развития, там можно компенсировать качество одного эпизода следующим, а здесь такой возможности нет, просто потому, что нет следующего эпизода». Действительно, при всей кажущейся простоте сделать короткометражный сюжет, одновременно смешной, социально-острый и лаконичный, совсем не легко. К тому же новым в жанре киножурнала было соединение документалистики и игрового кино. Неудивительно, что в «Фитиле» работали настоящие мастера. Сюжеты для киножурнала снимали Леонид Гайдай, Георгий Данелия,

Александр Митта, с «Фитиля» начинал Вячеслав Котёночкин, автор знаменитого «Ну, погоди!». Среди авторов сценариев к самому известному сатирическому киножурналу в стране были Михаил Жванецкий, Григорий Горин, Аркадий Арканов. А недобросовестных руководителей и взяточников, нечестных и грубых продавщиц, пьяниц и тунеядцев, несунов и расхитителей социалистической собственности (таковы уж законы сатирического жанра — почти все роли в «Фитиле» отрицательные) играли Фаина Раневская, Сергей Филиппов, Евгений Леонов, Анатолий Папанов, Игорь Ильинский, Евгений Евстигнеев, Андрей Миронов, Владимир Этуш, Ия Саввина, Людмила Касаткина и многие другие известные и любимые народом артисты.

В конце 80-х годов «Фитиль» практически потух. На зрителя обрушился такой невероятный поток правды, полуправды и откровенной лжи, что «Фитиль» стал никому не нужен. Выпуски киножурнала продолжали снимать, однако они клялись «на полку» и до зрителя не доходили. Казалось, что один из символов советской эпохи так и останется в том времени. Но в 2004 году «Фитиль» возродился благодаря стараниям известного актёра, телеведущего и продюсера Игоря Угольникова. Нынешний «Фитиль» сменил формат, отныне выпуски популярного журнала показывают не в кинотеатрах перед началом сеанса, а по телевидению. Наряду с новыми сюжетами зрители канала «Россия», на котором транслируется «Фитиль», могут видеть и старые выпуски киножурнала. А главным редактором «Фитиля» по-прежнему, как и сорок с лишним лет назад, остаётся Сергей Михалков. И почти в каждом интервью его спрашивают: «А нужен ли сейчас „Фитиль“, может ли он сейчас бороться с пороками общества?». — «Не уверен, что „Фитиль“ может изменить что-то в глобальном плане, — отвечает Сергей Владимирович. — Но обозначить, попытаться определить ориентиры необходимо. А пороки общества — они вечны, как само общество...».

«Бриллиантовая рука»

Леониду Гайдаю не везло в кино. Фронтовик, прошедший пекло войны и привёзший с фронта не только награды, но и тяжёлое ранение в ногу и туберкулёз лёгких, он поступил в театральную студию при Иркутском областном театре. После окончания учёбы в 1947 году Леонид несколько лет играл на сцене местного театра. А в 1949 году он поступил на режиссёрский факультет ВГИКа и попал в мастерскую мэтра советского кинематографа Григория Александрова. В 1955 году Гайдай окончил ВГИК и начал снимать фильмы. Но у первых его картин была трудная судьба, хотя молодого режиссёра и поддерживали такие значительные фигуры советского кинематографа, как Иван Пырьев и Михаил Ромм. Фильм «Жених с того света» с Ростиславом Пляттом в главной роли был изрезан цензурой вдоль и поперёк и в результате пошёл в прокат в очень сокращённом варианте. В 1960 году Гайдай снял ещё один фильм — «Трижды воскресшие» — правдивую историю о героизме моряков Черноморского флота во время войны. Но бывший тогда министром культуры Михайлов наложил на фильм резолюцию: «К кинопрокату не рекомендую». В те годы такая формулировка означала запрет. Окончательный и бесповоротный.

Гайдай был на грани нервного срыва — годы работы из-за одного росчерка пера шли насмарку. У него обострилась болезнь. Жена, Нина Гребешкова (они познакомились ещё во время учёбы во ВГИКе), решила, что смена обстановки и климата пойдёт ему на пользу. В Иркутск, откуда Гайдай был родом, они добирались на поезде, поскольку на самолёт денег не было. На одной из станций Леонид Иович купил в киоске газету «Правда». Сел в купе, начал рассеянно перелистывать страницы. И вдруг взволнованно сказал жене: «Смотри, да это же отличный сценарий для короткометражки!». В газете был напечатан фельетон украинского писателя Степана Олейника о псе Барбосе. Во время отдыха Гайдай написал сценарий короткометражного фильма. Вернувшись в Москву, показал его своему учителю и директору «Мосфильма» Ивану Пырьеву.

Пырьев сразу же охладил пыл Гайдая. «По-моему, это какая-то абракадабра...» — сказал он. «А мне кажется, Иван Александрович, можно сделать смешную картину», — возразил Гайдай. «Ну что же тут смешного — бежит один, бежит второй, бежит собака...». Всё, если уж Пырьев против, значит, ничего не получится. Но Иван Александрович, к счастью, всё-таки сжалился над молодым коллегой. «Ну ладно, иди в съёмочную группу, — сказал он. — Даю тебе из её сметы 30 тысяч рублей, попробуй. Не получится — так и быть, спишем...».

«Официально рождение троицы произошло 27 декабря 1960 года в 17 часов 30 минут по московскому времени, — рассказывал Леонид Гайдай. — В это самое мгновение худсовет нашей студии „Мосфильм“ утвердил состав исполнителей одночастёвки по моему сценарию...». Тогда, правда, никакой торжественности не наблюдалось. Обычный рабочий процесс — утверждение исполнителей главных ролей в фильме не слишком известного режиссёра, к тому же короткометражному. Тогда никто не догадывался о том, что именно в этот момент на свет появилась самая знаменитая троица советского кино: Вицин — Моргунов — Никулин, они же Трус, Бывалый и Балбес. И никто не мог предполагать, что короткометражка под названием «Пёс Барбос и необычный кросс» с незатейливым сюжетом и лёгкой эксцентричной игрой актёров, как и другие фильмы Леонида Гайдая, обретёт колоссальную популярность у зрителя и станет чемпионом советского кинопроката.

В 1962 году на экраны вышла следующая работа Леонида Гайдая — «Самогонщики». Гайдай нащупал свою «золотую жилу» — та же незаменимая троица, та же эксцентрика и лёгкие весёлые шутки. А в 1965 году к Тусу, Бывалому и Балбесу присоединился ещё один «культовый» персонаж советского кинематографа — скромный, добрый, интеллигентный студент-очкарик Шурик, которого сыграл актёр Александр Демьяненко. «Операция „Ы“ и другие приключения Шурика» — первый фильм из знаменитой гайдаевской комедийной трилогии 60-х годов. Сказать, что «Операция „Ы“...» имела успех у зрителя, значит не сказать ничего. Этот фильм смотрели все от мала до велика, от Ленинграда до Владивостока. Причём смотрели по десятку раз, заучивая фразы наизусть и «растаскивая» фильм на цитаты. Только в одном 1965 году в кинотеатрах «Операцию „Ы“...» посмотрели 70 миллионов человек. Вся страна хохотала над тем, как студент Шурик наказывает хулигана Верзилу в «Напарнике» (напомним, что фильм состоит из трёх отдельных киноновелл), готовится к экзамену в «Наваждении» и расправляется со злодеями Трусом, Бывалым и Балбесом в «Операции „Ы“». Пожалуй, единственный грустный момент — то, что для великопленного артиста Александра Демьяненко роль Шурика оказалась губительной в актёрском плане. «Мне уже за 60, а я по-прежнему — Шурик...» — с грустью сказал актёр в одном из последних своих интервью. Он так и остался до самой смерти Шуриком, как для зрителей, так, что самое печальное, и для режиссёров, которые после съёмок у Гайдая перестали предлагать ему серьёзные роли.

Но не будем о грустном. В 1967 году Леонид Гайдай снял «Кавказскую пленницу», своеобразное продолжение «Операции „Ы“...». Шурик опять сражается с Трусом, Балбесом и Бывалым, теперь уже в колоритной кавказской обстановке. Излишне говорить, что «Кавказская пленница» сразу же завоевала любовь у зрителя и стала самым кассовым фильмом года. Но мало кто знает, что фильму могло и не быть. Юрий Никулин, прочитав сценарий, забастовал: «Я в этой ерунде сниматься не буду!». Понятно, что найти равноценную замену Никулину было просто нереально. Однако Гайдай

сумел выйти из трудного положения, пообещав актёру, что сценарий будет основой, а в процессе съёмок актёры смогут сами придумывать шутки и трюки, и он с удовольствием будет вставлять их в фильм. Говорят даже, что за каждую удачную шутку Гайдай поощрял артистов... бутылкой шампанского. Так это или нет, но Вицин, Моргунов, Никулин и другие артисты, снимавшиеся в «Кавказской пленнице», придумали немало смешного, например знаменитую сцену, когда герои становятся стеной перед едущей прямо на них машиной; огромный шприц, которым колют Бывалого, и многое другое.

Казалось, что после «Кавказской пленницы» трудно снять что-то лучше и смешнее. Но в 1968 году на экраны выходит «Бриллиантовая рука», фильм, ставший вершиной в творчестве Леонида Гайдая. В 1995 году телеканал РТР провёл опрос среди зрителей, и «Бриллиантовая рука» была признана «лучшей комедией в истории советского кино». Надо сказать, что Гайдай пошёл на определённый риск, отказавшись от персонажей и актёров, приносивших неизменный успех его картинам. Но риск этот оказался оправданным.

Как и идею короткометражки «Пёс Барбос и необычный кросс», сценарий «Бриллиантовой руки» был взят «из жизни». В еженедельнике «За рубежом» появилась заметка о том, как итальянский контрабандист пытался провезти через границу ювелирные изделия в загипсованной руке. Из этой небольшой заметки сценаристы Яков Костюковский, Морис Слободской и Леонид Гайдай и сделали комедию, вот уже тридцать с лишним лет остающуюся эталоном комедийного жанра. Интересно, что уже после того как фильм вышел на экраны, в печати появилась другая заметка — некие контрабандисты, посмотрев «Бриллиантовую руку», решили использовать гипс для провоза бриллиантов.

3 января 1968 года Главное управление кинематографии утвердило сценарий и разрешило начать съёмки фильма. Через месяц начались пробы актёров, и, как это часто бывает, режиссёр планировал одно, а получилось совсем другое. Проблем не было только с главной ролью — сценарий изначально писался под Юрия Никулина, и вопросов, кому играть Семён Семёныча Горбункова, не возникало. А вот на остальные роли претендентов было немало. Трудно себе представить «Бриллиантовую руку» без Андрея Миронова. А между тем, его кандидатура на роль Геши Козодоева была отнюдь не приоритетной. «Миронов кривляется, а не играет», — таково было мнение многих членов худсовета киностудии «Мосфильм» после просмотра кинопроб. А кроме того, его «конкурентами» были Михаил Пуговкин и Георгий Вицин, актёры известные и популярные. «Спас» Миронова Морис Слободской. «Миронову в кино не везёт, — сказал он на худсовете. — Убеждён, что только Гайдай сделает из него комедийного героя».

Михаил Пуговкин (кстати, снявшийся позже у Гайдая в фильмах «Иван Васильевич меняет профессию» и «Спортлото-82») претендовал и на роль контрабандиста Лёлика. Но эту роль отдали Анатолию Папанову. Очень много вопросов вызвала игра Нонны Мордюковой, создавшей образ гражданки Плющ, один из самых колоритных в фильме. «Мордюкова не получилась, — сказал на худсовете Эльдар Рязанов. — Её слишком много, и играет она не смешно». «Плющ — безумная, одержимая пошлостью», — говорили другие члены худсовета. С большим трудом, но роль Нонны Мордюковой Гайдаю всё-таки удалось отстоять. О другой женской роли, соблазнительницы Семён Семёныча Горбункова, которую сыграла Светлана Светличная, говорили, что «слишком сексуальна и соблазнительна». Что, в общем-то, неудивительно — Гайдай, наверное, первым в советском кино решился снять актрису без верхней части купальника. Вид был хоть и сзади, но для тех времён и это было очень смелым шагом.

Вообще, Гайдай в своих фильмах позволял себе гораздо больше, чем другие режиссёры, и касалось это не только интимных сцен. Взять хотя бы сцену прощания Геши Козодоева и Лёлика в порту. Все эти страстные поцелуи очень напоминали лобызания членов Политбюро. Или «заграница», на самом деле, правда, ненастоящая — в фильме роль Стамбула «исполняла» столица Азербайджана Баку. Однако атмосфера пребывания советского человека за рубежом была передана очень точно. Это сейчас нашим согражданам достаточно купить путёвку — и вперёд, можно познавать мир и его красоты. Главное условие — соблюдение местных законов, в остальном же турист может ехать куда хочет и делать то, что хочет. Совсем иначе было во времена СССР. Перед заграничной поездкой турист обязательно проходил несколько комиссий, на которых бдительные товарищи проверяли его «идеологическую подкованность». Не менее бдительные экскурсоводы сопровождали советского человека и за границей, а кроме того, в состав каждой тургруппы под видом туриста входил товарищ из «компетентных» органов. Всё это было, в определённых рамках, передано в «Бриллиантовой руке». «Когда снимали мою сцену с экскурсоводом, — рассказывала в интервью еженедельнику „Аргументы и факты“ жена Юрия Никулина Татьяна, сыгравшая в фильме экскурсовода, — я вспомнила руководителей наших экскурсий на Западе, это вечное: „По одному не ходить!.. Лучше по трое!.. Ни с кем не разговаривать!.. Опасайтесь провокаций!..“. И я старалась изобразить именно такую даму: „железную“, распорядительную, следящую».

Конечно, в окончательном варианте «вырезано» из ленты было немало. Самый известный эпизод, когда гражданка Плющ говорит жене Горбункова: «Я не удивлюсь, если выяснится, что ваш муж тайно посещает любовницу». В сценарии эта фраза заканчивалась словами «тайно посещает

синагогу». Ответственному работнику из Госкино эта фраза не понравилась: «Пусть уж лучше она говорит: „Посещает тайный дом свиданий“». На это Гайдай ответил: «Я знаю, что в Москве есть синагога. А вот о доме свиданий до сих пор не слышал. Может, вы расскажете?». Что на это ответил чиновник неизвестно, но в фильме появилась «любовница». Кроме того, было «недопустимое опоздание пионеров в ресторане», как говорилось в протоколе заседания худсовета, а также рекомендация (которая, естественно, носила обязательный характер) исключить реплики, носящие двусмысленный характер: «Главное в нашем деле — социалистический реализм», «Партию и правительство оставили на второй год».

Естественно, что при съёмках ленты произошло немало курьёзных и забавных случаев. Актёрам, например, пришлось пострадать от действий ассистентов и технических работников. Зато многие случайно снятые эпизоды и непредусмотренные сценарием реплики вошли в фильм. При съёмках сцены рыбалки, когда Анатолий Папанов под водой нанизывает рыбу на крючок удочки Никулина, что-то не ладилось с аппаратурой. Раз за разом приходилось переснимать эпизод, а вода-то была холодная, и Анатолий Владимирович изрядно замёрз. В конце концов Папанов не выдержал, и, вынырнув в очередной раз из воды, рявкнул на ассистента: «Идиот!». Это прозвучало так классно, что Гайдай оставил эту реплику в фильме, только адресовалась она Геше Козодоеву. Андрею Миронову досталось, когда проходили съёмки в кафе. Мальчик, стрелявший в него из пистолета мороженым, целился мимо актёра. Так было задумано. За кадром ассистент бросал в актёра смесь молока с творогом, и тоже промахивался... Это уже задумано не было. За десяток дублей Миронов наелся досыта творога с молоком, пока наконец ассистент не попал ему точно в лицо. Но больше всех натерпелся Юрий Никулин. Всем известна финальная сцена, когда на голову Горбункову падает крюк от крана. Так вот это произошло совершенно случайно, финал по сценарию был совершенно иным. Когда крюк упал на Никулина, съёмочная группа на несколько мгновений просто замерла от страха, и только оператор продолжал снимать. У Никулина была рассечена кожа на голове, он получил лёгкое сотрясение мозга, но продолжал играть, и в итоге именно этот эпизод остался в окончательном варианте фильма...

За свою творческую карьеру Леонид Гайдай снял 18 фильмов. Конечно, не все они были шедеврами, не все собирали аншлаги в кинотеатрах, не все получали награды и премии. Но «Пёс Барбос и необычный кросс», «Операция „Ы“ и другие приключения Шурика», «Кавказская пленница», «Бриллиантовая рука», «Иван Васильевич меняет профессию» по-прежнему остаются золотым фондом не только советского, но и мирового кинематографа. «К сожалению, юмор стареет и умирает. Я имею в виду юмор не как понятие вообще, а юмор, рождённый в определённую эпоху». Так сказал ещё один классик советского кино Эльдар Рязанов. Трудно не согласиться с этим мнением. Однако к шедеврам Леонида Гайдая это, похоже, не относится. На них не влияет смена эпох и поколений, и они, как хорошее вино или коньяк, с годами приобретают новый вкус и становятся только лучше.

«Семнадцать мгновений весны»

Как получился этот фильм? В том, чтобы написать сценарий, принести его хорошему режиссёру, собрать известных и любимых народом артистов, снять фильм, озвучить, смонтировать и показать его по Центральному телевидению в самое лучшее время (в «прайм-тайм», как говорят современные телевизионщики), ничего сверхудивительного, в общем-то, нет. Но как получились именно «Семнадцать мгновений весны», как удалось снять самый популярный в истории советского телевидения телесериал?

Наверное, какой-нибудь недоброжелатель (если, конечно, таковой найдётся) может сказать, мол, советское телевидение было настолько убогим, за редким исключением, что зритель был готов проглотить любой сериал, и тем более «на ура» пошла «мыльная опера про шпионов». И что интересно, в некотором смысле этот недоброжелатель будет прав. Действительно, хороших телефильмов было немного. Но как быть с теми, кто советского телевидения в глаза не видел или помнит его разве что по смутным воспоминаниям детства? Им-то сериалов и шпионских фильмов хватает, и даже больше, чем надо. И всё равно те, кому сейчас не больше двадцати, не отрываясь, смотрят «Семнадцать мгновений весны», что называется «от титров до титров», так же как когда-то делали их родители.

Нет, в том, что «Семнадцать мгновений весны» — фильм, как говорится, на все времена, — сомнений нет. Интересно другое. Кому-то это может показаться странным, но предпосылок к тому, что из задумки режиссёра Татьяны Лиозновой получится что-то стоящее, по большому счёту, практически не было. Вся история создания «Семнадцати мгновений» настолько незакономерна и нелогична, что возникает закономерный вопрос: «Как же это получилось?».

Обо всём по порядку. Среди киношников издавна бытует мнение, что женщина и профессия кинорежиссёра — понятия несовместимые. К счастью, на то и существуют правила, чтобы делать из них исключения. Москвичка Таня Лиознова с детства мечтала стать кинорежиссёром. А было это, надо сказать, в начале 40-х годов, и тогда такие мечты даже для юноши были весьма необычны, а уж тем более для девушки. Таниным родителям увлечение дочки доставляло немало волнений, особенно нервничала мама. «Что с дочкой делать будем?» — спросила она, когда отец Татьяны в 1941 году уходил на фронт. «Дай ей решать самой, но, по мне, пусть лучше она будет хорошим врачом, чем плохой актрисой». Врачом Таня Лиознова так и не стала, а сразу после школы поступила на режиссёрский факультет ВГИКа, попала в мастерскую знаменитых С. А. Герасимова и Т. Ф. Макаровой. Правда, взяли Татьяну Лиознову с испытательным сроком. «Не справишься на первом курсе — выгоним!» — сказали девушке при поступлении. Она не справлялась. В ректорате уже лежал приказ об отчислении Татьяны Лиозновой и ещё трёх таких же студентов. Другая на её месте, может быть, и сдалась бы, но Татьяна боролась за свою мечту до конца. Она написала рассказ, вместе с тремя другими отчисленными студентами сняла по нему небольшой фильм и показала его Сергею Герасимову. В итоге Герасимов всех восстановил. «Это был мой первый режиссёрский урок, — вспоминала Татьяна Михайловна, — после которого я поняла, какая это ответственная профессия».

Татьяна закончила ВГИК, некоторое время работала ассистентом режиссёра у своего учителя Сергея Герасимова. Её первой самостоятельной режиссёрской работой стал снятый в 1958 году фильм «Память сердца» — драматический и одновременно лирический рассказ о судьбе английского лётчика, во время Великой Отечественной войны сбитого над русской деревней и спасённого простой русской женщиной. Затем были фильмы «Евдокия» с Людмилой Хитяевой в главной роли, «Им покоряется небо» с Евгением Евстигнеевым и Николаем Рыбниковым. А в 1973 году на экраны вышел фильм «Три тополя на Плющихе» — история любви московского таксиста и жительницы Подмосковья, приехавшей на рынок продать мясо. Случайная встреча двух одиноких людей переросла в большое чувство, любовь, последнюю для обоих. Сюжет простой и незатейливый, однако фильм «Три тополя на Плющихе» стал одной из самых популярных киноработ 70-х годов, а исполнители главных ролей Татьяна Доронина и Олег Ефремов были признаны одной из самых лиричных и запоминающихся актёрских пар советского кинематографа. В общем, в том, что Татьяна Лиознова состоялась как режиссёр, — сомнений нет. Но откуда взялся Штирлиц, откуда в творчестве режиссёра появилась тема разведки и политики?

Как известно, любой фильм начинается с идеи, которая затем воплощается в сценарий. Татьяна Лиознова в отношении идеи и сценария — режиссёр очень «привередливый» и скрупулёзный. «Я по 2-3 года искала ту историю, которую я бы прочла и у меня заколотилось сердце, — рассказывала Татьяна Михайловна в интервью газете „Известия“. — Только из-за этого я сняла так мало картин. Я годами сидела без зарплаты, ходила в одной юбке и продолжала искать свой материал». В начале 70-х у Лиозновой был как раз такой период мучительного поиска. В библиотеке киностудии имени Горького она случайно наткнулась на журнал «Знамя», где была опубликована повесть Юлиана Семёнова «Семнадцать мгновений весны». Прочитала и поняла — это именно то, что нужно.

Юлиан Семёнов — безусловно, мастер остросюжетного политического детектива, но надо сказать, что некоторые критики считают «Семнадцать мгновений весны» не лучшим произведением

писателя. Правда, Татьяна Лиознова была совершенно другого мнения. «Когда мне в руки попал журнальный вариант „Семнадцать мгновений...“, я поняла, что должна поставить фильм. Я читала и чувствовала, как мороз пробегает по коже — это было не просто захватывающее повествование. Это была история войны, в которой я потеряла всех мужчин нашего рода, включая отца и трёх маминых братьев. Это моя история».

Есть идея, есть хороший материал, который нравится режиссёру, — значит, можно начинать снимать? Не тут-то было, для режиссёра Лиозновой с этого момента началось самое «интересное». Татьяна Михайловна сказала о своём намерении Семёнову, а тот её и огорошил: «Тань, да ты что, я уже продал сценарий в Ленинград и даже деньги уже получил...». Но Лиознова настаивала на своём: «Этот фильм должна снимать я!». И здесь надо отдать должное Юлиану Семёнову. Будучи, по воспоминаниям знавших его людей, человеком достаточно расчётливым, он, тем не менее, в данном случае поступил благородно. Он послал телеграмму на «Ленфильм», сообщив, что передаёт его на киностудию имени Горького, а деньги, полученные за сценарий, отправляет переводом.

Татьяна Лиознова с нетерпением ждала начала съёмок, надо было только получить из Ленинграда сценарий Семёнова — и вперёд... Но когда сценарий попал в руки Татьяны Михайловны, её постигло глубочайшее разочарование. Это было совершенно не то, что она увидела в книге Семёнова. А сам автор в это время уехал в Болгарию охотиться на кабанов, так что пришлось режиссёру делать двойную работу, так сказать, «за себя и за того парня» — перерабатывать литературный сценарий и писать режиссёрский. «Катастрофа! — вспоминала Татьяна Лиознова. — Я работала по 12 часов в сутки, не помню, спала ли. Но не скажу, что не получала удовольствия, ведь у меня были развязаны руки, к тому же я не шла против книжного материала, а, наоборот, отстаивала его». И именно благодаря «вмешательству» Татьяны Лиозновой в фильме появились едва ли не самые знаменитые сцены, которых не было в первоначальном сценарии, — празднование Штирлицем 23 февраля и безмолвная встреча разведчика с женой в кафе «Элефант». Интересный факт, эпизод свидания Штирлица с супругой вышел настолько удачным и выразительным, что произошёл обратный процесс — из фильма сцена перешла в книгу. «Я теперь, когда буду переиздавать книгу, туда впишу встречу с женой», — сказал Юлиан Семёнов после просмотра фильма.

До начала съёмок претендентом № 1 на главную роль считался Арчил Гомиашвили. По стране с огромным успехом только что прошла гайдаевская экранизация «Двенадцати стульев», в которой грузинский актёр сыграл роль Остапа Бендера, к тому же на кандидатуре Гомиашвили настаивал Юлиан Семёнов. Однако Татьяна Лиознова пригласила на роль Штирлица Вячеслава Тихонова, хотя первое впечатление от проб будущего «штандартенфюрера всех времён и народов» у неё было, мягко говоря, неоднозначное. «Когда мне сказали, что Татьяна Лиознова хочет попробовать меня на роль Штирлица, я пришёл на студию, чтобы сделать фотопробу, — вспоминал Вячеслав Васильевич. — Я для себя решил так: Штирлиц там один среди врагов — значит, не должен отличаться от них. А у фашистов в моде были гитлеровские усики, которые узкой дорожкой торчали из-под носа. Ну и я себе соорудил такие же. Когда мою фотографию показали Лиозновой, она пришла в неопишемый ужас, увидев Тихонова с гитлеровскими усиками. „Уберите сейчас же! — говорит. — Это страшно!“». А потом мы с ней решили, что я буду сниматься, так сказать, со своим лицом. Пусть зрители в первых сериях узнают известного артиста — тем сложнее и интереснее задача: заставить их забыть, что я — Тихонов, и думать только о Штирлице».

Вообще актёров на роли в «Семнадцать мгновений...» подбирали по принципу похожести на исторических прототипов. Единственное исключение — Леонид Броневой, совершенно не похожий на Генриха Мюллера. Зато Вальтер Шелленберг получился настолько «натуральным», что после показа сериала по восточногерманскому телевидению Олег Табаков, сыгравший шефа немецкой внешней разведки, получил письмо от племянницы Шелленберга. «Благодарю Вас за то, — говорилось в письме, — что Вы сыграли интеллигентного, обаятельного и проницательного человека, каким на самом деле и был дядя Вилли».

Актёрский состав подобрался звёздный — Тихонов, Табаков, Плятт, Евстигнеев, Куравлёв и многие другие. Актёры с удовольствием соглашались на съёмки у Лиозновой, хотя и знали, что характер у Татьяны Михайловны очень жёсткий и требовательный, за ней даже закрепилась слава «железной леди» советского кинематографа. Пожалуй, единственной актрисой, которую, несмотря на желание Лиозновой, заполучить не удалось, была Фаина Раневская. Во время съёмок режиссёру пришла идея ввести в фильм новый персонаж — фрау Заурих — старую служанку Штирлица (нечто вроде миссис Хадсон при Шерлоке Холмсе). Татьяна Лиознова вместе с Юлианом Семёновым, написавшим несколько сцен с участием старой немки, отправилась к Раневской. Фаина Георгиевна быстро просмотрела сценарий и со свойственной ей прямотой заявила: «Это что за идиотство? Разве это можно сыграть?». Так и не появилась Раневская в «Семнадцать мгновений...».

Съёмки «Семнадцать мгновений весны» начались 11 апреля 1971 года в Берлине и продолжались два с лишним года. Сколько же за это время пришлось пережить Татьяне Лиозновой и её коллегам! Сложностей и курьёзных случаев была масса. Были тут и «шестеро детей радистки Кэт» (дети растут быстро, а вот сцены с ними снимали долго, так что «роль» детей Кэт исполняли шестеро

младенцев), и накладка «Слава» на руке у Вячеслава Тихонова, из-за которой крупным планом приходилось снимать «чужие» руки, и сложности с костюмами для фильма и оформлением декораций.

Особый разговор — музыкальное сопровождение к фильму. Исполнять песни в «Семнадцати мгновениях...» должен был Муслим Магомаев. Работа над записью уже подходила к концу, когда певец неожиданно получил приглашение на стажировку в знаменитый миланский театр «Ла Скала». Неимоверными усилиями запись всё-таки удалось завершить, и Магомаев улетел в Италию. Однако при прослушивании выяснилось, что в одной из песен он перепутал слова... Как Татьяна Лиознова выдержала всё это... Заменой Магомаеву мог стать Иосиф Кобзон, однако и тут были свои сложности. У Иосифа Давыдовича и композитора Микаэла Таривердиева, написавшего музыку к «Семнадцати мгновениям...», не сложились отношения. Кто прав, кто виноват в конфликте — это, как говорится, не тема данной статьи, но Таривердиев категорически возражал против кандидатуры Кобзона. «Или я, или он», — сказал он Лиозновой. А режиссёру-то нужны были оба...

Есть в фильме такая сцена — Штирлиц проходит по зданию гестапо, а адъютанты сообщают заместителю Мюллера: «Штирлиц идёт по коридору... Штирлиц подходит к двери...». Примерно так же пришлось делать Татьяне Лиозновой. Запись песен в исполнении Кобзона делалась втайне от композитора, а по коридорам киностудии Лиознова расставила своих помощников. «Таривердиев идёт по коридору, — сообщали они. — Таривердиев поднимается по лестнице». А когда композитор приближался непосредственно к студии, Кобзона попросту прятали. Так до самой премьеры Микаэл Леонович и не узнал, кто пел песни на его музыку.

В довершение всех бед перед съёмкой последней 12-й серии бюджет картины был полностью исчерпан. Большое число актёров и костюмов, разнообразного реквизита, поездки по всей стране и миру сделали своё дело. Сериал вышел очень дорогим, одним из самых затратных в истории советского кино. И всё-таки всеми правдами и неправдами к лету 1973 года съёмки фильма были закончены.

«Когда Штирлиц идёт по улицам Берлина, улицы всех городов Советского Союза пустеют...». Успех «Семнадцати мгновений весны» был просто ошеломляющим. Первая серия фильма была показана в полвосьмого вечера 11 августа 1973 года. А уже через три месяца, как говорили в те времена, «по многочисленным просьбам трудящихся» сериал был показан ещё раз. С тех пор на разных каналах «Семнадцать мгновений весны» показывали сотни, если не тысячи раз.

Сказать, что фильм пользовался популярностью у телезрителей, — значит не сказать ровным счётом ничего. Сериал «Семнадцать мгновений весны» после первого же показа стал явлением культурной жизни страны, а его герои перешли в разряд народных фольклорных персонажей, Штирлиц встал в один ряд с Ильёй Муромцем и Чапаевым.

В чём же секрет фильма? Отвечая на этот вопрос, Вячеслав Тихонов однажды сказал: «В „Семнадцати мгновениях...“ есть баланс между вымыслом и фактом, между жёсткостью и жестокостью, есть лирика, но нет сантиментов, нет и упрощений. В нём нет шаблонной бесспорности правильных и неправильных поступков. Есть образы и историческая правда, „перебора“ художественных допущений нет». От себя добавим, что Татьяна Лиознова пошла на смелый эксперимент в изображении противника советского разведчика, и это понравилось зрителям. Да, фашисты в «Семнадцати мгновениях...» — жестокие и коварные враги. Но вместе с тем они в «Семнадцати мгновениях...» — живые и умные люди, а не придурковато-карикатурные персонажи, которых другие режиссёры иногда любили изображать в фильмах о войне. Не случайно Леонид Броневой наряду с другими актёрами был удостоен в 1976 году Государственной премии СССР, и это за исполнение роли шефа гестапо! Случай просто уникальный для советского кино. Как и сам фильм...

Со времени премьеры «Семнадцати мгновений весны» прошло уже более 30 лет. Ныне многочисленные конкуренты полковника Исаева сражаются с врагами на просторах телеэфира. Но штандартенфюрер Штирлиц по-прежнему уверенно идёт по коридору, а Мюллер всё так же просит его остаться. Кто-то может в это не верить. Может быть, и правильно. «Сейчас верить нельзя никому. Даже себе. Мне можно...».

«Ирония судьбы, или С лёгким паром!»

Эльдар Рязанов с детства мечтал о море, он просто бредил бескрайними морскими просторами. Когда после окончания десятилетки пришла пора, определяться на жизненном пути, Эльдар не раздумывал ни секунды — написал и отправил заявление в Одесское мореходное училище. Однако ответа он так и не получил. И тогда Эльдар, можно сказать, почти случайно, решил поступить на режиссёрский факультет Всесоюзного государственного института кинематографии (ВГИК). И поступил. А в 1950-м закончил институт, представив на рассмотрение аттестационной комиссии свой дипломный проект — снятый совместно с однокурсницей Зоей Фоминой документальный фильм «Они учатся в Москве». Так начинал свой путь в мир кино один из самых известных и любимых советским народом кинорежиссёров.

Пять с лишним лет Эльдар Рязанов отработал в кинодокументалистике. Сделал несколько фильмов, снимал сюжеты для киножурналов «Пионерия», «Советский спорт», «Новости дня». И прямо скажем, особой известности не приобрёл. Нет, конечно, в кинематографическом кругу его знали, но обычному советскому зрителю имя и фамилия Эльдар Рязанов ничего не говорили. И вдруг, в 1956 году — настоящий прорыв. На экраны выходит фильм «Карнавальная ночь». Лёгкая комедия, насыщенная музыкой и песнями, пришлась зрителю по душе. В кинотеатрах её посмотрели почти 50 миллионов человек — рекордный показатель для советского кино. Знаменитый Игорь Ильинский, сыгравший роль бюрократа Огурцова, ещё раз подтвердил право называться великим артистом, а молоденькая дебютантка Люда Гурченко в один миг стала кинозвездой. Немалая доля славы досталась и режиссёру — Эльдара Рязанова узнала вся страна. Но мало кто знал о том, что если бы не настойчивость мэтра советского кино Ивана Александровича Пырьева, то фильм вряд ли был бы снят. Эльдар Рязанов четыре раза начинал съёмку «Карнавальная ночь» и четыре раза от неё отказывался, но Пырьев, который обратил внимание на молодого режиссёра, когда тот ещё учился во ВГИКе, буквально заставил Рязанова закончить съёмку.

После «Карнавальная ночь» каждый фильм Эльдара Рязанова становился событием. Зрителям достаточно было увидеть имя Эльдара Рязанова на афише, и они знали: этот фильм нужно обязательно посмотреть. «Девушка без адреса», «Человек ниоткуда», «Гусарская баллада», «Берегись автомобиля», «Невероятные приключения итальянцев в России», «Служебный роман», «Гараж», «Вокзал для двоих», «Забытая мелодия для флейты», «Небеса обетованные». И конечно, «Ирония судьбы, или С лёгким паром!». Фильм не просто популярный и любимый зрителем, фильм, ставший наряду с Дедом Морозом, ёлкой, шампанским и салатом оливье, непременной частью Нового Года, самого популярного в народе праздника, одним из атрибутов новогоднего культа.

Лиричная комедия «Ирония судьбы...», написанная Эльдаром Рязановым совместно с известным драматургом Эмилем Брагинским (они, кстати, в соавторстве написали большинство сценариев к фильмам Рязанова), с успехом шла в провинциальных театрах. История о том, как некий гражданин накануне Нового года, хорошо «посидев» с друзьями в московской бане, наутро оказывается в Ленинграде с двумя рублями в кармане и берёзовым веником в руках, зрителю нравилась, а главный герой неизменно вызывал симпатию. Но в Москве эту пьесу ставить запрещали из-за якобы «пропаганды пьянства и разврата». А уж когда речь зашла о том, чтобы снять телефильм, тут телевизионные начальники стали грудью на защиту «моральных устоев общества». Но неожиданно картину спас самый главный теленачальник, тогдашний председатель Гостелерадио Сергей Лапин. Что стало полной неожиданностью для создателей «Иронии судьбы...». Лапин всегда отличался крутым нравом и всяких вольностей в своём ведомстве обычно не допускал. Но говорят, что председателю Гостелерадио были не чужды, так сказать, некоторые моменты в судьбе главного героя, в частности любовь к бане и почтительное отношение к «русскому национальному напитку», потому-то он и дал разрешение на начало съёмок. А кроме того, фильму в какой-то степени помогла вражда между двумя министрами — Лапиным и председателем Госкино Ермашом. Вообще, изначально «Ирония судьбы...» планировалась как кинофильм. Но Ермаш фильм снимать запретил, и Лапин, ему в пику, «приютил» «Иронию судьбы...» на телевидении.

«Женя Лукашин — Андрей Миронов, Надя — Светлана Немоляева, Ипполит — Олег Басилашвили...». Увидев такие титры к «Иронии судьбы...», зритель наверняка бы удивился. А ведь именно таким перед началом съёмок видел актёрский состав Эльдар Рязанов. Но... Как только начинаются кинопробы, вместе с ними начинаются и «муки режиссёрские». Хороший ли актёр Андрей Миронов? На первый взгляд, этот вопрос может показаться попросту глупым. Конечно, Миронов — гениальный артист, народный не только по званию, но и по любви у советского зрителя. Казалось бы, стоит пригласить его на любую роль — и он сделает из неё «конфетку». Но в том-то и дело, что настоящий режиссёр должен рассуждать не категориями «хороший артист — плохой артист», а должен ответить сам себе на вопрос: «Подходит ли данный конкретный актёр на данную конкретную роль?». Миронов, при всей его гениальности, на роль Лукашина не подходил. «Началась кинопроба, — вспоминал Эльдар Александрович. — Миронов, пряча глаза, застенчиво произносил такие реплики: „А я у женщин никогда не пользовался успехом... ещё со школьной скамьи... Была у нас девочка — Ира... Что-то в ней было... Я в неё ещё в восьмом классе... как тогда говорили... втюрился... А она не обращала на меня ну никакого внимания... Потом, уже после школы, она вышла за Павла“. Но почему-то ощущения правды жизни, веры в актёрскую

убедительность не возникало... Поверить в то, что какая-то неведомая Ира могла пренебречь таким парнем, как Миронов, было невозможно...». В итоге Рязанов Миронову отказал. Правда, без всяких проб предложил роль Ипполита. Но тут уже забастовал Миронов: «Или Лукашин, или никто». Несмотря на лёгкий конфликт, режиссёр и актёр остались друзьями, но в «Иронии судьбы...» Андрей Миронов так и не снялся. После него на роль Лукашина пробовались Пётр Вельяминов и Станислав Любшин. Всё не то...

Давным-давно пора начинать съёмки, а исполнителя главной роли как не было, так и нет. Помощник Рязанова буквально от отчаяния предложил попробовать на роль Лукашина не очень известного тогда актёра Андрея Мягкова. Первая же проба показала — Женю Лукашина будет играть Андрей Мягков. Правда, и тут была своя загвоздка. В те времена одного желания режиссёра и актёра было мало, артиста на роль должен утвердить худсовет. А до «Иронии судьбы...» Андрею Мягкову «посчастливилось» сыграть весьма «характерные» роли — Герцена, писателя Аркадия Гайдара и, наконец, самого Владимира Ильича Ленина в фильме «Надежда». В том что его не утверждают на роль Жени Лукашина, Андрей Мягков был уверен на все сто процентов — после таких персонажей Мягкову предстояло сыграть человека, значительную часть фильма пребывающего, скажем так, в не очень трезвом состоянии, а затем изменяющего своей невесте. Но Мягкова, к счастью, утвердили. И эта роль стала одной из самых лучших и значимых не только в карьере артиста, но и в истории всего советского кино.

Одну проблему режиссёр решил. Но головной боли от этого меньше не стало. Трудностей с выбором актрисы на главную женскую роль было даже больше, чем с ролью Жени Лукашина. Десяток актрис, сотни проб, и всё безрезультатно. «Все актрисы работали превосходно, точно, талантливо, — рассказывал Эльдар Рязанов. — Но личные качества актрис... не совпадали со свойствами героини. Одна при поразительной нюансировке чувств была несколько вульгарна... Скорее, получилась бы история об однодневной интрижке. Другую предал киноаппарат... Очарование неправильных черт лица пропало, и осталась одна некрасивость... Третья оказалась начисто лишённой юмора... А сроки съёмок неумолимо приближались! И тут мне вспомнилась актриса из довольно среднего польского фильма „Анатомия любви“. Я сохранил в памяти её имя и фамилию — Барбара Брыльска...».

Надо сказать, что выбор Эльдара Рязанова у коллег-киношников вызвал недоумение. Да, Барбара Брыльска была хорошо известна советскому зрителю. Кроме польских фильмов, шедших в советском прокате, она снялась в фильме А. Зархи «Города и годы» и сериале Ю. Озерова «Освобождение». Но в «Иронии судьбы...» хотели сниматься лучшие актрисы советского кино, а Рязанов вдруг выбрал на главную роль полячку. А женская половина актёрского цеха откровенно ревновала Брыльску, некоторые актрисы говорили, что Рязанова будто бы заставили взять Барбару на роль Нади Шевелёвой. Конечно же, это не так. «Барбара продемонстрировала удивительную деликатность в интимных сценах; в ней угадывалась, как это ни странно, подлинно ленинградская интеллигентность, она подходила по возрасту — годы актрисы и героини совпадали, — писал о Брыльской Эльдар Рязанов в своей книге „Неподведённые итоги“. — За её очаровательной внешностью чувствовалась биография, прожитая жизнь, нелёгкая судьба...». Так что режиссёр знал, за что он выбрал польскую актрису. Интересно, что для самой Барбары Брыльской огромная популярность, которую она завоевала в СССР, имела и обратную сторону. Когда она встречалась со зрителями в разных уголках Союза, её часто звали Надей, а однажды, когда Барбара шла по коридору ереванской гостиницы, горничная, увидев её, всплеснула руками и воскликнула: «Ой, с лёгким паром идёт!». Однако после выхода на экраны «Иронии судьбы...» отношение к Брыльской на родине изменилось. «Ты теперь русская!» — говорили ей соотечественники. А в те годы в Польше к СССР относились, мягко говоря, с прохладцей. Долгие годы польские режиссёры игнорировали Барбару, и в Польше она оставалась не востребовавшей.

Для съёмок «Иронии судьбы...» на киностудии «Мосфильм» выделили большой павильон площадью 600 кв. м. Здесь располагались и «квартиры» главных героев, и «баня», где проходила одна из начальных сцен фильма. Эта сцена, ставшая классикой советского кино, доставила режиссёру и актёрам немало хлопот. Дым, страшная жара, спёртый влажный воздух, в общем, условия адские. А в один из съёмочных дней у актёра Белявского «случился» день рождения. Александр Белявский, Андрей Мягков, Александр Ширвиндт и Георгий Бурков решили, что поскольку им по сценарию всё равно придётся играть «тёплую» компанию, то не грех перед началом съёмок отметить день рождения друга и выпить граммов по сто пятьдесят. А дальше — сцена в бане, где актёры пили пиво, причём настоящее. Водка плюс пиво плюс жара — в какой-то момент актёры «поплыли», хотя им самим казалось, что всё в полном порядке. Рязанов, правда, не сразу заметил неладное, но затем буквально рассвирепел: «Стоп! — закричал он. — Они пьяные!». Рязанов страшно обиделся и съёмки в тот день прекратил. А на следующее утро с пристрастием обнюхивал все бутылочные бутылки, в которые вместо водки была налита вода. На этот раз актёры с усердием изображали подвыпившую компанию. Но что самое интересное, в фильм вошли кадры, снятые в тот самый праздничный день! Вообще, курьёзов и забавных случаев на съёмках было хоть отбавляй. Например, когда Юрий Яковлев, исполнявший роль Ипполита, в пальто и шапке залез под душ, из крана текла ледяная вода. Ощущения не из приятных, но хороший актёр остаётся хорошим актёром в любой ситуации. «О, тёпленькая пошла!» — сымпровизировал Яковлев, и так родилась одна из самых

знаменитых фраз фильма. А Алла Пугачёва, например, записывала одну из песен к фильму 44 раза. Композитор Микаэл Таривердиев прослушивал запись, а утром звонил певице домой и говорил: «Не годится! Приезжай в студию».

Съёмки «Иронии судьбы...» начались в феврале 1975 года, а уже в июне картина была полностью смонтирована, озвучена и готова к показу. Ещё шесть месяцев пришлось ждать, пока, собственно говоря, наступит Новый год, под который и планировалась премьера. Ожидание это далось Рязанову нелегко — вроде бы картина готова, вроде бы всё согласовано, но ведь мало ли что могло прийти в голову телевизионным начальникам... Успокоился Эльдар Александрович только тогда, когда увидел в газете телепрограмму на 1 января 1976 года. «18:00 — х/ф „Ирония судьбы, или С лёгким паром!“». И вот наконец наступили долгожданные шесть часов вечера, и фильм пошёл в эфир...

«Рассказать, что началось после показа фильма, который одновременно смотрели сто миллионов человек, непросто, — вспоминал Эльдар Рязанов. — Телефонные звонки, телеграммы, письма, нигде не дают прохода, у людей при виде меня начинали сиять глаза. Успех ленты оказался каким-то глобальным. Наша картина сразу синхронно зажила в сознании многомиллионного народа». Действительно, успех был просто ошеломляющим. Эльдар Рязанов вспоминал, что некоторые восторженные телеграммы, пришедшие в его адрес и на телевидение, были отправлены 1 января 1976 года в 21 час 03 минуты, то есть через три минуты после завершения показа!

С тех пор «Ирония судьбы...» и Новый год — понятия неразделимые и одинаково любимые всем народом. Так было тогда, когда народ был «советским», а на телевидении было всего три-четыре программы. Так это и сегодня, хотя советский народ из одного общего дома разъехался по пятнадцати отдельным квартирам, а на пультах наших телевизоров не хватает кнопок, чтобы перебрать все каналы. Мы знаем этот фильм наизусть, но мы по-прежнему любим его...

«Место встречи изменить нельзя»

Однажды два брата-писателя написали детективный роман. Отнесли его в редакцию. Там роман понравился и его напечатали. Авторы получили полагающиеся им авторские экземпляры своей книги, подписали их и раздали своим друзьям. Один из друзей, актёр, прочитал роман за несколько часов и едва ли не ночью пришёл к одному из братьев.

— В фильме я буду играть роль Жеглова, а остальное меня мало волнует, — прямо с порога заявил актёр.

— В каком фильме? — опешил писатель. — Мы фильм снимать, общем-то, пока не планировали.

— Фильм будет, — уверенно ответил актёр...

Артист оказался прав. После этого разговора и появился фильм, который не просто с успехом прошёл на телеэкранах страны — ему было суждено стать символом эпохи. Актёра звали Владимир Высоцкий, писателей — Аркадий и Георгий Вайнеры, а телесериал, который уже четверть века не сходит с экранов, — «Место встречи изменить нельзя».

Роман Аркадия и Георгия Вайнеров «Эра милосердия» вышел в свет в 1976 году. Сюжет был основан на реальных событиях и рассказывал о борьбе работников московского уголовного розыска с бандами уголовников, наводнивших Москву в первые послевоенные годы. Как и все произведения Вайнеров, роман «Эра милосердия» был не просто классическим детективом с традиционной фабулой: хороший и сплошь положительный сыщик преследует и в конце концов побеждает преступника. У Вайнеров не всё так просто, писатели всегда пытались уйти от привычных шаблонов и примитивной однозначности, а кроме того, в их произведениях присутствовало стремление понять мотивы поступков преступников и тех, кто их ловит, и желание «раскрыть душу» персонажей.

Произведения братьев Вайнеров, начиная с первой повести «Часы для мистера Келли», опубликованной в 1967 году, всегда пользовались успехом у читателей. Найти в свободной продаже книги Аркадия и Георгия Вайнеров, в том числе и роман «Эра милосердия», было невозможно. Надо было иметь хорошие знакомства, чтобы купить книгу или же пройти сквозь длинные очереди в библиотеках, чтобы иметь возможность прочитать. И всё же вряд ли можно было предположить, что через несколько лет имена Жеглова, Шарапова, главаря банды Горбатого, Маньки-Облигации, карманника Кирпича и других персонажей романа будет знать вся страна...

Когда идея снять по книге «Эра милосердия» телевизионный сериал обрела реальные черты, Аркадий и Георгий стали искать режиссёра, который мог бы экранизировать их произведение. По одной из версий, первой кандидатурой был Алексей Баталов. Известный актёр к тому времени успел прославиться и своими режиссёрскими работами, прежде всего постановкой «Игрока» по роману Ф. М. Достоевского и фильмом «Три толстяка» по произведению Ю. К. Олеши. Но Баталов по каким-то причинам оказался от работы с Вайнерами. И тогда за постановку «Эры милосердия» взялся Станислав Говорухин...

В 1967 году выпускник геологического факультета Казанского университета Станислав Говорухин, несколько лет проработавший режиссёром на Казанской киностудии, снял свою первую киноленту. Сюжет фильма «Вертикаль» одновременно и прост, и в то же время очень необычен. Дружба, предательство, любовный треугольник — всё это происходит высоко в горах, в группе покоряющих трудную вершину альпинистов. В своей дебютной ленте Станислав Говорухин открыл для кино Владимира Высоцкого. Советский зритель впервые увидел в «Вертикали» как Высоцкого-актёра, так и Высоцкого-певца. И тогда же проявилась одна особенность Владимира Семёновича — его все считали своим. Альпинисты были уверены, что он покорил не одну вершину, шахтёры, например, считали, что Высоцкий до того, как стать актёром, не один год проработал на шахте, а после «Места встречи...» опытные работники милиции узнавали в Жеглове себя в молодости...

Перед началом съёмок фильма «Место встречи изменить нельзя» никто не сомневался, что роль Жеглова достанется Высоцкому. Под него писался сценарий (Вайнеры даже изменили внешность главного героя — в книге он был высоким и плечистым мужчиной), к тому же режиссёр и актёр были друзьями. Формально Говорухин провёл кинопробы, однако лишь для того, чтобы «пустить пыль в глаза» начальству. В итоге, как и ожидалось, на роль Жеглова был утверждён Высоцкий. Но насколько всё было просто и однозначно с одним главным героем, настолько мучительным и тяжёлым был выбор на роль другого. В результате роль Шарапова сыграл артист, которого ни братья Вайнеры, ни Говорухин с Высоцким явно не хотели видеть в этой роли. Владимира Конкина авторам фильма фактически навязали.

Первоначально братья Вайнеры планировали на роль Шарапова актёра Евгения Герасимова, но тот был занят на съёмках другого фильма. Тогда была предложена кандидатура молодого артиста Евгения Леонова-Гладышева. Однако его кинопробы не понравились худсовету Одесской киностудии. В итоге Леонова-Гладышева «забраковали» и он получил лишь эпизодическую роль

оперативника Васи Векшина.

Владимир Высоцкий мечтал видеть своим партнёром на съёмках своего близкого друга и коллегу по театру на Таганке Ивана Бортника. Против этого не возражал и Станислав Говорухин. Но тут встало на дыбы киношное начальство. Мало того что роль Жеглова играл «неблагонадёжный» Высоцкий из такого же «неблагонадёжного» театра, так ещё отдать роль положительного милиционера Шарапова актёру всё из той же Таганки! Нет, с этим киноначальники были категорически не согласны. Перед авторами фильма был поставлен ультиматум: «Или роль Шарапова отдаём Владимиру Конкину, или... Или фильма не будет вообще...». Почему руководство так хотело видеть в сериале Конкина? Это была попытка как-то уравновесить актёров на съёмочной площадке, противопоставить «полузапретному» Высоцкому положительного лауреата премии Ленинского комсомола и заслуженного артиста Украины Конкина. В 1974 году он сыграл роль Павки Корчагина в фильме «Как закалялась сталь» по роману Николая Островского, за что, собственно говоря, и получил свои премии и звания.

«Когда кто-то рядом делал что-то неплохо, у него это вызывало желание быть лучше, — вспоминал Владимир Конкин съёмки фильма. — И не всякий раз это было деликатно и корректно. Усмирять Владимира Семёновича мог только Говорухин, его друг... А иногда ситуации были на грани серьёзного конфликта. Владимир Семёнович ведь был человек спонтанный. Его благорасположенность ко мне вдруг менялась на реакцию противоположную, если что-то делалось „не по его“...». Говоря откровенно, конфликтные ситуации между актёрами возникали не раз. Кроме всего прочего, когда Станислав Говорухин покидал съёмочную площадку на несколько дней, он позволял Высоцкому выполнять функции режиссёра. Вполне естественно, что двойная нагрузка давала о себе знать, и это приводило к срывам.

Можно ли сказать, что Владимир Конкин не справился с ролью, что Шарапов ему не удался? Вряд ли. Конкин сыграл роль, может быть, и без блеска, но вполне качественно и добротнo. Однако на фоне Высоцкого этого было мало. Высоцкий на съёмочной площадке своей игрой подавлял всех и вся, и прежде всего Конкина. В итоге произошло то, чего боялись авторы. По их задумке, Жеглов — персонаж отрицательный, хотя и не лишённый положительных черт. А Шарапов — тип положительного сыщика, которому не нравятся некоторые методы и приёмы, используемые в работе Жегловым. Так было в романе, так должно было быть и в фильме. Но получилось так, что Жеглов вызывал гораздо больше симпатий у зрителей, чем правильный и человеколюбивый Шарапов. И в этом, как ни парадоксально, заключался один из секретов, невероятной популярности «Места встречи...». Лишь в самом конце фильма, когда Жеглов (согласно всем законам и инструкциям) стреляет в убегающего Левченко, зритель сочувствует Шарапову, ведь для него Левченко не бандит, а фронтовой товарищ, не раз спасавший ему жизнь...

Кстати, по сценарию «кровожадных» братьев Вайнеров, кроме Левченко, должна была погибнуть и невеста Шарапова. Однако вновь пришлось учитывать мнение киноначальников. Столь печальная концовка их не устраивала, и они разрешили авторам «убить» только кого-то одного. Пришлось Вайнерам выбирать, и в итоге в конце фильма от пули Жеглова погибает Левченко...

«„Место встречи...“ — кино не фестивальное, — сказал в одном из интервью режиссёр фильма Станислав Говорухин. — В нём нет необходимой для фестивалей заумности и пафосности». И это действительно так: при всей той народной любви, которая буквально обрушилась на актёров и авторов «Места встречи...», наград фильм практически не получил. Спустя несколько месяцев после премьерного показа сериала «Место встречи изменить нельзя» по Центральному телевидению, в Ереване состоялся ежегодный фестиваль телевизионных фильмов. На 21 конкурсную ленту приходилось 24 различные награды. Единственным фильмом, который не получил на этом фестивале ничего, даже самого захудалого диплома, был «Место встречи...». И только министр внутренних дел СССР после премьерного показа сериала по телевидению (состоявшегося в 1979 году в канун Дня милиции) наградил актёров и других членов съёмочной группы почётными грамотами...

— Зачем? Кому это нужно?

Именно так Станислав Говорухин отвечает на вопрос о возможности снять продолжение «Места встречи...». При всей категоричности этих слов Станислав Сергеевич, скорее всего, прав. Нет, в том, чтобы найти деньги, хороших актёров и съёмочную группу, снять сериал и назвать его «Место встречи-2», ничего сложного нет. Но это будет совсем другое кино...

Гранёный стакан

Пётр Первый грозно взглянул на бояр. Ой быть беде страшен царь-батюшка в гневе своём, полетят сейчас чьи-то головушки. И угораздило же владимирских стеклодувов преподнести Его Императорскому Величеству такой «подарочек». И зачем было говорить, что стакан этот не бьётся? Царь-то обрадовался при виде такого чуда, хмельного напитка выпил, сказал: «Стакану быть!» — и бросил его оземь. Но не учли стеклодувы, что силушка у Петра богатырская. И разбился стакан вдребезги... И замерли бояре... Но тут нашёлся кто-то умный, дай бог ему здоровья на долгие лета, и сказал: «Так это на счастье, Пётр Алексеевич, стаканчик разбился, на счастье...». Повеселел царь-батюшка, гнев его прошёл, и пошла тут пирушка развесёлая. Бьют с тех пор люди на Руси стаканы и счастья друг другу желают...

Это, конечно же, легенда, красивая история. Но возникла она неспроста. Гранёный стакан — это не просто предмет быта, не просто посуда, это символ национального характера. Предмет вроде бы незамысловатый, но насколько же он совершенен, идеален в своей простоте! Из него пили всё — от газировки за одну копейку и самой дешёвой водки до дорогих французских вин и коньяков. Из него пили все — от простого рабочего до генерального секретаря. Менялись времена, менялись правители, мы засыпали в одной стране, а просыпались в другой, но гранёный стакан по-прежнему оставался неизменным в своём совершенстве...

Гранёный стакан — вещь настолько культовая, что его, как и всякую знаменитость, окружает масса историй, связанных с известными людьми. Считается, что дизайн стакана, в привычном виде с 10-ю гранями и ободком сверху, придумали знаменитый скульптор Вера Мухина и не менее знаменитый художник Казимир Малевич. Осенью 1943 года они приехали в Свердловск, где вместе трудились над созданием монументального полотна, посвящённого работе оборонной промышленности в тылу. В один из дней, проходя мимо здания Сберегательного банка, где в то время располагался приют для беспризорных детей, Вера Игнатьевна почувствовала себя плохо и присела на ступеньки здания. Отдышавшись, она вдруг обратила внимание на колонны, стоявшие в основании здания банка. И эти колонны, а точнее, их гранёная форма, неожиданно подсказали Мухиной решение проблемы, над которой она билась долгое время. На каком-то случайно подвернувшемся клочке бумаги Вера Игнатьевна нарисовала эскиз стакана. А позже она показала рисунок Малевичу...

Конечно, кое-кто может сказать, что выдающиеся скульптур и художник не должны были опускаться до столь примитивных изделий. Но времена были тяжёлые... «Гранёный стакан — это всем понятно, всем доступно, — рассказывал правнук Мухиной Алексей Веселовский. — Ну да, был в биографии такой факт. Она и конфетные этикетки рисовала — надо же было на жизнь зарабатывать». Вера Игнатьевна возглавляла ленинградскую мастерскую художественного стекла, сотрудничала со стекольными заводами, именно она (это документально подтверждено) была автором дизайна ещё одного символа той эпохи — пол-литровой пивной кружки. А стакан — это не просто прихоть, минутное увлечение интересными формами, это серьёзный правительственный заказ. В конце 30-х годов советские инженеры разработали первую в стране посудомоечную машину. Существовавшие тогда стаканы нередко разбивались в этой машине, и тогда стекольные заводы обязали разработать такую массовую стеклянную посуду, которая бы без проблем выдерживала мойку в машине. Грани надёжно фиксировали стакан в поддоне и тем самым сводили бой посуды практически к нулю.

Правда, существует и ещё одна версия появления гранёного стакана. Мухина была знакома с известным советским горным инженером, профессором геологии Николаем Славяновым. В рабочее время учёный занимался проблемами геологии, а вот во время досуга рисовал гранёный стакан с 10-ю, 20-ю и 30-ю гранями, предполагая сделать его металлическим. Эти рисунки увидела Вера Мухина, которая и предложила изготовить стакан из стекла.

Как бы там ни было, кто бы ни изобрёл дизайн стакана, точно известно, что первый «гранчак» (стакан даже имени собственного удостоился в народе) классической формы с 10-ю гранями и объёмом 200 миллилитров сошёл с конвейера стекольного завода в городе Гусь-Хрустальный в 1943 году. Перед стекольщиками стояла, надо сказать, нелёгкая задача. Посуду нужно было сделать недорогой в производстве, но при этом прочной и термостойчивой. Можно себе представить, что ждало руководителей завода и технологов, если бы, например, взял товарищ Сталин стакан, налил в него кипяток, а стекло бы треснуло. Статья за «вредительство» или за «покушение на жизнь лидера советского государства» была бы обеспечена. И потому технология выдерживалась очень жёстко. В стекло для гранёных стаканов для прочности даже добавляли свинец, который используется при изготовлении хрусталя.

С тех пор и началась «стаканизация» всего Советского Союза. После войны стаканы выпускал едва ли не каждый стекольный завод, объём производства достигал 6 миллионов штук в год. У советского народа стакан сразу же завоевал популярность — вещь удобная, дешёвая, можно налить или насыпать практически всё что угодно, прекрасно держится даже в не совсем твёрдой руке (как шутят острословы, если посмотреть, как некоторые современные политики держат свечку в церкви, то сразу становится ясно, откуда у них такая хватка). Но особую любовь у народа стакан снискал в

хрущёвские времена, когда власти запретили торговать водкой на разлив, а из продажи исчезли удобные для одноразового «приёма внутрь» «мерзавчики» и «чекушки». Вот тогда-то и возник знаменитый обычай распития поллитровки на троих, и стакан в этом процессе стал незаменимым помощником. Вопросы «сообразим на троих?» и «стакана нет?» звучали как пароль.

Стакан так прочно вошёл в привычный быт советского человека, что когда с «гранчаком» стали происходить странные и прискорбные для его репутации вещи, народ не на шутку взволновался. В 80-х только что купленные стаканы вдруг стали самопроизвольно лопаться. Событие это приобрело такой резонанс, что даже было отображено в известном сатирическом киножурнале «Фитиль». Оказалось, что на заводах стали вводить в строй новые импортные линии и при этом немного ушли от привычной технологии. В результате структура кристаллической решётки стекла чуть изменилась и стаканы стали просто рассыпаться. К счастью, оплошность быстро устранили, и «доброе имя» гранёного стакана было восстановлено.

«В археологии русской жизни, очищая пласт за пластом, мы постоянно будем возвращаться к гранёному стакану. Это наша археология, а вернее, просто матрица, — сказал известный писатель Виктор Ерофеев. — Это стакан не только дней рождения, но и поминальный стакан. Он уравнивает жизнь и смерть. Да и вообще серьёзная вещь». Да, стакан — действительно вещь серьёзная и сделанная на века. И пусть кто-то говорит, что гранёный стеклянный стакан скоро будет полностью вытеснен своим пластмассовым собратом. Одноразовый-то даже не стакан, а так, стаканчик, время его коротко — использовали и выбросили, а настоящий, надёжный гранёный стакан не подвластен времени — он вечен...

Советское шампанское

Говорят, что об игристых винах упоминали в своих произведениях ещё Гомер и Вергилий. И всё-таки большинство знатоков виноделия считает датой рождения шампанского вина 1668 год. Именно в этом году управляющим винодельческими подвалами бенедиктинского Оввильтерского монастыря, расположенного в провинции Шампань, был назначен 30-летний уроженец города Сент-Менульд, воспитанник монастыря Святого Вана в Вердене благочестивый дом Пьер Периньон.

Шампанское — напиток столь божественно прекрасный, что с его возникновением обязательно должна быть связана какая-нибудь легенда. Так оно и есть. По преданию монахов-бенедиктинцев, дом Периньон в один прекрасный день забыл несколько бутылок молодого вина в своей келье. В другой, не менее прекрасный день (правда, поначалу день сей не показался монастырской братии столь прекрасным) монахи находились в трапезной и предавались поглощению ниспосланной им Господом пищи, когда вдруг были просто оглушены громкими выстрелами, доносившимися из кельи. Вначале братья подумали, что за грехи свои они наказаны Богом и он послал им какое-то страшное наказание, но в конце концов разобрались, что стреляют те самые бутылки, забытые домом Периньоном. А аббат монастыря был в гневе и даже наложил соответствующую епитимью на управляющего винодельческими подвалами. Но затем... Затем монахи решились попробовать оставшееся в бутылках вино. И поняли, что не зря в течение многих лет усердно молились Господу и проводили дни в трудах праведных. Отныне практически весь урожай винограда шёл на производство шампанского. Правда, кроме неземного наслаждения, игристый напиток доставлял братьям немало трудностей. Днём и ночью в подвалах монастыря с треском вылетали пробки и взрывались бутылки — игристое вино было столь беспокойным, что каждый год монахи теряли большую часть заложенной партии. Но несмотря на это, дом Периньон и монахи-бенедиктинцы продолжали упорно совершенствовать технологию производства шампанского. Именно Пьер Периньон открыл секрет производства шампанского из купажей — вин из разных сортов винограда или разного года производства.

Дом Периньон и его помощники держали секрет изготовления шампанского в тайне и никаких письменных трудов и описаний технологии создания игристого вина не оставили. И только в 1718 году аббат Гоудино, служивший Господу в Реймском соборе, впервые опубликовал книгу, где была описана технология игристых вин Шампани. Ещё через десять лет была основана первая фирма по производству шампанского.

Выращивание винограда и производство вина всегда считалось во Франции истинно мужским делом, и поэтому крайне удивительно, что наибольший вклад в развитие культуры шампанского внесли женщины. Первой была Барб-Николь Клико Понсардэн, 27-летняя вдова винодела из Реймса Франсуа Клико. Когда мадам Клико, потеряв мужа, решила сама встать у руля винодельческого Дома Клико, это вызвало недоумение и даже возмущение у почитателей игристого напитка. Ведь издавна бытовало поверье, что когда женщина заходит в подвал, то вино тотчас превращается в уксус. Но настойчивая мадам Клико, несмотря на неурядицы и откровенное сопротивление со стороны коллег-виноделов, продолжала завоёвывать рынок. «Мы должны добиться одного качества нашего вина — только лучшего», — постоянно повторяла она своим работникам. И её труды не пропали даром — шампанское Дома Клико вскоре стало эталоном игристого напитка во всём мире. В середине XIX века примеру мадам Клико последовала ещё одна вдова, мадам Поммери. А в начале XX столетия к ним присоединились ещё две женщины, потерявшие супругов-виноделов, — мадам Редерер и мадам Болленже.

Что же касается России, то с начала XVIII века бытует мнение, что едва ли не подавляющее большинство заморских продуктов первым попробовал и привёз в страну Пётр I. Не стало исключением и шампанское. В 1716 году во время путешествия по Европе царь впервые выпил игристого вина. Пётр, большой ценитель крепких напитков, остался доволен, но до поры до времени шампанское оставалось в России диковинкой. Путешествовавшие за границей дворяне привозили в Россию с десятков бутылок драгоценного напитка, которые откупоривались в самых торжественных случаях. Шампанское долго оставалось роскошью, доступной только сливкам общества, ведь, кроме всего прочего, оно облагалось наибольшей пошлиной из всех заграничных вин. А в 1793 году указом Екатерины II был запрещён ввоз в Россию предметов роскоши, в том числе и шампанского. Но вззошедший вскоре на престол Павел I отменил это распоряжение, и шампанское вновь стали привозить в страну. И именно при императоре Павле в России была изготовлена первая партия игристого вина.

Здесь, кстати, нужно сделать одно отступление. Французские виноделы издавна ревностно следили за соблюдением коммерческих прав на торговую марку «шампанское». И поэтому, строго говоря, шампанским может называться только игристое вино, изготовленное в Шампани методом вторичного брожения в бутылках с выдержкой не менее одного года из сортов винограда, произрастающих в Шампани. Но название это стало столь привычным, что мы в дальнейшем будем употреблять его для обозначения игристого вина, произведённого не только во Франции. Правда, если читателю вдруг когда-нибудь придётся сидеть за одним столом с французом, особенно уроженцем Шампани, то не следует на вопрос иностранного гостя «Какой марки шампанское вы

предпочитаете?» отвечать с гордостью: «Только советское!». Этим вы нанесёте кровную обиду любому французу, ведь для них шампанское — национальный символ, любовно оберегаемый от посягательств иностранцев.

Известный путешественник, естествоиспытатель и исследователь природных богатств Крыма, а также любитель и ценитель вина, академик Петербургской академии наук Пётр Симон Палла в конце XIX века открыл в своём имении под Судаком специальное училище виноделия. В этом училище в 1799 году и было приготовлено первое российское шампанское. Каких-то коммерческих целей уважаемый академик не преследовал, он просто хотел научиться делать игристое вино не хуже французов.

С тех пор началось триумфальное шествие шампанского по России. «Ну просто находишься в эмпиреях!» — сказал однажды Н. В. Гоголь, оценивая вкус шампанского, и такого же мнения придерживались все, кому довелось попробовать волшебный напиток. В 1814 году Дом вдовы Клико поставил в Петербург «на пробу сановным особам и негоциантам» первую крупную партию в 12 тысяч бутылок. Одновременно удачные опыты академика Палласа дали толчок к открытию в районе Судака, природные условия которого похожи на климат Шампани, ряда фирм по производству шампанского. Игристое вино «Ай-Даниль», по мнению знатоков ничем не уступавшее французским винам, изготавливалось в Крыму в имении героя Отечественной войны 1812 года графа Михаила Семёновича Воронцова. Также шампанское производилось в Алуште на заводе московского купца Петриченко и под Судаком у иностранного негоцианта Крича. С именем Крича связан и первый серьёзный скандал, связанный с подделкой шампанского. Наладив производство, купец в какой-то момент решил, что его вино ничуть не хуже оригинального шампанского и начал разливать его в бутылки с этикеткой торговой марки «Редерер». Афера была раскрыта в 1848 году, о ней стало известно Николаю I. В результате императорским указом фирма была закрыта, а Крич выслан из России.

Ещё больший удар по производству шампанского нанесла Крымская война 1853–1856 годов. Оккупировавшие Крым французы целенаправленно вырубали с таким трудом выращенные виноградники и уничтожали оборудование, чтобы убрать слишком настойчивых конкурентов в лице русских предпринимателей. Почти на три десятка лет производство игристого вина в России прекратилось.

В 1878 году имение Новый Свет в окрестностях Судака приобрёл большой ценитель и энтузиаст, виноделия князь Лев Сергеевич Голицын. Князь был известен во всём мире как прекрасный дегустатор, не раз Лев Сергеевич председательствовал в жюри международных винодельческих конкурсов. И всегда Голицын настаивал на том, что в условиях Крыма вполне можно создать русское шампанское, которое будет на равных конкурировать с вином лучших винодельческих домов Франции. «Учитесь, воспринимайте, но не раболепствуйте перед иностранным! Сколько будет стоить человек, создавший вино, — столько будет стоить и вино, им созданное», — повторял князь. Несколько лет Голицын изучал производство игристого вина на его родине, в Шампани, и только затем взялся самостоятельно искать «формулу» изготовления шампанского из крымских сортов винограда. Новый Свет превратился в образцовое винодельческое хозяйство, виноград в имении князя выращивался с использованием самых передовых технологий агротехнической науки.

С каждым годом голицынские вина, в том числе и шампанское, завоёвывали всё большее признание у знатоков не только в России, но и за её пределами, свидетельством чему были многочисленные награды, полученные винами из Нового Света на международных конкурсах. Вершиной творчества Льва Сергеевича Голицына стало игристое вино урожая 1899 года, заложенное тиражом в 60 тысяч бутылок. Образцы этой партии князь представил от России на конкурс игристых вин, проходивший на юбилейной Всемирной промышленной выставке в Париже в 1900 году.

По условиям таких конкурсов, эксперты-дегустаторы, дабы исключить какую-то предвзятость, пробуют безымянные образцы вина, а затем выносят своё решение. За всю историю подобных конкурсов за победу боролись исключительно французские фирмы. Кто же победит на этот раз — Дом Клико, Поммери, Моэт, Рюинар, а может быть, Редерер? И вот объявляется результат. Присутствующие шокированы: впервые лучшим игристым вином признано вино не французского производства. Эксперты единогласно (!) присудили Гран-при игристому вину завода «Новый Свет». С тех пор на бутылках с игристым вином из России появилась этикетка с законной надписью «Русское шампанское».

За несколько лет до триумфа на выставке в Париже Лев Сергеевич Голицын принял за организацию нового завода шампанских вин в посёлке Абрау-Дюрсо, расположенном на восточном побережье Чёрного моря в 20 километрах от Новороссийска. Владельцем этого завода в 1896 году стало «Удельное общество», которое позже приобрело и завод «Новый Свет».

Князь Лев Сергеевич Голицын умер в 1915 году, а через два года грянула революция. Большинство специалистов-виноделов покинули заводы в Абрау-Дюрсо и Новом Свете, и производство фактически осталось без присмотра. И кто знает, как бы сложилась судьба уникальных виноградников и винодельческих подвалов, созданных Львом Голицыным, если бы в Абрау-Дюрсо не

оказался другой энтузиаст виноделия Антон Михайлович Фролов-Багреев...

В 1904 году молодого химика Антона Фролова-Багреева, за плечами которого уже была двухгодичная командировка в лучшие винодельческие хозяйства Франции и Германии, пригласили на работу на завод «Абрау-Дюрсо». Поначалу всё складывалось великолепно — прекрасный климат, красивейшие места, любимая работа, приличная зарплата. Наблюдая вместе с другими специалистами за брожением шампанского, Антон Фролов-Багреев изучал химизм этого процесса. Но более всего в голове у молодого химика «бродили» революционные идеи. «Кровавое воскресенье» 9 января и революция 1905 года не могли оставить равнодушным молодого человека, который за границей своими глазами видел, что такое демократия. Революционные веяния не обошли стороной и Абрау-Дюрсо. На заводе прошли митинги в поддержку революции, и в этих митингах самое активное участие принял Антон Фролов-Багреев. В результате молодой человек был сослан в Сибирь, получил клеймо «политически неблагонадёжного», ему навечно запретили работать в европейской части России. В Сибири, понятное дело, о виноградарстве можно было забыть. К счастью, в конце 1906 года Никитскому ботаническому саду срочно понадобился квалифицированный химик с опытом работы в виноделии. Вспомнили о Фролове-Багрееве, который в это время прозябал в Сибири. Власти смягчились, и Антон Михайлович оказался в благодатном Крыму. Работая в Никитском саду, Антон Михайлович несколько раз встречался с князем Голицыным, от которого и «загорелся» идеей производства высококачественных вин и шампанского в Крыму. В 1915 году Фролов-Багреев становится начальником училища виноградарства и виноделия в Бессарабии, где его и застала Октябрьская революция.

В 1919 году Антон Михайлович Фролов-Багреев был назначен начальником производства завода «Абрау-Дюрсо». И в первый же год работы на новом месте ему вновь, как и в 1905 году, пришлось вступить в противостояние с властью, на этот раз уже с большевистской. Зимний дворец взяли, мосты и телеграф тоже под контролем, теперь настала пора винных погребов. Однажды на завод явился отряд вооружённых людей с простым и незатейливым требованием — выдать бойцам, разгорячённым борьбой с контрреволюцией и мировым империализмом, вино из подвалов «Абрау-Дюрсо». Антон Михайлович, влюблённый в своё дело человек, не мог допустить разграбления уникальной коллекции и ключи от подвалов не отдал. Тогда начальник отряда приговорил строптивого заведующего к расстрелу. И если бы не рабочие завода, отстаившие своего начальника и написавшие петицию вышестоящим властям с требованием отменить приговор, карьера талантливого винодела, равно как и его жизнь, на этом бы и закончилась.

К счастью, этот инцидент стал последним в долгой истории борьбы Антона Михайловича Фролова-Багреева со всевозможными режимами, и он смог полностью сосредоточиться на любимой работе. В своё время Лев Голицын мечтал, чтобы хорошее вино, в том числе и шампанское, было доступно простому народу и смогло вытеснить дешёвую водку. Этим же был озабочен и Антон Фролов-Багреев, тем более что этот самый народ пришёл к власти. В начале 20-х годов он изобрёл и внедрил в производство так называемый «акратофорный» метод шампанизации, при котором брожение вина происходит не в бутылках, а в специальных резервуарах-акратофорах ёмкостью около 500 декалитров. Брожение в этих резервуарах длится 25–27 суток, после чего его останавливают специальными холодильными установками, а затем уже охлаждённое шампанское разливается в бутылки. При таком методе весь процесс шампанизации занимает один месяц вместо трёх лет при традиционном бутылочном методе. За эту работу Антон Михайлович был удостоен Сталинской премии.

Надо сказать, что вожди, в том числе и Сталин, с большим почтением относились к игристому напитку. Среди виноделов даже ходила полуполюгенда-полубыль, повествующая о том, что в 1945 году Сталин вызвал к себе Берия и потребовал, чтобы каждый советский человек мог отметить великую победу, к тому моменту уже неизбежную, с бокалом шампанского в руках. Конечно, в годы войны стране было не до шампанского, производство было практически разрушено. Но желание вождя — закон, и поэтому со всех концов страны были собраны оставшиеся в живых специалисты-виноделы, которым было поручено в кратчайшие сроки восстановить производство и создать новые сорта шампанского, не уступающего по качеству лучшим французским образцам. И задача была решена — через пару месяцев «Советское шампанское» вновь стало поступать в магазины.

После войны ученик Фролова-Багреева профессор Г. Г. Агабальянц усовершенствовал метод акратофорной шампанизации и предложил способ получения игристых вин в непрерывном потоке в системе соединённых между собой резервуаров. Это дало новый толчок развитию производства шампанского в СССР. Было открыто несколько новых заводов, сделано немало открытий и изобретений в области технологии производства шампанского, по этой теме было опубликовано более 5000 работ. Конечно, если опять же строго подходить к традиционному определению шампанского, то игристые вина, производившиеся в СССР по ускоренной технологии, под это определение не подходят. Но подавляющему большинству покупателей, в общем-то, всё равно, по какой технологии производится игристое вино. Главное — его вкус и аромат, а с этим-то у «Советского шампанского» всегда был полный порядок, о чём свидетельствует популярность вин из СССР во всём мире, а также 230 медалей, в том числе 103 золотые, полученные советскими «шампанистами» на самых представительных международных конкурсах. Не зря французские

виноделы снова попытались ограничить использование брэнда «шампанское», хотя советские игристые вина за границей и так продавались под торговыми марками «Sovjetische sekt» и «Soviet sparkling wine». Качественный товар всегда остаётся качественным товаром, как его ни называй. «Советское шампанское», несмотря на все «козни» французов, продолжало триумфально завоёвывать мир.

Казалось, ничто не могло помешать игристому напитку из СССР на равных конкурировать с лучшими торговыми марками мира, но тут в середине 80-х грянула печально известная антиалкогольная кампания. Знаменитые виноградники, основа которых была заложена ещё Львом Голицыным, нещадно вырубались. Шампанское, как и другие алкогольные напитки, стало дефицитом. К счастью, «смутные» времена прошли, и сейчас покупатель может выбрать в магазине шампанское, исходя из своих вкусовых пристрастий и материальных возможностей, как говорится, от хорошего до очень хорошего, по цене от полутора до нескольких тысяч долларов. Главное — соблюдать умеренность, ведь как говорил великий поэт и не менее великий знаток вина Омар Хайям:

Пей с достойным, который тебя не глупей, Или пей с луноликой любимой своей. Никому не рассказывай, сколько ты выпил, Пей с умом. Пей с разбором. Умеренно пей...

«Три топорика» (портвейн «777»)

Что советский человек знал о Португалии? Знатоки географии сказали бы, что Португалия — государство на Пиренейском полуострове на юго-западе Европы, столица — Лиссабон. Любители поэзии вспомнили бы знаменитого Камоэнса, одного из величайших лириков эпохи Возрождения, чьи стихи современники ставили вровень с поэзией Шекспира. Футбольные болельщики восхищались игрой «европейского Пеле» — великого Ферейра да Силва Эйсебио, одного из лучших игроков в истории мирового футбола. В апреле 1974 года в Португалии произошла революция, свергнувшая фашистский режим, — это событие достаточно активно освещалось в советской прессе.

А ещё было одно слово, которое каждому взрослому советскому человеку должно было напоминать (хотя большинство об этом, скорее всего, и не догадывалось) о далёкой стране на Пиренейском полуострове...

«Портвейн — (нем. Portwein, от названия г. Порту (Porto) в Португалии и нем. Wein — вино), крепкое вино виноградное, вырабатываемое из белых, розовых или красных сортов винограда путём спиртования бродящего виноградного сусла или мезги этиловым спиртом». Так определяет португальско-немецкое слово «портвейн» Большая Советская Энциклопедия. Всё правильно, но разве есть в этом определении романтика волшебного напитка из винограда, сахара и солнечного света, с лёгким фруктовым привкусом или же обыденность пошла с отвратительным вкусом и трудно определяемым химическим составом?

Одни пили, сидя в большом кресле на даче у камина (а позволить себе дачу с камином в советское время могли только «выдающиеся советские и партийные деятели» либо не менее выдающиеся писатели, артисты и академики), какой-нибудь «Порто Баррош», или «Порто Колхейта», или дорогой массандровский портвейн. А те, кому в жизни повезло меньше или же не повезло совсем, брали «портвешок за рупь» на троих и распивали его где-нибудь в подворотне. Но где бы и что бы ни пил тот или иной индивидуум, суть от этого, в общем-то, не менялась. Советский народ любил и уважал портвейн, об этом свидетельствуют хотя бы данные статистики. В советское время в стране выпускалось ежегодно около 200 миллионов декалитров портвейна, тогда как на долю всех остальных видов вина (сухого, шампанского, марочного и т. д.) приходилось всего 150 миллионов декалитров.

Наверное, кто-то может подумать, что в самой Португалии виноделы ничем, кроме производства портвейна, не занимаются. Но это мнение ошибочно, доля портвейна в португальском экспорте спиртных напитков составляет не более 10 %. Дело в том, что настоящий портвейн, точнее виноград для его изготовления, произрастает в ограниченном районе в Северной Португалии в бассейне реки Дору. И всё-таки именно портвейн стал «винной визитной карточкой» страны, недаром в Португалии существует Институт портвейна (Instituto do Vinho do Porto), без сертификата которого, так называемой Гарантийной Печати с индивидуальным номером, до недавних пор ни на одной бутылке не могло быть надписи «портвейн».

В регионе Дору выращивают около 80 сортов винограда, но для производства портвейна обычно используют такие как Тори́га Насиона́л, Тори́га Франсе́за, Тинта Као, Тинта Рориз, Тинта Баррока, Мальвазия Фина, Кувейу и Виосинью. Одни только потрясающие названия сортов убеждают хотя бы раз попробовать портвейн. Условия, в которых растёт этот виноград в районе реки Дору, отнюдь не идеальные. Климат очень жаркий, температура нередко зашкаливает за 40 °С. Местность очень холмистая, а почва сухая и очень твёрдая из-за большого содержания сланца. Так что португальским виноградарям приходится потрудиться, чтобы вырастить богатый урожай. В некоторых районах для того чтобы заложить новую плантацию в насыщенной сланцем почве, используется взрывчатка, правда, в небольших количествах. Но именно такие условия являются идеальными для накопления сахара в винограде. Сланец плохо прогревается и спасает лозу от перегрева, а ночами, которые бывают довольно-таки прохладными, отдаёт тепло. Кроме того, сланцевая почва обладает прекрасными бактерицидными свойствами, избавляющими виноград от многих болезней.

Своим названием портвейн обязан городу Порту, расположенному в устье реки Дору. Именно из этого крупнейшего порта Португалии британские купцы отправляли корабли с волшебным напитком к берегам туманного Альбиона. Португальские вина издавна экспортировались в Англию, однако длительная перевозка и хранение на складах приводили к ухудшению их качества, из-за чего объём импорта португальских вин был ничтожен по сравнению, например, с французским. И тогда кому-то пришла в голову идея добавлять в вино коньячный спирт. Таким образом брожение прекращалось, сахар переставал превращаться в спирт. Вино стало устойчивым при хранении, а его вкус пришёлся по душе английским ценителям крепких напитков. Правда, некоторые «портвейноведа» считают, что англичане никакого отношения к секрету изготовления портвейна не имеют, известен он был давно и просто национальный португальский напиток понравился английским купцам как из-за великолепного вкуса, так и из-за устойчивости при хранении.

Как бы там ни было, примерно в конце XVII века портвейн попал в Англию, а чуть позже начал своё триумфальное шествие по всему миру. С тех пор неизменно классическая технология производства портвейна. Итак, виноград в долине Дору собирается с середины сентября до середины октября и давится сразу же после сбора. Виноградное сусло бродит 2–4 дня, а затем в него добавляют виноградное бренди, крепость которого должна составлять ровно 77 %. Поставлять бренди может только Институт портвейна, закупающий его в северных районах Португалии. Предназначено оно только для производства портвейна и для других целей не используется. Итак, дальше портвейн выдерживается определённое время. В зависимости от выдержки портвейн подразделяется на несколько категорий — от ординарного (выдержка до одного года) до коллекционного (выдержка такого портвейна может достигать 100 лет). От срока и типа выдержки (в дубовых бочках или непосредственно в стеклянных бутылках) зависит и цена портвейна.

В России вкус портвейна, как и креплёных вин вообще, до конца XIX века был практически незнаком, разве что путешественники, возвращавшиеся из-за границы, привозили несколько бутылок диковинного заморского напитка. Первое русское креплёное вино «Никитское крепкое» было выпущено в 1879 году в Крыму в знаменитом Магараче — виноградно-винодельческом хозяйстве при Никитском ботаническом саде. Портвейном «Никитское крепкое» не называлось, крымчане не присваивали своим винам иностранные названия, поскольку, во-первых, уважали законы и традиции виноделия, а во-вторых, справедливо полагали, что чужое название только ухудшит оценки крымских вин на международных конкурсах. Однако первое крымское креплёное вино по своим вкусовым и иным качествам очень напоминало настоящий португальский портвейн.

«Никитское крепкое» и другие сорта креплёных вин из Магарача, а также из виноградарских хозяйств в Массандре и Ливадии вскоре завоевали большую популярность у российских потребителей. К примеру, император Николай II очень любил марочный красный портвейн «Ливадия», производимый из винограда сорта Каберне-Совиньон. С 1902 года в Магараче начали выпускать креплёные вина под различными номерами, начиная с «№ 21».

Эта традиция — присваивать номера креплёным винам — осталась и при советской власти. Однако, в отличие от дореволюционных времён, основную долю в производстве портвейна стали составлять ординарные сорта. При том что советское креплёное стало «гордо» называться портвейном, традиционная технология с целью удешевления конечного продукта была изменена. Вместо коньячного спирта в вино стали добавлять обычный зерновой спирт. В лучшем случае он был высшей степени очистки, а портвейн определённое время выдерживался в дубовых бочках. В худшем — спирт брали какой попало, а портвейн (точнее, то, что называлось этим словом) без выдержки поступал в продажу. Именно креплёные вина низкого качества — «Агдам», «Кавказ», «Золотистый» — получали в народе весьма звучные названия: «жушка», «чернила», «бормотуха», «биомидин» (в медицине используется антибиотик с таким названием, однако «биомидином» в «определённой среде» по созвучию называлось украинское «біле міцне»). Ординарным портвейнам качеством получше обычно присваивались двузначные или трёхзначные номера: 13, 15, 26, 33, 72 и, конечно, 777 — «три топорика», или «генеральский портвейн». И только лишь 7–8 % всего портвейна в СССР изготавливалось согласно строгим португальским традициям.

Во многом в соответствии с качеством и ценой портвейна подразделялся и контингент его потребителей. Публика попроще довольствовалась «Агдамом» и другими дешёвыми портвейнами, цена которых начиналась от одного рубля за бутылку. О «лёгком фруктовом тоне» и «коньячном оттенке» в подворотне или тесной заводской камерке не рассуждали, главное, как говорится, «дешево и сердито». Следующая ступень — потребители номерных портвейнов. Эти портвейны называли «интеллигентскими», особо почитаемы были «номера» у творческой интеллигенции во время традиционных посиделок на кухне. «Там цензура и портвейн, здесь — свобода и коньяк», — писал Сергей Довлатов, сравнивая СССР и Америку. Другое народное название номерных портвейнов — «летний вариант», в отличие от водки — «варианта зимнего». И наконец, элита, те, кто мог позволить себе купить и, самое главное, достать хороший портвейн. За пределами Крыма и Кавказа найти в винных магазинах марочные сорта портвейна было нелегко, и поэтому курортники привозили с южных берегов на родину не только воспоминания о солнце, ласковом море и беспечном курортном романе, но и бутылочку-другую. «Портвейн белый Сурож», «Портвейн белый Южнобережный», «Портвейн красный Крымский», «Портвейн красный Массандра», «Карданахи», «Акстафа», «Алабашлы», «Айгешат», «Портвейн Эчмиадзинский» — бутылки с этими винами долго стояли на почётных местах в сервантах и открывались только в самых торжественных случаях.

Кто-то, особенно сторонники трезвого образа жизни, может сказать, что мы слишком много уделяем внимания портвейну и всему, что с ним связано. Но в СССР портвейн был не просто алкогольным напитком — он составлял, да не покажется такое утверждение преувеличенным, определённую часть культуры. В СССР о портвейне слагали песни: «Мама — анархия, папа — стакан портвейна!» — пел кумир молодёжи 80-х Виктор Цой. По стране ходило немало анекдотов об этом вине, например такой: «В СССР из всех наркотиков был легализован только портвейн. Его можно было купить в любом магазине. Однако правительство специально добавляло в портвейн ароматизаторы, которые делали невозможным принятие больше трёх, максимум пяти бутылок. Поэтому передозировки в СССР не было».

Определённое место занимал портвейн и в литературе и живописи. Портвейн упоминали в своих произведениях Сергей Довлатов, Венедикт Ерофеев и другие писатели. А известный московский художник Сергей Семёнов, иллюстрировавший повесть «Москва — Петушки» и вдохновлённый то ли произведением Ерофеева, то ли самим благородным напитком, создал полотно «Взбесившиеся портвейны», которое, по мнению очевидцев, производит просто-таки эпохальное впечатление.

Особой любовью у ценителей пользовались этикетки, среди которых попадались настоящие шедевры, например: «Азербайджанское вино. Портвейн белый 777. Цена со стоимостью посуды для 1-го пояса — 3 руб. 40 коп., 2-го пояса — 3 руб. 80 коп., 3-го пояса — 4 руб. 50 коп. Содержание спирта 18 об. Вместимость 0,7 литра. Сахара 10 %». Или: «ТаджикСадВинСовХозТрест. Портвейн красный № 8. Крепость 18 %». И не важно, что настоящий портвейн производится в долине реки Дору в Португалии, а не в Азербайджане или загадочном «ТаджикСадВинСовХозТресте». Главное ведь не этикетка и не сам портвейн. Главное — воспоминания об ушедшей молодости и об эпохе, в которую мы родились...

«Красная Москва»

В 2001 году в Москве рядом с торговым комплексом «Гостиный двор» фабрика «Новая заря» открыла единственный в России музей парфюмерии. «Экспонаты у нас подобраны так, — рассказывает директор и единственный старший научный сотрудник музея Анна Багулина, — что, рассматривая хрустальные флаконы, шёлковые футляры для духов и глицериновое мыло, вы можете проследить историю страны». Действительно, «Злато скифов», «Чёрный ларец», «Голубой ларец», «Каменный цветок», «Незнакомка» — это не просто духи, не просто безликие парфюмерные изделия, это неотъемлемая часть истории страны, символы эпохи. И конечно же, почётное место в экспозиции занимает «Красная Москва»...

В каждой шутке, как известно, есть доля истины. В послевоенные годы в СССР ходила такая шутка: «Не смогли немцы взять Москву, так хоть взяли „Красную Москву“». Действительно, в Советском Союзе не было более знаменитых духов, чем «Красная Москва». Обволакивающий пряный запах с оттенком сирени и лёгким флёром амбры был известен всему миру. А немцы, как и другие иностранцы, покупали «Красную Москву» в огромном количестве...

Рассказ о «хите» советской парфюмерной промышленности мы начнём с далёкого 1864 года. В этом году в Москве, в бывшей конюшне в Тёплом переулке, выходец из Франции Генрих Брокер (позже он принял православие и стал на русский манер именоваться Генрихом Афанасьевичем) открыл мыловарню. Производство поначалу было весьма скромным — три человека (сам Брокер, хозяин помещения Иван Бурдаков и дворовой мужик Герасим) в трёх кастрюлях варили мыло, около 100 кусков в день. В те годы производство парфюмерии в России находилось в зачаточном состоянии. Мыло и другие предметы гигиены в основном завозились из-за границы, стоили дорого и были доступны только элите общества. В этой ситуации Генрих Брокер решил воплотить в жизнь одну простую и, как всё простое, гениальную идею — мыть руки с мылом должны все, а не только богатые. Брокеровское «Народное» мыло (оно было одновременно и туалетным, и хозяйственным) стоило всего одну копейку. Если раньше рабочие и крестьяне мылись щёлоком, получаемым из печной золы, то теперь вполне могли позволить себе покупать мыло и «быть как баре».

Производство росло как на дрожжах. Фабрика постоянно расширялась. Уже через несколько месяцев она переехала в дом на Зубовском бульваре, затем, в сентябре 1866 года, — в дом Соколова на Пресне, а через три года фабрика Брокера оказалась в новом здании на углу Арсеньевского переулка и Малой Серпуховской улицы (ныне — улицы Павла Андреева и Люсиновская).

Но не только дешёвизной «брал» Брокер. Его остроумные находки в оформлении продукции и точно направленная реклама позволяли завоёвывать покупателей среди всех слоёв населения. Брокер первым в России начал выпускать мыло для детей. На каждом куске была выбита буква русского алфавита (можно сказать, что это мыло стало прообразом современных «киндер-» и прочих «сюрпризов»). Мыло с оригинальным названием «Огурцом» действительно по форме напоминало огурец и пользовалось огромным спросом у покупателей. Удачно экспериментировал Брокер и с упаковкой. Именно он первым придумал помещать на обёртке стихи Пушкина и Лермонтова и отрывки из басен Крылова.

Постепенно Брокер выбился и в «высший свет». Помогло ему в этом знакомство с дочерью Александра II, великой княгиней Марией Александровной. Генриху Афанасьевичу повезло — он получил приглашение на торжественный приём, устроенный великой княгиней. Конечно же, Генрих Брокер не преминул воспользоваться возможностью представить свой товар члену императорской фамилии. И сделал он это с присущими ему выдумкой и находчивостью. Можно ведь было просто подойти к княгине с готовыми образцами своей продукции и сказать что-то вроде: «Вот, Ваше Высочество, духи, которые производятся на моей фабрике». Но Брокер поступил иначе. Великой княгине был преподнесён изящный букет восковых цветов. Каждый цветок букета был пропитан духами Брокера и при этом имел свой природный запах. Благоухающий подарок так понравился дочери государя-императора, что вскоре товарищество «Брокер и К°» было удостоено звания «придворного поставщика Государыни Великой княгини Марии Александровны, герцогини Эдинбургской». Позже фабрика Брокера стала поставщиком Российского императорского двора и испанской королевской фамилии.

Гениальным рекламным ходам Брокера вполне могут позавидовать современные PR-технологи. Завоевать рынок мыла оказалось, в общем-то, не сложно. А вот с духами было гораздо труднее. Покупатели духов обычно консервативны в своих пристрастиях и отдают предпочтение продукции известных торговых марок. Пусть духи Брокера ни в чём не уступали французским, пусть они не раз брали первые призы на всевозможных выставках, всё равно: «французские духи — это шик, а русские даже духами назвать нельзя», — так думали покупатели. Опять же, Брокер мог пойти по обычному пути — попытаться доказать через рекламу, что его духи ничуть не хуже французских. Но Брокер не был бы Брокером, если бы поступил так, как любой другой предприниматель на его месте. Он нашёл нестандартный и, как всегда, очень эффективный ход. В присутствии свидетелей в специально помеченные брокеровские флаконы были разлиты духи престижной французской торговой марки «Любрэн». «Это никуда не годится, Брокеру никогда не догнать французков», — едва

ли не половина покупателей возвращали духи назад с жалобами на их низкое качество. Этого-то Генрих Афанасьевич и ждал. «Искушённая» в качественных духах публика была посрамлена. Брокер доказал привередливым покупателям, что выбирать нужно сам товар, а не упаковку. С тех пор брокеровские духи стали неизменным атрибутом туалетных столиков в лучших домах российской элиты.

Генрих Брокер умер в 1900 году, оставив наследникам — жене, двум сыновьям и дочери — свою парфюмерную империю. К 1900 году обороты «Товарищества Брокер и К°» достигли астрономической суммы — 2,5 млн. рублей в год. Неудивительно, что на знаменитую фабрику желали устроиться работать парфюмеры со всего мира. В начале XX века в Москву приехал талантливый парфюмер Август Мишель, обладавший, по воспоминаниям работавших с ним людей, тонким вкусом и настоящим французским юмором. Под руководством Мишеля были созданы несколько новых видов духов. В 1913 году Август Мишель представил свой новый шедевр — духи «Любимый букет императрицы», выпущенные специально к 300-летию дома Романовых. Именно эти духи стали прообразом самых знаменитых духов советской эпохи. Но прежде чем «Любимый букет императрицы» стал «Красной Москвой», фабрике Брокера, как и всей стране, пришлось пережить тяжёлые времена революционных бурь.

После октября 1917 года фабрика «Брокер и К°» была национализирована, подчинена тресту «Жиркость» и переименована в «Государственный мыловаренный завод № 5». Под этим неблагозвучным названием фабрика просуществовала до 1922 года, когда помещения предприятия были переданы Гознаку. И если бы не решительность директора «мыловаренного завода № 5» Евдокии Уваровой, кто знает, как бы сложилась дальнейшая судьба самой знаменитой российской парфюмерной фабрики? Уварова ради спасения предприятия пошла не к кому-нибудь, а к самому В. И. Ленину. И сумела-таки убедить вождя в том, что оборудование фабрики сохранилось в рабочем состоянии и производство парфюмерной продукции в СССР можно и нужно наладить в больших объёмах. Рабочие восстановили из руин помещения бывшей обойной фабрики Сладкова, и 1 ноября 1922 года состоялось торжественное открытие «Государственного парфюмерно-мыловаренного завода „Новая Заря“». С этого момента в истории детища Генриха Брокера началась новая эпоха.

Не многие иностранцы, жившие в царской России, остались в Советском Союзе. Но парфюмер Август Мишель не уехал и продолжал работать на «Новой Заре». Ведь женщина, несмотря на всевозможные перемены, всегда остаётся женщиной, и истинный мастер мира духов всегда найдёт себе работу. Мишель создал духи «Манон», но они оказались слишком буржуазными, не подходили под образ «женщины нового мира». И тогда Август Мишель вспомнил о другом своём произведении...

В печати можно встретить две противоположные версии появления на свет духов «Красная Москва». По одной, эти духи, первая партия которых была выпущена в 1925 году, являются точной копией духов «Любимый букет императрицы», созданных Августом Мишелем в 1913 году. По другой версии, «Красная Москва» является оригинальным произведением парфюмеров «Новой Зари». На самом деле, истина, как это часто бывает, находится где-то посередине. Август Мишель действительно взял за основу духи «Любимый букет императрицы», но их композиция была существенно переработана в соответствии с велениями времени. Естественно, что был изменён и дизайн упаковки, разработанный талантливым художником Андреем Евсеевым.

«Красная Москва» получила признание не только на родине, но и за её пределами. Бренд «Moscou Rouge» (под таким названием духи экспортировались за рубеж) известен и почитаем знатоками парфюмерии во всём мире. В 1958 году на Международной выставке-ярмарке в Брюсселе духи «Красная Москва» получили Золотую медаль. С 1995 года они представляют Россию в Музее запахов «Осмотека» в Версале. А в 2000-м на Международной выставке-ярмарке парфюмерной продукции, проходившей в столице России, «Красная Москва» завоевала Гран-при.

В 2005 году исполнилось 80 лет с тех пор, как началось производство «Красной Москвы». И несмотря на то что с тех пор наша жизнь значительно изменилась и сейчас наши женщины свободно могут купить (конечно, при наличии денег) духи самых известных парфюмерных домов мира, «Красная Москва» по-прежнему популярна. Что неудивительно, ведь истинные ценности неподвластны веяниям капризной моды...

Командирские часы

На первый взгляд, Чистополь — ничем не примечательный городок, тысячи таких были разбросаны по всему Советскому Союзу. Обычный районный центр в Татарии, пристань на реке Кама, около 70 тысяч жителей. И тем не менее, город Чистополь был известен во многих уголках мира, на всех континентах земного шара. Правда, произносили это слово иностранцы с большим трудом, язык приходилось поломать изрядно. Особенно тяжело было немцам: «Тсшистопол!» — с трудом выговаривали бургеры, а затем обычно поднимали вверх большой палец и радостно добавляли «Командирские!».

Да, именно в Чистополе производили знаменитые «Командирские» часы. Эти часы с середины 60-х годов были одной из самых узнаваемых советских торговых марок в мире. В СССР умели производить лучшие космические корабли и баллистические ракеты, автомат Калашникова считался лучшим в мире видом стрелкового оружия, а танк Т-34 — лучшим танком всех времён, однако с товарами народного потребления, необходимыми человеку в повседневной жизни, были, мягко сказать, проблемы.

История Чистопольского часового завода «Восток» (ЧЧЗ) началась во время Великой Отечественной войны, когда из Москвы на Каму был эвакуирован Второй московский часовой завод. В военные годы ЧЧЗ выпускал часовые механизмы для нужд фронта. Точность, надёжность и безотказность в самых тяжёлых условиях — этими принципами чистопольские часовщики руководствовались во время войны, эти же принципы остались главными, когда ЧЧЗ перешёл на выпуск мирной продукции. С начала 50-х годов часы «Восток» завоевали популярность в СССР, а в начале 60-х о часах из Чистополя узнали за границей — прецизионные часы «Восток» удостоились Большой золотой медали на очень престижной в те времена Международной Лейпцигской ярмарке. Но настоящая слава пришла к ЧЧЗ после того, как в 1965 году Министерство обороны СССР заказало для высшего командирского состава партию противоударных часов на анкерном ходу с фосфоресцирующими стрелками.

Разработку новых часов курировал сам министр обороны СССР Родион Малиновский. Столь высокое внимание накладывало на работников ЧЧЗ особую ответственность. «Часы мы разрабатывали в жутком цейтноте, — вспоминала в интервью еженедельнику „Аргументы и Факты“ начальник бюро внешнего оформления Чистопольского завода Валентина Фёдоровна Белова. — Шутка ли! Ведь приказал их сделать сам маршал Малиновский. Часы должны были быть самыми точными, потому что на войне нужна пунктуальность, и самыми прочными. В новинку был циферблат со светящимися цифрами. Но главная изюминка — стопорный механизм, или, другими словами, секундомер. (Говорят, разработать его помогли чертежи механизмов, применяемых в военных минах.) Наша группа работала над оформлением корпуса. Мы предложили более полусотни вариантов. Больше всего министру понравился вариант со звездой на циферблате в круглом корпусе. За это нас поощрили премией в 50 рублей. Колоссальные деньги — почти ползарплаты».

«Командирские» часы сразу же завоевали любовь и уважение у офицерского состава. Даже высшие руководители оборонного ведомства, которые могли позволить себе носить дорогие часы лучших швейцарских фирм, предпочитали «Командирские». Эти часы можно было взять в спортзал, на рыбалку или охоту, на учения и при этом совершенно не бояться их каким-либо образом повредить. Противоударные свойства «Командирских» таковы, что раньше при проверке подлинности их просто бросали со всей силы в стену или специально роняли на пол. Искушённые покупатели знали — если это настоящие «Командирские», то они без проблем пройдут такую жестокую проверку. Подделки же такого испытания не выдерживали, рассыпались, и, как говорится, туда им и дорога. Ещё более уникальными свойствами обладали специальные часы для подводников «Амфибия», созданные на чистопольском заводе в 1967 году. «...10 ...7 ...5. Неумолимо, метр за метром движется колесо машины. Затаив дыхание, застыли люди. Что же будет? ...Три ...метр, и, наконец, произошло то, чего с таким любопытством ожидал собравшийся здесь народ: колесо „Волги“ переехало... часы», — так газеты описывали «ходовые» испытания «Амфибии». Приходилось «Командирским» бывать и в боевых условиях. Вьетнам, Камбоджа, Египет, Афганистан, Ангола — в горячих точках планеты вместе с владельцами суровые испытания проходили и «Командирские» часы.

Как и любая другая культовая вещь, «Командирские» часы стали объектом народного фольклора. Вот, например, один из анекдотов: «Часы „Командирские“ — пылекаменепроницаемые с зубонепрокусываемым ремешком и смертным боем. Часы имеют от 8 до 12 стрелок. Четыре показывают время, остальные — тоже показывают время, но неправильное, чтобы сбить с толку вероятного противника. Стрелки покрыты специальным фосфоресцирующим составом, благодаря которому они светятся в темноте, вероятный противник принимает их владельца за собаку Баскервилей и от страха умирает на месте. Ни на секунду не расслабляются, всегда готовы к бою. По конвенции ООН запрещены к использованию против мирного населения».

На самом деле «мирное население» с удовольствием пользовалось «Командирскими», часы из Чистополя и среди гражданских людей считались поистине «генеральским» подарком. В советское

время часы распределялись через Главное управление торговли Министерства обороны СССР, и простой штатский мог достать «Командирские», только располагая хорошими связями среди военных.

Долгое время «Командирские» часы выпускались с одним и тем же классическим дизайном — массивный корпус весом около 100 граммов из латуни или нержавеющей стали, изображение танка, подводной лодки (на часах «Амфибия») или просто надпись «Командирские» на циферблате, окошечко с текущей датой, кожаный или металлический браслет. Сейчас модельный ряд «Командирских» часов расширился, оформление циферблата стало более разнообразным. А вот механическая часть часов остаётся неизменной — стальные анкерные колёса и вилки, опора на 17 рубиновых камнях, заводные часовые пружины из специальных прецизионных сплавов, противоударное устройство узла баланса.

За рубежом пик популярности «Командирских» часов пришёлся на вторую половину 80-х годов, после начала перестройки, когда всё советское стало модным. «Советское чудо — часы из Чистополя» — такая реклама светилась в самом центре Нью-Йорка. Но «Командирские» были не просто модным, но ещё и очень качественным товаром. Надёжность чистопольских часовых механизмов пользовалась уважением у часовщиков всего мира, недаром ЧЧЗ поставлял свои механизмы немецким и швейцарским фирмам. А в 1991 году, когда американцы готовились к операции «Буря в пустыне», Пентагон заказал ЧЧЗ партию «Командирских» часов с изображением американского флага на циферблате. Эти часы так понравились американцам, что первоначальный заказ в 10 тысяч был увеличен до 40 тысяч.

Переход к рыночным условиям оказался губительным для часовых заводов бывшего СССР. Производство часов практически рухнуло. Если в начале 80-х в Советском Союзе выпускалось 40–45 миллионов часов различных видов, то в 1998 году эта цифра сократилась до двух миллионов. Бывшие часовые «гранды» влачат жалкое существование, часть заводов еле держатся на плаву, а часть и вовсе прекратили производство. Знаменитые некогда марки — «Слава», «Чайка», «Заря» — ныне забыты.

Всё вышесказанное не относится только к одному заводу и одной марке часов — Чистопольскому часовому и «Командирским». Популярная торговая марка и умелое управление руководителей спасли предприятие от краха. Сегодня ЧЧЗ является единственным на территории бывшего СССР стабильно работающим часовым заводом. «Командирские» часы, как и раньше, имеют признание во всём мире, в рейтинге покупательской популярности одного из самых известных часовых сайтов «Watch & Clock» марка «Командирские» занимает четвёртое место, опережая знаменитые Seiko и другие именитые брэнды. Времена меняются, но «Командирские» часы, один из символов советской эпохи, по-прежнему в строю, ведь над истинными ценностями время не властно.

ВАЗ-2101

В апреле 1966 года Председатель Совета министров СССР Алексей Николаевич Косыгин выступил с докладом «Директивы XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства на 1966–1970 гг.». В этом докладе было отмечено, что в СССР в ближайшие годы необходимо построить новый автомобильный завод, соответствующий мировым стандартам. После этого специалисты разложили на столе огромную карту Советского Союза и отметили на ней примерно 100 точек, обозначив таким образом возможные места строительства будущего автогиганта. Вскоре точек осталось 39, а затем всего шесть: Горьковская площадка, Вологодско-Ярославская, Саратовская, Украинская (в районе города Бровары), Белорусская и Волжская, располагавшаяся в районе Тольятти. Так в СССР начиналась новая революция...

Это действительно была революция, как бы высокопарно это ни звучало. Революция и начало новой эры в целой отрасли народного хозяйства. В «дожигулёвское» время у советского автолюбителя выбора практически не было. «Запорожцы» (да простят автора многочисленные бывшие и нынешние владельцы этих автомобилей), даже советские граждане считали «недоавтомобилями». Другой полюс — «Волга», недоступная мечта советского автомобилиста. Газовские автомобили стоили дорого, к тому же, чтобы купить «Волгу», нужно было либо иметь особые заслуги перед страной или специальное разрешение партийных органов, либо проработать несколько лет за рубежом. Средним классом считались «москвичи», производившиеся на московском заводе АЗЛК и ижевском «Ижмаше». Но и они погоды не делали. Всего же до 1970 года советская автопромышленность производила в лучшем случае 300 тысяч автомобилей в год, и это на огромную страну с населением 250 миллионов человек!

Волжский автозавод и легендарная «копейка» произвели революцию не только в автопроме, но и оказали огромное влияние на жизнь общества. Говорят, что однажды Егор Кузьмич Лигачёв назвал завод «могильщиком социализма». Действительно, с появлением «копейки» изменилось сознание советского человека. Если раньше уделом рядового гражданина был общественный транспорт, а об автомобиле можно было только мечтать, то после появления «копейки» у того же гражданина начал развиваться инстинкт собственника и желание не сидеть на месте, а путешествовать. В начале XX века Генри Форд предложил американцам «модель Т» по цене 850 долларов, а усовершенствовав производство, в конце концов снизил цену до 360 долларов. Как говорили тогда, «до „модели Т“ была эра самобеглых колясок, а после её появления началась эра автомобилей». Америка пересела на колёса, а американская экономика получила мощнейший толчок для развития. Подобного «автомобильного чуда» ждали и в СССР...

Помимо вопроса «Где строить новый автозавод?», нужно было принципиально решить ещё два: «Как его строить?» и «Какой автомобиль на нём выпускать?». У советских, как говорится, собственная гордость, но в данном случае о гордости надо было забыть. Советское автомобилестроение отставало от западного на десять, а то и больше, лет. Были талантливые конструкторы, были смелые технические решения, но в целом ситуация сложилась просто катастрофическая. Поэтому решено было строить новый автогигант с привлечением иностранного капитала. Для тех, кто мало знаком с историей отечественной автопромышленности, скажем, что в данном случае советское правительство пошло уже проторённым путём. Введённый в эксплуатацию в 1932 году Горьковский автозавод был построен совместно с компанией «Форд», а легендарная «полторка», самый массовый грузовой автомобиль 30–40-х годов, являлась копией фордовской модели «АА».

Предварительные переговоры велись с несколькими иностранными компаниями. Наиболее реальными претендентами считались немецкий «Фольксваген» и итальянский ФИАТ. В итоге победили итальянцы. 4 мая 1966 года в Турине между Межведомственной комиссией Советского Союза и руководством фирмы ФИАТ во главе с главой концерна Джованни Аньелли было подписано соглашение «О сотрудничестве в области разработки конструкции автомобиля, проекта автомобильного завода и его строительства в СССР». Была определена и машина, которая должна была стать прототипом будущего советского «народного автомобиля», — ФИАТ-124, в 1965 году завоевавшая титул «европейский автомобиль года». На итальянскую компанию выбор пал не случайно. Во-первых, плодотворное сотрудничество с ФИАТом велось много лет, модель ФИАТ-124 имела неплохие технические характеристики и была хорошо приспособлена для массового производства. А во-вторых, у решения сотрудничать с итальянцами была и политическая подоплёка. Итальянская компартия в те годы была одной из самых мощных в Европе, позиции коммунистов в самой Италии были очень сильны, и, совершив подобный шаг, советское руководство оказывало дополнительную поддержку итальянским товарищам.

20 июля 1966 года ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли постановление № 558 о строительстве в Тольятти автомобильного завода. Это тоже было символично. До 1964 года город назывался Ставрополь-на-Волге, а затем был переименован в честь Генерального секретаря итальянской компартии Пальмиро Тольятти. Так что итальянский автомобиль на итальянском оборудовании должен был выпускаться в городе, носящем имя итальянского политического деятеля.

В августе 1966 года комиссия Минавтопрома СССР под руководством начальника Главного управления по производству легковых автомобилей и автобусов Н. Ф. Гринчара приняла решение, что автозавод будет строиться на площадке около деревни Русская Борковка в 20 километрах от Тольятти. Через несколько дней на площадку прибыли геодезисты, начавшие разметку корпусов будущего автозавода.

В это же время завод получил своё имя. В советскую эпоху существовала традиция называть большинство марок автомобилей по первой букве города, где располагался завод, с добавлением сокращения «АЗ» — «автомобильный завод» — ГАЗ, МАЗ, ВАЗ. Но в случае с новым заводом соответствующее сокращение звучало бы неблагозвучно, и потому решено было назвать его «Волжским автомобильным», а новый автомобиль — «ВАЗом». Похожая история произошла, когда первые вазовские автомобили отправились на экспорт. Красивое название «жигули» (оно было официально присвоено новому автомобилю 7 сентября 1970 года) из-за созвучия со словом «жиголо» оказалось совсем не подходящим для заграницы, особенно для испаноязычных стран. Так что на экспорт «копейка» пошла под названием «Лада».

Но до того времени, когда ВАЗ начал экспорт своей продукции, как и до того момента, когда с конвейера ВАЗа сошёл первый автомобиль, было ещё далеко. Стройка, даже по советским гигантским масштабам, была грандиозная. 14 января 1967 года экскаватор вынул первый ковш грунта на строительстве Волжского автозавода. Всего же за 50 месяцев строительства объём земляных работ составил 129 миллионов кубометров, было построено 2300 квадратных метров производственных площадей.

Одновременно с возведением корпусов заводов конструкторы АвтоВАЗа вели кропотливую работу по доводке ВАЗ-2101 к массовому производству. За четыре года было испытано 9 серий и 35 образцов новых автомобилей, их общий пробег составил свыше двух миллионов километров. Хотя и был ФИАТ-124 «автомобилем года» в Европе, но чтобы сделать его «русским народным автомобилем», нужно было приспособить «итальянца» к суровым условиям эксплуатации в Советском Союзе. В Италии, например, минусовая температура — большая редкость. И потому конструкторы ФИАТа не обращали особого внимания на проблемы зимнего пуска и эффективного обогрева салона. На просторах же «одной шестой части суши» морозы за минус 30 были вполне обыденным явлением. Серьёзной переработке подверглась и подвеска ФИАТ-124. Итальянские дороги хоть и не были лучшими в мире, но, тем не менее, существенно отличались от «направлений», по которым приходилось ездить советским автолюбителям. Значительные изменения претерпели кузов, двигатель, трансмиссия, коробка передач. В общей сложности в конструкцию итальянского автомобиля было внесено свыше 800 изменений.

Постепенно приближался «час X» — момент, когда с конвейера ВАЗа должен был сойти первый автомобиль. Строители ещё заканчивали отделку корпусов, а рабочие завода совместно с итальянскими коллегами уже осваивали оборудование, выпуская пробные партии отдельных частей автомобиля. Крыша, дверь, крыло, багажник, и наконец в 14:00 18 апреля 1970 года на первую нитку главного конвейера пошли на сборку шесть первых кузовов — два синих и четыре красных. Рабочие цеха сборки заняли свои места, приготовили необходимое оборудование, комплектующие, технологические карты. Сборщики отработывали свои операции по много раз, каждый прекрасно знал, что и как нужно делать. Но тем не менее, все очень волновались.

Сборка первых автомобилей велась с особой тщательностью, первые шесть пробыли на конвейере всю ночь с 18 на 19 апреля, и наконец к семи часам утра вазовские первенцы добрались до финиша. На первом автомобиле с конвейера выехал итальянский шеф-инструктор Бенито Гуидо Савоини, пять остальных вывел начальник участка цеха № 45-3 Владимир Сафонов. Ещё несколько месяцев заняла доводка и отладка производства, и в августе 1970 года первые автомобили ВАЗ-2101 поступили в торговую сеть.

Первые «копейки» стоили 5000 рублей — сумма неподъёмная для простого советского инженера или рабочего, для которого, по первоначальному замыслу, и предназначалась эта машина. Но ни о какой свободной продаже речь не шла. Право на получение автомобиля нужно было заслужить — ударным трудом, серьёзными научными открытиями или же... Или же имея «нужные связи». Уделом остальных граждан была длинная очередь, ожидание в которой затягивалось на годы. Непросто было купить и автомобиль, уже бывший в эксплуатации. Даже весьма изношенные и побывавшие не в одной аварии экземпляры отрывали «с руками». В комиссионной продаже автомобили стоили гораздо дороже. Но никакие трудности не останавливали желающих перейти из категории «пешеходов» в престижную касту «автолюбителей». Особенно ценились автомобили первых лет выпуска, без особых проблем перекрывавшие заявленный заводом ресурс эксплуатации (125 тысяч километров) в три, а то и больше раз. ВАЗ тогда действительно был «чужим среди своих», всё производство велось с соблюдением строгих стандартов, заложенных конструкторами ФИАТа. Даже традиционная для всего Советского Союза погоня за перевыполнением плана на ВАЗе не приветствовалась и не поощрялась, поскольку это создавало угрозу качеству. Правда, позже эта хорошая традиция была забыта. Да и спрос, в советское время всегда опережавший предложение, в конце концов сыграл с заводом злую шутку. Зачем вкладывать силы и средства в модернизацию

производства и разработку новых моделей, рассуждали на заводе, если покупатель всё равно возьмёт всё, что ему предложат? В итоге, когда на просторы бывших союзных республик хлынул поток иномарок, пусть сильно подержанных и много повидавших на своём веку, ВАЗ впервые в своей истории столкнулся с проблемой затоваривания и только ценой больших усилий сумел остаться на плаву.

Всего с 1970 по 1984 год АвтоВАЗ выпустил 2 702 657 автомобилей модели ВАЗ-2101. Со времени выпуска первого ВАЗ-2101 прошло уже больше 35 лет, но «копейки» по-прежнему колесят по нашим дорогам. Во многих городах бывшего СССР существуют клубы поклонников «копейки». Среди членов этих клубов попадаются очень небедные люди, в повседневной жизни разъезжающие на дорогих «мерседесах» или «БМВ». Но эти весьма занятые люди находят время, чтобы сесть за руль бережно сохранённых или восстановленных «жигулей», завести мотор и вспомнить молодость. Ведь «мерседес» — это для работы и поддержания имиджа, а «копейка» — это нечто большее, это первая «автомобильная» любовь, которая, как и первая любовь к женщине, не забывается никогда...

Кубик Рубика

Он входил в наши дома, словно троянский конь. Милая незатейливая головоломка... Мы же умные, мы учимся в математических классах, пишем кандидатские и докторские диссертации, в конце концов, запускаем ракеты в космос. А тут какой-то кубик, что нам стоит его собрать. Сейчас быстренько соберём, а потом вернёмся к своим делам... Проходили часы, дни, месяцы. Постепенно интерес к игрушке переходил в ненависть к ней и её изобретателю. Что ж такое, ведь всё кажется таким простым — 26 костяшек нужно повернуть так, чтобы каждая из шести граней кубика была своего цвета... НО КАК ЖЕ ЭТО СОБИРАЕТСЯ?!!

За несколько лет было выпущено около 100 миллионов «официальных» кубиков Рубика и раза в полтора-два больше поддельных. Статистика утверждает, что каждый восьмой житель Земли оказался под «тлетворным влиянием» кубика Рубика (и это с учётом миллиарда китайцев, к которым кубик не попал по причине «идеологической вредности»). А вот сколько невинных игрушек «погибло от рук владельцев», подсчитать невозможно. Но можно с уверенностью сказать, что много, очень много. Их швыряли в стену, бросали в окно (чтобы потом, минут через пять, выбежать во двор и подобрать драгоценный кубик — личный опыт автора), топтали ногами, разбивали молотком и другими тяжёлыми предметами, даже жгли в печках! Некоторые неустойчивые индивидуумы от невозможности собрать кубик и сознания собственной бездарности уходили в запой (личный опыт великовозрастного знакомого автора). И всё же в начале 80-х годов не было более желанного подарка, чем шестичетверный кубик. Эпоха кубика Рубика — уникальное явление в советской истории. Вся страна, от мала до велика, от школьников до академиков, забывая об уроках, футболе, еде и съездах партии, крутила грани, пытаясь собрать все шесть цветов...

История «кубикомании» началась весной 1974 года в Будапеште. Тридцатилетний преподаватель архитектуры и мебельного дизайна будапештской Академии прикладных искусств и ремёсел Эрнё Рубик решил для своих учеников создать принципиально новое трёхмерное учебное пособие. О всемирной славе своего изобретения скромный венгерский преподаватель и не мечтал, он просто хотел при помощи этого пособия объяснить студентам основы математической теории групп. Рубик заметил, что если несколько раз в произвольном порядке повернуть грани, то собрать кубик обратно практически невозможно. Вместе со студентами Рубик промучился целый месяц, пока ему удалось собрать им же изобретённое учебное пособие. Что, в общем-то, и неудивительно. Позже математики подсчитали, что из сорока трёх триллионов вариантов лишь один позволяет составить все цвета кубика (так называемый «алгоритм Господа»). «Что ж мне одному так мучиться?» — наверное, подумал Рубик и решил, что найдутся люди, желающие подобным образом поиздеваться над собой.

Интересно, что Эрнё Рубик был не первым, кто запатентовал подобное изобретение. Ещё в 1958 году Уильям Густафссон получил американский патент на свою конструкцию, аналогичную по принципу кубика Рубика. За ним последовали американец Ларри Николс и британец Фрэнк Фокс, получившие свои патенты в 1972 и 1974 годах соответственно. Рубик же оформил изобретение 30 января 1975 года, а официально получил права на свою игрушку в начале 1977 года. Но именно его кубик оказался наиболее удачным и потому сумел завоевать весь мир, став на несколько лет игрушкой № 1 на планете.

Однако начало истории самого знаменитого кубика было, скажем так, «не слишком триумфальным». В конце 1977 года в венгерских магазинах появилась новинка под названием «Bűvös kocka» («Волшебный кубик»). Небольшой будапештский кооператив «Политехника» выпустил его как оригинальный подарок к Новому году. Но «сверх-супер-гипер-популярности», как в начале 80-х, новая игрушка не получила и, возможно, так и не вышла бы за пределы Венгрии, если бы не немецкий предприниматель венгерского происхождения Тибор Лази...

«Когда я впервые увидел Рубика, то захотел дать ему немного денег, — вспоминал Тибор Лази. — Он выглядел как нищий, был ужасно одет, а из угла его рта свисала дешёвая венгерская сигарета. Но я знал, что вижу гения. И сказал ему, что вместе мы сможем заработать миллионы». Да, Эрнё Рубик, будущий первый миллионер социалистической Венгрии, тогда выглядел совсем непрезентабельно. Собственно говоря, сначала Тибор Лази познакомился с изобретением Рубика. Однажды предприниматель, приехав в Венгрию для деловой встречи, зашёл в кафе и увидел, как официант с увлечением «воюет» с кубиком. В этот момент и произошло «второе рождение» кубика Рубика. Лази пришёл в восторг от занятой вещицы и в тот же день отправился в венгерскую государственную торговую фирму «Консумекс» и предложил продавать кубик на Западе.

«Выход в свет» мировой индустрии игрушек состоялся в 1979 году. Лази привёз кубик Рубика на Нюрнбергскую ярмарку игрушек, причём привёз не как официальный экспонат, а просто ходил с ним от стенда к стенду и показывал его производителям игрушек. Видимо, кубик изначально был просто обречён на удачу. Игрушкой заинтересовался английский бизнесмен Том Кремер, владелец фирмы «Seven Towns Ltd», занимавшейся разработкой и внедрением различных головоломок. Мало того что Кремер был хорошо известен в мире производителей игрушек, так он к тому же имел венгерские корни. После недолгого разговора два предпринимателя решили вместе продвигать

изобретение своего соотечественника.

Но даже покровительство Тома Кремера ещё не означало, что кубик мгновенно завоеует сердца (а точнее, кошельки) производителей игрушек. Предпринимателей прежде всего интересует, как будет продаваться товар, а не то, насколько гениальным является то или иное изобретение. Кубик-де сложен и дорог в производстве, говорили бизнесмены, для того чтобы его собрать, нужно обладать изощрённым умом шахматиста, просчитывающего ситуацию на много ходов вперёд. В общем, игрушка по задумке, может быть, и хороша, но вряд ли будет представлять интерес для обычных покупателей головоломок. Полгода Лази и Кремер безуспешно пытались доказать, что кубик Рубика не только интересен сам по себе как плод ума гениального изобретателя, но ещё и будет хорошо продаваться. И только после того как патент Рубика был куплен американской компанией «Ideal Toys», кубик начал своё победное шествие по миру.

«Эта головоломка развивает логическое мышление и стереоскопическое зрение у детей и взрослых. 26 маленьких кубиков, можно поворачивать не демонтируя и помещать в различные, практически бесконечные положения. Шесть цветов могут находиться в самых разных позициях на каждой из шести поверхностей кубика. Цель — добиться, чтобы одна или больше граней кубика были окрашены в свой цвет. Синхронная манипуляция на многих поверхностях является очень сложным заданием, которое можно решить только при условии понимания логической последовательности поворотов...». Такая инструкция на английском языке прилагалась к каждому экземпляру «Rubik's Cube» (именно «Ideal Toys» присвоила кубику привычное нам название). Началом полноценной эпохи кубика Рубика можно считать май 1980 года, когда состоялась его презентация в США, и не где-нибудь, а в самом Голливуде. И стала с тех пор вся планета искать ту самую «логическую последовательность поворотов»...

Успех детища Эрнё Рубика оказался просто ошеломляющим. В 1980 году кубик был назван в Венгрии «лучшим изобретением года» и победил в конкурсах на лучшую игрушку в США, Великобритании, ФРГ и Франции. По всему миру как грибы после дождя стали открываться клубы почитателей кубика Рубика. Проблеме собирания кубика были посвящены около 100 отдельных книг, не говоря уже о тысячах журнальных и газетных публикаций. Дошло до того, что во многих ресторанах кубик Рубика стал таким же обязательным элементом сервировки стола, как, например, солонка. В 1981 году кубик попал в дизайнерскую коллекцию Нью-Йоркского музея современного искусства и был показан принцу Чарлзу и леди Диане. Через год, в 1982-м, изобретение Эрнё Рубика удостоилось чести попасть в самый престижный в мире Оксфордский словарь.

В том же 1982-м в Будапеште состоялся первый чемпионат мира по собиранию кубика Рубика. Мы уже говорили о том, что существует более сорока триллионов вариантов положения граней кубика. Так вот, чтобы составить каждый вариант по одному разу, делая один поворот в секунду, потребуется примерно 1,5 миллиарда лет. А вот первому чемпиону мира, американцу вьетнамского происхождения по имени Мин Тай понадобилось на сборку кубика 22,95 секунды. Интересно, что сам Эрнё Рубик собирает своё изобретение примерно за одну минуту.

В СССР первые «лазутчики империи кубика Рубика» стали появляться ещё в конце 70-х годов. Но до «эпидемии» ещё было далеко, единичные экземпляры, привозимые нашими людьми из Венгрии, до поры до времени оставались экзотикой. Бум начался в 1981-м. Едва ли не каждый возвращавшийся из-за границы считал своим долгом привезти одну, а то и несколько заветных игрушек. Первыми страшную силу изобретения Эрнё Рубика почувствовали на себе школы. Мы (в разгар «кубикомании» автор учился в начальных классах) забывали обо всём, что нас интересовало до этого. Игры, кино, всевозможные развлечения, не говоря уже об уроках и домашнем задании, — всё отходило куда-то далеко, пока в руках была заветная игрушка. Кубик менял школьную иерархию. Если раньше нашими кумирами были, например, чемпионы города по футболу, или обладатели импортного магнитофона и джинсовой куртки, или же просто те, кто был сильнее, то с появлением кубика всё изменилось. Школьный «авторитет», верзила, до того подчинивший себе весь класс, становился «верным рабом» какого-нибудь очкарика. Этот очкарик не умел драться, играть в футбол, изготавливать взрывпакеты, делать на турнике подъём переворотом. Этот очкарик был примерным мальчиком и никогда не хулиганил, в общем, был полным ничтожеством с точки зрения простого советского школьника. Но если он умел собирать кубик Рубика — всё, он становился безоговорочным лидером в наших компаниях.

Конечно, учителя пытались бороться с «заразой», с боями отбирали кубики. А затем сами попадали под влияние «чёртовой» игрушки, до поздней ночи сидели в учительской и с какой-то неистовой яростью пытались собрать непокорную головоломку (действительно, ну чем не инфекция — сначала болеют самые слабые, а затем вирус поражает всех остальных).

После широкого распространения кубика Рубика в официальной советской прессе появилось несколько статей и фельетонов, осуждающих «опасное увлечение». Однако вскоре «сверху» пришло указание не трогать головоломку. Наверное, свою роль сыграло «правильное» происхождение кубика — всё-таки он родился в братской социалистической Венгрии, а не где-нибудь на «загнивающем» капиталистическом Западе. После этого в журнале «Наука и жизнь» появились знаменитые статьи «Как собрать кубик Рубика». Для многих отчаявшихся «кубикоманов» эти статьи

стали настоящим спасением, и теперь они, бормоча под нос какие-то непонятные сочетания букв и цифр, смогли наконец-то справиться с кубиком.

Казалось, что кубик будет жить всегда, переходить от поколения к поколению. Но «ничто не вечно в этом мире» — банальная, но оттого не менее справедливая истина сработала и в случае с игрушкой № 1 тех времён. Может быть, потому, что кубик оказался слишком сложным, и многим его обладателям так и не удалось его собрать. А может быть, из-за того, что в нашу жизнь медленно, но уверенно входили компьютерные игры. Так или иначе, но интерес к кубику Рубика вскоре угас, как у нас, так и во всём мире. Эрнэ Рубик придумал ещё несколько головоломок (в СССР они назывались «Бесконечность», «Змейка» и «Кирпичики Рубика»), но они такого успеха, как кубик, не имели. К середине восьмидесятых кубик Рубика перестал пользоваться спросом и практически исчез с прилавков магазинов.

Однако насовсем в небытие кубик не ушёл. В 1985 году Том Кремер перекупил права на детище Эрнэ Рубика и постепенно возродил его производство. Конечно, до прежних масштабов было далеко, но всё-таки в начале 90-х кубик вновь появился в продаже и пользуется хоть и небольшим, но устойчивым спросом. В 2002 году даже прошёл второй чемпионат по сборке кубика Рубика, победителем которого с результатом 20,2 секунды стал некий Дэн Найтс из Сан-Франциско. А в сети Интернет появился виртуальный собрат самой популярной игрушки 80-х годов.

Недавно Эрнэ Рубику исполнилось 60 лет. Он по-прежнему занимается любимым делом, изобретает новые игрушки. «Успех кубика позволил мне делать то, что мне нравится, — сказал Рубик в интервью одной из газет. — Я не тот человек, который стремится превзойти самого себя. Я нахожу радость в том, чем я занимаюсь». Эрнэ Рубик счастлив и доволен жизнью. Чего мы и вам желаем...

Мавзолей Ленина

«Тот, кто предлагает забальзамировать тело нашего вождя, великого Владимира Ильича Ленина, поступает в корне неправильно. Это ведь антимарксистская эсеровщина, дурно влияющая на крестьян, которые скажут: „Они разгромили наших богов, посылали работников ЦК, чтобы разбить мощи; а теперь они сами творят свои мощи“».

Эти слова принадлежат не кому-нибудь, а самому Клименту Ворошилову, «красному маршалу» революции. И подобное мнение было отнюдь не единичным. Против бальзамирования выступала вдова Ленина Надежда Константиновна Крупская, некоторые другие высокопоставленные руководители Советского государства. Споры о том, бальзамировать ли тело Ленина или же похоронить, велись и среди ближайших соратников вождя. Но в итоге комиссия по организации похорон (позже, по понятным причинам, переименованная в «комиссию по увековечиванию памяти В. И. Ленина») под председательством Феликса Дзержинского приняла решение забальзамировать тело вождя и выставить его на всеобщее обозрение. Вначале временно, чтобы дать возможность всем желающим попрощаться с Лениным, а затем постоянно. На века, как думали тогда...

21 января 1924 года в 18 часов 50 минут Владимир Ильич Ленин скончался на подмосковной даче в Горках. На следующий день профессор кафедры патологической анатомии Московского университета Алексей Иванович Абрикосов произвёл временное бальзамирование тела (через аорту была сделана инъекция смеси спирта, формальдегида и глицерина). «Два месяца в склепе пролежит?» — спросили Абрикосова на заседании ЦИК СССР. «Думаю, да. Если будет сухо и прохладно». На это же заседание был приглашён известный архитектор Алексей Викторович Щусев, которому и было поручено строительство временного склепа для гроба Ленина. Интересно, что до 1917 года Щусев строил церкви, причём преимущественно в Украине. Первой его самостоятельной работой был проект иконостаса Успенского собора Киево-Печерской лавры. По его проектам построены монастырский комплекс в Овруче, Троицкий собор Почаевской лавры, несколько других церквей. Среди других известных работ Щусева — Казанский вокзал Москвы, здание гостиницы «Москва», он принимал участие в разработке проекта послевоенного восстановления и реконструкции Крещатика. Но самой знаменитой его работой, конечно же, стал Мавзолей Ленина...

Через три дня склеп для тела Ленина, построенный на Красной площади возле Сенатской башни Кремля, был готов. «Всё сооружение было сделано из дерева и обшито деревянными досками, — писал Щусев о первом варианте Мавзолея. — Планировка мавзолея была рассчитана таким образом, чтобы создать график движения, обеспечивающий непрерывный пропуск значительных масс народа без образования встречного потока. Для этого в мавзолее были сделаны две двери — одна входная, другая выходная. Входя, народ должен был спускаться по лестнице, ведущей в центральный зал с гробом Владимира Ильича, и, обходя его кругом, подниматься по такой же лестнице, ведущей к выходной двери. Для утепления мавзолея было решено выстлать пол, стены и потолок центрального зала двойными досками со слоем чистых опилок между ними. Лестницы оставались холодными. Зал был декорирован набивной, тканью, выполненной в чёрно-красной гамме по рисункам художника Нивинского».

В 16 часов 27 января 1924 года телеграфные аппараты Советского Союза передали официальное сообщение: «Встаньте, товарищи, Ильича опускают в могилу!». Под звуки траурной музыки, залпы артиллерийских орудий и гудки фабрик и заводов гроб с телом Ленина был перенесён в Мавзолей.

До 20-х чисел февраля проблем с сохранностью тела не возникало. Погода стояла морозная, температура внутри Мавзолея не поднималась выше нуля градусов. Однако затем наступило потепление, и стало ясно, что долго тело Ленина в таких условиях не сохранится. Начались пигментация и высыхание тканей, западание глазниц, в общем, с телом великого вождя происходило то, что и с телом простого смертного. Надо было принимать какое-то решение, однако никто не хотел брать на себя ответственность. Наиболее решительно в этой ситуации повёл себя нарком внешней торговли Леонид Красин. Причём Красин (обладавший, кстати, весьма авантюрным характером) хотел не просто сохранить тело Ленина, он смотрел гораздо дальше. «Я убеждён: придёт время, когда наука станет столь могучей, что сможет восстановить погибший организм. Я убеждён: придёт время, когда станет возможным с помощью элементов жизни человека реконструировать самого физического человека», — заявил Красин и распорядился закупить в Германии несколько сверхмощных холодильных установок. Однако германская фабрика поставки холодильников по каким-то причинам задерживала, к тому же в Москве часто случались перебои с электричеством, что тоже не гарантировало сохранности тела. С каждым днём ситуация становилась всё хуже и хуже...

Сейчас уже вряд ли можно достоверно установить, нашёл ли Феликс Дзержинский Бориса Збарского или же Борис Збарский сам пришёл к Феликсу Дзержинскому. Но так или иначе, председатель всемогущего ВЧК (и по совместительству глава комиссии по увековечиванию памяти В. И. Ленина) и известный биохимик встретились в марте 1924 года. У Дзержинского, как и у всего советского руководства, была серьёзная проблема, и Борис Ильич Збарский предложил её решение.

Надо сказать, что, предлагая план бальзамирования тела Ленина, учёный очень многое ставил на карту. Борис Ильич состоял в партии эсеров, был членом разогнанного в 1918 году Учредительного собрания. Так что при новой власти ему, как говорится, ничего не светило.

Для работы над бальзамированием тела Ленина Збарский привлёк профессора кафедры анатомии Харьковского медицинского института Владимира Петровича Воробьёва. Борис Ильич не случайно обратился за помощью к профессору из Харькова. Во-первых, Воробьёв использовал в своей практике метод консервации фрагментов человеческих тел, предложенный ещё в XIX веке патологоанатомом Н. Ф. Мельниковым-Разведёнковым, и считал, что этот метод можно применять и для бальзамирования тела целиком. А во-вторых, Воробьёв, как и Збарский, был человеком «неблагонадёжным» с точки зрения советского режима. Во время оккупации немецкими войсками Харькова в 1918 году он подписал заключение, что найденные в окрестностях города трупы мирных жителей — дело рук большевиков. Так что у обоих учёных были вполне резонные основания взяться за сложную операцию по сохранению тела вождя мирового пролетариата и таким образом заслужить доверие советской власти. Впрочем, и риск был немалый. Збарский и Воробьёв перед началом работы заручились обещанием Дзержинского не трогать их в случае неудачи, однако сдержал бы «железный Феликс» своё слово...

Збарский и Воробьёв работали в Мавзолее день и ночь, специально для них на Красную площадь по распоряжению Дзержинского была проведена отдельная трамвайная ветка. Работа была завершена 26 мая 1924 года. На первый «показ» были приглашены первые лица государства и родственники Владимира Ильича. Увиденное в Мавзолее произвело на всех сильное впечатление. Надежда Крупская, которая до того была ярым противником бальзамирования, сказала Борису Збарскому: «Вот, я такая старая, а он такой молодой». А брат Ленина, Дмитрий Ульянов, выбежал из Мавзолея в сильном волнении. «Это потрясающе, я сейчас ничего не могу сказать, я сильно взволнован, — сказал он. — Он такой, каким я его видел тотчас после смерти». Действительно, Збарскому и Воробьёву удалось не просто сохранить тело, а значительно улучшить его вид. Не случайно заключение правительственной комиссии, которое зачитал нарком здравоохранения Николай Семашко, гласило: «Общий вид значительно улучшился по сравнению с тем, что наблюдалось перед бальзамировкой, и приближается в значительной мере к виду недавно умерших». За свою работу Збарский и Воробьёв получили огромные по тем временам деньги — 40 и 30 тысяч золотых червонцев соответственно. Учёные не раз награждались орденами и медалями, становились лауреатами государственных премий. Но не это, пожалуй, самое главное. Специальная смесь, в состав которой входили глицерин, ацетат калия, вода и хлорхинин, спасла не только тело вождя от гниения, но и самих учёных. На Збарского и Воробьёва неоднократно писались доносы, однако Сталин всегда давал команду: «Не трогать!». Профессор Воробьёв так и умер своей смертью в 1937 году, а вот Бориса Ильича Збарского в 1952 году, в период «борьбы с космополитизмом» (называя вещи своими именами — в период преследования евреев в СССР), всё-таки посадили. Через два года учёный скончался.

Для «нового» тела Ленина нужен был новый Мавзолей, разработать проект которого вновь было поручено архитектору Щусеву. Строительство было завершено в августе 1924 года. В древней Месопотамии когда-то строили культовые башни, называемые зиккуратами. Они представляли собой сделанные из кирпича массивные сооружения в форме усечённой пирамиды. Случайно или нет, но проект Мавзолея, предложенный Алексеем Щусевым, практически повторял форму зиккуратов. Правда, новый Мавзолей был построен из дерева, а не из кирпича, во всём остальном же очень напоминал зиккурат — крупное сооружение в виде усечённой пирамиды высотой 9 метров и длиной 18 метров. Для долговечности дерево покрыли масляным лаком, из-за чего здание имело светло-коричневый цвет. Деревянная обшивка крепилась к каркасу большими коваными гвоздями с фигурными шляпками. Мавзолей был огорожен железной оградой, внутри которой были разбиты клумбы с цветами.

Второй Мавзолей простоял пять лет. Летом 1929 года по решению Политбюро был объявлен конкурс на разработку проекта нового Мавзолея, на этот раз каменного. На конкурс было представлено немало интересных работ, но предпочтение вновь было отдано архитектору Щусеву, хотя его проект практически повторял деревянный вариант Мавзолея. Размеры сооружения немного увеличились (длина по фасаду — 24 метра, высота — 12 метров), пирамида нового Мавзолея была составлена из пяти уступов разной высоты (в деревянном варианте их было шесть).

Чтобы избежать сотрясений Мавзолея при прохождении танков и другой тяжёлой техники по Красной площади во время парадов, в фундамент была установлена толстая железобетонная плита, засыпанная чистым песком. Каркас Мавзолея был сделан из прочного железобетона, наружная облицовка выполнена с применением различных пород гранита и лабрадорита. Материалы для строительства Мавзолея поставлялись со всей страны, в том числе и из Украины. 60-тонный монолит лабрадорита, на котором инкрустацией из красного порфира выгравирована надпись «Ленин», был вырублен на Головинском карьере в Житомирской области. Гроб, в котором покоится тело Ленина, вначале был сделан из обычного стекла. Однако после того как в 1960 году на Ленина было совершено «покушение» (неизвестный бросил в гроб молоток, в результате стекло разбилось и осколки повредили тело), стекло заменили на бронированное и оборудовали Мавзолей

металлоискателями. Лицо и руки вождя освещались специальными лампами с бледно-розовыми рассеивателями, что создавало иллюзию живой кожи. Строительство Мавзолея было завершено в августе 1930 года. Этот третий Мавзолей и стал постоянным местом упокоения вождя.

Существовал, правда, и четвёртый «мавзолей», в котором Ленин провёл 1360 дней. Через четыре дня после нападения Германии на СССР, 26 июня 1941 года, на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) был рассмотрен вопрос об эвакуации тела Ленина в глубокий тыл. Когда об этом сообщили профессору Збарскому, он был потрясён. Ведь до того работа по сохранению тела происходила на одном месте, в «тепличных» условиях, и всё равно время от времени учёным приходилось сталкиваться с серьёзнейшими проблемами. А тут — тряска, смена влажности и температуры, отсутствие необходимого оборудования! Но Политбюро было непреклонно — за сутки подготовить всё необходимое и выехать в Тюмень. Правда, в итоге на сборы и подготовку спецвагона ушла неделя. Поздним вечером 3 июля 1941 года поезд с телом вождя отправился на восток.

Наверное, это был один из самых охраняемых поездов в истории Советского Союза. Непосредственно сам спецпоезд сопровождал взвод сотрудников НКВД и НКГБ, ещё один взвод охраны ехал на поездах, шедших спереди и сзади основного состава. Все железнодорожные стрелки на пути следования поезда были закрыты на замки. До тех пор пока по участку магистрали шёл спецпоезд с телом Ленина, ни один состав не мог выехать на этот участок.

Утром 7 июня литерный поезд прибыл в Тюмень. В качестве «временного» Мавзолея было выбрано здание сельскохозяйственного техникума, расположенное в центре Тюмени на улице Республики, 7. В одной из комнат на втором этаже была установлена специальная ванна с бальзамирующим раствором, куда и положили тело Ленина. В этом же здании жили научные работники и охрана. О том, что делается в здании на улице Республики, тюменцы говорили только шёпотом. Люди понимали, что происходит что-то сверхважное и таинственное, иначе чем объяснить такое количество охраны. Но вряд ли кто-то догадывался, что в здании находится сам «великий вождь мирового пролетариата», — ведь по официальной версии Ленин по-прежнему лежал в Мавзолее в Москве. Мумия вождя благополучно «пережила» эвакуацию и в марте 1945 года вернулась в Москву.

В 1953 году Мавзолей для всех советских людей стал «святыней в квадрате». После смерти Сталина мало у кого возникали сомнения, что его тело также должно быть помещено в Мавзолей, настолько сильна была народная скорбь (именно народная; партийная верхушка, как стало известно спустя многие годы, в те дни была озабочена дележом власти, а не оплакиванием «любимого вождя»). Перед работниками кафедры биохимии московского мединститута, проводившими бальзамирование тела, стояла весьма сложная задача. Население страны знало Сталина по плакатам и кинокадрам, где во всей красе предстал лучезарный «отец народов». На самом же деле это был старик с невыразительным лицом, изрытым оспой, и высохшей рукой. Так что учёным надо было не просто сохранить тело, а фактически сделать пластическую операцию, правда не на живом человеке, а на трупе.

Иосиф Виссарионович недолго пробыл соседом Владимира Ильича. В 1956 году на знаменитом XX съезде КПСС впервые было высказано то, о чём раньше никто не осмеливался говорить. «Культ личности», «массовые репрессии», «серьёзные нарушения Сталиным ленинских заветов» — после этих слов всё чаще стало звучать мнение, что Сталину не место в Мавзолее. Однако страх даже перед мёртвым Хозяином был настолько силён, что вынести «отца народов» из Мавзолея долго не решались. А когда наконец решились, то сделали это вполне по-сталински — прикрываясь мнением народа, и тайно, под покровом темноты...

Накануне XXII съезда КПСС, осенью 1961 года, рабочие Кировского и Невского машиностроительных заводов подписали обращение, в котором предлагали перенести прах Сталина из Мавзолея в другое место. 30 октября 1961 года на одном из последних заседаний съезда эту инициативу озвучил первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Иван Спиридонов. Делегаты съезда практически единогласно выступили за вынос тела Сталина. Принятое съездом постановление гласило: «Признать нецелесообразным дальнейшее сохранение в Мавзолее саркофага с гробом И. В. Сталина». Понятно, что решения такого исторического масштаба принимались на самом верху и что весь сценарий был спланирован заранее.

Вечером 31 октября подразделения милиции под предлогом проведения репетиции парада к 7 ноября перекрыли все входы на Красную площадь. Мавзолей и вырытая возле Кремлёвской стены могила были огорожены деревянными щитами. В 21 час в Мавзолей прибыла похоронная комиссия в составе пяти человек. Кроме неё на месте находилась похоронная команда и представители комендатуры Кремля. «Офицеры переложили тело Сталина в деревянный гроб, обтянутый чёрным и красным крепом, — вспоминал очевидец тех событий бывший комендант Мавзолея полковник Мошков. — Тело накрыли вуалью тёмного цвета, оставив открытыми лицо и половину груди. Шанину — начальнику столярной мастерской, под руководством которого в Арсенале сделали гроб, — была дана команда закрыть гроб крышкой и прибить её. Восемь офицеров вынесли гроб из Мавзолея, поднесли к могиле и поставили на деревянные подставки. После короткой паузы солдаты осторожно, на верёвках опустили гроб в могилу. По русскому обычаю кое-кто из присутствовавших

бросил по горсти земли, и солдаты закопали могилу». Примерно к 23 часам всё было закончено. Утром пришедшие на Красную площадь люди увидели, что на Мавзолее осталась всего одна фамилия... Вообще же население достаточно спокойно отнеслось к перезахоронению Сталина, хотя власти очень опасались серьёзных беспорядков и раскола в обществе.

С началом перестройки в стране разгорелись жаркие споры о судьбе Мавзолея. Сторонники захоронения тела Ленина полагают, что проводить парады, концерты и народные гуляния на могиле и делать из трупа экспонат для туристов — просто безнравственно. Для других тело Ленина — это святыня, память о советском времени, они считают, что выносить тело вождя из Мавзолея нельзя ни в коем случае. Для учёных же сохранение тела Ленина — интереснейший научный эксперимент, а Мавзолей — прекрасно оборудованная уникальная лаборатория.

Несмотря на все перемены, произошедшие в стране в последнее время, Владимир Ильич Ленин по-прежнему покоится в Мавзолее, а Мавзолей по-прежнему стоит на Красной площади. Сейчас Мавзолей открыт для доступа посетителей во вторник, среду, четверг и субботу с 10 до 13 часов, так что любой москвич или гость российской столицы может своими глазами увидеть «вождя мирового пролетариата». Пока такая возможность ещё есть...

ТАСС

«Тот, кто владеет информацией, — владеет миром». Фраза расхожая и несколько затёртая, но, тем не менее, актуальная во все времена. И потому, прежде чем рассказать о Телеграфном агентстве Советского Союза (ТАСС), совершим краткий экскурс в историю телеграфа. В 1837 году Сэмюэль Морзе, американский художник и изобретатель, создал первое средство дальней связи — электрический проводной телеграф, а ещё через год он запатентовал свою знаменитую азбуку. Морзе постоянно совершенствовал своё изобретение, и в 1844 году по телеграфной линии Балтимор — Вашингтон была передана первая в истории телеграмма. «Чудны дела твои, Господи!» — гласил её текст. В 1851 году первая телеграфная линия, соединившая Москву и Петербург, была построена и в России.

Очень быстро телеграфная связь стала приобретать значение как незаменимый и быстрый способ передачи информации. В 1851 году переехавший из Брюсселя в Лондон бывший продавец книг и журналист Пауль Рейтер основал телеграфное агентство, главной задачей которого была доставка новостей деловым людям, тем, кто готов был платить за информацию.

Если первая телеграфная линия в России была проложена через семь лет после сооружения первой подобной линии в Америке, то появления первого телеграфного агентства в Российской империи ждать пришлось гораздо дольше. 1 сентября 1904 года Указом императора Николая II было основано Санкт-Петербургское телеграфное агентство (СПТА). В агентстве работало около 70 сотрудников, большинство из которых — телеграфистки и телефонистки. Помимо них, СПТА имело корреспондентов во многих городах России и за рубежом. К 1917 году агентство насчитывало около 500 клиентов, хотя его услуга стоила недёшево — месячная подписка обходилась примерно в 150 рублей. Когда в 1914 году Санкт-Петербург был переименован в Петроград, изменило своё название и СПТА, превратившись в ПТА — Петроградское телеграфное агентство.

25 октября (7 ноября) 1917 года в здание ПТА ворвался батальон балтийских моряков под командованием комиссара Военно-революционного совета Леонида Старка. Во все стороны света разлетелись телеграммы-молнии, сообщавшие миру о победе пролетарской революции.

В первые дни после Октябрьской революции одновременно с ПТА информационную работу вело Бюро печати при ВЦИК. 7 сентября 1918 года Президиум ВЦИК принял постановление «О слиянии Петроградского телеграфного агентства и Бюро печати при ВЦИК». В постановлении говорилось, что «новое учреждение должно называться Российским телеграфным агентством при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете. Сокращённое название — РОСТА». В 1918 году вместе с правительством молодой Советской республики РОСТА переезжает в Москву.

Стихи и новостей заметкуСближают многие черты —И чёткий слог, и ракурс меткий,И трудный поиск простоты...

20-е годы — время Маяковского. Владимир Владимирович жёг своим рубленным слогом как контрреволюцию и буржуазию, так и «красных бюрократов», мешавших трудовому народу строить светлое будущее. Правда, впоследствии «поэт революции» разочаровался в том, что делали большевики, и, возможно, поплатился за это жизнью. Но это было позже, а в начале 20-х годов Маяковский был всецело предан делу революции. Поэт пишет злободневную стихотворную сатиру, которая публикуется в «Окнах сатиры РОСТА» — своеобразных лубочных картинках первых лет революции. Созданные совместно с талантливым художником, мастером политического агитискусства Дмитрием Моором, автором знаменитого плаката «Ты записался добровольцем?», эти агитки пользовались огромной популярностью и били точно в цель — трудовой человек чётко знал, кто есть его враг, а кто друг.

10 июля 1925 года появилась знаменитая аббревиатура ТАСС — Телеграфное агентство Советского Союза. «Агентство пользуется исключительным правом собирания и распространения информации вне пределов Союза ССР, а также правом распространения иностранной и общесоюзной информации в пределах Союза ССР и руководит работой республиканских информационных агентств», — говорилось в постановлении ЦИК. С тех пор ТАСС стало главным информационным органом в СССР. Пуск ДнепроГЭСа и Магнитки, спасение челюскинцев и первый беспосадочный перелёт из СССР через Северный полюс в США, трудовые победы и потрясающие воображение рекорды на полях, шахтах и у станков — обо всех эпохальных событиях того времени первыми узнавали и сообщали стране и миру корреспонденты ТАСС. Были, к сожалению, и другие сообщения. Сотнями и тысячами шли телеграммы о врагах народа, вредителях, троцкистских и бухаринско-зиновьевских заговорах, «разоблачённых» доблестными работниками НКВД. В 1937 году в своём кабинете застрелился первый руководитель ТАСС Яков Долецкий, узнав, что к нему уже едут сотрудники ГПУ. Многие корреспонденты ТАСС сгинули в огне «больших чисток».

В годы Великой Отечественной войны тассовцы работали на передовой, сообщая о положении на фронтах, мужестве советских воинов и стойкости советского народа. В послевоенное время агентство освещало общественно-политическую жизнь в стране и снабжало советские СМИ

информацией о событиях за рубежом. В декабре 1971 года вышло в свет постановление Совета министров СССР, согласно которому ТАСС было преобразовано в информационный орган союзно-республиканского значения и по своему положению было приравнено к государственному комитету Совета министров СССР. В начале 80-х годов ТАСС располагало почти 700 отделениями в стране и 94 корреспондентскими пунктами по всему миру. Информацию ТАСС получали внутри страны 3700 газет, 50 радиостанций, 80 телестудий, более 300 зарубежных редакций в 100 странах мира. В 1975 году ТАСС награждено орденом Октябрьской Революции.

После распада Советского Союза развалилось и некогда единое информационное пространство, подчинённые центральному аппарату телеграфные агентства бывших союзных республик стали самостоятельными. Но ТАСС пережило трудные времена начала 90-х годов и даже сохранило своё название, лишь добавив к нему приставку ИТАР (Информационное телеграфное агентство России). Ныне ИТАР-ТАСС является одним из крупнейших и авторитетных телеграфных агентств мира. Информация бесценна во все времена — и тогда, когда телеграф и телефон казались чудом, и сейчас, когда Интернет и мобильная связь стали неотъемлемой частью нашей жизни...

ГТО

Наверное, большинство из тех, кому сейчас меньше или немногим больше двадцати, вряд ли смогут ответить на вопрос: «Что такое ГТО?». Между тем, в советское время комплекс ГТО («Готов к труду и обороне СССР») был основой системы физического воспитания в стране. «Физкультурный комплекс ГТО является основой сов. системы физического воспитания, имеет целью всестороннее физическое развитие людей, укрепление и сохранение их здоровья, подготовку к высокопроизводительному труду и защите Родины, способствует формированию духовного и морального облика сов. человека». Так о комплексе ГТО говорится в Большой Советской Энциклопедии. Всё верно, «сов. человек» в «сов. системе» должен был быть не только морально устойчив и идеологически подкован, но и физически развит и всё должен делать «выше, быстрее и сильнее», чем вероятный противник. И если не обращать внимания на идеологическую подоплёку, комплекс ГТО до определённого момента выполнял своё назначение и давал неплохие результаты — получить золотой или серебряный значок было почётно и престижно; к этому стремились, а значит, молодые люди росли крепкими и физически развитыми. Правда, позже нормы ГТО стали привычной советской «обязаловкой» и мероприятия по сдаче нормативов проводились в основном «для галочки»...

Впервые попытка установить физкультурные нормативы для широких масс была предпринята в 1927 году. Тогда были введены нормативы на получение значков «Нормальный физкультурник» и «Нормальный атлет». Слово «нормальный» в данном случае означало, что человек, выполнивший все нормативы, имеет оптимальный уровень физического развития. А 11 марта 1931 года вышло в свет постановление Всесоюзного совета физической культуры при ЦИК СССР «О физкультурном комплексе „Готов к труду и обороне СССР“».

Автором комплекса ГТО считается некий двадцатилетний московский физкультурник Иван Осипов. Первоначально комплекс ГТО имел одну ступень и подразделялся на три возрастные группы. Для того чтобы получить заветный значок и с гордостью носить его на груди, необходимо было выполнить 21 испытание, из которых 13 имели твёрдые показатели. Все виды испытаний имели один уровень оценки — «сдано». В комплекс входили гимнастические упражнения, бег (на короткую и среднюю дистанции), прыжки (в длину и высоту), метание (диска, гранаты, копья) толкание ядра, плавание, лыжные гонки (в бесснежных районах устраивались марш-броски или велогонки), стрельба (для юношей).

Сразу же после своего появления комплекс ГТО стал общенародным делом. Это был один из немногих случаев в советской истории, когда спускаемые сверху нормативы вызвали у большинства населения интерес и желание их выполнять. На предприятиях и в организациях как грибы после дождя стали появляться физкультурные коллективы, главной задачей которых стала подготовка их членов к сдаче норм ГТО. Эксперимент был признан удачным. «Широко развёрнутой перестройкой физкультурной работы, — говорилось в постановлении ВЦИК РСФСР, посвящённом развитию физического воспитания, — основанной на всесторонней подготовке масс к социалистическому труду и обороне СССР, выраженной в комплексе „Готов к труду и обороне СССР“, положено начало новой системе физкультуры трудящихся».

В декабре 1932 года была введена вторая ступень комплекса ГТО, включавшая в себя уже 24 норматива, 19 из которых имели твёрдые показатели. А в 1934 году свой комплекс получили и юные физкультурники. Подростки в двух возрастных группах (13-14 и 15-16 лет) боролись за значок БГТО («Будь готов к труду и обороне»).

В ноябре 1939 года комплекс ГТО претерпел серьёзные изменения. Впервые нормативы были разделены на группу обязательных и группу, из которой сдающий мог выбрать виды испытаний в соответствии со своими интересами и возможностями. Давала о себе знать и напряжённая международная обстановка. В комплекс ГТО были введены такие нормативы, как ползание по-пластунски, скоростной пеший переход, метание связки гранат, лазание по канату и шесту, деревьям, переноска патронного ящика, преодоление полосы препятствий, а также различные виды рукопашного боя. Вообще же ситуация в стране так или иначе отражалась на комплексе ГТО. Так, в 1946 году впервые были снижены многие нормативы. И вполне понятно, почему — людям, пережившим только что закончившуюся войну и измученным голодом и разрухой, выполнять некоторые нормативы было просто не под силу. Новое серьёзное изменение нормативы комплекса ГТО претерпели в 1959 году. Впервые была применена система подсчёта очков по результатам сдачи нормативов. Были исключены испытания по выбору, только в некоторых случаях допускались равноценные замены.

17 января 1972 года ЦК КПСС и Советом министров СССР было принято постановление «О введении нового комплекса „Готов к труду и обороне СССР“ (ГТО)». Разработкой новых нормативов в течение нескольких лет занимались специалисты Всесоюзного научно-исследовательского института физической культуры и некоторых других организаций. Если во всех предыдущих комплексах нормативы были рассчитаны на людей в возрасте от 14 до 46 лет, то в новом комплексе возрастные границы были расширены. Теперь получить значок мог любой человек в возрасте от 10

до 60 лет. Соответственно увеличилось и число возрастных групп. Их стало пять «Смелые и ловкие» — 10-11 и 12-13 лет, «Спортивная смена» — 14-15 лет, «Сила и мужество» — 16-18 лет, «Физическое совершенство» — мужчины 19-28 и 29-39 лет, женщины — 19-28 и 29-34 лет, «Бодрость и здоровье» — мужчины 40-60 лет, женщины 35-55 лет. Выполнявшие нормы первой ступени награждались золотым значком ГТО, нормы второй ступени — серебряным. На значках были изображены пятиконечная звезда, шестерёнка, колосья пшеницы и физкультурники. Для тех, кто успешно сдавал нормативы в течение нескольких лет, был учреждён «Почётный значок ГТО».

«От значка ГТО к олимпийской медали» — в советское время этот лозунг был очень популярен. Действительно, подготовке к сдаче нормативов ГТО уделялось большое внимание, на уроках физкультуры и занятиях в спортивных секциях для этого отводилось специальное время. Кстати, без значка ГТО невозможно было поступить на спортивный факультет или кафедру вуза, а также получить звание «мастер спорта».

В 1973 году при Спорткомитете СССР был создан Всесоюзный совет по работе ГТО, председателем которого стал знаменитый лётчик-космонавт Алексей Леонов. Вообще, 70-е стали годами наиболее массового привлечения граждан к сдаче комплекса ГТО. С 1974 года начали проводить всесоюзные первенства по многоборьям ГТО. Согласно сведениям Спорткомитета СССР, за три года, с 1972-го по 1975-й, нормы ГТО сдали почти 60 миллионов человек. К сожалению, именно в это время в погоне за массовостью комплекс ГТО стал постепенно превращаться из действительно полезного дела в рутинное плановое мероприятие. В лучшем случае людей собирали на стадионе, где они делали вид, что выполняют нормативы, а проверяющие делали вид, что показанные результаты соответствуют этим нормативам. Часто же сдача норм комплекса ГТО проходила только на бумаге, наверх шли радужные отчёты, из которых потом и появлялись те самые миллионы физкультурников, «успешно» сдавших нормативы.

В последний раз комплекс ГТО модернизировался в 1985 году. Вновь были внесены серьёзные изменения в нормативы, была введена ещё одна возрастная ступень для школьников 1-2 классов под названием «К стартам готов!». Но по сути дела, это была «лебединая песня» некогда популярного и всенародного физкультурного комплекса. Нормы ГТО никто не отменял, но после начала перестройки они сами собой ушли в прошлое, оставшись одним из символов советской эпохи...

ВДНХ

«Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б) „О Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве“.

Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) постановляют:

1. Организовать, согласно предложения Второго всесоюзного съезда колхозников-ударников, Всесоюзную сельскохозяйственную выставку в Москве в 1937 году с тем, чтобы в дальнейшем использовать территорию, помещения и оборудование этой выставки для построения Всесоюзного Дома колхозов.
2. Поручить Народному Комиссариату Земледелия СССР немедленно принять необходимые подготовительные меры для организации выставки».

Это постановление, подписанное Секретарём Центрального Комитета ВКП(б) товарищем Сталиным и Председателем Совета Народных Комиссаров СССР товарищем Молотовым, было опубликовано 17 февраля 1935 года. «Выставка должна стать ярким свидетельством расцвета социалистической экономики и культуры, демонстрацией творческих дерзаний и созидательного гения народов Советского Союза, их нерушимой дружбы, боевой организованности и устремлённости к новым победам», — восторженно писали советские газеты в ответ на постановление об организации ВСХВ.

А за 80 лет до этого знаменитый английский романист Уильям Теккерей написал во вступлении к своему роману «Ярмарка тщеславия»: «Да, вот она, Ярмарка Тщеславия, место, нельзя сказать, чтобы назидательное, да и не слишком весёлое, несмотря на царящий вокруг шум и гам... Человек, склонный к раздумью, случись ему бродить по такому гульбищу, не будет, я полагаю, чересчур удручён ни своим, ни чужим весельем. Какой-нибудь смешной или трогательный эпизод, быть может, умилит его или позабавит... Но всеобщее впечатление скорее грустное, чем весёлое. И вернувшись домой, вы садитесь, всё ещё погружённый в глубокие думы, не чуждые сострадания к человеку, и берётесь за книгу или прерванное дело...». И хотя Уильям Теккерей не знал, что такое Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, позже ставшая Выставкой достижений народного хозяйства (ВДНХ), да и книга его, собственно говоря, не о демонстрации каких-то достижений, а о судьбах и взаимоотношениях между людьми, кажется, будто английский романист из XIX столетия перенёсся во времени на век вперёд, побродил по главной советской выставке, а затем написал эти строки. Выставка, которая задумывалась как демонстрация мощи советского государства, превратилась в «ярмарку тщеславия» режима, который не мог обеспечить своих «подданных» самым необходимым.

«Наш народ, наше социалистическое хозяйство может сделать такое, что проклятым капиталистам и не снилось!». Может быть, и могли... Но чаще всего в единичном экземпляре. А так, чтобы на всех хватало... Приходил простой советский гражданин на ВДНХ, дивился разным достижениям народного хозяйства, а потом шёл на другую «выставку», в ближайший магазин, и почему-то не видел там того, что ему показывали на ВДНХ. И создавалось у гражданина «впечатление скорее грустное, чем весёлое...». Но это уже другая история, мы же расскажем о главной выставке СССР, символе эпохи, пускай своеобразно, с налётом украшательства и гигантомании, но всё-таки воспроизводившем этапы развития огромной страны.

ВСХВ, как мы уже знаем, планировали открыть в 1937 году, однако первые посетители прошли сквозь арку главного входа 1 августа 1939 года. «Если уж строить, то так, чтобы вся планета ахнула!» — грандиозный выставочный комплекс потрясал своими размерами. На северной окраине Москвы, на месте бывшего Останкинского парка, вырос целый город, раскинувшийся на 136 гектарах земли. Ударными темпами на территории ВСХВ были возведены 250 больших и малых строений, обустроены обширные парки, опытные участки, пруды и фонтаны.

В работе над созданием архитектурного ансамбля ВСХВ принимали участие архитекторы В. А. Шуко, В. Г. Гельфрейх, Л. М. Поляков, Д. Н. Чечулин, В. И. Симбирцев, Б. Г. Бархин, скульпторы С. Т. Конёнков, В. И. Мухина, Г. И. Мотовилов, монументалисты А. А. Дейнека, А. П. Бубнов, П. П. Соколов-Скаль и многие другие. Под руководством главного архитектора С. Е. Чернышёва работало более чем две тысячи профессиональных художников и народных мастеров.

По замыслу архитекторов, ВСХВ должна была представлять собой модель страны, чтобы посетители, обходя павильоны и осматривая экспонаты, как бы путешествовали по Советскому Союзу «от Москвы до самых до окраин». От главного (ныне северного) входа, возле которого возвышалась 24-метровая скульптура В. И. Мухиной «Рабочий и колхозница» (этой скульптуре посвящена отдельная статья, где читатель может более подробно познакомиться с историей её создания), экскурсанты попадали к Главному павильону выставки, монументальному зданию с тремя роскошными ярусами колонн. На башне Главного павильона стояла скульптурная группа высотой 13 метров, изображавшая тракториста и колхозницу, которые держали над головами сноп

золотистой пшеницы. Эта скульптура стала эмблемой ВСХВ.

Пройдя через Главный вход, посетитель попадал на площадь Колхозов (позже переименованную в площадь Дружбы народов), по окружности которой располагались павильоны союзных республик. Естественно, что каждая республика стремилась показать всё самое лучшее, привлекая для строительства и отделки павильонов лучших мастеров. Архитекторы стремились отразить в своих работах национальный колорит своей республики. Например, в отделке павильона Украинской ССР, построенного по проекту архитектора Алексея Тация, широко использовались элементы украинского прикладного народного творчества. Павильон был украшен витражом «Переяславская рада», а фасад обрамлял сноп золотых колосьев, что характеризовало Украину как «всесоюзную житницу».

Очень колоритно выглядел павильон Узбекской ССР, автором которого был архитектор С. Н. Полупанов. Кусты и коробочки хлопчатника — главной сельскохозяйственной культуры республики — были словно вплетены в орнамент карнизов, капители колонн, кровлю беседки. Павильон скорее походил на дворец какого-нибудь восточного владыки, чем на одно из помещений сельскохозяйственной выставки. Особое изящество узбекскому павильону придавала беседка, стоявшая на террасе возле входа. С ней, кстати, связана интересная легенда, напоминающая восточную сказку. «В этой беседке скульптор Полупанов в образной форме выразил представление узбекского народа о животворящей роли воды в жизни и природе», — так объясняли художественный замысел скульптора экскурсоводы. А ночные сторожа узбекского павильона рассказывали, что колонны беседки по ночам... стонут. Якобы в колонны вселились души жён узбекского эмира, жившего много веков назад. Преданные женщины, плача по ночам, страдают от разлуки со своим господином.

Вообще же с выставкой связано множество мифов и полуполюгендарных историй. Забегая вперёд, расскажем некоторые из них. Вот, например, история о том, как самолёты Як-42 и Ту-134 попали на площадку перед павильоном «Космос». Их привезли в разобранном виде на тягачах, но в народе долго ходила другая версия. Находились «свидетели», которые якобы видели, как Ту-134 приземлился у Рижского вокзала, покатился к ВДНХ по проспекту Мира и зарулил прямо через главные ворота. Другие «очевидцы» лично наблюдали за тем, как Як-42 зашёл на посадку со стороны Останкинской башни и приземлился прямо на главной аллее ВДНХ, откуда его потом отбуксировали к павильону «Космос». Много курьёзных случаев происходило и при посещении ВДНХ советскими вождями, в частности товарищем Сталиным. Как-то ночью генералиссимусу захотелось осмотреть павильон своей родной республики. Сталин вообще вёл, можно сказать, ночной образ жизни, и поэтому подобные ночные осмотры различных объектов, как и заседания Политбюро, заканчивавшиеся в шесть-семь утра, были вполне обычным явлением. Так вот, гулял «великий вождь» по павильону «Грузия» и радовался достижениям народного хозяйства. Когда товарищ Сталин решил закурить свою любимую трубку, его увидел дежурный охранник, молодой сержант. «Товарищ Сталин, здесь курить нельзя», — сказал сержант и тут же... упал в обморок. К утру бедный охранник совсем извёлся и не знал, что ему делать: то ли сухари сушить на дальнюю дорогу, то ли сразу застрелиться. Наконец раздался звонок и сержанту сообщили, что «мудрый вождь» объявил ему благодарность за проявленную на боевом посту принципиальность и распорядился выписать денежную премию.

Но вернёмся от легенд и полуправдивых случаев к реальным фактам из истории главной выставки Советского Союза. За право представить на ВСХВ свои достижения по всему Союзу развернулось грандиозное по размаху соцсоревнование. Тысячи колхозов, совхозов, машинотракторных станций, ферм принимали в нём участие. Боролись, надо сказать, не только «за идею», но и за конкретные материальные блага. Хозяйства, получившие на выставке золотую медаль и диплом первой степени, награждались легковым автомобилем, за серебряную медаль и диплом второй степени полагался мотоцикл. Руководители и лучшие представители хозяйств награждались ценными подарками.

Интерес к открывшейся выставке был колоссальным, из-за чего Совет Народных Комиссаров СССР решил сделать её постоянной, хотя изначально выставка задумывалась как единоразовое мероприятие. В период с 1 августа по 25 октября 1939 года ВСХВ посетили более 3,5 миллиона посетителей, которых обслуживали 3000 экскурсоводов.

После нападения фашистской Германии на СССР работа ВСХВ была прервана. В 1941 году экспозицию выставки и библиотеку эвакуировали в Челябинск.

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка возродилась через девять лет после окончания войны — 1 августа 1954 года она вновь была открыта для посетителей. Выставку серьёзно реконструировали, её территорию расширили до 207 гектаров. Появились новые здания. В том числе и павильоны прибалтийских республик, присоединённых к СССР. (Вот только вопрос — хотели ли прибалты присоединиться к СССР, участвовать в ВСХВ и строить на ней свои павильоны? Но об этом их тогда никто не спрашивал.)

В июне 1956 года на территории ВСХВ открылась Всесоюзная промышленная выставка, где экспонировались достижения советской индустрии. По сути дела, открытие промышленной

выставки стало первым этапом превращения ВСХВ в ВДНХ. Через два года, 28 мая 1958 года Совет министров СССР принял постановление «Об объединении сельскохозяйственной, промышленной и строительной выставок в Выставку достижений народного хозяйства СССР (ВДНХ СССР)».

Ещё раз повторимся — ВДНХ всегда была зеркальным отображением истории страны, её мнимых и истинных достижений. Например, когда начала развиваться электроника — на выставке в качестве экспоната появилась первая в СССР ЭВМ. Конец 50-х — начало 60-х годов стали эпохой освоения космоса, и, естественно, эта тема не могла не найти своего отражения на ВДНХ. Появился уже упоминавшийся павильон «Космос», в котором были представлены копии первых советских спутников и космических кораблей, макеты межпланетных станций, запущенных к Венере и Марсу. Перед павильоном установили копию ракеты «Восток», на которой Юрий Гагарин впервые поднялся в космос. Этот экспонат стал одной из главных достопримечательностей выставки. Целина, БАМ, развитие атомной энергетики — эти и другие вехи в истории страны нашли своё отражение на ВДНХ.

А когда пришло новое время, эпоха «дикого» капитализма, ВДНХ, как лакмусовая бумажка, высветила все «достижения» стихийной рыночной экономики. Собственно говоря, после развала Советского Союза перестала существовать и ВДНХ. 23 июня 1992 года Указом Президента России Б. Н. Ельцина ВДНХ была преобразована в Государственное акционерное общество «Всероссийский выставочный центр» (ВВЦ). И хотя этот указ преследовал благую цель — сохранить ВВЦ как единое целое, в начале 90-х выставка представляла собой довольно жалкое зрелище. Из помпезного «музея советской эпохи» ВДНХ вдруг превратилась в обычную толкучку. Огромные толпы покупателей и продавцов, множество торговых палаток и закусочных, прилавки с ширпотребом в павильонах, многие из которых официально охраняются государством как памятники архитектуры, мусор и грязь, — неперенные «атрибуты» любого рынка...

Когда стихийный рынок ушёл в небытие, перед властями встал вопрос о будущем ВВЦ. Выставка постепенно стала обретать своё лицо именно как выставка, а не скопище торговых палаток. Некоторые бывшие союзные республики, а ныне независимые государства, вернулись на выставку. В своих «родных» павильонах разместили экспозиции Украина, Армения, Грузия, Киргизия. И хотя большая часть территории и помещений по-прежнему заняты магазинами и торговыми палатками, определённый прогресс всё-таки заметен. ВСХВ — ВДНХ — ВВЦ — это памятник тем людям, для которых выставка, несмотря ни на что, была предметом гордости, и его нужно сохранить...

Вскоре после окончания Второй мировой войны один из журналистов спросил на пресс-конференции Уинстона Черчилля: «Сэр, какое оружие, на ваш взгляд, было лучшим в прошедшей войне?». «Английская пушка, немецкий самолёт „мессершмитт“ и русский танк Т-34. Однако если в первых двух случаях мне понятно, как это сделано, то я совершенно не понимаю, как появился этот танк...».

Трудно переоценить роль знаменитой «тридцатьчетвёрки» в Великой Отечественной войне. Т-34 — лучший танк Второй мировой войны. Этот признавали все — и свои, и враги. Как «Мессершмитт» был залогом господства немцев в воздухе в первые годы войны, что во многом позволило Германии добиться значительных успехов в начале кампании против СССР, так и Т-34 обеспечил Красной Армии победу на Курской дуге и многих других полях сражений. Но советские авиаконструкторы сумели дать достойный ответ «Мессершмитту», а вот немцы «противоядия» от Т-34 долго не могли найти. «Танки Т-34 превосходили по качеству немецкие, — писал в своих воспоминаниях генерал-полковник вермахта Хайнц Гудериан. — У них были лучшие двигатели, пушки, броня и гусеницы... Русские на протяжении всей войны выпускали свой Т-34 большими сериями, без особых модификаций, а Гитлер всё время менял тип танков, конструкцию, что замедляло серийное производство. На основании своего исторического опыта я хочу сказать всем — нельзя никогда недооценивать русских». Но знал ли Черчилль, знал ли Гудериан, знали ли простые немецкие танкисты, одновременно восхищавшиеся и ненавидевшие всей душой этот танк, в каких муках создавалась «тридцатьчетвёрка», знали ли они, что за год до начала войны проект Т-34 едва не был признан бесперспективным и что лучший танк Второй мировой буквально случайно попал на конвейер?..

В 1920 году из ворот нижегородского завода вышел «Борец за свободу тов. Ленин». Так, по революционному, в духе времени, назывался первый советский танк. Вскоре танки стали строить и на других заводах. В 1926 году на Харьковском паровозостроительном заводе (ХПЗ) имени Коминтерна была сформирована конструкторская группа, основной задачей которой являлась разработка новых образцов танков. Постепенно танкостроение стало основным для завода. В 1936 году ХПЗ был переименован в танковый завод № 183.

В это время из танковых частей стали приходиться жалобы на поломку шестерней в коробке передач колёсно-гусеничного танка БТ-7, состоявшего тогда на вооружении Красной Армии. Как выяснилось позже, виной тому послужило чрезмерное увлечение прыжками на танках. Конечно, зрелище летящей через ров или реку тяжёлой бронированной машины впечатляло, особенно такие эпизоды любили киношники, однако техника, как известно, имеет определённый запас прочности. Чудовищные нагрузки при прыжках, не предусмотренные конструкторами, и приводили к поломкам. Но в те годы в любых неприятностях предпочитали искать не причину, а виноватого, на которого можно свалить всю ответственность за эти неприятности. За этим, к сожалению, дело не стало — главный конструктор танкового КБ завода № 183 А. О. Фирсов был уволен со своей должности и вскоре репрессирован.

28 декабря 1936 года приказом наркома тяжёлой промышленности Г. К. Орджоникидзе главным конструктором танкового конструкторского бюро (КБ) завода № 183 был назначен М. И. Кошкин. До своего нового назначения Михаил Ильич работал заместителем главного конструктора Ленинградского танкового завода № 185. Кошкин был известным и опытным конструктором. В Ленинграде он занимался проектом среднего танка Т-46-5, первого в СССР танка с противоснарядной бронёй. И хотя этот танк не пошёл в серийное производство, Кошкин в числе других конструкторов был награждён орденом Красной Звезды.

Ещё при А. О. Фирсове танковое КБ завода № 183 начало работу над проектированием танка, который должен был заменить машины типа БТ. А после того как осенью 1937 года КБ получило распоряжение от Главного автобронетанкового управления (ГАБТУ) Красной Армии разработать новый колёсно-гусеничный танк, эта работа значительно активизировалась. Для выполнения задания ГАБТУ М. И. Кошкин организовал новое подразделение — КБ-24, в которое лично отобрал 20 самых квалифицированных конструкторов.

Менее чем за год КБ-24 выполнило заказ, представив ГАБТУ колёсно-гусеничный танк А-20, выполненный в строгом соответствии с требованиями техзадания. Новая машина была существенным шагом вперёд по сравнению с танками типа БТ. На ней был установлен дизельный мотор В-2, разработанный харьковскими конструкторами К. Ф. Челпаном, И. Я. Траштутиным, Я. Е. Вихманом, И. С. Бером. В-2 стал первым в истории дизельным двигателем, сконструированным специально для танка. Этот двигатель был более экономичным и надёжным по сравнению с бензиновыми моторами, легче переносил перегрузки, к тому же применение дизеля делало танк более пожароустойчивым.

В те годы более перспективной считалась колёсно-гусеничная схема движителя танка. Однако опыт гражданской войны в Испании показал, что такая схема при всех своих преимуществах имеет два

серьёзных недостатка по сравнению с чисто гусеничной. Во-первых, колёсно-гусеничные танки не обладали достаточной проходимостью, часто застревали в целине или песке. А во-вторых, такая схема не позволяла установить толстую броню и тяжёлое вооружение, что делало машину легкоуязвимой для противотанковой артиллерии. Понимая это, Кошкин и его коллеги решили параллельно с А-20 разработать проект аналогичного танка, но с применением гусеничного двигателя. Шаг, надо сказать, достаточно смелый для тех времён. Конструкторов могли обвинить в том, что они занимаются не тем, чем надо, и сделать соответствующие «выводы». Однако время показало, что харьковские конструкторы были правы. Так родился проект танка А-32, которому суждено было стать предшественником легендарной «тридцатьчетвёрки».

4 мая 1938 года в Кремле состоялось расширенное заседание Комитета обороны СССР, посвящённое развитию танкостроения в стране. Вёл заседание В. М. Молотов, а присутствовали на нём И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов, другие высшие руководители государства и военачальники, а также танкисты, недавно вернувшиеся из Испании. После представления проектов танков А-20 и А-32 на заседании возникла дискуссия о том, какой тип двигателя является более перспективным. Подавляющее большинство выступавших однозначно высказывались в пользу колёсно-гусеничной схемы. Пожалуй, единственным, кто выступил в пользу гусеничных машин, был танкист А. А. Ветров, который на основании своего испанского опыта знал о недостатках колёсно-гусеничных танков. В тот момент казалось, что проект А-32 так и останется опытным образцом и никогда не пойдёт в серию. Но в перерыве совещания к Ветрову подошёл Сталин и спросил: «Так вы стоите за гусеничный двигатель?». И здесь опять нужно отдать должное людям, которые во времена всеобщего соглашательства не боялись идти против мнения большинства. Ветров понимал, что военное руководство выступает за колёсно-гусеничный танк, однако не изменил своего мнения. И Сталин неожиданно поддержал проект гусеничного танка. Естественно, что после этого мнение у присутствующих в зале изменилось на прямо противоположное. Было решено параллельно построить и испытать оба вида танков, а затем на основании испытаний принять окончательное решение.

В мае 1939 года были построены опытные образцы А-20 и А-32. Через четыре месяца они успешно прошли все государственные испытания, однако так и не был получен ответ на главный вопрос: какой же танк должен быть взят на вооружение Красной Армии? Государственная комиссия приняла странное решение, не сделав определённого вывода о том, какой проект рекомендовать к производству. Ситуация получилась абсурдная: получалось, что госкомиссия рекомендовала поставить на вооружение два фактически идентичных образца. В конце концов, чтобы прекратить колебания, нарком обороны К. Е. Ворошилов приказал провести испытания новой бронетанковой техники в присутствии высших чинов военного руководства страны. В сентябре 1939 года на полигоне под Москвой были испытаны шесть новых танков, в том числе и Т-32 (так стал называться А-32). И здесь гусеничный танк показал себя во всей красе: Т-32 без труда преодолел те препятствия, где другие танки испытывали серьёзные проблемы. «Запомните сегодняшний день — день рождения уникального танка», — сказал Н. В. Барыков, директор ленинградского танкового завода № 185.

Испытания показали, что Т-32 имеет большой запас прочности и массу машины можно увеличить на несколько тонн, что позволит усилить бронирование и вооружение. Модернизированный проект Т-32, с бронёй 45 мм на лобовой части и 40 мм на бортовых, получил название Т-34. 19 декабря 1939 года вышло постановление Политбюро ЦК ВКП(б), обязующее изготовить два опытных образца среднего танка Т-34 и, в случае удачных испытаний, принять танк на вооружение Красной Армии.

К февралю 1940 года две опытные машины были готовы. На полигоне завода № 183 началась усиленная апробация Т-34, однако к марту, сроку правительственного показа, завершить весь цикл испытаний заводчане не успевали. И тогда было решено отправить танки из Харькова в Москву своим ходом и «накрутить» таким образом недостающие километры. В ночь с 5 на 6 марта колонна из двух Т-34 и двух тягачей сопровождения взяла курс на Москву. Возглавил пробег главный конструктор Михаил Кошкин. Это было нелёгкое испытание и для людей, и для машин. Но, несмотря на сильные морозы, снежные заносы (маршрут из соображений секретности был проложен в обход основных трасс), неисправности, ночью 17 марта оба Т-34 стояли на Ивановской площади Кремля. Новый танк настолько понравился Сталину, Ворошилову и другим членам Политбюро, что вскоре было принято постановление о немедленном начале серийного производства Т-34 на заводе № 183.

В апреле 1940 года оба танка Т-34 отправились обратно в Харьков. Во время этого перехода, под Орлом, одна из «тридцатьчетвёрок» опрокинулась в реку. Главный конструктор, простуженный, вместе с другими бросился в холодную воду спасать танк. По возвращении в Харьков болезнь обострилась, и Кошкин был госпитализирован. Несмотря на свой недуг, Михаил Ильич продолжал руководить подготовкой Т-34 к серийному производству. За его жизнь боролись лучшие специалисты по лёгочным болезням, больной перенёс несколько операций, ему было удалено лёгкое. Но усилия врачей оказались безрезультатными. 26 сентября 1940 года Михаил Ильич Кошкин скончался в санатории «Занки» под Харьковом. Талантливый конструктор так и не успел довести до конца дело всей своей жизни, не увидел триумфа своего детища на полях войны. Но

именно Михаил Кошкин разработал основы Т-34 — танка, который, по словам одного из ведущих западных специалистов в танкостроении Д. Орджилла, «заслуживает быть отмеченным золотой надписью на рабочем столе конструктора — за успешное решение основной проблемы максимального соответствия эффективности вооружения и мобильности танка, его способности нанести уничтожающий удар, оставшись неуязвимым от удара противника... Танк Т-34 был создан людьми, которые сумели увидеть поле боя середины XX столетия лучше, чем сумел это сделать кто-либо на Западе».

Возможно, на резкое ухудшение здоровья Михаила Кошкина оказала своё влияние неопределённая ситуация с проектом Т-34, сложившаяся летом 1940 года. Сейчас трудно себе представить, что производство «шедевра мирового танкостроения», как впоследствии называли Т-34, было признано нецелесообразным, и к сентябрю 1940 года из запланированных 300 экземпляров было изготовлено всего три. Причиной тому стали сравнительные испытания Т-34 и немецкого танка Pz-III Ausf.G. Советский танк превосходил конкурента по броневой защите и вооружению, но уступал по ряду других параметров, в частности по простоте управления, манёвренности и быстроходности. В итоге специалисты ГАБТУ направили заместителю наркома обороны СССР Г. И. Кулику отчёт с отрицательным отзывом об испытаниях Т-34. Маршал, не особо вникая в подробности, отчёт утвердил. Производство и приёмка готовых Т-34 были приостановлены. Руководители Харьковского завода при поддержке наркома среднего машиностроения Вячеслава Александровича Малышева (его именем сейчас назван завод) обратились к наркому обороны К. Е. Ворошилову с просьбой отменить решение его заместителя. К счастью, нарком встал на сторону танкостроителей. «Машины продолжать делать; сдавать в армию, установив 1000-километровый гарантийный пробег. Заводу начать разрабатывать новую машину — Т-34М», — гласило решение Ворошилова.

Вообще же, «тридцатьчетвёрке» очень «везло» на людей, которые не боялись ради этого танка идти на смелые поступки. Серьёзной проблемой первых образцов Т-34 было вооружение, точнее пушка Л-11. Это орудие имело ряд серьёзных недостатков, и ему на замену была предложена разработанная в КБ под руководством Василия Гавриловича Грабина пушка Ф-34, при испытаниях показавшая себя с наилучшей стороны. Однако по каким-то причинам эту пушку не утверждали в качестве основного орудия для Т-34. И тогда В. Грабин и директор завода А. Елян решили на свой страх и риск ставить на танки не принятую на вооружение пушку. Нетрудно себе представить, что ожидало конструктора и директора завода, если бы с Ф-34 возникли хоть какие-нибудь, даже самые мелкие, проблемы. И только когда от танкистов стали приходиться положительные отзывы, пушку Ф-34 наконец-то приняли на вооружение.

К моменту нападения Германии на СССР в войсках насчитывалось 1225 танков Т-34. Появление Т-34 на Восточном фронте стало для вермахта очень неприятным сюрпризом. «Тридцатьчетвёрка» не участвовала в парадах, её нигде не демонстрировали, испытывали только на секретных полигонах, так что удалось предотвратить утечку информации о танке и немецкая разведка практически ничего о нём не знала. В начале войны Т-34 превосходил все типы немецких танков по вооружению, бронезащите и манёвренности. Пушка Ф-34 без проблем пробивала немецкую броню, тогда как остановить Т-34 могло разве что попадание снаряда в гусеницу. Но танков катастрофически не хватало, к тому же сказывались большие потери Т-34 в результате налётов немецкой авиации, имевшей полное господство в воздухе в первые месяцы войны. Завод № 183 работал день и ночь, однако полностью удовлетворить потребности фронта не мог. Только к началу 1942 года (к этому моменту харьковский завод № 183 был эвакуирован в Нижний Тагил, а к производству Т-34 были подключены завод «Красное Сормово» в Нижнем Новгороде и Сталинградский тракторный завод) советская промышленность смогла наладить выпуск необходимого количества «тридцатьчетвёрок».

Появление в 1943 году танков «Тигр» и «Пантера» впервые с начала войны нарушило «гегемонию» Т-34 на полях сражений. «Тридцатьчетвёрка», безусловно, сыграла решающую роль в победе в Курской битве, но победа эта была достигнута, скорее, благодаря численному превосходству, а не за счёт преимуществ танка. Только на близком расстоянии огонь Т-34 становился эффективным, но на дальней дистанции «Тигр» и «Пантера» безнаказанно расстреливали наши танки. О том, что новые немецкие танки представляют серьёзную угрозу для Т-34, знали и раньше, ещё до битвы на Курской дуге. В апреле 1943 года на подмосковном полигоне в Кубинке состоялись испытания трофейного «Тигра». Итог этих испытаний был, мягко сказать, неутешительным. Снаряды «Тигра» пробивали броню Т-34 с расстояния 1500 метров, тогда как пушка Ф-34 не могла пробить бортовую броню немецкого танка даже с 200 метров. Необходимо было принимать срочные меры. 15 декабря 1943 года на вооружение был принят танк Т-34-85, получивший новую пушку калибра 85 мм, которая позволяла советскому танку бороться с бронёй немецких машин.

И после окончания Великой Отечественной войны Т-34 ещё долго оставался на вооружении Советской Армии и армий других стран. Времена изменились, вчерашние союзники стали врагами. Новым испытанием для «тридцатьчетвёрок» стала война в Корее 1949–1953 годов между коммунистическим Севером и проамериканским Югом. В Корее «тридцатьчетвёркам» противостояли американские танки «Чаффи», «Шерман» и «Першинг», некоторое количество которых, кстати, в годы войны поступило в СССР по так называемому соглашению о ленд-лизе.

Советские боевые машины показали полное превосходство над танками «Чаффи» и «Шерман». Танки «Першинг» по своим тактико-техническим характеристикам, в принципе, не уступали Т-34, однако имели очень ненадёжную ходовую часть, часто подводившую в тяжёлых условиях.

Т-34 принимали участие во многих военных конфликтах, происходивших на нашей планете после Второй мировой войны: арабо-израильской войне, событиях на Кубе, военных конфликтах в Азии и Африке. Вообще же «боевая жизнь» Т-34 продолжалась без малого 50 лет (по некоторым данным, Т-34 и до сих пор остаётся на вооружении в ряде стран). Конечно, время Т-34 закончилось, и ему на смену пришли новые, более современные боевые машины. Однако по-прежнему танкостроители используют многие технические решения, применявшиеся в конструкции «тридцатьчетвёрки» — танка, который во многом решил исход Второй мировой войны и спас мир от фашистской угрозы.

«КАТЮША»

— Что это, скажите мне? Я ранен и скоро умру. Я никому не смогу передать ваших секретов. Но скажите мне перед смертью — что это? Что это страшное, наваливающееся на нас сверху, как гнев Божий?..

В последние минуты жизни немецкий офицер, захваченный в плен под Оршей, думал не о фюрере, пославшем его на эту бойню, не о своём родном тихом городке в Баварии, забыл он даже о жене и о детях. Говорят, что, умирая, человек видит всю свою жизнь, проносающуюся перед глазами за несколько мгновений. Но немецкий офицер видел только яркие огненные полосы, прорезающие ночное небо, и смерть, неумолимо летевшую откуда сверху, от которой нельзя было ни убежать, ни спрятаться. Смерть с ласковым именем «катюша»... Когда и почему появилось это ласковое название — неизвестно, но у наших солдат «катюша» пользовалась особой любовью. Немцы же это страшное оружие называли «сталинскими органами» и «пушками смерти».

На войне не принято жалеть противника, тем более такого, как гитлеровцы, которые сжигали целые деревни вместе с жителями. И всё же... Наверняка многие читатели видели кадры военной кинохроники, на которых демонстрировалась работа «катюш» по вражеским позициям. Зрелище впечатляющее, с трудом можно себе представить, что чувствовал человек в этом урагане огня. Попавшие под огонь «катюш» были обречены. А те, кому каким-то чудом удавалось выжить в этом кошмаре, нередко сходили с ума. И это не преувеличение — немецкими военными врачами не раз фиксировались такие случаи. Самое страшное было в том, что гитлеровцы долго не могли понять, что же это за оружие да и оружие ли это вообще? Мысли о «гневе Божьем» появлялись не случайно. «Неужели русским помогает сам Господь? — думали немецкие солдаты. — Но ведь коммунисты не верят в Бога. Однако и человеку сделать такое не под силу...».

Интересно, что история «новейшего супероружия», как называли немцы «катюшу», началась... примерно за два тысячелетия до начала Второй мировой войны, когда был открыт принцип реактивного движения. В XIX веке применение ракет в войсках приобрело широкий размах, в первой половине столетия ракетное оружие использовалось наравне со ствольной артиллерией. Удачные работы английского конструктора полковника Уильяма Конгрева, русских учёных-артиллеристов Александра Дмитриевича Засядько и Константина Ивановича Константинова позволили наладить выпуск ракет в большом количестве и привели к широкому применению ракетной техники в боевых действиях. Однако во второй половине XIX века, после появления стальных нарезных артиллерийских орудий, ракеты утратили свою былую роль. Преимущества нарезных орудий в дальности, меткости и кучности стрельбы были настолько очевидны, что буквально через пару лет ракеты были сняты с вооружения. В развитии ракетной техники наступил упадок, военные не хотели заниматься бесперспективным, как они считали, оружием. И лишь некоторые энтузиасты-одиночки пытались доказать, что ракеты ещё не сказали своего последнего слова.

Вновь интерес к ракетному оружию появился после Первой мировой войны. В мае 1919 года инженер-химик Николай Иванович Тихомиров в своём письме на имя Ленина просил оказать помощь в организации специальной лаборатории по проблемам и развитию ракетной техники. Надо сказать, что большевики, несмотря на все трудности Гражданской войны и разруху, очень серьёзно отнеслись к этой идее. 1 марта 1921 года в Москве, в двухэтажном особняке на Тихвинской улице, начала работу «Лаборатория для разработки изобретений Н. И. Тихомирова» — первая в России научно-исследовательская и конструкторская организация в области ракетостроения. В лаборатории, оборудованной за счёт государственных средств, имелись химическое и пиротехническое отделения, а также собственная механическая мастерская с двумя десятками станков.

Одной из основных задач лаборатории Н. И. Тихомирова было применение реактивного двигателя к уже существующим видам снарядов и мин с целью увеличения их дальности. В 1924 году сотрудники лаборатории впервые провели испытания реактивных снарядов, в которых применялись шашки из пироксилино-тротилового пороха. Реактивные снаряды давали десятикратное увеличение дальности полёта по сравнению с обычными. Испытания прошли настолько удачно, что работами Тихомирова и его сотрудников заинтересовался Артиллерийский комитет, по указанию которого лаборатория была переведена в Ленинград и включена в состав Артиллерийской академии.

Новым направлением работы лаборатории стала разработка реактивных снарядов с ракетным двигателем на бездымном шашечном порохе. Весной 1928 года на полигоне под Ленинградом первый реактивный снаряд пролетел 1300 метров. Эти испытания уже имели непосредственное, хотя пока и отдалённое, отношение к легендарной «катюше». «Это была первая ракета на бездымном порохе, — писал в своих воспоминаниях заместитель начальника лаборатории В. А. Артемьев. — Нет данных, которые удостоверили бы изготовление в иностранных армиях ракетных снарядов (мин) на бездымном порохе ранее, чем в нашей стране, и приоритет принадлежит Советскому Союзу. Созданием этой пороховой ракеты на бездымном порохе был заложен фундамент для конструктивного оформления ракетных снарядов к „катюше“, оказавшей

существенную помощь нашей Советской Армии во время Великой Отечественной войны».

В результате этих испытаний лаборатория Н. И. Тихомирова летом 1928 года была расширена и получила наименование Газодинамической лаборатории (ГДЛ) при Военно-научно-исследовательском комитете Реввоенсовета СССР. Главной задачей ГДЛ было создание новых реактивных снарядов для авиации.

В 1933 году Газодинамическую лабораторию присоединили к Ракетному научно-исследовательскому институту (РНИИ).

К концу 30-х годов специалистами РНИИ были разработаны и успешно испытаны реактивные снаряды РС-82 (калибра 82 мм) и РС-132 (калибра 132 мм), предназначенные для установки на различные типы самолётов. Одновременно начались работы по применению этих снарядов с наземных установок. Идея, которой руководствовались ракетчики, была вполне понятной и логичной. Наземная установка должна быть многозарядной, поскольку точность у ракеты ниже, чем у артиллерийского снаряда. Ракеты должны базироваться на достаточно манёвренном шасси, то есть на достаточно мощном и обладающем хорошей проходимостью автомобиле. Это позволит, во-первых, неожиданно подойти к цели на необходимое расстояние, а во-вторых, быстро изменить позицию до того, как противник откроет по ней ответный огонь.

Однако от идеи до её реального воплощения в жизнь было ещё очень далеко. Артиллеристы, которым ракетчики показывали своё изобретение, мягко говоря, не воспринимали новое оружие. «Зачем это нужно? — говорили они. — Точности — никакой, кучность тоже так себе, разве что шума и грохота много». И кто знает, как бы сложилась дальнейшая судьба «катюши», если бы не Климент Ворошилов, посетивший полигонные испытания летом 1939 года. Надо отдать должное наркомун обороны — несмотря на серьёзные недостатки, он сумел разглядеть перспективы ракетных установок. Ворошилов поддержал ракетчиков и приказал форсировать ход испытаний. В том же году Главное артиллерийское управление (ГАУ) распорядилось изготовить опытную партию ракетных установок, получивших название МУ-1 (механизированная установка, 1-й образец), с поперечным расположением ракетных направляющих, и МУ-2, на которой ракеты располагались продольно. Первые образцы размещались на шасси двухосного грузовика ЗиС-5, однако впоследствии конструкторы остановились на трёхосном варианте ЗиС-6, имевшем большую грузоподъёмность и лучшую проходимость. Отказались ракетчики и от варианта с поперечно установленными ракетными направляющими: при стрельбе установка сильно раскачивалась, что снижало меткость и кучность стрельбы.

К лету 1941 года была изготовлена первая опытная партия боевых установок залпового огня, получивших название БМ-13 (боевая машина 13-сантиметровых снарядов). Каждая машина имела 16 направляющих для пуска снарядов РС-132 весом 42 кг и максимальной дальностью полёта 8,5 километра. Один дивизион БМ-13, состоящий из пяти машин, всего за несколько секунд мог выпустить 80 снарядов, которые буквально перепыхивали позиции противника. А если представить, что таких машин будет не пять, а десятки и сотни... В этом-то и заключалась «прелесть» «катюш». Ещё в 1863 году, сравнивая достоинства и недостатки ракетной техники и ствольной артиллерии, русский «Артиллерийский журнал» писал: «Удачное действие ракетой со станка зависит во многом от совершенно спокойного и внимательного наблюдения за всем её полётом; но как в настоящее время такого условия выполнить невозможно, то при употреблении ракет против неприятеля, должно преимущественно действовать несколькими ракетами вдруг, беглым огнём или залпом. Таким образом, если не меткостью удара каждой отдельной ракеты, то совокупным действием большего их числа, можно достигнуть желаемой цели». Об этом же восемьдесят лет спустя говорили те, кому пришлось воевать на «катюшах». «Если привлекать артиллерийский ствольный полк, то командир полка обязательно скажет: „У меня данных этих нет, я должен пристрелять орудия“, — рассказывал командир полка ракетных установок А. Ф. Пануев. — Если он начинает пристрелку вести, а пристреливают одним орудием, беря цель в вилку, — это сигнал противнику: что сделать? Укрыться. На укрытие даётся обычно 15–20 секунд. За это время артиллерийский ствол выпустит один-два снаряда. А я дивизионом за 15–20 секунд выпущу 120 ракет, которые идут все сразу».

Символично, что боевая установка залпового огня БМ-13 была принята на вооружение Красной Армии 21 июня 1941 года, за день до нападения Германии на Советский Союз. Сразу же после начала войны РНИИ получил приказ от Государственного комитета обороны (ГКО) передать все опытные установки БМ-13 в распоряжение экспериментальной воинской части под командованием капитана И. Флёрова. В ночь на 30 июня семь БМ-13 отправились на фронт. В тот момент никто в подразделении, включая даже командира, не знал, что же за оружие они получили. И только во время пути два конструктора из РНИИ, А. Попов и Д. Шитов, рассказали солдатам и офицерам о возможностях и боевом применении ракетных установок.

14 июля 1941 года в 15 часов 15 минут батарея капитана Флёрова дала первый залп по позициям фашистов. Станция Орша была забита немецкими эшелонами с техникой, боеприпасами и горючим. 112 снарядов, в одно мгновение обрушившиеся на станцию, буквально сравняли её с землёй, а поезда и технику превратили в пепел. «Результаты отличные. Сплошное море огня», — написал в

своём рапорте капитан Флёров.

Тотчас в небо поднялся немецкий самолёт-разведчик, а вскоре по той позиции, где стояли «катюши», артиллерия противника открыла ураганный огонь. Но стреляли фашисты по пустому месту — «катюши» после залпа практически мгновенно скрылись. Через полтора часа батарея произвела ещё один залп по переправе в районе реки Оршица.

«Эффект единовременного разрыва 112 мин в течение считанных секунд превзошёл все ожидания. Солдаты противника в панике бросились бежать. Попятились назад и наши солдаты, находившиеся на переднем крае, вблизи разрывов (в целях сохранения тайны никто не был предупреждён об испытаниях)», — писал командующий Западным фронтом маршал А. И. Ерёменко после того, как батарея «катыш» своим огнём остановила массивное вражеское наступление в районе деревни Ярцево. Немецкое же командование, пожалуй, впервые после нападения на СССР было серьёзно напугано, об этом говорит хотя бы беспомощный характер донесений, которые были посланы в Берлин. «Русские применили батарею с небывалым числом орудий. Снаряды фугасно-зажигательные, но необычного действия. Войска, обстрелянные русскими, свидетельствуют: огневой налёт подобен урагану. Снаряды разрываются одновременно. Потери в людях — недопустимо большие». Или: «Красная Армия получила новую автоматическую многоствольную огнемётную пушку... Выстрел производится электричеством... Во время выстрела образуется дым...».

Несколько месяцев подразделение капитана Флёрова наводило ужас на фашистов. Гитлеровцы устроили настоящую охоту на батарею «катыш», пытались уничтожить её огнём артиллерии, немецкая авиация десятки раз бомбила предполагаемые места дислокации БМ-13. Неоднократно в тыл забрасывались диверсионные группы, заданием которых было обнаружение и уничтожение «катыш», немецкое командование пообещало крупное вознаграждение и повышение по службе тем, кто захватит хотя бы одну ракетную установку.

Несколько раз батарея БМ-13 попадала в окружение, однако благодаря скорости и манёвренности своих машин ракетчикам удавалось уйти от врага. Но в начале октября 1941 года под Смоленском сложилось совсем отчаянное положение, бойцы поняли, что на этот раз прорваться через плотное кольцо гитлеровцев не удастся. На каждой машине находился ящик со взрывчаткой и бикфордов шнур — специально для того, чтобы установка ни в коем случае не попала к врагу. Выбора у капитана Флёрова и его подчинённых не было — они подорвали свои боевые машины, а сами попытались прорваться к своим. В неравном бою большинство ракетчиков, в том числе командир первой ракетной батареи Иван Андреевич Флёров, погибли, лишь немногим удалось остаться в живых и перейти линию фронта.

Однако радость немцев была недолгой — они избавились от семи «катыш», однако им на смену пришли десятки новых установок. К октябрю 1942 года на фронте действовали уже 350 дивизионов «катыш», а к маю 45-го — более 500. Всего за годы войны в Красную Армию поступило более 10 тысяч ракетных установок, смонтированных на автомобилях и тягачах различных типов.

Немецкие конструкторы пытались создать подобные ракетные установки, но даже после того как в их распоряжении оказались несколько захваченных машин, им не удалось добиться желаемого. Скопировать саму «катыш» было, в общем-то, несложно, однако главным секретом, который немцы так и не смогли раскрыть, была конструкция реактивного снаряда и химический состав пороха для него. Немецкие боеприпасы вели себя непредсказуемо: то взрывались в воздухе, то, набрав нужной скорости, падали на землю, едва уйдя с направляющих. Лишь ничтожный процент снарядов достигал цели. До конца войны немцам так и не удалось создать своего аналога «катыши».

Наши же конструкторы постоянно совершенствовали и улучшали конструкцию ракетных установок. В августе 1941 года на вооружение была принята 36-зарядная установка БМ-8 на шасси ЗиС-6 для стрельбы осколочными снарядами РС-82. В первые годы войны ракетные установки монтировались не только на шасси ЗиС-6, но и на гусеничном тягаче СТЗ-5, на шасси лёгкого танка Т-40, а также на американских грузовиках «Шевроле», «Интернейшнл» и других. Чтобы унифицировать шасси и облегчить снабжение запчастями, в 1943 году на вооружение была принята ракетная установка БМ-13Н («Н» означало «нормализованный образец»), базировавшаяся на американском грузовике «Студебеккер». Эти автомобили в большом количестве поступали в СССР по ленд-лизу, а позже их выпуск из импортируемых деталей был налажен на заводе имени Сталина в Москве.

«Студебеккеры» были широко распространены в Советской Армии, отличались хорошей проходимостью, скоростью и надёжностью, так что не случайно именно этот грузовик был выбран как единое шасси для ракетных установок. Весной 1944 года в войска поступила новая боевая машина БМ-31-12, предназначенная для стрельбы особо мощными снарядами М-30 калибром 300 мм. Кстати, эти машины, в отличие от БМ-13, солдаты часто называли «андрюшами».

После войны «катыши» и «андрюши» ещё долго оставались на вооружении Советской Армии. Затем им на смену пришли новые машины, более мощные и современные. Но и после этого «катыши» всегда пользовались особой любовью и уважением у ветеранов Великой Отечественной войны. О том, что такое наступление на хорошо укрепленные позиции врага, говорить много не нужно. А

после того как «катюши» обрушивали град снарядов на врага, пехотинцы нередко входили в населённый пункт или на позиции противника, не встречая никакого сопротивления. «Катюши» не просто подавляли врага, не просто выполняли свою задачу, они помогали очень многим просто выжить в той страшной войне.

Гимн

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим, —
Кто был ничем, тот станет всем.

Разрушить — разрушили, и действительно до основания. Построить — как будто бы построили, не совсем, правда, понятно, что именно, но что-то построили. Пришла пора заняться новым гимном страны, поскольку «Интернационал» уже устарел и потерял актуальность. Несмотря на то что во время Великой Отечественной войны наверняка были дела куда более неотложные, проблемой нового официального государственного символа занимались многие высшие руководители страны, вплоть до самого Верховного главнокомандующего. Есть мнение, что это был своеобразный психологический ход, по силе сравнимый со знаменитым парадом 7 ноября 1941 года в Москве. Итак, лето 1943 года, разгар войны, недавно закончилась кровопролитная Сталинградская битва, под Курском лоб в лоб сталкиваются танковые армады, Ленинград пока ещё в блокаде, а «великий вождь» уже думает о будущем и «даёт» стране новый гимн...

Впервые идея сделать торжественную песню официальным символом страны, наряду с флагом и гербом, пришла в голову голландцам. Вот уже более 400 лет старинная песня «Вильгельмус ван Нассау» исполняется в качестве государственного гимна голландского королевства. Российская империя и Советский Союз таким постоянством похвастаться не могли. Первым неофициальным гимном страны считается написанный в 1791 году марш «Гром победы, раздавайся, веселися, храбрый росс!» на слова Г. Р. Державина. Позже гимном стала размеренная и торжественная мелодия «Коль славен наш Господь в Сионе» композитора Д. С. Бортнянского.

В 1833 году Николай I объявил закрытый конкурс на создание первого оригинального гимна России. Лучшим был признан вариант композитора А. Ф. Львова на стихи В. А. Жуковского, под названием «Молитва русского народа». Правда, этот опус сильно напоминал английский гимн, а первый стих вообще был калькой слов английского гимна. Но «God save the King» в те времена был своеобразным «Интернационалом» почти всех королевских династий Европы. Кроме «Боже, царя храни!» в торжественных случаях исполнялась хоровая песня «Славься!» из оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя».

С февраля 1917 года и в первые месяцы после Октябрьской революции в качестве гимна использовалась «Марсельеза», а позже официальным гимном СССР стал «Интернационал». И наконец летом 1943 года правительством СССР было принято решение о создании нового государственного гимна взамен «Интернационала», который должен был остаться гимном партии. Образовали специальную комиссию, председателем которой стал К. Е. Ворошилов. Комитет по делам искусств представил в комиссию список поэтов, рекомендованных для участия в конкурсе. В их число попали В. И. Лебедев-Кумач, С. И. Кирсанов, М. В. Исаковский, М. Ф. Рыльский, М. А. Светлов, Н. Н. Асеев, К. М. Симонов, Д. Бедный, в общем весь поэтический «бомонд» того времени. Это и понятно, работу курировал сам Сталин, так что к написанию текста нового гимна были привлечены самые известные поэты страны. А вот детского поэта Сергея Михалкова и известного корреспондента газеты «Известия» Габриэля Эль-Регистана «лучшими» в тот момент не считали и потому в списки претендентов для участия в конкурсе не включили.

«Я и мой давний друг Габо (Габриэль Аркадьевич Уреклан, выступавший в печати под псевдонимом Г. Эль-Регистан) большую часть времени находились на фронте и лишь наездами бывали в Москве, — вспоминал Сергей Михалков. — Габо останавливался в гостинице „Москва“, я — на своей квартире.

Зайдя как-то в ресторан „Арагви“ за „подкреплением“, я встретил там группу известных московских поэтов. Товарищи собрались в ресторане пообедать после „важного“ совещания у К. Ворошилова.

— Что за „важное“ совещание? — поинтересовался я.

— Будет создаваться новый Гимн Советского Союза. Объявлен конкурс на лучший текст! — последовал ответ. — Были приглашены все „песенники“!

По возвращении в гостиницу я поделился этой новостью с Габо.

— Но почему же не пригласили меня? — не без некоторой обиды задал я вопрос своему другу.

— Ты же сам сказал, что пригласили „песенников“, а ты детский поэт! — ответил Эль-Регистан.

— Но я же всё-таки сочинил несколько песен! — возразил я...».

Так что первоначально Михалков и Эль-Регистан участвовать в конкурсе написание текста гимна не собирались, да их, в общем-то, никто не звал. Всё сложилось благодаря какому-то мистическому везению. В ночь с 11 на 12 октября Габриэль Эль-Регистан вдруг вскочил с постели и бросился к письменному столу. Чистого листка бумаги под рукой не оказалось, и тогда он схватил гостиничный

счёт и на обороте написал четыре строки будущего гимна.

Эль-Регистан не единственный человек в истории, кому главное произведение или открытие в жизни привиделось во сне. О том, что Дмитрию Ивановичу Менделееву приснился его периодический закон, знают, наверное, многие. Примерно то же самое произошло и с Ярославом Гашеком — однажды он встал с постели и записал на бумажке: «Идиот в армии». А потом из этих слов родился один самых знаменитых романов в истории.

Но вернёмся к главной теме этой статьи. Наутро Габриэль Эль-Регистан примчался к Сергею Михалкову и прямо с порога объявил: «Мне приснился сон, что мы с тобой стали авторами Гимна! Я даже записал несколько слов, которые мне приснились!». Эль-Регистан и Михалков написали текст и отправили его Дмитрию Шостаковичу, который, в числе других композиторов, участвовал в конкурсе на написание мелодии гимна. После этого военные корреспонденты возвратились к своим основным обязанностям — уехали на передовую писать фронтовые заметки.

Всего на конкурс было представлено около 500 вариантов нового гимна. Конкурсная комиссия работала без выходных и ежедневно выносила один и тот же вердикт: «Представленные варианты Гимна пока не отвечают необходимым требованиям. Надо продолжать работу». Сергей Михалков и Габриэль Эль-Регистан побывали на одном из прослушиваний, проходившем в Бетховенском зале Большого театра, а затем снова уехали на фронт. И вдруг они получили срочный приказ: «Немедленно вернуться в Москву и явиться в Кремль к Ворошилову».

«Товарищ Сталин обратил внимание на ваш вариант текстов! — сказал Ворошилов Михалкову и Эль-Регистану. — Очень не зазнавайтесь! Будем работать с вами!». Сталину действительно понравился текст Михалкова и Эль-Регистана, прежде всего потому, как это ни странно, что его фамилия упоминалась в гимне всего один раз, тогда как тексты других авторов больше напоминали оду «в честь великого Сталина», чем гимн государства. Хвалебных и «величальных» песен и без того хватало. Высказал вождь и свои предложения (от которых, как говорится, нельзя было отказаться). Таким образом у Михалкова и Эль-Регистана появился третий соавтор. «Вот, посмотрите, замечания товарища Сталина, — объявил Клим Ворошилов „волю“ вождя авторам. — Вы пишете: „Свободных народов союз благородный“. Товарищ Сталин делает пометку: „Ваше благородие?“ Или вот здесь: „...созданный волей народной“. Товарищ Сталин делает пометку: „Народная воля?“. Была такая организация в царское время. В Гимне всё должно быть предельно ясно. Товарищ Сталин считает, что называть его в Гимне „избранником народа“ не следует, а вот о Ленине сказать, что он был „великим“». Также по предложению Сталина был добавлен куплет о мощи и силе Красной Армии и о борьбе с фашизмом.

В ноябре 1943 года был готов окончательный вариант текста гимна. А далее, как рассказывал в своей книге известный собиратель «фольклора» сталинских времён писатель Юрий Боров, произошла история, вполне характерная для советской бюрократической машины. Текст гимна, завизированный подписями ответственных лиц, потеряли и нашли... на помойке. «Придя утром в кабинет, председатель Комитета по делам искусств Храпченко не обнаружил бумаги, — писал Юрий Боров. — Всё учреждение, объётое страхом, бросилось на поиски. Бесполезно. Завхоз Ротатаев отправился искать на помойку. К несчастью, её только что очистил мусорщик. Его догнали, вывернули мусор и действительно нашли бесценный листок. Ротатаев вызвал жену, та тщательно разглядела гимн утюгом и промокашкой сняла с него пятна. Горемычную бумажку вручили председателю комитета, и тот на радостях назначил Ротатаева своим заместителем по кадрам».

В музыкальном конкурсе на написание лучшей мелодии гимна, как и в конкурсе поэтическом, участвовали лучшие из лучших: Д. Шостакович, А. Хачатурян. С. Прокофьев и ещё 11 композиторов представили своё видение музыкального сопровождения нового гимна. В качестве своей версии гимна композитор, организатор и художественный руководитель Ансамбля песни и пляски Советской Армии Александр Васильевич Александров представил на конкурс написанную ещё в 1936 году мелодию к «Песне о партии» на стихи Лебедева-Кумача. Александров рассчитывал, что текст гимна также напишет Лебедев-Кумач, однако его мелодия прекрасно подошла к словам Михалкова и Эль-Регистана. И в итоге именно произведение Александрова было признано наилучшим. Естественно, что и в этом вопросе последнее слово осталось за Сталиным. После прослушивания четырнадцати мелодий в Большом театре композиторы собрались по указанию «вождя» в правительственной ложе. «Величию Страны Советов больше соответствует гимн профессора...», — сказал Сталин и кивнул в сторону Александрова. Вопрос был решён — сессия Верховного Совета СССР утвердила музыку и текст, и в ночь на 1 января 1944 года новый гимн впервые прозвучал по радио.

Авторы гимна получили за свою работу солидные денежные премии, Сергею Михалкову и Габриэлю Эль-Регистану были подарены новые квартиры, а Александру Александрову — автомобиль. А вот дальнейшая судьба авторов сложилась по-разному. Сергей Михалков прожил более 90 лет. За свою жизнь он четырежды награждался Государственной премией СССР, долгое время возглавлял Союз писателей РСФСР. Александр Александров до самой смерти в 1946 году руководил ансамблем песни и пляски Советской Армии. Ещё раньше скончался Габриэль Эль-Регистан. Он не раз бывал на

передовой, не раз заглядывал в лицо смерти. В конце войны в Крыму осколок гранаты убил фотокорреспондента Калашникова, а шедший буквально в метре Эль-Регистан остался цел и невредим. А через несколько месяцев Габриэль Эль-Регистан скончался от второго инфаркта в возрасте 45 лет...

По-разному сложилась и судьба музыки и текста гимна. После XX съезда КПСС упоминание имени Сталина в тексте официального символа страны стало крайне нежелательным, и до 1977 года гимн исполнялся вообще без слов. В 77-м, вместе с принятием новой Конституции был принят и новый текст гимна. Объявили новый конкурс, в котором принимало участие около 80 композиторов и столько же поэтов. В результате был принят переработанный Сергеем Михалковым текст гимна, а мелодия осталась та же. После 1991 года, когда «Союз нерушимый республик свободных» окончательно распался, казалось, что навсегда канут в лету слова и музыка старого гимна. Но в декабре 2000 года президент России подписал указ «О Государственном гимне России». Мелодия Александрова вновь стала самой главной мелодией страны, а Сергей Михалков в третий раз стал автором текста гимна. История имеет свойство повторяться. Хорошо это или плохо — покажет время...

Знамя Победы

25 апреля 1945 года войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, соединившись западнее Берлина, завершили окружение берлинской группировки противника. Перед Советской Армией оставался последний рубеж — хорошо укреплённая столица фашистской Германии, где было сосредоточено около миллиона солдат вермахта. Третий рейх агонизировал, это прекрасно осознавали его руководители. И тем не менее, сдаваться немцы не собирались, сопротивление было ожесточённейшим.

Каждое здание, каждый дом приходилось брать с боем. Наступать в городских условиях — дело невероятно тяжёлое. Но шаг за шагом советские войска пробивались к центру Берлина. По всему городу над важнейшими объектами стали появляться красные знамёна. 26 апреля 1945 года на Берлинской ратуше красное знамя установил младший лейтенант Громов. Утром 30 апреля бойцы 597-го стрелкового полка водрузили знамя на здании Королевской оперы (где ныне расположен современный рейхстаг). Кольцо окружения сжималось всё сильнее и сильнее. И вот, наконец, последний оплот фашизма — Рейхстаг.

Штурм Рейхстага продолжался несколько дней. На Рейхстаг наступали несколько дивизий 3-й ударной армии под командованием генерала В. И. Кузнецова. Командование очень серьёзно относилось к флагу, которому суждено было стать Знаменем Победы. В 20-х числах апреля военный совет 3-й армии постановил изготовить специальные знамёна для водружения над Рейхстагом. Каждая из 9 дивизий, входивших в состав армии, получила свой флаг. Знамя под номером 5 было вручено 150-й стрелковой дивизии. Около 11 утра 30 мая бойцы именно этой дивизии начали очередной штурм Рейхстага и прилежащих к нему зданий...

Обратимся к документам тех лет. Вот отрывок из журнала боевых действий 150-й стрелковой дивизии: «В 14:25 30.4.45 г. лейтенант Кошкарбаев и разведчик Булатов 674-го стрелкового полка по-пластунски подползли к центральной части здания и на лестнице главного входа поставили красный флаг». В сообщении Совинформбюро от 30 апреля говорилось: «Сегодня в 14 часов советские бойцы овладели зданием немецкого Рейхстага и водрузили на нём Знамя Победы». А 3 мая дивизионная газета «Воин Родины» в рубрике «Они отличились в бою» писала: «Родина с глубоким уважением произносит имена героев. Советские богатыри, лучшие сыновья народа. Об их выдающемся подвиге напишут книги, сложат песни. Над цитаделью гитлеризма они водрузили Знамя Победы. Запомним имена храбрецов: лейтенант Рахимжан Кошкарбаев, красноармеец Григорий Булатов... Родина никогда не забудет их подвига. Слава героям!». Чуть позже командование 150-й стрелковой дивизии подготовило представления к награждению званием Героя Советского Союза. В них были указаны фамилии: Кошкарбаев, Булатов, Проваторов, Орешко, Лысенко, Греченков и некоторые другие. И в каждом представлении в графе «Краткое описание подвига» значилось: «...30.04.45 г. ворвался в Рейхстаг и водрузил Знамя Победы...». Но каждому советскому школьнику было известно, что Знамя Победы над Рейхстагом установили сержант Михаил Егоров и младший сержант Мелитон Кантария, и сделали они это около десяти вечера 30 апреля 1945 года...

Об этом мало кто знает, но во время штурма над Рейхстагом было установлено не одно, и не два, а около сорока красных знамён. Но только Егоров и Кантария, как говорят в таких случаях, вошли в историю, а знамя, которое они водрузили, стало Знаменем Победы, одним из символов советской эпохи.

Около 14:00 30 апреля советским войскам удалось ворваться в Рейхстаг и захватить центральную часть здания. В это время и были установлены несколько знамён. Лейтенант Кошкарбаев и рядовой Булатов водрузили флаг у конной скульптурной группы на крыше Рейхстага. А группа под командованием лейтенанта Алексея Береста, прорвавшись к центральному входу, закрепила красный флаг на одной из колонн. Это было то самое знамя № 5, которое досталось 150-й стрелковой дивизии. Однако штурм ещё продолжался. Немцы, засевшие на верхних этажах и в подвальном помещении, оказывали сопротивление. По некоторым данным, советские войска на некоторое время даже были выбиты из Рейхстага. А знамя, установленное на фронтоне здания, было сбито.

Новая атака на Рейхстаг началась около девяти часов вечера. Через час подразделения 3-й армии заняли все верхние этажи, полностью очистив их от противника. Лестница, ведущая на крышу, была частично разрушена. Преодолеть возникшее препятствие бойцы из группы Алексея Береста решили с помощью живой лестницы. Первым стоял командир, на него встал Мелитон Кантария, а сверху Михаил Егоров. В 22:50 Знамя Победы развевалось над Рейхстагом...

Всё вышесказанное — это только одна из версий. Многие военные историки считают, что всё было решено заранее. Верховный главнокомандующий пожелал, чтобы Знамя Победы установили грузин и русский. Мелитон Кантария и Михаил Егоров оказались подходящими кандидатурами на роль героев. Их подвиг был заснят на киноплёнку. Эти кадры бесчисленное число раз демонстрировались на экранах: группа бойцов взбегают по ступеням в Рейхстаг, а затем двое из них

закрепляют Знамя Победы на фронто́не. Но на самом деле эти кадры были сняты не 30 апреля, в разгар военных действий, а 2 мая, когда бои в Берлине уже закончились.

В мае 1946 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении звания Героя Советского Союза офицерскому и сержантскому составу Вооружённых сил СССР, водрузившему Знамя Победы над рейхстагом». В списке награждённых было всего пять человек: капитан Василий Давыдов, сержант Михаил Егоров, младший сержант Мелитон Кантария, капитан Степан Неустроев и старший лейтенант Константин Самсонов. С Кантарией и Егоровым всё ясно — они установили (так, по крайней мере, утверждала официальная история) Знамя Победы. Офицеры Давыдов, Неустроев и Самсонов командовали батальонами, штурмовавшими Рейхстаг. Что же касается остальных... Наверху решили: не все, принимавшие участие в штурме Рейхстага и устанавливавшие знамёна, достойны звания Героя. Из списков по прихоти маршала Жукова был вычеркнут даже лейтенант Алексей Берест, который вместе с Кантарией и Егоровым непосредственно устанавливал Знамя Победы. Уж очень не любил Жуков политработников, а Берест, на свою беду, оказался заместителем командира батальона по политической части...

Бои в Берлине продолжались до утра 2 мая 1945 года. В этот день генерал Вейдлинг, командовавший обороной города, приказал берлинскому гарнизону прекратить сопротивление и сложить оружие. Через несколько часов такой же приказ от имени «временного имперского правительства» подписал первый заместитель Геббельса Фриче. Приказ был объявлен по немецкому радио, после чего началась массовая капитуляция. А 3 мая Знамя Победы было снято с крыши Рейхстага, вместо него был установлен другой флаг. 20 июня 1945 года Егоров и Кантария на специальном самолёте отвезли Знамя Победы в Москву. Оно было передано для хранения в Музей Вооружённых Сил, где находится и поныне.

Автомат Калашникова

«Я создавал оружие не для межнациональных усабиц, а для защиты рубежей своей Родины, — сказал в одном из интервью Михаил Калашников. — И мне очень больно, когда это оружие попадает в руки экстремистов. Недавно узнал, что в Коврове десятками продавали пулемёты, мои пулемёты, представителям экстремистских формирований. Горько это слышать. И в этом факте вновь отразилась та же беда — первобытный уровень нашей культуры, когда конфликт пытаются разрешить не разумом, а силой...».

В этих словах — боль и трагедия легендарного конструктора. Детище Михаила Калашникова — самый распространённый вид стрелкового оружия в мире. По данным Центра оборонной информации Министерства обороны США, за 50 лет на планете произведено около 100 миллионов автоматов Калашникова различных модификаций. Автоматы Калашникова стоят на вооружении более чем 50 стран. Производятся (или производились) в Болгарии, Венгрии, ГДР, Египте, Ираке, Китае, Польше, Румынии, Северной Корее, Югославии. Штурмовые винтовки, сконструированные на основе АК, выпускались в Чехословакии, Финляндии, США и Индии. Мало того, автомат Калашникова является национальным символом нескольких стран. Он, например, изображён на гербах Буркина Фасо (до 1997 г.), Зимбабве и Мозамбика.

Казалось бы, о чём ещё может мечтать конструктор — его изобретение знают и уважают во всём мире. Но любой оружейник понимает, что чем лучше оружие, тем больше оно распространено, а значит, тем большее число людей будет из него убито. Погибнут не только преступники, убийцы или солдаты, которым суждено умирать на войне. Будут среди них и мирные жители. И от этого никуда не деться...

К началу Второй мировой войны основным оружием пехотных частей Красной Армии и армий других стран был пистолет-пулемёт. В СССР на вооружение были приняты пистолет-пулемёт В. А. Дегтярёва ППД-40, Г. С. Шпагина ППШ-41, А. И. Судаева ППС-43, в частях вермахта — «шмайссер» образца 1938–1940 годов (MP-40). Пистолет-пулемёт обладал целым рядом преимуществ — простота конструкции и удобство в обращении, небольшой вес и размеры. Однако пистолеты-пулемёты были хороши только в ближнем бою, в городских условиях, а в целом имели недостаточную убойную силу и дальность стрельбы. Поэтому было совершенно ясно, что необходимо разработать новое оружие, более мощное, чем пистолет-пулемёт, и имеющее прицельную дальность на расстоянии до 500 метров. Но прежде чем приступить к созданию автомата (этот термин был принят в СССР и некоторых других странах, на Западе широко распространено название «штурмовая винтовка»), оружейникам необходимо было разработать совершенно новый патрон для него. До этого в пехотном оружии использовалось два типа патронов — пистолетный и винтовочный. И ни тот ни другой не подходили для автомата: первый не обеспечивал необходимой дальности стрельбы, второй же, наоборот, был слишком мощным.

Во время Великой Отечественной войны Государственный комитет обороны принял решение перевести все основные виды стрелкового оружия на так называемый промежуточный патрон (калибра 7,62 мм, занимающий промежуточное положение между винтовочным и пистолетным патронами). После его создания в 1943 году на вооружение был принят самозарядный карабин Симонова СКС-45, рассчитанный на этот патрон. А после окончания войны объявили конкурс на создание нового вида автомата, который должен был стать основным оружием пехотинца в Советской Армии. В конкурсе принимали участие ведущие конструкторы и коллективы страны. И мало кто рассматривал всерьёз как возможного победителя рядового конструктора Ижевского машиностроительного завода (Ижмаш) Михаила Калашникова. В 1946 году состоялся первый этап конкурса. Из 15 представленных образцов оружия были отобраны три, в том числе и конструкция Калашникова. Надо сказать, что для молодого конструктора это был большой успех, но Михаил Тимофеевич на этом не остановился. Он серьёзно переработал свой вариант, и в финале конкурса его автомат был признан лучшим по всем статьям. В итоге «7,62-мм автомат Калашникова образца 1947 года» был принят на вооружение Советской Армии.

Здесь сразу же возникает вопрос, долго обсуждавшийся специалистами и историками стрелкового оружия: а мог ли Михаил Калашников сам создать такое «супероружие» и как молодой конструктор-самоучка сумел «переиграть» маститых советских оружейников Симонова, Дегтярёва и других? Чтобы ответить на этот вопрос, остановимся на некоторых фактах из биографии самого известного оружейника в мире.

Михаил Тимофеевич Калашников родился 10 ноября 1919 года в селе Курья Алтайской губернии в многодетной крестьянской семье. После окончания школы он устроился на работу в железнодорожное депо, затем работал техническим секретарём в отделении Туркестано-Сибирской железной дороги в Алма-Ате. Как будто ничего необычного, но ещё в детстве Михаил продемонстрировал талант изобретателя. Его школьный учитель физики вспоминал, что однажды Миша показал ему свою конструкцию вечного двигателя. Любому образованному человеку известно, что идея вечного двигателя противоречит закону сохранения и превращения энергии, и поэтому осуществить её невозможно в принципе. Но идея была настолько оригинальной, а сам

юный изобретатель так убеждён в своей правоте, что едва не убедил учителя в том, что создал вечный двигатель.

В 1938 году Михаил Калашников был призван в армию, где прошёл курсы механиков-водителей танка. Во время службы он продолжил заниматься изобретательством. Вечный двигатель, правда, по Уставу выдумывать не положено, но это не остановило нашего героя. В 20 лет Калашников победил в соревнованиях армейских изобретателей, и предложенный им прибор для учёта моторесурса двигателя танка был принят к серийному производству. Позже Михаил изобрёл счётчик количества выстрелов танковой пушки, приспособление для эффективной стрельбы из пистолета через щели в башне танка и ещё несколько интересных конструкций.

Осенью 1941 года командир танка старший сержант Калашников в сражении под Брянском был тяжело ранен и попал в госпиталь. Это ранение, как ни странно, сыграло решающую роль в судьбе Михаила Калашникова, а вместе с тем и в истории развития стрелкового оружия второй половины XX века. В госпитальной библиотеке сержант случайно наткнулся на двухтомник «Эволюция стрелкового оружия», взял почитать. И так увлёкся, что совершенно забыл о своём «танковом прошлом» и решил сконструировать пистолет-пулемёт. По состоянию здоровья старший сержант Калашников был отправлен в полугодовой отпуск и вернулся на станцию Матай, где работал до конца войны. Там, в железнодорожных мастерских, он продолжил работу по созданию нового вида оружия. В июне 1942 года проект пистолета-пулемёта Калашникова был принят на рассмотрение Артиллерийской академии. К вооружению он, правда, принят не был, однако работа изобретателя-самоучки заслужила высокой оценки. По рекомендации известного специалиста А. А. Благонравова Михаил Калашников был направлен на Центральный научно-исследовательский полигон стрелкового вооружения Главного артиллерийского управления РККА. В 1944 году Калашников разработал конструкцию самозарядного карабина, который и стал основой автомата, принёсшего ему мировую известность.

В чём же секрет автомата Калашникова, почему именно он стал символом не только оружейного мастерства, но и целой эпохи? Кстати, бытует мнение, что Калашников скопировал конструкцию немецкого автомата MP-43, внося в него лишь небольшие изменения. Действительно, компоновка АК-47 схожа с компоновкой немецкого автомата, однако в целом это совершенно разные конструкции. Безусловно, Михаил Калашников использовал технические решения, применяемые в других образцах стрелкового оружия. Но талант конструктора заключается и в том, чтобы собрать воедино уже проверенные решения, найти оптимальный вариант компоновки, создать оружие, простое в производстве и удобное в обращении.

Однако Михаил Калашников известен не только умением удачно использовать чужие находки. Если проблему не удавалось решить каким-то проверенным способом, он всегда находил своё, гениальное по простоте и задумке решение. Характерными чертами конструктора, как рассказывали его коллеги, были потрясающая неординарность мышления и умение найти парадоксальный выход из, казалось бы, безвыходной ситуации. Самый яркий пример — то, как Михаил Тимофеевич решил проблему надёжности своего автомата в тяжёлых боевых условиях. Надо сказать, что эта проблема всегда была и остаётся одной из самых сложных для оружейников — как обеспечить надёжную работу оружия при попадании внутрь механизма песка и грязи? Можно, конечно, создать какой-нибудь «чудо-автомат», который в идеальных условиях будет обладать великолепными боевыми характеристиками. Но грош цена такому автомату, если из-за какой-то песчинки его заклинит на первых секундах боя. Как правило, конструкторы старались как можно тщательнее подогнать детали оружия, чтобы зазоры были как можно меньше. Но это не всегда удавалось, в условиях массового производства очень тяжело обеспечить необходимую точность. Однако Михаил Калашников, в отличие от своих коллег-оружейников, посмотрел на проблему с другой стороны. Он оставил большие зазоры между подвижными частями автомата, и в результате попадавшая внутрь грязь вываливалась сама собой и не мешала работе механизмов. Этим техническим решением и была достигнута потрясающая надёжность и неприхотливость в обслуживании.

Наверное, читатель, мало знакомый со стрелковым оружием, может подумать, что автомат Калашникова — это некий идеал, недостижимый для других образцов подобной техники. Это, на самом деле, не так. По целому ряду параметров АК даже самых последних модификаций уступает отечественным и зарубежным аналогам. Но вот по совокупности и сбалансированности технических характеристик равных детищу Михаила Калашникова нет уже более чем полвека. К тому же АК изначально был ориентирован на массовость. Да, элитные подразделения предпочитают использовать другие, более совершенные виды стрелкового оружия. Но оно стоит дороже и требует специальных навыков в обращении и бережного ухода. А из автомата Калашникова любой новобранец сможет стрелять буквально через несколько минут после того, как впервые возьмёт его в руки.

Примечательно, что АК-47 был до определённого момента одним из самых засекреченных видов вооружений в СССР. Его массовое производство началось в 1949 году, однако мир узнал ставшую теперь знаменитой аббревиатуру АК только в 1956 году, после событий в Венгрии. С тех пор ещё большой ореол секретности окружал Михаила Калашникова. Такова уж судьба людей,

занимающихся созданием оружия, — Калашникову вручали премии и награды (Михаил Тимофеевич — лауреат Сталинской (1949) и Ленинской (1964) премий, дважды Герой Социалистического Труда, генерал-майор), но в газетах и по радио об этом не сообщали. Долгое время почти никто не знал, как же выглядит конструктор самого известного в мире автомата. Как с горечью говорит сам Михаил Тимофеевич: «Очень многие считают, что меня давно уже нет в живых». Но, несмотря на «слишком преувеличенные слухи о своей смерти», Михаил Калашников по-прежнему живёт в Ижевске, находится, по словам встречавшихся с ним людей, в хорошей форме и как всегда занимается любимым делом — конструированием и совершенствованием стрелкового оружия.

Как долго автомат Калашникова будет считаться эталоном стрелкового оружия? Авторитетный американский специалист Эдвард Изелл полагает, что создать достойную замену АК конструкторы смогут лишь во второй четверти XXI века. «Постараюсь дожить до этого времени и посмотреть, что же из этого получится», — шутит в ответ на слова американца ижевский конструктор. А если серьёзно... Как сказал в одном из интервью Михаил Калашников: «Я мечтаю о том, чтобы созданное мной оружие служило лишь для съёмок фильмов по истории нашей цивилизации».

План ГОЭЛРО

Герберт Уэллс, как известно, писал фантастические романы и, хотя и утверждал, что «теория классовой борьбы — полезный опиум для народа», к большевикам относился благосклонно. Но даже после посещения России в 1920 году, он не верил, что эту огромную страну можно за короткое время вывести из тьмы, настолько фантастическим казался этот «чудо-план». «Можно ли представить себе, — писал он в своей книге „Россия во мгле“, — столь дерзновенный проект в этой огромной равнинной, покрытой лесами стране, населённой неграмотными крестьянами, лишённой источников водной энергии, не имеющей технически грамотных людей, в которой почти угасли торговля и промышленность? Россия, занимающая одно из последних мест в мире по выработке электроэнергии, впала в утопию. В какое бы волшебное зеркало я ни смотрел, я не могу увидеть эту Россию будущего...».

История — дама с переменчивым характером. Сегодня она говорит нам одно, а завтра — совершенно другое. Не является исключением в этом смысле и электрификация Советского Союза. В советское время официальная история утверждала, что до Октябрьской революции 1917 года электричеством могли пользоваться разве что «цари да самые главные буржуины», а простой рабочий народ сидел во тьме. Однако «великий вождь мирового пролетариата» Владимир Ильич Ленин при содействии товарища Сталина победил не только царский режим, но и тьму, и благодаря им в каждой советской семье узнали, что такое «лампочка Ильича». А позже появилась совершенно иная версия тех же событий. Якобы электрификация России была осуществлена до революции, а Ленину со товарищи оставалось разве что «включить рубильник». Истина же, как это часто бывает, находится где-то посередине...

«Конфиденциально. Стол № 4, № 685. Деша. Италия, Сорренто, провинция Неаполь. Графу Российской империи его сиятельству Орлову-Давыдову. Ваше сиятельство, призывая на вас Божию благодать, прошу принять архипастырское извещение: На ваших потомственных исконных владениях прожектёры Самарского технического общества совместно с богоотступником инженером Кржижановским проектируют постройку плотины и большой электрической станции. Явите милость своим прибытием сохранить Божий мир в Жигулёвских владениях и разрушить крамолу в зачатии. С истинным архипастырским уважением имею честь быть вашего сиятельства защитник и богомолец. Епархиальный архиерей преосвященный Симеон, епископ Самарский и Ставропольский. Июня 9 дня 1913 года»... Россия всегда с большим трудом воспринимала всё новое. Сотнями и тысячами приходили к чиновникам подобные телеграммы и обращения, касавшиеся как электричества, так и других технических новинок. Пытались запретить, например, телефон как небогоугодное дело, первые автомобили вообще приводили мирных обывателей в ужас. Но к счастью, всегда находились люди, не боявшиеся ни технических и научных трудностей, ни сопротивления общества.

В 1886 году в Санкт-Петербурге было зарегистрировано российско-германо-бельгийское «Общество электрического освещения» (или «Общество 1886 года»). Это промышленно-коммерческое предприятие ставило своей целью развитие электроэнергетики в России и имело отделения в нескольких городах. По заказу «Общества 1886 года» группой инженеров под управлением профессора Кленингсберга был разработан проект электрификации России, предусматривавший постепенный перевод промышленности с паровой на электрическую тягу. По этому проекту планировалось строительство крупных тепло- и гидроэлектростанций, для чего было необходимо привлечь как государственный, так и частный капитал. Конечно, от плана до его реализации в жизни было ещё очень далеко. Первые шаги по электрификации России были достаточно скромными. В июле 1887 года был заключён первый договор между «Обществом 1886 года» и московским купцом Постниковым по освещению торговых рядов и квартир дома-пассажа купца. Через десять лет на Раушской набережной Москвы была пущена паротурбинная станция мощностью 1500 кВт, ставшая первой в стране крупной коммерческой электростанцией. А через два года при содействии «Общества 1886 года» в Москве появился первый электрический трамвай.

В начале XX века крупные электростанции были построены в Санкт-Петербурге, Киеве, Баку, Риге и других городах. Электроэнергетика стала развиваться бурными темпами. Об этом говорит хотя бы внушительный рост иностранных инвестиций в развитие российских электрических сетей. Объём иностранных, в основном немецких, вложений с 1900 по 1910 год вырос на 65 %, а инвестиций в компании, занимавшиеся электрическим освещением и трамвайными сетями, — на 200 и 600 % соответственно. К 1913 году по потреблению электроэнергии Россия занимала восьмое место в мире, электричеством пользовался каждый пятый житель страны. Однако на фоне достижений в области электроэнергетики ведущих стран мира все эти цифры смотрелись не столь радужно. В 1913 году в России вырабатывалось всего 14 кВт·ч на одного жителя, тогда как в США — 236 кВт·ч. Даже весьма мощные по тем временам электростанции имели ограниченное число потребителей, в лучшем случае — несколько десятков. Из-за малого количества станций и различия значений частот вырабатываемого ими тока не могло быть и речи о создании какой-либо единой энергосети, даже в рамках одного региона. Суммируя всё вышеизложенное, можно сказать, что дооктябрьская Россия в плане электрификации не была совершенно отсталой страной, однако полностью обеспечить потребности промышленности и населения российская электроэнергетика не могла.

Первая мировая, две революции, Гражданская война нанесли тяжёлый удар по динамично развивавшейся электротехнической отрасли. Особенно тяжёлыми последствиями для энергетики, как и для всего государства, обернулся «Брестский мир», заключённый между большевистским правительством и Германией в марте 1918 года. По этому договору Германия получила гигантскую контрибуцию в 6 миллиардов марок, а также аннексировала наиболее экономически развитые регионы европейской части страны и Закавказья. В результате Советская Россия была отрезана почти от половины электростанций и электротехнических предприятий (собственно говоря, немецкие компании вернули себе то, что принадлежало им до революции, — впрочем, ненадолго). В целом в стране сложилась просто катастрофическая ситуация с энергоресурсами — Россия лишилась и донецкого угля (к Германии отошли 70 % всех шахт), и бакинской нефти. Всё это требовало принятия скорейших мер по обеспечению страны энергией. Компенсировать потерю традиционных угля и нефти была призвана электроэнергетика.

В мае 1918 года решением советского правительства были созданы «Электрострой» и Центральный электротехнический совет (ЦЭС) — органы, призванные руководить энергетическим строительством и осуществлять эксплуатацию уже имевшихся электросетей. В декабре по распоряжению ЦЭС было создано Бюро по разработке общего плана электрификации страны, а через две недели после этого Ленин подписал постановление о создании комиссии ГОЭЛРО (Государственной электрификации России).

Но вернёмся немного назад во времени. В 1907 году некий электроинженер Кржижановский получил место в администрации «Общества 1886 года». Тогда, правда, на этот факт вряд ли кто-то обратил внимание. Однако Глеб Максимилианович, помимо всего прочего, стоял у истоков создания большевистского движения. Ещё в 1893 году он вместе с В. И. Лениным принимал участие в создании «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Говорят, что Кржижановский «внедрился» в «Общество 1886 года» по заданию Ленина. Так или иначе, но опыт работы по управлению энергосистемами пригодился Глебу Кржижановскому. Именно он и был назначен главой комиссии по разработке и реализации плана ГОЭЛРО.

Кроме Кржижановского в комиссию вошли 18 человек, в основном профессора Московского высшего технического училища, петроградских Политехнического и Технологического институтов, а также специалисты Института путей сообщения и московской трамвайной станции. Надо отдать должное большевикам — им удалось привлечь к работе практически всех ведущих специалистов в области электроэнергетики. Среди них были профессор Г. О. Графтио, автор проектов Волховской и Нижнесвирской ГЭС, профессор И. Г. Александров — впоследствии главный инженер строительства ДнепроГЭСа, профессор Л. К. Рамзин — один из организаторов Всесоюзного теплотехнического института, инженеры И. И. Радченко и А. В. Винтер, занимавшие высокие посты в руководстве «Общества 1886 года».

Некоторые инженеры-энергетики, входившие в комиссию ГОЭЛРО (Г. М. Кржижановский, И. И. Радченко, П. Г. Смидович, С. Я. Аллилуев), были тем или иным образом причастны к революционному движению, состояли в партии большевиков. Однако большинство членов комиссии никакого отношения к революционным событиям не имели, но, тем не менее, и у них были свои причины для сотрудничества с советским правительством. Большевики, в отличие от прежней власти, действительно уделяли особое внимание электроэнергетике, так что у учёных появилась вполне реальная возможность воплотить свои идеи в жизнь. Кроме того, в условиях полной разрухи и голода энергетики обеспечивались по «высшему разряду». Члены комиссии ГОЭЛРО и другие специалисты имели отдельные квартиры, получали спецпайки и т. д. А те, у кого не всё было в порядке с происхождением или имевшие какие-то другие «грехи» перед новой властью, могли быть спокойны за свою судьбу. Известно, что Ленин лично давал указание чекистам не трогать некоторых специалистов, входивших в состав комиссии ГОЭЛРО.

Энергетики не зря получали свои пайки — менее чем через год план, включавший в себя огромное количество документов, проектов, чертежей и схем, был готов. По сути дела, план ГОЭЛРО касался не только электрификации, это был план комплексного восстановления и развития всей экономики страны за счёт повсеместного использования электроэнергии. Основной упор делался на подъём тяжёлой индустрии и, естественно, электроэнергетики. План был рассчитан на 10 («план А») и 15 лет («план Б») с чётким расписанием конкретных работ. Характерной чертой плана ГОЭЛРО была его чёткая детализация — разработчики не просто ограничились общими схемами в рамках всей России, а определяли тенденции и перспективы развития отдельных отраслей и регионов страны. В плане был сделан детальный анализ запасов различных видов топлива и прогноз развития топливдобывающего комплекса России. Что же касается электроэнергетики, то главной задачей было объединение производителей энергии в крупные региональные сети, а в перспективе — в единую энергосистему страны. Планировалось построить 30 электростанций общей мощностью 1750 тыс. кВт, из них 20 тепло- и 10 гидроэлектростанций.

Весьма занятно проходила «презентация» плана ГОЭЛРО. Для демонстрации плана был сооружён гигантский электрический стенд. Глава комиссии по электрификации Глеб Кржижановский показывал указкой те места, где должны были появиться новые электростанции, и тут же в этих

местах вспыхивали яркие лампочки. Но «изюминкой», подчеркнувшей необходимость электрификации, стало сообщение Кржижановского о том, что на освещение стенда уходит вся мощность работающей на полную нагрузку электростанции на Раушской набережной, и поэтому даже в Кремле сейчас нет света. Окончательно план ГОЭЛРО вступил в силу после его одобрения 22 декабря 1920 года делегатами проходившего в Москве VIII Всероссийского съезда Советов (кстати, 22 декабря электроэнергетики России считают своим профессиональным праздником).

Конечно, находилось немало скептиков, считавших, что план ГОЭЛРО — это слишком радужный и невыполнимый прогноз на будущее. О реакции Герберта Уэллса мы уже говорили, критиковали план и свои. К примеру, Алексей Иванович Рыков, в то время занимавший пост председателя Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ), называл план электрификации «планом электрификации». Возражал против плана и Троцкий, предложивший, как это ни странно, привлечь где только возможно иностранные компании, расплачиваясь с ними концессиями на разработку природных ресурсов. В идее Троцкого действительно было рациональное зерно — денег у большевиков не было, а ведь для строительства всех запланированных объектов требовались гигантские средства. Но Ленин пресёк все препирательства, заявив, что Советская Россия хоть и будет прибегать к помощи «капиталистов», однако в основном будет использовать собственные «внутренние резервы». Позже стало ясно, что под «внутренними резервами» вождь понимал денежный печатный станок, работающий на полную мощность.

Хотя планом ГОЭЛРО и предусматривалась постепенная замена мускульной тяги на электрическую, однако же сами электростанции в условиях разрухи приходилось строить за счёт этой самой «мускульной тяги», то есть ручного труда рабочих. А человека, занятого тяжёлым трудом, необходимо, как минимум, обеспечить приличным питанием. С этим-то в полуголодной стране были большие проблемы. С рабочими рассчитывались скудными и нерегулярно выдаваемыми пайками и огромными суммами ничего не стоящих денег. Естественно, что раздача разноцветных с большим количеством нулей бумажек, за которые не купишь даже буханки хлеба в соседнем селе, привела к массовому оттоку рабочих со строек. Пытаясь остановить этот процесс, Совет труда и обороны в 1921 году принял решение, которое больше походило на восстановление крепостного права. Отныне рабочий, самовольно покинувший стройку, даже если он не получал за свой труд продуктов, считался дезертиром, и его отдавали под трибунал с соответствующими «последствиями». Но даже такие драконовские меры не могли остановить массового бегства рабочих. И кто знает, может быть, так и остался бы ГОЭЛРО красивым, но не воплощённым в жизнь планом, если бы не новая экономическая политика.

Денежная реформа, сделавшая рубль конвертируемой валютой, и частная инициатива вдохнули новую жизнь в реализацию плана ГОЭЛРО. Многие объекты электроэнергетики были построены частными компаниями или акционерными обществами со смешанным капиталом. Полным ходом шла и «малая» электрификация — в сёлах, куда ещё не дошли основные линии электропередачи, зажиточные мужики (те, кого позже объявят «кулаками» и сошлют в Сибирь) покупали в складчину динамомашину и обеспечивали себя и соседние деревни электроэнергией.

План ГОЭЛРО стал одним из немногих реально выполненных планов, намеченных советским правительством. Часть «А» плана ГОЭЛРО, предусматривавшая восстановление разрушенного электрохозяйства страны, была выполнена в 1926 году. В том же году была пущена первая отечественная гидроэлектростанция — Волховская ГЭС. К 1931 году, сроку завершения десятилетнего плана ГОЭЛРО, план по электрификации страны был перевыполнен, общая мощность введённых в эксплуатацию электростанций составила 2560 тыс. кВт вместо запланированных 1750 тыс. кВт. К 1935 году было построено 40 новых электростанций, в том числе и самая мощная в мире гидроэлектростанция — ДнепроГЭС. Советская электроэнергетика всего за 15 лет совершила огромный скачок и вышла на уровень мировых стандартов. По уровню потребления электроэнергии СССР занял третье место в мире, уступая только США и Германии.

Реализация плана ГОЭЛРО позволила в кратчайшие сроки вывести Советский Союз в число наиболее развитых в промышленном отношении стран мира. Электрификация стала фундаментом для индустриализации советской экономики, что во многом предопределило победу Советского Союза и Великой Отечественной войне и успешное послевоенное восстановление разрушенной экономики.

В заключение обратимся к нашей недавней истории. В 90-х годах прошлого века независимая Украина испытала серьёзнейший энергетический кризис. Большинство жителей почувствовали на себе, что такое многочасовые «веерные» отключения электроэнергии. К счастью, кризисные явления удалось преодолеть. Однако это отнюдь не означает, что энергокомплекс Украины сейчас находится в «полной боевой готовности». По словам специалистов, генерирующие мощности украинских электростанций изношены на 80 %. Если не принять срочных мер, то очень скоро энергосистема Украины может оказаться на грани развала. Хочется надеяться, что эти меры будут приняты, что нам, как нашим предкам, не придётся героическими усилиями восстанавливать разрушенное электрохозяйство и что в наших домах всегда будет гореть свет...

НЭП

Это было отступление. Вынужденное, просто не оставлявшее другого выбора. Большевики мечтали подчинить себе экономику, заставить её работать по команде. Но экономика не терпит насилия над собой, над устоявшимися и проверенными временем законами. Крестьяне, несмотря на террор, продолжали прятать хлеб и отказывались сдавать его государству. А рабочие не хотели работать за бумажки с большим количеством нулей, гордо именовавшиеся «деньгами». К началу 20-х годов Советская Россия превратилась в страну миллионеров. Но деньги эти ничего не стоили. В 1921 году в Москве проезд в трамвае стоил 500 рублей, номер «Правды» или «Известий» — почти 3000, а пуд муки — 140 тысяч. Да и большинство продавцов обычно не желали продавать свой товар за бумажки, всюду процветал натуральный обмен. В 1920 году в крупных городах 9/10 зарплаты выдавалось натурой. Положение было отчаянным, разваливающаяся экономика грозила советской власти больше, чем наступление белогвардейцев и войск Антанты. И тогда... «Мы ещё многому должны научиться у капиталистов», — написал Ленин в одной из своих статей. Это было отступление, которое стало едва ли не лучшим периодом в эпохе правления большевиков...

«В тяжёлых условиях „военного коммунизма“ крестьяне должны набраться терпения, исправно выполнять требования продразвёрстки, бесперебойно поставлять хлеб в город. Государство распределит хлеб по заводам и фабрикам, восстановит разрушенную промышленность и затем вернёт долг крестьянству». Примерно так в первые революционные годы советская власть видела свои отношения с крестьянами. Всё было чётко и просто. Но при всей этой чёткости и простоте была одна загвоздка, не предусмотренная большевиками, — крестьяне отнюдь не желали просто так сдавать хлеб, зажиточные мужики не хотели ждать неизвестно сколько, когда новая власть с ними рассчитается. Большевики решили проявить твёрдость к «несознательным элементам» — по всей стране бесчинствовали продотряды, изымавшие подчистую хлеб и расправлявшиеся с теми, кто пытался сопротивляться. Ответом на это стали крестьянские восстания, вспыхивавшие по всей стране. Польшало Поволжье, Дон и Кубань, Западная Сибирь. Вот тут-то вождь мирового пролетариата со товарищи понял — дальнейшее затягивание гаек приведёт к катастрофе. «Только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, — писал Ленин, — пока не наступила революция в других странах».

В конце 1921 года состоялся X съезд РКП(б). Именно на этом съезде стране было явлено чудо под названием НЭП — новая экономическая политика. Тогда о чуде никто не думал, НЭП был единственной возможностью спасти экономику, но эти три буквы стали символом возрождения (к сожалению, кратковременного) страны, находившейся на краю экономической пропасти. «Сущность новой экономической политики, — сказал в своём выступлении Ленин, — есть союз пролетариата и крестьянства, сущность — в смычке авангарда, пролетариата с широким крестьянским полем. НЭП — это всерьёз и надолго».

Главной задачей на тот момент была необходимость примирения с крестьянством. Поэтому первые перемены, проводимые в рамках НЭПа, касались сельского хозяйства. 21 марта 1921 года ВЦИК издал декрет «О замене продовольственной и сырьевой развёрстки натуральным налогом». Трудно найти в советской истории документ, который бы оказал столь же значительное влияние на сельское хозяйство. Государство продолжало изымать хлеб, однако разница была колоссальной. Если раньше крестьяне должны были сдавать все излишки, то теперь только определённую часть. В среднем по стране объём продналога по сравнению с продразвёрсткой был снижен в два с лишним раза. Размер продналога устанавливался до начала сева и зависел от собранного в прошлом году урожая, количества работников в хозяйстве и наличия скота. После уплаты налога крестьянин имел право распоряжаться выращенным урожаем по своему усмотрению.

Эффект превзошёл все ожидания. Практически прекратились стихийные восстания, крестьяне впервые почувствовали доверие к новой власти. За три года, с 1921-го по 1924-й, производство сельхозпродукции выросло в 2 раза и почти на 20 % превысило уровень 1913 года. К 1923 году площадь посева зерновых достигла довоенного уровня.

Одновременно с сельским хозяйством НЭП коренным образом затронул и практически полностью разрушенные промышленность и торговлю. Первыми шагами стала отмена запрета на частную собственность и возрождение свободной торговли. На время большевики отказались от полной национализации промышленности. Предприятия сдавались в аренду, было также разрешено создание собственных предприятий с числом нанятых работников не более 20 человек (позже это ограничение было отменено). Радикальные перемены затронули и предприятия, находившиеся в государственной собственности. На смену жёсткому административному управлению пришёл хозрасчёт. Руководство заводов и фабрик после уплаты государству фиксированных налогов самостоятельно распоряжалось доходами, определяя, куда именно направить полученную прибыль, а также отвечало за возможные убытки. В 1923 году указом ВЦИК серьёзной реорганизации была подвергнута структура управления госпромышленностью. Место громоздких и малоэффективных главков заняли тресты и синдикаты. «Тресты — государственные промышленные предприятия, которым государство предоставляет самостоятельность в производстве своих операций согласно утверждённому для каждого из них уставу и которые действуют на началах коммерческого расчёта

с целью извлечения прибыли». Так было сказано в совместном постановлении ВЦИК и Совнаркома. К концу 1922 года более 90 % промышленных предприятий страны были объединены в 421 трест, 40 % трестов подчинялись центральной власти, остальные 60 % — местной. Тресты объединялись в синдикаты — объединения трестов на началах кооперации, занимавшиеся сбытом, снабжением, кредитованием, внешнеторговыми операциями.

Благодаря НЭПу в 1922 году появился новый Кодекс законов о труде, согласно которому полностью отменялись существовавшие в эпоху «военного коммунизма» трудовые повинности и ограничения на смену работы. Существенно менялась и система оплаты труда. «Уравниловка» и натуроплата уходили в прошлое. В систему оплаты была введена сетка, включавшая 17 разрядов. А кроме того, у рабочих появилась возможность зарабатывать больше, чем это было предусмотрено тарифной сеткой. Теперь зарплата зависела не только от разряда, но и от производительности труда конкретного рабочего. С каждым годом уменьшался процент оплаты труда натурой. Уже к 1924 году доля натуроплаты составляла всего 8–9 %. Улучшались и условия труда — продолжительность рабочего дня составляла 7 часов при шестидневной рабочей неделе.

Кроме сельского хозяйства и промышленности необходимо было возрождать и кредитно-банковскую систему, разваленную бездумными вливаниями ничем не обеспеченных денежных знаков. В 1921 году вновь заработал Государственный банк. Главный банк страны начал кредитование промышленных предприятий на коммерческой основе, что являлось одним из стимулов быстрого развития промышленности. Стали появляться и коммерческие банки, пайщиками которых были как частные лица, так и тресты и предприятия, в том числе и иностранные. К 1924 году на рынке работали 17 самостоятельных коммерческих банков, а к концу 1926-го — уже 61. Успешной стала проведённая в 1922 году денежная реформа. Взамен советских денежных знаков, практически утративших платёжную способность, был выпущен червонец — новая денежная единица из золота. 1 червонец содержал 7,74 грамма золота и равнялся 10 дореволюционным рублям. В 1924 году прежние дензнаки были выведены из обращения. Госбанк выпустил новые казначейские билеты номиналом 10 рублей, по курсу равные 1 червонцу. По отношению к американскому доллару курс рубля составлял $1 \$ = 1,94$ руб.

НЭП успешно работал и позволял советской экономике развиваться быстрыми темпами. Но при этом большевики постоянно подчёркивали: НЭП — явление хоть и необходимое, но чуждое рабочему классу и делу построения коммунизма во всём мире. Такое же отношение было и к людям, решившим открыть своё дело. С одной стороны, частное предпринимательство было вполне законным делом, однако сами нэпманы, или, как ещё их называли, «совбуры» (сокращение от «советская буржуазия»), были как бы вне закона. Частные предприниматели не могли состоять в профсоюзах и даже были лишены избирательных прав. «Угар НЭПа» и «мещанские нэпманские нравы» были любимыми темами газетных фельетонов и карикатур.

Что же дал НЭП экономике и государству? Об успехах в сельском хозяйстве мы уже говорили. В промышленности рост, может быть, был и не так заметен, однако в целом НЭП себя оправдывал. Конечно, у НЭПа были свои проблемы, случались и кризисы. Кстати, первый из них, произошедший в конце 1923 года, был связан... с кризисом перепроизводства сельхозпродукции. После нескольких голодных лет крестьяне, освобождённые от продразвёрстки, буквально завалили город своей дешёвой продукцией. При этом, чтобы стимулировать промышленное производство, государство искусственно завышало цены на продукцию заводов и фабрик. В результате возникли так называемые «ножницы цен» — существенная разница в стоимости промышленных и сельхозтоваров, грозившая нарушить «смычку между городом и деревней». НЭПу не удалось справиться с безработицей, и понятно почему — эффективно работающий частник не желал за свой счёт кормить лишние рты. И всё-таки, несмотря на неизбежные недостатки, новая экономическая политика привела к развитию экономики. В период расцвета НЭПа на долю частного сектора приходилось до 80 % торговли и около 1/4 промышленного производства. Рубль на валютных биржах считался одной из самых крепких устойчивых валют мира. В период расцвета НЭПа, с 1921 по 1928 год, валовый национальный доход рос в среднем на 18 % в год. С тех пор советская экономика больше никогда не развивалась такими быстрыми темпами.

Когда большевики начинали проводить в жизнь НЭП, планировалось, что он будет свёрнут к 1924 году. Однако к этому времени политические и экономические цели достигнуты не были. НЭП доказывал свою эффективность и необходимость. Тем не менее, начиная с 1926 года новая экономическая политика стала постепенно сворачиваться, на смену ей приходила политика «великих переломов» и «больших прорывов».

Противники НЭПа особенно напирала на тот факт, что в промышленности так и не удалось достичь дореволюционного уровня объёмов производства. В 1926 году этот показатель составил 75 % по отношению к уровню 1913 года. Правда, при этом не учитывался тот очевидный факт, что промышленность Российской империи создавалась десятки лет, тогда как НЭПу на восстановление практически полностью разрушенного промышленного производства было отпущено всего пять лет. Но большевикам хотелось всего и сразу. Государство всё более и более демонстрировало нэпманам, что НЭП, может быть, «всерьёз и надолго», как говорил Ленин, но отнюдь не навсегда. Стране,

переходившей на рельсы индустриализации с её гигантскими стройками, не нужен был мелкий и независимый частник как в городе, так и в деревне.

В канун 12-й годовщины Октябрьской революции, 7 ноября 1929 года, противники НЭПа получили большой «подарок». В «Правде» вышла статья Сталина «Год великого перелома. О коренном переломе в развитии нашего земледелия от мелкого и отсталого индивидуального хозяйства к крупному и передовому коллективному земледелию». Поездка вождя по Сибири определила новый поворот в экономической политике — к «сверхиндустриализации» промышленности в рекордно короткие сроки и за счёт деревни. С самых высоких трибун было объявлено «о переходе к политике ликвидации кулачества как класса». Такая же участь ждала и частников, работавших в промышленности и торговле. Официально НЭП никто не отменял, однако судьба его была решена...

ГУМ

«Гуманизм (от лат. *humanus* — человеческий, человечный) — исторически изменяющаяся система воззрений, признающая ценность человека как личности, его право на свободу, счастье, развитие и проявление своих способностей, считающая благо человека критерием оценки социальных институтов, а принципы равенства, справедливости, человечности желаемой нормой отношений между людьми... Социалистический Г. противостоит абстрактному Г., который проповедует „человечность вообще“, вне связи с борьбой за действительное освобождение человека от всех видов эксплуатации». Такое определение гуманизму даёт Большая Советская Энциклопедия. Соответственно, «гуманистом» считался тот, для кого «принципы равенства, справедливости, человечности являлись желаемой нормой отношений между людьми» Но были в Советском Союзе «гуманисты», о которых БСЭ не упоминала. Советских «гуманистов» можно было увидеть в самом центре Москвы. Их целью был Государственный универсальный магазин, легендарный ГУМ, самый известный магазин Советского Союза. «Гуманистами» в народе называли тех, кто стоял в длинных очередях в ГУМе, когда там «выбрасывали» что-нибудь дефицитное...

В XV веке Иван III издал царский указ, по которому приказывалось снести все деревянные постройки вокруг Кремля и устроить на этом месте торговую площадь. Так возле восточной стены Кремля появились первые торговые ряды, где москвичи могли приобрести всякую всячину. В конце XVI века были возведены каменные Верхние торговые ряды. На протяжении многих лет это было, пожалуй, единственное приличное место в торговых рядах на Красной площади. За пределами Верхних рядов, где за порядком следила городская управа, царил базар со всеми его «прелестями» — обманом покупателей, повальным пьянством и попрошайничеством, воровством и даже убийствами.

Лавочки на Красной площади горели бесчисленное число раз, пожары были настоящим «бичом» деревянной Москвы. Но каменных Верхних рядов огненная стихия не касалась, до тех пор пока Москву не заняли наполеоновские войска. Во время знаменитого пожара 1812 года здание было сильно повреждено.

После того как французы покинули Москву, началась реконструкция Красной площади (в том числе и Верхних торговых рядов), которая была поручена известному архитектору О. И. Бове. Полностью перестроив здание Верхних торговых рядов, архитектор сохранил характерные черты первоначальной постройки. Однако здание оказалось непрочным (воровство строительных материалов процветало и тогда) и к 60-м годам XIX века стало рушиться буквально на глазах. То на покупателей падали огромные куски штукатурки, то примерявшие платья дамы вдруг проваливались через гнилой пол на нижние этажи. В конце концов, в 1869 году московский генерал-губернатор заявил купцам, что такое ветхое здание не должно стоять на главной площади города и его срочно необходимо снести. «Кратчайшие сроки», о которых говорилось в постановлении губернатора, растянулись на целых семнадцать лет. «Мой прадед основал эту лавку, мой дед и отец торговали тут, так как же я могу оставить такое прибыльное место?» — ссылаясь на свои родовые права, владельцы магазинов в Верхних торговых рядах упорно не соглашались с постановлением. Владельцы лавок объединились и создали «Комиссию», которая должна была противостоять власти в вопросе о сносе здания. В ответ Московская городская дума создала свою комиссию. Много раз собирались обе комиссии, но единственным результатом были... сердечные приступы, поражавшие как думцев, так и купцов. И только в 1887 году проблему наконец-то удалось решить. Новый генерал-губернатор Николай Алексеев, который, кстати, происходил из известной купеческой семьи, предложил проект создания акционерного общества, по строительству и дальнейшему коммерческому использованию нового здания Верхних торговых рядов. Купцы и тут попытались сопротивляться, но Алексееву удалось заручиться поддержкой самого государя-императора Александра III. 10 мая 1888 года был опубликован Именной Высочайший Указ, который гласил: «Для перестройки существующих в городе Москве на Красной площади, между Никольской и Ильинкой, Верхних торговых рядов и содержания в оных торговых помещений учреждается акционерное общество под наименованием „Общество Верхних Торговых рядов на Красной площади в Москве“». На этом споры прекратились.

Пожалуй, только старые московские купеческие фамилии продолжали втихомолку противиться новому Обществу. А в целом же идея вызвала небывалый интерес в коммерческих кругах: за три месяца акционерам удалось собрать огромную по тем временам сумму — почти 9,5 миллионов рублей. Вскоре был объявлен конкурс на лучший проект нового здания. Акционеры поставили перед архитекторами задачу: здание должно было «служить украшением исторической площади» и в то же время «отвечать потребностям торговли, экономии и эксплуатации». На конкурс было представлено 23 проекта, каждый из которых имел свой оригинальный девиз: «Сделал всё что мог», «Памяти Минина и Пожарского», «Не мудрствуя лукаво», «Ум хорошо, два лучше». Победил же проект под названием «Московскому купечеству», автором которого был московский архитектор, академик архитектуры и профессор Академии художеств А. Н. Померанцев. Проект был сделан по последней европейской моде. По замыслу автора главное здание Верхних торговых рядов должно было состоять из трёх пассажей под стеклянной крышей, соединявших Никольскую улицу и Ильинку. Эти здания под прямым углом пересекали три поперечных пассажа. Именно так

строились большие магазины в европейских столицах — Париже, Лондоне, Вене.

15 мая 1888 года, в день объявления конкурса, качался снос старых лавок. Через два года, 21 мая 1890 года, состоялась закладка фундамента нового здания. К концу 1893 года были завершены все строительные и отделочные работы, и 2 декабря состоялась церемония торжественного открытия обновлённых Верхних торговых рядов. Как полагалось, был отслужен благодарственный молебен, на котором присутствовали великий князь Сергей Александрович и его супруга, великая княгиня Елизавета Фёдоровна, а также другие почётные гости.

С первых же дней новые Верхние торговые ряды стали излюбленным местом москвичей. Это был не просто магазин, это было своеобразное место отдыха. Пускай денег порой не хватало на самое необходимое — едва ли не каждая московская семья считала своим долгом совершить в выходной день променады, полюбоваться великолепием здания и роскошной отделкой, посетить интересную выставку или концерт, которые часто устраивались в Верхних торговых рядах. Для удобства посетителей были открыты отделение банка, гравёрная и ювелирная мастерские, ресторан, почтовое отделение и даже стоматологический кабинет.

Но главной, конечно же, была сама торговля. Много было в новинку московскому покупателю. Торговая площадь была поделена не на лавки, как в старину, а на шикарные салоны с изысканной мебелью и зеркальной отделкой. Впервые в истории российской торговли появились ценники на товарах (что избавляло покупателя от необходимости, а может быть, от удовольствия поторговаться с продавцом) и книги жалоб и предложений.

В Верхних торговых рядах были представлены лучшие товары со всего мира. Отбоя от желающих торговать на Красной площади не было, хотя стоимость аренды торговой площади была самой высокой в России: за одну квадратную сажень помещения на первом этаже — 200 рублей в год, на втором — 150, на третьем и подвальном этажах — 50. Такие огромные по тем временам деньги тратились не зря. Во-первых, торговля процветала, вложенные деньги возвращались сторицей, а во-вторых, для каждой солидной российской фирмы было делом престижа открыться в Верхних торговых рядах свой салон. Здесь торговал своими парфюмерными шедеврами знаменитый Брокер. Магазины фирм «Абрикосов и сыновья» и «Торговый дом Ф. Эйнем» (ныне фабрики «имени Бабаева» и «Красный Октябрь») ломались от кондитерских яств. У солидных мужчин особой популярностью пользовались часовые салоны, где можно было купить швейцарские часы «Патек Филлип» и «Тиссо».

Всё это великолепие было уничтожено в 1917 году. В коммунистическом государстве магазины исчезнут как таковые, поскольку граждане будут получать всё необходимое от государства, которое лучше знает, что нужно конкретному индивидууму. Именно такие воззрения на торговлю были в то время, чем не замедлила воспользоваться «революционно настроенная общественность». Верхние торговые ряды не раз подвергались набегам «победившего пролетариата», большинство магазинов были разграблены, отделка и мебель разгромлены или украдены, расположенную в подвале электростанцию залило водой. Вскоре было национализировано и само здание.

В 1918 году продажа товаров в здании Верхних рядов прекратилась, и помещения заняли различные советские учреждения. Но через три года, по распоряжению В. И. Ленина, торговля была частично восстановлена. На свет появились Государственный универсальный магазин и знаменитая аббревиатура ГУМ. Правда, под магазины была отдана лишь часть помещений, в основном под канцелярские отделы, ведь разрастающийся советский государственный аппарат требовал в большом количестве бумагу, чернила и прочие товары. Однако в 30-е годы магазины вновь исчезли из ГУМа — их место заняли многочисленные конторы и типография Совнаркома СССР.

В 1935 году вышло постановление ЦК ВКП(б) «О генеральном плане реконструкции Москвы». Особое внимание уделялось планам изменения внешнего вида Красной площади, размеры которой планировалось увеличить вдвое. ГУМ, как и некоторые другие исторические здания, предполагалось снести. Эти планы, к счастью, остались нереализованными. Однако в 1945 году над ГУМом вновь нависла угроза. Известные архитекторы Щусев и Иофан по приказу Сталина разрабатывали проект установки на Красной площади колоссального памятника Победы, и в планах архитекторов зданию ГУМа не было места на Красной площади, хотя ГУМ, в каком-то смысле, внёс некий вклад в дело разгрома фашизма. Здание было свидетелем и исторического парада в ноябре 1941 года, и ночных бомбардировок Москвы, и первого салюта в августе 43-го.

Но ГУМу вновь повезло — пока архитекторы утрясали планы реконструкции Красной площади, вождь умер и от идеи сноса универмага отказались. Через несколько месяцев после похорон Сталина Совет министров СССР постановил выселить из ГУМа конторы и учреждения и возобновить торговлю. Естественно, здание не отвечало современным требованиям и нуждалось в капитальной реконструкции. ГУМ восстанавливали ударными темпами — на первом этаже уже работали магазины, на втором и третьем ещё стучали печатные машинки, и одновременно на всех этажах работали строители. «Вокруг строительные леса, грязь, мусор, пыль, вместо торгового зала — конторы со сломанными перегородками. Днём убирали мусор, ночью принимали товар», —

вспоминал один из сотрудников магазина.

ГУМ подвергся серьёзной перепланировке, строители снесли стены, разделявшие маленькие торговые помещения. Если в Верхних торговых рядах существовало 322 отдельных салона, то возрождённый ГУМ состоял из 11 больших торговых отделов: текстильные товары, готовое платье, обувь, трикотажно-бельевые товары, посудо-хозяйственные товары, мебель и ковры, меха и головные уборы, канцелярские товары и игрушки, культтовары.

Реконструкция ГУМа была завершена в 1953 году. В первый же день после открытия в ГУМ хлынули толпы покупателей. Вновь открытый магазин стал самым большим магазином в СССР, и при этом с самым лучшим в Союзе снабжением и ассортиментом товаров. С самого утра тысячи москвичей собирались на улице 25 Октября в ожидании, когда распахнутся двери ГУМа. В среднем главный магазин страны обслуживал до 300 тысяч покупателей в день. Иногда очереди растягивались на несколько кварталов, потоки людей регулировала конная милиция. Чтобы не затеряться в людском море, покупатели заранее договаривались встретиться у знаменитого фонтана, расположенного в центре здания. ГУМ считался обязательным местом посещения для гостей столицы со всех концов СССР. ВДНХ, Третьяковская галерея, затем на Красную площадь, сначала отстоять очередь к телу вождя мирового пролетариата, а затем дожидаться возможности купить в ГУМе, если, конечно, повезёт, что-нибудь дефицитное.

Был сверхпопулярен ГУМ и у тех, кто стоял по другую сторону прилавка. Работать в магазине на Красной площади считалось очень престижным и прибыльным делом, для будущих работников торговли в ГУМе было даже открыто специальное отделение Института экономики имени Плеханова. Пожалуй, только гости Москвы из стран «загнивающего Запада» относились к ГУМу равнодушно. Им было не понять, почему за австрийскими сапогами или, например, немецкими кроссовками, нужно часами стоять в очереди, ведь у них дома это всё было в каждом магазине и в любом количестве.

С 1956 года, когда на улице Горького открылся магазин «Подарки», ГУМ стал «обрастать» филиалами. В 1962 году в структуру ГУМа вошёл магазин «Русский сувенир», затем ещё несколько магазинов и универмагов, в том числе «Хрусталь», «Лейпциг», «Прага», «Молодёжный», «Белград». Но в середине 60-х власть предрержащие снова обратили свой недобрый взор на главное здание ГУМа. Бойкая торговля на Красной площади не нравилась второму человеку в партийной иерархии Михаилу Суслову. Говорят, однажды «серый кардинал» партии сказал на одном из заседаний: «Не место торжищу рядом с национальными святынями — Мавзолеем и Кремлём! Убрать!». Спасла ГУМ знаменитая «двухсотая» секция, где обслуживалась советская элита. Точнее, одна из постоянных посетительниц, пришедшая в ателье при этой секции на примерку очередного платья. «ГУМ ликвидируют, где изволите делать следующую примерку?» — сообщили ей модельеры. Женщина пожаловалась своему мужу, ещё более высокопоставленному, чем Суслов, а на следующее утро в Министерстве торговли раздался звонок и министр узнал, что решение о сносе ГУМа велено не исполнять. ГУМ вновь устоял...

С начала 90-х годов в жизни знаменитого магазина начался новый этап. Универмаг, в отличие от многих других символов советской эпохи, достаточно плавно, без особых потрясений, пережил перестроечные времена. ГУМ, ещё будучи Верхними торговыми рядами, начинал свою историю как акционерное общество и в конце концов вернулся к этой форме управления. В декабре 1990 года было зарегистрировано одно из первых в Союзе акционерных обществ — «Торговый дом ГУМ». И как прежде, фирмы с мировыми именами стремятся открыть в ГУМе свои отделы. Государственный универсальный магазин, переживший немало трудных моментов за свою историю, процветает и каждый день ждёт своего покупателя...

Хрущёвки

«Негры жили в трущобах, а мы — в хрущобах». Конечно, советская элита могла пренебрежительно относиться к новому жилью. Ну что это за квартиры, что за потолки, которые едва ли не задеваешь головой, совмещённые санузелы... По этому поводу шутили, что «Хрущёв, хоть и совместил ванную комнату с уборной, но не успел совместить пол с потолком». То ли дело «сталинки» — стены едва ли не в полметра толщиной, огромные комнаты, высоченные потолки, большие балконы, ванны, отделанные мрамором. Но в таких условиях жила лишь часть советского народа. И часть очень незначительная. Уделом же большинства были «коммуналки» — квартиры обычно дореволюционной постройки, с изношенными коммуникациями, где на десяток-другой семей приходилась одна ванная, один туалет и одна газовая плита. Но и комната в коммуналке была ещё не самым худшим вариантом. В Москве, Киеве и других больших городах сотни тысяч семей жили в бараках и полуподвальных помещениях, которые и жильём-то назвать язык не поворачивался. И потому ощущения этих людей, вселявшихся пусть в маленькую, но свою, отдельную, тёплую квартиру, описывались одним словом — счастье.

В СССР нормального жилья не хватало всегда. Но в начале 30-х годов проблема перенаселения была особенно острой. Послевоенный бум рождаемости совпал с массовым переселением в города колхозников, наконец-то получивших паспорта и возможность свободно перемещаться по стране. «Где селить людей?» — такой вопрос стоял перед тогдашним руководством. Строить надо было не просто быстро и много, а невероятно быстро и очень много.

Задачу пытались решить разными путями. В начале 50-х был популярен так называемый «самострой». Государство выделяло стройматериалы, а люди, объединившись в некоторое подобие строительного товарищества, сами строили небольшие дома на нескольких квартир. Но строившееся таким образом жильё было каплей в море, проблема перенаселения советских городов становилась острее даже не с каждым годом, а с каждым месяцем.

В 1955 году Никита Хрущёв помирился с югославским лидером маршалом Йосипом Броз Тито и в знак примирения совершил первый официальный визит в Югославию. Во время визита генсеку показали строительство простых и очень дешёвых блочных домов. Вернувшись домой, Никита Сергеевич поставил на Политбюро вопрос о внедрении блочного домостроения в СССР. 31 июля 1955 года было принято совместное постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР». Этот поистине исторический документ на десятки лет определил и облик наших городов, и образ жизни народа. «Вне закона» были объявлены «недопустимо завышенные площади передних, коридоров и других вспомогательных помещений». Архитекторы должны были забыть также об арках, портиках, башнях, высоких потолках, фигурной лепке и прочих излишествах, присущих «сталинскому» архитектурному периоду. К сентябрю 1956 года архитекторы должны были разработать типовые проекты, призванные удешевить строительство жилья. А конечной целью был, ни много ни мало, коммунизм, который неизбежно должен был наступить в 1980 году и при котором каждая советская семья должна жить в своей квартире.

Совершенно иным становился и подход к темпам и способам строительства. Такого советская строительная индустрия ещё не знала. В каждом крупном городе появились ДСК — домостроительные комбинаты, огромные заводы по производству жилых домов. О масштабах строительства говорит, например, такой факт. После ввода в эксплуатацию ДСК в Харькове строили около 700 тысяч квадратных метров жилья в год. А это в два раза больше площади всего жилого фонда такого города, как Полтава. Сравнение ДСК с заводом не случайно. На конвейер, так называемый стан архитектора Козлова, ставилась форма, в неё заливался бетон. Заготовка двигалась дальше в пропарочную камеру, затем в неё вставлялись окна. А далее готовые блоки отвозили на стройплощадку, где из них, как из конструктора, собирали готовые дома. Темпы возведения жилья поражали воображение не только соотечественников, но и иностранцев. Строительство новых микрорайонов очень любили демонстрировать иностранным делегациям. Удивляться действительно было чему — там, где ещё недавно росла капуста на деревенских огородах, появлялись новые микрорайоны для сотен тысяч жителей. В Москве это были Черёмушки и Мнёвники, в Киеве — Чокаловка и Нивки, а в Харькове — Новые Дома и Павлово Поле.

Естественно, что типовые проекты и промышленное производство жилых домов не предусматривали ни внешнего, ни внутреннего разнообразия жилых микрорайонов. Проект первой серии «хрущёвок» разработал эстонский архитектор Март Порт. Типичный жилой дом тех времён представлял собой пятиэтажное угловатое здание без каких-либо внешних «излишеств». Тонкие наружные стены из керамзитобетонных панелей обладали недостаточными теплозащитными и звукоизоляционными свойствами. В «хрущёвке» не было ни лифта, ни мусоропровода. Внутри всё было подчинено принципу минимизации. Экономия, экономия и ещё раз экономия. Нормы жилых площадей, установленные в 1957 году, были следующими. Жилая площадь квартир: однокомнатной — 16 кв. метров, двухкомнатной — 22 кв. метра, трёхкомнатной — 30 кв. метров, четырёхкомнатной — 40 кв. метров; минимальная (реальная) площадь кухни — 4,5 кв. метра, спальни — 6 кв. метров на одного человека, 8 кв. метров на двоих, общей комнаты — 14 кв. метров.

Никогда ещё в мировой строительной практике не было столь жёстких норм. На одного человека в 50–60-х приходилось 9 квадратных метров площади, хотя по санитарным нормам предполагалось на 4 квадратных метра больше. Среди других особенностей «хрущёвок» — уже упоминавшиеся низкие потолки и совмещённые санузлы (кстати, совмещение ванной комнаты и туалета лишь допускалось, однако такое решение стало повсеместной практикой), проходные и полупроходные комнаты, окна и балконные двери с узкими створками. Такими были «классические хрущёвки», строившиеся с 1957 по 1962 годы. С 1963 года в серию пошли новые проекты. Дома этих серий имели более удачные планировки, улучшенные теплоизоляционные свойства, в некоторых проектах был предусмотрен лифт. Кстати, несмотря на то что в 1964 году к власти пришёл новый генсек, даже новые строящиеся дома продолжали называть «хрущёвками», а не «брежневками».

«Хрущёвки» были рассчитаны на срок эксплуатации 25 лет. Как только в СССР в 1980 году должен был наступить коммунизм, «хрущёвки» должны были быть снесены, а советские граждане должны были получить квартиры в новых, более комфортабельных домах. Но и коммунизм почему-то так и не наступил, и «хрущёвки» как стояли, так и продолжают стоять. Безусловно, благодаря «хрущёвкам», благодаря внедрению быстрого и дешёвого промышленного домостроения миллионы советских семей обрели своё жильё. Но жилищный вопрос в Советском Союзе так и остался нерешённым. Сегодня существует множество планов по сносу или же реконструкции «хрущёвок», однако большинство этих планов остаются на бумаге. В Харькове, например, в «хрущёвках» проживают около 25 % горожан. Примерно такая же ситуация сохраняется до сих пор и в других больших и малых городах бывшего Союза. Нет ничего более постоянного, чем временное... И «хрущёвки» как нельзя лучше подтверждают этот известный принцип.

Студенческие строительные отряды и шабашники

ССО, студенческие строительные отряды... Впервые эту аббревиатуру страна узнала в 1958 году. «Все на освоение целинных и залежных земель!» — такой клич тогда бросила Коммунистическая партия. Не осталось в стороне и студенчество. Инициатором движения выступила группа студентов-физиков из МГУ. 300 с лишним человек по специальному направлению ЦК ВЛКСМ окончили курсы механизаторов и строителей и отправились в совхоз «Ждановский» Северо-Казахстанской области. За летний трудовой сезон этот отряд построил с десяток жилых домов, два птичника, телятник и крольчатник. Для небольшого отряда это было очень неплохо, хотя в масштабах страны — немного. Однако главное не в этом. Главное — это идея, которая вскоре охватила все вузы страны.

Кстати, в Министерстве образования сначала к почину студентов-физиков отнеслись весьма негативно. Ответственные работники пытались уличить студентов в том, что они не выполняют график учёбы и проваливаются на экзаменах. Но на самом деле в отряде не было ни одного «хвостиста». Стройотрядовцы написали несколько писем в Политбюро и самому Хрущёву. Генсеку эта идея понравилась, и в итоге студенческие стройотряды стали возникать по всей стране. К середине 60-х годов ССО утратили целинную направленность, превратившись в сезонное движение студентов-строителей. В студенческом расписании появился так называемый «третий трудовой семестр».

Студенты и раньше выезжали в село, но в основном на низкоквалифицированные сельхозработы, при этом не получая за свою работу либо вообще ничего, либо, и это в лучшем случае, зарабатывая копейки. В те времена основу студенчества составляли ребята из села и небольших городков, и выжить оторванным от родного дома ребятам в столице или крупных городах было совсем нелегко. Студентам приходилось по ночам разгружать вагоны, работать дворниками, чтобы получить хоть какую-то прибавку к очень скромной стипендии. Естественно, что после ночной смены нормально выспаться перед занятиями было просто невозможно. Приходилось выбирать — или жить впроголодь, или пропускать занятия и лекции. Неудивительно, что идея ССО была встречена студентами «на ура». К сожалению, позже, как это часто бывало в советское время, хорошая идея в погоне за массовостью трансформировалась в «обязаловку». В середине 70-х был сформирован Всесоюзный студенческий строительный отряд — головная организация, курировавшая работу ССО по всей стране. В это время в стройотрядах, согласно отчётам, работало до 800 тысяч молодых ребят. Но массовость эта достигалась «традиционным» способом — студентов загоняли в ССО под угрозой исключения из вуза. Избавиться от «трудовой повинности» можно было либо «вовремя» заболев, либо имея хороший «блат» в деканате.

Как же относились к строительным и прочим трудовым отрядам сами студенты? Это зависело во многом от того, куда попадал студент во время «третьего трудового семестра». Наименее выгодными и непрестижными считались сельхозработы, поездки на уборочную. Правда, здесь были свои исключения. Если студент до поступления в вуз успевал получить специальность механизатора или комбайнёра, то он мог заработать за лето вполне приличные деньги. В 70–80-х годах собственно в стройотрядах за месяц-полтора штукатур или столяр зарабатывал до 200 рублей, укладчик бетона — до 400, при этом стипендия студента составляла 30–40 рублей. Обычно желающих попасть в такие стройотряды было много, в первые годы студенческого стройдвижения зачисление в ССО было даже формой поощрения лучших студентов. И наконец, «элита» ССО — отряды, отправлявшиеся на заработки в Сибирь, Дальний Восток и Крайний Север. Конечно, условия работы были нелёгкими, но и заработки соответствующими: тысяча рублей в месяц, очень большие деньги для советского человека, отнюдь не были пределом. За 3–4 года работы в таком отряде студент вполне заработал себе на «жигули», предел мечтаний простого обывателя. Зачастую основу таких отрядов составляли люди, из студенческого возраста уже давно вышедшие. Мужики 30–40 лет под видом студентов отправлялись на Чукотку или Камчатку за «длинным рублём». По сути дела, это была завуалированная форма «шабашки»...

Здесь мы плавно перейдём ко второй теме данной статьи. Термин «шабашка» и «шабашники» появился в лексиконе «русского советского» языка примерно тогда же, когда и аббревиатура ССО. Конечно, в официальных документах это название никогда не встречалось, но термин был настолько распространённым, а явление столь привычным, что мы даже не будем использовать в дальнейшем для него кавычки.

Современные словари русского языка определяют слово «шабашка» как «то же, что левый заработок», а «шабашника» — как «человека, который выполняет строительные, ремонтные и другие работы, заключая частные сделки по высоким ценам». Шабашка как явление существовала на Руси с давних пор. Как сказал в программе Леонида Парфёнова «Намедни» писатель Анатолий Стреляный, «Андрей Рублёв со товарищи были настоящими шабашниками. Только они расписывали храмы, а наши строили школы, больницы и коровники». В старину это называлось «отхожим промыслом», в советское же время «левый», неконтролируемый государством заработок стал шабашкой.

Условно шабашников можно разделить на две категории. Первая — те, кто подрабатывал недалеко

от дома. Отработал штукатур или маляр на государственном строительном комбинате рабочий день, а вечером шёл на шабашку к своему знакомому. То же происходило и в деревне, строили все вместе, иногда за деньги, а иногда просто за хороший стол. Вторая категория шабашников — выезжавшие на заработки в другие края, иногда за тысячи километров от родного дома. Армянские или, например, западноукраинские строители формировали целые отряды и выезжали на шабашку на весь тёплый сезон, с мая по октябрь.

Как же относилось государство к такому чуждому социалистическому строю явлению, как шабашка? Формально шабашка, равно как и любой побочный и официально не оформленный заработок, была запрещена. Но по большому счёту, борьба с шабашниками велась только на идеологическом фронте. «Рвачи прилетели» — так изображали появление шабашников на деревне карикатуристы, а писатели-почвенники, представители оформившейся в 70-х так называемой «деревенской» школы, били тревогу. «На земле должны строить те, кто на ней живёт и работает», — говорили они. Однако за рамками идеологии шабашники были выгодны советскому режиму: с их помощью решались задачи, которые иным способом решить было невозможно.

Во многих регионах местные руководители негласно поддерживали шабашников и даже выделяли им технику, оборудование и материалы, которых не хватало для государственных строительных организаций. Объяснялось это просто: шабашники строили качественнее, а самое главное, быстрее, что позволяло области или району выполнить и перевыполнить план по капитальному строительству. А это, в свою очередь, означало для местного руководства хорошее отношение в центре, награды, премии и продвижение по служебной лестнице. И не важно, что в отчётах «трудовые подвиги» совершали исключительно государственные СМУ (строительно-монтажные управления) и тресты. Все были довольны: шабашники получали свои деньги, руководители — ордена и грамоты, а государство — жильё и сданные вовремя объекты.

Кроме того, в послевоенные годы стране катастрофически не хватало рабочей силы. Ситуация особенно обострялась летом, в период отпусков. Поставим себя на место какого-нибудь хозяйственника или руководителя строительной организации Крайнего Севера или Сибири. Северное лето, как известно, короткое, в это время дорог не то что каждый день — каждый час. И в это время вам на стол ложатся заявления работников, просящихся в отпуск. Отказал раз, отказал два, но ведь постоянно отказывать не будешь, в конце концов, работник имеет право ни отпуск. И возникает ситуация — вам нужно что-то срочно строить, а в это время половина ваших работников нежатся на пляжах Крыма и Кавказа, благо путёвки и билеты на самолёт стоили дёшево и северяне могли себе это позволить. Выхода было два — или написать заявление об увольнении, а покидать высокий пост, естественно, не хотелось, или обращаться к шабашникам. Вот почему руководители строительных и других организаций Севера и Сибири буквально заманивали шабашников к себе. Если стороны были довольны друг другом, между ними заключался договор о работе на следующий год, естественно, на бумаге не закреплённый, но оттого не менее крепкий. «Договор дороже денег». Так было и тогда, когда крестьяне и ремесленники расходились во все стороны Российской империи на «отхожий промысел», так было и в советское время, когда тысячи бригад шабашников ехали на заработки в разные уголки Советского Союза — туда, где не хватало рабочих рук и где их труд был нужен людям.

Магазины «Берёзка» и валютчики

Наверняка многие из нас со школьных лет помнят упражнение, которое приходилось выполнять на уроках русского или украинского языка, — разбор предложения по частям речи. Нужно было определить подлежащее, сказуемое, прилагательное и подчеркнуть их соответствующими линиями. Попробуем провести подобный разбор текстов, но по символам эпохи. Для примера возьмём строчку из песни Владимира Высоцкого: «Вот дантист-надомник Рудик, // У него приёмник „Грюндиг“. // Он его ночами крутит, // Ловит, контра, ФРГ». Настоящий шедевр, что ни слово — то символ, характерное явление советской жизни.

«Дантист-надомник»... В принципе, такого явления, как «дантисты-надомники», частные ювелиры или, например, «цеховики», содержавшие подпольные цеха по изготовлению ширпотреба, в социалистической системе существовать не должно. Но они были, и в достаточно большом количестве. Частное предпринимательство, несмотря на запреты, существовало в СССР и даже весьма успешно развивалось. «Рудик» — уменьшительно-ласкательное от имени Рудольф. В первые послереволюционные годы советские граждане любили давать своим чадам имена вроде «Даздраперма» (от «Да здравствует Первое мая») или «Коминтерн». Но это увлечение быстро прошло, и на смену ему пришла мода называть детей иностранными именами. «Ловит, контра, ФРГ»... Здесь всё понятно. Едва ли не половина городского населения слушала иностранные радиостанции, вещавшие на СССР, так называемые «голоса», истории которых посвящена отдельная статья в этой книге. И наконец, «у него приёмник „Грюндиг“»... В советское время любой импортный ширпотреб, от полиэтиленового пакета (который, между прочим, мог стоить до пяти рублей — столько же, сколько и бутылка водки) до магнитофона и телевизора, был предметом мечтаний советского человека. Особым уважением пользовались товары, произведённые в капиталистических странах «загнивающего» Запада.

Для того чтобы приобрести что-нибудь импортное и дефицитное, существовало три варианта. Вариант первый — нужно было быть Большим Начальником или, по крайней мере, особой, приближённой к Большому Начальнику. Этот вариант — самый беспроблемный и удачный. Но доступен он был очень немногим. Для «слуг народа», их родственников и хороших знакомых были открыты спецмагазины и спецраспределители, в которых было всё или, по крайней мере, почти всё, о чём можно было мечтать.

Вторым вариантом была поездка за границу. Каждый выезжающий за рубеж по турпутёвке или в краткосрочную служебную командировку имел право обменять рубли на валюту, однако сумма обмена была мизерной, так что приходилось выбирать — или отказывать себе в самом необходимом, экономить даже на еде, а на сэкономленную валюту купить что-нибудь стоящее, или же возвращаться из-за границы с пустыми руками. В лучшем положении были те, кто ехал за рубеж на работу. Валюты эти люди тоже получали очень мало, однако заработанные деньги переводились в так называемые сертификаты Внешпосылторга СССР, они же чеки, которые можно было отоварить в специальных магазинах «Берёзка». Ассортимент товаров в этих магазинах был предметом мечтаний многих советских граждан. Поначалу существовала градация чеков в зависимости от того, в какой стране — социалистической или капиталистической — работал их обладатель. Естественно, что «болгарские» или «монгольские» чеки ценились гораздо меньше, чем, например, «американские». Затем чеки стали универсальными, выдавать их стали всем, кто побывал за границей, но, в зависимости от страны, в разном количестве.

На обороте чеков (в народе они получили характерное прозвище «берёзовые рубли») было написано, что их перепродажа запрещена и преследуется по закону, однако возле «Берёзки» всегда можно было найти человека, чаще всего молодого и хорошо одетого, у которого их можно было купить. Обычно за один «берёзовый рубль» просили от двух до десяти «деревянных», в зависимости от времени и города, где происходил обмен.

И наконец, третий вариант. Если вам не удалось стать Большим Начальником, за границу по тем или иным причинам (коих, по мнению «компетентных органов», могло быть великое множество) не выпускали, а носить американские джинсы, хвастаться перед друзьями новым альбомом «Битлз» или слушать музыку на японском магнитофоне вам всё-таки очень хотелось, выход был один — идти на поклон к людям, у которых всё это, негласно и неофициально, можно было купить. Их называли по-разному — спекулянтами, барыгами, но наиболее известным стало определение «фарцовщик».

Начиналась фарцовка (до сих пор остаётся загадкой происхождение этого слова) с мелочи — жвачек, сигарет, спиртных напитков (кстати, в данном случае процветал натуральный обмен — советские граждане меняли всегда пользовавшуюся у иностранцев успехом водку на виски или джин), — которую фарцовщики скупали, а иногда и просто выпрашивали у иностранных туристов. Позже пришла очередь одежды, обуви, сувениров, а затем и радио- и музыкальной аппаратуры. Цены у фарцовщиков были баснословными — обычные солнцезащитные очки (на Западе стоившие доллар штука) продавались по цене от 25 до 40 рублей, за джинсы «Lee», к примеру, в 70-х годах просили 150–200 рублей, а за хороший импортный кассетный магнитофон (особым спросом пользовались двухкассетные) — до тысячи. При этом зарплата в 200 рублей в те времена считалась

очень приличной. Но от недостатка клиентуры фарцовщики не страдали. «Лучшими» их клиентами были те же подпольные стоматологи или ювелиры, «цеховики», но нередко к услугам фарцовщиков прибегали и вполне законопослушные граждане, которым просто хотелось купить хорошую вещь.

Интересно, что «сделать фарцу» можно было и не прибегая к услугам иностранцев, для этого нужно было просто знать некоторые парадоксы советской торговли и умело ими пользоваться. Взять, к примеру, сигареты. Найти в Москве в свободной продаже настоящие американские сигареты было невозможно, «Мальборо» или «Кэмэл» можно было купить по баснословной цене у тех же фарцовщиков или швейцаров гостиниц, в которых останавливались иностранцы. Но в некоторых ларьках московских пригородов типа Серпухова или Зеленограда американские сигареты продавались и стоили немногим больше «Столичных» или «Явы». При этом у местного населения они спросом не пользовались, однако москвичи, найдя такой «сигаретный Клондайк», скупали их блоками. Аналогичная ситуация была и с дефицитными книгами. В крупных городах увидеть на полках книжных магазинов сочинения Дюма или, например, Конан Дойля было практически нереально. Зато в небольших городках и районных центрах, где книжного ажиотажа не наблюдалось, можно было найти кое-что стоящее. Знающие люди заранее узнавали, когда ожидалось новое поступление книг, и буквально прочёсывали книжные магазины в близлежащих пригородах, скупая пользующуюся спросом литературу.

В 70-е годы появился и ещё один вид фарцовки — торговля контрафактным товаром, а проще говоря, подделками под известные торговые марки. Схема была очень примитивной — торговцы скупали партию дешёвых джинсов, пришивали к ним этикетку («лейбл») «Lee» или «Wrangler», а затем продавали, но уже в несколько раз дороже. Ещё проще обстояло дело с футболками — на обычную белую футболку с помощью трафарета наносилась надпись «Adidas», и прибыль в несколько сот процентов была обеспечена. Особенно буйным цветом торговля подделками расцвела после начала перестройки, во времена первых кооперативов. Поддельного «Адидаса» на рынках и в магазинах было столько, что казалось, будто уважаемая немецкая фирма, забыв обо всём остальном мире, только и знала, что работала на Советский Союз.

Государство, конечно, пыталось бороться с фарцовкой, но, что интересно, самый серьёзный удар по ней удалось нанести не карательными, а экономическими мерами. Наряду с чековыми «Берёзками» появилась сеть государственных комиссионных магазинов (в народе именованных «комками»), куда продавец мог сдать свой товар по почти справедливой цене, а покупатель, соответственно, купить за свои кровные рубли. Правда, окончательно искоренить фарцовку «комки» так и не смогли — лучшая часть товара оседала у работников магазинов и их знакомых, так что покупателю всё равно приходилось обращаться к фарцовщикам.

Особой категорией фарцовщиков, высшей кастой среди спекулянтов, были «валютчики». Их доходы исчислялись уже тысячами. Незаконной скупкой и перепродажей валюты обычно занимались целые группы, валютчики-одиночки встречались достаточно редко. Система была чётко структурирована — на нижней ступени находились «бегунки» или «рысаки», которые «охотились» на потенциальных продавцов-иностранцев возле гостиниц, в центральных универсамах, музеях и на выставках. «Рысаки» скупали валюту, а собранный за день «урожай» сдавали «шефам». «Шефы», в свою очередь, подчинялись «купцам» — крупным торговцам, глубоко законспирированным дельцам, которые сами в контакт с иностранцами на улицах не вступали из-за боязни попасть в поле зрения «компетентных органов». «Купцы» имели очень ограниченную клиентуру: обычно это были люди, часто выезжающие за границу, а также иностранные контрабандисты.

О доходах валютчиков можно судить по простой схеме: если купить у доверчивого иностранца 100 долларов по официальному курсу (в 70–80-х годах — примерно 60 копеек за один доллар) и перепродать их, но уже в десять раз дороже, то чистый навар с одной такой операции составит 500 с лишним рублей — 2–3 среднестатистических месячных зарплаты простого советского труженика. Это уже не фарцовка или скупка чеков. Обороты крупных валютных группировок исчислялись сотнями тысяч долларов в месяц. Но и ответственность была на порядок выше. Обычно органы не трогали мелких фарцовщиков и скупщиков чеков, а если и привлекали к ответственности, то, как правило, ограничивались профилактической работой и административным штрафом. К крупным спекулянтам власть относилась не столь лояльно, в случае разоблачения их неминуемо ждал суд и серьёзный срок. Но валютчики рисковали не только свободой, но и жизнью. До начала 60-х за «незаконные операции с валютными ценностями» предусматривался срок до 8 лет, в 1960 году наказание было увеличено до 15 лет, а 1 июля 1961 года вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил о валютных операциях», предусматривавший в некоторых случаях смертную казнь. Появление этого указа связано с известным «делом Рокотова». В 1960 году КГБ разоблачило крупную группу валютчиков, которую возглавляли Ян Рокотов, Владислав Файбышенко и Дмитрий Яковлев. По результатам расследования выяснилось, что за несколько лет эта группа совершила незаконных валютных операций на сумму, превышающую 20 миллионов рублей. Рокотов, Файбышенко и Яковлев вначале получили по 8 лет, затем приговор был пересмотрен, и сроки заключения увеличили до 15 лет. Но информация об этом деле дошла до Никиты Хрущёва, которого особенно возмутил тот факт, что при обыске у Рокотова нашли наличными 100 тысяч долларов, и это не считая крупной суммы в рублях,

золота и различных ценностей. «Вы читали, — сказал генсек, выступая на митинге в Алма-Ате, — какую банду изловили в Москве? И за всё это главарям дали по 15 лет. Да за такие приговоры самих судей судить надо!». А затем, всё больше распаляясь, сослался на письма рабочих с нескольких заводов, требовавших смертной казни для валютчиков: «Вот что думает рабочий класс об этих выродках!». Ослушаться генсека не посмели — дело в третий раз было пересмотрено, и в итоге Рокотов, Файбышенко и Яковлев были приговорены к расстрелу.

А через три десятка лет валютные операции, как и перепродажа товаров, стали вполне законным делом. 28 января 1988 года Совет министров СССР принял постановление о прекращении хождения чеков «Внешпосылторга» и ликвидации сети магазинов «Берёзка». Одновременно жители СССР получили право использовать валюту. Сейчас доллары или евро можно купить в любом обменном пункте, а импортными товарами самых разных торговых марок завалены магазины и рынки. Были бы деньги, а уж право выбора товара по душе, надеемся, будет у нас всегда...

Очереди и дефицит

«Самая короткая очередь в СССР — пулемётная...». Есть шутки интернациональные, понятные любому человеку на земном шаре. А есть специфические, понятные только своим. Иностранцы, воспитанные на товарном изобилии и «40 сортах колбасы в любом магазине», малознакомые с реалиями жизни советских людей, шутку «про очередь» с первого раза и без дополнительного объяснения понять не могли. Так же как и не могли постичь много, «советского народного» значения слов «достать» и «выбросили». И уж никогда не способны были отгадать загадку «длинное, зелёное, колбасой пахнет». А услышав ответ «электричка Москва — Рязань», теряли веру в нормальную логику и приходили к мнению, что знаменитый английский юмор — ничто в сравнении с юмором советским. Для жителей же одной шестой части суши все эти иносказания были не просто понятны, они органично вписывались в жизнь советского человека...

С проблемой нехватки всего самого необходимого советское государство столкнулось ещё в самом начале своего становления. Гражданская война и попытки решить экономические проблемы революционными методами вроде продразвёрстки (обязательной сдачи крестьянами государству продовольствия по твёрдым ценам) и печатания огромного объёма ничем не обеспеченной денежной массы привели к полному упадку экономики, отсутствию продуктов и голоду. Спасти государство от полного распада в то время удалось с помощью НЭПа. Пожалуй, это был один из немногих случаев в истории советской экономики, когда руководство страны учло свои ошибки и адекватно отреагировало на сложившуюся ситуацию. Введение в экономическую жизнь элементов рыночного хозяйства дало быстрый результат. Экономика была практически полностью восстановлена, а торговля в период НЭПа, в основном частная, процветала и могла называться «торговлей» в полном смысле этого слова.

«Что такое советская торговля? Советская торговля есть торговля без капиталистов — малых и больших, торговля без спекулянтов — малых и больших. Это особого рода торговля, которой не знала до сих пор история и которую практикуем только мы, большевики, в условиях советского развития», — так «великий вождь» товарищ Сталин в одном из своих выступлений определил понятие «советская торговля». В конце 20-х НЭП был свёрнут и на первое место в экономике вышло плановое хозяйство. А в торговле стала господствовать карточно-распределительная система. Где-то наверху разрабатывались планы и нормы потребления (надо сказать, весьма скромные) советским человеком продуктов и товаров. Эти нормы после утверждения спускались вниз. По сути дела, в те годы магазины превратились в распределители. Существовали различные категории магазинов-распределителей — для обычных людей и (с многозначительной приставкой «спец») для элиты, «для слуг народа», которые этот народ вели по пути к светлому будущему.

Есть в фильме «Место встречи изменить нельзя» эпизод, который очень точно характеризует значение карточек для простого советского труженика. В одной из сцен соседка Жеглова и Шарапова обнаруживает пропажу карточек. Горе и отчаяние несчастной женщины понятны каждому, кто помнит те годы. Действительно, потеря карточек означала, что до начала следующего месяца вся семья будет жить впроголодь, и хорошо, если рядом оказывались добрые соседи, могущие прийти на помощь в трудную минуту.

В 50-х годах от карточной системы удалось избавиться, и в стране наступило относительное (по советским меркам, конечно) продуктовое изобилие. Но Никите Хрущёву была присуща тяга к безрассудным экономическим экспериментам. «Догоним и перегоним Америку!» и «Держись, корова из штата Айова!» — характерные лозунги того времени. Однако догнать Америку не получилось — американские коровы спокойно нагуливали вес и давали надои, которые советским колхозникам даже и не снились, в то время как в СССР к концу 60-х годов возник ощутимый дефицит молочных и мясных продуктов. Если раньше населению были недоступны деликатесы вроде балыка или бастурмы, то теперь с прилавков магазинов стали исчезать вполне обычные колбаса, мясо, масло и сыр.

В это же время выстроилась чёткая система снабжения городов и населённых пунктов. Низшая ступень — деревенская торговля. Деревенские магазины в большинстве своём представляли собой жалкое зрелище. Да и торговлей назвать это было, в общем, нельзя. Однажды в конце 80-х годов автору этих строк довелось побывать в одном из таких магазинов в глухой деревне Харьковской области. Ассортимент наблюдался вполне традиционный — трёхлитровые банки с берёзовым соком и спички, единственным «ценным» товаром были сигареты «Прима», да и то из-под полы и с переплатой. Но самыми примечательными в этом «оазисе» торговли были висевшие на самом видном месте социалистические обязательства. Среди прочих был и пункт, который мог появиться только в советской торговле, той самой, которую, согласно товарищу Сталину, «практикуем только мы, большевики, в условиях советского развития»: «Магазин обязуется обеспечить к концу года убыток (!) не более 400 рублей в валовом исчислении».

Следующим уровнем в системе снабжения были районные центры. Здесь ассортимент был получше, однако подавляющее большинство дефицитных товаров оседало среди местного начальства и торговых работников. Далее шли областные и республиканские центры и, наконец, высший

разряд — столица. Сравниться с Москвой по уровню снабжения продовольственными и промышленными товарами могли только так называемые «закрытые» города — населённые пункты, в которых были сосредоточены предприятия и научные центры оборонной направленности.

В закрытые города обычный советский гражданин без специального допуска попасть не мог, так что местные магазины были надёжно защищены от нашествия изголодавшихся по дефициту советских граждан из всех уголков огромной страны. А вот Москва с середины 60-х годов стала столицей не только огромной супердержавы, но и городом, который без преувеличения можно было назвать столицей очередей. В это время и появились знаменитые «колбасные» электрички, которые везли из столицы в Тулу, Рязань, Калугу и другие города отоварившихся в московских магазинах покупателей. Для жителей окрестных с Москвой областей поездки в столицу за продуктами стали обычным делом: по окончании недели, в воскресенье, часть семьи ехала на дачу, а часть — в Москву за колбасой и маслом.

Конечно, «пробежаться» по московским магазинам всегда было «святой» обязанностью каждого командированного. Но если раньше из Москвы везли одежду и обувь, обои и сантехнику, в общем, товары промышленные, то в 70-х везли всё, и прежде всего продукты. Причём отовариться гость столицы должен был «и за себя, и за того парня» — сослуживцы писали большие списки необходимых товаров, а в отделе кадров специально продлевали командировку на день-другой, чтобы человек мог спокойно обойти нужные магазины и отстоять в очередях.

В 70-х годах возникло ещё одно очень характерное и символичное явление советской жизни. В самой читающей стране мира не хватало не только пищи материальной, но и духовной, дефицитным товаром были и книги. Причина была весьма банальной — книги печатаются на бумаге, а бумага делается из древесины. Качественный лес из Советского Союза уважали на Западе и исправно платили за него валютой, и потому-то для внутренних потребностей леса и, как следствие, бумаги не хватало. К тому же книги стоили дёшево (нужно ведь было поддерживать имидж самой читающей страны в мире) и затрат на производство не оправдывали. Бумагу, по крайней мере низкого качества, можно было производить и ещё одним путём — переработкой макулатуры. В 1974 году в стране был проведён «эксперимент по продаже книг повышенного спроса в обмен на сданную макулатуру». Эксперимент был признан удачным, и вскоре в городах появились заготовительные пункты по обмену макулатуры на книги, а точнее, на специальные талоны, которые затем нужно было «отovarить» в книжных магазинах. Первыми «макулатурными книгами» стали произведения Ильфа и Петрова, Алексея Толстого, Конан Дойля, Войнич, Дюма, сказки Андерсена. «Сдавайте макулатуру в заготовительные пункты! Сдача макулатуры — дело государственной важности!» — такие лозунги печатались на последних страницах книг, издававшихся специально под программу по приёму макулатуры. Но призывы эти, по большому счёту, были не очень-то и нужны. Интеллигентные люди с тюками макулатуры выстраивались в очереди возле заготовительных пунктов, а талончики на получение дефицитных книг стали своеобразной валютой у книголюбов.

В 90-х годах в нашу жизнь пришёл капитализм, который часто называли «диким». И те самые пресловутые «40 сортов» колбасы, шокировавшие советских граждан в западных магазинах, стали вполне обыденной реальностью. Очередь из десятка человек воспринимается нами сегодня как нечто ненормальное, мы начинаем нервничать, требуем вызвать менеджера и уволить нерасторопного продавца. Очереди и дефицит как явления исчезли из нашей повседневной жизни, и даже среди тех, кому советская система по-прежнему кажется «раем», вряд ли найдутся люди, мечтающие об их возвращении...

ДнепроГЭС

Мильоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы. Попробуйте, сразитесь с нами! Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы, с раскосыми и жадными очами!

Неизвестно, знали ли американские специалисты, работавшие на строительстве ДнепроГЭСа, эти строчки Александра Блока, но шутили они примерно в том же духе. «Поистине русские — это скифы, — говорили „спецы“. — Они сооружают свой ДнепроГЭС так, как 2000 лет назад скифы строили свои курганы — вручную...».

Днепр как источник дешёвой и неограниченной энергии давно привлекал энергетиков. Ещё в начале XX века специалисты начали разработку проекта энергетического использования порожистого участка Днепра между Александровском и Екатеринославом (то есть между современными Запорожьем и Днепропетровском). До 1917 года было составлено полтора десятка проектов. Предусматривалось сооружение от двух до четырёх плотин, при этом планируемая суммарная мощность гидроэлектростанций не превышала 160 тыс. кВт. Однако эти планы так и остались планами. Днепр по-прежнему спокойно катил свои воды, не обращая внимания на все происходившие вокруг перемены.

В принятом в 1920 году плане ГОЭЛРО строительство мощной гидроэлектростанции на Днепре было определено как одна из самых главных задач электрификации. Сооружение этой станции позволило бы не только обеспечить дешёвой электроэнергией строящиеся в Донбассе шахты и металлургические предприятия, но и решить целый ряд других проблем. Затопление девяти порогов на участке от Запорожья до Днепропетровска давало возможность открыть судоходное сообщение на всём протяжении Днепра, обеспечить электроэнергией железную дорогу и решить задачу орошения засушливых земель.

Проектирование днепровской станции было поручено талантливому энергетик и гидротехнику Ивану Гавриловичу Александрову. Представленный Александровым одноплотинный вариант впечатлял своей грандиозностью — специалист предлагал построить в районе острова Хортица гигантскую плотину длиной 750 метров, при этом уровень Днепра поднимался более чем на 35 метров, сразу перекрывая все пороги. Конечно, у столь дерзкого проекта нашлось немало противников, однако руководство партии и лично Ленин одобрили грандиозный план.

В январе 1921 года постановлением ВСНХ была создана проектно-изыскательская организация «Днепрострой», проводившая топографические, геологические и гидрологические исследования на месте строительства станции, а также детальную разработку проекта самого ДнепроГЭСа и других вспомогательных сооружений. Эта гигантская работа потребовала без малого шесть лет, только девятый вариант проекта был признан оптимальным и удовлетворяющим условиям технического задания.

Окончательно вопрос о строительстве ДнепроГЭСа решался на совещании в Кремле, проходившем в декабре 1926 года. И здесь не обошлось без споров и сомнений в возможности постройки колоссальной электростанции. «Зимним днём созвали десятка два спецов в Кремль. Идёт вопрос о постройке Днепровской гидростанции. „Не можем рекомендовать строить самим. Дело слишком большое, опыта нет у нас в этих делах“, — так высказывается большинство. Трое высказались против, в том числе совершенно безоговорочно и я: „Если будет дано нужное оборудование — сами сделаем“. Решение принято: нас троих и назначить на работу». Этими троими были энергостроитель Б. Е. Веденеев, руководивший постройкой первой в Союзе Волховской гидроэлектростанции, П. П. Роттерт, известный украинский строитель, под руководством которого строились харьковский Дом Госпромшленности и московский метрополитен, и автор приведённых выше строк А. В. Винтер, впоследствии назначенный начальником строительства ДнепроГЭСа.

15 марта 1927 года на берегу Днепра, на скале под названием «Любовь», был поднят красный флаг с надписью «Днепрострой начат!». 60 тысяч человек приехали на берега Днепра, чтобы воплотить в жизнь «честолюбивую задумку» (так называли строительство ДнепроГЭСа иностранные журналисты). Впрочем, многие приехали не по своей воле — на ДнепроГЭСе, как и на других советских «стройках века», широко использовался труд заключённых. Что, в общем-то, неудивительно. При строительстве ДнепроГЭСа было перемещено 8 миллионов кубометров грунта, уложено 1200 тысяч кубометров бетона. И всё это вручную, с использованием только кирок и лопат. Особенно тяжёлыми были бетоноукладочные работы. Даже сейчас, с использованием современной техники, объём уложенного в тело плотины ДнепроГЭСа бетона кажется невероятным. А ведь в конце 20-х годов советские строители могли только мечтать о бетономешалках и вибраторах для укладки бетона. Главным инструментом были... ноги. «Бадью открывали вручную и месили в сапогах резиновых, брезентовые брюки надевали», — рассказывала в интервью каналу «Интер» бетонщица с ДнепроГЭСа Мария Сафроновна Греченко. И такая «пляска» продолжалась день и ночь. Естественно, что добровольцев, при всём комсомольском энтузиазме, на такую каторжную работу не хватало...

1 мая 1932 года в 6 часов 30 минут ДнепроГЭС выдал первые киловатты электроэнергии. В этот момент был запущен гидрогенератор ДнепроГЭСа. Первая очередь станции, состоявшая из пяти энергоблоков, была сдана в эксплуатацию 27 сентября 1932 года. Открытие станции намечалось на 1 октября, однако товарищ Сталин, без которого не обходилось ни одно подобное мероприятие, сослался на занятость государственными делами и предложил перенести открытие ДнепроГЭСа на 10 октября. Дата была выбрана неспроста — это было высшее благоволение со стороны «отца народов» к строителям ДнепроГЭСа. «Случайное» совпадение — именно 10 октября 1878 года родился начальник строительства электростанции Александр Васильевич Винтер. Так что и советские вожди умели делать «подарки» своим подданным. На проектную мощность в 560 тысяч кВт ДнепроГЭС вышел 19 апреля 1939 года, когда был запущен девятый энергоблок станции. По советской традиции станции было присвоено имя В. И. Ленина.

В августе 1941 года ДнепроГЭС был захвачен немецкими войсками. Персонал станции до последнего момента оставался на своих местах, и только когда танковая колонна немцев вплотную подошла к плотине, энергетики затопили машинный зал и вывели из строя генераторы. Фашисты очень хотели восстановить работу такого важного объекта, как ДнепроГЭС, сам фюрер почтил своим вниманием станцию, однако немцам, несмотря на все их старания, не удалось получить ни единого киловатта.

В 1943 году, отступая с левобережной части Запорожья, гитлеровцы полностью уничтожили машинный зал ДнепроГЭСа и планировали взорвать плотину. Для разрушения станции немцы приготовили 200 тонн взрывчатки. 40 тонн взрывчатых веществ и 100 авиационных бомб весом по полтонны были тщательно уложены в тело плотины. Если бы всё это взорвалось, плотина бы не устояла. Однако взрыва не последовало...

Сразу же после того как войска Советской Армии выбили немцев с ДнепроГЭСа, на станции начались восстановительные работы. На плотине рабочие и инженеры обнаружили тело советского воина. Документов при нём не было, и его имя так и осталось неизвестным. Со всеми воинскими почестями неизвестный солдат был похоронен на территории станции, возле его могилы был зажжён Вечный огонь. Считалось, что именно этот воин ценой своей жизни и предотвратил взрыв ДнепроГЭСа.

Однако специалисты понимали, что один человек не мог справиться с двумя батальонами немцев, охранявшими ДнепроГЭС. Было ясно, что такое задание могла выполнить только хорошо подготовленная группа разведчиков, имевшая опыт таких операций. И только в начале 60-х годов в архивах Министерства обороны СССР был найден рапорт, в котором говорилось, что на ДнепроГЭС была отправлена группа из 19 человек под командованием лейтенанта Карузова. Казалось, что этот документ позволит наконец установить истину и найти тех, кто на самом деле спас ДнепроГЭС. Однако в списках частей, действовавших в конце 1943 года в районе Запорожья, человека с такой фамилией не было...

В пылу сражения не всегда удавалось точно написать рапорт. В этом-то и была причина того, что историки и журналисты долго не могли найти «лейтенанта Карузова». Лишь в 1964 году корреспонденту «Комсомольской правды» удалось разыскать, причём живым и здоровым, командира той самой разведгруппы. Оказалось, что его зовут Курузов Николай Гордеевич и живёт он неподалёку от ДнепроГЭСа, в городе Новомосковске Днепропетровской области.

Читатели постарше наверняка помнят снятый в 1967 году художественный фильм «Майор Вихрь», рассказывающий о спасении советскими разведчиками заминированного гитлеровцами Кракова. Такой же, полный драматизма, фильм можно было снять и о ДнепроГЭСе. Больше месяца понадобилось группе капитана Сошинского (он осуществлял общее руководство операцией, лейтенант Курузов командовал группой, непосредственно обезвредившей взрывчатку), чтобы найти кабель, ведущий к взрывному устройству. Взорвав ДнепроГЭС, немцы рассчитывали затопить огромную территорию вокруг станции и сорвать таким образом наступление советских войск. Понимая это и стремясь не допустить окончательного разрушения ДнепроГЭСа, советское командование вынуждено было ждать окончания операции по спасению станции. Только после того как лейтенант Курузов и рядовые Ямалов и Стародубов вырезали несколько десятков метров проводов, обесточив таким образом взрывное устройство, был отдан приказ о наступлении, и вскоре гитлеровцы были выбиты с ДнепроГЭСа.

Благодаря беспримерному мужеству советских разведчиков удалось предотвратить полное уничтожение ДнепроГЭСа, однако станция находилась в плачевном состоянии. Полностью было уничтожено оборудование станции, генераторы, разрушена проезжая часть и мосты, соединявшие различные участки плотины. Мало того, немцы вывезли всю документацию и архив станции, что замедляло темпы восстановления. Только в 1945 году вся техническая документация была обнаружена в Чехословакии и возвращена на родину.

Восстановление станции началось с прокладки навесных мостов. К 1945 году был восстановлен мост через шлюз. Постепенно шла замена электротехнического оборудования. 3 марта 1947 года гидроэлектростанция дала первый промышленный ток — был запущен первый блок. К концу года

были введены в строй ещё два генератора. Полностью на проектную мощность станция вышла в июне 1950 года, когда была восстановлена работа всех девяти энергоблоков. Кстати, в послевоенные годы ДнепроГЭС выполнял ещё одну функцию — транспортную. Мосты через Днепр были разрушены, и пока их восстанавливали, через плотину станции шли транспортные потоки с одного берега Днепра на другой.

В конце 60-х годов в истории ДнепроГЭСа начался новый этап. Расчёты инженеров-гидроэнергетиков показали, что за плотиной у левого берега Днепра есть возможность разместить ещё одну гидростанцию. Одновременно планировалось увеличить пропускную способность шлюзов и проезжей части плотины. Работы по воплощению в жизнь проекта «Днепрострой-2», начались в 1969 году. В новом машинном зале были установлены 8 гидрогенераторов мощностью по 103,5 тыс. киловатт каждый. Общая мощность станции выросла до 1,5 млн. киловатт. В истории гидроэнергетики подобная схема была применена впервые — не останавливая старую станцию, рядом построили более мощную новую. Уникальным был и проект нового однокамерного шлюза, построенного рядом со старым трёхкамерным. Длина этого гидротехнического сооружения — 300 метров, ширина — 18 метров, высота перепада воды — более 40 метров. Ввод в эксплуатацию нового шлюза позволил в три раза сократить время шлюзования, а также дал возможность пропускать через этот участок Днепра большие суда типа «река — море», по сути дав прямой выход к морю не только для Запорожья, но и для Киева. Реконструкция станции была завершена в 1980 году.

ДнепроГЭС по-прежнему в строю, хотя и его не обошли проблемы, характерные для последних лет. Станция и сейчас исправно выдаёт киловатты, теперь уже в энергосеть независимой Украины. Но ДнепроГЭС — это не просто электростанция, не просто гидротехнический объект. Это — символ эпохи и памятник людям, построившим этот уникальный объект.

Госпром

И вижу я — за столицей столица
Растёт из безмерной силы Союза;
Где вороны вились, над падалью
каркав, В полотна железных дорог
забинтованный. Столицей гудит
украинский Харьков, Живой,
трудовай, железобетонный.

Так Владимир Маяковский писал о послереволюционном Харькове в стихотворении «Три тысячи и три сестры». После 1917 года город стал стремительно изменяться. Бывший губернский центр (не захудалый, но и не из первых в Российской империи), купеческий, банковский и университетский город в одночасье стал столицей огромной союзной республики. Харьков должен был приобрести столичный облик, да и, кроме того, срочно требовались помещения для многотысячного аппарата чиновников. До 1928 года часть государственных учреждений располагалась в здании бывшего страхового общества «Саламандра», а часть — снимала помещения в частных домах. Перенаселённость и разобщённость чиновничьих контор по разным концам города доставляла массу проблем молодой столице. Эти проблемы надо было решать. Решать по-революционному быстро, одним махом. Так и родилась идея возведения Дома Государственной промышленности, который должен был стать самым большим зданием Европы того времени. 21 марта 1925 года Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) объявил всесоюзный конкурс на разработку проекта такого здания, которое, как говорилось в постановлении, «должно стать зданием нового типа, соответствующего новым задачам социалистического строительства».

Дерзкий по своей задумке проект вызвал большой интерес у самых известных архитекторов. Свои проекты на конкурс представили творец Мавзолея Ленина А. В. Щусев, архитекторы А. Н. Бекетов и И. А. Фомин и др. Спустя три месяца в распоряжение конкурсной комиссии было представлено 17 проектов. Победил же в конкурсе... «Незванный гость». Именно так назывался проект ленинградских зодчих С. С. Серафимова, С. М. Кравца и М. Д. Фельгера. В июне 1925 года «Незванный гость» был официально утверждён в качестве проекта строительства Госпрома. Над рабочими чертежами работали десятки молодых архитекторов, в основном — студенты и выпускники Харьковского технологического института.

Ещё до начала строительства Госпрома, в 1924 году, была разработана предварительная эскизная схема застройки территории, примыкающей к центральной улице города — Сумской. Поскольку после революции земля из частных рук перешла в государственную собственность, у архитекторов появилась возможность воплотить в жизнь самые смелые по масштабу проекты, которые «должны были стереть последние черты капитализма с архитектурного лица города». В те годы территория нынешней площади Свободы была, по сути дела, городской окраиной, практически пустырьём, так что архитекторы могли не ограничивать себя в размахе своих градостроительных замыслов. Среди нескольких предложений был выбран проект молодого талантливого архитектора-самоучки Виктора Карповича Троценко, по которому предусматривалось разбить кварталы в районе улицы Сумской в виде трёх концентрических колец, разделённых радиальными улицами. Главным узлом этой схемы была круглая площадь на месте пустыря за Университетским садом. На этой площади и было решено построить Дом Госпромышленности. Проект Серафимова, Кравца и Фельгера очень удачно вписывался в отведённый для строительства участок и общую схему застройки территории. В ходе строительства план застройки несколько изменился, так, например, самая большая площадь в Европе (в настоящий момент она занимает 12 гектаров земли, а её протяжённость по наибольшей оси — почти 750 метров) из круглой приобрела необычную, напоминающую химическую реторту, форму.

21 ноября 1926 года состоялась торжественная церемония закладки фундамента главного корпуса Госпрома, на которой присутствовали члены ВУЦИКа и правительства УССР. Выступивший на митинге Председатель ВУЦИКа Григорий Петровский сообщил, что новостройке присвоено имя Феликса Эдмундовича Дзержинского. А затем под звуки «Интернационала» (кстати, одна из легенд, связанных с Госпромом, гласит, что если посмотреть на здание с высоты птичьего полёта, то можно увидеть в его силуэте первые ноты «Интернационала») высокие гости уложили в фундамент первые вагонетки бетона. В него была замурована закладная доска с надписью: «В 1926 году, на 10 году Октябрьской революции в присутствии председателя ВУЦИКа Г. И. Петровского, Председателя Совнаркома В. Я. Чубаря, Председателя ВЦСПС тов. Радченко заложен основной корпус Дома Госпромышленности имени тов. Дзержинского».

На строительство Госпрома ушло 1315 вагонов цемента, 3700 вагонов гранита, 9 тысяч тонн металла, более 40 тысяч квадратных метров стекла. Но что самое поразительное, всё строительство велось практически вручную. Более 5 тысяч рабочих, трудившихся в три смены, пользуясь лопатами, тачками и носилками, построили самое большое здание в Европе всего за 2,5 строительных сезона! Единственными «механизмами», помогавшими людям, были лошади. Кстати, такие ударные темпы строительства не сказались на качестве работ. Госпром был построен очень прочно. Во время Великой Отечественной войны на Госпром обрушились сотни снарядов и бомб, здание несколько раз пытались подорвать. Госпром очень сильно пострадал — выгорели паркетные полы, двери, оконные рамы, однако монолитная железобетонная конструкция выстояла.

Напомним, что во второй половине 20-х годов в экономике страны господствовал НЭП и потому для сбора средств на проектирование и строительство такого гигантского объекта, как Госпром, была создана характерная для новой экономической политики структура — паевое акционерное общество. Кроме государства, пайщиками стали все украинские промышленные тресты. Но собранных трестами средств не хватало. Помог Госпрому легендарный Феликс Дзержинский, посетивший стройку незадолго до своей скоростной смерти. По предложению Дзержинского правительство приняло решение о внеочередном финансировании строительства Дома Госпромышленности. Проектная смета строительства составляла 9 миллионов 50 тысяч рублей, однако в итоге эта сумма была превышена более чем на 5 миллионов рублей.

Первая очередь Госпрома была сдана в эксплуатацию в 1927 году, к 10-й годовщине Октябрьской революции. Спустя год строительство было полностью завершено. В Госпроме разместились аппарат Высшего совета народного хозяйства УССР, Госплан, Наркомзем, Центральное управление статистики, Центральная контрольная комиссия КП(б) Украины, тресты «Химуголь», «Югосталь», «Коксобензол», «Индустрой» и многие другие. Кроме учреждений в здании Госпрома были обустроены собственная телефонная станция, несколько медпунктов, столовая и буфеты, парикмахерская, гостиница, несколько мастерских. В 1934 году, когда столичные функции были переданы Киеву, учреждения республиканского подчинения и тресты покинули Госпром. В освобожденные помещения переехали областные власти.

Вспомним ещё одну строчку Владимира Маяковского. «Шарахнем в небо железобетон!» — написал поэт в 1922 году. Да, Госпром действительно стал невероятно мощным и грандиозным «архитектурным ударом». «Дом Госпромышленности я пытался решить как частицу организованного мира, показать фабрику, завод, ставший дворцом... С каждым шагом зрителя здание меняет облик благодаря контрастам масс, игре светотени, богатому нюансами остеклению... Пространство разрывает здание, пронизывает его, как бы растворяя его в себе», — писал Сергей Саввич Серафимов о своём детище. Гигант объёмом 347 тысяч куб. м и полезной площадью помещений 67 тысяч кв. м — такого Советский Союз ещё не видел. Но, несмотря на свои чудовищные размеры, Госпром не выглядит эдаким «монстром» из стекла и бетона. Ленинградским архитекторам удалось удачно скомпоновать здание из девяти корпусов разной высоты (от 6 до 13 этажей), объединённых в три больших блока. Девять входов с вестибюлями, широкими лестницами и лифтами обеспечивали удобное сообщение между различными учреждениями, расположенными в здании. Центральный блок связан с двумя боковыми закрытыми переходами на уровне третьего, пятого и шестого этажей.

Госпром — ярчайший представитель конструктивизма, недаром во Всемирной архитектурной энциклопедии статья «Конструктивизм» проиллюстрирована изображением этого здания. Конструктивизм, согласно Советскому энциклопедическому словарю, «стремился использовать новую технику для создания простых, логичных, функционально оправданных форм, целесообразных конструкций». Действительно, здание Госпрома отличается предельным лаконизмом — строгие линии, никаких украшений, всё подчинено строгой функциональности. Отличительными чертами Госпрома являются красивые и чёткие пропорции, оригинальное сочетание объёмов, монументальность и в то же время воздушность, особенно удивительная при таких внушительных размерах здания.

В конце 20-х годов вокруг строящегося Госпрома стояли глиняные хаты с соломенными крышами, а над ними возвышался железобетонный исполин, сверкающий сотнями окон. И потому можно понять восторг «буревестника революции» Максима Горького, когда он своими глазами увидел строящееся чудо. «Это чудесная гармония, выражение могучего духа рабочего класса. Дорогие товарищи, любимые мои люди! Вот так же крепко, высоко, широко продолжайте строить!» — призвал писатель собравшихся на митинге в честь строителей Госпрома. Посещали Госпром и другие мастера слова. О «чуде, увиденном в Харькове» писал американский романист Теодор Драйзер. А всемирная слава пришла к Госпрому после того, как в журнале «Монд» был опубликован цикл статей французского писателя Анри Барбюса «Организованная гора», где он с восторгом рассказывал о своих впечатлениях от увиденного на советской «стройке века».

Ныне в Госпроме находятся облизполком, различные проектные институты. Харьковский телевизионный центр и студия телевидения, телефонный переговорный пункт и другие учреждения.

К сожалению, даже такой гигант, как Госпром, беззащитен перед временем. По словам специалистов, сейчас здание нуждается в срочном капитальном ремонте, который не проводили ни разу со времени послевоенного восстановления. Необходимо реставрировать или заменять железобетонные плиты перекрытий, несущие конструкции переходов, парапеты и ограждения, балконы и козырьки на фасадах. На грани полного разрушения находится инженерное оснащение здания: системы электроснабжения, отопления и водоснабжения, канализация, лифтовое хозяйство. На полную реставрацию Госпрома необходимы значительные средства, неподъёмные для областного бюджета. И хотя в 2003 году Кабинет министров Украины включил Госпром в перечень объектов, которые должны финансироваться за счёт централизованных капитальных вложений,

средств всё равно не хватает. Перед празднованием 350-летнего юбилея со дня основания Харькова символ города слегка подновили: отреставрировали главные фасады, заменили кровлю, окна и часть труб в здании. Однако до полного восстановления Госпрома ещё далеко. И всё-таки хочется верить и надеяться, что Госпром, когда-то бывший «стройкой века», в наше время не превратится в «реконструкцию века»...

Гостиница «Москва»

Середина 20-х годов... Молодое советское государство постепенно забывает разруху, голод и холод первых послереволюционных лет. До всеобщего изобилия ещё далеко, но экономика находится на подъёме и развивается быстрыми темпами. Благодаря НЭПу и частной инициативе (как жаль, что продлилось это благополучие так недолго) простым советским гражданам стал доступен не только хлеб, но и другие продукты. Меняется ситуация и в строительстве. Государство получает возможность реализовывать смелые и масштабные проекты.

До революции лучшими в стране гостиницами славился Петербург. «Астория» и «Европейская», построенные по проектам архитектора Лидваля, считались шедеврами отельного дела и не уступали по комфорту лучшим гостиницам мира. Москва могла похвастаться «Метрополем» и «Националем», в проектировании, строительстве и отделке которых принимали участие лучшие архитекторы России.

Первым советским отелем высшего класса должна была стать «Москва». Решением правительства определено место строительства гостиницы — улица Охотный ряд, на месте бывших купеческих рядов, всего в нескольких сотнях метров от Кремля. Среди самых титулованных архитекторов страны объявили конкурс на лучший проект отеля. В итоге наиболее подходящим был признан проект архитекторов Л. И. Савельева и О. А. Стапрана. Позже к работе над окончательным проектом гостиницы «Москва» присоединился корифей советской архитектуры, автор проекта Мавзолея Ленина, Алексей Щусев.

«1) Избегнуть роскоши дурного тона, но сделать одновременно гостиницу красивой и комфортабельной. 2) Обеспечить действительно современное и высококачественное оборудование гостиницы сигнализацией, отоплением, вентиляцией, санитарно-техническим оборудованием и т. д. 3) Спроектировать и построить все номера, а особенно номера „люкс“, по последнему слову техники, причём вся работа должна быть произведена своими силами и из советских материалов». Так в своей статье Алексей Щусев писал о задачах, которые ставились перед проектировщиками и строителями гостиницы «Москва». Задачи, надо сказать, не из простых. Опыта проектирования и строительства подобных объектов у советских специалистов было не много, не хватало также необходимых строительных и отделочных материалов советского производства. Некоторые эксперты считают, что при возведении «Москвы» без помощи иностранцев и использования импортных стройматериалов не обошлось. Даже если и так, это абсолютно не умаляет заслуг советских архитекторов и строителей, благодаря которым «Москва» появилась на свет.

В 1932 году проект гостиницы «Москва» был утверждён, после чего и началось строительство. С самых первых дней история строительства обрастала различными легендами, слухами и загадочными случаями. Один из самых известных мифов — якобы «Москву» построили с разными фасадами... по недосмотру. Фасад на площади Революции значительно отличался от фасада, который выходил на Колонный зал Дома союзов. И всё из-за того, что архитекторы Савельев и Стапран представили на подпись Сталину эскизный проект с разными фасадами. Сталин этот вариант утвердил, а архитекторы, обнаружив ошибку, побоялись исправить уже подписанный вождём проект. Правда, не все специалисты верят в эту версию появления несимметричных фасадов гостиницы «Москва».

«Скорее всего, эта красивая легенда была выдумана самим Щусевым, — рассказал в интервью газете „Известия“ член президиума Экспертно-консультативного совета при главном архитекторе Москвы Алексей Клименко. — Строительство гостиницы Моссовета началось в 1932 году... Как раз в это время советская архитектура переключилась на имперскую классику, поэтому исправлять фасад уже наполовину возведённого здания поручили академику Щусеву. По первоначальному проекту гостиница должна была занять весь квартал, но до войны построили лишь половину. Новый корпус дорабатывался другими архитекторами и появился в середине 70-х годов. Вот так „Москва“ стала жертвой времени и переменчивой моды».

Нет единого мнения и по поводу различных секретных объектов, якобы находившихся в «Москве». Один из угловых номеров, с виду ничем не отличавшихся от других, имел стены толщиной в полтора метра, которые не мог взять ни один отбойный молоток. Естественно, возникло предположение, что этот номер не что иное, как секретное убежище Лаврентия Берии. Немало слухов ходило и по поводу того, что в подвалах «Москвы» якобы находится бункер «вождя народов» Иосифа Сталина. Так или иначе, каких-либо документальных подтверждений этим фактам не обнаружено.

Для строительства гостиницы «Москва» впервые в СССР было создано отдельное строительное управление. Первоначально планировалось, что «Москва» будет строиться объединением «Металлострой», но оно даже не успело приступить к работе, как в марте 1932 года строительство было передано «Мосстрою». А через пять месяцев была создана отдельная хозяйственная структура с непосредственным подчинением Президиуму Моссовета. Серьёзное внимание строительству первой советской гостиницы оказывало и высшее руководство СССР. Весь комплекс работ, начиная со стадии проектирования, находился под личным контролем Лазаря Кагановича, до 1935 года

занимавшего пост первого секретаря Московского горкома партии. «Исключительная роль в проектировании здания принадлежит тов. Л. М. Кагановичу, который неоднократно давал проектировщикам и строителям ценнейшие указания», — так писали советские газеты. Действительно ли Лазарь Моисеевич давал «ценнейшие указания» или это была обычная советская пропаганда, сказать сложно, но контроль был строжайшим, финансирование — первостепенным, а снабжение стройматериалами, техникой и рабочей силой — бесперебойным. Не изменилась ситуация и после того, как Кагановича на посту «первого лица» столицы сменил Никита Хрущёв.

Конечно, масштабы работы, даже по меркам гигантомании первых пятилеток, поражали воображение. Журнал «Строительство Москвы» писал в 1935 году: «При строительстве гостиницы „Москва“ вынуто земли 65 621 м. Уложено бетона 23 000 м. Израсходовано металла 4000 тонн. Произведено малярных работ 150 тыс. м. Израсходовано строительных материалов 11 тыс. вагонов, стекла — 5890 м. Облицовано плитками 10 700 м. Смонтировано металлических труб 62 км. Оштукатурено 165 тыс. м. Уложено: паркета 20 тыс. м, электропровода и кабеля 450 км, гранита и мрамора 7700 м».

В конце 1935 года первая очередь гостиницы «Москва» была сдана в эксплуатацию. Это действительно было чудо, доселе невиданное советским человеком. Посетителей встречал ярко освещённый вестибюль, украшенные лучшим мрамором полы, самые современные на то время лифты, быстро поднимавшиеся на нужный этаж, и самое современное вспомогательное оборудование. Особого внимания заслуживали номера «Москвы». Каждый, даже самый простой номер «Москвы» был оборудован радиоточкой, телефоном, ванной или душем и украшен картинами лучших современных художников — невиданная роскошь по тем временам. Поражали воображение декорация фасадов и интерьеры, которые создавались по авторским проектам. Сотни рабочих-умельцев со всего Союза вручную воплощали эти проекты в камне.

Долгое время для обычного советского гражданина, даже располагавшего деньгами, «Москва» была практически неприступной крепостью. Только элита могла быть допущена в лучший советский отель. В «Москве» останавливались самые известные в стране и мире люди: лётчик Валерий Чкалов, писатель Илья Эренбург, маршалы Георгий Жуков и Константин Рокоссовский, великие актёры Михаил Жаров, Аркадий Райкин, Джульетта Мазика, Ив Монтан, Симона Синьоре, Джина Лолобриджида, нобелевские лауреаты физик Фредерик Жолио-Кюри и писатель Пабло Неруда и многие-многие другие.

В 1968 году началось строительство второй очереди гостиницы «Москва» по проекту архитекторов А. Б. Борецкого, И. Н. Рожина и Д. С. Солопова. В связи с этим в 1976 году был снесён «Гранд-отель», или «Большая Московская гостиница», располагавшийся в доме купца Корзинкина, построенного в 1879 году. Вряд ли в 70-х годах прошлого столетия кто-то мог предполагать, что через четверть века такая же судьба постигнет и «Москву»...

Да, по уровню комфорта, отделке номеров, требованиям безопасности и другим параметрам некогда лучшая гостиница страны на рубеже тысячелетий уже не могла конкурировать с более современными отелями. Да и не раз раздавались мнения, что «Москва» — это символ тоталитарной эпохи, памятник сталинизму, и ему не место в современной столице России. К тому же представители московских властей утверждали, что здание гостиницы непрочно, небезопасно и может в любой момент обрушиться. Возможно и так, но при этом строителям понадобилось на разбор «Москвы» на два месяца больше запланированного срока — настолько мощными были якобы «непрочные» стены и перекрытия.

Безусловно, попытки отстоять «Москву» предпринимались не раз. Но сразу же стало ясно, что у сторонников сохранения первой гостиницы, построенной в СССР, шансов практически нет, исход «битвы за „Москву“» предрешён. Слишком уж дорогая земля в центре столицы, и слишком уж много высокопоставленных лиц было заинтересовано в том, чтобы та земля, которую занимала гостиница, наконец-то освободилась. К августу 2004 года на месте символа советской эпохи, там, где стояла первая советская гостиница, осталась пустая площадка размером с футбольное поле...

Метрополитен

«Возможно ли допустить сию греховную мечту? Не унизит ли себя человек, созданный по образу и подобию Божию разумным созданием, спустившись в преисподнюю? А что там есть, то ведает один Бог, и грешному человеку ведасть не надлежит...» — так в начале XX века некий московский архиерей страшил почтенных московских обывателей, возражая против строительства первого в Российской империи метрополитена. Уже сорок лет действовал первый в мире метрополитен, построенный в Лондоне в 1863 году, подземные поезда ходили в Нью-Йорке, Будапеште, Вене и Париже. И нигде «случаев обнаружения чертей под землёй» зафиксировано не было, и никто из пассажиров в преисподнюю, слава богу, не провалился. Но дремучий страх всё равно оставался: а вдруг в православной Москве что-нибудь такое случится, о «чём грешному человеку ведасть не надлежит»?

В 1902 году американский предприниматель Гоф получил разрешение провести исследовательские работы и изучить возможность постройки метрополитена в Москве. Американская фирма даже начала рыть тоннели будущих линий, но в итоге Московская городская дума строительство подземных линий так и не разрешила. Примерно в это же время свой проект представили инженеры П. И. Балинский и Е. К. Кнорре. Замысел поражал своей грандиозностью — общая протяжённость линий метро должна была составить 54 километра (правда, сюда входила и значительная наземная часть дороги), а стоимость — более 150 миллионов рублей. Но проект русских инженеров постигла та же участь, что и проект американского предпринимателя.

Конечно, церковь, несмотря даже на своё огромное влияние, вряд ли смогла бы самостоятельно противостоять строительству метрополитена. Однако развитие подземного транспорта не входило и в планы московских властей. Метро потребовало бы огромных вложений, к тому же оно отобрало бы значительную часть пассажиров у трамвая, а в те годы трамвайные линии приносили их владельцам (имевшим, кстати, хорошие связи в московской властной верхушке) миллионные доходы.

Безрезультатными оказались попытки энтузиастов построить метрополитен и в других городах страны. В Киеве, например, пустить поезда под землёй предполагалось ещё в 80-х годах XIX века. Правда, тогда речь шла не о метрополитене, а о части железной дороги. Тоннель должен был начинаться у Почтовой площади и выйти на поверхность в районе Бессарабки. А в сентябре 1916 года городским властям был представлен проект строительства уже непосредственно метрополитена. Инициатива исходила от Киевского представительства Русско-американской торговой палаты. «Отцы города» против сооружения подземного транспорта принципиально не возражали, однако согласование проекта и бюрократическая переписка затянулись на слишком долгий срок, и в итоге из-за революционных событий 1917 года идея киевского метрополитена так и осталась нереализованной.

В советское время к идее строительства метро вернулись в середине 20-х годов. Увеличение числа автомобилей и бурное строительство привели к тому, что наземный городской транспорт всё с большим трудом справлялся с перевозкой возрастающего количества пассажиров. Улицы крупных городов, прежде всего Москвы, были перегружены. Особенно тяжёлым положение было в центральной части столицы. К концу 20-х годов средняя скорость движения трамваев и автобусов на узких улицах центра Москвы не превышала 6–7 км/ч. Единственным решением транспортной проблемы был метрополитен.

«Немедленно приступить к подготовительной работе по сооружению метро в Москве как главного средства, разрешающего проблему быстрых и дешёвых людских перевозок» — такое решение принял летом 1931 года Пленум ЦК ВКП(б), рассматривавший сложившуюся в Москве ситуацию с пассажирскими перевозками. 23 сентября 1931 года решением правительства был организован «Метрострой», а в ноябре того же года на Русаковской улице столицы были проведены первые опытно-изыскательские работы для изучения условий подземного строительства.

Подготовка к прокладке первой линии метро продолжалась в 1931–1932 годах, а в 1933 году началась прокладка первой подземной линии от станции «Сокольники» до «Парка Культуры» с ответвлением «Охотный Ряд» — «Смоленская». Первая очередь метрополитена имела общую протяжённость 11,2 км и включала 13 станций.

«Мне кажется, что народ, который в таком строительстве, как метро, придаёт такое большое значение роскоши и свету и таким образом создаёт не только полезное, но и приятное, уже построил главное и уверен в своём будущем», — так на страницах газеты «Пари суар» писал о строительстве московского метро Антуан де Сент-Экзюпери. Конечно, гениальный французский писатель не видел всего того, что происходило за пределами метро, но метрополитен действительно должен был стать своеобразной витриной, в которой отражались бы грандиозные достижения советского государства. Станции представляли собой не просто места посадки-высадки пассажиров, а монументальные архитектурные комплексы, украшенные статуями и барельефами. В их проектировании и оформлении принимали участие А. В. Щусев, А. А. Дейнека, П. Д. Корин, М. Т. Манизер и другие известные скульпторы и архитекторы.

Инструментов и механизмов не хватало, однако это компенсировалось невероятным энтузиазмом. Темпы строительства потрясли воображение. Если в начале 1934 года на стройке работали около 35 тысяч человек, то к маю это число увеличилось вдвое. «Советское метро должно стать лучшим в мире» — такое задание было дано партией и правительством, и для достижения этой цели не жалели ни сил, ни средств. Даже высшие партийные деятели готовы были пожертвовать некоторыми частями тела ради того, чтобы в метро всё работало безукоризненно.

Дело было так. В те времена весь наземный городской транспорт был оснащён дверями, которые открывались вручную, однако для метрополитена, учитывая его повышенную опасность, такая схема не годилась. Это сейчас слова «Осторожно, двери закрываются!» и раздающееся вслед за этим шипение дверей для нас самое привычное явление, на которое просто не обращаешь внимания. А в 30-е годы автоматические двери были новинкой. Естественно, метростроевцы беспокоились, не нанесут ли закрывающиеся двери травму попавшему между ними пассажиру. Однажды для проверки безопасности дверей под землю спустилась целая делегация Московского горкома партии во главе с первым секретарём Лазарем Кагановичем. Вначале между дверями ставили различные предметы, однако это Кагановича не убедило. Он поставил ногу в проём и потребовал: «Закрывают!»». В то время синяк на теле первого секретаря МГ ВКП(б) мог быть квалифицирован как «покушение на жизнь советского и государственного деятеля», а потому понятно, что конструкторы автоматических дверей всячески пытались отговорить Кагановича. Однако тот был непреклонен: «Закрывают!»». Двери закрылись. Собравшиеся напряжённо смотрели на Кагановича. «Нормально!» — наконец сказал он. А дальше Лазарь Моисеевич начал ставить между дверьми руки, ноги и в конце концов снял кепку и просунул в проём голову. И каждый раз после того, как двери закрывались, удовлетворённо говорил: «Нормально!». В общем, «ходовые» испытания автоматических дверей прошли успешно.

15 октября 1934 года от станции «Комсомольская» до станции «Сокольники» был пущен первый пробный поезд, состоящий из двух вагонов: № 1 — моторного и № 1001 — прицепного. На этом участке машинисты и другие работники метрополитена обучались водить поезда и управлять сложнейшим процессом движения.

4 февраля 1935 года было открыто пробное движение по всей линии первой очереди московского метрополитена. Первыми пассажирами стали делегаты VII Всесоюзного съезда Советов. А 15 мая 1935 года в 7 часов утра все 13 станций открыли свои двери перед жителями и гостями столицы. Метро стало не просто новым видом городского транспорта, а гордостью столицы. В первый год эксплуатации поездка под землёй для москвичей была в чём-то схожа с семейным посещением музея, а уж для гостей столицы поход в метро был обязательным ритуалом, таким же, как посещение Мавзолея или Третьяковской галереи.

Кстати, в продолжение этой темы весьма интересным выглядит опубликованный в 2003 году одним из самых популярных американских новостных сайтов MSNBC (совместном проекте Microsoft и телеканала NBC) перечень мест, где необходимо обязательно побывать современному человеку. Так вот, московский метрополитен вошёл в первую десятку этого списка; при этом американцы особенно рекомендуют побывать на станциях «Маяковская», «Киевская» и «Комсомольская».

Сразу же после сдачи в эксплуатацию первой линии началось строительство второй очереди московского метро протяжённостью 9,6 км: от станции «Площадь Свердлова» до станции «Сокол». С тех пор прокладка новых тоннелей под Москвой не прекращалась ни на один день, даже в военные годы продолжалось строительство третьей линии метро, которая была сдана в эксплуатацию 1 января 1943 года. В самые тяжёлые дни наступления немцев на Москву и ежедневных налётов фашистской авиации метрополитен работал как бомбоубежище. Как только звучал сигнал «Воздушная тревога!», прекращалось движение поездов, снималось напряжение с контактного рельса и на станции и в тоннели спускались люди. Благодаря метрополитену были спасены тысячи жизней.

В довоенное время московский метрополитен оставался единственным в СССР. В Киеве специалисты предлагали начать строительство ещё с середины 20-х годов, однако только в 1938 году городской совет дал добро на проведение изыскательских работ. Из-за начавшейся Великой Отечественной войны дальнейший подготовительный этап дело не продвинулось. В 1949 году управление «Киевметрострой» приступило к прокладке первой в украинской столице Святошинско-Броварской линии. 6 ноября 1960 года был сдан в эксплуатацию участок длиной 5,2 км между станциями «Вокзальная» и «Днепр». В 1965 году два берега Днепра соединил метромост. В декабре 1976 года был сдан первый участок Куренёвско-Красноармейской линии, в канун 1990 года открылось движение на третьей линии киевского метро — Сырецко-Печерской. Сейчас протяжённость киевского метро составляет более 60 км.

Вторым по счёту в Украине и шестым в Советском Союзе стал харьковский метрополитен. Вопрос о строительстве метро в Харькове был поднят в начале 60-х годов. Город бурно развивался, и, как это было в других крупных городах, городской транспорт всё с большим трудом справлялся с нарастающим пассажиропотоком. Помимо метро, как вариант решения проблемы, городские власти рассматривали проекты скоростного трамвая и монорельсовой дороги, однако они были признаны

неподходящими для харьковских условий.

12 декабря 1962 года первый секретарь Харьковского обкома КПУ Н. А. Соболев на заседании сессии Верховного Совета СССР высказал мнение о необходимости строительства метрополитена в Харькове, а в марте следующего года горсовет обсудил и утвердил «Соображения о необходимости строительства метрополитена», представленные организацией «Харьковпроект». В этом документе, кроме проекта прокладки обычного внутригородского метро, предлагался вариант соединения подземной линии с пригородными участками железной дороги. Для этого необходимо было строить туннели большого диаметра и длинные платформы, применять сложные технические решения. В итоге проектировщики остановились на более простом и дешёвом варианте.

29 апреля 1968 года Совет министров СССР принял Постановление о строительстве первой очереди метрополитена в Харькове. 15 июля метростроевцы из Киева и Баку и проходчики из Донецкого и Подмосквовного угольных бассейнов приступили к строительству первого участка туннеля. Харьковский метрополитен начался с закладки ствола на улице Славянской неподалёку от Южного вокзала. Работы проводились в сложных условиях — метростроевцам приходилось преодолевать пльвуны, прокладывать туннели под реками Харьков и Лопань, под густонаселёнными городскими кварталами, насыщенными подземными коммуникациями.

Вечером 30 июля 1975 года по трассе Свердловско-Заводской линии прошёл первый пробный поезд, а 21 августа Государственная комиссия подписала акт приёмки участка длиной 10,4 км. Восемь новых станций — «Улица Свердлова», «Южный вокзал», «Центральный рынок», «Советская», «Проспект Гагарина», «Спортивная», «Завод имени Малышева», «Московский проспект» — приняли первых пассажиров. Через два года был пущен второй участок от станции «Московский проспект» до станции «Пролетарская».

В августе 1977 года началось строительство второй линии харьковского метро, и через семь лет первый её участок из пяти станций был введён в строй. А у харьковских метростроителей к этому времени уже был готов проект следующей, третьей линии метро. Вскоре и она приняла поезда... К 350-летию юбилею города были открыты две очередные станции, и строительство продолжается.

В советские времена при сооружении метро действовал принцип: «Метро должно быть не только удобным и функциональным, но и красивым». Эта хорошая традиция соблюдается и сейчас, новые станции по художественному оформлению ничем не уступают построенным ещё при СССР. К сожалению, другая хорошая традиция — финансировать строительство метро вовремя и в полном объёме — осталась в прошлом. В последние годы сооружение харьковской подземки из-за недостатка финансирования продвигалось с большим трудом, иногда и вовсе останавливалось. Не лучше обстоят дела и в других городах Украины, где метрополитен уже существует или его планируется построить.

«Рабочий и колхозница»

«Мне удалось пробраться в помещение, где хранились в тайне проекты советского павильона. Две скульптурные фигуры, ростом в 33 фута, водружённые на высокий пьедестал, триумфально шествовали в направлении немецкого павильона. Поэтому я спроектировал здание в виде кубического массива, тоже вознесённого ввысь, который должен был сдерживать этот напор...» Эти слова принадлежат Альберту Шпееру, нацистскому преступнику, отсидевшему 20 лет по приговору Нюрнбергского трибунала. Шпеер, по образованию архитектор, в 1937 году руководил постройкой немецкого павильона на Всемирной выставке в Париже. Он пользовался безграничным доверием Гитлера, его даже называли «личным архитектором фюрера». К тому времени два тирана, Гитлер и Сталин, уже начали соревнование «кто кого?», и поэтому перед Шпеером стояла задача: немецкий павильон на выставке должен быть обязательно выше советского, пускай немного, но свастика должна возвышаться над серпом и молотом.

Советский павильон стоял на набережной Пасси на берегу Сены, а напротив него, по ту сторону площади Варшавы, располагалась германская выставка. Когда строительство закончилось, то оказалось, что немцам таки удалось опередить советских архитекторов. «Немцы долго выжидали, желая узнать высоту нашего павильона вместе со скульптурной группой, — вспоминала Вера Мухина, которой в той борьбе пришлось противостоять немецкому натиску. — Когда они это установили, тогда над своим павильоном соорудили башню на десять метров выше нашей. Наверху посадили орла». Формально немцы победили. Но только формально. Орёл со свастикой на высоте выглядел жалко и неприглядно. А двадцатипятиметровые стальные гиганты, созданные Верой Мухиной, словно парили в небе, возвышаясь над Парижем. Альберту Шпееру так и не удалось сдержать «напор двух фигур, триумфально шествовавших в сторону немецкого павильона».

В Париже всё было символично — Советский Союз и Германия, стоящие друг против друга, между ними Польша, которая через два года станет добычей двух хищников. Наверное, кто-то из посетителей Всемирной выставки догадывался, что вскоре архитектурное соревнование двух тиранов перейдёт в гораздо более страшное состязание... Говорят, что авторов советской скульптуры на создание парной композиции вдохновила идея античной статуи работы греческих скульпторов Крития и Несиота. Называлась эта скульптура тоже очень символично — «Тираноборцы»...

К Всемирной парижской выставке советские архитекторы начали готовиться задолго до её открытия. Печально памятный 1937 год был годом двадцатилетия советской власти, и потому партия хотела использовать выставку во французской столице для демонстрации преимуществ строящегося в стране социализма и мощи советского государства. У Сталина тоже был свой «личный» архитектор, Борис Захарович Иофан, получивший образование в Высшем институте изящных искусств в Риме и Римской школе инженеров, он пользовался особым покровительством вождя. Именно поэтому Иофану и было поручено ответственное задание — спроектировать советский павильон.

«В возникшем у меня замысле советский павильон рисовался как триумфальное здание, отображающее своей динамикой стремительный рост достижений первого в мире социалистического государства, энтузиазм и жизнерадостность нашей великой эпохи построения социализма, — вспоминал Борис Иофан. — Эту идейную направленность архитектурного замысла надо было настолько ясно выразить, чтобы любой человек при первом взгляде на наш павильон почувствовал, что это — павильон Советского Союза... Очень скоро у меня родился образ скульптуры, юноша и девушка, олицетворяющие собой хозяев советской земли — рабочий класс и колхозное крестьянство. Они высоко вздымают эмблему страны Советов — серп и молот...». Бориса Иофана всегда привлекали «крупные формы», именно он проектировал так и не построенный Дворец Советов, который должна была венчать стометровая статуя Ленина.

Борис Иофан был архитектором, ему принадлежала только идея композиции. Поэтому летом 1936 года среди наиболее именитых советских скульпторов был объявлен конкурс, в котором принимали участие В. А. Андреев, М. Г. Манизер, И. Д. Шадр и В. И. Мухина. Конкурс выиграл эскиз Веры Игнатьевны Мухиной.

Эту женщину называли «каменным оракулом сталинского режима». Но всю свою жизнь Вера Мухина ненавидела этот режим. И не случайно в качестве прототипа для своей самой знаменитой скульптуры она выбрала группу античных тираноубийц Гармония и Аристокитона. Только так, в завуалированной и мало кому понятной форме, она могла по-своему отомстить режиму. О том, что такое жестокость тиранов, Вера Игнатьевна знала не понаслышке. В начале 30-х годов она вместе с мужем, доктором Алексеем Замковым, пыталась сбежать в буржуазную тогда Латвию, где она родилась в 1889 году. Не получилось, НКВД арестовала их прямо на вокзале. В те годы за попытку сбежать от «счастливой жизни» в стране Советов наказание полагалось одно — высшая мера. И если бы не вмешательство нескольких очень высокопоставленных лиц, то, скорее всего, так бы и случилось.

Дело в том, что доктор Алексей Замков — личность уникальная, в своём роде один из символов той эпохи. Говорят, что именно он стал прототипом профессора Преображенского из повести Михаила Булгакова «Собачье сердце». Конечно, Алексей Замков гипофиз не пересаживал и собаку в человека не превращал, но в лечении бесплодия и импотенции был поистине кудесником. Его клиентами были Ворошилов, Молотов, Каганович, «буревестник революции» Максим Горький. Они-то и заступились за арестованного доктора. Сначала выпустили только его, но доктор заявил, что пока на Лубянке будет его жена, работать он отказывается. Это подействовало: вскоре выпустили и Веру Игнатьевну.

Позже власть осыпала Мухину наградами и премиями, но своего отношения к этой власти она так и не изменила. Однако для того чтобы выжить, надо было покориться и терпеть. Так уж случилось, что именно Вера Мухина стала автором одного из самых известных символов той эпохи.

В своём эскизе Вера Игнатьевна использовала общую концепцию, предложенную Борисом Иофаном: мужская и женская фигуры, делающие шаг вперёд и поднявшие над головами серп и молот. Но Мухина была против застывшей триумфальности фигур. «Получив от архитектора Иофана проект павильона, — вспоминала Вера Игнатьевна, — я сразу почувствовала, что группа должна выражать, прежде всего, не торжественный характер фигур, а динамику нашей эпохи, тот творческий порыв, который я вижу повсюду в нашей стране и который мне так дорог... Торжественную поступь я превратила во всепогружающий порыв...».

11 ноября 1936 года эскиз Веры Мухиной был окончательно утверждён для работы в материале. Первоначально статую планировали делать из дюралюминия, однако профессор Пётр Николаевич Львов, известный специалист по металловедению и автор метода контактной точечной электросварки нержавеющей стали, предложил в качестве материала для «Рабочего и колхозницы» нержавеющую хром-никелевую сталь.

Основой конструкции статуи служил стальной каркас, а собственно скульптура собиралась из отдельных стальных листов, соединённых между собой в крупные блоки, которые затем уже приваривались к основанию. Изготовление деталей скульптуры и её сборка происходили на опытном заводе ЦНИИ машиностроения и металлообработки (ЦНИИМАШ), а каркас изготовили специалисты завода «Стальмост».

Немало времени Вера Мухина провела в мастерской, работая с натурщиками. В народе говорили, что рабочего изображал метростровец, а колхозницу — балерина. На самом деле всё было наоборот. Моделью рабочего был профессиональный натурщик Игорь Басенко, до этого из-за травмы покинувший балет. А «колхозницей» была работница московского «Метростроя» по фамилии... Мухина. Свою однофамилицу Зою Мухину скульптор случайно увидела на параде физкультурников и пригласила к себе в мастерскую. Правда, Басенко и Мухина послужили моделями только для фигур. Когда работа над скульптурой подходила к концу, выяснилось, что головы фигур не поддаются переводу в сталь путём трафаретного увеличения гипсовых моделей, как это предполагалось ранее. Тогда Мухиной и её помощнице З. Г. Ивановой пришлось делать гипсовые головы прямо на заводе. В качестве моделей привлекались все, кто проходил мимо. «Натурой нам служили все, — рассказывала Вера Игнатьевна. — Проходит пожарный — „Постойте немного, нос посмотрю“. Проходит инженер — „Повернитесь, наклоните голову“».

В Париже строительная фирма «Горжли», с которой советское правительство заключило контракт, уже заканчивала строительство, а скульптура «Рабочий и колхозница» ещё оставалась в Москве. Работать приходилось ударными темпами, все понимали, что если ко дню открытия выставки статую не будет на месте, то тогда... Видимо, опасаясь срыва сроков изготовления статуи, директор завода ЦНИИМАШ Тамбовцев решил «подстраховаться» и написал на коллег донос. Сейчас слова директора восприняли бы как бред сумасшедшего, но тогда любая несусветная чушь воспринималась вполне серьёзно. Тамбовцев утверждал, что моделью для головы рабочего послужил не кто-нибудь, а «самый главный враг народа» Лев Троцкий (!), мало того, его профиль скульпторы завуалированно поместили в складки юбки колхозницы (!!!). Всё это дошло до Сталина, который однажды ночью решил сам проверить, а не спрятался ли где в одежде фигур его заклятый враг. Мощные прожекторы осветили статую, Сталин осмотрел её и, ничего не сказав, уехал. Наутро Мухиной и её коллегам сообщили, что советское правительство довольно проделанной работой и скульптуру можно отправлять во Францию.

Собранную статую разобрали на 65 частей и погрузили в 28 вагонов спецпоезда Москва — Париж. Когда проезжали Польшу, оказалось, что некоторые блоки не проходят через туннели, и их пришлось срочно разрезать автогенном. В Париже для сборки статуи был установлен специальный кран. Однажды утром, когда скульптура была уже почти собрана, рабочие обнаружили, что один из тросов-растяжек подпилен и едва держит стойку крана. Стойка могла в любую минуту рухнуть прямо на статую. Кто именно подпилит трос, так и не выяснили, но с этого момента возле «Рабочего и колхозницы» была установлена круглосуточная охрана, а сборку статуи решили ускорить, чтобы избежать подобных неприятностей. Вместо запланированных 25 дней скульптура была смонтирована на две недели быстрее.

В Париже гениальная работа Мухиной произвела фурор. Скульптура «Рабочий и колхозница» вполне закономерно получила большую золотую медаль Гран-при. Поражали не просто масштабы (24-метровая статуя была установлена на крыше 35-метрового павильона), — восхищение зрителей вызывала стремительность двух фигур, динамичность образа, чёткая связь статуи с архитектурой всего советского павильона. «Восприятие этой группы на фоне парижского неба показало, насколько скульптура может быть активна, не только в общем ансамбле архитектурного пейзажа, но и по своему психологическому воздействию, — вспоминала Вера Мухина. — Высшая радость художника — быть понятым».

Выставка закончилась, отгремели фанфары, «Рабочий и колхозница» должны были возвращаться домой. Первоначально скульптуру планировали установить на Волге, на плотине в районе Рыбинска. Но после того как «Рабочим и колхозницей» восхищались в Париже, Рыбинск показался «недостойным» местом для скульптуры, и её решили установить в Москве на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (ВСХВ). Вера Игнатьевна Мухина резко возражала против этого, считая, что постамент, который в три раза ниже выставочного павильона, уничтожает художественное восприятие скульптурной группы: «Фигуры ползут, а не летят». Автор мечтала увидеть своё творение на Воробьёвых горах, где оно, по её мнению, смотрелось бы в выигрышном ракурсе. Но «искусство в СССР принадлежит народу», и потому мнением автора никто особенно не интересовался...

К началу XXI столетия один самых известных и узнаваемых в мире символов советской эпохи находился в плачевном состоянии. Огромный, величественный и кажущийся таким прочным монумент проржавел насквозь. В 2003 году его демонтировали и приступили к реставрации. К сожалению, былое величие не вернётся к «Рабочему и колхознице» — от идеи повторить для постамента архитектуру парижского павильона решено было отказаться. Правда, планируется сделать его повыше и разместить в нём киноконцертный зал — ведь скульптура является эмблемой киностудии «Мосфильм». А на площадке вокруг будет организована торгово-развлекательная зона. Что по-своему тоже символично.

Кремлёвский дворец съездов

До начала 60-х годов съезды КПСС и другие подобные мероприятия проходили в двух местах: зале заседаний Верховного Совета СССР в Большом Кремлёвском дворце или в Колонном зале Дома союзов, бывшем Дворянском собрании. При Сталине в особо торжественных случаях партийная и советская элита собиралась в Большом театре. Так продолжалось до тех пор, пока Никита Сергеевич Хрущёв не решил, что для съездов партии нужно построить отдельное здание, — негоже, мол, коммунистам для своих собраний «снимать чужие углы».

Итак, в 1959 году вопрос был решён однозначно — новому дворцу съездов быть. Но где строить? На территории Кремля? На этом настаивал Хрущёв, поскольку там, как он говорил, находится центр государства, а значит, на этом месте и должны проводиться съезды партии. Против этого пытались возражать (насколько это было возможно) архитекторы, историки, люди из ближайшего окружения генсека. Даже неспециалисты понимали — новое современное здание не впишется в архитектурный ансамбль Кремля, а его постройка, так или иначе, потребует сноса исторических объектов. Было предложение поставить Кремлёвский дворец на месте взорванного храма Христа Спасителя. Но Хрущёв решение принял фактически единолично. Позже это припоминали Никите Сергеевичу как одно из проявлений того самого «волютаристского стиля руководства».

Официально ход проектирования и строительства Кремлёвского дворца съездов курировал Алексей Николаевич Косыгин, тогда заместитель председателя Совета министров СССР и председатель Госплана СССР. Но все понимали — «стройка века» находится под непосредственным контролем самого Хрущёва. Естественно, что для проектирования Кремлёвского дворца были привлечены лучшие архитектурные силы страны. Прежде всего, необходимо было определить предварительные размеры здания. И здесь требования главного заказчика росли с потрясающей быстротой. Вначале планировалось построить что-то достаточно скромное и небольшое. Однако затем проект разрастался как снежный ком, ведь кроме собственно зала заседания дворец должен был иметь большое количество служебных помещений, комнат отдыха, гардеробов, буфетов и ресторанов, туалетов и т. п. Немало места занимали и системы обеспечения — отдельная электрическая подстанция, система кондиционирования, лифтовое хозяйство. Кроме того, проектировщики получили ещё одно задание — дворец будет использоваться не только для заседаний, но и как сооружение для театральных и балетных постановок. Следовательно, необходимо было предусмотреть место для сцены и сценического оборудования, артистических гримёрных, помещений для декораций. В результате скромное здание превратилось в огромный многофункциональный комплекс.

На этапе проектирования по личному распоряжению Косыгина несколько групп архитекторов и проектировщиков были направлены в Европу, Соединённые Штаты и Китай. Говорят, что идея строительства дворца возникла у Хрущёва после поездок за границу и посещения зданий такого типа. Особенно впечатлило генсека построенное в 1959 году к 10-летию китайской революции здание Всекитайского собрания народных представителей с огромным залом заседаний на 10 тысяч мест.

Как вспоминали проектировщики, споры вокруг проекта Кремлёвского дворца съездов были достаточно бурными. Свои предложения на утверждение подали несколько групп архитекторов. Состоялся конкурс, и в итоге распоряжением Московского городского совета был утверждён проект коллектива из четырёх человек — Михаила Посохина, Ашота Мндоянца, Евгения Стамо и Павла Штеллера. Надо сказать, что Михаил Васильевич Посохин был назначен главным архитектором Кремлёвского дворца отнюдь не случайно — это был личный выбор Хрущёва. Хрущёв и Посохин были хорошо знакомы, Михаил Васильевич строил правительственные дачи, в том числе и для генсека. В разгар строительства дворца Михаил Посохин был назначен главным архитектором столицы.

Площадка для строительства была выбрана рядом с Троицкими воротами Кремля, напротив этих ворот располагался главный вход во дворец. Первыми на строительной площадке появились археологи. Надо сказать, что проектировщики старались как можно осторожнее вмешиваться в историческую застройку Кремля, и поэтому на месте будущего котлована были проведены серьёзные археологические раскопки. Вывод археологов был однозначным — на месте строительства Кремлёвского дворца особо ценных в историческом плане объектов нет. Правда, как ныне утверждают некоторые специалисты, тогда археологи «не заметили» подземные части так называемых «палат Натальи Кирилловны», матери Петра Великого, существовавшие до середины XVIII века. При рытье котлована Дворца съездов подвалы палат были раскопаны и уничтожены. Да и на поверхности без потерь обойтись не удалось: при сооружении Кремлёвского дворца строители снесли старое здание Оружейной палаты и несколько служебных помещений XVIII–XIX веков, в том числе Кавалерские (свитские) корпуса императорского дворца.

16 месяцев от начала проектирования до сдачи объекта в эксплуатацию — такой короткий срок был дан проектировщикам и строителям на возведение Кремлёвского дворца съездов. Весной 1961 года должен был состояться XXI съезд партии, который планировали провести уже в новом дворце.

Гигантские объёмы работ и рекордно короткие сроки строительства требовали бесперебойного финансирования и обеспечения необходимыми материалами и оборудованием. С самого начала возведения Кремлёвского дворца на стройплощадке регулярно появлялся Хрущёв. Естественно, что при таком покровителе и таком контроле проблем с финансовым и материальным обеспечением у исполнителей никогда не было.

Строители изо всех сил старались завершить возведение Кремлёвского дворца к весне 1961 года, к открытию XXI съезда партии. Работы шли едва ли не круглосуточно, естественно, что авральные темпы не могли не сказаться на качестве строительства — недостатков было очень много. В случае если бы объект был не сдан вовремя или Госкомиссия не приняла бы его из-за многочисленных недоделок — своих постов лишились бы очень многие. Но строителям повезло — времени до сдачи оставалось совсем чуть-чуть, когда открытие XXI съезда перенесли на осень. Это был просто подарок — у строителей появилась передышка, неожиданная возможность довести объект до ума. К августу 1961 года Кремлёвский дворец съездов был готов к сдаче Государственной комиссии. Серьёзных претензий у членов комиссии не было. Особенно впечатляюще выглядели испытания крыши здания на снеговую нагрузку, а также перекрытий на случай большого скопления людей. В конце лета снега не найти даже для главного партийного дворца, и потому было решено провести испытания с помощью солдат (ранее таким же способом проверялась надёжность крыши спортивного комплекса в Лужниках). По расчётам проектировщиков, чтобы провести полные испытания, необходимо было привлечь 30 тысяч человек! Это было слишком даже для самого главного партийного дворца. Потребовалось бы много времени, чтобы пропустить такую огромную массу людей через ворота Кремля, к тому же необходимо было надолго перекрывать движение в центре Москвы. В конце концов количество «испытателей» Кремлёвского дворца решили сократить вдвое. На крыше «роль» выпавшего снега играли две тысячи солдат, восемь тысяч разместили в банкетном зале, остальные пять — внутри зала и на многочисленных балконах. Командиры скомандовали «Направо! Шагом марш!», и в едином порыве затопали тысячи ног, одетых в тяжёлые кирзовые сапоги. Строители с замиранием сердца следили за происходящим. Но всё обошлось благополучно, и актом госкомиссии Кремлёвский дворец съездов был принят в эксплуатацию.

С тех пор Кремлёвский дворец стал главной идеологической трибуной Советского Союза. В его стенах проходили все партийные съезды, заседания и мероприятия, посвящённые различным торжественным датам, международные конференции (зал заседаний был оборудован акустической аппаратурой, дававшей возможность переводить выступления на 12 языков). На сцене Кремлёвского дворца выступали известные музыканты, артисты театра и балета. А для младшего поколения Дворец съездов ассоциировался со знаменитой кремлёвской новогодней ёлкой, билет на которую, наряду с путёвкой в Артек, считался самой желанной наградой для каждого советского школьника.

«Правда» и «Известия»

«Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор». Большевики прекрасно понимали важность информации, необходимость донесения своих идей до широких масс. А донести эти самые идеи в начале XX века можно было только одним способом — радио только-только делало первые шаги, о телевидении вообще ещё никто не знал, оставалось только печатное слово. Так что известная формула, высказанная Лениным, была не просто красивой фразой, а суровой реальностью, одним из важных элементов революционной борьбы.

Первой была «Искра», причём отнюдь не исключительно «ленинская», как было принято говорить в советское время. Задачей новой газеты было объединение разрозненных российских и зарубежных марксистских кружков, и потому у истоков «Искры» стояли, помимо Ленина, известные деятели революционного движения: Г. В. Плеханов, Л. Мартов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, А. Н. Потресов. Редакция газеты первоначально располагалась в Мюнхене (в апреле 1902 года редакция переехала в Лондон, через год — в Женеву), а первый номер «Искры» был набран и свёрстан в Лейпциге к 11 (24) декабря 1900 года. В среднем «Искра» выходила тиражом около 8 тысяч экземпляров. С середины 1901 года газета издавалась раз в месяц, а с 1902 года — каждые две недели. В Россию газета доставлялась и распространялась нелегально. Для того чтобы увеличить тираж «Искры», в России были организованы несколько подпольных типографий, перепечатававших как отдельные статьи, так и целые номера газеты.

Из-за раскола между Лениным и Плехановым в октябре 1905 года «Искра» прекратила своё существование. Большевики издавали газеты «Вперёд», «Пролетарий», в октябре 1905 года в Петербурге выходила первая легальная газета «Новая жизнь». А в 1912 году главным печатным органом большевиков стала «Правда».

В январе 1912 года в Праге состоялась 6-я Всероссийская конференция РСДРП, на которой было решено издавать ежедневную газету для рабочих. Первый номер «Правды» вышел в Петербурге 22 апреля (5 мая) 1912 года (с 1922 года 5 мая отмечался как День печати). Стоила газета 2 копейки, в номере описывались Ленские события (расстрел рабочих на якутских приисках), освещалось рабочее движение в России и мире, были опубликованы телеграммы и письма с мест.

Центральным органом РСДРП с 1908 по 1917 год была газета «Социал-демократ», издававшаяся за границей и распространявшаяся в России нелегально. Но фактически главной газетой большевиков была «Правда». Газета издавалась легально, хотя в период с 1912 года до начала Первой мировой войны правительство 8 раз закрывало издание. Однако газета продолжала выходить, только под другим названием: в 1913 году — «Рабочая правда», «Северная правда», «Правда труда», «За правду», в 1914-м — «Пролетарская правда», «Путь правды», «Рабочий», «Трудовая правда».

После Февральской революции 1917 года с 5 (18) марта 1917 года «Правда» стала издаваться как орган ЦК и Петроградского комитета РСДРП(б). А несколькими днями ранее представители различных социалистических партий, рабочие, члены социал-демократической (меньшевистской) и трудовой фракций Государственной думы учредили Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. 27 февраля (13 марта) 1917 года впервые вышел печатный номер совета. С названием особо не мудрствовали: на первой странице ровными прямыми буквами, без всяких изысков было отпечатано: «Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов». Хотя большевики и входили в состав Петросовета, но главенствующую роль в нём играли эсеры и меньшевики, так что «Известия» до поры до времени оставались меньшевистской газетой.

После прихода к власти большевики попытались полностью подчинить себе прессу. 27 октября 1917 года по распоряжению Временного революционного комитета (ВРК) были закрыты 10 крупнейших российских газет, а их полиграфическая база (оборудование и запасы бумаги) были конфискованы, в результате чего большевистские газеты, в том числе «Правда» и «Известия», получили в своё распоряжение лучшее на тот момент полиграфическое оборудование. В «Декрете о печати», вышедшем в тот же день, указывалось на необходимость подобных мероприятий против «контрреволюционных» газет. Однако в том же Декрете говорилось, что «как только новый порядок упрочится, всякие административные воздействия на печать будут прекращены, для неё будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом, согласно самому широкому и прогрессивному в этом отношении закону». Да и в резолюции I Всероссийского съезда советских журналистов, состоявшемся о ноябре 1918 года, подчёркивалась недопустимость политической цензуры, отстаивалось право печати на свободную критику деятельности как местных, так и центральных органов власти. Однако эти «золотые слова», к сожалению, так и остались словами. Партийно-советская печать постепенно становилась неотъемлемой частью новой политической системы, а она, как известно, инакомыслие не слишком приветствовала. К концу 1918 года на территории Советской России практически не осталось оппозиционных газет и журналов.

Зато тиражи советских газет росли с каждым годом: если в начале 1918 года тираж «Правды» составлял 85 тысяч, то через год — уже более 150 тысяч экземпляров. Тираж «Известий ВЦИК»

(после Октябрьской революции газета стала печатным органом новой власти) в 1919 году превысил 400 тысяч экземпляров. В это же время обозначилось некое соперничество между двумя главными газетами страны. И надо сказать, до начала 30-х годов в этом негласном споре верх одерживали «Известия», именно эта газета считалась главной газетой страны. В «Известиях» печатались все декреты Совнаркома и прочих органов центральной власти. Во времена относительной свободы в пользу «Известий» играла их ориентация на широкий круг читателей, «Известия» были газетой для всех, тогда как «Правда» выполняла свою политическую функцию, оставаясь рупором правящей партии. Главный редактор «Известий» Николай Бухарин, с именем которого неразрывно связана история не только этой газеты, но и всей отечественной журналистики 20–30-х годов, старался привлекать к работе профессиональных журналистов, известных писателей и публицистов. «Правда» же делала ставку на рабкоров-общественников, которые в свободное от основной работы время писали материалы для газеты. Естественно, что и качество текстов было разным, и потому-то советский читатель в те годы, когда он ещё мог выбирать, какую газету ему покупать, делал свой выбор в пользу «Известий». Но с середины 30-х годов, когда страну захлестнула волна массовых репрессий, все газеты стали «на одно лицо». «В „Известиях“ нет правды, а в „Правде“ — известий» — такой печальный каламбур родился в те времена. В советской журналистике настал период полного её подчинения власти, эпоха полного контроля над прессой. Единственным светлым пятном стала, как ни странно, Великая Отечественная война, когда журналисты, как и весь народ, печатным словом работали на Победу. Со страниц «Правды», «Известий» и других газет к бойцам Советской Армии и тем, кто оставался в тылу, обращались А. Н. Толстой, М. А. Шолохов, К. М. Симонов, А. Т. Твардовский, С. Я. Маршак, И. Г. Эренбург. В самые тяжёлые годы войны их слово вселяло веру в то, что враг рано или поздно будет повержен.

Начавшаяся после прихода к власти Никиты Хрущёва оттепель, эпохальный XX съезд КПСС, на котором был развенчан культ личности Сталина, не могли не сказаться на отечественной журналистике. И вновь, как и в 20-е годы, ярко проявилась разница между двумя главными газетами страны. Летом 1959 года главным редактором «Известий» был назначен Алексей Иванович Аджубей — талантливый журналист и великолепный организатор газетного дела. До этого он возглавлял «Комсомольскую правду» и сумел за несколько лет поднять её тираж до невиданных высот. К тому же Алексей Аджубей занимал, если можно так сказать, ещё одну «должность» — он был зятем Никиты Хрущёва, а такая приближённость к первому лицу государству значила очень много. С таким главным редактором «Известия» были просто обречены на успех. Газета стремительно меняла свой облик, становилась изданием, для которого главными были интересы читателя, а не обслуживание идеологических запросов власти. Избавить газету от чрезмерной идеологизированности и штампованности, сделать её близкой читателю — этой цели стремился добиться Аджубей. Однажды он составил перечень запрещённых к употреблению в газете штампов, вроде «огромный интерес общественности», «немеркнущая дружба народов», «горячий приём» и прочее. И только когда корреспонденты буквально взмолились, прося главного редактора отменить это решение (без привычных штампов их работа резко замедлилась), Аджубей отменил запрет.

Естественно, что такая редакционная политика сразу же нашла отклик у народа. В отличие от «Правды», которую выписывали по принуждению (подписаться на главный орган партии обязан был каждый член КПСС), «Известия» выписывали «для себя». Уже через год после прихода в редакцию Аджубея «Известия» получили более 600 тысяч писем от читателей. С 1959 по 1964 год тираж «Известий» возрос почти в четыре раза: с 1,6 миллиона до 6 миллионов экземпляров.

В конце 1964 года Алексей Аджубей должен был занять должность министра иностранных дел СССР, указ о его назначении уже был подготовлен. Но в октябре 1964-го Никита Хрущёв был снят с поста Генерального секретаря. Алексей Аджубей не только не стал министром, но и был уволен с должности главного редактора «Известий» и отправлен в «ссылку» в журнал «Советский Союз».

Затем были годы «застоя», когда газеты «застаивались» вместе со всей страной, и перестроечный всплеск, во время которого народ жадно впитывал информацию, возле киосков «Союзпечати» выстраивались длинные очереди, а тиражи газет и журналов били все рекорды. А 22 августа 1991 года вышел указ Бориса Ельцина о приостановке издания газет КПСС, в том числе и «Правды». Советский Союз просуществовал ещё четыре месяца, но эпоха советской печати на этом закончилась...

Фестиваль молодёжи и студентов

«Сейчас даже бесполезно пытаться объяснять людям новых поколений, что крылось тогда за словом „иностранец“. Постоянная пропаганда, направленная на воспитание ненависти ко всему зарубежному, привела к тому, что само это слово вызывало у советского гражданина смешанное чувство страха и восхищения. Ни туристы, ни бизнесмены в страну ещё не приезжали, дипломаты и редкие журналисты просто так на улицах не появлялись. Поэтому, когда мы вдруг увидели на улицах Москвы тысячи иностранцев, с которыми можно было общаться, нас охватило что-то вроде эйфории», — вспоминал известный джазмен и композитор Алексей Козлов в своей книге «Козёл на саксе». И он был не одинок в своём мнении. Нынешней молодёжи трудно себе представить, что чувствовали их бабушки и дедушки во время Фестиваля. Это был шок — культурный, информационный, идеологический. Уже прошёл XX съезд, страна постепенно отходила от «сталинской зимы», но как же сильны были страхи, вьёвшиеся в души людей за десятилетия тотального террора! Иностранец?! Нет, это что-то опасное, чужое. К ним лучше не подходить, с ними лучше не общаться. А то вдруг... Мало ли что вдруг? Но вот они здесь, рядом, они выходят из поездов и самолётов, к ним можно подойти, с ними можно поговорить. Москва в одночасье оказалась заполненной тысячами людей со всех концов света, всех оттенков кожи, одетых в самые невероятные и невиданные советским человеком виды одежды — японские кимоно, индийские сари, длинные африканские одеяния, латиноамериканские сомбреро и азиатские шапочки и даже (даже!) в шотландские юбки, которые носили гордые сыновья Шотландии. Это было нечто невиданное.

В Москву, в Москву! Скорее в Москву! Готов руками крутить колёса. А в мыслях одно — посмотреть наяву на негров, на девушек из Лаоса...

Первый Всемирный фестиваль молодёжи состоялся в июле — августе 1947 года в Праге. Этот фестиваль, как и последующие, проходил под лозунгом «За мир и дружбу!» (с 1968 года — под лозунгом «За солидарность, мир и дружбу!»). Идея оказалась удачной — под эгидой Всемирной федерации демократической молодёжи и Международного союза студентов было решено проводить подобные мероприятия раз в два года. В основном в фестивалях участвовала молодёжь из социалистических и развивающихся стран, а также члены левых партий и молодёжных организаций из стран Запада. Постепенно ширилась география и росло число участников фестивалей. Если в Прагу в 1947 году приехали 17 тысяч молодых людей из 71 страны, то в V фестивале, проходившем в 1955 году в Варшаве, приняли участие 30 тысяч человек из 111 стран мира. Там же, в Варшаве, было объявлено, что следующий Всемирный фестиваль молодёжи и студентов состоится в Москве. И сразу же в Советском Союзе началась кропотливая подготовка к событию, которое должно было потрясти весь мир.

Идею проведения фестиваля в СССР поддержали не только просоветски настроенные страны и их руководители. Королева Бельгии Елизавета, лидеры Греции, Италии, Финляндии, Франции и некоторых других государств, до того не питавших особых симпатий к Советскому Союзу, высказывались примерно в том духе, что предстоящий фестиваль должен стать отправной точкой в урегулировании взаимоотношений между СССР и остальным миром. Так что в стране Советов просто не могли ударить в грязь лицом. На подготовку фестиваля были затрачены колоссальные силы и средства. Стадион в Лужниках, парк «Дружба» в Химках, гостиничный комплекс «Турист», сотни других объектов появились благодаря фестивалю. В Венгрии были закуплены первые «Икарусы», которые затем возили людей по всему Советскому Союзу. Горьковский автозавод специально к предстоящему мероприятию выпустил новую модель — легендарную «двадцать первую» «Волгу». А самый экзотичный факт, символизировавший грандиозность происходящего события, — это 34 тысячи голубей, которых собрали и выпустили на церемонии открытия.

К фестивалю готовилась вся страна. В регионах перед главным действием в Москве проводились свои фестивали. Говоря спортивным языком, в областях и краях проходили многочисленные «отборочные соревнования», на которых разыгрывалось право поездки на «главный чемпионат». Делегации из регионов, которые должны были участвовать в фестивале, формировались по трём направлениям: спортивное, художественное и политическое. Спортивные и художественные коллективы боролись за право стать лауреатами фестиваля, а политические делегации формировались по указаниям сверху, но обычно в них обязательно входили комсомольцы, студенты и молодые рабочие.

Что же такое фестиваль молодёжи и студентов? Официальная часть подобных мероприятий — встречи делегаций, семинары и конференции, митинги, манифестации, концерты, художественные выступления и спортивные соревнования. Конечно, этого всего было хоть отбавляй. Но не этим прославился VI фестиваль молодёжи и студентов. Потрясающее неформальное общение — вот что запомнилось всем. Да, до самого вечера члены делегаций были заняты на официальных мероприятиях. А поздним вечером и ночью народ собирался в центре Москвы — улица Горького, площадь у Моссовета и Пушкинская площадь, проспект Маркса заполнялись шумной гомонящей толпой отстаивающих в жарких спорах свою точку зрения людей. Споры шли по любому поводу — о литературе и поэзии, писателях и художниках, об одежде и увлечениях, в общем обо всём.

Пожалуй, меньше всего, как вспоминали участники этих споров, спорили о политике. Политика и идеологические разногласия ушли на второй план.

Власть пыталась ограничить неконтролируемое общение. Но надо сказать, без особого усердия. Да и сам режим проявлял доселе невиданные, даже по меркам оттепельных 50-х, признаки демократизма. Например, Кремль, ранее днём и ночью охранявшийся как от своих, так и от чужих, был открыт для посетителей, а в Грановитой палате проходили молодёжные балы. Правда, была одна очень тонкая сфера жизни, где советским гражданам (в особенности, гражданам) было ясно показано: «дозволено многое, но не всё»...

Фестиваль спровоцировал, пожалуй, первую в СССР сексуальную революцию. Атмосфера фестиваля была буквально пропитана духом свободной любви. «События развивались с максимальной возможной скоростью, — писал Алексей Козлов в своей книге. — Никаких ухаживаний, никакого ложного кокетства. Только что образовавшиеся парочки удалялись в темноту, в поля, в кусты, точно зная, чем они немедленно займутся. Особенно далеко они не отходили, поэтому пространство вокруг было заполнено довольно плотно, но в темноте это не имело значения. Образ загадочной, стеснительной и целомудренной русской девушки-комсомолки не то чтобы рухнул, а скорее обогатился какой-то новой, неожиданной чертой — безрассудным, отчаянным распутством».

Как только процесс вышел из-под контроля, из комсомольских активистов и дружинников были сформированы отряды «полиции нравов», которые устроили настоящую охоту на влюблённые парочки. Вооружением этих отрядов были фонарики, ножницы и парикмахерские машинки. Иностранцев всегда отпускали, а вот «нравственно неустойчивым» советским девушкам без всяких объяснений и разбирательств выстригали часть волос. Девушке с такой отметиной приходилось бриться наголо и прикрывать свой «позор» платком. А через девять месяцев на свет появились мальчики и девочки, не похожие на мам ни цветом кожи, ни разрезом глаз. Их отцы уже давно уехали к себе на родину и не подозревали, что в далёкой Москве у них есть дети. Дети фестиваля...

В 1985 году в Москве состоялся ещё один фестиваль молодёжи и студентов, 12-й по счёту. В СССР к власти пришёл новый молодой Генеральный секретарь, с высоких трибун была объявлена политика открытости миру. Но этот фестиваль повторением фестиваля 57-го года не стал, хотя советское руководство и пыталось с его помощью сломать сложившийся в мире образ Советского Союза как злобещей «империи зла». Прежде всего, преодолеть сложившиеся стереотипы не смогла сама власть. Фестиваль 1985 года был в чём-то похож на Олимпиаду-80 — из Москвы за «101-й километр» выслали всех нежелательных элементов, город сиял чистотой, без командировочного удостоверения, выдававшегося только в очень редких случаях, в столицу попасть было невозможно. Однако, в отличие от 80-го года, на полках магазинов не было изобилия импортных продуктов, не было того трёхнедельного «продуктового рая», который так поразил москвичей пять лет назад. И уж тем более отсутствовал тот неповторимый дух единения, свободы и открытости, который был главной чертой VI фестиваля. Фестиваль стал обычным комсомольским мероприятием, пусть масштабным и дорогостоящим, но не ставшим народным. В 1957-м всё слилось в единый праздник, праздник открытости и простого человеческого общения. В 1985-м всё было иначе. Москвичи со своими повседневными заботами и проблемами — сами по себе, иностранные гости, хоть и окружённые «опекой и заботой» со стороны многочисленных комсомольских работников, — сами по себе, а фестиваль — сам по себе. Это было грандиозное по размаху мероприятие, но оно так и не стало событием, как это было двадцать восемь лет назад...

Конкурс имени Чайковского

«Я был гениальным в течение получаса. Тридцать минут чувствовал нибб вокруг своей головы...». Долговязый, нескладный, улыбчивый, но немного смущённый парёнок с непослушными рыжими волосами двадцати четырёх лет от роду приехал из Америки в Москву и за тридцать минут стал святым для советской публики. Но святость эта была не какой-то недостижимой и непостижимой, нет. Он был своим родным, хотя и родился далеко за океаном. Его звали Харви Лэйвэн Клайберн. Но для русского уха это имя оказалось слишком сложным. Ван Клиберн — под таким именем он вошёл в историю как символ оттепельных 50-х, как символ нового «открытия Америки». А в народе его звали ещё проще — «наш Ванечка».

В 1958 году в Москве состоялся I Международный конкурс имени П. И. Чайковского. Молодые исполнители со всего мира боролись за звания лучших в мастерстве игры на фортепиано и скрипке (позже рамки конкурса были расширены — появились состязания по классу виолончели и вокала). Этот конкурс, так же как состоявшийся годом ранее VI Всемирный фестиваль молодёжи и студентов, должен был продемонстрировать планете совершенно новый Советский Союз, избавившийся от тоталитарной эпохи и открытый миру. Правда, за кулисами конкурса готовили победу для советских музыкантов. Советская музыкальная школа — лучшая в мире, и уж на конкурсе, проходящем в столице СССР, первые места должны занять советские молодые исполнители. В конкурсе скрипачей всё так и сложилось: первую премию получил Валерий Климов, вторую — Виктор Пикайзен и только третьим стал румын Штефан Руха. Но, не в обиду скрипачам будет сказано, не этим запомнился первый конкурс имени Чайковского...

В 1934 году в провинциальном городке Шривпорт в Луизиане в семье работника нефтяной компании и учительницы музыки родился мальчик. Мама с детства прививала сыну любовь к музыке. До 12 лет Харви особыми талантами не отличался, но затем его, что называется, «прорвало» — одна за другой следовали победы на различных юношеских конкурсах. В 17 лет Харви переехал в Нью-Йорк и поступил в знаменитую на весь мир Джульярдскую музыкальную школу. Интересно, что юный пианист попал в класс бывшей выпускницы Московской консерватории Розины Левиной, уехавшей в Америку из России после революции.

«С того самого первого момента, когда ко мне подошёл незнакомый милиционер, улыбнулся мне, а я улыбнулся ему, с этого первого момента меня окружали в России только улыбки». Так Ван Клиберн (чтобы избежать разночтений, мы будем использовать «советский» вариант фамилии пианиста) вспоминал свои первые шаги по советской земле. Здесь его пока никто не знал, его имя было мало знакомо даже специалистам. Но уже после первого тура началась самая настоящая «клиберномания». «Он такой... симпатичный», — многие поклонники, а особенно поклонницы, не могли толком объяснить, чем же их пленял молодой американский пианист. Наверное, дело было в потрясающем сочетании душевной привлекательности общительного американского парня, открытия чего-то нового в традиционном образе типичного американца («Американцы, оказывается, такие классные ребята!») и исполнительского таланта, безупречной и очень живой игры на фортепиано. Он действительно потрясающе играл.

«Билетов нет, играет Ван Клиберн», — кассиры Московской консерватории, где проходил конкурс, вынуждены были отбиваться от настойчивых любителей музыки, желавших попасть на второй и третий туры. Во время третьего тура Клиберну аплодировали восемь с половиной минут. Как говорили тогда: «Если бы Ван Клиберну не дали тогда первую премию, наверное, в СССР случилась бы ещё одна, на этот раз апрельская, революция».

Лев Власенко — музыкант, безусловно, одарённый, больше чем просто хороший пианист. Это он доказал как во время конкурса имени Чайковского, так и во время дальнейшей музыкальной карьеры. Именно его советские музыкальные чиновники прочили в победители конкурса. И была бы эта победа вполне заслуженной и достойной, если бы не Ван Клиберн.

Американец очаровал публику, для неё не было сомнений, кто лучший на конкурсе. Но победителя определяют не зрители, а жюри. Эмиль Гилельс, Святослав Рихтер, Генрих Нейгауз и другие члены международного жюри должны были отдать победу советскому пианисту. Должны, но не отдали. Они были не только величинами в музыкальном мире, но и просто порядочными людьми. Рихтер, Нейгауз и другие не могли пойти не столько против мнения публики, сколько против совести. Первая премия была присуждена Ван Клиберну.

До 1986 года, когда победу на конкурсе одержал англичанин Барри Дуглас, Ван Клиберн оставался первым и единственным иностранцем, кому жюри рискнуло отдать безоговорочно первую премию. Максимум, чего могли достичь иностранцы впоследствии, — поделить первое место с советскими пианистами. Не раз такое поведение жюри вызывало справедливый гнев публики. Особенно драматичным был 1978 год. Во время церемонии награждения публика десять минут аплодировала разделившим вторую премию французцу Паскалю Девуайону и канадцу Андре Лапланту. Когда же был объявлен победитель — секретарь комсомольской ячейки Михаил Плетнёв, — в зале раздались крики «Позор!». Правда, в дальнейшем вклад Михаила Плетнёва в музыкальную культуру оказался

куда больше, чем французского и канадского пианистов.

Но к счастью, не скандалами славен конкурс имени Чайковского, а тем, что открыл множество других имён, ставших затем знаменитыми в музыкальном мире. Владимир Ашкенази, Владимир Крайнев, Гидон Кремер, Елена Образцова и многие другие знаменитые музыканты и певцы начинали свой путь с побед на конкурсе имени Чайковского. Что же касается Ван Клиберна... Последним отголоском действительно всемирной славы пианиста стал 1962 год. В этом году в США была продана миллионная долгоиграющая пластинка с записью того самого знаменитого Первого концерта Чайковского в исполнении Ван Клиберна. Впервые в музыкальной истории Америки диск с классической музыкой достиг подобного тиража. До этого о миллионе проданных пластинок могли мечтать только джазмены. Нет, пианист не «затерялся» в музыкальном мире, продолжал выступать, приезжал в СССР, а затем в Россию, где его выступления проходили с большим успехом, основал престижный конкурс, проходящий в городе Форт-Уэрт, штат Техас. Но сверхвысот Ван Клиберн всё-таки не достиг. Его настоящая слава, его звёздный час, по большому счёту, остались в 58-м, в те полчаса, когда он играл перед восторженной московской публикой Первый фортепианный концерт Чайковского...

«Голубой огонёк»

«Направляя работу печати, телевидения, радио, — писала газета „Правда“, — партийные комитеты призваны нацеливать их на главные, узловые проблемы пятилетки, лучше использовать средства массовой информации и пропаганды для распространения нового, передового, борьбы с недостатками, для решения актуальных вопросов организации соревнования... Выступать боевым организатором всенародного соревнования, ярко отображать каждый день ударной вахты миллионов — боевая задача нашей печати, телевидения и радио... Телевидение стало важным средством коммунистического воспитания народных масс, одним из основных источников информации населения о событиях в стране и за рубежом. Главной задачей телевидения является пропаганда решений съездов КПСС и пленумов Центрального Комитета партии, внутренней и внешней политики Советского государства, борьбы СССР за мирное решение международных вопросов». Партийные боссы, особенно те, кто занимался идеологическими вопросами, понимали, что телевидение — мощнейшее оружие пропаганды. Но льющаяся бесконечным потоком с экрана «идеологическая жвачка» могла наскучить и даже привести к обратному эффекту — зритель бы просто перестал смотреть телевизор. В конце концов, не приставишь же к каждому телевизору часового, который будет следить за тем, смотрит ли простая советская семья трансляцию очередного съезда КПСС или какие-нибудь «вести с полей». Народ нужно развлекать, выпускать интересные программы, шоу (хотя в то время это слово если и упоминалось, то скорее в негативном смысле, как один из пережитков «загнивающей буржуазной культуры»). А рецепт хорошего шоу прост: известные и желательно остроумные ведущие, интересные гости, приятная популярная музыка, юмор и, самое главное, атмосфера, которая должна завлекать зрителя. Так что такое «шоу» просто обязано было появиться на телевидении. Им стал «Голубой огонёк» — первое настоящее шоу на советском телеэкране, один из самых популярных и долгоживущих проектов нашего телевидения.

Предшественником «Голубого огонька» была музыкальная передача «Наш клуб», впервые вышедшая в эфир в 1959 году. Вели её Игорь Кириллов и Анна Шилова. В «Наш клуб» приходили самые выдающиеся деятели искусства тех лет: композиторы Арам Хачатурян и Тихон Хренников, музыканты Давид Ойстрах и Леонид Коган и многие другие. В то время уже немного приподнимался «железный занавес», и в «Наш клуб» приглашались и зарубежные гости. Это был единственный в своём роде «элитарный клуб» на советском телевидении. Но эта элитарность показалась «отцам» телевидения излишней. Они считали, что нужна программа для народа, а не для избранных, нужно эдакое «народное кафе», а не эксклюзивный «элитный клуб». Таким образом, «Наш клуб» в 1961 году прекратил своё существование, но идея новой программы была уже практически готова.

Вообще начало 60-х годов — «золотой век» советского телевидения. Впервые за много лет с экрана можно было сказать о том, о чём ещё недавно говорить было нельзя, показать то, что раньше ни в коем случае нельзя было показывать, и спеть те песни, которые до того петь не рекомендовалось. В 1961–1962 годах на экраны вышли новые программы, на долгие годы ставшие любимыми и популярными у телезрителей, — КВН (по мистическому совпадению впервые появившийся в эфире через день после того, как тело Сталина вынесли из Мавзолея и похоронили у Кремлёвской стены), «Кинопанорама» (первым ведущим которой стал великолепный актёр Зиновий Гердт), «Здоровье», «Панорама мастеров искусств», «Музыкальный киоск», «В эфире — молодость» и многие другие. Впервые телевидение начало выполнять свою главную функцию — развлекать зрителя, а не только производить бесконечную идеологическую «накачку».

6 апреля 1962 года в эфире Центрального телевидения появилась новая еженедельная передача. Около декорации, изображающей шаболовскую телебашню, были поставлены столики, обстановка в студии по виду напоминала вечернее кафе. Так что и название родилось само собой — «Телевизионное кафе», через некоторое время трансформировавшееся в «Голубой огонёк». Первоначально авторы хотели сделать музыкальную программу, основу которой составляли выступления артистов различных эстрадных жанров. От обычного концерта «Телевизионное кафе» отличалось тем, что ведущими в нём были артисты, которые не только вещали с телеэкрана, но и сами могли исполнить песни. Кроме того, ведущие не просто объявляли «а сейчас выступит такой-то», но и беседовали с артистами перед их выступлением. Первый выпуск «Телевизионного кафе» вели Михаил Ножкин, Борис Брунов и Роза Урузбаева.

Постепенно передача менялась, из чисто музыкальной становясь музыкально-публицистической. В передачу стали приглашать не только музыкантов, но и писателей, поэтов, других творческих личностей, причём и известных на всю страну, и абсолютно незнакомых широкой публике. Тогда же была изменена концепция ведения программы. Стало ясно, что лучше иметь постоянных ведущих, которые всегда «под рукой» и с которыми всегда можно что-то обсудить и лучше подготовиться к предстоящей записи. Вот здесь-то и пригодился дуэт Анны Шиловой и Игоря Кириллова, у которых уже был опыт ведения «Нашего клуба». Как это часто бывает с популярными теледвуэтами, народная молва их тут же поженила. Ведущим «Голубого огонька» мешками приходили письма с пожеланиями счастья в семейной жизни. Кстати, та же история произошла и с ведущими КВН Светланой Жильцовой и Александром Масляковым, которых тоже ошибочно считали семейной

парой.

Создатели «Голубого огонька», режиссёр-документалист Алексей Габрилович и главный редактор музыкальной редакции Центрального телевидения Владимир Меркулов, сохранили идею, впервые опробованную в «Нашем клубе», — гости не только исполняли песню или монолог, но и становились собеседниками, равноправными участниками программы. Казалось бы, простая вещь — живое человеческое общение, но это общение, свободный, не отрепетированный заранее разговор между интересными людьми и притягивали публику. Гости, даже самые известные и прославленные, были обычными людьми со своими проблемами и интересами, понятными каждому зрителю. После первых же выпусков «Голубой огонёк» стал «хитом» отечественного телевидения. Кстати, передача понравилась не только советскому зрителю. Ещё в 1965 году «Огонёк» под названием «Сказки русского леса» получил приз «Серебряная роза» на фестивале телевизионных фильмов в Италии.

Даже оговорки и какие-то технические огрехи, неизбежные при работе в прямом эфире, нравились зрителям, хотя, конечно же, самим создателям «Огонька» и ведущим в такие моменты было не по себе. «Между прочим, с первых же секунд начинались накладки, — рассказывал Игорь Кириллов. — То ли оттого, что участники были очень самоуверенны, всё у них заранее было продумано, но ошибки сыпались одна за другой, и в течение всей передачи мы думали, что она проходит очень неинтересно. И вот, возвращаешься домой в метро, прячешь голову в воротник, чтобы пассажиры не узнали, и думаешь: „Слава богу, что они не видели!“».

Действительно, провести живую длительную передачу («Огонёк» длился полтора — два часа, а праздничные выпуски и того дольше) — адский труд. Всё ведь предусмотреть просто невозможно. У ведущих был только условный сценарий и список гостей очередного выпуска «Огонька». Но во время передачи вдруг выяснялось, что один артист не пришёл на съёмку, вместо него в студии другой человек, с которым надо быстро найти какие-то общие темы для разговора. Нередко подводила техника, звукооператоры, например, мучились с так называемым «журавлём» (специальным краном, на котором был закреплён микрофон). Тогда ещё не было ручных микрофонов, и нужно было обладать поистине виртуозным умением, чтобы точно и вовремя подать тяжёлый и неповоротливый «журавль» к нужному столику. Сделать это удавалось не всегда. Но даже если всё работало безукоризненно, техника не подводила, ведущие не заикались, а гости в студии остроумно и живо поддерживали беседу, случались такие ситуации, за которые авторы и ведущие «Огонька» получали выговоры от руководства. Если гость абсолютно незнаком ведущему, а тем более если он иностранец, очень сложно предугадать, чем обернётся разговор. Ну можно ли, например, заранее предположить, что любимым увлечением итальянской оперной певицы окажется... рыбалка? Но бывало и такое.

«Однажды в Москву приехала часть труппы театра „Ла Скала“, и их пригласили на „Огонёк“, — вспоминал Игорь Леонидович Кириллов. — Примадонна была очень милой молодой женщиной. Но о чём с ней говорить? Я спросил о её хобби, и оказалось, что она обожает рыбалку. Она так интересно о ней рассказывала, что я волей-неволей ей поддакивал, делая вид, что я тоже заядлый рыбак. А потом руководство меня спросило: „Зачем с молодой женщиной, оперной певицей полпередачи говорить о рыбе?“. Вот за это я получил нагоняй». Однако так часто бывает — то, что не нравится руководству, приходится по душе народу. По популярности с «Голубым огоньком» могли соперничать разве что КВН и появившийся чуть позже «Кабачок „13 стульев“». Особенно нравилась зрителям возможность непосредственно влиять на то, кто будет гостем «Голубого огонька». «Тогда не было интерактивного телевидения, — вспоминал Игорь Кириллов. — Но письма приходили мешками. И по этим письмам с заявками приглашались артисты всех поколений. Вот это и был самый естественный и непредвзятый рейтинг!».

В 1970 году руководителем Гостелерадио был назначен С. В. Лапин. В истории советского телевидения не было более одиозного руководителя, который бы с такой маниакальной настойчивостью уничтожал все ростки независимой и оригинальной мысли. Времена относительной свободы закончились, многие передачи были закрыты, на других же была установлена жёсткая цензура. «Голубой огонёк» устоял, но и ему пришлось подчиниться «железной руке» Лапина.

В советских магазинах тогда существовала такая «добрая» традиция — покупатель, чтобы купить что-то дефицитное, должен был «в нагрузку» приобрести какую-нибудь совершенно не нужную ему вещь. Так же было и с «Голубым огоньком» (телевидение — зеркало жизни, так что в этом нет ничего удивительного). В передачу пришлось приглашать знатных рабочих, ткачих, колхозников и прочих «переводчиков производства» и «победителей социалистического соревнования», которые, выучив заранее приговоренный текст, с воодушевлением благодарили любимую Коммунистическую партию, не менее любимое советское правительство и лично «дорогого Леонида Ильича Брежнева» за счастливую и прекрасную жизнь в стране советской. Любые же попытки ведущих как-то расшевелить гостей и выйти за рамки дежурных восхвалений обычно оканчивались неудачей. Можно, конечно, посмеяться над неуклюжестью фраз какого-нибудь металлурга или доярки. Но представим себе обратную ситуацию — телеведущий у мартеновской печи, например, или известная певица в коровнике. Наверное, результат такой перестановки был бы ещё смешнее и несуразнее.

Конечно, зрителям совсем не нравилась такая навязчивая «реклама» социалистического образа жизни (кстати, на нынешнем телевидении выступления передовиков производства заменили рекламные ролики, так что, по сути дела, мало что изменилось: хочешь увидеть то, что тебе нравится, — будь добр, посмотри «нагрузку»). Но от этого популярность «Голубого огонька» не уменьшалась. Скорее наоборот, ведь в эпоху запретов и тотальной цензуры на телевидении «Огонёк» оставался едва ли не единственной программой, где можно было увидеть что-то интересное. Зрители, сидевшие у экранов, знали: надо немного переждать, и будет Алла Пугачёва со своей новой песней (каждый новый шлягер в исполнении Аллы Борисовны ждали с замиранием сердца, а потом обсуждали едва ли не весь следующий год), будет Аркадий Райкин с очередной репризой от Жванецкого, будут похожие на английских сэров Михаил Державин и Александр Ширвиндт, будут великолепные Иосиф Кобзон и Лев Лещенко, а также многие другие, любимые народом артисты.

Сейчас едва ли не каждый телеканал, работающий на просторах бывшего СССР, под Новый год выдаёт свою версию «Голубого огонька», точнее программу с таким названием. А по сути... Но мы не будем обсуждать достоинства и недостатки современных «Огоньков». Главное, что был тот «Голубой огонёк», единственный и неповторимый, который хотелось смотреть и появления которого на экране ждали с таким нетерпением...

КВН

Что такое КВН, знает, наверное, каждый. Конечно же, это «Клуб Весёлых и Находчивых» — любимейшая передача всех времён и народов (по крайней мере, тех, кто раньше был объединён в единое государство под названием Советский Союз). Читатели постарше вспомнят, что «КВН» — это ещё и «окошко в мир телевидения», первый массовый советский телевизор. А что такое ГГГ? А ВВВ?.. Пожалуй, только уж очень большие знатоки истории отечественного телевидения смогут расшифровать эти аббревиатуры. А между тем, малоизвестные ГГГ и ВВВ имеют самое непосредственное отношение к популярнейшему КВН. С них, собственно говоря, всё и начиналось...

Однажды в 1957 году московский журналист Сергей Муратов познакомился с режиссёром из Чехословакии Станиславом Страдом. Чешский телевизионщик рассказал коллеге, что ведёт самую популярную в стране развлекательную программу ГГГ — «Гадай, гадай, гадальщик». Муратов тут же загорелся идеей придумать нечто подобное по жанру и по названию. «Славная традиция заимствовать телеидеи заложена была нами», — не без юмора вспоминал Сергей Муратов ту знаменательную встречу.

Времена тогда были самые что ни на есть оттепельные — в 1956 году состоялся XX съезд КПСС, на котором был развенчан культ личности Сталина, в Москве прошёл Фестиваль молодёжи и студентов, а на Центральном телевидении появилась молодёжная редакция. Земля русская (и украинская, не без гордости отметим, тоже), как известно, богата талантами, причём оные иногда «закопаны» в самых неожиданных местах. Казалось бы, что может быть общего между совершенно незнакомыми друг с другом тележурналистом, задумавшим создать весёлую юмористическую программу, и инженером электролампового завода? Однако же они встретились... «Однажды я услышал о Мише Яковлеве, инженере электролампового завода, — вспоминал Муратов. — Мне сказали, что он сочиняет фразы. Что значит „фразы“? Ну например: „У меня перестал болеть зуб, и я спокойно слез со стены“. Меня поразил этот жанр. Я решил: такой человек обязательно должен участвовать в телевизионных затеях». Так и сформировался «мозговой центр» новой передачи, которую её создатели назвали «Вечер весёлых вопросов» (тот самый второй «прародитель» КВН — ВВВ). Чуть позже, когда Муратов и Яковлев отбирали номера студенческой самодеятельности для новой передачи, они познакомились со студентом медицинского института Альбертом Аксельродом и будущим журналистом, ныне знаменитым российским драматургом Марком Розовским. «Мы увидели Алика и Марка и сразу же в них влюбились. Было решено, что популярный композитор и замечательный острослов Никита Богословский и молодая актриса Маргарита Лифанова проведут только первое отделение передачи, создадут своеобразную рекламу ВВВ. Вести второе отделение предоставили Аксельроду и Розовскому». Передача сразу же завоевала зрителя.

Действие программы происходило на сцене, а её участниками становились пришедшие на съёмки зрители. По сути дела, ВВВ была первой викториной на советском телевидении. Были и свои домашние задания. Во время первого эфира ведущие предложили конкурс: кто на следующую программу привезёт 7-й том собрания сочинений Джека Лондона, фикус в горшке и примус — тот и будет объявлен победителем домашнего задания. Организаторы приготовили три приза, однако с тремя необходимыми вещами приехали два десятка человек. Пришлось выкручиваться, определять победителя жребием. Момент, конечно, досадный, но это, как оказалось, были только цветочки...

«Работники телестудии стали на путь подражания худшим приёмам и нравам буржуазного телевидения... Подобный случай мог произойти только в условиях политической беспечности руководства телевидением. Партийно-политическая работа поставлена слабо, до сих пор среди работников студии не обсуждена статья Н. С. Хрущёва „За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа“». Это «убийственное» постановление отдела пропаганды ЦК КПСС появилось после третьего эфира ВВВ. Что же такого натворили телевизионщики, чем вызвали гнев ЦК?

Станислав Страд предупреждал Сергея Муратова, что у них бывали неприятности с заданиями для зрителей. Предупреждать-то предупреждал, но... На третий выпуск программы Никита Богословский предложил конкурс — зрители должны приехать в студию в тулупе, валенках и шапке-ушанке (а дело было в начале сентября) и взять с собой самовар. Задание было совсем уж лёгкое — найти в Москве самовар и одеться по-зимнему особым трудностей не представляло. Чтобы усложнить конкурс, решили добавить ещё одно условие — нужно было привезти с собой какую-нибудь газету от 31 декабря прошлого года. Но Богословский, объявляя домашнее задание, об этом условии забыл...

Интересно, возможно ли в природе такое явление, как коллективное помешательство работников ГАИ? Наверное, в тот день доблестные работники московской госавтоинспекции испытали нечто подобное. Они первыми почувствовали неладное. Представьте себе: Москва, тёплый сентябрьский вечер... И толпы людей, которые на машинах, мотоциклах, велосипедах движутся в сторону Университета на Ленинских горах. Все эти люди одеты по-зимнему. И все везут с собой самовары...

«Сначала мы очень веселились», — вспоминал Марк Розовский тот злополучный эфир. Потом, правда, стало не до веселья. Милиционеров, дежуривших на входе в здание МГУ, где проходила

съёмка, толпа просто смела, а затем с криком «Нас пригласил Богословский!» ворвалась в зал. Кто-то задел декорацию, которая с грохотом упала на сцену. И всё это происходило в прямом эфире.

«Смотрю на мониторы — ничего не понимаю, — рассказывала программный режиссёр Ксения Маринина, проработавшая на своей новой должности всего три дня. — Вижу ужас на лице Богословского, вижу, как на сцену врываются люди с самоварами, орут, толкаются — жуткое зрелище. Я прервала трансляцию, но резервного фильма-то уже не было. И весь оставшийся вечер эфир был пустым. Как при путче». Марининой ничего не оставалось, как пустить в эфир заставку «Перерыв по техническим причинам». Зрители поначалу и не поверили, посчитали, что это очередной розыгрыш. Но создателям ВВВ было не до смеха. Скандал вышел грандиозный: передачу, естественно, закрыли, некоторых сотрудников уволили с работы. «Технический перерыв» затянулся на четыре года...

«Ребята, не сделать ли нам что-то в духе ВВВ?». Елена Гальперина, один из редакторов молодёжной редакции Центрального телевидения, была очень храбрым человеком. Действительно, надо обладать недюжинной смелостью, чтобы после того памятного конфуза с домашним заданием и последовавшего за ним «разноса» решиться опять снять нечто подобное. Осторожный Сергей Муратов так ей и сказал: «Лена, ты что забыла, чем кончается этот дух?». — «Ничего, — ответила Елена, — беру ответственность на себя». Что ж, под крылом такой смелой женщины можно и рискнуть. «Отцы-основатели» — Сергей Муратов, Михаил Яковлев и Альберт Аксельрод — вновь собрались вместе и стали строить «коварные» планы по «вызову духа ВВВ».

Как же родилось это название — «Клуб Весёлых и Находчивых»? Точно известно только место рождения КВН — коммунальная квартира на проспекте Мира, где жил Михаил Яковлев. Но вот кто именно стал «отцом» названия, точно неизвестно. Существует даже легенда, что соседом Яковлева был сам Владимир Высоцкий и что он принимал участие в «заседании», на котором и родилась знаменитая аббревиатура.

Первый эфир «Клуба Весёлых и Находчивых» состоялся 8 ноября 1961 года. Правда, тот КВН очень отличался от привычной нам игры. По сути своей это была викторина, «интеллектуальный футбол», как называли её авторы. Команды, выходявшие на сцену под футбольный марш, состояли из 11 основных игроков и 2 запасных каждая. Основной задачей команд было дать как можно больше правильных ответов. Главное — знания, а остроумие и находчивость, хотя и приветствовались, но были всё же на втором плане. Однако со временем КВН менялся, появлялись новые конкурсы и задания.

Авторы программы долго не могли определиться с ведущими. По неписаным законам советского телевидения популярную программу должны были вести двое — мужчина и женщина. Ведущими КВН бывали известный кинорежиссёр (тогда ещё студент Института кинематографии) Элем Климов, актёры Александр Белявский, Наталья Зацепина и Наталья Фатеева, диктор Игорь Кириллов. Почти три года программу вели Альберт Аксельрод и Светлана Жильцова. А в 1963 году в передачу пришёл человек, без которого КВН представить просто невозможно. Пришёл совершенно случайно. Александр Масляков не был ни диктором на телевидении, ни известным или даже начинающим актёром. Молодой инженер, выпускник энергетического факультета Московского института инженеров транспорта. Просто он был знаком с капитаном команды КВН МИИТа Павлом Кантором, который и привёл Александра на съёмки очередной программы. И этого оказалось достаточно, чтобы вскоре стать самым популярным телеведущим в СССР.

«Это была каникулярная передача, как бы официальными хозяевами были студенты МИИТа, — вспоминал свой дебют Александр Масляков. — Студентов МИИТа и ребят из других вузов попросили быть ведущими этой передачи. Каждый должен был вести свой кусочек передачи. Капитан команды КВН был моим приятелем, встретив меня, говорит: „Давай, пошли! Там нужен ведущий. Не бойся, там будет всё просто. Тебе объяснят, зазубришь те 16 слов, которые надо сказать, скажешь их, и всё“. Ну я, конечно, сразу согласился, потому что мне интересно было побывать внутри всей этой кухни телевизионной, потом по телевизору покажут, ну как это приятно».

Можно сказать, что Александра Маслякова взяли в КВН буквально от отчаяния. Альберт Аксельрод всерьёз занялся наукой и ушёл из программы. Авторы решили устроить конкурс среди капитанов команд. Однако капитан МИИТа Павел Кантор отказался от пробы и предложил вместо себя Маслякова.

«Я посмотрела, господа, волосёнки торчат, глазёнки бегают, невзрачный такой, унылый, озирается, — вспоминала режиссёр программы Белла Сергеева тот момент, когда впервые увидела Маслякова. — Но не буду же я такие вещи говорить при человеке: „Ну ладно, вы посидите вон там, пока мы репетируем“. Ну репетируем, я говорю Жильцовой: „Светка, как он тебе?“ — „По-моему, ничего, а что?“ — „А по-моему, нукудышный“. — „Ну там видно будет“. Я говорю: „Света, выучи весь текст, он слова не произнесёт. Посмотри на него, он никуда не годится“».

Да, будущий президент лиги КВН при первом взгляде впечатления, мягко скажем, не производил.

Но как только началась съёмка, Александр преобразился, словно до того он только тем и занимался, что вёл телевизионные программы. Удивительно, но Масляков выглядел увереннее и спокойнее опытной Светланы Жильцовой, не говоря уже о других кандидатах на место ведущего. Собственно говоря, другие кандидатуры уже и не обсуждались.

Сказать, что КВН пользовался популярностью у зрителей — значит не сказать ничего. Как показывали опросы, КВН прочно удерживал место самой популярной программы в СССР, опережая даже показы самых известных кинофильмов и сериалов. Во время передачи улицы городов буквально вымирали. Игроки команд КВН становились настоящими идолами для однокурсников. А популярность того или иного вуза среди абитуриентов во многом зависела от успехов институтской команды. Да что там абитуриенты, если даже знаменитые академики считали, что победа в КВН — едва ли не самое главное достижение учебного заведения. «Вы знаете, у нас много хорошего в институте, но самое главное, что мы победили в КВН, мы стали чемпионами КВН!» — сказал однажды нобелевский лауреат Пётр Капица, в то время работавший в Московском физико-техническом институте. А КВНовские шутки со временем становились «народной мудростью». Но эти шутки, от которых смеялась вся страна, всё больше и больше раздражали телевизионное начальство и прежде всего председателя Гостелерадио Лапина. Если раньше КВН шёл в прямом эфире и команды говорили, что хотели (в определённых пределах, конечно), то с конца 60-х «Клуб» превратился в театр, «репертуар» которого подвергался жёсткой цензуре. Начальство перед эфиром требовало дать на просмотр тексты, капитанов команд нередко вызывали «на ковёр» в высокие кабинеты. Руководство всё чаще выдвигало различные ограничения, подчас совершенно абсурдные. Например, нельзя выпускать в эфир людей с бородой, поскольку зритель может подумать, что КВНщики насмеются над Марксом и Энгельсом. Очень нежелательно присутствие в кадре евреев, людей с плохой дикцией и т. д. Самые смешные и острые моменты беспощадно вырезались. В общем, телевизионное руководство, не решаясь одним махом закрыть КВН, начало планомерную кампанию по его уничтожению. И в конце концов, в 1971 году КВН исчез из эфира.

«Шуму вокруг этого закрытия было очень много! — рассказывал Александр Масляков в интервью газете „Факты“. — Говорили, что формальным поводом послужили усы и бороды участников одной из команд, что по тем временам в телеэфире было невозможно. Действительно, Лапин был крутым человеком, и запретов на телевидении было предостаточно. Нельзя было появляться в эфире даже в светлых костюмах. Правда, у меня не было ни бороды, ни светлых костюмов — придраться не к чему... Нет, на самом деле программу прикрыли, ничего не объясняя. Но мы-то понимали, что студенческие шуточки мешали некоему всеобщему благоденствию».

Но «Клуб Весёлых и Находчивых» не умер, хотя официально как бы перестал существовать. Те, кто хотя бы раз играл в КВН, уже не могли без него жить. Пусть и назывался он «художественной самодеятельностью», в КВН продолжали играть — в школах, институтах, на заводах, везде, где собирались хотя бы пять-шесть человек, беззаветно любивших эту игру.

Второй «технический перерыв» КВН продолжался 15 лет. В 85-м году страна стала меняться, началась «перестройка», в прессе потихоньку начали говорить о том, о чём раньше говорить было нельзя. А с телевидения наконец-то ушёл Сергей Лапин, «правивший» без малого два десятка лет.

Возвращение КВН состоялось 13 мая 1986 года. В первой игре сезона встретились команды Московского и Воронежского инженерно-строительных институтов (воронежцы, кстати, играли в последней игре старого КВН, записанной, но так и не выпущенной в эфир). Это был уже совсем другой КВН. Авторы, как сказали бы сейчас, решили сделать совершенно другую программу на «старом брэnde». Раз страна начинает жить по-новому, то и КВН должен быть новым. Правда, некоторые предложения выглядели уж слишком новаторскими, как, например, всерьёз высказываемая мысль сделать ведущими передачи... два компьютера под названием «Саша» и «Света». Передачу всё-таки доверили вести людям, но в остальном экспериментов и новаций было хоть отбавляй. Многие сомневались, что КВН удастся возродить, что программа будет иметь такой же успех, какой имела в 60-е годы. Но «Клуб Весёлых и Находчивых» — явление уникальное, это «приятная» болезнь, которая не отпускает. Как сказал однажды Александр Масляков: «Когда не стало КВН, я погоревал и занялся другими программами. Только потом я понял, что КВН — это нечто большее в моей жизни, чем просто очередная передача из сотен, проведённых мной...».

Кабачок «13 стульев»

В середине 60-х годов «отцы» нашего телевидения были всерьёз озабочены практически полным отсутствием развлекательных программ. Конечно, понятия «рейтинг» и «конкуренция» тогда не были знакомы советским телевизионщикам (а с кем, собственно говоря, конкурировать, если всё телевидение — государственное), но команда сверху поступила, и её надо было выполнять. Указание было чётким и ясным — срочно придумать лёгкую юмористическую программу. И здесь как нельзя кстати «подвернулась» идея известного актёра Театра сатиры Александра Белявского. На гастролях в Польше Александру Борисовичу довелось побывать на представлении варшавского «Кабаре Старых Панов». Никакой особой идейной нагрузки эти репризы не несли, что и привлекало зрителя. Белявский рассказал о своей задумке режиссёру Театра сатиры Георгию Зелинскому. Георгий Васильевич поначалу отказывался от такого сценария. Однако Зоя Зелинская, его супруга, случайно увидела сценарий и настояла на том, чтобы всё-таки попробовать снять программу.

Первоначальные планы создателей программы были достаточно скромными — снять три выпуска и на этом остановиться. Однако зрителям программа пришлась по вкусу. В «Останкино» со всего Союза приходили мешки писем с вопросом: «Когда будет следующий выпуск любимой программы?». И передачу решили продолжить. Правда, авторы никак не могли решить, как же окрестить «новорождённую» программу. Сначала программа именовалась «Добрый вечер» — с таким названием можно было разве что выиграть конкурс на самое банальное название телепередачи. Не особо мудрствуя, авторы обратились за помощью ко всему Советскому Союзу, объявив всесоюзный конкурс на лучшее название программы. Десять тысяч зрителей хотели видеть на своих экранах «Улыбку», восемь тысяч — «Попугая», пять тысяч — «Голубой Дунай», в общем, предложенные названия не отличались оригинальностью. И только один находчивый зритель попал, что называется, «в самое яблочко». «Крёстным отцом» передачи стал некий житель Воронежа, который просто пересчитал число персонажей. Так и родился «Кабачок „13 стульев“». За победу в конкурсе воронежец получил приз, вполне соответствующий духу «Кабачка» — целых 13 ящиков чешского пива. Роскошнейший подарок для тех времён, когда пиво было только одного сорта — «Жигулёвское разбавленное».

Что же представляла собой телепрограмма, которая почти пятнадцать лет, как сказали бы сейчас, продержалась на верхних строчках хит-парада зрительских симпатий всего Советского Союза? По современным представлениям о телевидении, «Кабачок „13 стульев“» — типичная «мыльная опера». А они всегда пользовались огромным успехом у зрителя, вспомнить хотя бы мексиканские и бразильские сериалы, которые «свалились» на нас в начале 90-х. Учитывая, что «Кабачок» стал, по сути дела, первой советской «мыльной оперой», нетрудно понять, почему передача пользовалась такой ошеломляющей популярностью. Никакой политики, войны, героев революции и стахановского движения, соцсоревнования, расхитителей социалистической собственности и доблестных работников ОБХСС, возвращающих эту собственность народу. Простые люди со своими чувствами, лёгкий юмор (именно юмор, а не жёсткая сатира) и хорошая музыка. А какие актёры снимались в «Кабачке» — куда там Луисам Альберто и донам Педро!

Расскажем обо всём по порядку. Режиссёры программы Георгий Зелинский, Спартак Мишулин и Нина Марусалова принципиально идею Александра Белявского (точнее, идею постановщиков «Кабаре Старых Панов») менять не стали. Действие «Кабачка „13 стульев“» происходило якобы в польском кафе, где постоянные посетители, также якобы польские паны и пани, общались между собой, разыгрывая небольшие шуточные репризы. В написании сценария принимали участие не только режиссёры, но и актёры, приглашённые на съёмки программы. Например, пан Зюзя, один из наиболее культовых персонажей «Кабачка», был придуман актёром Зиновием Высоковским. «„Кабачок“ был моим миром и моей стихией, — рассказывал Зиновий Моисеевич. — Я сам написал себе вступительный монолог и придумал имя — пан Зюзя. Это славное имя появилось из двух источников. Первый: в моём родном сине-зелёном Таганроге в юности я дружил с представителями прекрасного народа — ассирийцами. Самое актуальное сейчас слово „деньги“ — по-ассирийски „зузи“. Ну а второй источник... Думаю, вы понимаете: во все времена нашему народу слово „зюзя“ говорило о многом».

Первым ведущим программы стал Александр Белявский. Спокойный и уважаемый актёр идеально подходил на роль пана Ведущего. Белявский снялся в десяти выпусках «Кабачка», после чего ушёл из передачи. Решили, что новым ведущим станет Андрей Миронов. Казалось, что Андрей, универсальный актёр, который может сыграть всё что угодно, вдохнёт новую струю в «Кабачок» и передача станет ещё лучше и интереснее.

Но зрители не восприняли Миронова, его экспрессия подавляла других артистов, стиль его игры не подходил для «Кабачка». «Мы хотим видеть всех артистов, а не одного Миронова», — возмущались зрители в своих письмах. К тому же Андрей Миронов ещё не был тем знаменитым Андреем Мироновым, каким он стал после комедий «Берегись автомобиля» и «Бриллиантовая рука». Нужно было искать нового пана Ведущего, и, слава богу, он нашёлся. «Ко мне пришли представители передачи, — рассказывал знаменитый актёр Михаил Державин, — мои друзья некоторые, и говорят: „Ну попробуйте“. И как-то я очень пришёлся ко двору». Действительно, Михаил Михайлович

настолько удачно и органично вписался в «Кабачок», что оставался его ведущим целых 14 лет, снявшись за это время почти в 140 передачах.

Конечно, «Кабачок», как и любая другая программа на советском телевидении, подвергался строгой цензуре, текст утверждали заранее, актёры могли только экспериментировать с жестами и мимикой. Но создателям программы удавалось очень удачно создать эффект непринуждённости и импровизации. Зрителя манила уютная атмосфера «Кабачка», простые человеческие отношения, приправленные весёлыми шутками. Как вспоминал Михаил Державин: «Для большинства телезрителей наши дурашливые, порой наивные сценки и репризы служили своего рода отдушиной в их зарегламентированной жизни. Аромат какого-то „не нашего“, большинству незнакомого уюта и комфорта. „Кабачок“ для советских зрителей был маленьким „окном в Европу“, а тяжёлый „железный занавес“ превращался в бамбуковую занавеску, легко раздвигаемую руками...». Действительно, флёр Европы, «ненашенская» жизнь, демонстрируемая на телеэкране, сделали из «Кабачка» не просто телепрограмму, а проводника в другой, непривычный и практически неизвестный мир. В «Кабачке» звучала музыка, которую больше нигде в Союзе услышать было невозможно. В первых программах появлялись «живые» звёзды иностранной эстрады, в основном польской, — Анна Герман, Веслава Дроецка. Правда, затем их заменили фонограммой, под которую «пели» наши «пани». Зато в «Кабачке» зазвучали песни с самого что ни на есть капиталистического Запада. Обладатели магнитофонов записывали новые шлягеры Мирей Матьё, Далиды, Тома Джонса и не раз в своих письмах просили пана Ведущего не переводить тексты и дать возможность записать песни. А наряды актрис, казалось, были привезены с последних показов мод в Париже и Милане, в этом были уверены все советские женщины. Часто в редакцию звонили «модницы» с просьбой ещё раз снять актрис в том или ином туалете, поскольку в прошлый раз они не успели срисовать некоторые его детали. На самом деле не было никакого Парижа или Милана, артистки выкручивались как могли, занимали наряды у подруг или у знакомых фарцовщиков. И здесь, надо сказать, не обходилось без «цензуры». Когда Наталья Селезнёва (пани Катарина), негласно признанная после гайдаевских «приключений Шурика» самой сексуальной (тогда и слово такое считаю неприличным) девушкой Советского Союза, появилась в одной из передач в мини-юбке, ей был объявлен выговор и наложен крупный денежный штраф. В приказе, вывешенном на всеобщее обозрение в Театре сатиры, так и было написано: «Наказать артистку Селезнёву Н. И. за слишком короткое платье».

И всё-таки, несмотря на все запреты и ограничения, хороший актёр (а в «Кабачке» снимались только хорошие актёры) на принятом тогда языке намёков и полутонов мог сказать гораздо больше, чем написано в сценарии. Вот, например, на экране появляется пан Зюзя, ведущий объявляет: «Пан Зюзя! Родился талантливым человеком, но в роддоме его подменили». Или же пани Тереза (роль которой исполняла Зоя Зелинская) ведёт диалог с паном Ведущим: «До свидания, я ухожу. Иду позировать художнику». — «А для какой картины?» — «Клеопатра и змея». — «Да? А с кого же он пишет Клеопатру?».

Что может быть безобиднее таких шуток, разве могли они подорвать устои советского государства? Но актёры и зрители до поры до времени выигрывали у цензоров игру «Угадай — кто это?». Пан Директор в исполнении Спартака Мишулина — это, конечно же, высшая номенклатура, очень любезная поруководить и при этом зачастую совершенно бесполезная. Пан Спортсмен, которого играл актёр Юрий Волынцев, — чиновник рангом пониже, ранее бывший «образцово-показательным» спортсменом. А история о том, как пан Гималайский (Рудольф Рудин) должен был доказать, что он не верблюд! Для подтверждения принадлежности к человеческому роду, Гималайскому нужна была справка о том, что он не женат. Чтобы её получить, он должен был предоставить справки от всех женщин, которые по какой-либо причине не являлись его супругами. Иными словами, все женщины, чьих справок у пана Гималайского не было, вполне могли быть его жёнами. Естественно, что пану Гималайскому было трудно доказать, что он является Homo sapiens, а не представителем рода Camelus. Ну чем не советская бюрократия с её абсурдными требованиями к простому гражданину доказать, «что он — не верблюд»?

В этом-то и заключалась одна из характерных особенностей «Кабачка». Причём, сознательно или нет, создатели программы обезопасили себя от прямых нападок деятелей от телебюрократии. Ведь всё это вроде бы происходит не у нас, а якобы в Польше, так что формально придраться не к чему. И при этом каждый понимал, что «Кабачок „13 стульев“» — это правдивое зеркало именно советской жизни тех лет.

Кстати, поляки не обижались на «Кабачок», к десятилетию программы даже наградили артистов званием «Заслуженный деятель культуры польской». «Когда нам торжественно вручали в польском посольстве наши звания, — рассказывал Зиновий Высоковский, — министр культуры Польши сказал: „Нас, поляков, часто спрашивают, не обижаемся ли мы, что в СССР каждый месяц идёт такая передача, где паны и пани выглядят немножко балдами? Мы говорим: нет, мы не обижаемся, потому что мы понимаем, если по Центральному телевидению в Советском Союзе каждый месяц будет идти такая передача, где товарищ Директор — дурак, то это как-то неудобно, а когда пан Директор — дурак, то это вроде не у вас, но всё понятно!“».

Безусловно, были у «Кабачка» и противники. Особо упорствовал главный режиссёр Театра сатиры Валентин Плучек, считавший программу «рассадником пошлости» и презрительно называвший актёров, занятых в передаче, «кабачкистами». Чувства Валентина Николаевича вполне понятны и объяснимы. Его-то прежде всего волновали интересы театра, а Театр сатиры по сути дела превращался в филиал «Кабачка „13 стульев“». «Были такие курьёзные моменты, — рассказывал Михаил Державин в интервью газете „Факты“, — когда мы выходили на сцену в серьёзных ролях — Спартак Мишулин, я, Зиновий Высоковский, Ольга Аросева — и из зрительного зала, особенно если мы играли где-то на Урале, вдруг доносилось: „Ой, пан Ведущий вышел!“». Понятное дело, главного режиссёра совершенно не радовало, когда такое происходило посреди гоголевского «Ревизора» или чеховского «Вишнёвого сада».

Плучек неоднократно приходил к руководителю Гостелерадио Лапину и требовал «прекратить это безобразие». И надо сказать, находил полное понимание у главного начальника советского телевидения. Лапин старался не допускать вольностей в своей «вотчине» и не раз искал повод прикрыть «Кабачок». Казалось, что всенародно любимая передача обречена, раз вызвала недовольство всемогущего Лапина. И никто бы не обратил внимания на миллионы телезрителей. Но был у «Кабачка» поклонник, с мнением которого приходилось считаться и Лапину, и вообще любому чиновнику в Советском Союзе. Говорят, что «дорогой» Леонид Ильич Брежнев и его семейство обожали «Кабачок» и не пропускали ни одной передачи. А если же генсек из-за занятости не мог посмотреть любимую программу, то ему демонстрировали специально сделанную запись. Всё-таки несколько раз «Кабачок» пытались закрыть, однако покровительство «самого главного телезрителя СССР» спасало программу. «Как-то под Новый год Лапин объявил, что новогоднего „Кабачка“ не будет и вообще „Кабачка“ не будет, — вспоминал Зиновий Высоковский. — На приёме в Кремле к нему подошёл Леонид Ильич и говорит: „Слушай, Лапин, тут моя супруга спрашивает, когда будет „Кабачок“?“ — „3 января“, — тут же нашёлся Лапин. И нас всех доставали с гастролей, с отдыха, с чего хочешь, и 3 января „Кабачок“ состоялся».

Часто бывает так, что одна удачно сыгранная роль сковывает артиста тяжёлыми цепями по рукам и ногам, не даёт выйти из привычного образа. В советские годы попадание в обойму «Кабачка» означало невероятную удачу для артиста, моментальную всесоюзную славу и любовь зрителей. «В те времена это было, конечно, что-то такое... повальное, я бы сказала, — рассказывала пани Моника, она же народная артистка России Ольга Аросева в интервью газете „Восточно-Сибирская правда“. — Тогда же не было сериалов, не было столько передач... Всё-таки 15 лет каждый месяц мы приходили к людям в гости. Не они к нам в театр, а мы — к ним домой. И зрители считали нас реально существующими людьми. И как встречали! Узнавания всюду были потрясающие. А сколько мне писали, что новорождённых девочек называли Мониками!». А актёру Владимиру Долинскому (пан Пепичек) популярность «Кабачка» помогла при очень прискорбных обстоятельствах. Молодой артист в 1973 году был осуждён на пять лет за незаконные валютные операции. Год он провёл в Лефортовской тюрьме, а затем попал в зону в Кировской области. «Мне было легче, за мной тянулся шлейф пана Пепичека, на меня приходили смотреть „важняки“, я оставлял автографы начальнику лагеря, начальнику режима, — вспоминал актёр не слишком приятный эпизод из своей жизни. — Благодаря „кабачкистам“ Ольге Аросевой, Зиновию Высоковскому, Мише Державину, Рудольфу Рудину, Анатолию Папанову, Андрюше Миронову — они подписали за меня ходатайство — меня досрочно освободили».

Но популярность, как известно, имеет и печальные стороны. Актёры становились «заложниками» «Кабачка», не могли вырваться из приклеившейся роли «пана» или «пани». Особенно тяжело было молодым артистам. «В те годы я получала много приглашений сниматься, — рассказывала исполнительница роли пани Каролинки Виктория Лепко, пришедшая в программу, когда ей было 25 лет. — Я приходила на пробы, а потом мне вежливо говорили: „Мы вынуждены вам отказать, а то скажут: ну вот, опять Каролинку снимают“. Это теперь чем чаще актёр мелькает на экране, тем он популярнее, и его нужно брать. Тогда мышление было другое».

15 лет «Кабачок „13 стульев“» гостеприимно распахивал свои двери, а его постоянные посетители радовали весь Советский Союз. Но Лапин и компания добились своего. Осенью 1980 года программу закрыли. Закрыли подло, исподтишка, без всякого объявления. Вроде как и не было самой популярной в стране передачи. Ещё долго телезрители искали любимый «Кабачок» в программе передач, писали и звонили на Гостелерадио, но всё тщетно. По одной из версий, программа стала косвенной жертвой событий в Польше, разразившихся после выступлений профсоюза «Солидарность» и забастовок польских шахтёров. Любое упоминание на телевидении «панов и пани», пускай и в юмористическом плане, считалось явно нежелательным. По другой версии, генсек уже практически не влиял на ситуацию в стране, и его заступничество не могло спасти «Кабачок».

В середине 80-х была предпринята попытка реанимировать «Кабачок», правда, в несколько изменённом виде. Но сериал об обитателях дома, в котором снимались многие «кабачкисты», быстро «сошёл на нет», программа, в отличие от своего прототипа, оказалась скучной и затянутой. В последний раз вновь открыть «Кабачок „13 стульев“» российские телевизионщики попытались в 1996 году. Вполне закономерно, что и эта попытка оказалась безуспешной. Изменился мир,

изменилось телевидение, изменились отношения между людьми. А «Кабачок»... «Кабачок» остался там, в 60-70-х, остался одним из самых радостных и праздничных символов советской эпохи.

Театр на Таганке

Как только в начале 60-х не называли московский Театр драмы и комедии — бесперспективный, жалкий, замшелый, худший в Москве и так далее, и тому подобное. В общем, настоящие театралы обходили здание на Таганке стороной. В это же время преподаватель Театрального училища имени Щукина Юрий Любимов вместе со студентами третьего курса поставил спектакль «Добрый человек из Сезуана» по пьесе Бертольда Брехта и показал его на сцене училища. Видели эту постановку не многие, но о Любимове и его студентах вскоре заговорила вся театральная Москва. «Добрый человек из Сезуана» имел настолько сильный резонанс, что Любимову предложили стать художественным руководителем Театра драмы и комедии. Мало того (это был уникальный случай в театральной истории), режиссёру позволили взять в труппу выпускников театра и полностью обновить репертуар.

«Постановка самая скромная. На сцене лишь какое-то школьное барахлишко: столы да скамейки, застиранные тряпицы и написанные самими студентами плакаты. Ни костюмов, ни грима. И даже если по-честному говорить, то и актёрского мастерства исполнители ещё не накопили...» — так писал корреспондент журнала «Юность» А. Марьямов о первой постановке спектакля «Добрый человек из Сезуана» на сцене Театра драмы и комедии, состоявшейся 23 апреля 1964 года. Всё верно, откуда взяться актёрскому опыту у вчерашних выпускников? Так почему же зрители, которых на спектакль пришло в два раза больше, чем мог вместить зал (первый спектакль даже хотели отменить, опасаясь обрушения здания), неистово аплодировали молодым актёрам, почему о Любимове и его учениках заговорила вся Москва (и не только театральная)? Почему на протяжении многих лет ни один показ Театра на Таганке не проходил без аншлага?

«Была сила убеждённости, — продолжал А. Марьямов. — Так и искрились в этом спектакле настоящий талант, щедрая изобретательность, та настоящая театральность, о которой мечтали и Станиславский, и Вахтангов... Видно было, что ребята на училищной сцене в арбатском переулке целиком захвачены тем, что они здесь говорят и делают, — им самим интересно, и они верят каждому произносимому слову». В тот вечер появился не просто новый театр, родилось новое явление, символ эпохи. «Добрый человек из Сезуана», как и все другие спектакли «Таганки», подкупал смелостью и свободой, непохожестью на других, зритель был не просто созерцателем действия на сцене, а собеседником, с которым говорили честно и открыто. Владимир Высоцкий, Владимир Золотухин, Зинаида Славина, Вениамин Смехов, Леонид Филатов — все они были молоды и неопытны, но энергия была ключом, было огромное желание играть и доставлять радость зрителю. И, самое главное, рядом с ними был Мастер...

Ко времени своего прихода в Театр драмы и комедии Юрий Петрович Любимов не был новичком в театральной режиссуре, но и в мэтрах, как говорится, «не значился». Великий режиссёр родился 30 сентября 1917 года в Ярославле. В 1922 году семья Любимовых переехала в Москву. Когда Юрий учился в электромеханическом техникуме (который, кстати, находился на Таганской площади, буквально рядом с тем местом, где сейчас расположен Театр на Таганке), он начал заниматься в хореографической студии, где преподавание велось по методике Айседоры Дункан.

В 1935 году ученик театральной студии при МХАТ-2 Юрий Любимов впервые вышел на сцену, сыграв эпизодическую роль в спектакле «Мольба о жизни» по пьесе Ж. Дювала. Этот спектакль стал последним в истории МХАТ-2. В феврале 1936 года театр без всяких объяснений был закрыт, студия расформирована, а актёры разошлись по другим театрам.

В 1936 году Юрий Любимов поступил в училище при Театре имени Вахтангова. Впервые публика обратила внимание на молодого актёра, когда он сыграл роль Клаудио в спектакле «Много шума из ничего» У. Шекспира. В 1940 году Юрий окончил училище и был призван в армию. Местом его службы стал ансамбль песни и пляски НКВД. Во время Отечественной войны Любимову вместе с ансамблем не раз приходилось выступать в непосредственной близости от передовой. Любимов прошёл всю войну и, демобилизовавшись в 1946 году, вернулся в Театр имени Вахтангова.

За свою актёрскую карьеру Юрий Петрович Любимов сыграл более 30 ролей. В 1951 году за роль Тятинина в постановке «Егор Булычов и другие» М. Горького артист был награждён Государственной премией СССР. Среди других заметных ролей артиста — Сирано («Сирано де Бержерак» Э. Ростана), Трелев («Чайка» А. Чехова), Ромео («Ромео и Джульетта» У. Шекспира). Параллельно с работой в театре Юрий Петрович снимался в кино. Первой его киноработой стал фильм «Цветные новеллы» режиссёра А. Мачерета. Всего актёр снялся в 18 фильмах, в том числе в таких известных кинолентах, как «Робинзон Крузо» и «Кубанские казаки».

В конце 50-х годов Юрий Любимов решает попробовать себя в режиссуре. Он два года учится на курсах известного актёра и режиссёра Михаила Кедрова, в 1959 году на сцене вахтанговского театра ставит свой первый спектакль «Много ли человеку надо?» по пьесе Александра Галича. Вскоре он становится преподавателем театрального училища имени Щукина.

«Говорят, что лицо театра определяется, прежде всего, репертуаром. Мы не рассчитывали на новое

театральное дело, принимаясь в училище за „Доброго человека из Сезуана“, мы просто остановились на пьесе, которая давала возможность выразить те мысли по поводу жизни и — что очень важно — по поводу театра, которые меня и моих учеников волновали. Так получилось, что с „Доброго человека“ начался наш театр». В своих воспоминаниях Юрий Любимов не раз говорил, что Театр на Таганке родился, в общем-то, случайно, из обычного дипломного проекта выпускников театрального училища. «Проект» оказался удачным — «Таганка» с первых же дней стала самым популярным театром Москвы. Каждый новый спектакль, поставленный Любимовым, становился событием. За «Добрый человек из Сезуана» были «Антимиры» по произведениям Андрея Вознесенского, «Десять дней, которые потрясли мир» Д. Рида («Безобразия! Как так можно про революцию!» — такими были отзывы на этот спектакль, но зал, как обычно, был переполнен), «А зори здесь тихие», «Гамлет», «Дом на набережной» — всего более 30 постановок. В 1977 году Любимов рискнул поставить «Мастера и Маргариту» по роману Михаила Булгакова (27 апреля 2002 года этот спектакль был сыгран в тысячный раз). «...В этом представлении, где так много магических „чудес“ и превращений и не присутствует дух конкретного историзма, увы, не удаётся срастить, уравнивать на правах большой правды то, что рождено страстью, болью сердца и искренностью художника, с суетной и мелкой, словно подачка на зрительскую бедность, игрой в „остроту“. Режиссёрская магия тут бессильна», — так отзывалась «Правда» об этой работе Юрия Любимова. Поставить спектакль по роману «нелюбимого» властью Булгакова — это был вызов, и такой отзыв главной партийной газеты вовсе не случаен. Конечно, журналист «забыл» упомянуть о восторженной реакции публики, о том, что билеты на «Мастера и Маргариту» достать было невозможно и что эта постановка была признана классикой мирового театрального искусства. Но этот спектакль власти всё-таки разрешили играть. А вот «Театральный роман» по тому же Булгакову запретили не то что показывать зрителям, — даже репетиции нельзя было проводить. Это случилось в 1983 году; к этому времени стало ясно, что Любимову работать на Таганке не дадут. С запретами «Таганка» сталкивалась уже не в первый раз — ещё в 1968 году чиновники из Министерства культуры не разрешили играть спектакль «Живой» по пьесе Бориса Можаяева. Тогда это воспринималось как единичный случай, но в начале 80-х спектакли стали запрещать один за другим. В 1981 году Театр на Таганке поставил спектакль «Владимир Высоцкий», который был сыгран всего один раз, 25 июля, в годовщину смерти поэта, после чего был снят с репертуара. Такая же судьба постигла постановки «Берегите лица» и «Борис Годунов». Противостояние режиссёра и власти могло решиться только двумя путями — либо Юрий Петрович подчиняется и ставит «правильные», по мнению власти, спектакли (а этого не могло быть в принципе), либо...

Любимов всегда работал на грани фола, постоянно находясь в конфликте с властью. «Театр на Таганке стал островом свободы в несвободной стране», — сказал однажды писатель Натан Эйдельман. Естественно, что власть в несвободной стране очень не любит такие «острова». «Таганку» много раз пытались закрыть под любым предлогом, хотели даже снести само здание. Однажды приехал специальный кран с большим металлическим шаром на стреле, которым в те времена обычно ломали ветхие строения. «Если хотите, ломайте! Но вместе с нами!» — заявили артисты. «Спас» «Таганку» Ленин, который когда-то выступал в этом здании, в честь чего на фасаде была установлена памятная доска. Здание театра сломать не рискнули, и тогда решили сломать судьбу режиссёра...

В 1984 году Юрию Любимову разрешили выехать в Великобританию для постановки «Преступления и наказания» Достоевского в лондонском театре «Лирик». Те, кто был хорошо знаком с советской системой, понимали: назад режиссёра, скорее всего, не пустят. Так и случилось. В Англии Юрий Петрович дал несколько интервью западным журналистам, после чего он был снят с должности художественного руководителя Театра на Таганке, а 11 июля того же года вышел указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении Юрия Любимова советского гражданства.

О том, что пришлось пережить режиссёру в первые моменты пребывания за границей, он рассказывал в интервью газете «Ваш досуг»: «В пенсионном возрасте, в 63 года, с маленьким ребёнком на руках, без имущества попасть за границу! В тот мир, о котором мы вообще ничего не знали. Последние деньги отдал посольству. Там всё не могли понять: вроде знаменитый человек, а у него нет денег. Как это? Что он, пьёт, наркоман?! Мне на первых порах очень сильно помог Слава Ростропович, который только что прошёл ту же мясорубку. Ему было легче, у него другая профессия. Я же не могу концерты давать. Максимум могу три спектакля за год осилить».

К тому же даже такому гениальному режиссёру, как Любимов, было невероятно трудно сразу найти себя в новой обстановке, в условиях, где он был оторван от привычной среды и актёров, с которыми проработал двадцать лет. В работе с артистами своего театра Юрий Петрович всегда руководствовался принципом Станиславского: «Актёры — шельмы, им верить нельзя, если хотите поставить хороший спектакль». «С актёрами надо обходиться очень жёстко, — рассказывал режиссёр в интервью „Комсомольской правде“. — Есть табель о рангах, и без неё жизни не бывает. А превратное понимание свободы приводит к хаосу, что мы и продемонстрировали — всё развалили, впали в нищету и теперь с трудом выбираемся из неё». На Западе же традиции отношений между художественным руководителем театра и артистами несколько иные, более демократичные.

Но Любимов не был бы Любимовым, если бы сдался и не продолжил заниматься делом своей жизни.

Его спектакли шли в лучших театрах Англии, Франции, США и других стран. По приглашению Ингмара Бергмана в Стокгольмском Королевском драматическом театре Любимов поставил спектакли «Пир во время чумы» и «Мастер и Маргарита». Позже по указу Его Величества короля Швеции Карла XVI Густава Юрию Любимову была присвоена одна из высших наград страны — Командорская степень Королевского ордена Полярной Звезды.

Между тем новым руководителем Театра на Таганке был назначен Анатолий Исаевич Эфрос — человек, столь же известный в театральном мире, как и Любимов. В чём-то судьба двух великих режиссёров схожа. Любимов поднял из руин «Таганку», Анатолий Эфрос почти в то же время возродил славу Театра имени Ленинского комсомола, знаменитого «Ленкома». Обоим всегда «доставалось» от власти — Любимову за то, что он языком театра говорил что хотел, а Эфросу — за его аполитичность и нежелание ставить «заказные» спектакли. «Кто-то славословит большевиков, кто-то критикует. А Эфрос большевиков просто не замечает», — так однажды сказал об Анатолии Исаевиче один из критиков.

В 1967 году Анатолия Эфроса изгнали с должности художественного руководителя «Ленкома». Вместе с ним в Московский драматический театр на Малой Бронной ушли многие актёры, преданные своему режиссёру. Но власть на этом не успокоилась: два спектакля, «Три сестры» А. Чехова и «Обольститель Колобашкин» Э. Радзинского, которые Эфрос хотел поставить на сцене нового театра, были запрещены. Из-за чего Анатолий Эфрос «заработал» первый инфаркт. И решил побережиться, обратившись к классике театра: Шекспиру, Мольеру, Гоголю. Несмотря на то что материал, на котором работал Эфрос, был давно известен, каждая его новая постановка становилась сенсацией, новым словом в театральном искусстве. Постепенно опала с Эфроса была снята, а коллеги единодушно признали его классиком режиссуры.

Когда Любимов остался за границей, Анатолию Эфросу предложили возглавить Театр на Таганке. Эфрос согласился, ему казалось, что так он сможет спасти Театр, оставшийся без режиссёра. Однако у многих, и прежде всего у Любимова, этот шаг вызвал возмущение. В 60-х Юрий Петрович приглашал Эфроса, фактически оставшегося без работы, в свой театр. Затем уже Анатолий Исаевич предложил Любимову главную роль в телепостановке пьесы «Мольер» М. Булгакова. Но теперь театральная солидарность была забыта. Любимов в одном из интервью назвал Эфроса «штрейкбрехером», считая, что тот «покусился на то, что ему не принадлежит», хотя Эфрос относился к наследию Любимова очень бережно и принципиально не взял в труппу никого из актёров, с которыми прежде работал в Театре на Малой Бронной. Многие из звёзд «Таганки» охотно работали с Эфросом, но были и те, кто демонстративно не признавал нового режиссёра. Вокруг Анатолия Исаевича вскоре выросла стена отчуждения, его травили те, кто, к сожалению, не понимал мотивов поступка режиссёра. И сердце его не выдержало. 13 января 1987 года, не дожив до 62 лет, Анатолий Эфрос скончался...

Театр на Таганке вновь остался без художественного руководителя. Новым главным режиссёром стал один из учеников Юрия Любимова Николай Губенко. Казалось, что тяжёлые времена в истории «Таганки» скоро закончатся и театр вновь станет таким, каким он был прежде. Политическая обстановка в стране изменилась, наступил период если и не полной, то хотя бы относительной свободы. Главным из условий своего прихода на должность художественного руководителя Николай Петрович Губенко ставил возвращение в театр Юрия Любимова. И в 1988 году Мастер вернулся в Москву. Через год режиссёру было возвращено советское гражданство, а на афишах Таганки снова появилась знакомая всем надпись «Художественный руководитель — Юрий Любимов».

То, что произошло дальше, непосвящённому человеку трудно понять и объяснить. Между учителем и учеником — людьми, которые, как казалось, до конца своей жизни будут отдавать себя любимому театру, — назрел конфликт, найти выход из которого так и не удалось. Мы не будем разбираться, кто прав, а кто виноват в случившемся. Только с сожалением констатируем итог — в 1993 году Театр на Таганке распался на два отдельных театра. Часть труппы осталась с Любимовым, другая, и довольно значительная, ушла за Николаем Губенко во вновь созданный театр «Содружество актёров Таганки».

Разломали старую Таганку, Подчистую, всю, ко всем чертям... Что ж, шофёр, давай назад крути-верти свою баранку. Так ни с чем поедем по домам...

Когда Владимир Высоцкий писал эти строки, он, естественно, не мог знать, что случится с театром, в котором он проработал всю жизнь. Но строки, к сожалению, оказались пророческими — Театр на Таганке разделили по живому. Время от времени предпринимались вялые попытки объединения, но все они оказались безуспешными. Что дальше будет с «Таганкой», какая судьба ждёт великий театр? Хочется верить, что и другие слова Высоцкого окажутся пророческими и будут актуальными всегда: «Есть за чем ехать на Таганскую площадь. Там есть театр. Называется он ТЕАТР НА ТАГАНКЕ».

«Что? Где? Когда?»

«Как-то зашёл в Дом игрушки, чтобы купить что-нибудь в подарок моему приятелю трёх лет от роду. Увидел волчок с прыгающей лошадкой и купил сразу два, второй — себе. Играл, не выходя из дома, дней десять...». Оказывается волчок с лошадкой — очень увлекательная игра. Владимир Ворошилов — серьёзный занятый человек, работник Центрального телевидения, а играл с волчком, словно ребёнок. А вслед за ним за скачущей по кругу игрушечной лошадкой стала смотреть вся страна...

Для современного телезрителя различные викторины стали настолько привычными, что трудно представить себе времена, когда таких программ не было в эфире. Количество передач, где в той или иной степени демонстрируются интеллектуальные способности их участников, на отечественном телевидении исчисляется десятками, а в мировом масштабе — и вовсе сотнями, а может быть, и тысячами. Между тем игровой жанр возник на телевидении не сразу и, в общем-то, случайно. В конце 50-х передачи британского телевидения выходили, в основном, в прямом эфире. Паузы между программами растягивались на несколько минут, а заполнить их было нечем, реклама в те времена на телевидении была не столь назойлива, как сейчас. В Советском Союзе, например, решали эту проблему с помощью тикающих на экране часов или статичных заставок с цветами. Но британские телевизионщики пошли другим путём. Некий Марк Гудсон предложил заполнять паузы быстрыми играми, в которых игроки отвечали на вопросы ведущего. Нововведение оказалось настолько удачным, что вскоре выяснилось — эти коротенькие программы собирают едва ли не большую аудиторию, чем другие передачи. Естественно, что продюсеры ухватились за эту идею, число таких программ стало расти, и скоро в мире возникла целая индустрия игровых телепередач. В СССР первой передачей подобного рода был «Вечер весёлых вопросов» (ВВВ) — предшественник знаменитого КВН. Однако и ВВВ, и КВН были передачами сугубо развлекательными, и вопросы, при ответе на которые нужны были конкретные знания, звучали эпизодически. В западном телеэфире уже давно существовала масса программ, строившихся по принципу: «вопрос телевидения — ответ зрителя», тогда как на советском телевидении ничего подобного не было. Пока наконец 4 сентября 1975 года в эфир Центрального телевидения не появилась «Семейная викторина „Что? Где? Когда?“».

Волчок в эфире тогда ещё не вертелся, да и сама программа была совершенно не похожа на ту, которую мы привыкли видеть сейчас. Участниками передачи были две обычных московских семьи — Ивановых и Кузнецовых. Первая часть снималась в гостях у одной семьи, вторая — у другой. Эти части соединялись в одну программу. Всего каждой семье было задано 11 вопросов. В таком формате в 1975 году вышла всего одна программа.

На следующий год семейная викторина превратилась в «Молодёжный клуб „Что? Где? Когда?“». 24 апреля 1976 года вышла, по сути, новая программа. В студии появился тот самый знаменитый волчок. Но указывал он не на конверт с вопросом, а на игрока, которому предстояло ответить на вопрос телезрителя. Перед ведущим лежала стопка из 16 вопросов, которые он брал поочерёдно. Жюри, членами которого были академик АМН СССР О. В. Бароян, член-корреспондент АН СССР В. О. Гольданский и писатель Д. С. Данин, оценивало ответы знатоков. Времени на размышление у игроков не было. Если знаток отвечал правильно, то получал в качестве приза книгу, за семь правильных ответов полагался комплект книг. Ведущим программы, вышедшей в 1976 году всего один раз, был Александр Масляков, а игроками — студенты механико-математического, психологического и исторического факультетов МГУ.

Поиски и эксперименты продолжались. В 1977 году Александра Маслякова сменили четыре закадровых голоса — Владимира Ворошилова и сотрудников молодёжной редакции ЦТ Андрея Меньшикова, Светланы Бердниковой и Зои Араповой. Поменялись и правила, теперь игра стала командной. Стрелка волчка определяла вопрос, на который предстояло ответить знатокам, появилась минута обсуждения. В отличие от современной версии «Что? Где? Когда?», знатоки играли до первого не взятого вопроса, после чего шестёрка игроков покидала стол, освобождая его для других знатоков.

С 1978 года «Что? Где? Когда?» занимает постоянное место в эфире Центрального телевидения. Основным ведущим программы становится Ворошилов. Однако телезрители об этом не знают. В те времена Владимиру Яковлевичу на экране появляться не разрешали: не нравился он телевизионным начальникам. Но этот запрет, как ни странно, пошёл на пользу программе, позволив её создателям заинтриговать зрителя. Кто же этот «таинственный ведущий», кто скрывается под маской «инкогнито из Останкино»? Ответы на эти вопросы были самыми разными и неожиданными. Долгое время народная молва приписывала закадровый голос в «Что? Где? Когда?» известному юмористу Аркадию Арканову. И только 23 апреля 1980 года в передаче впервые прозвучала фраза: «Вёл программу Владимир Ворошилов».

Сейчас отбоя от желающих поиграть о «Элитарном клубе „Что? Где? Когда?“» нет отбоя, а в конце 70-х создателям программы приходилось самим разыскивать игроков. Занималась этим Наталья Стеценко, одна из авторов программы, причём делала она это просто и эффективно. Наталья

приходила в вузы и обращалась в комсомольский комитет: «Нам нужны способные студенты для участия в интеллектуальной телеигре». Таким незамысловатым образом был найден, например, Александр Бялко, один из самых лучших и популярных игроков «Что? Где? Когда?», ставший в 1981 году первым обладателем почётного приза клуба — «Знака совы».

Похожая ситуация сложилась и с вопросами для игры. С начала 80-х годов письма в редакцию «Что? Где? Когда?» приходили мешками. Центральное телевидение, по выражению Натальи Стеценко, «буквально задыхалось от писем», и в итоге работники передачи вынуждены были сами забирать письма в почтовом отделении. Но для самых первых программ вопросов не хватало, авторам передачи приходилось выискивать их в письмах, приходивших в другие редакции, или же придумывать самим, используя в качестве «зрителей» имена и фотографии знакомых.

До 1982 года съёмки «Что? Где? Когда?» проходили в баре Останкинского телевидения. В 1982-м программа переехала в старинный особняк на улице Герцена, в дом № 47, где размещался учебно-методический центр московского горкома комсомола по организации свободного времени молодёжи, а через шесть лет съёмки «Что? Где? Когда?» стали проходить в Центре международной торговли на Красной Пресне. С 1990 года игры элитарного клуба проходят в Охотничьем домике в Нескучном саду — памятнике архитектуры, построенном в XVIII веке на территории усадьбы князя Никиты Трубецкого.

С начала 80-х годов «Что? Где? Когда?» становится одной из самых популярных и любимых зрителями программ советского телевидения. «Вопрос — ответ, вопрос — ответ» — старый рецепт успеха, опробованный на Западе, и в СССР он сработал на все сто. Однако вряд ли можно объяснить невероятный успех передачи только лишь её интеллектуальной и игровой составляющими. Зрителя привлекала необычность программы. «У нас таких передач на телевидении не было, — делился своими впечатлениями о „Что? Где? Когда?“ известный актёр и главный режиссёр театра „Сатирикон“ Константин Райкин. — У нас и потом таких передач не было. Я даже передачей не могу её назвать, это открытие некое. Это как раз тот случай, когда телевидение становится искусством в самом полноценном смысле этого слова. А сколько лиц было открыто благодаря игре! Народными героями стали интеллектуалы. Не только футболисты, не только хоккеисты. Люди, которые больше знают, лучше соображают. Потрясающе! Какая-то шкала ценностей сменилась благодаря этой передаче. Она делала и делает гигантское дело».

Ворошилов и его коллеги не стояли на месте. Казалось бы, есть устоявшаяся популярная программа, зачем нужны эксперименты? Однако именно застой и статичность найденного однажды образа погубили многие, даже самые популярные, телепередачи. Понимая это, авторы «Что? Где? Когда?» постоянно искали всё новые и новые изюминки для программы. В 1979 году в передаче впервые появляется музыкальная пауза. Простой, вроде бы, элемент, необходимый для заполнения временного промежутка между вопросами. Но музыкальная пауза становится неотъемлемой частью программы. В те времена «Что? Где? Когда?» была одной из немногих передач на советском телевидении, где зритель мог увидеть клипы зарубежных исполнителей. С 1982 года в клубе возникла традиция приглашать на игру известных отечественных артистов. «Если приглашать, то только самых лучших» — в музыкальных паузах выступали Алла Пугачёва, Юрий Антонов, Константин Райкин (именно ему в 2000 году был вручён приз «Хрустальная сова» за лучшую музыкальную паузу в истории программы), Валерий Леонтьев и многие другие.

А знаменитый «чёрный ящик», впервые появившийся в 1983 году?! Можно ведь было просто вынести перед вопросом какую-нибудь невзрачную коробку, и всё. Но Ворошилов не был бы Ворошиловым, если бы не обставил эту процедуру с соответствующим антуражем. Безукоризненно одетый человек в белых перчатках (это, кстати, вызвало недовольство телена начальников, усмотревших «преклонение перед западным образом жизни») под музыку выходил в студию с роскошным ящиком, изнутри оббитым красным бархатом. И зритель невольно проникался интригой: «Что же там?». За 30 лет существования программы в «чёрном ящике» побывала масса предметов, порой самых неожиданных: мыло, коровий череп, дирижёрская палочка, туалетная бумага, свадебное платье, пух от перины, шпоры, кирпич, головка сыра, кочан капусты, купальник-бикини, баночка с мочой, будильник и даже живая бабочка.

Надо сказать, что отнюдь не все эксперименты Владимира Ворошилова вызывали однозначную реакцию знатоков и телезрителей. Когда в 1991 году на столе в качестве приза появились деньги (нетрудно догадаться, что Ворошилов был первым на советском телевидении в подобном начинании, как и во многом другом), многие посчитали, что коммерциализация и меркантильный интерес могут убить программу. Это сейчас вознаграждение игрока за его знание является вполне обыденным и даже обязательным атрибутом любой телевикторины, а тогда идея с деньгами вызвала немало споров. Редакция получала письма, в которых зрители грозились перестать смотреть «Что? Где? Когда?», если деньги снова будут появляться в студии. Но Ворошилов знал, что делал. Фраза «Интеллектуальное казино — единственное место, где можно заработать деньги своим собственным умом» стала едва ли не крылатой, а зрители привыкли, что «ведущий» стал «господином крупье». Не случайно ведущего «Что? Где? Когда?» коллеги называли Художником телевидения. Он всегда точно улавливал момент, когда программу надо изменить, придать ей новую драматургию. Когда

«Что? Где? Когда?» на определённом этапе стала слегка «пробуксовывать», терять популярность, Владимир Яковлевич без колебаний пошёл на новый эксперимент. Новый образ программы, деньги и самое главное — Ворошилов вышел в кадр. И «Что? Где? Когда?» моментально вернула себе прежние позиции в рейтинге популярности. Об этом говорит хотя бы количество писем, пришедших в редакцию программы: в 1990-м — 44 тысячи, в 1991-м — 64 тысячи, а в 1992-м произошёл невероятный всплеск интереса — больше 220 тысяч зрителей прислали свои вопросы.

В 2000 году состоялись юбилейные игры «Что? Где? Когда?», посвящённые 25-летию программы. В них принимали участие пять команд: знатоки 70-х, 80-х, 90-х годов, сборная Интернета и команда детей знатоков. Ворошилов и здесь остался верен себе — не просто игра, не просто юбилей, а интрига, борьба не на жизнь, а на смерть. «Перед каждой программой у нас звучат слова „Что наша жизнь? — Игра“, — сказал Владимир Яковлевич перед эфиром. — А что игра, как не наша с вами жизнь?.. Вот на эту жизнь, на игру и будем играть. Будем играть на судьбу элитарного клуба. Если знатоки выигрывают юбилейные игры, то, так и быть, я попытаюсь ещё тянуть этот воз дальше. Но если знатоки проигрывают юбилейные игры, то — стоп. Я делаю жирную точку. И заканчиваю, во всяком случае, свою историю в клубе знатоков. Вот таковы наши ставки».

В финале юбилейной серии 30 декабря 2000 года команда знатоков победила телезрителей со счётом 6:5. Закрывая юбилейную серию, Владимир Яковлевич Ворошилов пообещал всем, что игра будет продолжаться, однако когда именно выйдет в эфир следующая программа — не сказал. Это была последняя передача с участием Владимира Ворошилова, 10 марта 2001 года его не стало. Кто-то считал, что со смертью Ворошилова должна закончиться и история «Что? Где? Когда?». И всё-таки возобладала другая точка зрения — продолжение программы должно стать лучшей памятью её гениальному создателю. 19 мая 2001 года «Что? Где? Когда?» вновь появилась в эфире. «Что наша жизнь? — Игра». Жизнь продолжается, а значит, будет продолжаться и Игра...

Олимпиада-80

Что же это было на самом деле? Великолепное спортивное действо, объединившее спортсменов со всех пяти континентов? Стремление показать всему миру, что Советский Союз впереди планеты всей не только в космосе и балете, но и в спорте? Праздник на фоне слёз по поводу смерти Владимира Высоцкого, самого народного барда Советского Союза? Грандиозная операция спецслужб во главе со всемогущим КГБ, с целью хоть как-то поправить изрядно испорченный имидж страны? Попытка системы любым способом растянуть агонию и отодвинуть хотя бы на время неминуемый крах?..

В 1970 году в Амстердаме состоялась очередная сессия МОК (Международного Олимпийского комитета), на которой решался вопрос о столице летних Олимпийских игр 1976 года. Москва считалась одним из наиболее реальных претендентов на проведение игр, но в итоге столице СССР предпочли Монреаль. Страна-хозяйка следующих, XXII Олимпийских игр должна была определиться в октябре 1974 года, на сессии МОК в Вене.

Советская пропагандистская машина поработала на славу. Ещё в январе 1974 года был организован оргкомитет «Олимпиада-80». «Советский спорт», главная спортивная газета СССР, ежедневно публиковала письма читателей, поддерживающих идею проведения Олимпиады в Москве. Активная кампания велась и в иностранной прессе.

За неделю до выборов олимпийской столицы в Москву приехал вице-президент МОК, князь Лихтенштейна Франц-Иосиф II. Понятное дело, в другой ситуации визит европейского монарха, не испытывающего большой любви к Советскому Союзу, просто не состоялся бы, но тогда власть готова была на всё, чтобы заполучить Олимпиаду. Франца-Иосифа встречали по высшему разряду, со всеми почестями. И усилия не прошли даром — после прилёта в Цюрих вице-президент МОК на пресс-конференции заявил, что Москва выглядит гораздо предпочтительнее, чем Лос-Анджелес — главный соперник «белокаменной» в борьбе за Игры. Это означало, что Москва имеет все шансы принять у себя XXII Олимпийские игры. К тому же у Москвы был ещё один плюс — зимние Олимпийские игры 1980 года должны были пройти в США, в Лейк-Плэсиде, а в последний раз МОК отдавал право одной стране провести две Олимпиады в один год в далёком 1936 году. За несколько дней до выборов член исполкома МОК барон Эрих фон Френкель в телеграмме поздравил председателя Моссовета Промышлова с избранием Москвы в качестве столицы летней Олимпиады-80. Фактически выборы в Вене превратились в формальность. Конечно, если смотреть только на спортивные успехи, то Советский Союз, без всяких сомнений, давно заслужил право принять у себя Олимпийские игры. Хотя уже тогда раздавались голоса против кандидатуры Москвы: мол, негоже отдавать главный спортивный праздник на откуп коммунистическому режиму. Но эти редкие в то время голоса потонули во всеобщем одобрении.

Эти игры действительно могли стать одними из лучших в истории современного олимпийского движения. Могли, но не стали... Опять своё «веское» слово сказали политики. Вообще, начиная с 1936 года проще пересчитать Олимпиады, которые не сопровождались бы политическими скандалами. В 1936-м в Берлине Гитлер и его приверженцы пытались превратить игры в демонстрацию превосходства арийской расы над всем остальным миром. Затем две Олимпиады не состоялись из-за Второй мировой войны. В 1956 году в Мельбурне и в 1968-м в Мехико советским спортсменам пришлось на себе почувствовать возмущение по поводу ввода войск в Венгрию и Чехословакию. Олимпийские игры 1972 года в Мюнхене были омрачены террористическим актом палестинской группировки «Чёрный сентябрь», взявшей в заложники членов команды Израиля. Даже в спокойной и почти нейтральной Канаде не обошлось без скандала — в 1976 году в Монреаль не приехали 32 национальных команды, протестовавших по политическим причинам.

Мы не знаем, какой была бы Олимпиада в Москве, если бы она состоялась не в 1980-м, а на четыре года раньше. И тогда отношения между двумя «супердержавами» были, мягко говоря, прохладными. Американцы, конечно, не были в восторге от того, что Олимпиада была отдана Советскому Союзу. Но для того чтобы бойкотировать такое событие, как Олимпийские игры, нужен очень серьёзный повод. В 1976-м такого повода не было. А вот в 1980-м отношения между СССР и США накалились до предела. «Цепная реакция» началась после того, как американцы разместили в Западной Европе свои ракеты, которые меньше чем за десять минут могли долететь до крупных городов в европейской части СССР. После этого в Афганистан вошёл «ограниченный контингент» советских войск.

Соединённые Штаты отреагировали мгновенно. 4 января 1980 года, через несколько дней после ввода войск в Афганистан, президент США Джими Картер в своём телеобращении заявил о бойкоте Олимпиады в Москве и призвал другие страны «свободного мира» присоединиться к бойкоту. Этот призыв, к сожалению, был услышан: Олимпиаду бойкотировали ФРГ, Япония и другие страны. Всего о бойкоте Олимпийских игр в Москве объявили более 40 государств. Правительство Великобритании, Франции и Италии также запретили своим гражданам принимать участие в «советской Олимпиаде», однако национальные олимпийские комитеты этих стран, несмотря на это, всё же решились направить спортсменов на игры в Москву, во многом благодаря усилиям Хуана

Антонио Самаранча, который во время Московской Олимпиады был избран президентом МОК. Однако англичане, французы и итальянцы выступали не под своими национальными флагами, а под общим олимпийским.

Заявление президента Картера могло ударить не только по спортсменам из капиталистических стран, но и по атлетам из стран-участниц Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ), которые в феврале 1980 года должны были участвовать в зимней Олимпиаде в Лейк-Плэсиде. Уже тогда существовала угроза, что страны соцлагеря могут «нанести ответный удар», ответить бойкотом на бойкот. Но Советский Союз и страны СЭВ, к счастью, не решились проигнорировать игры в Лейк-Плэсиде, видимо, надеясь, что бойкот будет отменён. Кстати, американцы тоже пытались спасти Олимпиаду. На 82-й сессии МОК, проходившей во время Олимпиады в Лейк-Плэсиде, руководители Олимпийского комитета США выступили с предложением об отсрочке игр или перенесении их в другое место. Однако МОК на это не пошёл, и решение о проведении Олимпиады в Москве в назначенные сроки осталось в силе.

Подготовка к Играм шла с огромным размахом, доселе невиданным в истории олимпийского движения. Специально к началу Олимпиады были построены и сданы в эксплуатацию 78 различных объектов. Некоторые решения в архитектурном плане были действительно революционными. Чего стоит хотя бы дворец спорта «Олимпийский», крыша которого без единой опоры накрывала площадь, равную четырём футбольным полям. В Крылатском были построены гребной канал, поля для стрельбы из лука, великолепный велотрек и велотрасса для шоссейных гонок. А открытый за месяц до Олимпиады спорткомплекс «Измайлово» стал крупнейшим на тот момент в Европе. Не обошлось и без курьёзов, традиционных для «советского строительного аврала». Например, при возведении нового телевизионного аппаратно-студийного комплекса «Останкино-Олимпийский» строители оставили в фундаменте... новенький бульдозер. При строительстве стен того же комплекса главный прораб неправильно определил, где север, а где юг, и в результате новое здание оказалось развёрнутым «спиной» к основному Останкинскому телецентру и проспекту Академика Королёва.

Весьма основательная работа велась и на другом, «невидимом» фронте. В Москве и других олимпийских городах проводились грандиозные облавы по выявлению тех, кто, как поётся в известной песне, «кое-где у нас порой честно жить не хочет». В стране победившего социализма не должно быть таких антисоциальных явлений, как нищие, бездомные, проститутки и политически неблагонадёжные элементы. И действительно, иностранцы не увидели их в Москве. И не могли увидеть. Любого, кто вызывал малейшие подозрения, забирали в отделение, а затем вывозили в соседние с Москвой области, за так называемый «101-й километр». Перед Олимпиадой в здании Министерства внутренних дел состоялось весьма интересное и показательное «совещание» — по приказу министра Щёлокова собрали всех крупных «авторитетов» воровского мира Москвы. Говорят, что министр лично предупредил «лихих ребят», что если в столице во время Олимпиады случится хоть одна кража, то их всех пересажают, и очень надолго. «Потом, когда это всё закончится, можете оторваться по полной программе», — добавил главный милиционер Советского Союза, в обязанности которого входило охранять имущество и покой советских граждан...

На какое-то время Москва превратилась в образцово-показательный город «европейского типа». Чуть ли не на каждом перекрёстке стоял постовой, который строго напоминал москвичам, что переходить дорогу нужно только на зелёный свет или по подземным переходам. А что творилось в магазинах! Эти три олимпийские недели стали поистине «эпохальными» в истории советской торговли. Приходя в знакомые торговые точки, москвичи и редкие гости столицы (в Москве действовал жесточайший паспортный режим, попасть в город можно было только по командировочным удостоверениям, которые выдавали в исключительных случаях) испытывали своеобразный «потребительский шок». Чешское и финское пиво, десятки сортов сыра вместо одного «универсального» сырка «Дружба», колбаса с загадочным названием «салями», запечатанная в невиданную доселе вакуумную упаковку, «Пепси-кола», «Фанта», импортные сигареты — на короткое время обычный советский покупатель мог свободно и практически без очередей купить то, что раньше было доступно только избранным в спецраспределителях.

И всё-таки Олимпийские игры — это прежде всего соревнования лучших атлетов мира. Честь зажечь олимпийский огонь была предоставлена известному советскому баскетболисту, чемпиону Олимпийских игр 1972 года Сергею Белову. Как и на любой другой Олимпиаде, у московской были свои герои, вписавшие навечно свои имена в историю спорта. Трёхкратными олимпийскими чемпионами стали гимнаст Александр Дитятин (всего он завоевал 8 медалей — 3 золотых, 4 серебряных и одну бронзовую), пловец Владимир Сальников, байдарочник Владимир Парфенович, а также три пловчихи из ГДР — Барбара Краузе, Карен Мечук и Рика Райниш. Великолепный Теофило Стивенсон, один из самых известных кубинских боксёров, в третий раз завоевал «золото» Олимпиад в тяжёлом весе. Запомнились также выступления эфиопского бегуна Мируса Ифтера, победившего на дистанциях 5000 и 10 000 метров, легкоатлета из ГДР Герда Вессига, установившего мировой рекорд в прыжках в высоту — 2 м 36 см, польского прыгуна Владислава Козакевича, улучшившего высшее мировое достижение в прыжках с шестом. Всего в Москве 5179 спортсменов из 80 стран разыграли 203 комплекта наград в 21 виде спорта. Наибольшее число

медалей завоевала советская олимпийская команда: 80 золотых, 69 серебряных и 46 бронзовых.

Был у той Олимпиады ещё один герой, едва ли не самый главный, «выступление» которого надолго запомнилось всему миру, — олимпийский Мишка, талисман Олимпийских игр, созданный замечательным детским художником Виктором Александровичем Чижиковым. Поистине, люди, способные доставить радость детям, должны быть настоящими гениями, ведь дети — самые строгие и требовательные судьи всего того, что делают взрослые. Виктор Чижиков, к счастью, был именно таким человеком.

Олимпийский Мишка — символ Московской Олимпиады. Насколько же он был обаятельнее и человечнее однообразно красивых и целеустремлённых плакатных «строителей коммунизма»! И как же история рождения талисмана Олимпиады и его дальнейшая судьба характерны для того времени! Когда он улетал в московское небо под берущую за душу песню Пахмутовой и Добронравова, даже у самых закоренелых циников на глаза наворачивались слёзы. Два миллиарда человек во всём мире следили за самой трогательной в истории Олимпиад церемонией закрытия игр. И почти никто не знал, что дальше случилось с таким милым Мишкой. А он приземлился на окраине Москвы, сбил пивную будку, до смерти напугав двух местных «дядек». Затем его на какое-то время выставили на ВДНХ, рядом с другими достижениями советского народного хозяйства (коровы-рекордсменки, монстроподобный трактор «Кировец» и олимпийский Мишка — есть чем гордиться народному хозяйству!). В то время одна западногерманская фирма предложила купить резинового Мишку за 100 тысяч марок. Наивные немцы! У советских — собственная гордость, которая не продаётся за презренные дойчмарки! Мишку с ВДНХ отправили в один из подвалов Олимпийского комитета СССР, где он стоял до тех пор, пока его... не съели крысы.

Но вернёмся назад, в 1977 год. НОК СССР объявил Всесоюзный конкурс эскизов олимпийского талисмана. Однако с талисманами, а точнее с воображением, у советских «мастеров кисти» было совсем плохо. Олимпийский комитет был завален рисунками, а конкурс шёл к «благополучному» и, казалось, неизбежному провалу. Многочисленные медведи, зайцы, ёжики и прочая живность выглядели настолько тривиально, что совершенно не подходили на роль талисмана Олимпиады.

В какой-то момент свои работы отправил и Виктор Чижиков. Прошло почти полгода. Чижиков уже отчаялся получить хоть какой-то ответ, как вдруг ему позвонили и сообщили, что его Мишка был одобрен не где-нибудь, а в самом Центральном Комитете КПСС. Мало того, когда рисунки Чижикова показали тогдашнему президенту МОК лорду Килланину, приехавшему в 1977 году в Москву, то лицо главного деятеля олимпийского движения буквально просияло от счастья. Да, это было то что нужно. Национальный русский символ, при этом и очень симпатичный.

На Западе Чижиков стал бы если и не миллионером, то, по крайней мере, очень обеспеченным человеком. Да и по советскому закону об авторских правах художнику должны были заплатить десятки тысяч рублей. Но должны — ещё не значит заплатили. Виктору Александровичу предложили подписать договор, по которому он отказывался от всех прав на своего Мишку в пользу Олимпийского комитета СССР, а вознаграждение за работу составляло... 250 рублей. Правда, чиновники потом «расщедрились», и в итоге Чижикову заплатили 2000 рублей. Да и не в деньгах дело. Представьте себе, что вы любящий и нежный родитель, а вас вдруг по чьей-то злой воле лишают родительских прав. Примерно то же самое чувствовал Виктор Чижиков...

XXII Олимпийские игры завершились 3 августа 1980 года. Многие обратили внимание на то, что во время церемонии закрытия не были соблюдены два традиционных церемониала — не исполнен гимн страны-хозяйки Олимпиады и не проведена передача олимпийского флага представителям Лос-Анджелеса, где и должны были пройти XXIII Олимпийские игры. Может быть, кто-то уже догадывался, что через четыре года будет новый бойкот, что Советский Союз «отомстит» Америке за «неполноценную» Московскую Олимпиаду. Но это случится позднее, а Олимпиада-80 на этом завершилась.

Телемосты СССР — США

Владимир Познер-старший зарабатывал до 250 тысяч долларов в год — огромные деньги по меркам 40-х годов прошлого века. У семьи Познеров было всё, о чём мог мечтать американский обыватель — шикарная двухэтажная квартира в центре Нью-Йорка, прислуга, в общем, практически всё, что можно купить за деньги. Сын, Володя Познер-младший, мог ходить в одну из самых престижных школ города. Но кроме этого, были у Познера-старшего весьма нехарактерные для Америки прокоммунистические и просоветские убеждения, и это несмотря на то, что был он сыном эмигрантов, покинувших Россию в 1922 году. Если в годы Второй мировой войны, когда СССР был союзником США в борьбе против Гитлера, это никого не пугало, то затем... Затем было знаменитое выступление Уинстона Черчилля в Фултоне (штат Миссури) 5 марта 1946 года, где он призвал страны Запада «к единению перед лицом нарастающей угрозы со стороны Советского Союза и мирового коммунизма», затем был период «охоты на ведьм», политика «маккартизма», преследования всех, кто позволял себе иметь левые взгляды. Семья Познеров сполна прочувствовала это на себе. «Многие друзья перестали нам звонить, — вспоминал Владимир Познер те годы, — так как к ним приходили из ФБР и расспрашивали о моём отце... В стране царил антисоветизм; в школе со мной дрались, потому что я не стеснялся повторять то, что говорил мой отец... Остаться в Америке больше было нельзя, и родители решили, что мы уедем во Францию». Так Володя Познер познакомился с американской действительностью.

В 1952 году семья Познеров оказалась в СССР. Володя хотел поступить на филологический факультет Московского университета. Экзамены были сданы на отлично, однако своей фамилии в списках поступивших Владимир не нашёл. Молодой человек, только недавно приехавший в Советский Союз, ещё не знал, что кроме знаний нужно иметь правильную биографию и безупречную фамилию. «Мест для вас не хватило», — сказали Владимиру в приёмной комиссии. А затем одна из сотрудниц комиссии шёпотом объяснила: «Биография и фамилия у вас подкачали». Владимир пришёл в гостиничный номер, где жила его семья, и с порога крикнул отцу: «Куда ты нас привёз! В Америке мне били морду за то, что я защищал негров, а здесь мне дали понять, что я еврей...». Так Владимир Познер познакомился с действительностью советской.

Что же так напугало членов приёмной комиссии в биографии Володи Познера? Достаточно было первой строчки: «Родился 1 апреля 1934 года в Париже». Действительно, в те годы вряд ли можно было найти абитуриента с более необычной для советского юноши биографией. Его родители официально свой брак не регистрировали, и Володя некоторое время считался незаконнорождённым. Его мама, Джеральдин, женщина решительная и независимая, увезла трёхмесячного Володю в Штаты, отец же оставался во Франции. Так продолжалось до 1939 года, когда наконец Познер-старший решил оформить свои отношения с Джеральдин и забрал семью во Францию. Но через два года, когда возникла реальная угроза гитлеровской оккупации, Познеры вынуждены были перебраться в Соединённые Штаты. Познер-старший занимал весьма значительную должность в известной кинокомпании «Метро Голдвин Майер», что позволяло семье вести безбедный образ жизни. Однако затем о роскоши пришлось забыть...

Из США семья Познеров планировала вернуться во Францию, однако французский МИД в визе им отказал. Причина всё та же — слишком уж просоветские взгляды были у Познера-старшего. И тогда семья оказалась в Берлине, в зоне советской оккупации. В 1949 году бывшему сотруднику американской «Метро Голдвин Майер» предложили место в «Совэкспортфильме». Такое внимание со стороны советского правительства к потомку белоэмигрантов было не случайным — Познер-старший на протяжении многих лет поддерживал контакты с родиной и, по некоторым данным, даже работал на советскую разведку. А ещё через три года Познеры перебрались в СССР.

В Московский университет Володя Познер всё-таки поступил, на биолого-почвенный факультет. К биологии он относился без особого рвения, и потому после окончания университета юноша, в совершенстве знавший английский и французский языки, устроился литературным секретарём к Самуилу Маршаку. Работа у знаменитого детского поэта помогла Владимиру завязать много знакомств, и после ухода от Маршака Познер оказался в созданном Агентстве печати «Новости» (АПН) на должности старшего редактора в Главной редакции политических публикаций. Одновременно он работал в рассчитанных на западную аудиторию журналах «Совет лайф» и «Спутник».

В 1970 году Владимир Познер пришёл на радио. Вполне логично, что благодаря знанию языков он попал в редакцию иновещания, в транслируемую на США и Великобританию программу «Голос Москвы». В конце 70-х годов Познеру наконец-то удалось получить разрешение на выезд за границу (до этого он был в категории «невъездных»). Он посетил Европу и США, и здесь же в Америке состоялся его телевизионный дебют. Познера пригласили в программу «Ночная линия», выходящую на телеканале ABC.

На год позже Владимира Познера, в Кливленде, штат Огайо, родился Фил Донахью. Школа, университет, и, наконец, в 1957 году Фил попал на радио, где вёл шоу «Conversation Piece». Гостями его программы были Мартин Лютер Кинг, радикальный борец за права чернокожего населения

Малькольм Икс, солдаты, побывавшие во Вьетнаме и правдиво рассказывавшие обо всех ужасах войны в джунглях. Фил сразу же заработал репутацию радикала, настолько сильную, что на некоторое время вынужден был оставить радио и устроиться на работу в банк. Вернувшись на радио в 1963 году, Донахью работал режиссёром выпусков новостей, а вскоре перешёл на телевидение, где вёл «The Phil Donahue Show» — беседы в прямом эфире с известными людьми.

Среди американских телевизионщиков долго ходила легенда, что именно Фил Донахью стал отцом жанра ток-шоу, причём совершенно случайно. Якобы во время съёмок у него закончились вопросы к гостю программы, он подбежал к одному из зрителей в студии и спросил: «У вас есть вопросы к нашему гостю?». У зрителя вопрос оказался, так и получилось ток-шоу. На самом деле ток-шоу существовали и раньше. Но Донахью вывел их на совершенно новый уровень. Зрительская аудитория «Донахью шоу» расширялась, а с ней расширялся и спектр тем, обсуждавшихся в студии. Фил всё чаще затрагивал политические темы, и как раз вовремя — в СССР грянула перестройка. Возникла идея провести телемосты между двумя супердержавами.

Почему американцы выбрали Фила Донахью в качестве ведущего первого телемоста, понять несложно. Фил — мегазвезда американского телевидения, почти двадцать лет в телеэфире, на тот момент его программа считалась самым популярным ток-шоу Америки. Выбор же Владимира Познера как соведущего с советской стороны был не столь однозначным.

Идея провести телемост между американским и советским городами была не нова. Ещё в 1982 году состоялся первый телемост СССР — США, связавший Москву и Лос-Анджелес. И тогда-то одним из ведущих был Владимир Познер. Собственно говоря, это был его дебют на советском телевидении, до этого Познера из-за пресловутых фамилии и биографии в телеэфир не пускали.

Заинтересованность была обоюдной. Причём если советской стороной руководили идеологические мотивы, желание показать американцам новый Советский Союз, не угрожающий их домам ядерными ракетами, то у американских телевизионщиков идеология стояла на последнем месте. Главное — рейтинг, заинтересованность рекламодателей, а значит, прибыль. Не прогадали ни те ни другие. Резонанс по обе стороны океана был огромным.

Первый телемост связал Ленинград и Сиэтл. Это был настоящий прорыв, казалось, что после долгих лет молчания и запретов теперь можно говорить обо всём. Сто человек, собравшиеся в студиях Ленинграда и Сиэтла, говорили о самых острых социальных проблемах. Даже для американцев такая откровенность была в новинку, что уж говорить о советском зрителе. Конечно, большинство обсуждаемых тем касались советской действительности — перестройка и гласность, новый советский генсек и новая внешняя политика Советского Союза, война в Афганистане, свобода печати, диссиденты. Вопреки распространённому заблуждению, телемост в СССР показали в записи, а не в прямом эфире, вместо трёх часов окончательный вариант программы был сокращён до одного часа пятнадцати минут. Но связано это было скорее не с цензурными мотивами (хотя самые «острые» моменты всё-таки вырезали), а с трудностями синхронного перевода. Первый телемост вызвал такую бурю откликов, что им заинтересовались на самом верху. «Судьбу телемоста определяли Горбачёв и Яковлев, — вспоминал Владимир Познер. — Если бы вердикт был отрицательным, наверняка вся наша команда лишилась бы работы».

Спустя некоторое время в эфир вышел второй телемост. В студиях Бостона и Ленинграда собрались женщины. Именно во время этого телемоста прозвучала одна из самых знаменитых фраз перестроечных времён. В какой-то момент речь зашла о том, кто избран в законодательные органы обеих стран. С советской стороны прозвучало, что в Верховном Совете большинство составляют рабочие, на что Фил Донахью ответил, что в американском Конгрессе четыре пятых мест занимают юристы. После этого разговор коснулся представительства женщин. «Как у вас обстоят дела с сексом?» — спросила одна американка. На что последовал ответ «А секса у нас нет!». Женщина, сказавшая это на весь мир, имела в виду нечто другое, но окончание её фразы потонуло в хохоте сидевших в студии участников программы. Познер пытался исправить ситуацию, мол, это шутка. Но фраза запомнилась и осталась в истории как один самых знаменитых телевизионных «перлов».

Конечно, не только «отсутствием секса в СССР» запомнились телемосты СССР — США. Они не просто заинтересовали зрителей по обе стороны океана, — телемосты стали символом совершенно новых взаимоотношений между Америкой и Советским Союзом, символом окончания «холодной войны»...

Толстые журналы

«Журнал (франц. journal, первонач. — дневник), печатное периодическое издание. Первым журналом считается „Журналь де саван“ („Journal des savants“, Франция, 1665)». Так определяется слово «журнал» в Советском энциклопедическом словаре. Наверное, подобное объяснение даётся этому слову в энциклопедиях и словарях других стран мира. Но что такое «толстый журнал»? Как может перевести, например, англичанин, словосочетание «fat magazine» или «fat journal»? Естественно, без знания советских реалий такое выражение для иностранца выглядело полной бессмыслицей. Между тем каждый советский интеллигентный человек (или причислявший себя к таковым) прекрасно понимал, что такое «толстый журнал». «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Иностранная литература» — это были не просто журналы с определённым набором текстов, не только источник информации, это был особый пласт культуры, некая привилегия свободы в несвободной стране.

В Российской империи первый журнал появился в 1728 году. Из печати вышло приложение к газете «Санкт-Петербургские ведомости» — «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях». А в XIX веке появились первые литературные журналы — «Вестник Европы», «Русское богатство», «Отечественные записки», «Современник», «Русская мысль».

В те времена существовал особый культ литературного журнала, ритуал подготовки к чтению и непосредственно чтения. Начиналось священнодействие с того, что лакей на шикарном подносе приносил в читальную комнату пахнущий краской журнал. Специальным ножичком для резки бумаги барин сам разрезал края страниц. Эту процедуру нельзя было доверять даже самому верному слуге, её следовало выполнять только самому; многие, кроме этого ножичка и столовых приборов, никакого другого инструмента за свою жизнь в руках и не держали. А дальше начиналось погружение в чтение. И главным-то было не само чтение, не содержание того или иного романа или поэмы и даже не удовольствие от прочитанного. Ощущение своей причастности к культуре и политике, осознание того, что Россия, со всеми её недостатками, крепостным правом и глухой безграмотностью большей части населения, всё-таки находится в пределах культурной просвещённой Европы, а не вне их. «Что там Пушкин, что этот сукин сын написал? Хорош, хорош, bravo! Можем ведь мы, русские, — когда захотим!». Хотя зачастую барин, живущий в самом центре России, в Рязанской или Владимирской губернии, по-русски читал и писал с трудом, предпочитая «языку черни» благородный французский.

Во второй половине XIX века литературные журналы стали менее элитарными. Изменился и контингент читателей. Часть помещиков была озабочена устройством своего быта после крестьянской реформы, а другая часть занята проматыванием состояний и имений. На первый план в культурной жизни Российской империи вышла разночинная интеллигенция — новая буржуазия, адвокаты, студенты и преподаватели университетов. И хотя цензура работала не покладая рук, именно литературные журналы, наряду с некоторыми газетами, были единственным источником свободного слова и мысли в стране.

После революции казалось, что «толстые» журналы обречены как «чуждое пролетариату явление». Но нет, как только страна пришла в себя после Гражданской войны и начала налаживать нормальную жизнь, один за другим стали появляться и новые литературные журналы. В мае 1924 года вышел в свет первый номер журнала «Октябрь», печатного органа Московской ассоциации пролетарских писателей (МАПП). В создании «Октября» принимали участие А. Фадеев, А. Серафимович, Д. Фурманов, М. Шолохов, М. Светлов. Несмотря на «пролетарскую» направленность, в журнале печатались самые разные авторы: В. Маяковский, А. Платонов, С. Есенин, Ю. Олеша, М. Зощенко, М. Пришвин, А. Гайдар, К. Паустовский. Помимо отечественных писателей, «Октябрь» публиковал и произведения иностранных писателей: Л. Фейхтвангера, В. Бределя, Р. Роллана, А. Барбюса, Т. Драйзера, М. Андерсена-Нексё, Г. Манна. До определённого момента «Октябрь» считался журналом лояльным или, по крайней мере, не конфликтующим с властью. Однако в середине 70-х ситуация изменилась — в «Октябре» были напечатаны остросоциальная повесть «Печальный детектив» В. Астафьева и роман А. Рыбакова «Тяжёлый песок». Это, понятное дело, вызвало критику со стороны партийных идеологов, однако «Октябрь» и в дальнейшем продолжал публиковать на своих страницах «нелюбимых» властью писателей, таких как А. Адамович, Г. Ахмадулина, Г. Бакланов, Б. Васильев, А. Вознесенский, Ф. Искандер, Ю. Мориц, Ю. Нагибин. В начале перестройки журнал одним из первых напечатал публицистические работы А. Сахарова, нашумевшие документальные повести Д. Волкогонова «Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина» и «Лев Троцкий. Политический портрет», ранее запрещённый советской цензурой «Реквием» А. Ахматовой. В конце 80-х годов «Октябрь» стал первым в СССР журналом, вышедшим из ведомственного подчинения и зарегистрированным как независимое издание.

В 1931 году появился ещё один лидер среди советских литературных журналов — «Знамя» (до 1933 года он был известен как «Литературное объединение Красной Армии и Флота» (ЛОКАФ)). Журнал изначально ориентировался на военно-историческую проблематику, и не случайно именно в «Знамени» были впервые опубликованы такие вещи, как «Падение Парижа» И. Эренбурга, «Зоя»

М. Алигер, «Сын» П. Антокольского, «Молодая гвардия» А. Фадеева, «В окопах Сталинграда» В. Некрасова, военная проза В. Гроссмана, Э. Казакевича. В середине 50-х «Знамя» начинает перестроечные годы, когда «Знамя» возглавил писатель-фронтовик и общественный деятель Григорий Яковлевич Бакланов, журнал стал одним из самых передовых органов либерализма в СССР. «Знамя» вернуло читателю забытые и запрещённые произведения М. Булгакова, Е. Замятина, А. Платонова, напечатало «Воспоминания» А. Сахарова.

«Толстый журнал был особым журналом для интеллигенции. То, что было напечатано в толстом журнале, обладало знаком качества. Если это выходило не сразу и задерживалось цензурой, то качество увеличивалось во много раз, — сказал однажды Эдвард Радзинский. — ...Для меня был особняком „Новый мир“, потому что он был самый бунтующий». Действительно, известный писатель и телеведущий не одинок в своём мнении. Журнал «Новый мир» в 50-60-х годах стал символом если и не бунта, то, по крайней мере, сопротивления официальному догматизму в литературе, оставшемуся со сталинских времён; журнал был, как говорили тогда, «цитаделью оттепели и либерализма в СССР».

История «Нового мира» началась в 1924 году, когда главный редактор газеты «Известия» Ю. М. Стеклов предложил создать ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал на базе издательства «Известия». Руководили «Новым миром» нарком просвещения СССР А. Луначарский и Ю. Стеклов. В 1926 году пост главного редактора занял литературный критик В. Полонский, а в 1931 году руководство перешло к главному редактору «Известий» И. М. Гронскому. Вскоре «Новый мир» впервые пошёл наперекор власти, опубликовав несколько произведений опального писателя Бориса Пильняка. В 30-е годы власть такого вольнодумства не прощала — в 1937 году Гронский был смещён с поста главного редактора «Известий» и «Нового мира», а вскоре был арестован. Его должность занял В. П. Ставский, которого в 1941 году сменил В. Р. Щербина.

После войны журнал возглавил известный писатель Константин Симонов. А в 1950 году в «Новый мир» пришёл человек, которого можно самого смело назвать символом эпохи и под руководством которого «Новый мир» стал самым популярным литературным журналом в СССР, — Александр Твардовский, четырёхжды награждённый (в 1941, 1946, 1947, 1971 годах) Государственной премией СССР. Но не в званиях дело, не этим был знаменит Александр Трифонович. Василий Тёркин, персонаж одноимённой поэмы Твардовского, стал, по сути, народным героем. Илья Муромец боролся с Соловьём-разбойником, Александр Невский разбивал ливонцев и тевтонцев на льду Чудского озера, а Тёркин в огне не горел, в воде не тонул и бил фашистов и едким словом, и пулей. Однажды великий Борис Пастернак на одном из редакционных заседаний взял без особого интереса поэму молодого автора Александра Твардовского «Страна Муравия». И вдруг замер, вчитался, а затем встал и со словами «Да о чём говорить? Это же гений!» ушёл, взяв с собой рукопись. А Иван Бунин, на дух не переносивший всё советское, а особенно советскую литературу, дал восторженную рецензию на «Книгу про бойца». В общем, Александр Трифонович пользовался уважением коллег по писательскому цеху, был любим читателями и при этом, до определённого момента, обласкан властью.

В последнем номере «Нового мира» за 1953 год появилась статья Владимира Померанцева «Об искренности в литературе», в которой автор «впервые подверг критическому разбору недостатки советской литературы послевоенного периода». Эту публикацию можно назвать началом «золотого века» советских «толстых» журналов. Как «Аврора» дала свой знаменитый залп, так и «Новый мир» впервые напечатал то, о чём раньше говорить и размышлять было запрещено. И власть тотчас забыла о былых заслугах и званиях Александра Твардовского. Сталин уже умер, Берия был осуждён, но дух несвободы был ещё очень крепок. В «Новом мире» были напечатаны ещё несколько острых работ Ф. Абрамова, М. Щеглова, М. Лифшица, после чего Твардовского уволили с поста главного редактора.

Через четыре года после своей отставки Александр Твардовский вернулся в «Новый мир» (в период его отсутствия журналом руководил Константин Симонов). И начался самый известный и бурный период в истории журнала, период, когда выражения «Новый мир» и «журнал Твардовского» становятся синонимами. Каждый номер «Нового мира» читатели ждали с нетерпением — все знали, что в журнале обязательно будет что-то новое, свежее, остросоциальное и интересное. И «Новый мир» периода Твардовского всегда оправдывал эти надежды.

Эпохальной в истории журнала стала публикация в 1962 году повести «Один день Ивана Денисовича» и трёх рассказов «Матрёнин двор», «Случай на станции Кречетовка», «Для пользы дела» известного ранее только по самиздатовским публикациям учителя из Рязани Александра Солженицына. После выхода номера с прозой Солженицына название журнала стало известно всей стране, даже тем, кто никогда в жизни не держал в руках «Новый мир», настолько острая полемика развернулась в обществе. В 1966 году Твардовский решился на публикацию ещё одного рассказа А. Солженицына «Захар Калита». Между тем оттепель постепенно заканчивалась. Твардовскому и его коллегам-редакторам из других журналов приходилось буквально с боем отстаивать право

публиковать произведения «неугодных» власти авторов. С каждым разом это становилось всё труднее и труднее. В 1970 году Александр Твардовский был уволен из «Нового мира» и вскоре умер.

70-е и первая половина 80-х годов — время жёсткой цензуры и «закручивания гаек». И тем не менее, иногда удавалось пробиваться сквозь стену запретов и публиковать произведения, становившиеся событием в литературной жизни. Новый всплеск интереса к «толстым» журналам возник с началом перестройки. В советское время тираж «толстых» журналов достигал миллиона экземпляров, а в 1991 году «Новый мир» вышел рекордным тиражом в два миллиона семьсот тысяч экземпляров. Тираж «Знамени» достигал полутора миллионов. И при этом оформить подписку либо купить «Новый мир» или «Знамя» в свободной продаже считалось неслыханной удачей. Журналы доставали «по благу», в библиотеках записывались в очереди, растягивавшиеся на месяцы. Как югославская мебель, австрийские сапоги и отечественные автомобили, право на честную и правдивую литературу было в Советском Союзе дефицитом.

Как и в дореволюционное время, в чтении журналов соблюдался определённый ритуал. «У читателей толстых литературных журналов ещё совсем недавно было удовольствие пойти к почтовому ящику, вынуть номер журнала, прийти домой, раскрыть и тут же узнать, где же проходит сегодня литературный мейнстрим и о чём можно поговорить вечером в гостях с кем-то или какое стихотворение прочитать милой девушке, если ты молод, — рассказывал в одном из интервью „Радио Свобода“ нынешний главный редактор „Знамени“ Сергей Чупринин. — Увы, к сожалению, к почтовым ящикам ходят всё меньше и меньше людей». Да, после 1991 года тиражи «толстых» журналов стали синхронно и с катастрофической скоростью падать. Если раньше счёт шёл на миллионы экземпляров, то в 90-е — на десятки тысяч, и это в лучшем случае. Многие полагали, что «толстые» журналы исчезнут как явление. Этого, к счастью, не произошло, однако вместе с падением тиражей упала и значимость «толстых» журналов в культурной жизни общества.

Выживут ли «толстые» журналы, станут ли популярными, как раньше, или они так и останутся культурным реликтом тех времён, когда Советский Союз считался (и вполне обоснованно) самой читающей страной в мире?

Невозвращенцы

Знаменитые фигуристы, первые советские олимпийские чемпионы в фигурном катании Людмила Белоусова и Олег Протопопов; резидент КГБ в Лондоне Олег Гордиевский; офицер Главного разведывательного управления при Генштабе Советской Армии Владимир Резун, он же Виктор Суворов, автор бестселлеров «Аквариум» и «Ледокол»; знаменитый генетик Николай Тимофеев-Ресовский; заместитель Генерального секретаря ООН, Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР Аркадий Шевченко; кинорежиссёр Андрей Тарковский; шахматист, претендент на шахматную корону Виктор Корчной; артисты балета Рудольф Нуреев и Александр Годунов; дочь Сталина Светлана Аллилуева. А кроме них, ещё тысячи других, имена которых мало кому известны. Всех этих разных по профессии, социальному статусу и образу жизни людей объединяет одно — в какой-то момент своей жизни они решили круто изменить свою судьбу и покинули «самую лучшую в мире страну», променяв её на «загнивающий Запад».

Говорят, что слово «невозвращенец» впервые возникло в лексиконе офицеров третьего управления КГБ и означало человека, который либо не возвращался домой из поездки за границу, либо тем или иным способом пересекал государственную границу и оставался на Западе. Поначалу это слово носило некий саркастический и насмешливый характер, мол, бегите, если сможете, а если и сможете, то мы вас всё равно достанем. Просматривалось даже некое звуковое сходство: «невозвращенец» — «извращенец». В сталинские времена «невозвращенцев» было, в общем-то, немного — просто потому, что за границу выезжало очень ограниченное число советских граждан. Однако со временем спецслужбам стало не до смеха — «железный занавес» хоть и оставался плотным, но всё-таки понемногу приоткрывался. Чем больше наших соотечественников отправлялись за рубеж, тем больше становилось «невозвращенцев». Бегство стало повальным. Вообще, слово «побег» применительно к людям, которые просто хотели уехать из страны, — продукт извращённой советской идеологии, но в те времена в ходу было именно это выражение, так что и нам придётся пользоваться этим термином.

В западной прессе после каждого такого случая появлялись стандартные заголовки: «Он (или она, или, если побег был коллективным, они) выбрал свободу!». В советских газетах печатались такие же стандартные небольшие заметки, в которых примерно половину текста составляли выражения вроде «изменник Родины», «предатель», «отщепенец», «прихвостень Запада» и прочие «эпитеты» подобного рода.

Наиболее болезненно воспринимались побегии крупных учёных, связанных с военной промышленностью, и разведчиков. Первые выдавали важные оборонные секреты, вторые направо и налево сдавали агентурную сеть и завербованных советской разведкой иностранных граждан. И всё-таки к этому были в определённом смысле готовы. Учёные и разведчики были хорошо знакомы с западным образом жизни, могли сравнить действительность «там» и «здесь».

Бежали из страны по-разному. Проще было тем, кому удавалось легально попасть за границу социалистического мира. Главное — оторваться от соглядатаев из «органов» и любым способом сдать властям страны, не являвшейся союзником СССР. Практически всегда беглецу предоставлялось политическое убежище, гражданство и защита от преследования со стороны «бывшей» родины. Труднее было тем, для кого за граница была недоступна. В этом случае риск был гораздо больше. Но это не останавливало, советские граждане проявляли чудеса изобретательности, чтобы вырваться из страны. Бежали в Турцию, переплывая на самодельных плотках и надувных матрасах Чёрное море. Бежали в Финляндию, неделями прячась в карельских лесах. В общем, кто как мог, способ бегства зависел от выдумки и смелости беглеца.

В рамках одной небольшой статьи рассказать обо всех «невозвращенцах», хотя бы о тех, чьи имена знала вся страна, не представляется возможным — слишком уж много их было. Потому мы остановимся на одном из самых громких и резонансных побегов из-за «железного занавеса», произошедшем во второй половине 70-х годов прошлого века.

Это был один из немногих случаев в советской истории, когда высшее партийное и военное руководство находилось в полной растерянности, настолько неожиданным был и сам этот побег, и обстоятельства, его сопровождавшие. И совершил его человек, до тех пор никому не известный и в масштабах страны малозначительный...

Днём в понедельник 6 сентября 1976 года звено истребителей-перехватчиков МиГ-25 513-й лётной эскадрильи, базировавшейся на авиабазе «Чугуевка» в 200 километрах от Владивостока, поднялось в воздух для выполнения плановых тренировочных полётов. Условия были просто идеальными — прекрасная погода, нулевая облачность и отличная видимость. Звено МиГ-25 шло параллельно океанскому побережью, когда неожиданно самолёт с номером «31» на борту резко набрал высоту, а затем так же стремительно начал снижаться. Руководитель полётов и командир звена пытались связаться с пилотом, однако ответа не последовало. В 12 часов 45 минут МиГ-25 исчез с экранов радаров службы наземного слежения...

Незамедлительно были начаты поиски пропавшего самолёта и его пилота. Никаких признаков падения истребителя в океан, вроде керосинового пятна или обломков на поверхности воды, обнаружено не было, однако на базе никто не сомневался — самолёт по неизвестной причине рухнул в океан, а лётчик, не успев катапультироваться, погиб. Вечером сослуживцы по старой лётной традиции помянули погибшего товарища...

В 13 часов 11 минут в частях японских ПВО была объявлена тревога, сразу четыре радиолокационные станции (РЛС), расположенные на острове Хоккайдо, обнаружили в 200 километрах от побережья неизвестную воздушную цель, летевшую на высоте 6700 метров со скоростью около 800 км/ч. В 13:18 с авиабазы «Читозе» на перехват вылетели два перехватчика F-4J «Фантом», однако вскоре цель исчезла с радаров, и истребители вернулись на базу. В 13:52 неизвестный самолёт был обнаружен в районе аэропорта гражданской авиации Хакодате.

Наверное, любой кинорежиссёр дорого заплатил бы за то, чтобы в тот момент вместе со своей съёмочной группой оказаться в районе аэродрома Хакодате. Без всяких дублей и репетиций получился бы лихо закрученный боевик с захватывающими дух документальными кадрами. МиГ-25 на высоте 300 метров с рёвом пронёсся над взлётной полосой. Лётчик явно намеревался садиться, однако в этот момент на взлёт пошёл Боинг-727 компании «Ниппон эйруэйз». Самолёты едва не столкнулись. «МиГ» сделал ещё два захода и наконец в 13:57 коснулся земли. Лётчик выпустил закрылки и тормозной парашют, однако длины взлётно-посадочной полосы не хватило, и истребитель выскочил на грунт. Пропахав 250 метров по земле, МиГ-25 снёс две антенны и остановился...

Служащие аэропорта бросились к самолёту. В этот момент из кабины выбрался лётчик, который выстрелил несколько раз в воздух, отгоняя любопытных, а затем потребовал немедленно накрыть его машину брезентом. Аэродром Хакодате на несколько часов был закрыт для полётов. Вскоре прибыла японская полиция, и лётчик был переправлен в ближайший полицейский участок.

На допросе пилот сообщил о том, что его зовут Виктор Иванович Беленко и что он является старшим лейтенантом ВВС СССР. Сначала пилот мотивировал свои действия тем, что он сбился с курса и из-за нехватки топлива (как показал осмотр МиГ-25, топлива в его баках оставалось всего на 30 секунд полёта) совершил вынужденную посадку в Хакодате. Однако затем Виктор Беленко попросил политического убежища в Японии. Вскоре информационные агентства разнесли по миру сенсационную новость: «Советский лётчик угнал сверхсекретный истребитель в Японию».

Ситуация была настолько неординарной, что японские власти долгое время пребывали в растерянности и не знали, что делать с самолётом и его пилотом. Помимо прочего, японцы были озабочены охраной истребителя от назойливого любопытства незваных гостей. Советские самолёты косяками ходили на границе воздушного пространства Японии в районе острова Хоккайдо, вечером и ночью с 6 на 7 сентября японские истребители около 140 раз (!) вылетали на перехват воздушных целей. Непокойно было и на земле. Возле ограды аэродрома собралась большая толпа любопытных, среди них были и люди, у которых «любопытство» является профессиональной обязанностью, — сотрудники ЦРУ, КГБ и разведок других стран.

В СССР по старой советской традиции попытались поначалу скрыть сам факт бегства Беленко. Однако западные «голоса» работали «на полную катушку», и вскоре о факте угона знало едва ли не всё население Советского Союза. В официальном заявлении советского правительства говорилось, что посадка МиГ-25 была вынужденной, и выражалось требование к японским властям немедленно вернуть самолёт и лётчика. Отношения между СССР и Японией были более чем натянутыми, после окончания Второй мировой войны страны так и не подписали мирного договора и формально находились в состоянии войны. Но идти на открытую ссору с северным соседом японцы не хотели. Япония оказалась, как говорится, между молотом и наковальней: с другой стороны всей своей мощью давил главный союзник — США.

Здесь мы сделаем отступление и перенесёмся в 60-е годы. В это время в США началась разработка суперсовременного стратегического бомбардировщика «Стратофортресс», который должен был летать на высоте и скорости, недоступной советским истребителям. В СССР об этом проекте знали, ответом на него и стал МиГ-25. Американцы в конце концов от проекта «Стратофортресс» отказались, однако в СССР МиГ-25 продолжали выпускать в больших количествах. Это действительно был лучший истребитель своего времени, правда, в западной печати его возможности, мягко говоря, были несколько преувеличены. Считалось, что МиГ-25 — это самолёт, сделанный в основном из титана, обладающий скоростью в три раза превышающей скорость звука, и дальностью полёта, недоступной для других истребителей, оборудованный уникальным радаром, позволяющим обнаруживать самолёты врага задолго до того, как это сделает противник, и мощнейшим вооружением. Понятно, что американцы пытались заполучить любую информацию о МиГ-25, однако ничем, кроме каких-то общих сведений, не располагали. И вдруг такая удача: в Японии садится МиГ-25 в полном боевом оснащении, с секретными кодами опознавания «свой — чужой» и опытейшим пилотом-инструктором. Такого шанса американцы упустить просто не могли...

Чтобы соблудности юридические приличия и при этом не отдавать Советскому Союзу Беленко и МиГ-25, японцы завели на пилота уголовное дело, инкриминируя ему «незаконное пересечение государственной границы». В этом случае, заявляя японцы, лётчик не может быть отпущен до окончания расследования, так же как и самолёт, который является вещественным доказательством. И СССР, и США обратились к японскому правительству с просьбой о совместном расследовании дела, но обе просьбы были отклонены. Однако японцы не исключили возможности привлечения к следствию иностранных «экспертов». Понятно, из какой страны были эти эксперты и что они хотели обнаружить.

Разобранный на части МиГ-25 был переправлен под усиленной охраной (транспортный самолёт, перевозивший «МиГ», сопровождали, ни много ни мало, 14 истребителей) на военно-воздушную базу Хакари. Это, а особенно участие в осмотре «МиГа» американских специалистов вызвало гнев советского правительства. 22 сентября МИД Японии получил от советского посла ноту протеста, в которой указывалось на недопустимость подобных действий, и в том случае если позиция Японии останется неизменной, отношения между двумя странами могут резко ухудшиться. И премьер-министр Японии Такео Мики вынужден был пообещать, что МиГ-25 будет возвращён в СССР. Дипломатическая перепалка продолжалась ещё около месяца, стороны выдвигали друг другу взаимные претензии, пока наконец в ночь с 11 на 12 января контейнеры с частями МиГ-25 не были переправлены в порт Хитачи на стоявший там советский теплоход.

Кто же на самом деле Виктор Иванович Беленко, и как расценивать его поступок? Предатель, продавший Родину за пригоршню долларов, или же смелый и решительный человек, который единственно возможным в его ситуации способом сумел вырваться из-за «железного занавеса»? В самом ли деле его действия серьёзно подорвали обороноспособность страны и нанесли огромный материальный ущерб народу, который его вырастил и воспитал, или же он всего лишь красиво и изящно, но очень больно «щёлкнул по носу» коммунистический режим? Даже те коллеги-лётчики, для кого Беленко однозначно является предателем, отдавали должное тому, как он мастерски сумел преодолеть систему ПВО как СССР, так и Японии. Мы не будем выносить какие-либо оценки, пусть читатель сам решает самостоятельно, какая точка зрения ему ближе.

Сам Виктор Беленко никогда не жалел о своём поступке. Естественно, что возвращаться в СССР он не собирался и через несколько дней после побега был переправлен в США, где получил статус политического беженца. В начале 80-х годов советские газеты сообщили, что Виктор Беленко погиб в автокатастрофе, однако сам «погибший» опроверг слишком преувеличенные слухи о своей смерти. Некоторое время бывший старший лейтенант ВВС СССР преподавал в одной из военно-воздушных академий, вместе с писателем Джоном Барроном написал книгу «Пилот МиГа», разбогател, стал успешным предпринимателем.

Каковы же были мотивы и причины побега советского лётчика? До определённого момента парень из простой рабочей семьи, родившийся в 1947 году в Нальчике, верил в идеалы социалистического строя и считал, что ему очень повезло в жизни: ведь он родился в Советском Союзе. Семья Беленко переехала на Алтай, где Виктор окончил школу с золотой медалью. Два года Беленко проучился в медицинском институте, но учёбу в этом вузе так и не закончил, а затем поступил в Армавирское высшее военное авиационное училище лётчиков ПВО. Во время учёбы в Армавири Виктор женился, у него родился сын. Училище Беленко закончил с отличием, затем служил в частях в Ростовской области и Ставропольском крае. Зарекомендовал себя как отличный пилот, через несколько лет службы был переведён на должность пилота-инструктора. В общем — идеальный советский лётчик, с прекрасными характеристиками, без единого тёмного пятна в биографии.

И всё-таки Беленко сбежал. Сразу после побега его желание остаться в США в СССР пытались объяснить воздействием каких-то психотропных средств, которыми якобы накачали пилота, затем появилась версия, что Беленко был завербован ЦРУ. Никакого документального подтверждения эти версии не получили. Сам Виктор Иванович в своих воспоминаниях объясняет свой поступок «несоответствием своего мировоззрения и политической системы СССР». Возможно, это и так. Незадолго до побега в биографии Виктора Беленко произошёл эпизод, который мог спровоцировать лётчика на отчаянный шаг. В училище, где работал Беленко, процветало воровство и пьянство, казённый спирт, предназначенный для обслуживания самолётов, лился рекой. Беленко выступил на собрании с критикой. Вместо того чтобы разобраться в ситуации, начальник училища Голодников направил лётчика на осмотр в психиатрическую больницу. После обследования, которое не выявило никаких отклонений в психическом состоянии офицера, Беленко вернулся в часть. Начальник училища всячески пытался выжить неугодного подчинённого, чуть ли не каждый день отправляя его в наряд. В конце концов Виктор Беленко был «сослан» на Дальний Восток. В какой-то момент он понял, что бороться с Системой невозможно, и направил свой «МиГ» на Японию...

Можно, конечно, обвинять Виктора Беленко и других «невозвращенцев» в предательстве, мол, Родину нужно любить не благодаря, а вопреки. И всё-таки... Как говорят на Востоке: «Сколько ни говори „халва“, во рту слаще не станет». Перефразируя эту пословицу по отношению к «невозвращенцам», можно сказать: «Сколько ни говори, как хорошо в стране советской жить, лучше жить в ней не станет». Рискуя жизнью и свободой, из хорошей страны, где человек чувствует

себя Человеком, бежать никто не будет...

«Есть привычка на Руси» (западные радиоголоса)

«Моя дочка говорила:

— Я твоё „бибиси“ на окно переставила». (Сергей Довлатов, «Соло на ундервуде»)

По оценкам иностранных спецслужб, в послевоенные годы в СССР около 40 миллионов советских граждан с той или иной регулярностью слушали передачи западных радиостанций, которые в народе именовались «голосами». Оценки эти, может быть, и завышены, тем более что многие радиостанции курировались как раз спецслужбами, а им, как и любой другой государственной организации, необходимо было показать правительству свою огромную значимость и жизненно важную необходимость. Но «голоса» слушали, об этом знали и на Западе, и в Советском Союзе. В 1960 году, например, зав. отделом пропаганды ЦК Леонид Ильичёв сообщил на закрытом заседании Политбюро: «В настоящее время в Советском Союзе имеется до 20 миллионов радиоприёмников, способных принимать иностранные радиостанции. Точную картину того, насколько слушаются в СССР иностранные радиостанции, в том числе „Голос Америки“ и Би-би-си, представить трудно, но имеются косвенные сведения, говорящие об определённом интересе к иностранным радиостанциям». Но дело даже не в миллионах потенциальных слушателей. Достаточно ста, ну пусть не ста, а тысячи человек, знающих правду, и дальше цепная реакция — один рассказал другому, тот своему знакомому, и вскоре правду знала вся страна. Опять вспоминается Довлатов: «Тамара Зибунова приобрела стереофоническую радиолу „Эстония“. С помощью знакомых отнесла её домой. На лестничной площадке возвышался алкоголик дядя Саша. Тамара говорит:

— Вот, дядя Саша, купила радиолу, чтобы твой мат заглушать!

В ответ дядя Саша неожиданно крикнул:

— Правду не заглушишь!..»

Так откуда есть пошла «привычка на Руси ночью слушать Би-би-си»? «Для радио нет государственных границ», — так написал в своей книге бывший генеральный директор радиостанции «British Broadcasting Corporation» (Би-би-си) Уильям Хейли. Именно британцы первыми в истории радио начали целенаправленное вещание на зарубежные страны. С 1932 года англоязычные передачи Би-би-си распространялись на территории Австралии, Индии, Южной Африки и Канады. В 1938 году появились «Арабская» и «Латиноамериканская службы», и в этом же году в эфире впервые прозвучали информационные выпуски на немецком, итальянском и французском языках. Так появилась финансируемая Министерством иностранных дел Британской империи «Внешняя служба Би-би-си».

В 1941 году «Внешняя служба» впервые провела несколько передач на русском языке. Тогда, правда, эти передачи «ушли в пустоту». После начала войны по постановлению Государственного Комитета Обороны «О сдаче жителями радиоприёмников и передающих устройств» у гражданского населения были изъяты и сданы на хранение все радиоприёмники. Когда война закончилась, большинство радиоприёмников было возвращено, появилось немало качественной трофейной аппаратуры. Об этом, естественно, знали не только в СССР, но и на Западе. А «политическая погода» между тем сильно изменилась, вчерашние союзники стали врагами. Начался период «холодной войны», в которой большое значение придавалось «войне информационной». Для иновещания открылись новые перспективы.

24 марта 1946 года радиостанция Би-би-си возобновила вещание на русском языке. Этот день и считается датой образования «Русской службы Би-би-си», которая с тех пор много лет вела регулярное радиовещание на территорию Советского Союза. Не намного отстали и американцы. Ещё в феврале 1942 года начала работу радиостанция «Голос Америки». Первоначально эта станция задумывалась как идеологический противовес фашистской пропагандистской машине, ведомой доктором Геббельсом и его подручными. С тех пор как фашизм был уничтожен, а Йозеф Геббельс, предварительно отравив своих пятерых детей, вместе с женой покончил жизнь самоубийством, изменились и задачи «Голоса Америки». Теперь основной целью вещания стали страны социалистического блока и прежде всего Советский Союз. 17 февраля 1947 года «Голос Америки» начал регулярное вещание на русском языке. Надо сказать, что «Голос», как и британская Би-би-си, изначально был правительственной организацией и находился в подчинении внешнеполитического ведомства. «„Голос Америки“ представляет всю Америку, — было записано в уставе радиостанции, — а не отдельно взятую часть американского общества, даёт сбалансированный и исчерпывающий отчёт о значимых американских социальных институтах и идеях». Действительно, передачи радиостанции рассказывали об Америке, деятельности правительства, быте простых американцев, но практически не касались советской действительности. Вообще, американские законы запрещают средствам массовой информации вмешиваться во внутренние дела других стран, и до середины 70-х годов «Голос Америки» достаточно строго следовал этим законам, сурово наказывая «самодеятельность» сотрудников. К примеру, директор европейского отделения Чарлз Маламут критически отозвался о встрече в Нью-

Йорке между госсекретарём Соединённых Штатов Джоном Фостером Даллесом и его советским коллегой Андреем Вышинским. Особенно возмутил журналиста тот факт, что Даллес пожал руку Вышинскому, бывшему генеральному прокурору СССР, человеку, которого на Западе иначе как «сталинский палач» не называли. Критика не прошла даром — Чарлз Маламут вскоре лишился своего поста.

Созданная в конце 40-х годов радиостанция «Освобождение» руководствовалась совсем иными целями и использовала другие методы. Здесь никто с советским режимом «церемониться» не собирался. В уставе радиостанции было записано, что основными её задачами являются: «Внутренние проблемы Советского Союза и „интернационализация“ демократических изменений; критика советской действительности в интересах советских людей; обсуждение советской действительности, как она есть, а не такой, как она представляется советским режимом». Концепция «Голоса Америки» и «Освобождения» принципиально отличались. Если «Голос» был прежде официальным рупором госдепартамента США, то у новой радиостанции были другие «хозяева». Официальными финансовыми источниками радиостанции «Освобождение» считались проживавшие за границей русские эмигранты и некоторые благотворительные организации. «Все мы, русские, как и другие народы Советского Союза, не намерены прекращать борьбу до полного уничтожения коммунистической диктатуры, — говорилось в первой передаче радио „Освобождение“. — Мы противопоставляем этому строю принцип последовательного народовластия, впервые провозглашённого у нас Февральской революцией». Однако никогда не было большим секретом, что эта радиостанция, позже получившая название «Свобода», создавалась и финансировалась Центральным разведывательным управлением США.

«Передаём новости — хорошие или плохие, но всегда правдивые». С такого сообщения летом 1950 года начала своё вещание на Чехословакию, а затем и на Болгарию, Польшу, Венгрию и Румынию «Радио Свободная Европа». Это же сообщение на русском языке диктор зачитал и 1 марта 1953 года, когда в эфир вышла первая программа «Радио Освобождение». Радиостанции вели откровенную антикоммунистическую пропаганду, а это, по мнению советского руководства, была уже война, пусть только информационная, но требующая ответных мер. А на войне как на войне. О том, что граждане СССР могут получать правдивую и отличающуюся от официальной точки зрения информацию, речи не шло. Отобрать все приёмники или приставить милиционера к каждому радиоустройству было нереально, так что надо было искать какой-то другой выход. И зазвучал тогда в эфире «джаз КГБ»... Так в народе прозвали вой передатчиков, выстроенных в огромном количестве вдоль западных границ СССР. Эти передатчики не транслировали новостей, не передавали музыкальных программ, в их эфире вообще никогда не было слышно человеческого голоса. Их единственной задачей было глушить западные радиостанции, чтобы советский народ «не поддавался тлетворному влиянию западной пропаганды».

Вообще по степени глушения западные «голоса» делились на «вредные» и «особо вредные». К категории «вредных», или, скажем так, «не очень желательных для прослушивания советскими гражданами», относились правительственные радиоканалы, такие как Би-би-си, «Немецкая волна» или «Голос Америки». Их обычно глушили не очень усердно, а были даже периоды (с 1963 по 1968 и с 1973 по 1980 год), когда эти радиостанции вообще не глушились и их можно было принимать на коротком диапазоне. Правда, в середине 70-х годов на «Голосе Америки» прошла реорганизация, и радиостанция формально вышла из подчинения правительству. Это сказалось на тональности программ, которые получили ярко выраженную антисоветскую направленность. Разумеется, «Голос Америки» сразу же попал в категорию «особо вредных». К таким пощады не было. «Радио Свобода», «Радио Свободная Европа» и «Голос Израиля» глушились всегда, против них работали самые мощные передатчики.

Эффект от «глушилок», конечно, был. Но полностью забить «вражьи голоса» они не могли. В наилучшем положении находились счастливые владельцы импортных радиоприёмников. Вообще, приобретение хорошего «Филипса» или «Панасоника» выводило советского человека в «высший класс» общества, ведь это было удовольствие не из дешёвых, и иметь импортный радиоприёмник считалось очень престижным. К тому же импортная аппаратура позволяла почти без помех принимать на коротком диапазоне практически все западные радиостанции. У тех же, кто мог рассчитывать только на советский приёмник (а стоили они, кстати, тоже недёшево: за приличный приёмник, «Спидолу» или, например, «Океан», нужно было отдать около 100 рублей, что в 60-70-е годы составляло среднемесячную зарплату по стране), положение было похуже. Но и в этой ситуации находили выход — умельцы вставляли специальные коротковолновые приёмники, а то и вовсе прилаживали в качестве дополнительных антенн алюминиевые ложки и кастрилы.

Кто же составлял аудиторию западных «голосов», кто именно в Советском Союзе «поддавался тлетворному влиянию» и каждый вечер упорно крутил ручки настройки приёмника, чтобы через шум эфира и вой «глушилок» поймать волну Би-би-си или «Свободы»? Прежде всего, конечно, интеллигенция. Собирались целые компании проверенных людей, которые слушали новости, а затем обсуждали их, как это было принято, на «кухонных посиделках». Весьма популярны были «голоса» и у молодёжи. Как говорилось в аналитической записке «Аудитория западных радиостанций в г. Москве», составленной по заданию Андропова и зачитанной на заседании

Политбюро в 1976 году: «С большей или меньшей регулярностью западные радиостанции слушают 80 % студентов и около 90 % учащихся старших классов средних школ, ГПТУ, техникумов. У большинства этих лиц слушание зарубежного радио превратилось в привычку (не реже 1-2 раз в неделю зарубежные радиопередачи слушают 32 % студентов и 59,2 % учащихся)». Кроме того, слушали иностранные радиостанции военные и начальники различного уровня, да, в общем-то, все, кто имел такую возможность и кому надоедала бесконечная «жвачка» советской пропаганды о «происках мирового империализма» и «успехах в социалистическом соревновании».

Старшее поколение слушателей западных радиостанций интересовалось политикой и новостями, а молодёжь, понятное дело, больше привлекала возможность послушать заграничную музыку, которую больше нигде услышать было нельзя. О «Битлз», «Роллинг стоунз» и других западных группах советский слушатель мог узнать двумя путями. Всеми правдами и неправдами из-за границы привозились единичные экземпляры пластинок, с которых затем делались модельные копии на использованной рентгеновской плёнке, как тогда говорили, «музыка на костях». Качество таких копий было «соответствующее», но уж лучше это, чем совсем ничего. А подавляющее большинство меломанов приобщалось к западной музыкальной культуре посредством «голосов». Продолжая тему музыки, стоит упомянуть имя Сева Новгородцева. Наверное, каждый, кто хотя бы раз настроил свой приёмник на волны западных радиостанций, вспомнит его. Символ эпохи, «человек-невидимка», которого никто в Союзе не знал в лицо, но его голос слышали все, кто хотя бы чуть-чуть интересовался западной музыкой.

Каким же он был «ужасным» — «отщепенец» (этот ярлык приклеивали к каждому, кто посмел покинуть СССР), «пьяница и наркоман, оставивший в Советском Союзе умирающую мать», в общем, «монстр на службе западной пропаганды». Такое впечатление Сева Новгородцев оставлял у каждого, кто читал о нём в советских газетах. А те, кто слышали его передачи на волне Би-би-си, знали, что он — свой, вполне нормальный человек, который рассказывает о западных группах, беседует с интересными людьми и ставит хорошую музыку. В 1975 году Сева Новгородцев покинул СССР, устроился на работу в «Русскую службу» Би-би-си, где вначале вёл программу о поп-музыке. Затем были легендарные «Рок-посевы», а в 1987 году впервые вышла в эфир одна из самых популярных программ за всю историю вещания в СССР под названием «Севаоборот». «Эта передача задумывалась для тех слушателей, кто вечером собирается в дружеском кругу на кухне, — рассказывал Сева Новгородцев в интервью „Комсомольской правде“. — Мы ведь сами помним, как слушали в Союзе „голоса“. Свободный разговор в открытом эфире. Гости передачи — люди разные, но обязательное условие — любопытные, нестандартно мыслящие... Начинается передача с того, что мы открываем... бутылочку хорошего вина». И сейчас, несмотря на то что такое странное понятие как «дефицит хорошей музыки» осталось далеко в прошлом, Севу Новгородцева на просторах бывшего СССР по-прежнему помнят, у его программ есть своя, пусть и небольшая, но преданная аудитория, чего не скажешь о западных радиостанциях вообще.

Не хотелось бы говорить языком советской пропаганды, но многие из советских эмигрантов, работавших на западных радиостанциях, действовали ради одной цели — свалить ненавистный коммунистический режим в СССР. Кто-то в это верил, кто-то — нет. И вдруг — свершилось! В 1988 году СССР перестал глушить западные радиостанции. А ещё через три года канули в лету и КПСС, и Советский Союз. Казалось бы, для «русских служб» настали «золотые времена» — глушилки не работают, полная свобода, говорить можно всё что хочется. А получилось-то как раз наоборот — число слушателей «голосов» в постперестроечное время резко сократилось. На первый взгляд, процесс парадоксальный, но, на самом деле, вполне закономерный. Отечественные СМИ обрушили на нас такой огромный объём информации, что необходимость в западных попросту отпала. В этом смысле очень характерную историю рассказал однажды корреспондент «Радио Свобода» Владимир Тольц. «Я помню, что я оказался в общественной столовой в Севастополе и, ожидая пока очередь подойдёт к раздаче блюд, выступал на пустом подносе позывные ВВС. И в очереди сразу несколько человек посмотрели на меня и один покрутил пальцем у головы. Совсем недавно, будучи в командировке, я повторил этот номер в другой столовой в провинциальном городе. Никто на меня не посмотрел, и только подавальщица, которая отлучилась, сказала: „Ну иду я, иду“. Времена меняются...».

XX съезд КПСС

В ноябре 1957 года, выступая на сессии Верховного Совета СССР с докладом, посвящённым 40-летию Октябрьской революции, Генеральный секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущёв сказал: «Партия боролась и будет бороться со всеми, кто будет клеветать на Сталина, кто под видом критики культа личности неправильно, извращённо изображает весь исторический период деятельности нашей партии, когда во главе Центрального Комитета был И. В. Сталин... Как преданный марксист-ленинец и стойкий революционер Сталин займёт должное место в истории».

Оттепель ещё была в самом разгаре, но Хрущёв уже задумался: «А не слишком ли быстро корабль идёт вперёд?». Чересчур уж опасен для власти воздух свободы. И Никита Сергеевич скомандовал государственной машине: «Назад!». Ещё не «Полный назад!», но и до этого было уже недалеко.

А ведь полтора года назад Хрущёв называл Сталина не просто «преступником», а едва ли не «государственным террористом». «Сталин отступил от прямых и ясных программных указаний Ленина. После того как были уже ликвидированы все эксплуататорские классы в нашей стране и не было никаких сколько-нибудь серьёзных оснований для массового применения исключительных мер, для массового террора, Сталин ориентировал партию, ориентировал органы НКВД на массовый террор... Сталин, всё более злоупотребляя властью, стал расправляться с видными деятелями партии и государства, применять против честных советских людей террористические методы». Слова эти были сказаны не где-нибудь в кругу близких или, например, на закрытом заседании Политбюро. Хрущёв разоблачал вождя с трибуны XX съезда КПСС, его слова слышали тысячи людей, а позднее, пусть и в усечённом виде, его речь стала известна всему народу.

«Меня часто спрашивают, как это я решился сделать этот доклад на XX съезде. Столько лет мы верили этому человеку! Поднимали его. Создавали культ. И вдруг такой риск... Уж поскольку меня избрали Первым, я должен, обязан был сказать правду. Сказать правду о прошлом, чего бы мне это ни стоило и как бы я ни рисковал. Ещё Ленин нас учил, что партия, которая не боится говорить правду, никогда не погибнет». Так Хрущёв объяснял иностранным журналистам свою решимость и желание развенчать культ личности. Если быть до конца объективным, вместо «я» Никита Сергеевич в этих словах должен был бы употребить местоимение «мы». Конечно, Хрущёв был инициатором, от него в большей степени зависело, быть или не быть этому докладу. И всё-таки без поддержки части партийного руководства ему было не обойтись. Слишком уж сложное и опасное это дело — свергать с пьедестала бога, на которого молилась вся страна.

В июле 1955 года состоялся очередной Пленум ЦК. Главным вопросом, на нём обсуждаемым, была подготовка к очередному XX съезду партии, который был намечен на февраль 1956 года. В это время одна из комиссий ЦК занималась реабилитацией необоснованно репрессированных во время сталинских «чисток». Ознакомившись с её докладом, Хрущёв на заседании Президиума ЦК предложил создать ещё одну комиссию — по расследованию деятельности Сталина. Это предложение встретило резкий отпор со стороны партийных «зубров» — Молотова, Кагановича и Ворошилова. «Зачем ворошить прошлое? Пересматривать деятельность Сталина значит пересматривать итоги всего огромного пути КПСС! Нас не поймут». Однако «молодые» члены Президиума (некоторые из которых оказались в Политбюро благодаря Хрущёву) — Булганин, Сабуров, Первухин, Кириченко, Суслов — поддержали генсека, тем более что Хрущёв пообещал, что деятельность комиссии будет секретной и что расследование будет касаться «нарушений социалистической законности», основная доля вины в которых лежит на Берии. Был определён состав комиссии: председатель — секретарь ЦК КПСС академик П. Н. Пospelов, члены комиссии — секретарь ЦК КПСС А. Б. Аристов, председатель ВЦСПС Н. М. Шверник, работник Комитета партийного контроля при Центральном Комитете П. Т. Комаров.

Первоначально план (и соответственно, последующий доклад съезду), по которому должна была работать комиссия, был прост: есть Ленин, фигура в историческом плане неприкасаемая, мудрый и гуманный «Ильич»; есть Сталин, который на определённом этапе отклонился от курса, завещанного Лениным, и допустил ошибки в руководстве страной и партией; и есть Берия — главный злодей. Именно Лаврентий Павлович и его злодеяния должны были стать главной темой доклада съезду. Но итоговый доклад выглядел иначе...

XX съезд КПСС начал свою работу 14 февраля 1956 года. Поначалу всё катилось по заранее намеченному и привычному руслу. Отчётный доклад, речи членов Политбюро и делегатов со всех уголков Союза. 1436 участников съезда шумно аплодировали, вставали с мест и выражали верность ленинскому курсу. И мало кто знал, какая борьба велась вокруг доклада о деятельности Сталина. До самого последнего момента не было ясно, будет ли эта тема вообще обсуждаться на съезде. Хрущёв постоянно вызывал к себе Пospelова, просматривал доклад, вносил правки и замечания. Наконец, когда съезд близился к завершению, Хрущёв в перерыве между заседаниями собрал членов Президиума ЦК. «Что мы будем делать с отчётными данными комиссии товарища Пospelова?» — спросил Хрущёв. Со времени июльского Пленума ситуация не изменилась — «старика» были против разглашения данных комиссии, «молодые» члены Президиума — за.

Съезд уже фактически завершился. Большинство иностранных и отечественных гостей съезда и журналистов уже разъехались. И в этот момент в повестку дня съезда был поставлен доклад «О культе личности и его последствиях». Хрущёв не зря тянул время до самого конца. Он ждал, когда делегаты съезда подтвердят его полномочия Первого секретаря ЦК.

Наверное, многие делегаты подозревали, что на заседании должно произойти что-то сверхзначительное. Слишком уж строгими были меры предосторожности. Заседание было объявлено закрытым, помимо обычного пропуска, для входа в зал делегат должен был иметь специальное разрешение. Было запрещено вести какие-либо записи во время чтения доклада.

«Товарищи! В отчётном докладе Центрального Комитета партии XX съезду, в ряде выступлений делегатов съезда, а также и раньше на Пленумах ЦК КПСС немало говорилось о культе личности и его вредных последствиях...» — так Никита Сергеевич Хрущёв в ночь с 24 на 25 февраля начал свой исторический доклад. А дальше была 4-часовая речь, повергшая в шок всех присутствовавших в зале. Некоторые делегаты, не стесняясь, плакали, а кое-кто даже потерял сознание. Почему так происходило, понять нетрудно. Ещё недавно все молились на «светлый образ мудрого вождя». И вдруг... Это была не просто констатация и критика отдельных недостатков. Сталин, «гений советского народа», был назван ответственным за все беды, с этим народом происходившие. Полное пренебрежение принципами коллективного руководства и демократического централизма, убийство Кирова, катастрофическое экономическое положение страны, массовые репрессии и террор 30-х годов, «расстрельный» XVII съезд партии (70 % участников этого съезда были уничтожены во время «чисток»), депортация кавказских народов. И многое-многое другое... Но пожалуй, самым ужасным и шокирующим было обвинение Сталина в страшных поражениях Красной Армии в начальный период Отечественной войны. Был развенчан миф о Сталине как о мудром военачальнике, во многом благодаря которому Советский Союз разбил гитлеровскую Германию.

Прения по докладу решили не открывать. Это и понятно — слишком уж невероятным казалось то, что услышали делегаты с трибуны съезда. Не решились издавать и полную версию доклада. По указанию ЦК на предприятиях и в учреждениях были проведены собрания, на которых миллионы советских граждан были ознакомлены с основными положениями доклада.

За рубежом первыми с текстом доклада были ознакомлены лидеры дружественных компартий. 17 марта основные положения доклада появились в сообщении агентства Рейтер. В мае подпольно сделанные копии доклада появились в Варшаве, оттуда они попали к шефу ЦРУ Аллену Даллесу, а затем доклад был опубликован на страницах «Нью-Йорк таймс».

Конечно, выводы доклада Хрущёва на XX съезде были неполными. Всё сводилось, по сути, к роли одного человека, при этом умалчивался неоспоримый факт, что виновата была вся система, олицетворением которой являлась Коммунистическая партия. Была в докладе и откровенная ложь, вроде того что Сталин во время войны планировал кампанию, пользуясь только глобусом. И всё-таки доклад достиг своей цели. Общество, даже не зная всех подробностей, всколыхнулось, хотя и разделилось на несколько лагерей. Кто-то готов был стоять до конца за своего кумира, свято веря в то, что он «гениальный и великий». Особенно гневно против так называемой «десталинизации» протестовали в Грузии, на родине вождя. У кого-то этот доклад вызвал растерянность и опустошение, ощущение бездарно прожитых лет под властью тирана. А для кого-то, особенно для тех, кто на себе узнал, что такое «чистки», доклад Хрущёва стал пускай временной, но всё-таки победой.

В публикациях, посвящённых Хрущёву и временам оттепели 50-х годов, нередко можно встретить пассажи вроде того, что за XX съезд и за тот самый знаменитый доклад интеллигенция, да и все, кто принял оттепель, прощали Никите Сергеевичу и непосредственное участие в репрессиях, которые он же потом изобличал с трибуны съезда, и танки в Венгрии в 56-м, и расстрел по сути мирной демонстрации в Новочеркасске в 62-м, и целину с кукурузной эпопеей, и многое другое. На самом деле вряд ли интеллигентный человек может простить кому бы то ни было расстрел мирных людей и подавление танками свободомыслия в другой стране. А вот надежду на то, что страна меняется, что страх и тьма останутся в прошлом, XX съезд действительно подарил. К сожалению, не всем этим надеждам суждено было сбыться...

Самиздат

В послевоенное время в СССР ходил такой анекдот:

«Два приятеля разговаривают по телефону.

— Ты уже съел пирог, который тебе вчера дала моя жена?

— Съел.

— И жена твоя съела?

— Да.

— Ну тогда передай его Мише — он тоже хочет его попробовать».

Для человека, мало знакомого с советскими реалиями, анекдот покажется несмешным и абсолютно бессмысленным. Однако смысл здесь заложен, и весьма неоднозначный. Во времена, когда преследовалось любое инакомыслие, цензура буквально под лупу просматривала каждое печатное слово, чтобы, не дай бог, не прошло что-нибудь подозрительное и опасное для власти, а любой телефон мог прослушиваться без всяких на то санкций и обязательных юридических процедур, говорить о самиздате надо было с осторожностью, общаясь языком полунамёков. Конечно, такая конспирация иногда выглядела совсем уж неуклюже, и люди сами смеялись над такими конспиративными приёмами. Правда, если о распространителях самиздата становилось известно «соответствующим компетентным органам», то тут уже было не до смеха. На языке советских законов это называлось так: «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение, или изготовление, или хранение литературы того же содержания». И дальше соответствующие выводы...

Люблю грозу в конце июня, Когда идёт физкультурный парад. И мрачно мокнет на трибуне Правительственный аппарат.

Автор этих строчек поэт Николай Глазков не любил и не хотел писать стихи о «строителях коммунизма» и «гениальных вождах трудового народа». Естественно, государственные издательства такую его поэзию не жаловали и печатать отказывались с завидной регулярностью. В общем, не светило поэту когда-нибудь увидеть свою книгу с названием какого-нибудь «издата» на титульном листе (в СССР подобным образом сокращалось слово «издательство», например Гослитиздат или Профиздат). И однажды, в конце 1940-х годов, Глазков на рукописи вместо предполагаемого издательства написал: «Самсебяиздат». Позже такое саркастическое сокращение преобразовалось в «самиздат», не переводимое на другие языки слово, обозначающее подпольную систему тиражирования и распространения запрещённой властями литературы и публицистики. Появился и «тамиздат» — полиграфические издания, печатавшиеся за рубежом и нелегально ввозимые в СССР.

Если взглянуть шире на эти понятия, то «самиздат» и «тамиздат» существовали в России с незапамятных времён. Цари-батюшки не любили всяческую «ересь» не меньше, чем сменившие их коммунистические вожди. Недаром тот же Пётр I издал «Его Императорского Величества Указ о тех, кто взаперти пишет». «Житие протопопа Аввакума», «Прелестные письма» Емельяна Пугачёва, «Путешествие из Петербурга в Москву» Александра Радищева — типичные примеры дореволюционного самиздата. А герценовский «Колокол» или ленинская «Искра» — яркие представители «тамиздатовской» нелегальной прессы.

После прихода к власти в 1917 году большевики, основываясь на собственном опыте, почти сразу же обезопасили себя от влияния неподконтрольного печатного слова. Уже к середине 20-х годов все негосударственные средства массовой информации, типографии и издательства перешли под контроль Коммунистической партии и государства, независимость суждений и мысли в журналистике была искоренена, а вся издательская деятельность была поставлена под жёсткое давление цензуры.

В СССР самиздат как явление появился после начала хрущёвской оттепели и состоявшегося в 1956 году XX съезда партии. Интересно, что одним из первых образцов советского самиздата был знаменитый доклад Хрущёва «О культе личности Сталина». Доклад этот был закрытым и в официальной советской прессе в полном объёме опубликован только после начала перестройки, однако по стране ходило достаточно большое количество машинописных копий. И всё же расцвет самиздатовской культуры в стране связан не с политикой, а с поэзией. Интеллигенция, да и вся страна, буквально не могла насытиться воздухом свободы, который, казалось, нахлынул всерьёз и надолго, и с восторгом читала творения поэтов, за одно упоминание которых несколько лет назад можно было лишиться свободы.

Интерес к поэзии спровоцировал и первые в истории СССР несанкционированные и не планируемые сверху литературные собрания. 28 июня 1958 года в Москве был открыт памятник Маяковскому. Состоялась, как и положено, торжественная церемония, на которой официальные поэты читали свои стихи. Церемония закончилась, «государственные» поэты ушли, а их место заняли те, кто членом Союза писателей СССР не значился. Читали как свои стихи, так и стихи запрещённых и репрессированных поэтов. Поэтический вечер продолжался допоздна, публике и самим поэтам это действо так понравилось, что идея сделать встречи регулярными, здесь же, у вновь открытого памятника Маяковскому, возникла сама собой. Власть поначалу отнеслась к этому вполне лояльно, в газете «Московский комсомолец», одной из самых либеральных газет того времени, появилась даже заметка, одобряющая поэтические собрания возле памятника Маяковскому. Однако либерализм был недолгим, вместо понятия «литературное собрание» в отчётах и газетных публикациях всё чаще начали появляться выражения «сходки антисоветских элементов» и «сборища безыдейных псевдопоэтов». Милиционеры и дружинники стали задерживать чтецов, отбирать у них листки с машинописными текстами. Фамилии задержанных сообщались на место работы или учёбы, и обычно за этим следовало изгнание с соответствующей характеристикой (именуемой в народе «волчьим билетом»), устроиться с которой на нормальную работу было невозможно.

Примерно по той же схеме развивалась ситуация и с самиздатом. В «буйных» головах студентов и молодых интеллигентов возникала идея издавать что-то своё, новое, ещё не открытое и неизвестное читателю, причём о возможных последствиях они не задумывались. Один из родоначальников самиздата, поэт и диссидент Александр Ильич Гинзбург, в середине 50-х работавший журналистом в «Московском комсомольце», вспоминал о том, как у него родилась мысль издавать свой журнал «Синтаксис»: «Пришла идея, которую мои друзья назвали сумасшедшей, — выпускать свой собственный журнал без всякой цензуры. Выпускать подручными средствами, то есть на пишущих машинках. Это единственный множительный аппарат, который был у нас в руках. Тогда мы не думали — посадят или не посадят, — в то время мы думали о том, что печатать». Одновременно с «Синтаксисом» в Ленинграде появляются литературная газета «Культура», журнал «Голубой бутон», а также один из первых публицистических самиздатских бюллетеней «Информация».

Власть некоторое время не реагировала на эти «шалости», но быстро спохватилась и не ограничивалась только лишь одним «волчьим билетом». Начались первые процессы против самиздатцев. Обычно они успевали выпустить два-три номера своих газет и журналов, в самом лучшем случае — до десятка, после чего следовал арест и суд. Александр Гинзбург, например, успел выпустить всего три номера (в них были опубликованы стихи таких гениев поэзии, как Булат Окуджава, Иосиф Бродский и Белла Ахмадулина), после чего получил два года лагерей. Но процесс уже пошёл. «Мой арест никого не напугал, — вспоминал Александр Ильич в интервью „Радио Свобода“. — Появилось ещё несколько, до десятка, разных самиздатских журналов. Появилось само слово „самиздат“, которого в „синтаксисовские“ времена ещё не было».

Самым же известным и громким процессом в истории самиздата стал суд над писателями Андреем Синявским и Юлием Даниэлем, опубликовавшими за рубежом свои произведения. Синявский и Даниэль не были первыми, кто пошёл таким путём. В 1957 году в Италии, а затем и в других странах, был опубликован знаменитый роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго». В 1958 году писателю была присуждена Нобелевская премия, однако на родине этот символ наивысшего признания гения слова вызвал дикое раздражение властей. Факт присуждения Нобелевской премии был назван «идеологической акцией», после чего в советской прессе была развёрнута кампания жестокой травли Пастернака. Бориса Леонидовича исключили из Союза писателей СССР и завели уголовное дело. В конце концов писатель был вынужден покаяться и отказаться от премии.

Синявский и Даниэль, учтя горький опыт автора «Доктора Живаго», были осторожнее: свои произведения они опубликовали под псевдонимами Абрам Терц и Николай Аржак. Однако конспирация не помогла — КГБ «вычислил» Синявского и Даниэля, и осенью 1965 года они были арестованы. Власть, естественно, широкой огласки этого дела явно не желала, намереваясь посадить неугодных писателей без лишнего шума, но это был первый арест, о котором сообщили все вещавшие на СССР западные радиостанции. «Дело» Синявского и Даниэля стало началом правозащитного движения в СССР, 5 декабря 1965 года в Москве на Пушкинской площади прошла первая в СССР демонстрация правозащитников под лозунгами «Требуем гласности суда над Синявским и Даниэлем!» и «Уважайте советскую конституцию!».

«Видимо, этим арестом новое советское руководство объявляло войну самиздату — его авторам, распространителям и читателям, — писала в своей книге „История инакомыслия в СССР“ известная правозащитница Людмила Алексеева. — Не только друзья и знакомые арестованных, но и вовсе незнакомые люди горячо обсуждали, во что это выльется. Расправятся ли с арестованными втихую или устроят „показательный“ процесс по образцу сталинских?». Да, война самиздату была объявлена — Синявский и Даниэль были осуждены на 7 лет строгого режима и 5 лет ссылки. Однако, несмотря на обвинительный приговор, писатели и поддерживавшие их на протяжении всего процесса правозащитники в определённой степени чувствовали себя победителями. Они не каялись, как это было раньше, не просили суд, как в сталинские времена, «судить без всякого

снисхождения», а открыто отстаивали своё право на свободу слова (которая, кстати, была гарантирована соответствующей статьёй советской конституции). Кроме того, получивший широкую огласку процесс Синявского и Даниэля сыграл объединяющую роль в правозащитном движении СССР. Да и цели своей власть не достигла: «акция устрашения» самиздатцев не удалась — распространение самиздата и изданных за рубежом книг не только не прекратилось, но и наоборот, возросло во много раз.

Важной вехой в истории самиздата стало появление в 1968 году «Хроники текущих событий» — машинописного правозащитного бюллетеня, выходящего с 1968 по 1983 год. Всего за этот период вышло 63 выпуска «Хроники». С первых номеров определился характерный стиль бюллетеня — только факты, и никаких оценок. И этот стиль некоторое время позволял издавать «Хронику» практически открыто. Хоть авторы и не указывали своих имён, однако хорошо было известно (и читателям «Хроники», и КГБ), что своеобразным «главным редактором» бюллетеня являлась правозащитница Наталья Горбаневская. С точки зрения законов, в «Хрониках» не было ничего запрещённого. И КГБ некоторое время проявляло юридическую щепетильность — нельзя же арестовывать людей, языком фактов рассказывающих о жизни СССР без каких-либо призывов к смене власти. Правда, слишком уж долго органы не церемонились: через полтора года после выхода первого номера Наталья Горбаневская была арестована, позже такая же участь постигла многих людей, связанных с изданием и распространением «Хроники».

Особенностью «Хроники текущих событий» был способ сбора информации, которую издатели получали, пользуясь традиционной самиздатовской схемой, только работавшей в обратном порядке. «„Хроника“ не может, как всякий другой журнал, указать на последней странице свой почтовый адрес, — было указано в общении к читателям. — Тем не менее, каждый, кто заинтересован в том, чтобы советская общественность была информирована о происходящих в стране событиях, легко может передать известную ему информацию в распоряжение „Хроники“. Расскажите её тому, у кого вы взяли „Хронику“, а он расскажет тому, у кого он взял „Хронику“ и т. д. Только не пытайтесь единолично пройти всю цепочку, чтобы вас не приняли за стукача».

1970-е годы стали десятилетием «самиздатовского бума». Один за другим появлялись всё новые журналы и бюллетени различных направлений: литературные, правозащитные, религиозные, национальные. Существенно расширился и контингент читателей и распространителей подпольной литературы. В процесс были вовлечены едва ли не все слои городского населения всех возрастов, от старшеклассников до почтенных старушек, по ночам перепечатывавших на допотопной машинке Булгакова или Солженицына.

В это же время сложилась и устоявшаяся схема распространения самиздата. Простому советскому человеку был доступен только один вид множительной техники — печатная машинка (лишь небольшая часть самиздатовских книг размножалась фотоспособом, на допотопных электрографических машинах «Эра»). На Западе уже давно чуть ли не в каждой булочной стояли копировальные аппараты, в СССР же подобная техника была большой редкостью. И дело здесь не в технической отсталости. Власти понимали: если разрешить населению бесконтрольно пользоваться множительной техникой, то впору будет закрывать все государственные издательства, поскольку самиздатовская литература будет распространяться с невероятной скоростью. Если к какому-нибудь энтузиасту попадало интересное, на его взгляд, произведение, он отпечатывал несколько копий, которые раздавал своим знакомым. А дальше начиналась цепная реакция — знакомые размножали копии, отдавали своим знакомым и так далее. «По ком звонит колокол» Хемингуэя, «Мрак в полдень» Кестлера, «1984» Оруэлла, «Доктор Живаго» Пастернака, «Собачье сердце» Булгакова, творения Набокова и Солженицына — по стране ходили тысячи отпечатанных копий этих и многих других произведений. Едва ли можно говорить обо всём советском обществе, но интеллигенция «вирусом» самиздата была поражена практически поголовно.

Интересно, что для многих людей, которые «благодаря» власти были лишены из-за своих убеждений средств к существованию, самиздат был способом заработка. Способом, надо сказать, опасным, но другого выбора у них не было. «Нас с мужем обоих выгнали с работы, и муж устроился на очень низкооплачиваемую работу, а у меня вообще не было работы, — вспоминала Людмила Алексеева. — И в это время как раз мой младший сын окончил школу. Ему надо в университет идти, а у него уже в 9-10-м классе школьная форма — вот так вот рукава, вот так вот брюки и залатанные колени — ну, в общем, надо одеть. И выяснилось, что покупать надо всё: костюм, пальто, ботинки, ну всё-всё-всё. Ну откуда деньги взять? И я подумала-подумала, и в то лето, когда он сдавал экзамены в университет, напечатала несколько самиздатских книг. И тем же математикам продала потом, и в самиздат одела своего сына — то есть не дорого, но во всё новое!».

Конечно, с точки зрения тиражей самиздат не мог соперничать с государственными издательствами. Но по степени влияния на культурную жизнь советского социума самиздатовская литература составляла серьёзную конкуренцию литературе официально разрешённой. «Вторая литература» — так определял самиздат Андрей Синявский, и это определение очень точно характеризует значение самиздата. Понимала значение самиздата и власть, недаром слово «самиздат» в середине 1960-х годов появилось и в лексиконе работников КГБ. Особенно органы

пугала постепенная трансформация направленности самиздатовских публикаций от литературно-поэтической к политической. «Самиздат претерпел за последние годы качественные изменения, — говорилось в одной из докладных записок КГБ. — Если пять лет назад отмечалось хождение по рукам главным образом идейно-порочных художественных произведений, то в настоящее время всё большее распространение получают документы программно-политического характера» (этот и многие другие документы из архивов КГБ стали известны благодаря титанической работе корреспондента «Радио Свобода» Владимира Тольца).

После начала перестройки, когда были отменены практически все ограничения, касающиеся свободы слова и информации, страну охватил газетный и издательский бум, и необходимость тратить огромные усилия на перепечатывание самиздатовских копий попросту отпала сама собой. Одной из последних значительных самиздатовских публикаций стал доклад Бориса Ельцина на октябрьском 1987 года Пленуме ЦК КПСС, в котором будущий первый президент России подверг резкой критике действия руководства страны и лично М. Горбачёва. А после августовских событий 1991 года самиздат практически исчез как явление.

В заключение темы самиздата вспомним один исторический курьёз, совершенно парадоксальный с точки зрения нормальной логики, но вполне закономерный с точки зрения логики советской. Никита Сергеевич Хрущёв, по сути дела, «спровоцировал» появление самиздата, и с его же ведома в СССР начались гонения на самиздатовцев. В 1964 году Никиту Сергеевича сместили и отправили в ссылку на дачу, практически изолировав от внешнего мира. И вот она, ирония судьбы бывшего партийного лидера: человек, который стремился искоренить самиздат, сам в итоге был вынужден стать самиздатовцем. Хрущёв писал мемуары и, прекрасно понимая, что в СССР они напечатаны не будут, целенаправленно готовил их к изданию на Западе. Каким-то образом о мемуарах Хрущёва стало известно высшему партийному руководству. Бывшего генсека по этому поводу вызвали на заседание Комитета партийного контроля, но Никита Сергеевич, как истинный самиздатчик, всё отрицал. В 1982 году, спустя десятилетие после смерти Хрущёва, его воспоминания были изданы в Нью-Йорке, попали в СССР и стали одним из «самиздатовских бестселлеров»...

Стиляги

«— Теперь вы знаете, что такое стиляга? — спросил сосед-студент. — Как видите, тип довольно редкостный, а в данном случае единственный на весь зал. Однако находятся такие девушки и парни, которые завидуют стилягам и мумочкам.

— Завидовать? Этой мерзости?! — воскликнула с негодованием одна из девушек. — Мне лично плюнуть хочется».

Действительно, откуда появилось это странное словечко в русском «советском» языке? Кто такие «стиляги»? Люди, в которых «плюнуть хочется», или, как с презрением писал в журнале «Юность» некий шестнадцатилетний школьник, «это, в большинстве своём, пустые и легкомысленные, самолюбивые и тщеславные люди, которые за неимением других средств выделиться, таких как наличие глубокого ума, целеустремлённость, весёлый характер и прочее, нашли выход в одежде»? А может, это первые советские диссиденты, люди, не побоявшиеся сделать вызов обществу, более двадцати лет гниющему под неусыпным оком усатого вождя? И что для стиляг было главное — отличаться от серой толпы в одежде или всё-таки в образе мысли, ином взгляде на окружающую действительность?..

В 1948 году в журнале «Крокодил» появился фельетон некоего Беляева, отрывок из которого приведён в начале этой статьи. В этом опусе осуждались молодые люди, которые, по мнению автора (точнее, по мнению тех, кто «заказал» Беляеву этот фельетон), преклонялись перед западной музыкой и позволяли себе одеваться не так, как одевалась основная масса «правильной» советской молодёжи. «Плечи его рыжего костюма стали в два раза шире от ватных подкладок, шляпа была зелёная с длинным ворсом, на ногах ярчайшие жёлтые полуботинки на сверхтолстой подошве, и вообще весь вид его свидетельствовал о преуспевании...» — писал Беляев. А в те годы «Крокодил» был не просто журналом, это был главный сатирический рупор Коммунистической партии, ведь издавался он не где-нибудь, а под крылом газеты «Правда» в одноимённом издательстве.

Старт «великому почину» был дан — каждая центральная, республиканская, городская, сельская и стенгазета типа «Не проходите мимо!» считала своим долгом опубликовать «разящий» материал, обличающий стиляг. Появился даже особый вид карикатуристов, специализировавшихся на изображении стиляг и придумывавших им нелепые имена вроде «Мумочка» или «Бубочка».

Вскоре вся страна знала, как выглядит стиляга и по каким внешним признакам можно отличить эту «опухоль на теле советского общества» от достойного молодого человека, «верящего в идеалы коммунизма». Длинный пиджак, невероятно узкие брюки, которые перед одеванием приходилось смазывать мылом (иначе натянуть на ногу их было невозможно), обувь на толстой подошве, получившая в народе название «ботинки на манной каше», большой «кок» на голове, борода или тонкие «усики-мерзавчики», тёмные очки.

«Сегодня слушает он джаз, а завтра Родину продаст»: кроме одежды, стиляги отличались тем, что слушали другую музыку и танцевали по-своему, «по-стильному». Известный джазмен Алексей Козлов, в молодые годы сам бывший стилягой, писал в своих воспоминаниях: «Я хорошо помню, что само слово „стиляга“ на практике стали применять к тем, кто на школьных или студенческих вечерах, а также на обычных танцплощадках отваживался танцевать „стилем“, в отличие от разрешённых вальса, польки, па-де-граса или па-де-патинера. Даже фокстрот и танго, в предвоенные годы бывшие широко распространёнными в официальной советской жизни, в период послевоенной „холодной войны“ стали нежелательными. Но у различных мелких комсомольских или партийных надзирателей, обязательно присутствовавших на танцевальных вечерах, они не вызвали такой ярости и испуга, как неизвестно откуда взявшиеся „атомный“, „канадский“ или „тройной Гамбургский“ стили».

Почему же джаз, фокстрот, танго, вообще любая современная западная музыка и танцы вдруг стали так неуютны официальной пропаганде? В те годы в советском искусстве господствовал социалистический реализм, который требовал от любого творческого человека «правдивого, исторически конкретного изображения действительности в её революционном развитии». Как говорил один из главных идеологов Советского Союза Андрей Жданов, «продолжительное общение с социалистическим искусством может превратить даже эгоистичного капиталиста в беззаветного строителя коммунизма». Правда, в жизни получалось совсем наоборот, значительная часть общества, прежде всего молодёжь, стремилась если и не полностью перенять западный образ жизни (в тех условиях это было невозможно в принципе), то хотя бы подражать ему или же создать свой особенный стиль, а это никогда не приветствовалось тоталитарным режимом. Однако приблизительно до 1946 года в Советском Союзе показывали, например, некоторые американские и трофейные немецкие фильмы, и весь советский народ смотрел «Серенаду Солнечной долины», где играл один из самых популярных джазовых коллективов в мире — оркестр Гленна Миллера. И в этих фильмах была та самая «другая» жизнь, да и джаз был вполне нормальным явлением, вполне законно существовали свои доморощенные джазовые коллективы. И вдруг влияние западной культуры «стало отравлять массы», а джаз, по выражению всё того же Жданова, был объявлен

«буржуазной, декадентской музыкой». Причиной тому послужила начавшаяся в конце сороковых годов борьба с космополитизмом, а также «холодная война» с Западом. Вообще, любой власти, которая не может обеспечить своим гражданам нормальный уровень жизни, нужен враг, на которого можно свалить все неудачи бездарного режима. Сталинизм нуждался во «вредителях» и «врагах народа», ведь они «были виноваты во всём». А в культурной жизни такими «врагами» стали стилияги.

Стиляга — в потенции врагС моралью чужою и куцей, —На комсомольскую мушку стилияг;Пусть переделываются и сдаются!

И брали на мушку, воспитывая ту самую «классовую ненависть»: ведь первыми стилиягами были дети элиты. «Золотая молодёжь» могла позволить себе то, о чём не могли даже мечтать простые парни из рабочих кварталов, а значит... Агрессивное большинство всегда не любит тех, кто чем-то от него отличается, причём в лучшую сторону. «У тебя есть то, чего нет у меня, ты выглядишь иначе, чем я и мои товарищи, и, значит, ты чужой». И постепенно презрительным словом «стиляга» стали клеймить всех, кто позволял себе отличаться хоть чем-нибудь от серой толпы. С точки зрения советской идеологии, стиль стал принадлежностью западной, а значит, враждебной культуры. И мысль эту советская пропагандистская машина усиленно вбивала в сознание масс. В «борьбе» со стилиягами стали принимать участие даже дети. Известный актёр Евгений Стеблов вспоминал, как его одноклассники преследовали девочку, вся вина которой была в том, что она надела эlegantный берет: «После уроков поджидали её на улице всем классом и, как появилась, обступили плотной толпой. Она недогадливо улыбнулась растерянными глазами. В ответ молчание, тишина. Вдруг кто-то срывается в выкрик: „Стиляга! Стиляга!“ — с энтузиазмом подхватывает толпа. Я из толпы поначалу не понял, в чём дело, но вот уже сорвали с неё берет и перекидывали, словно мячик, когда она тщетно пыталась поймать его, затем не выдержала — побежала. Толпа вроссыпь с криком за ней: „Стиляга! Стиляга!“... Её гнали до самого дома. Она заплакала лишь у подъезда... Тогда, помешкав, сжалились, вернули затоптанный новый берет, только предупредили — не напяливать на себя больше иностранные вещи».

Стиляги были для власти неудобны ещё и тем, что они совершенно не интересовались политикой, игнорировали комсомольские собрания, они не были озабочены борьбой за счастье трудящихся всего мира. Настоящий стилияга вообще по сути своей индивидуалист, а по образу мыслей — свободный человек. Для стилияг главным в жизни было узнать об окружающем мире, о культуре других стран, узнать больше того, чем говорилось в официальных источниках информации. И конечно, музыка. Джаз, буги-вуги, а позже и рок-н-ролл были для настоящих стилияг смыслом жизни, и даже смерть они не представляли без любимой музыки. Как пелось в одной из песенок:

Как стилиягу хоронили, шесть чувих за гробом шло,И три джаза громко выли, громко выли рок-н-ролл.Как стилиягу хоронили — плакали подруги.На могиле два оркестра дули буги-вуги.

У них был даже свой язык, малопонятный для окружающих. «Крутые чуваки встретились на Броде, закадрили чувих, а затем ехали на моторе на хагу, где шёл процесс. Там танцевали стилем и выпивали всякие редкие напитки». Тем, кто был стилиягой, этот текст понятен без перевода. Для тех же, кто с языком стилияг не знаком, расшифруем: «Стильные молодые люди встретились на Бродвее, познакомились с такими же стильными девушками, поехали на такси на отдельную квартиру, оставленную на какое-то время родителями, уехавшими на дачу или в отпуск, где прошла вечеринка со стильными танцами под джаз или рок-н-ролл». Бродвей, конечно, был не тот, что в Нью-Йорке, а в каждом крупном городе свой. В Москве, например, «Бродвеем» назывался отрезок улицы Горького (ныне Тверская) от Пушкинской площади до гостиницы «Москва». Бродвей был излюбленным местом «тусовки» стилияг. Правда, это же место было «излюбленным» местом милиции и народных дружин. Отловленных стилияг препровождали, как правило, в «полтинник», то есть в 50-е отделение милиции, где обычно обрезали брюки и галстуки, иногда состригали кок. Дальше следовали оргвыводы. Стиляг, если они не были застигнуты за каким-то противозаконным делом, например, за фарцовкой, в тюрьму обычно не сажали. Однако из комсомола и института молодой человек или девушка вылетали практически гарантированно, если, конечно, не было прикрытия со стороны высокопоставленных родителей.

Во время хрущёвской оттепели отношение к стилиягам и западной музыке несколько смягчилось. Говорят, что начало этому положил сам генсек. Хрущёва, который раньше ассоциировался с украинскими косоворотками и серыми костюмами, в одном из документальных фильмов показали одетым в стильный болоньевый плащ. А это был сигнал: раз Первому секретарю ЦК можно показаться народу в импортном плаще, значит, и всем можно. Тот же Никита Сергеевич в 1956 году на одном из Пленумов ЦК сказал: «Сейчас весь Запад носит штаны уже, короче, чем у нас. У нас мужчины ходят, как косматые голуби, штаны внизу болтаются. Раньше мы тоже носили узкие штаны. Нужно и об этом подумать. Разве нужны обязательно широкие штаны? Даже и в этом есть мобилизация средств». Стиляги страдали из-за пристрастия к узким штанам, а тут вдруг Генеральный секретарь КПСС говорит о том, что советские мужчины носят слишком широкие брюки! Правда, заботился Никита Сергеевич в основном об экономии средств, но, тем не менее, впервые с 1917 года вопрос о моде обсуждался на таком высоком уровне.

В конце 50-х сложилась странная ситуация: с одной стороны, стилиг по-прежнему продолжали всячески клеймить, с другой — быть модным не считалось совсем уж зазорным. В этом смысле весьма характерно письмо некоего Владимира Токарева, опубликованное в «Комсомольской правде». «Стилиг в нашем обществе справедливо презирают, — писал молодой человек. — Я понимаю: стилига — это тот, у кого мелкая, серая душонка. Это человек, для которого предел мечты — платье с заграничным клеймом и весёлая танцулька под низкопробный джаз. Но разве можно человека, у которого есть цель в жизни, который стремится учиться и который одевается недорого, но красиво, по моде, называть стилигой?.. Неужели я стилига, и со мной надо вести борьбу?».

Во время оттепели изменилась ситуация и с музыкой. В 1955 году не где-нибудь, а в «Правде» появилась статья, осуждающая чрезмерную строгость по отношению к исполнителям и слушателям джаза. Вообще же переломным в отношении к моде и музыке и, соответственно, к стилигам стал Фестиваль молодёжи и студентов 1957 года, который, согласно официальному сообщению ТАСС, стал «попыткой показать всему миру, что Советский Союз освободился от этно- и ксенофобии послевоенных лет». На улицах Москвы появились тысячи людей, одетых так, как им угодно, а не так, как того требовало постановление комсомольского собрания. Несколько лет вялая борьба со стилигами ещё продолжалась, а потом и вовсе прекратилась. Просто потому, что стилиги как явление перестали существовать. И тем не менее, стилиги оставили свой след в истории, оставшись навсегда одним из символов советской эпохи. Они стали первыми в Советском Союзе, кто не побоялся выделиться из толпы, кто не хотел быть как все. За стилигами пошли другие — «шестидесятники», диссиденты, люди, которые не боялись мыслить по-другому...

Андрей Сахаров

«Я родился 21 мая 1921 года в Москве. Мой отец — преподаватель физики, известный автор учебников, задачника и научно-популярных книг. Моё детство прошло в большой коммунальной квартире, где, впрочем, большинство комнат занимали семьи наших родственников и лишь часть — посторонние. В доме сохранялся традиционный дух большой крепкой семьи — постоянное деятельное трудолюбие и уважение к трудовому умению, взаимная семейная поддержка, любовь к литературе и науке. Мой отец хорошо играл на рояле, чаще Шопена, Грига, Бетховена, Скрябина. В годы Гражданской войны он зарабатывал на жизнь, играя в немом кино. Душой семьи, как я это с благодарностью ощущаю, была моя бабушка Мария Петровна, скончавшаяся перед войной в возрасте 79 лет. Для меня влияние семьи было особенно большим, так как я первую часть школьных лет учился дома, да и потом с очень большим трудом сходился со сверстниками». Детство, о котором Андрей Дмитриевич Сахаров писал в своей автобиографии, было, наверное, единственным периодом в его жизни, когда он не был одинок. Вокруг были родители и родственники, большая семья — ребёнок рос в атмосфере любви и заботы. А затем...

На первый взгляд, Сахарова всегда окружали люди, считавшие его другом, и просто многочисленные знакомые, круг его контактов с людьми со всего мира был огромен, Андрей Дмитриевич любил (как он сам вспоминал) работать в коллективах и общаться с коллегами-учёными, рядом с ним были преданные и горячо любимые жёны. И всё-таки он часто был очень одинок. И дело здесь не в особенностях характера, не в каком-то снобизме и попытках поставить себя выше других. Просто Сахаров всегда был «не как все», его мысли и идеи, касающиеся как науки, так и общечеловеческих ценностей, были нетривиальны и не всегда понятны даже близким людям. В 1953 году после испытания на полигоне под Семипалатинском первой водородной бомбы «отец» советского ядерного оружия академик Курчатов с глубоким поклоном обратился к Сахарову: «Тебе, спасителю России, спасибо!». А позже Андрей Дмитриевич за две недели до каждого испытательного взрыва запирался в комнате и с ужасом подсчитывал количество возможных человеческих жертв в результате как самого взрыва, так и всё возрастающего радиоактивного загрязнения планеты. «Ядерное оружие, — писал учёный, — имеет смысл только как средство предупреждения ядерной же агрессии потенциального противника. То есть нельзя планировать ядерную войну с целью её выиграть».

Зачем ему всё это? В 32 года — академик АН СССР, лауреат Государственной премии, Герой Социалистического Труда. Да об этом только мечтать можно, как говорится, «живи себе в своё удовольствие». Зачем идти против течения, зачем воевать против власти, которая дала ему всё? Да в том-то и дело, что Сахаров жил не ради материальных благ и званий, и даже любимая наука в конце концов отошла для него на второй план. Про таких, как Сахаров, говорят: «Он опередил своё время». Это, наверное, не совсем так, время опередить невозможно. Андрей Дмитриевич хотел, чтобы каждый человек на Земле был свободным в своих поступках и мыслях, и чтобы слова «права человека» стали святыми для всех. И этому он посвятил свою жизнь.

В 1938 году Андрей Сахаров с отличием окончил школу. В выборе дальнейшего пути колебаний не было — Андрей пошёл по стопам отца и поступил на физический факультет Московского университета. После начала войны физический факультет был эвакуирован в Ашхабад, где в 1942 году Сахаров, также с отличием, закончил обучение. Ему предложили остаться на кафедре и поступить в аспирантуру, но юноша отказался. Некоторое время он работал на лесозаготовках в волжской глуши в Ульяновской области. «С этими днями связаны мои первые, самые острые впечатления о жизни рабочих и крестьян в то трудное время», — вспоминал Андрей Дмитриевич. В сентябре Сахаров решением Наркомата вооружений был направлен на оборонный завод в Ульяновске, где занял должность инженера-изобретателя. В 1943 году он женился на Клавдии Алексеевне Вихиревой, которая работала химиком-технологом на этом же заводе.

Работая в Ульяновске, молодой инженер сделал четыре изобретения, одно из которых — устройство по контролю качества бронебойных патронов — было запатентовано. Предложенный им метод был включён в учебник как «метод Сахарова». В это же время Андрей Дмитриевич написал четыре статьи по теоретической физике и направил их на отзыв в Москву. Эти статьи так и не были опубликованы, но они, как вспоминал сам Сахаров, дали ему то чувство уверенности в своих силах, которое так необходимо каждому научному работнику.

В 1945 году семья Сахаровых вернулась в Москву, где Андрей Дмитриевич поступил в аспирантуру Физического института АН СССР (ФИАН). Здесь и началась его головокружительная научная карьера. За восемь лет очень немногим научным работникам удаётся пройти путь от простого аспиранта до доктора наук, такое восхождение считается в научных кругах выдающимся результатом. А Сахаров за это время стал академиком, самым молодым в истории Академии наук, и это при том, что кандидатскую диссертацию он защитил на год позже, чем мог. Андрею Дмитриевичу повезло с руководителем — он попал «под крыло» Игоря Евгеньевича Тамма, знаменитого физика-теоретика, впоследствии ставшего лауреатом Нобелевской премии. Но Сахарову не повезло с марксизмом-ленинизмом — он провалился на экзамене по этому обязательному в те времена предмету. И дело пока ещё не заключалось в его политических

взглядах — просто молодой учёный был полностью поглощён любимой физикой и не хотел тратить время на «всякие глупости». Надо сказать, что неудача на экзамене сильно ударила по бюджету молодого учёного — времена были тяжёлые и голодные, скудных аспирантских денег с трудом хватало на то, чтобы снимать комнату в пригороде, при этом на иждивении у Сахарова была неработающая жена и маленький ребёнок (всего у Андрея Дмитриевича от первого брака было трое детей — две дочери и сын).

В 1947 году Сахаров всё-таки защитил диссертацию, а через год он был включён в научно-исследовательскую группу по разработке термоядерного оружия, созданную по предложению Игоря Курчатова, организатора и руководителя работ по атомной физике в СССР. И 20 лет своей жизни Андрей Сахаров посвятил созданию и усовершенствованию ядерного оружия. «Субъективно я чувствовал, — писал учёный, — что работаю во имя мира, что моя работа укрепляет баланс сил и потому приносит пользу советскому народу, да и человечеству в целом».

Сразу же после Второй мировой войны мир вступил в эпоху войны «холодной». СССР и США начали ядерную гонку, первый раунд в которой выиграли американцы — они создали и испытали свою атомную бомбу в 1945 году. Советский Союз это сделал четырьмя годами позже. Следующим этапом стало создание водородной бомбы, оружия гораздо более мощного и разрушительного, чем атомная бомба. Как известно, и советским, и американским физикам в создании первых послевоенных образцов ядерного оружия помогли данные разведки. Однако в случае с водородной бомбой ситуация была обратной — ошибочные разведанные привели к тому, что как в СССР, так и в США учёные на некоторое время зашли в тупик.

Казалось, что преимущество в «интеллектуальной гонке» по созданию водородной бомбы имеют американцы. Ядерный центр в Лос-Аламосе располагал самыми современными на тот момент компьютерами, тогда как советские учёные до сих пор пользовались примитивными арифмометрами. Однако у Советского Союза был лучший интеллектуальный потенциал, был Андрей Сахаров.

В 1948 году Сахаров в составе группы учёных, в основном молодых физиков-теоретиков, был направлен в советский аналог Лос-Аламоса — во Всесоюзный научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ), в один из самых закрытых и засекреченных институтов в СССР. Эта группа под руководством И. Е. Тамма должна была проверить теоретическое обоснование проекта водородной бомбы, предложенного коллективом под управлением Я. Б. Зельдовича. И здесь Андрей Дмитриевич проявил своё нестандартное мышление, заставлявшее восхищаться лучшие умы планеты. Он не стал, как говорится, заикливаться на идее, которая, как мы знаем, была ошибочной, а предложил свой проект бомбы, так называемую «слойку», или, говоря научным языком, «ионизационное обжатие дейтерия». Эта идея стала отправной точкой для создания советской водородной бомбы. Работы велись с невероятной скоростью, не замедлились их темпы и после смерти Сталина и ареста Берии, лично курировавших проект водородной бомбы.

В ноябре 1952 года американцы, казалось, вновь добились перевеса в ядерной гонке. На полигоне Элугелаб было взорвано термоядерное устройство «Майк», которое по мощности в 500 раз превосходило сброшенную на Хиросиму бомбу. Однако «Майк» представлял собой огромную конструкцию величиной с двухэтажный дом и, по сути, не являлся бомбой.

Ответом на взрыв «Майка» стало испытание 12 августа 1953 года на полигоне под Семипалатинском первой в мире водородной бомбы. Эти испытания восстановили ядерный паритет между СССР и США. Это была грандиозная победа советской физической школы, триумф Андрея Сахарова, которого стали называть «отцом водородной бомбы». Триумфом, который для самого учёного стал трагедией...

Воочию убедившись в огромной силе своего детища (Сахаров вместе с коллегами и военным руководством присутствовал на полигоне), Андрей Дмитриевич понял, что оно в одно мгновение может убить, буквально сжечь в пепел миллионы людей. Да, он был учёным, преданным любимому делу, тогда для него главной была наука, но научные исследования Сахарова и его коллег могли привести к всемирной катастрофе. Характерный эпизод произошёл на банкете после испытаний. «Выпьем за то, чтобы бомбы взрывались лишь над полигонами и никогда над городами», — провозгласил тост Андрей Дмитриевич. На это заместитель министра обороны Митрофан Неделин ответил с армейской прямоотой: «Ваша, учёных, задача — укреплять оружие, а направить его куда надо военные и сами смогут». И Сахаров понял, что он становится «винтиком в страшной машине ядерной смерти», которая может взорвать всю планету.

Ещё больше эти настроения усилились у Андрея Дмитриевича после испытаний водородной бомбы, сброшенной с самолёта. 22 ноября 1955 года страшный взрыв потряс казахскую степь и задел Семипалатинск. Были разрушены дома и строения, пострадали тысячи людей, двое человек — солдат и маленькая девочка — погибли.

Сахаров, не прекращая работу над ядерным оружием, начал борьбу за запрещение ядерных

испытаний. В 1958 году появились две статьи молодого академика, в которой приводились страшные расчёты: каждая мегатонна взорванной в атмосфере ядерной бомбы в будущем приведёт к 10 тысячам заболевших онкологическими заболеваниями. Некоторое время Советским Союзом соблюдался мораторий на проведение ядерных испытаний в атмосфере, однако в 1958 году он был нарушен. «Я не мог ничего поделать с тем, что считал неправильным и ненужным, — вспоминал в связи с прекращением моратория Андрей Дмитриевич. — У меня было ужасное чувство бессилия. После этого я стал другим человеком». И всё-таки настойчивая позиция Сахарова и некоторых его коллег за ограничение ядерных испытаний привела к успеху — в 1963 году в Москве был подписан договор «О запрещении ядерных испытаний в трёх средах — в атмосфере, космической среде и под водой».

В середине 60-х годов Андрей Дмитриевич впервые обращается к проблеме преследования инакомыслия в СССР. В 1966 году состоялся печально знаменитый процесс над писателями Андреем Синявским и Юлием Даниэлем, осуждёнными за публикацию своих произведений на Западе. Этот процесс считается началом правозащитного движения в СССР, именно тогда в обиход появилось иностранное слово «диссидент». Не остался в стороне и Андрей Сахаров. Он подписал знаменитое «письмо 25-ти» — обращение видных учёных и общественных деятелей к Брежневу, в котором указывалось, что «любые попытки возродить сталинскую политику нетерпимости к инакомыслию были бы величайшим бедствием для советского народа». Власть после этого письма взяла Сахарова «на заметку». Одно дело — борьба за отмену ядерных испытаний, и совсем другое — обвинение режима в преследовании инакомыслия и защита такого нелюбимого советской властью понятия, как свобода слова. Однако «выводов» по отношению к строптивому академику не последовало. Они были сделаны позже...

Летом 1968 года в иностранной печати появляется статья Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Необходимость демократизации советского общества, осуждение гонки ядерных вооружений, призыв к сближению двух супердержав, СССР и США, взаимопроникновению двух систем, социалистической и капиталистической, необходимого для решения глобальных проблем, — вот основные тезисы этой работы, изданной за рубежом тиражом более 20 миллионов экземпляров. Любой здравомыслящий человек будет двумя руками голосовать за эти призывы. Однако лидеры советского режима рассуждали иначе. В СССР «Размышления» официально не публиковались (но были хорошо известны благодаря распространению многочисленных «самиздатовских» копий). Последовали и «выводы», правда, пока достаточно мягкие. Сахаров к тому времени был настолько известной фигурой, что применить к нему жёсткие меры не решались. Он был отстранён от работ, связанных с военными секретами. Андрей Дмитриевич вернулся в ФИАН на должность старшего научного сотрудника — самую низкую должность, которую мог занимать академик.

В 1969 году от рака умерла супруга Сахарова Клавдия Алексеевна. Андрей Дмитриевич тяжело переживал утрату любимого человека. Но несмотря на душевное опустошение, он и в такой тяжёлый момент своей жизни всё равно думал не только о себе. Все свои сбережения, 139 тысяч рублей, огромную по тем временам сумму, Сахаров перевёл на строительство московского онкологического центра.

В 1970 году Андрей Сахаров вместе с физиками В. Чалидзе и А. Твердохлебовым организовал Комитет прав человека, главной задачей которого было отстаивание основных принципов Всеобщей декларации прав человека. В этом же году в Калуге, во время пикетирования здания суда, где проходил процесс над правозащитниками Р. Пименовым и Б. Вайлем, Андрей Дмитриевич познакомился с Еленой Георгиевной Боннэр, ставшей через два года его женой.

«С 1972 года всё более усиливалось давление на меня и моих близких, — писал Андрей Дмитриевич в автобиографии, — кругом нарастали репрессии, я больше о них узнавал, и почти каждый день надо было выступать в защиту кого-то». В это же время в средствах массовой информации началась массированная и хорошо спланированная кампания по дискредитации опального академика. После того как Андрей Дмитриевич, несмотря на запрет со стороны властей, созвал пресс-конференцию для иностранных журналистов, в «Правде» появилось письмо, подписанное 40 членами Академии наук. Это письмо послужило сигналом к началу гонений на Сахарова и его соратников. Понятно, как писались такие письма, и наверняка коллеги Андрея Дмитриевича по Академии наук не горели желанием подписывать этот пасквиль. Но этим-то и отличался Сахаров от остальных — если он видел несправедливость, то не молчал, не носил её в себе, а всеми силами боролся с нею.

В 1975 году Андрей Сахаров был удостоен Нобелевской премии мира за «бесстрашную поддержку фундаментальных принципов мира между людьми» и «мужественную борьбу со злоупотреблением властью и любыми формами подавления человеческого достоинства». Сахаров не пошёл за границу, и премию получала Елена Боннэр, находившаяся в то время за рубежом на лечении. Признание роли Сахарова в защите прав человека в СССР действовало на советский режим как красная тряпка на быка. В 1980 году, когда Андрей Дмитриевич в интервью западным СМИ резко осудил ввод советских войск в Афганистан, он был лишён всех званий и государственных наград и сослан в Горький — город, закрытый в то время для иностранцев. Власть таким образом пыталась

изолировать его от мира, однако письма и статьи Сахарова всё равно появлялись в иностранной печати. В Горьком Андрей Дмитриевич находился под круглосуточным наблюдением КГБ, его квартира прослушивалась, а каждый выход на улицу фиксировался на плёнку.

Ссылка Сахарова и его супруги была прекращена только после прихода к власти Михаила Горбачёва. 14 декабря 1986 года между Генеральным секретарём ЦК КПСС и ссыльным академиком состоялся телефонный разговор. «Возвращайтесь и приступайте к своей патриотической деятельности», — сказал Горбачёв. Через неделю Андрей Сахаров и Елена Боннэр вернулись в Москву.

В марте 1989 года Андрей Дмитриевич Сахаров был избран депутатом Первого съезда народных депутатов СССР. Он поначалу поддерживал Горбачёва в его стремлении к демократизации общества и сближению с Западом. Однако вскоре Сахаров понял, что новому руководителю не хватает смелости и желания проводить задуманные преобразования до конца. Окончательно учёный разуверился в Горбачёве в мае 1989 года после событий в Китае. Тогда армия жестоко разогнала студенческую демонстрацию на пекинской площади Тяньаньмэнь, и это происходило как раз во время официального визита Горбачёва в Китай. По неофициальным данным во время разгона погибло до 2 тысяч человек. Сахаров с трибуны Съезда требовал осудить действия китайских властей и отозвать советского посла из Китая. Часть демократически настроенных депутатов его поддерживала, однако другие, агрессивно настроенные, освистывали Сахарова и не давали ему говорить. Не встретила понимания позиция Андрея Дмитриевича и у высшего руководства страны.

Несмотря на слабое здоровье, Сахаров продолжал напряжённо работать. Осенью 1989 года он был включён в состав комиссии по разработке проекта новой Конституции СССР. В ноябре Андрей Дмитриевич представил в комиссию проект основного закона, в котором отразил своё видение развития демократического общества в стране. Задачей государства он видел счастливую, полную смысла жизнь, свободу материальную и духовную, благосостояние, мир и безопасность для граждан страны, для всех людей на Земле, независимо от расы, национальности, пола, возраста и социального положения. До самого последнего дня своей жизни Андрей Сахаров отстаивал свои идеалы, он понимал, что проект его Конституции вызовет горячие споры и активное сопротивление людей, преследовавших его долгие годы и не желающих расставаться с властью. «Поддержите политический плюрализм и рыночную экономику. Поддержите людей, которые наконец нашли способ выразить свою волю!» — сказал он днём 14 декабря 1989 года своим соратникам. Вечером сердце Андрея Дмитриевича, измотанное долгой борьбой, остановилось. Проститься с Сахаровым пришли сотни тысяч человек. Эти люди, вне зависимости от их религиозных и политических пристрастий, понимали — ушёл из жизни не просто гениальный учёный и общественный деятель. Мир покинул человек, ставший нравственным авторитетом эпохи, её совестью и правдой...

«Взгляд»

В начале 70-х годов известные журналисты Анатолий Лысенко и Кира Прошутинская, работавшие в молодёжной редакции Центрального телевидения, решили выпустить новую программу. Её рабочее название было «У нас на кухне после одиннадцати», а идея, стержень программы — откровенный разговор на волнующие советскую молодёжь темы. С этой своей идеей Лысенко и Прошутинская отправились к телевизионному начальству.

Надо сказать, что советские телена начальники отнюдь не были тупоголовыми ограниченными чиновниками, для которых главной целью являлось стремление запретить «всё и вся». Взять хотя бы Сергея Георгиевича Лапина, председателя Гостелерадио и личного друга Брежнева, который долгие годы был «хозяином» советского телевидения. Образованный человек, увлекавшийся поэзией XX века, знавший наизусть множество стихотворений, в том числе и запрещённых в СССР авторов — Цветаевой, Гумилёва, Мандельштама. Но при этом Лапин запрещал появляться в эфире мужчинам с бородой, а сотрудницу, пришедшую на работу в брюках и попавшуюся ему на глаза, неминуемо ждал разнос и строгий выговор. Да к тому же Лапин, как и другие, был частью Системы, а Система не любила вольнодумства и откровенных разговоров. Так что Лысенко и Прошутинская получили вполне закономерный отказ: «Разговоры на кухне, да ещё после одиннадцати советской молодёжи не нужны». Так что идею пришлось отложить до лучших времён.

Лучшие времена (по крайней мере, для советского телевидения) настали в 1986 году. До полной свободы мысли и творчества было, конечно, ещё очень далеко, но всё же телевидение понемногу менялось. К власти пришли люди, которые хотели, чтобы управление идеологией и журналистикой свелось к минимуму. В 1987 году Анатолий Лысенко и Кира Прошутинская вспомнили о своей идее десятилетней давности создать на ЦТ вечернюю публицистическую программу и, заручившись поддержкой тогдашнего редактора молодёжной редакции ЦТ Эдуарда Сагалаева (кстати, именно он и придумал название новой программы — «Взгляд»), обратились к секретарю ЦК по идеологии Александру Яковлеву. Александр Николаевич, один из «отцов» перестройки, был известен своими неортодоксальными взглядами. Ещё в 60-х годах Яковлев занимал пост 1-го заместителя зав. отделом пропаганды ЦК, но поскольку он не одобрял тотальный контроль средств массовой информации со стороны государства, то на некоторое время был «сослан» на должность посла СССР в Канаде. Так что неудивительно, что Яковлев «благословил» «Взгляд» и обещал поддерживать журналистов по мере всех своих возможностей. Итак, есть хорошая задумка, есть название, есть разрешение высшего руководства, дело осталось за малым — найти ведущих...

Они получили прекрасное образование, прошли хорошую журналистскую школу, но о том, как делается телевидение, не знали практически ничего. Студия, камера, свет, ведущий, который произносит какой-то текст, сюжеты — это было понятно. Но что говорить, что показывать, как заинтересовать зрителя, заставить его не спать после одиннадцати, а не отрываясь, смотреть телевизор. Александр Любимов, Дмитрий Захаров, Владислав Листьев — первые ведущие «Взгляда»... Сейчас они — личности легендарные и даже исторические. И это не преувеличение: в одном из учебников истории для 9 класса их портреты и рассказ о программе «Взгляд» были помещены в главе «Восстание умов». Но в 87-м году их практически никто не знал. И в этом, как ни странно, было их преимущество. Как вспоминал Эдуард Сагалаев, при создании «Взгляда» его авторы пытались в какой-то мере повторить путь «Битлз» — группы, ставшей символом поколения 60-х. Именно поэтому на роль ведущих новой программы, ориентированной на молодёжную аудиторию, Сагалаев решил пригласить молодых ведущих, до того не «варившихся» в советском телевидении. Маккартни, Леннон, Харрисон, Старр — до 1959 года, когда был образован «Битлз», их никто не знал. А через несколько лет эти имена гремели по всему миру. Так же было и со «Взглядом». Когда программа впервые появилась в эфире в октябре 1987 года, в стране никто ничего не знал ни о ней, ни о её ведущих. Они были молоды (Листьеву на момент создания «Взгляда» исполнилось 32 года, Захарову — 39, а Любимову и вовсе 25) и неопытны, хотя и проработали несколько лет на радио в системе иновещания. Эта неопытность приводила к многочисленным «ляпам» в прямом эфире. Но, как вспоминали сами ведущие, они редко терялись во время нестыковок, когда, например, перед сюжетом произносился текст, а в эфир шёл совершенно другой сюжет. И даже эти ошибки и оговорки играли на руку «Взгляду». Ведь «взглядовцы» были живыми и совсем не походили на те «говорящие головы», которые в течение десятилетий вдалбливали в умы телезрителей спущенную сверху идеологическую жвачку.

В конце 80-х годов в народе ходил такой анекдот: «Сегодня четверг? — Нет, сегодня „Взгляд“, значит, пятница». С первых выпусков «Взгляд» стал невероятно популярным у зрителей, причём не только у молодёжи, на которую изначально ориентировалась программа. К Любимову, Захарову и Листьеву присоединились Александр Политковский, Сергей Ломакин и Владимир Мукусев. Тогда и образовалась команда, которая, выражаясь телевизионным языком, была все рейтинги популярности у зрителей. «Мы показывали в эфире всё — ничего и никого не боялись», — сказал в одном из интервью Александр Любимов. Первое интервью с академиком Сахаровым и опальным тогда Борисом Ельциным, острые репортажи о событиях в Прибалтике, Нагорном Карабахе и Тбилиси, сюжеты о наркомании и проституции, явлениях, которые якобы не существовали в Советском Союзе. Конечно, создателей программы пытались контролировать, «вырезали» самые

острые сюжеты. «Взглядовцы» как могли отстаивали программу, а если не помогал открытый бой, приходилось идти на хитрость. Взять, к примеру, музыку. Естественно, что во «Взгляде» звучало всё самое современное, авангардное и ещё совсем недавно строго-настроено запрещённое. ДДТ и «Аквариум» телевизионное руководство хоть и со скрипом, но разрешило показать в программе. А вот «Наутилус Помпилиус» — ни в какую. В это же время журналистка Елена Масюк сняла сюжет о проститутках с Казанского вокзала. Тоже репортаж «ещё тот», но руководство, как ни странно, разрешило его показать. А завершался сюжет рассказом о группе из Свердловска, которая якобы поёт о жизни путан. И тогда во «Взгляде» прозвучал знаменитый хит перестроечных времён «Скованные одной цепью», а о группе «Наутилус Помпилиус» узнала вся страна.

«Это была довольно острая, электризирующая твоё существование жизнь, — вспоминал Александр Любимов, — которая каждый день заключалась в том, что мы действительно каждый день выдавливали из себя раба и боролись с коммунистами. Не конкретно, а как с коммунистической идеей, которая тогда управляла государством». Между тем, «коммунистическая идея» отнюдь ещё не ушла в прошлое, а коммунисты, её олицетворявшие, отнюдь не собирались сдаваться на милость новому поколению. В начале 1988 года в газете «Советская Россия» было опубликовано знаменитое письмо Нины Андреевой «Не могу поступиться принципами». Это письмо тоже стало символом перестроечных времён, хотя и со знаком «минус». Письмо Андреевой, в котором даже не с коммунистических, а с типично сталинистских позиций критиковалась перестройка и её достижения, стало сигналом для партноменклатуры, не желавшей расставаться с властью: «Не всё ещё потеряно!». В стране началась кампания по удушению рождающейся свободы слова. Естественно, что «Взгляд» оказался в числе первых претендентов на закрытие. В марте 88-го состоялся Съезд кинематографистов СССР, посвящённый телевидению, на котором на «Взгляд» обрушился целый шквал критики. Сейчас это кажется абсурдным, но меньше чем два десятилетия назад именно так решалась судьба телевизионных программ. Руководство ЦТ с радостью восприняло критику, прозвучавшую на кинематографическом съезде, и в результате в марте 1988 года «Взгляд» был закрыт на 2 месяца, а ведущие отстранены от эфира.

Урок не пошёл впредь — несмотря на показательное отстранение от эфира, «взглядовцы» отношение к власти не изменили. Каждую программу, каждый сюжет приходилось пробивать с боем. Бои проходили с переменным успехом, пока в конце 1990 года не последовало очередное закрытие программы. Громко раскритиковав с трибуны Съезда народных депутатов СССР политику Михаила Горбачёва, подал в отставку министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе. «Взгляд», естественно, не мог остаться в стороне от такого события и готовил большую дискуссионную программу, которая должна была выйти в новогоднем выпуске. Но председатель Гостелерадио СССР Леонид Кравченко запретил пропускать в эфир этот выпуск, а ещё через две недели последовало распоряжение «О приостановлении производства и выхода в эфир программы „Взгляд“». Передача исчезла из телепрограммы, но в апреле 1991 года на видеокассетах, которые сразу же стали бестселлерами видеорынка, появился «Взгляд из подполья». Нетрудно догадаться, что во время «августовского путча» ведущие и авторы «Взгляда» были в первых рядах защитников Белого дома. Их оружием была камера и микрофон, фиксировавшие все события переломного для страны момента. 23 августа 1991 года в эфир вышел специальный выпуск программы, посвящённый только что закончившимся событиям, а ещё через два дня в эфире программы была показана запись с обращением к советскому народу, сделанная Михаилом Горбачёвым на даче в Форосе. Это был последний выпуск «Взгляда», вышедший в стране под названием «Советский Союз».

Чапаев — человек и фильм

Эх, как же всем хотелось, чтобы он всё-таки доплыл... Ну давай, Василий Иванович, ещё немного — и скоро под ногами будет твёрдая почва. «Врёшь, не возьмёшь!» — рычал раненый Чапай и грёб изо всех оставшихся сил. И всё-таки он тонул... И превращался в самого легендарного персонажа советского времени, в живущий вечно миф. И Урал уже казался Стиксом, а Чапаев — полубогом, совершившим несметное количество подвигов на этой Земле и убитым ненавистными врагами...

Писать о Чапаеве можно очень много, причём о трёх разных Чапаевых: Чапаеве реальном, Чапаеве, втиснутом в рамки официальной советской истории, и Чапаеве (скорее даже, Чапае) киношном. И все трое будут очень непохожими друг на друга. Недаром в заметках к сценарию фильма «Чапаев» (не менее легендарному, чем сам красный командир) было указано: «Герой картины — легендарный Чапаев. Мало кто о нём знает. Каким он был на самом деле — не знает почти никто...».

«Чапаев Василий Иванович [28.1(9.2).1887, дер. Будаики, ныне в черте г. Чебоксары Чувашской АССР, — 5.9.1919, около г. Лбищенска, ныне Чапаев Уральской области Казахской ССР], герой Гражданской войны 1918–20. Член КПСС с сентября 1917... С 1914 — в армии, участвовал в 1-й мировой войне 1914–18. Награждён за отвагу 3 георгиевскими крестами, медалью, получил звание подпрапорщика. В 1917 находился в госпитале в Саратове, затем переехал в Николаевск (ныне г. Пугачёв Саратовской области), где в декабре 1917 был избран командиром 138-го запасного пехотного полка, а в январе 1918 назначен комиссаром внутренних дел Николаевского уезда... С сентября 1918 начальник 2-й Николаевской дивизии. В ноябре 1918 был направлен на учёбу в Академию Генштаба, где находился до января 1919, а затем по личной просьбе был направлен на фронт и назначен в 4-ю армию командиром Особой Александрово-Гайской бригады. С апреля 1919 командовал 25-й стрелковой дивизией, отличившейся в Бугурусланской, Белебеевской и Уфимской операциях во время контрнаступления Восточного фронта против войск Колчака... В ночь на 5 сентября 1919 белогвардейцы внезапно напали на штаб 25-й дивизии в Лбищенске. Ч. со своими соратниками мужественно сражался против превосходящих сил врага. Расстреляв все патроны, раненый Ч. пытался переплыть р. Урал, но был сражён пулей и погиб... Легендарный образ Ч. отражён в книге „Чапаев“ Д. А. Фурманова, к-рый был воен. комиссаром 25-й дивизии, в кинофильме „Чапаев“ и др. произведениях лит-ры и иск-ва. Ему воздвигнуты памятники, его именем наз. города и насел. пункты, колхозы, совхозы, школы, улицы, корабли...».

Это — Чапаев официальный, так описывала его судьбу Большая Советская Энциклопедия, судьбу действительно героическую: простой солдат, начавший войну рядовым, дослужился до командира дивизии. Но сухие энциклопедические строчки не дают ответа на вопрос, почему именно Чапаев стал едва ли не самым знаменитым военачальником Гражданской войны, хотя были и другие командиры, гораздо более известные, чем он? Почему именно Чапаеву воздвигались памятники, а его именем назывались города и посёлки? И почему именно Василий Иванович стал мифическим героем в сознании народа, а позже трансформировался в едва ли не самого известного персонажа анекдотов?

До Первой мировой войны у простого крестьянина и рядового русской армии Василия Чапаева никаких «революционных мыслей» в голове не возникало. Он верил в Бога (как утверждают некоторые историки, Чапаев, уже будучи комдивом, перед каждым серьёзным сражением запирался в своей комнате и усердно молился, прося у Бога помощи и защиты). Чапаев честно исполнял свой долг и во время войны (в конце концов, три Георгиевских креста просто так никому не давали), однако постепенно он начинал понимать, что всемирная бойня нужна только кучке стоящих у власти людей, а миллионы простых солдат гибнут ни за что. В это время большевики вели в окопах свою агитацию и чётко обещали, что прекратят войну и дадут долгожданный «мир народам». И вполне естественно, что Чапаев, как и многие другие солдаты, которым «до чёртиков» надоела эта бессмысленная война, потянулся к большевикам, вступил в РСДРП и вскоре сам стал ходить по окопам и агитировать против войны.

После революции Василий Иванович вступил в Красную Армию и очень быстро вырос до командира полка, а затем и дивизии. Его имя гремело если и не по всей России, то, по крайней мере, в тех районах, где действовала чапаевская дивизия. Чапаеву действительно подчас удавались «чудеса», трудно объяснимые с точки зрения военной науки. Несколько раз ему удавалось выйти победителем в бою с противником, превосходящим его по численности и к тому же лучше вооружённым и организованным. При этом потери в его части были минимальными — Чапаев, это отмечали все знавшие его люди, умел беречь людей и всегда старался не допускать ненужных жертв как среди своих солдат, так и среди мирных жителей. Однако такая «миролюбивость» вызвала недовольствие всемогущего Льва Троцкого, в то время — наркома по военным делам и председателя Реввоенсовета республики. А после того как Чапаев не выполнил несколько приказов Троцкого, Лев Давыдович назвал всё это «партизанщиной» и лично отправился разбираться со строптивым комдивом.

В Саратовскую губернию, где тогда находилась чапаевская дивизия, Троцкий поехал, ни много ни мало, на двух бронепоездах. Столь грозное сопровождение было вызвано тем, что Лев Давыдович ехал арестовывать Чапаева. Об этом факте советская история умалчивала — Чапаева ненавидели не

только враги, но и свои «братья-революционеры».

По воспоминаниям очевидцев, Троцкий вёл себя вызывающе, во время доклада, а фактически допроса Чапаева ел арбуз и демонстративно выплёвывал косточки под ноги комдиву. Однако постепенно по настроению окружающих Лев Давыдович понял, что бойцы чапаевской дивизии будут до конца стоять за своего любимого командира и в случае чего не посмотрят на высокий ранг самого Троцкого. Через некоторое время Предреввоенсовета отставил арбуз, сменил тон разговора, а затем наградил Чапаева «за защиту великих завоеваний революции» серебряной шашкой и золотыми часами. Но вернувшись в Москву, Троцкий собрал совещание Реввоенсовета, на котором было вынесено постановление... расстрелять Чапаева.

Однако Чапаев уже был довольно значительной фигурой, и к тому же весьма популярной среди своих бойцов. Его расстрел мог бы вызвать серьёзные волнения, а проблем у советской власти и без того хватало. В общем, если «красного командира» нельзя расстрелять, значит, его нужно отправить... на учёбу в академию Генерального штаба. Три месяца Чапаев, толком не умеющий читать и писать, пытался изучать премудрости тактики и стратегии. В конце концов он не выдержал и пошёл на приём к самому Ленину. «Таким, как Чапаев, сейчас место на фронтах, а не в академиях», — была резолюция Ленина.

То, что происходило дальше, напоминает детективный роман с любовной интригой. Чапаев отправился на фронт и принял командование 25-й стрелковой дивизией, дислоцированной в районе Урала. По распоряжению Троцкого комиссаром в 25-ю дивизию был назначен Дмитрий Фурманов, тот самый, который впоследствии напишет известный роман «Чапаев». Поначалу отношения между комдивом и комиссаром складывались вполне миролюбиво, они быстро подружились. Но через три месяца между Чапаевым и Фурмановым возник конфликт, и весьма серьёзный. Фурманов вначале приехал один, однако затем в дивизии появилась его бывшая жена Анна Стешенко, с которой комиссар расстался некоторое время назад на почве ревности. Анна была женщиной очень привлекательной, и неудивительно, что Чапаев решил за ней «приударить». По одной версии, Стешенко вернулась к Фурманову, а Чапаев пытался её увести. По другой — Чапаев вёл себя достойно, а Фурманов из-за ревнивого характера обвинял комдива во всех грехах. В общем, типичный любовный треугольник, разбираясь с которым, правда, пришлось высшему руководству большевистского правительства. Из Москвы в 25-ю дивизию прибыла специальная комиссия во главе с Валерианом Куйбышевым. Вердикт комиссии был однозначен: во всём виноват Фурманов. «Лично я считаю правым Чапаева и буду настаивать на смещении и наказании Фурманова, ибо конфликт возник из-за пустяка», — писал Куйбышев. Но Фурманова почему-то так и не отозвали. Интересно, что сам он позже писал в своём дневнике: «Как ни отмахивайся, как ни подыскивай серьёзных оснований, по которым я пытался всё время обвинить Чапая, но вижу, что подзадоривала, поджигала меня всё время ревность...». Но было ли это признание искренним?..

Между тем с чапаевской дивизией стали происходить очень странные события. Несколько раз Чапаева атаковали превосходящие силы белых, причём совершенно неожиданно. Было ясно, что противника кто-то «наводил». Но вот кто? Так ли хорошо работала разведка белых или предавали свои? Дочь комдива, Клавдия Васильевна, которая много лет изучала архивные документы, касавшиеся судьбы Василия Ивановича, сказала однажды: «Отца ведь хотели убить. Он всем мешал. Чапаев знал больше, чем положено было знать комдиву. Начальству это не могло нравиться. И когда папа в очередной раз вышел из окружения с минимальными потерями, Троцкому предложили вызвать Чапаева с докладом, а по прибытии арестовать и расстрелять. Но папу предупредили, и он послал в Москву телеграмму: „Вам нужно убить меня? Так это просто! Возьмите и убейте. Но ради меня убивать всю дивизию — это преступление, ибо я один — ничто“». Несколько раз Чапаев получал странные указания из штаба 4-й армии, в подчинении которой была 25-я дивизия. Очень «интересно» вели себя и пилоты четырёх самолётов, присланных якобы в помощь Чапаеву. Они то «обнаруживали» противника там, где его не было, то «не замечали» крупные соединения белых в непосредственной близости месторасположения штаба 25-й дивизии. До поры до времени Чапаеву удавалось уходить от противника, пока штаб его дивизии не оказался в Лбищенске.

Лбищенск, стратегически важный город на Урале, в конце лета 1919 года несколько раз переходил из рук в руки. Наконец в начале сентября красным, как казалось, удалось надёжно захватить власть в городе. Однако Чапаев был озабочен нападениями казачьих разъездов на обозы в окрестностях Лбищенска и велел выставить в караулы вокруг города курсантов дивизионной школы. Но в ночь на 5 сентября курсанты по чьему-то приказу покинули свои посты...

«До сих пор удивительным и неразгаданным остаётся вопрос: кто же в ту роковую ночь снял с караула дивизионную школу? Чапаев такого распоряжения никому не давал...» — писал в своём дневнике Дмитрий Фурманов. Действительно, странно — кто и как мог отдать такой нелепый приказ, оставивший совершенно беззащитным штаб дивизии перед возможным нападением противника? Кстати, одним из немногих, кто мог отдать такой приказ, был сам Фурманов, второй человек в дивизии. Был ли это Фурманов или кто-то другой, история умалчивает. Но самое главное, об этом сразу же стало известно командующему казачьей дивизией полковнику Бороздину...

«Плыли двое, уже были у самого берега — и в этот момент хищная пуля ударила Чапаева в голову.

Когда спутник, уползший в осоку, оглянулся, — позади не было никого. Чапаев потонул в волнах Урала...». Так описывает смерть Чапаева Фурманов. Эта же версия потом появилась и во всех других советских источниках. Отрезанный от главных сил Чапаев с несколькими бойцами принял неравный бой с превосходящими силами противника и погиб смертью храбрых, переплывая Урал. Казалось бы, источник вполне достоверный и ему вполне можно верить. Но ведь Фурманов в тот момент не было рядом с Чапаевым, и писал он это с чужих слов. И как сопоставить со словами Фурманова появившуюся в 1926 году в «Правде» статью «Арест убийцы Чапаева», где, в частности, были такие слова: «Арестован колчаковский офицер Трофимов-Мирский, в 1919 году убивший *попавшего в плен* (курсив авт.) прославленного начальника дивизии товарища Чапаева»? То есть совершенно ясно, что Чапаев попал в плен, а не утонул в Урале, и сообщается об этом не на уровне каких-то непроверенных слухов, а в самой что ни на есть главной газете страны. Очевидно, пленный Чапаев был невыгоден советской пропаганде и его, да простят читатели автора за цинизм, решили «утопить». Здесь можно вспомнить печально известные слова Сталина, сказанные им во время Отечественной войны: «У Советского Союза нет военнопленных, а есть только предатели».

После завершения Гражданской войны Чапаев занял своё место в «пантеоне» героев революции. И всё-таки погибшие в Гражданскую войну Щорс и Лазо, странным образом убитый в 1925 году Котовский и не менее странным образом умерший в том же году Фрунзе, а также здравствовавшие Будённый и Ворошилов были гораздо популярнее и известнее Чапаева. Вышедший в 1923 году роман Дмитрия Фурманова «Чапаев», несомненно, вызвал некоторый интерес к персоне «красного комдива», однако Чапаев по-прежнему оставался «одним из многих». А вот по-настоящему «новая жизнь» Василия Ивановича как героя № 1 Гражданской войны началась 5 сентября 1934 года. В этот день у входа в ленинградский кинотеатр «Титан» появился небрежно написанный от руки плакат:

Интересно, что кинопрокатчики, не слишком веря в успех картины, попытались завлечь зрителя проверенным способом — указали фамилии популярных в то время актёров Мясниковой и Симонова, забыв о других исполнителях главных ролей — Борисе Бабочкине (Чапаев), Леониде Кмите (Пётр Исаев) и даже о народном артисте РСФСР Илларионе Певцове (полковник Бороздин). Вообще, в те времена тема Гражданской войны в кинематографе казалось уже исчерпанной. Абсолютно не имели успеха ни фильм «Мятеж», снятый по книге того же Фурманова, ни «Разгром» по Фадееву, ни «Разлом» по Борису Лавренёву. Да и первые две картины братьев Васильевых, «Спящая красавица» и «Личное дело», прошли совершенно незамеченными. Так что скептицизм вполне понятен: ни критики, ни даже авторы не ожидали такого оглушительного успеха, который имел фильм о бесстрашном комдиве.

Но вскоре детище «братьев Васильевых» (уточним, что Васильевы, Георгий Николаевич и Сергей Дмитриевич, на самом деле не братья, а однофамильцы) демонстрировалось в каждом кинотеатре страны. Слава «Чапаева» росла как снежный ком. «ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ НУЖНО УВИДЕТЬ ЭТУ ПОСТАНОВКУ!» — писала о фильме газета «Известия» через десять дней первого показа. И действительно, киноленту смотрели буквально все и не просто смотрели, а шли на сеанс, словно на демонстрацию, с плакатами «Мы идём смотреть „Чапаева“!».

Конечно, фильм был снят, что называется, «по мотивам», в нём не много осталось даже от книги Фурманова: из 57 сцен сценария, написанного по роману «Чапаев», в окончательном варианте осталось всего четыре. Мифологизация начинается буквально с первых кадров, когда Чапаев на лихой тачанке врывается на поле боя навстречу бегущим от врага красноармейцам. На самом деле использовали тогда не тачанки, а фэтоны, да и Чапаев был вполне современным человеком для своего времени и предпочитал передвигаться не на тачанке или верхом на горячем скакуне, а на автомобиле. Но это всё не важно, ведь главное, что Чапай останавливает бойцов — и они поворачивают на врага. И побеждают! Русскому человеку всегда нужен был народный герой, сильный и смелый, одно только слово которого заставляет трепетно биться сердца. Илья Муромец, Александр Невский, Иван Сусанин, Суворов, казак Платов, матрос Кошка, а теперь у советского народа появился свой герой — Чапаев...

В чём причина такого бешеного успеха? Фильм при всей своей идеологической однозначности не стал очередной «агиткой». Конечно, красные были героями положительными, а белые — отрицательными. Но и те и другие были живыми, а не плакатными героями. У красных командиров и их соратников, оказывается, были и недостатки, и вполне понятные человеческие чувства. А белогвардейцы, хоть оставались ненавистными врагами, имели свой характер. Это, кстати, было весьма смелым шагом для того времени. Знаменитая психическая атака белых офицеров, признанная критиками одной из самых выдающихся сцен мирового кино, вызвала немало критических замечаний. Некоторые усматривали в этом «героизацию белого офицерства». Но сцену всё-таки оставили, говорят, здесь не обошлось без вмешательства самого Сталина, которому очень нравился этот эпизод.

Кстати, своим успехом фильм «Чапаев» во многом обязан любви «самого главного зрителя и критика» Советского Союза. Собственно говоря, в те времена вопрос о том, быть или не быть кому-то героем, решался с благословения одного человека, если, конечно, масштабы исторической

персоны были «достойны» внимания вождя. Может быть, Сталин, помня о конфликте между Троцким и Чапаевым, решил таким образом «отблагодарить» комдива после его смерти и «насолить» своему злейшему врагу. А может, ему как обычному зрителю просто понравилась актёрская и режиссёрская работа. Как бы там ни было, Сталин просто обожал «Чапаева». По воспоминаниям начальника Главного управления кинематографии Бориса Захаровича Шумяцкого, к началу 1938 года Сталин посмотрел этот фильм 38 раз!

Чапаев ещё долго оставался примером для подражания, официально культивируемым героем, которого при этом искренне любил народ. Но новым временам нужны были новые герои. Чапаев из киногероя превратился в фольклорный персонаж. Такая вот трансформация, которая кому-то может показаться вполне закономерной: герой революции, воспетый официальной пропагандой, — киногерой — герой анекдотов. Жаль только, что за всеми этими «героями» всё больше отходит на задний план реальный человек со сложной и трагичной судьбой, вынужденный долгие годы сражаться на полях различных войн и погибший, когда ему было всего 32 года...

Иван Мичурин

Иван Мичурин не был бунтарём. Тихий, скромный учёный, очень непритязательный в быту, никогда, несмотря на свою славу, не считавший себя гением. И всё-таки «в тихом омуте черти водятся»... В 17 лет Ивана выгнали из рязанской гимназии. «За непочтительное отношение к начальству», — таким было решение руководства гимназии. Но это, как оказалось, были ещё «цветочки». Начальство приходит и уходит, а вот Мать-природа вечна и неподвластна человеку. Однако Иван Мичурин думал иначе, и кроме «непочтительного отношения к начальству», он также «непочтительно» относился и к природе. «Нам не надо ждать милостей от природы. Взять их у неё — наша задача!» — сказал однажды Мичурин, и эту его знаменитую фразу очень полюбили большевики. Но в отличие от большевиков и главного «кремлёвского мечтателя» Ленина, Мичурину удалось реализовать свои фантастические проекты и осуществить то, что раньше казалось невозможным...

27 октября 1855 года в поместье Вершина, близ деревни Долгое (ныне Мичуровка) Пронского уезда Рязанской губернии в семье мелкого рязанского дворянина Владимира Ивановича Мичурина родился сын Иван. Он был седьмым ребёнком в семье, однако все его братья и сёстры умерли в раннем возрасте.

Владимир Иванович, отец Ивана, был весьма образованным и просвещённым человеком, интересы его не ограничивались хозяйством и делами поместья. Он увлекался садоводством, целыми днями пропадал в саду, проводя различные опыты с плодовыми и декоративными растениями. Интерес к природе с самых ранних лет передался сыну — Иван как мог помогал отцу в его опытах, а когда подрос, сам стал начал проводить эксперименты с плодовыми и овощными культурами. В 1869 году Иван окончил уездное училище и готовился поступать в Петербургский лицей, однако из-за семейных и финансовых неурядиц (Мичуриным пришлось продать имение за долги) о Петербурге пришлось забыть. Иван поступил в Рязанскую гимназию, откуда его и изгнали через несколько месяцев.

На некоторое время Мичурину пришлось оставить свои любимые растения. В 1872 году он устраивается на должность конторщика на железнодорожной станции Козлов Тамбовской губернии. Способный молодой человек быстро продвигается по служебной лестнице — через два года он стал помощником начальника станции. Но очень престижная в те годы карьера железнодорожника юношу абсолютно не интересовала. Как только его материальное положение немного улучшилось, Иван покинул железную дорогу и в 1875 году арендовал недалеко от Козлова пустующую усадьбу площадью пять соток, где и занялся своим любимым делом — сбором коллекций растений и разведением новых сортов плодовых и ягодных культур.

Мичурин наконец-то получил свой участок, однако его научные изыскания требовали серьёзного финансирования, а с этим-то в России во все времена было очень туго. Надо сказать, что российское садоводство в дореволюционное время находилось в весьма плачевном состоянии. В те годы бытовало мнение, что разведение новых сортов плодовых и ягодных культур в средней полосе России, а тем более в северных районах — дело абсолютно бесперспективное. Большая часть потребности в фруктах обеспечивалась за счёт импорта, свои же родные садоводы и селекционеры находились в роли падчерицы при злой мачехе. Не было исключением и Иван Мичурин.

Молодому учёному вновь пришлось узнать, что такое катастрофическая нехватка денег. Чтобы как-то прокормить семью (в 1875 году Мичурин женился на дочери рабочего Александре Васильевне Петрушиной) и купить семена и саженцы для своего сада, Ивану Мичурину пришлось открыть часовую мастерскую. Работал он, как говорится, на два фронта — днём в саду, ухаживая за любимыми деревьями, а по ночам склонялся над верстаком, ремонтируя часы обывателей.

Своей целью Иван Мичурин ставил выведение новых улучшенных сортов плодовых культур, акклиматизированных для средней полосы России. Однако первые опыты оказались неудачными. Мичурин сначала пошёл по традиционному в тогдешней селекции пути — пытался привить черенки южных растений, стараясь приспособить гибриды к более суровым условиям. Деревья вымерзали, но неудачи не остановили учёного, скорее наоборот, заставили его настойчивее искать решение проблемы. После нескольких лет безуспешных поисков Мичурин наконец-то добился результата.

«Невозможно привить черенки с деревьев южных сортов, которые уже прошли все стадии своего развития, только выведение растений из семян, полученных при помощи гибридизации, поможет создать новые морозоустойчивые сорта; чем дальше отстоят между собой пары скрещиваемых растений-производителей по месту их родины и условиям их среды, тем легче приспособляются к условиям среды в новой местности гибридные сеянцы». Открытие этих принципов позволило Ивану Мичурину сделать настоящий прорыв в селекции. За несколько лет он создаёт несколько десятков новых сортов яблонь, груш, вишен, слив, прекрасно приспособленных к климатическим условиям средней полосы России и по урожайности не уступающих южным сортам. Кроме того, Мичурин не боялся экспериментировать, отходить от канонов традиционной науки. Он скрещивал сорта, не родственные друг другу, а иногда для получения гибридов использовал даже различные виды и

семейства.

Имя Ивана Мичурина вскоре стало широко известно и почитаемо в кругу его коллег-учёных как на родине, так и за рубежом. Однако дальше публикаций в самых престижных научных журналах и признания во всём мире дело не шло. Иван Владимирович неоднократно посылал свои предложения в департамент земледелия, но чиновники обычно отвечали отписками, а то и вовсе оставляли без ответа письма учёного. Правда, Указом Его Императорского Величества потомственный дворянин Иван Владимирович Мичурин за свои заслуги был награждён орденом Святой Анны третьей степени. Но награды и звания не интересовали учёного. Он мечтал вывести российское садоводство на мировой уровень, хотел, чтобы дело многих лет упорного труда не пропало даром. По подсчётам экспертов, если бы идеи Мичурина в дореволюционное время были реализованы, это практически сняло бы зависимость России от импорта фруктов и дало бы российской экономике прирост в сотни тысяч рублей золотом в год. Однако до 1917 года большинство идей Мичурина остались нереализованными.

В 1899 году Иван Мичурин приобрёл на окраине Козлова новый участок, куда и перенёс свои растения и оборудование. К 1917 году «на счету» селекционера было почти 160 новых сортов плодовых и ягодных культур. Однако ещё раз повторимся — титаническая работа учёного, по сути, не имела практического применения. И потому-то, наверное, потомственный (хотя и бедный и не очень родовитый) дворянин Иван Мичурин безоговорочно принял революционные события 1917 года и советскую власть. И в этом нет ничего удивительного — Мичурину было уже за 60, когда его работу наконец-то оценили по заслугам.

В 1920 году Ленин дал указание наркомуп земледелия организовать специальную комиссию по изучению научных работ и практических достижений Мичурина. Указание это было выполнено безукоризненно, с тех пор работа Ивана Владимировича получила поддержку на самом высшем уровне. К середине 20-х годов малоизвестный до того времени учёный стал главным селекционером страны и располагал практически неограниченными возможностями для работы. В ноябре 1923 года питомник имени И. В. Мичурина указом ЦИК был признан учреждением государственного значения. Через пять лет мичуринский питомник был преобразован в селекционно-генетическую станцию плодово-ягодных культур, которая в 1934 году была реорганизована в Центральную генетическую лабораторию имени И. В. Мичурина. Учёный стал академиком ВАСХНИЛ и почётным членом АН СССР, был награждён орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, и, пожалуй, наивысшая форма признания — в 1932 году город Козлов, где жил и работал учёный, был переименован (прижизненно!) в Мичуринск.

Любопытно, что образ жизни учёного со сменой власти, в общем-то, не очень изменился. И в 60, и в 70 лет, как и в молодые годы, Мичурин вставал в пять утра, работал в питомнике, библиотеке, принимал посетителей, передавал свои знания сотрудникам, отвечал на корреспонденцию и, позволяя себе только короткий послеобеденный отдых, ложился спать около полуночи. Пожалуй, единственное, но очень существенное отличие — учёный мог совершенно не заботиться о деньгах и обеспечении своего питомника нужным оборудованием и материалами. Если ранее Мичурину и его немногочисленным помощникам приходилось экономить каждую копейку, то при советской власти питомник в Козлове обеспечивался всем необходимым по первой же просьбе.

До самых последних дней жизни (Иван Владимирович Мичурин скончался 7 июня 1935 года) учёный продолжал работать с литературой, отвечал на письма, писал научные статьи. К сожалению, после смерти имя Мичурина было использовано шарлатанами от биологии во главе с президентом ВАСХНИЛ Трофимом Лысенко для создания так называемого «мичуринского учения» (абсолютно псевдонаучного по своей сути) и борьбы с «буржуазной наукой», под которой подразумевалась генетика и принципы наследственности. Да, при жизни Мичурин выступал против сторонников генетики и евгеники. Да, он в своих речах и статьях восхвалял колхозный строй и коллективизацию. Но он никогда не был агрессивен в своих выступлениях и никогда не принимал участия в травле коллег-учёных. Таких впоследствии были сотни и тысячи, тех, кто на учёных советах и заседаниях Академии наук послушно поднимал руку в знак одобрения бездумных «решений» и «постановлений». Их имена никому не известны. Имя же Ивана Мичурина навсегда останется вписанным в историю науки. Его работа определила развитие селекции на многие годы вперёд, а значимость его открытий не нуждается в переоценке по прошествии лет и смене эпох...

«Как закалялась сталь»

«Самое дорогое у человека — это жизнь. Она даётся ему один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жёг позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества». Эти слова Николая Островского знал каждый советский человек, миллионы раз советские школьники цитировали их в сочинениях на тему «Образ Павла Корчагина» или «Павел Корчагин — положительный герой поколений 30–50-х годов». И от такого бесконечного повторения истрепались они, стали штампом, школьной повинностью. Выучил «от сих до сих», ответил учителю, получил свою оценку — и всё, а о том, что «жизнь надо прожить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы», можно и не задумываться. А жаль, слова-то ведь хорошие и правильные...

Николай Алексеевич Островский родился 29 сентября 1904 года в селе Вилия Острожского уезда Волынской губернии, в семье отставного военного. Предки его сражались на различных войнах — дед участвовал в героической обороне Севастополя в 1854–1855 годах, отец прошёл Русско-турецкую войну 1877–1878 годов, за проявленную храбрость был награждён двумя Георгиевскими крестами.

Наверное, читатели постарше помнят, как начинается роман «Как закалялась сталь», главное произведение Николая Островского. Двенадцатилетнего Павла Корчагина выгоняют из церковно-приходской школы, и он устраивается на работу в станционный буфет. И хотя сам Николай Островский просил не отождествлять себя с Павлом Корчагиным и говорил, что Павел — это самостоятельный герой, роман фактически является автобиографией писателя. Так же как и Корчагин, Островский рано пошёл работать, сначала в буфет, где, как он вспоминал, «воспитание получал в основном подзатыльниками и пинками», затем на железную дорогу электромонтёром. А потом грянула революция.

В это время большая семья Островского бежала от войны в Шепетовку (ныне — город в Хмельницкой области). «Николай Островский с воодушевлением принял Великую Октябрьскую социалистическую революцию», — так писали в биографиях писателя, изданных в советское время. В общем-то так и было, хотя вряд ли тринадцатилетний подросток разбирался во всех перипетиях политической борьбы в стране. Однако, несмотря на совсем ещё юный возраст, Николай с головой окунулся в дело борьбы за «счастье трудового народа». В 1919 году Островский втайне от родных вступил в комсомол, добровольно ушёл на фронт, воевал в бригаде легендарного Григория Котовского. Однажды под Львовом отряд Котовского преследовал отступающего противника. В этой погоне Николай был ранен в голову, слетел на всём скаку с коня и при падении сильно повредил позвоночник. Дальше было долгое и трудное лечение, уже тогда врачи настоятельно рекомендовали Островскому не возвращаться на фронт. Но он вернулся, попал в знаменитую Первую конную армию под командованием Семёна Будённого. В очередном бою вновь был ранен, получил тяжелейшую контузию, правый глаз практически перестал видеть. На этот раз врачи были непреклонны — Николай был комиссован и был вынужден уйти из армии. В 16 лет Островский — инвалид войны...

«Только вперёд, только на линию огня, только через трудности к победе... И никуда иначе» — такой девиз был у Николая Островского. Он снова на фронте — на этот раз трудовом, на котором, пожалуй, ещё труднее, чем в бою с врагами. В 1922 году Николай по заданию киевского губкома комсомола отправляется на строительство узкоколейной дороги от лесхоза до станции Боярка. Эта дорога позволит быстро доставить топливо в замерзающий Киев, и Островский не остаётся в стороне: вместе со своими товарищами в сорокаградусный мороз он долбит промёрзшую землю. И вновь болезнь — тиф, который в условиях голодного времени и практически полного отсутствия медикаментов побеждают не многие. Николай выжил, но его силы были практически на исходе. После выздоровления Островского посылают в качестве военного комиссара батальона всеобуча в Берездов и Изяслав, затем — в качестве секретаря окружка комсомола в Шепетовку.

В 1924 году Николай впервые почувствовал первые признаки непонятной болезни, которая быстро прогрессировала. Появились серьёзные проблемы со зрением, всё труднее и труднее становилось ходить. А вскоре врачи ставят страшный диагноз: токсический полиартрит, костный паралич, прогрессирующее ухудшение зрения. В перспективе — полная неподвижность и слепота. В жизни будущего писателя начинается кажущаяся бесконечной череда пребывания в больницах, клиниках, санаториях. Но операции и процедуры ничего не дают, болезнь не отступает. Есть ли выход? Есть, и Николай не раз думает о нём...

«Шлёпнуть себя и конец всему...». Под рукой всегда есть верный браунинг — и за секунду все проблемы и несчастья уйдут далеко-далеко. Но... «Сделай жизнь полезной, когда она становится невыносимой», — сам себе отвечает Николай. Именно в этот период у него появилась мысль о том, чтобы стать писателем. Николай понимает, что одного желания мало, что нельзя так просто сесть за стол и писать хорошие произведения. Он с детства любил читать, его любимыми книгами были «Спартак» Р. Джованьоли, «Овод» Э. Л. Войнич, романы Фенимора Купера и Вальтера Скотта, в

которых отважные и смелые герои борются с несправедливостью в лице коварных злодеев. Таким видел себя и Островский. Но теперь, когда болезнь начала сковывать его, Николай стал читать запоем, одну книгу за другой. Пока он мог читать сам, он практически не выпускал книги из рук...

К осени 1927 года Николай Островский уже не может ходить, он навсегда прикован к постели. И в это же время он начинает неумолимо слепнуть. В 1929 году Островский приезжает на лечение в Москву. Восемь месяцев он лежит в больнице, после чего вместе с женой поселяется в столице. И начинает писать. Он ослеп и практически парализован, но руки ещё сохранили подвижность. Друзья сделали ему специальный транспарант (графарет с прорезями для строчек), и Николай медленно, тщательно выводя каждую букву, пишет первые страницы романа «Как закалялась сталь» (первоначальное название — «Павел Корчагин»). Такое название выбрано не случайно. «Сталь закаляется при большом огне и сильном охлаждении, — говорил Николай Островский. — Тогда она становится крепкой и ничего не боится. Так закалялось и наше поколение в борьбе и страшных скитаниях и училось не падать перед жизнью».

Однако работа продвигалась медленно, к тому же состояние писателя ухудшалось. Болезнь поразила весь организм, Островский уже был не в состоянии даже пошевелить руками. Теперь Николай мог только диктовать — его слова записывали жена и мать, друзья и соседи по квартире, и даже девятилетняя племянница.

Когда первая часть книги была закончена, друзья писателя отправили её в издательства. Но везде их ждали отказы и отрицательные рецензии. Наконец роман приняли в журнале «Молодая гвардия». И вдруг, вопреки ожиданиям, роман «Как закалялась сталь» получил широкое признание у читателей. Журнал, где печатались главы романа, невозможно было достать, в библиотеках надо было записываться в очередь и ждать как минимум месяц. В конце 1934 года вышло первое массовое издание тиражом 100 тысяч экземпляров. Ещё при жизни писателя роман был переведён на украинский, польский, французский, английский и даже японский языки.

Несмотря на успех, писатель понимает, что роман далеко не совершенен. «Я ошеломлён и смущён своей популярностью, — писал Островский своему литературному учителю, известной писательнице Анне Караваевой. — Я понимаю, как далека от совершенства и истинного мастерства моя книга... Но меня успокаивает одно: я перестал даром есть хлеб у победившего пролетариата». Кстати, позже, когда черновики рукописи романа попали в руки исследователей, возникли сомнения в том, что Островский сам писал (точнее, диктовал) весь роман. Николай Алексеевич, безусловно, является автором сюжета и персонажей, и, скорее всего, он написал первую часть романа. Но материал был сырой, и за дело взялись профессиональные литераторы Марк Колосов и Виктор Кин, которые официально считались редакторами книг Островского. Персонажи романа «Как закалялась сталь» весьма близки по характеру к персонажам рассказов Колосова. А популярный в те годы роман Виктора Кина «По ту сторону», рассказывающий о борьбе комсомольцев на Дальнем Востоке во время Гражданской войны, близок по духу к произведению Островского, к тому же многие диалоги в обоих романах очень похожи.

Безусловно, мы говорим об этом не для того, чтобы бросить тень на писателя, смешать его имя с грязью. Просто правда, какой бы она ни была, должна оставаться правдой. А Николай Островский достоин всяческого уважения как человек, который в безнадежной, казалось бы, ситуации не упал духом и смог сопротивляться неумолимой в своей жестокости судьбе. Но... Если бы Островского не было, то его следовало бы придумать. «Я за этот тип революционера, для которого личное ничто в сравнении с общим», — говорил Павел Корчагин, а значит, так думал сам Николай Островский. Он искренне верил в то, что скоро наступит то самое «светлое будущее», «сказка для трудового народа», наверное, потому, что не видел (цинично, но факт), что происходит вокруг. В отличие от множества «придворных» писателей, которые выполняли заказ партии, Островский писал то, что думал. Когда он сражался на фронтах Гражданской войны, он свято верил в идеалы «классовой борьбы». И точно так же он продолжал верить в эти идеалы, когда оказался прикованным к постели и его единственным оружием осталось слово, надиктованное друзьям или родным. Но такой человек, как Островский, такой литературный герой, как Павел Корчагин, яростно беспощадный и к себе, и к врагам, безоговорочно преданный делу «всемирной революции» и готовый пожертвовать ради дела собой, был нужен режиму, который всегда ставил интересы государства выше интересов личности (точнее, никогда не принимал эту личность и её мнение в расчёт). И из Островского ещё при жизни начали делать миф, советского святого мученика. Знаменитый французский писатель, нобелевский лауреат Андре Жид так и сказал о нём после того, как посетил Николая в больнице: «Я не могу говорить об Островском, не испытывая чувства глубочайшего уважения, я бы сказал: „Это святой“».

А когда в 1934 году в «Правде» появился очерк известного журналиста Михаила Кольцова «Мужество», когда миллионы читателей узнали, что Павел Корчагин и его трагическая судьба — это не плод выдумки автора, это и есть сам автор и его жизнь, Николай Островский стал поистине народным героем. «Николай Островский лежит на спине, плашмя, абсолютно неподвижно... — писал Кольцов. — Тонкие кисти рук, только кисти, чуть-чуть шевелятся: они влажны при пожатии... Но лицо живёт. Страдания подсушили его черты, стёрли краски, заострили углы. Губы раскрыты,

два ряда молодых зубов делают рот красивым. Эти уста говорят. Этот голос спокоен, хотя и тих, но только иногда изредка дрожит от утомления... И тут мы делаем страшное открытие: нет, не вся голова этого человека живёт! Два больших глаза своим тусклым стеклянным блеском не отвечают на солнечный луч. Ко всему человек ещё и слеп».

1 октября 1935 года Указом ЦИК СССР Николай Островский награждён орденом Ленина. Писателю предоставляют большую квартиру в Москве на улице Горького, специально для семьи Островского строят новую благоустроенную дачу. У Николая есть всё, о чём мог мечтать советский человек, — персональная пенсия, постоянная медицинская помощь, личный автомобиль и даже прицепной вагон для переездов по стране. Но Островскому всё это, по большому счёту, уже не нужно: дни его сочтены. 22 декабря 1936 года Николай Островский скончался. Хоронили его как солдата, погибшего на боевом посту. Он был достоин такой чести...

Николай Островский и его герой — это часть советской истории, символ советской эпохи. Роман «Как закалялась сталь», несмотря на его однозначную идеологическую направленность, интересен как взгляд человека, прошедшего через горнило Гражданской войны, непосредственного свидетеля и участника событий в послереволюционной России. Да, это взгляд с одной стороны баррикад, но ведь общая и истинная картина событий и складывается из мозаики взглядов и суждений. Главное, чтобы мы всегда имели возможность видеть ту или иную проблему или событие с разных сторон, могли слышать разные мнения. Ведь это первостепенное право любого человека — думать и говорить то, что он хочет, а не то, что от него требует кто-то другой...

Спасение экспедиции «Челюскина»

В 1929 году некий геолог во время экспедиции на Чукотке присел отдохнуть на склоне сопки и обнаружил у себя под ногами серебристые камешки. Геолог сразу же заинтересовался камешками — сомнений не было, это касситерит, оловянная руда. Так было открыто одно из крупнейших в мире месторождений олова. После двух лет изучения месторождения Совнарком СССР принимает решение — построить на Чукотке шахты, обогатительную фабрику и посёлок для шахтёров. Решение вполне понятное. Месторождение действительно богатейшее, вот только существовала одна, но очень серьёзная, проблема — как доставить на Чукотку людей и технику и как потом вывозить добытое олово? Вариант виделся только один — за короткую летнюю навигацию пройти Северным морским путём от Мурманска до Чукотки. В 1932 году первым это проделал пароход «Александр Сибиряков» под командованием капитана Владимира Ивановича Воронина и начальника Главного Северного морского пути (Главсевморпуть) Отто Юльевича Шмидта. Казалось бы, решение найдено: не без сложностей, но за одну навигацию «Сибиряков» прошёл из Северного моря в Берингово. Однако «Сибиряков», как и другие ледоколы, был не приспособлен для транспортировки большого количества грузов. Для грузовых, коммерческих перевозок, соответствующих задачам освоения Севера, нужны были суда с большей коммерческой нагрузкой, приспособленные к плаванию в суровых северных условиях.

В это время на верфях датской фирмы «Burmeister and Wain» по заказу советских внешнеторговых организаций строилось... Здесь мы сделаем небольшое отступление и сообщим читателю, что до определённого момента будем придерживаться общеизвестной, официальной версии происходившего с экспедицией парохода «Челюскин». Поэтому пока мы будем исходить из предположения, что в Дании строилось на тот момент одно судно для Советского Союза. Пароход водоизмещением 7500 тонн получил название «Лена» и вышел в первое плавание 3 июня 1933 года. Через два дня пароход прибыл в Ленинград, а ещё через две недели «Лена» была переименована. Своё новое название пароход получил в честь русского полярного исследователя С. И. Челюскина. Капитаном корабля был назначен Владимир Воронин, который уже имел опыт плавания по пути от Мурманска до берегов Чукотки.

Изначально «Челюскин» строился как обычное коммерческое судно, не предназначенное для плавания в северных широтах. Радист экспедиции Эрнст Кренкель вспоминал: «Заказал его („Челюскин“ — Авт.) Совторгфлот, получал — Главсевморпуть. Естественно, что эти организации предъявляли кораблю не совсем одинаковые требования. Для решения задач, которые ставил Главсевморпуть, новый пароход годился лишь в минимальной степени. Конечно, лучше было бы взять вместо него другой, но другого просто не было...». Подготовка судна к плаванию затянулась. 16 июля «Челюскин» вышел из устья Невы в Копенгаген, где были устранены некоторые дефекты, а оттуда в Мурманск. В Мурманске была произведена дополнительная погрузка, и 2 августа 1933 года «Челюскин» вышел в своё историческое и последнее плавание...

Уже через две недели в Карском море полярные льды показали свою мощь. 13 августа по правому борту «Челюскина» появилась серьёзная течь и деформация корпуса. Сразу же встал вопрос о возвращении домой, однако «Челюскин» продолжил свой путь. Через месяц корабль достиг Восточно-Сибирского моря. Здесь арктические льды всерьёз «взялись за дело». Стало ясно, что бороться с ледяной стихией «Челюскин» не сможет. Однако в тот момент судьба была благосклонна к кораблю. Зажатый во льдах «Челюскин» благодаря удачному течению дрейфовал всё дальше на юго-восток и в начале ноября оказался в непосредственной близости от Берингова пролива. Казалось, что цель близка, ещё немного — и корабль сможет преодолеть полосу ледовых торосов и выйдет на чистую воду. Но течение неожиданно изменилось, и «Челюскин» стало относить назад, на северо-запад. Вмёрзшее в лёд судно два месяца беспомощно дрейфовало в Чукотском море.

Напомним, что «Челюскин» не был готов к плаванию в арктических широтах и тем более не мог противостоять напору тяжёлых льдов. Обшивка трещала по швам, звук заклёпок, которые вылетали из корпуса корабля, был похож, по словам челюскинцев, на треск пулемётной очереди. Всё было окончено 13 февраля 1934 года...

«Полярное море. 14 февраля. Передано по радио.

13 февраля в 15 часов 30 минут в 155 милях от мыса Северного и в 144 милях от мыса Уэлен „Челюскин“ затонул, раздавленный сжатием льдов. Уже последняя ночь была тревожной из-за частых сжатий и сильного торошения льда. 13 февраля в 13 часов 30 минут внезапным сильным напором разорвало левый борт на большом протяжении — от носового трюма до машинного отделения. Одновременно лопнули трубы паропровода, что лишило возможности пустить водоотливные средства, бесполезные, впрочем, ввиду величины течи.

Через два часа всё было кончено. За эти два часа организованно, без паники выгружены на лёд давно подготовленный аварийный запас продовольствия, палатки, спальные мешки, самолёт и радио. Выгрузка продолжалась до того момента, когда нос судна уже погрузился в воду. Руководители экипажа и экспедиции сошли с парохода последними, за несколько секунд до полного

погружения.

Пытаясь сойти с судна, погиб завхоз Могилевич. Он был придавлен бревном и увлечён в воду.

Начальник экспедиции Шмидт».

Эта радиограмму радист Эрнст Кренкель отправил в ближайший посёлок Уэлен сразу же после того, как 104 человека, среди них 10 женщин и двое детей, высадились с тонущего судна на лёд и поставили палатки. Вскоре это послание дошло и до Москвы. На совещание в Кремле собралась срочно созданная правительственная комиссия. Было решено пробиваться к лагерю челюскинцев на собачьих упряжках, однако эта попытка успехом не увенчалась.

Знали о случившемся с «Челюскиным» и о том, что сотня людей в 40-градусный мороз находится на голой льдине, и американцы. Правительство США почти сразу же предложило свою помощь. Нужно сказать, что мнения специалистов и историков по поводу возможностей американцев спасти экипаж «Челюскина» расходятся. Одни считают, что авиация Соединённых Штатов располагала новейшими самолётами и опытными лётчиками, способными буквально в считанные дни вывезти челюскинцев на Большую землю. Другие же называли предложенную помощь «неконкретной и бесполезной». Но как бы там ни было, Сталин категорически отказался от любого иностранного содействия в деле спасения экспедиции под командованием Отто Шмидта.

На этот момент следует обратить особое внимание. Прежде всего, из-за печальной исторической параллели — поведение Сталина и происходившее с «Челюскиным» очень напоминает поведение российских властей во время катастрофы подлодки «Курск». И в 1934-м, и в 2000-м иностранцы настойчиво предлагали свою помощь в спасении людей, но в обоих случаях им было отказано. Что же стало причиной? Гордость, граничащая с глупостью, мол, «мы сами всё можем»? Или же западные специалисты могли увидеть то, что видеть не должны были? Но об этом немного позже.

За историческим походом «Челюскина» следили все центральные газеты страны, сообщения о ходе экспедиции каждый день появлялись в печати и на радио. А когда челюскинцев постигла беда, это стало общенациональным горем, все искренне переживали за судьбу экспедиции Отто Шмидта. «Как там челюскинцы?» — первым делом спрашивали люди при встрече друг с другом. Следили за происходящим в Арктике и на Западе. В то, что людей удастся спасти, мало кто верил. Датская газета «Политикен», к примеру, заранее хоронила Отто Шмидта, причисляя его к числу погибших в Арктике первопроходцев: «В арктических льдах Отто Шмидт встретил того врага, которого ещё никто не мог победить. Он погиб как герой, человек, чьё имя будет жить среди покорителей Северного Ледовитого океана».

Но Отто Шмидт и члены его экспедиции были живы и всеми силами боролись за своё спасение. Для женщин и детей челюскинцы построили деревянный домик, рядом поставили пекарню, даже стали выпускать стенгазету «Не сдаёмся!». Через три недели после начала зимовки на льдине появилась надежда. Первым на поиски лагеря челюскинцев отправился пилот Анатолий Ляпидевский на самолёте АНТ-4. Вместе с ним в экипаж самолёта входили второй пилот Е. Конкин, бортмеханик М. Руковский и штурман Л. Петров.

С середины февраля Ляпидевский 28 раз вылетал на поиски лагеря челюскинцев, однако поиски не увенчались успехом. Наконец 5 марта экипаж АНТ-4 обнаружил зимовщиков, совершил посадку недалеко от месторасположения экспедиции и вывез в Ванкарем (населённый пункт, где находилась база советских лётчиков, участвовавших в спасательной операции) женщин и детей. Но на следующий день испортилась погода, Ляпидевский пытался прорваться к лагерю, однако из-за пурги был вынужден вернуться. А вскоре его самолёт потерпел аварию недалеко от Ванкарема. Экипаж выжил, но самолёт был сильно повреждён.

Ухудшилось положение и в лагере челюскинцев. Льдина начала трескаться, несколько крупных разломов оказались непосредственно под лагерем. Серьёзно заболели несколько человек, в том числе и командир экспедиции Отто Шмидт. К счастью, в начале апреля в Ванкарем прибыла группа лётчиков-полярников: С. А. Леваневский, В. С. Молоков, Н. П. Каманин, М. Т. Слепнёв, М. В. Водопьянов, И. В. Доронин. Именно они и вывезли челюскинцев на землю, именно их мастерству и мужеству спасённые члены экспедиции обязаны своей жизнью. Работать пилотам приходилось в жутких условиях — мороз минус 40, пронизывающий ветер, плохая видимость, ежедневная посадка на льдину, которая в любой момент может не выдержать вес самолёта. Но лётчики блестяще завершили спасательную операцию. За 24 рейса между Ванкаремом и лагерем челюскинцев были вывезены все до единого участника экспедиции. 13 апреля 1934 года двухмесячная ледовая эпопея завершилась.

Когда последний самолёт с челюскинцами приземлился в Ванкареме, там приняли срочную правительственную телеграмму из Москвы:

«Ляпидевскому, Леваневскому, Молокову, Каманину, Слепнёву, Водопьянову, Доронину.

...Входим с ходатайством в Центральный Исполнительный Комитет СССР:

- 1) Об установлении высшей степени отличия, связанного с проявлением геройского подвига, — звания Героя Советского Союза.
- 2) О присвоении лётчикам: Ляпидевскому, Леваневскому, Молокову, Каманину, Слепнёву, Водопьянову, Доронину, непосредственно участвовавшим в спасении челюскинцев, звания Герой Советского Союза.
- 3) О награждении орденом Ленина поименованных лётчиков и обслуживавших их бортмехаников... и о выдаче им единовременной денежной награды в размере годового жалования».

Сказать, что челюскинцы и лётчики стали героями всей страны, значит не сказать ничего. Всю дорогу от Чукотки до Москвы их встречали толпы людей с цветами и подарками. В их честь называли улицы и школы. В Кремле был устроен торжественный приём, на котором присутствовали все руководители государства. Челюскинцы были награждены орденами, а лётчики, принимавшие участие в спасении экспедиции стали первыми Героями Советского Союза.

На этом в счастливо закончившейся истории экспедиции «Челюскина» можно было бы поставить точку. Но в последнее время в прессе появился ряд публикаций, опровергающих или, точнее, существенно дополняющих официальную версию произошедшего с «Челюскиным». Если говорить коротко, основной лейтмотив этих публикаций — в августе 1933 года из Мурманска в плавание к берегам Чукотки вышло не одно, а два судна...

В 1997 году в газете «Известия» появилась статья Анатолия Прокопенко — личности, хорошо известной в среде историков и архивистов. Анатолий Стефанович долгое время возглавлял Особый архив, в котором хранились интереснейшие и самые секретные документы. В статье Прокопенко по своему объясняет отказ советского правительства от помощи авиации США в спасении челюскинцев: «Из фонда знаменитого полярного лётчика Молокова можно узнать, отчего Сталин отказался от иностранной помощи при спасении экипажа ледокола „Челюскин“. А оттого, что волею судеб поблизости вмёрзла в лёд баржа-могила с заключёнными».

Наибольший же резонанс вызвала работа «Тайна экспедиции „Челюскина“», автором которой является кандидат филологических наук Эдуард Иванович Белимов, долгое время работавший в Новосибирском электротехническом институте, а затем уехавший на постоянное место жительства в Израиль. Кратко суть версии Белимова сводится к следующему. Вместе с «Челюскиным» в 1933 году из Мурманска вышло однотипное судно под названием «Пижма», на котором находилось около 2000 заключённых. Оба судна оказались зажатыми во льдах и, находясь на небольшом расстоянии друг от друга, дрейфовали в водах Чукотского моря. Когда «Челюскин» затонул, встал вопрос: «Что делать с „Пижмой“?». Конвоиры могли без проблем охранять запертых в трюмах людей, но совсем другое дело — огромная масса заключённых, рассеянных на льдине. Начальник конвоя Кандыба получил из Москвы по радио приказ — взорвать корабль вместе с заключёнными. Что якобы и было сделано. Кандыба и его подчинённые были уверены, что справились с заданием и доложили об этом по возвращении в Москву вместе с челюскинцами. Однако позже, по утверждению Белимова, в американской печати появились сообщения о том, будто бы большая часть заключённых с «Пижмы» спаслась из-за того, что из трёх заложенных зарядов сработал только один, поэтому судно затонуло не сразу, а только спустя восемь часов после взрыва. Часть заключённых самостоятельно добралась до Чукотки, а часть смогла воспользоваться корабельной радиостанцией, и их сигнал о помощи услышали на базе американской береговой авиации на Аляске. В итоге американские самолёты вывезли выживших в Америку, после чего те рассказали о произошедшем журналистам.

Свои утверждения Эдуард Белимов базировал на анализе некоторых исторических документов, а также на рассказах двух людей, имевших непосредственное отношение к этой загадочной истории. Один из них — некий Яков Самойлович, спасшийся заключённый с «Пижмы» (в статье Белимов почему-то не указывает фамилию этого человека). А вторая — пассажирка с «Челюскина», причём в советской истории эту женщину звали Доротея Ивановна Васильева, и была она супругой геодезиста Васильева, направившегося на зимовку на остров Врангеля, а по версии Белимова — Елизавета Борисовна, жена того самого начальника конвоя Кандыбы. И официальная версия, и Эдуард Белимов сходятся в том, что именно эта женщина родила на борту «Челюскина» девочку по имени Карина, когда корабль находился в Карском море.

Конечно, в рамках небольшой статьи очень трудно установить истину, поэтому мы ограничимся только перечислением основных аргументов «за» и «против» той и другой версии. Во-первых, Эдуард Белимов основывается на рассказах очевидцев. Здесь можно полагаться только на честность и порядочность автора и его собеседников, поэтому этот момент мы обсуждать не будем.

Кроме того, по утверждению Белимова, в 1992 году специальная комиссия при президенте России Б. Н. Ельцине обнаружила в архивах Политбюро ЦК КПСС ноту правительства Дании, направленную в МИД СССР в 1933 году. «Королевское правительство Дании выражает серьёзную озабоченность в связи с решением советских властей направить корабли „Челюскин“ и „Пижма“ в

самостоятельное плавание из Мурманска на Дальний Восток через моря Северного Ледовитого океана, — говорилось в документе. — „Челюскин“ и „Пижда“ не являются ледоколами, как это утверждается в советской печати. Оба корабля относятся к классу самых обычных грузопассажирских пароходов и поэтому совершенно не приспособлены к плаванию в северных широтах. В случае гибели хотя бы одного из названных кораблей незаслуженно пострадает престиж кораблестроительной промышленности Дании». Если предположить, что такая нота действительно была, то это значит, что датчане строили для Советского Союза не одно, а два судна и оба эти судна готовились к отплытию в северные широты.

Об отказе Сталина от помощи американской авиации и возможных мотивах этого отказа мы уже упоминали. Весьма странным выглядит и отказ Шмидта и капитана «Челюскина» Воронина от помощи ледокола «Фёдор Литке» в тот момент, когда «Челюскин» в Беринговом море находился всего в одной миле от чистой воды. Для ледокола это не состояние, он в течение короткого промежутка времени мог добраться до затёртого во льдах «Челюскина» и освободить его. Капитан «Литке» Николай Николаев и замначальника Северо-восточной арктической экспедиции Александр Бочек рассказывали, что несколько раз предлагали свою помощь Шмидту и Воронину, но те неизменно отказывались. Почему? На этот вопрос существует три возможных ответа. По одной из версий, Шмидт и Воронин надеялись, что ближайший шторм разломает лёд и «Челюскин» самостоятельно дойдёт до цели. Но этого, как мы знаем, не случилось. По версии Николаева и Бочека, начальник экспедиции и капитан «Челюскина» не хотели разделять славу с другими и потому-то отказались от помощи ледокола «Фёдор Литке». Но «странному» поведению Шмидта и Воронина может быть дано и ещё одно объяснение, подтверждающее версию существования второго корабля. В этом случае начальник экспедиции наверняка имел приказ не подпускать к себе близко посторонних.

Сомнения у Эдуарда Белимова вызывает и количество самолётов, участвовавших в спасении челюскинцев. По его мнению, для спасения 104 человек вполне хватило бы трёх-четырёх самолётов, однако их было семь. Значит, делает вывод Белимов, лётчики-полярники вывозили на Большую землю кого-то ещё.

Всё вышеперечисленное, казалось бы, даёт возможность сделать однозначный вывод — судно с заключёнными, сопровождавшее «Челюскин», действительно существовало. Однако слишком поспешные выводы, как известно, могут привести к искажению истинного положения дел. Наиболее чёткие и аргументированные контрдоводы версии о существовании второго судна приведены в статье Лазаря Фрейдгейма «Летучий голландец из СССР». Вот некоторые из них. Прежде всего, автор этой статьи подвергает сомнению необходимость засекречивания наличия второго корабля в экспедиции. Действительно, гораздо проще скрыть не сам корабль, а то, что спрятано в его трюмах. Нет ни единого упоминания о «Пижде» и в воспоминаниях челюскинцев. Конечно, сталинский режим мог заставить людей молчать, но участники экспедиции Отто Шмидта ничего не говорили о втором корабле и после смерти вождя. Мало того, после завершения спасательной операции Шмидт по решению правительства был направлен на лечение в Соединённые Штаты. Вряд ли властипустили бы за границу, да ещё в «самое логово врага», такого «опасного свидетеля». Весьма сомнительной выглядит и подлинность ноты правительства Дании, на которую ссылается Эдуард Белимов. Во-первых, корабль строило не правительство Дании для правительства Советского Союза, а датская частная фирма для Совторгфлота, так что такое вмешательство в коммерческие дела выглядит, по меньшей мере, странно. Во-вторых, изначально пароход именовался «Лена», а в ноте упоминается «Челюскин», что тоже не соответствует логике событий.

Так был ли второй корабль, плыла ли «Пижда» вместе с «Челюскиным» или же это попытка сотворить сенсацию там, где её нет? Со времени исторического похода прошло уже более 70 лет, а однозначного ответа на этот вопрос так и нет. Но как бы там ни было, подвиг челюскинцев и лётчиков всё равно остаётся подвигом, и восхищались им не только в СССР, но и во всём мире.

Закончить рассказ о легендарной экспедиции хотелось бы словами из статьи, опубликованной в 1934 году в газете «Парижские новости»: «Челюскинцы не упустили случая показать, что помимо „строительства“, которое нужно доказывать и рекламировать и которое покупается страшной ценой, — есть в России и несомненное, высоко-человеческое, молодое, смелое, душевное, заявляющее о себе не на словах, а на деле».

Алексей Стаханов

31 августа 1935 года вышло постановление парткома шахты «Центральная-Ирмино», в котором, в частности, говорилось:

«Пленум шахт парткома постановляет:

- 1) занести имя тов. Стаханова на Доску почёта лучших людей шахты;
- 2) выделить ему премию в размере месячного оклада жалованья;
- 3) к 3 сентября предоставить тов. Стаханову квартиру из числа квартир для технического персонала, установить телефон, прикрепить в личное пользование выездную лошадь;
- 4) просить рудоуправляющего разрешить заведующему шахтой за счёт шахты оборудовать тов. Стаханову квартиру всем необходимым и мягкой мебелью;
- 5) просить Первомайский рудком и ЦК угольщиков выделить для Стаханова семейную путёвку на курорт...»

...и прочее-прочее, а потом, в самом конце, был ещё пункт 9. Очень примечательный пункт. Итак:

«9) пленум шахтпарткома считает необходимым заранее указать и предупредить всех тех, кто пытается клеветать на тов. Стаханова и его рекорд как на случайный, выдуманный и т. д., что партийным комитетом они будут расценены как самые злейшие враги, выступающие против лучших людей шахты, нашей страны, отдающих всё для выполнения указаний вождя нашей партии товарища Сталина о полном использовании техники».

Вот так. Конечно, многие сомневались, многие задавали себе вопрос: «А был ли рекорд, были ли эти самые 14 норм?». Можно ли себе, например, представить, что спортсмен пробегает дистанцию 100 метров в 14 раз быстрее пусть даже не предыдущего мирового рекорда, а хотя бы быстрее времени среднестатистического взрослого здорового мужчины? Или тяжелоатлет берёт вес в 14 раз больше нормы второго разряда по тяжёлой атлетике? Вряд ли. Но в рекорд Стаханова верили. Точнее, обязаны были верить. Ведь тот, кто сомневался в рекорде, клеветал не на простого забойщика шахты «Центральная-Ирмино» Алексея Григорьевича Стаханова, а на самого «великого вождя народов» Иосифа Виссарионовича Сталина, а это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Да, и тем, о чьих сомнениях узнавали соответствующие органы, было совсем не до шуток...

За пять лет до постановления парткома шахты «Ирмино» 5 марта 1929 года в «Правде» было опубликовано письмо рабочих завода «Красный выборжец» с призывом ко всем трудящимся Советского Союза организовать систему социалистического соревнования. «Мы поставили перед собой три задачи: дальнейшее повышение производительности труда, рациональное использование механизмов и рабочей силы, а также борьбу за уплотнение рабочего дня», — говорилось в письме. За месяц до этого в той же «Правде» появилась статья Ленина «Как организовать соревнование?», написанная ещё в первые годы после революции, а в апреле 1929 года как нельзя кстати подоспело постановление ЦК ВКП(б) «О социалистическом соревновании фабрик и заводов».

Старт был дан, но старт этот был, прямо скажем, не слишком мощным. Надежды на массовый энтузиазм не оправдались. В годы первых пятилеток основную массу рабочих составляли бывшие крестьяне, переехавшие в города просто для того, чтобы спастись от голодной смерти, которая в начале 20-х годов выкашивала целые деревни. Эти люди не хотели «брать штурмом крепости», как призывали их комсомольские вожаки, у них было одно простое и вполне понятное желание — побольше зарабатывать. Наверху вскоре поняли, что без материальных стимулов не обойдёшься — заработки ударников выросли, для них стали открываться спецстоловые и продуктовые распределители. И всё-таки нужного эффекта не наблюдалось, хотя к 1935 году едва ли не половина рабочих числилась в ударниках. Нужен был герой, «Илья Муромец социалистического соревнования», свой парень из народа, который бы благодаря своему героическому труду стал равным (или почти равным) кремлёвским небожителям...

«Как сейчас помню своё детство. Было оно безотрадное, ни одного светлого дня. Ходили голые и босые. Хлеба из своего хозяйства никогда не хватало, всегда прикупали, и часто приходилось занимать у кулака, жившего по соседству». Да, детство у будущего героя было подходящее, конечно же, если смотреть на него с точки зрения чистоты пролетарского происхождения. Алексей Григорьевич Стаханов родился 3 января 1906 года в деревне Луговая Орловской губернии. В детстве пас скот, работал сторожем. Три года он проучился в сельской школе, которую так и не закончил (отчего в анкетах в графе «образование» писал «малограмотный»). Единственная отрада — парень рос крепким и сильным. «У отца кулак был размером с голову ребёнка, — вспоминала дочь Стаханова Виолетта Алексеевна. — Бывало, на спор подлезал под лошадь и поднимал её».

Вряд ли Алексей в те годы мог помышлять о квартире в Москве в знаменитом «Доме на набережной», личном транспорте, спецпайках, бесплатном отдыхе в лучших санаториях страны и тому подобным вещам. Он просто хотел купить себе лошадь, но в деревне заработать не то что на лошадь — себе на хлеб можно было с большим трудом. Промаявшись в полнейшей нужде до 1927 года, Алексей решил уехать на заработки в шахтёрский Донбасс. Он устроился на шахту «Центральная-Ирмино» в городе Кадиевка Луганской области. Сначала Стаханов работал тормозным (т. е. следил за тем, чтобы вагонетки с углём, которые лошади вытаскивали по рельсам на поверхность, не скатывались вниз), затем коногоном, крепильщиком, а с 1933 года — забойщиком.

Шахта «Центральная-Ирмино» в передовых никогда не была, план выполняла с трудом. Из головного треста уже не раз грозили сделать соответствующие выводы. И тогда парторг шахты Петров решил, что надо организовать такой рекорд, от которого ахнула бы если и не вся страна, то, по крайней мере, весь Донбасс. Против чего, кстати, резко возражал директор шахты Заплавский, считавший, что такой рекорд отвлечёт шахтёров от выполнения плана. Возник своеобразный конфликт интересов: парторгу нужен был рекорд, директору — план. Подготовка будущего рекорда велась чуть ли не тайно. Петрову удалось склонить на свою сторону начальника участка и редактора газеты «Кадиевский пролетарий». В конце концов директора всё-таки «уломали». Решили: рекорду быть, оставалось найти рекордсмена.

Герою полагалось быть идеальным, а именно: молодым, достаточно симпатичным, с подходящей биографией, политическим подкованным. Парторг присматривался к нескольким шахтёрам, и в конце концов ему показалось, что именно Алексей Стаханов идеально подходит по всем условиям. Сам Стаханов узнал о том, что вскоре ему предстоит стать героем, только за два дня до исторического события.

В те времена смена шахтёра продолжалась шесть часов. За это время забойщик должен был выдать на-гора 7 тонн угля. Хороший мастер мог перекрыть норму раза в два. Собственно говоря, шахтёр непосредственно рубил уголь часа три, то есть половину смены, а остальное время он был вынужден отбрасывать уголь лопатой и устанавливать крепь, предотвращающую обвал породы в шурфе. Даже если строго придерживаться официальной версии, рекордная смена Стаханова выглядела несколько иначе. Но восстановим хронологию рекорда. Итак, в 10 часов вечера Алексей Стаханов и два крепильщика, Тихон Борисенко и Гавриил Шёголев, спустились в шахту. До этого из забоя, где должен был работать будущий рекордсмен, были удалены другие шахтёры. Заранее до мелочей было проверено оборудование, компрессоры, шланги, отбойный молоток. В забой был спущен лес для крепи, работу Стаханова обеспечивали несколько коногонов, которые должны были организовать бесперебойный вывоз угля на поверхность. Через шесть часов Стаханов закончил работу. План был перевыполнен в 14 раз...

Рекорд состоялся, теперь это достижение, как сказали бы сейчас, нужно было срочно «раскрутить». Уже в шесть часов утра состоялось заседание парткома шахты «Центральная-Ирмино», на котором было принято соответствующее постановление. В этот же день о рекорде доложили отдохавшему в Кисловодске наркому Орджоникидзе, который призвал обратить самое пристальное внимание «на новое великое дело, зародившееся в шахтёрском Донбассе». 2 сентября в «Правде» появилась статья, посвящённая рекорду. «Забойщик шахты „Центральная-Ирмино“ товарищ Стаханов в ознаменование 21-й годовщины Международного юношеского дня поставил новый всесоюзный рекорд производительности труда на отбойном молотке, — говорилось в статье. — За шестичасовую смену Стаханов дал 102 тонны угля и заработал 200 рублей». Эти 200 рублей стали первой каплей золотого дождя, который в дальнейшем потоком полился на Алексея Стаханова. Сбылась его давняя мечта — ему выделили лошадь, а в придачу ещё и бричку и личного кучера. А дальше были квартира, дача, машина, мебель, дорогие подарки, которые шли «народному герою» со всех концов страны, даже собственная ложа в городском клубе Кадиевки.

Уже через несколько дней рекорд Стаханова побил забойщик той же шахты «Центральная-Ирмино» Мирон Дюканов, выдавший за смену 115 тонн. 19 сентября следует ответ Стаханова — 227 тонн, или 32 нормы выработки. В «Правде» впервые появляется термин «стахановское движение», сначала применительно к угольной отрасли, потом он распространился и на всю промышленность, а вскоре брать на себя «стахановские обязательства» стала вся страна. Хирурги стали втрое больше удалять аппендицитов, а стоматологи — зубов, профессора и академики принялись писать в пять раз больше научных трудов, а на Тюменском спиртзаводе, например, выпустили водку «усиленной пролетарской крепости». Тюменская водка, крепость которой была увеличена с 32 до 45 градусов, в заводской газете была названа «напитком стахановцев».

Кстати, о русском национальном продукте. Неизвестно, употреблял ли Алексей Стаханов «Тюменскую особую», но выпивкой увлекался крепко. Как говорят в таких случаях, герой не выдержал навалившейся на него славы. Что, в общем-то, и понятно. Буквально за месяц имя никому до того не известного шахтёра из донбасской Кадиевки узнала вся страна, в газетах фамилия Стаханов упоминалась чаще других, кроме, естественно, фамилии Сталин, а сам вождь относился к нему с благоволением и нередко принимал ударника у себя в кабинете. Говорят даже, что Сталин

лично проверял конспекты Стаханова, когда тот учился в Промышленной академии. В 1936 году самого известного шахтёра страны приняли в партию, причём по специальному решению Политбюро — без прохождения обязательного кандидатского стажа.

У Алексея Стаханова было всё, о чём мог мечтать советский человек. И даже больше. Его коллеги по работе ютились по десятку человек в тесных углах разваливающихся бараков, а он в это время жил в роскошной квартире в правительственном доме в Москве, где его соседями были лучшие люди страны. Его бывшие товарищи каждый день месили грязь по дороге от дома до шахты в захолустной Кадиевке, а он рассекал просторы столицы на автомобиле с личным шофёром. Донбасские шахтёры получали по карточкам свои жалкие продпайки, были рады куску колбасы, непонятно из чего сделанной, а он каждый день получал отборный балык и икру. Красную и чёрную, естественно. Простой горнорабочий был рад любой обновке, поездка в областной центр была событием, о котором говорили целый год, а Алексей Стаханов ходил в Большой театр, где для него всегда было заказано место. Правда, театр-то Стаханов не любил, бывал там, поскольку обязывал его это делать статус героя, которому следовало быть не просто образцовым тружеником, но и высококультурным человеком. Обычно в опере он засыпал во время увертюры, а действительно нравились ему Тарапунька и Штепсель с их примитивным юмором. Он мог вместе со своим другом, и не каким-нибудь, а, например, с Василием Сталиным, пойти в «Метрополь», заказать там шикарный ужин, потом устроить «шикарный» дебош, разбить дорогое зеркало, выловить рыбок из аквариума («они же, заразы, красивые!») и потерять при этом орден Ленина. И ничего ему за это не было, ведь он — Алексей Стаханов, его имя знает вся страна, а его друг — Василий Сталин, имя которого тоже знает вся страна. «Извините, товарищ Стаханов, что зеркало оказалось таким хрупким, рыбки — красивыми, а орден мы вам новый дадим, орденов у нас много...». Наверное, от свалившегося в один миг такого счастья у очень немногих людей не закружится голова. Алексей Стаханов, к сожалению, к таким не относился.

Поначалу Стаханову нравилась такая жизнь. Но вскоре он начал понимать, что он чужой на этом «празднике жизни». У него квартира, машина, большая зарплата, но ведь у его соседей по «Дому на Набережной» были лучшие квартиры, машины и гораздо большие зарплаты. Безусловно, он не был абсолютно испорченным человеком. К Стаханову часто приезжали земляки из Донбасса и шахтёры из других регионов, инвалиды, покалеченные в шахтах, и сироты, оставшиеся без отцов. И он старался помочь, выбивал пособия через министерство, а иногда отдавал и свои деньги. И всё-таки его постоянно мучило сознание того, что в Кадиевке он был первым, а в Москве — одним из многих.

Стаханов написал несколько писем Сталину, где жаловался на «социальную несправедливость». «Я живу в Доме правительства 9 лет и ни до войны, ни во время войны не могу допроситься сделать ремонт... а кое-кому обивают стены шёлком по два раза в месяц и мебель ставят всевозможную, — писал Алексей Григорьевич в одном из писем. — Это неправильно, я прошу сделать ремонт и заменить мебель, чтобы не стыдно было пригласить в квартиру к себе людей... Иногда просто так делается обидно, особенно когда вспоминаю Ваши слова — обращаться к Вам в трудную минуту. Как Вы мне сказали». Для решения проблем Стаханова была создана специальная комиссия под руководством Георгия Маленкова. Материальные проблемы были быстро решены — у Стаханова сделали ремонт, ему выделили новую машину, участок и материалы для строительства дачи.

Труднее было с моральным обликом «героя». «Что касается его (Стаханова. — Авт.) поведения в быту, то мы ему крепко указали на то, что он должен перестроиться, чтобы не ходил по ресторанам, не допускал разгула, — говорилось в одном из отчётов комиссии Маленкова. — Вначале он пытался отрицать свою вину в этом деле, но, будучи уличён рядом фактов, дал обещание исправиться. Насколько он сдержит своё слово — трудно сказать». Сталин поначалу снисходительно относился к поведению Стаханова, потом вызвал к себе. «Ты знаешь, Алёша, что я тебя люблю как сына, — сказал Стаханову Иосиф Виссарионович. — Надо бы тебя взгреть как сидорову козу, но на первый раз прощаю. Но запомни: натворишь ещё что-либо подобное — пощады не жди...». «Лучший шахтёр страны» на какое-то время остепенился, а потом снова принялся за старое. Тут уже вождь, говорят, рассердился не на шутку и попросил передать Стаханову, «что ему придётся, если не прекратит загулы, поменять знаменитую фамилию на более скромную». И угроза Сталина в какой-то мере оправдалась. Нет, Алексей Григорьевич фамилию не поменял, но он стал жить сам по себе, а фамилия как бы отдельно от него. Алексей Григорьевич так и не сделал карьеры, его пытались пристроить на должности начальников трестов и шахт, но он на них долго не задерживался. В конце концов Стаханова определили заведовать наградным отделом министерства угольной промышленности СССР, где он проработал до 1957 года.

Алексей Григорьевич болезненно воспринимал критику в адрес усопшего вождя, а кроме того, сам пытался решать, кого из шахтёров награждать, кого нет, переставлял фамилии в наградных списках. Из-за этого у него часто возникали конфликты с высшим руководством, в том числе и с Хрущёвым. После одной такой ссоры генсек потребовал, чтобы Стаханов уехал из Москвы. В то время как заместитель главного инженера одного из угольных трестов Алексей Стаханов жил в комнате в общежитии, его именем по-прежнему продолжали вдохновлять народ на трудовые подвиги.

О бывшем герое вспомнили только при Брежневе. Стаханову выделили небольшую двухкомнатную

квартиру на окраине Тореза, в 1970 году присвоили звание Героя Социалистического Труда и вручили второй орден Ленина. Награда, к сожалению, привела к очередному запою. Стаханов пытался держаться, но выпивка делала своё чёрное дело. Скандалы с участием «народного героя» стали для Тореза привычным делом. Однажды он обстрелял потолок в ресторане из того самого пистолета, который когда-то ему подарил Сталин. Дело, естественно, замяли: Стаханов по-прежнему оставался знаменитостью, уже, правда, не всесоюзного, а местного масштаба. В середине 1970-х годов у Алексея Григорьевича стал прогрессировать склероз, он перестал узнавать родных и знакомых. В сентябре 1975 года в Колонном зале Дома союзов с большой помпой открылась Всесоюзная научно-практическая конференция, посвящённая 40-летию стахановского движения. Но самого Стаханова в Москву не пригласили, посчитав, что присутствие спившегося старика, проходящего лечение в психиатрической больнице, на таком мероприятии будет нежелательным. В этой больнице Алексей Стаханов и умер 5 ноября 1977 года. Это был несчастный случай — Стаханов поскользнулся и разбил голову об острый край стола. Так «символ эпохи» закончил свой земной путь — путь, начавшийся с невероятного взлёта и окончившийся так трагично...

Валерий Чкалов

«Я буду летать до тех пор, пока правая рука способна держать штурвал управления самолёта, а глаза видеть землю». Видимо, так и было ему предписано судьбой. Самолёт, штурвал и небо — жить и умереть ради этого... А ведь всё могло быть иначе. За несколько месяцев до гибели Чкалова пригласил к себе в Кремль Сталин. «Ты, Валерий Павлович, справишься с этой должностью, — сказал он лётчику. — У тебя есть дар — видеть насквозь человека. Ты вспомни, сколько людей ты спас от тюрьмы и расстрела и сколько мы на этой почве ругались». Должность, которую Сталин предлагал Чкалову, — нарком внутренних дел.

Предложение на самом деле потрясающее для ещё совсем молодого человека (на тот момент Чкалову было всего 34 года). Сталин предложил ему пост, который сделал бы его, по сути дела, вторым после вождя человеком в государстве. Но легендарный лётчик отказался. «Я должен, Иосиф Виссарионович, закончить испытания новых машин. А вот потом...». Этого «потом» не было. К сожалению. А может быть, да не покажется это кому-то кощунственным и циничным, к счастью. Согласись тогда, в 38-м, Чкалов со Сталиным, прими он предложение вождя — кто знает, каким бы он запомнился в истории? Может быть, «кровавым палачом», как Ежов или Берия? А так Чкалов навсегда остался в памяти народной бесстрашным асом, героем неба, воздушным хулиганом, для которого в небе не существовало преград...

Валерий Павлович Чкалов родился 2 февраля 1904 года в слободе Василёво Нижегородской губернии. Начальная школа, затем пятиклассное училище — обычный путь мальчишки из небогатой семьи. В 1916 году Павел Григорьевич, отец Валерия, работавший мастером на василёвской судовой верфи, отправил сына в Череповецкое техническое училище. Но из-за Гражданской войны закончить училище Валерий не успел. Он вернулся домой, работал подручным у отца на василёвской верфи. Однажды он увидел в небе самолёт. И как говорят в таких случаях, пропал... Отныне в его жизни была только одна мечта — стать лётчиком.

Первый шаг к осуществлению своей мечты Валерий сделал, поступив работать слесарем-сборщиком самолётов в 4-й военный авиационный парк, базировавшийся в Нижнем Новгороде. Самолёты, о которых грезил шестнадцатилетний парень, — вот они, рядом. Но Валерий мечтал о том, чтобы летать, а не ремонтировать воздушные машины. Всеми правдами и неправдами настойчивый паренёк в 1921 году добивается направления в Егорьевскую теоретическую школу авиации. Через год Чкалова переводят в Борисоглебскую авиационную школу. Всё, с теорией покончено — в Борисоглебске Валерий совершает свой первый самостоятельный полёт.

Курсант Чкалов сразу же обратил на себя внимание командиров — за отличные показатели в учёбе Валерия переводят в лучшую в стране Московскую школу высшего пилотажа, а ещё через несколько месяцев Чкалов поступил в Серпуховскую высшую школу воздушного боя.

Летом 1924 года лётчик-истребитель Валерий Чкалов был направлен для прохождения службы в Ленинградскую Краснознамённую авиаэскадрилью имени П. Н. Нестерова. Здесь-то Чкалов и стал тем Чкаловым, каким знали его современники и потомки, — бесстрашным пилотом, не обращавшим внимания на инструкции и предписания по технике безопасности полётов. Чкалов совершает рискованные полёты, постоянно нарушая все писанные и неписанные законы. Его наказывают, несколько раз отстраняют от полётов. Но это его не останавливает. Как только ему снова разрешали поднять истребитель в воздух, он снова брался за своё. «Воздушный хулиган» — это прозвище навсегда «прицепилось» к Чкалову. Взять хотя бы самый известный трюк Чкалова — полёт на истребителе под мостом. В первый раз Чкалов совершил его в 1928 году, во время службы в Брянской авиабригаде. В результате самолёт был сильно повреждён, едва не потерпел аварию. Лётчика, который два года назад за своё мастерство получил благодарность в приказе наркома обороны К. Е. Ворошилова, снова отстранили от полётов. Но теперь уже не на несколько дней, а больше чем на год. Вполне заслуженное наказание за явно небезопасный поступок. Но даже в этом хулиганстве, как оказалось, был свой смысл. В годы войны несколько советских лётчиков, вспомнив о трюке Чкалова, пролетали под мостами и смогли таким образом уйти от преследовавшего их противника. Чкалов рисковал не ради риска, как говорят сейчас, «чтобы впрыснуть адреналина в кровь». Он хотел найти предел возможностей как для лётчика, так и для боевой машины. А предел, как известно, можно найти, только приблизившись к нему на минимально возможное расстояние...

«С 1928 года — в запасе». За этой короткой лаконичной фразой, которую можно было в советское время прочитать в биографии Чкалова, скрывалось самое тяжёлое время в жизни знаменитого лётчика. За «хулиганство» в воздухе Чкалова не просто отстранили от полётов, его выгнали из армии. Можно, конечно, устроиться инструктором в лётный клуб (Чкалов так и сделал в 1929 году), но ведь это не то. Чкалов хотел испытывать новые быстрые машины на предельных скоростях, а в клубе ему приходилось учить зелёных новичков летать на безмоторных планёрах. К счастью, у Чкалова нашлись заступники. Тогдашний нарком ВВС ходатайствовал за Чкалова перед Председателем ВЦИК Михаилом Калининным. И в конце 1930 года Чкалова восстановили в ВВС как военного лётчика. Говорят, тогда через Калинина о лётчике-асе впервые услышал сам Сталин.

Чкалова зачислили лётчиком-испытателем в Московский научно-испытательный институт ВВС. За два года работы в институте ВВС лётчик совершил просто невероятное количество испытательных полётов — более 800! Он становится самым известным лётчиком-испытателем в стране. Вообще же любой лётчик в 30-е годы — это почти то же самое, что и космонавт в 70-80-е, человек очень уважаемый. А уж лётчики-испытатели боевых самолётов — особая каста, за судьбой которых следила вся страна, в том числе и на самом верху.

В 1933 году лётчик-испытатель Валерий Чкалов переходит на Московский авиазавод № 39, он становится шеф-пилотом конструкторского бюро Н. Н. Поликарпова. На тот момент это было ведущее КБ в Союзе, разрабатывавшее истребительную технику. Именно Чкалов доводил до серийного производства самолёты И-15 и И-16, составлявшие до начала Отечественной войны основу истребительной авиации в СССР. Всего же за годы работы в КБ Поликарпова Чкалов испытал около 70 видов авиационной техники.

Судьбоносным для Чкалова стал май 1935 года. 2 мая на Ходыньском поле состоялся традиционный авиационный парад. Чкалов посадил на лётное поле опытный И-16 и увидел, что к нему направляются Сталин, Ворошилов и чуть ли не всё высшее руководство страны. «Мне сказали, товарищ Чкалов, что вы при испытании новых истребителей не берёте парашют. Почему?» — спросил Сталин. «Я испытываю опытные образцы, товарищ Сталин, созданные в единственном экземпляре. Моя задача — взлететь, сесть и выявить все недостатки. И кроме того, новая техника очень дорога», — ответил Чкалов. Ответ вождя поразил и запомнился всем присутствовавшим при этом разговоре: «Запомните, ваша жизнь нам дороже любой машины!».

«Конечно, для отца это были очень значимые слова, — рассказывал в интервью газете „Известия“ сын лётчика Игорь Васильевич. — Он пришёл домой, обнял нас с мамой и гордо так говорит: „Лёлик (так Чкалов называл жену Ольгу Эразмовну, на которой он женился в 1927 году. — *Авт.*), слышала бы ты, что сейчас мне сказал Сталин!“». Через три дня авиаконструктор Н. Н. Поликарпов и лётчик-испытатель В. П. Чкалов за плодотворную работу по созданию лучших самолётов-истребителей были награждены орденом Ленина — высшей наградой СССР тех времён.

Одним из коллег Чкалова по институту ВВС был известный лётчик Георгий Байдуков. У них были, можно сказать, разные специальности — Байдуков испытывал тяжёлые самолёты, предназначенные для дальних перелётов. Чкалов же летал в основном на быстрых истребителях. Но именно Чкалову Георгий Байдуков предложил возглавить экипаж самолёта АНТ-25 для беспосадочного полёта из СССР в США через Северный полюс. Чкалов поначалу отнёсся к этой идее с большим сомнением. Во-первых, дальние перелёты были для него делом непривычным, а во-вторых — он, конечно же, помнил о неудаче, которой закончилась первая попытка перелёта через Северный полюс. В августе 1935 года Георгий Байдуков вместе со знаменитым лётчиком-полярником С. А. Леваневским и штурманом В. И. Левченко на самолёте АНТ-25 вылетели по маршруту Москва — Северный полюс — Сан-Франциско. Но своей цели лётчики не достигли — из-за неисправности маслопровода им пришлось вернуться назад. Леваневский, автор идеи перелёта, тогда разуверился в том, что это возможно, однако Георгий Байдуков верил в возможности самолёта и сумел-таки уговорить Чкалова принять участие в столь смелом мероприятии. Весной 1936 года Чкалов, Байдуков и штурман А. В. Беляков обратились в Политбюро ЦК ВКП(б) с просьбой разрешить перелёт через полюс. Однако, памятуя о неудаче экипажа Леваневского, Политбюро пока дало добро лишь на полёт по маршруту Москва — Петропавловск-на-Камчатке. Старт был назначен на 20 июля 1936 года.

К утру 22 июля самолёт достиг цели. Но Чкалов не был бы Чкаловым, если бы остановился на достигнутом. Руки ещё могут держать штурвал, в баках оставался бензин. Значит, надо лететь дальше. Сбросив над Петропавловском-на-Камчатке специальный вымпел, лётчики продолжили полёт. Однако вскоре погода резко ухудшилась, и Чкалов вынужден был посадить самолёт на песчаной косе острова Удд (ныне — остров Чкалов). Полёт продолжался 56 часов, за это время было покрыто расстояние в 9374 километра. Это был новый рекорд дальности беспосадочных полётов. За проявленные мужество и героизм лётчики были представлены к званию Героя Советского Союза. Чкалов стал девятым по счёту Героем в СССР, Байдуков и Беляков — десятым и одиннадцатым.

Члены экипажа продолжали работать на своих местах, но мысль о перелёте через Северный полюс не оставляла лётчиков. Чкалов, Байдуков и Беляков пишут письма Ворошилову и Сталину с просьбой разрешить полёт в США. В мае 1937 года лётчики были вызваны в Кремль для доклада о плане перелёта, после чего разрешение на полёт Москва — Северный полюс — Сан-Франциско было получено.

18 июня 1937 года в 4 часа утра самолёт АНТ-25 взлетел с Щёлковского аэродрома и взял курс на Северный полюс. Как только лётчики приблизились к арктическим широтам, начались трудности. Барахлил двигатель, возникла угроза обледенения, лётчикам не хватало кислорода. Когда АНТ-25 достиг территории США, стало ясно, что до Сан-Франциско топлива не хватит. После 63 часов полёта лётчикам пришлось посадить самолёт на аэродроме городка Ванкувер близ Портленда. Советские лётчики в одночасье стали героями Америки. Восхищению не было предела, в каждом городе, где побывал экипаж АНТ-25, их встречали тысячи восторженных людей. В Белом доме экипаж принял президент США Франклин Рузвельт. По обе стороны океана мальчишки мнили себя

лётчиками и мечтали о беспосадочных перелётах.

В декабре 1937 года Чкалов был избран депутатом Верховного Совета СССР от Горьковской области и Чувашии. Он со всей ответственностью относился к депутатской деятельности. И мог бы давно забыть об опасной работе лётчика-испытателя. Но это же был Чкалов...

В 1938 году КБ Поликарпова ударными темпами работало над новым истребителем И-180. Этот самолёт должен был стать ответом немецкому «мессершмитту», который во время гражданской войны в Испании показал своё превосходство над советскими истребителями. И конечно же, Чкалов не мог остаться в стороне.

1 декабря 1938 года Чкалова вызвали из отпуска. Как это часто бывает, новый самолёт готовили в спешке. В первый раз И-180 должен был взлететь 15 декабря, и естественно, что поднять его должен был Чкалов. В тот день было очень холодно, ночью температура опускалась до минус 25 градусов — условия совсем не подходящие для испытаний совершенно нового самолёта. Однако отменять полёт не стали. Около десяти часов утра Валерий Чкалов выехал из своей московской квартиры на Центральный аэродром...

После катастрофы и гибели Чкалова комиссия по расследованию аварии насчитала 48 (!) недоработок и дефектов в самолёте И-180. Знал ли Чкалов, что самолёт, на котором ему предстоит лететь, абсолютно «сырой»? Конечно, знал, ему уже не раз приходилось бывать в таких ситуациях. И всё-таки он сел в кабину и дал команду «От винта!».

Лётчик завершил испытательную программу и направил самолёт на посадку. В этот момент двигатель стал работать с частыми перебоями. До аэродрома было совсем недалеко, самолёт, собственно, уже находился над его территорией. Но высоты катастрофически не хватало. На пути самолёта стоял деревянный барак. Пытаясь уйти от столкновения, лётчик отвернул в сторону и врезался в припорошённый снегом фонарный столб. От сильнейшего столкновения Чкалова выбросило из кабины. Пролетев несколько метров, он ударился головой о железную балку...

Странная гибель такого знаменитого на всю страну человека, как Чкалов, не могла не обрасти слухами и домыслами. До перестроечных времён эта тема была, естественно, закрытой для обсуждения. Затем во многих источниках появились публикации, в которых обсуждались различные версии произошедшего на Щёлковском аэродроме 15 декабря 1938 года. Среди тех, кто мог быть заинтересованным в том, чтобы самолёт И-180 не вернулся из своего первого испытательного полёта, называли Сталина и Берия. Мало кто в те времена мог безнаказанно отказать Сталину, а Чкалов отказал. Но Сталин, по воспоминаниям очевидцев, в том числе и сына лётчика Игоря Васильевича, плакал на похоронах Чкалова, и слёзы эти были искренними. Для Лаврентия Павловича гибель Чкалова случилась очень даже кстати. 8 декабря 1938 года Берия сменил на посту наркома внутренних дел Ежова. И конечно он знал, что Сталин предлагал этот пост Чкалову и что лётчик является его конкурентом.

Вопросов, конечно, было множество. Кто дал разрешение на полёт, по сути дела, макета, а не готового самолёта? Была ли случайной гибель ведущего инженера проекта И-180 Лазарева, которого на следующий (!) день после катастрофы сбросили с электрички? Куда исчезли фотографии с места падения самолёта, которые не удалось обнаружить ни в одном из архивов?

Вопросы можно задавать до бесконечности. Но как нам кажется, главное всё же не то, как погиб Чкалов, а то, как он жил и что успел сделать за свою жизнь. А сделал он очень много, невероятно много. Как сказал знаменитый космонавт Георгий Береговой: «На чкаловском образе воспитаны поколения лётчиков. С него начинался Юрий Гагарин»...

Дорога жизни

Мы спать забывали, мы есть забывали
И с грузами мчались по льду.
И в варежке стыла рука на штурвале,
Смыкались глаза на ходу.
Преградой пред нами снаряды свистели.
Но путь был один — в Ленинград!
Вставали навстречу пурга и метели,
Но воля не знала преград!

Поздний вечер. Запруженный автомобилями город. Или пустая загородная трасса. На улице холодно, но в тёплом салоне вы этого не чувствуете. В вашем автомобиле работает печка, «дворники» счищают снег со стекла, мощные фары освещают дорогу, негромко играет музыка. Вы окружены комфортом и спокойствием. Подъехав к дому, вы закрываете свой автомобиль и поднимаетесь в тёплую квартиру. Обычный рабочий день закончен...

Поздний вечер. С самого раннего утра за рулём. Глаза слипаются от усталости. Сорокаградусный мороз пробирает до костей, как ни одевайся, от холода не спасёшься. Обогрева в хлипкой кабине никакого нет, руки буквально прикипают к стылому железу. Но куда страшнее мороза немецкие самолёты, днём и ночью, словно стервятники, кружащие над ледовой дорогой. У немецких пилотов задача простая: найти и уничтожить автомобили, идущие по замёрзшей Ладоге. И даже если бомба не попадёт в грузовик, от неё остаётся полынья. Грузёный автомобиль моментально уходит под лёд, в холодную чёрную воду. И неизвестно, успеет ли водитель выскочить из кабины...

Фронтовой шофёр давно выполнил и перевыполнил свою дневную норму и имеет полное право хотя бы немного отдохнуть. Но он допивает горячий чай и цепляет большую кружку к стенке кабины. В пути эта кружка, стучащая о железо кабины, помогает не уснуть. Шофёр садится в кабину, выжимает сцепление, включает передачу и выводит машину на ледовую дорогу. Человек за рулём понимает — он работает на Дороге жизни. Если он позволит себе расслабиться, свалится от сковывающей тело усталости и уснёт, значит, там, в большом городе, сотни людей завтра не увидят свой кусок хлеба...

В конце августа 1941 года положение осаждённого Ленинграда стало критическим. Попытки фашистов взять город провалились, но Ленинград был окружён со всех сторон. Единственной ниточкой, связывавшей Ленинград с Большой землёй, оставалось Ладожское озеро. 30 августа 1941 года ГКО принял постановление № 604 «О транспортировке грузов для Ленинграда». В 55 километрах от Ленинграда на западном берегу озера, недалеко от железнодорожной станции «Ладожское озеро», началось сооружение порта Осиновец. Через две недели в Осиновец прибыли первые две баржи с грузом в 620 тонн зерна и 116 тонн муки. В этот же день сторожевой корабль «Пурга» доставил 60 тонн снарядов для Ленинградского фронта.

Так начала работу знаменитая Дорога жизни, сыгравшая громадную роль в снабжении осаждённого Ленинграда и спасении жителей города, дорога, дававшая надежду на то, что Ленинграду удастся выстоять и выжить в жутких условиях блокады.

Водный путь по Ладоге работал до 15 ноября 1941 года. В тяжелейших условиях, под постоянными обстрелами вражеской артиллерии и налётами авиации моряки Ладожской флотилии доставили в Ленинград 24 тысячи тонн зерна, муки и крупы, более 1100 тонн мяса и молочных продуктов. Одновременно по Ладоге проходила эвакуация населения и промышленного оборудования из Ленинграда.

Зима 1941/42 года была очень холодной. Но если в битве за Москву трескучие морозы помогали Красной Армии сдерживать фашистов, то под Ленинградом рано начавшийся ледостав усугублял положение со снабжением города на Неве. С каждым днём судам Ладожской флотилии становилось всё труднее доставлять грузы в Ленинград. И хотя отдельным судам удавалось пробиваться сквозь льды до 7 декабря, стало ясно, что без ледового пути по Ладоге Ленинграду не выстоять.

19 ноября 1941 года был подписан приказ войскам Ленинградского фронта «Об организации автотракторной дороги через Ладожское озеро». Через два дня санно-гужевой обоз под командованием старшего лейтенанта Муромова совершил первый рейс по льду озера. В сутки

Ленинграду требовалось минимум 1100 тонн муки, а истощённые лошади доставили всего 63 тонны. Ленинграду было нужно постоянное автомобильное снабжение.

22 ноября из Ленинграда по Военно-автомобильной дороге № 101 (так официально именовалась Дорога жизни) вышла автомобильная колонна под командованием капитана В. А. Порчунова. На следующий день, загрузившись мукой, 60 автомобилей ГАЗ-АА двинулись в обратный путь.

Путей, по которым автомобили шли в Ленинград, было несколько. Только за первый месяц работы дорога переводилась на новые трассы четыре раза. Уже 24 ноября 1941 года Военный совет Ленинградского фронта принял постановление «О строительстве Военно-автомобильной дороги № 102». Трасса начиналась от железнодорожной станции на восточном берегу Ладоги и заканчивалась у железной дороги на западном берегу. Первая дорога для перевозок грузов в город проходила по маршруту Жихарёво — Желанное — Троицкое — Лаврово — станция «Ладожское озеро», протяжённость которого составляла 44 километра. Второй путь начинался у деревни Войбокало и заканчивался у станции «Ладожское озеро» или «Борисова грива». Длина этой трассы составляла около 60 километров.

Если водителям, которые вели первые машины по Дороге жизни, приходилось почти вслепую находить путь по ледовой глади, то в дальнейшем военные строители делали всё, чтобы облегчить труд шофёров. Дорога была обозначена вехами, ночью через каждые 400–500 метров зажигались специальные синие фонари. По всему пути трассы были построены базы и склады, пункты для обогрева и оказания медицинской помощи, мастерские и пункты питания, и даже телефонные станции. 350 регулировщиков работали на Дороге жизни. В их задачу входило распределение потоков автомобилей (в разгар перевозок по трассе проходили колонны, состоявшие из тысячи автомобилей), указание направления движения в трудных погодных условиях и наблюдение за состоянием льда. И всё-таки современному человеку, едущему на современном же автомобиле из пункта А в пункт Б, пускай и по нелёгкой зимней дороге, трудно себе представить, в каких условиях работали фронтные шофёры на Ладоге. Усталые, полуголодные, обмороженные люди днём и ночью вели свои машины по ледовой трассе. Даже в самый лютый мороз и метель двери кабины приходилось держать открытыми, чтобы шофёр успел выпрыгнуть из стремительно уходящей под лёд машины. Но страшнее всего были немецкие снаряды и бомбы...

Понимая, что значит Дорога жизни для взятого в кольцо Ленинграда, немецкое командование предпринимало невероятные усилия, чтобы парализовать её работу. И летом, и зимой Дорога постоянно подвергалась ударам авиации и обстрелу тяжёлой артиллерии. Только за лето 1942 года немецкая авиация совершила 169 налётов, в каждом из которых участвовали десятки, а иногда и сотни самолётов. Немцы пытались перерезать трассу, высаживая десант и пытаясь скрытно установить минное заграждение на пути кораблей. Но Дорога жизни продолжала работать. Частям Ленинградского фронта и Балтийского флота, войскам ПВО и Ладожской военной флотилии удалось отбить все атаки противника.

В первую, самую тяжёлую блокадную зиму 1941/42 года по Дороге жизни было перевезено 360 тысяч тонн грузов, переправлены с полным вооружением 11, 80, 115, 117, 198 и 265-я стрелковые дивизии и 124-я танковая бригада, оказавшие огромную помощь частям Ленинградского фронта. В обратном направлении были эвакуированы более полумиллиона человек, перевезены 3700 вагонов промышленного оборудования, культурных ценностей и другого имущества. Всего же за период действия Дороги жизни автомобили и суда Ладожской флотилии перевезли свыше 1 миллиона 600 тысяч тонн грузов, за это же время из города было эвакуировано около 1 миллиона 376 тысяч человек.

В январе 1943 года советским войскам впервые удалось прорвать блокаду. Это позволило провести по самому берегу Ладожского озера железнодорожную ветку, что значительно улучшило снабжение Ленинграда. Необходимость доставлять грузы по опасной ледовой трассе отпала. Но память о Дороге, благодаря которой были спасены тысячи людей, осталась навсегда.

Екатерина Фурцева

«Железная леди Советского Союза», «Екатерина Великая», единственная представительница слабого пола, которой удалось сделать столь головокружительную карьеру в советской партийной иерархии, прошедшая путь от простой ткачихи до секретаря ЦК и министра культуры. Она встречалась с королями и диктаторами, с ней дружили великие музыканты и актёры. Поездки за рубеж, даже в соседние Болгарию или Польшу, для советского человека были невероятным счастьем, а она ездила за границу, словно простой гражданин ездит, к себе на дачу по выходным. Мало того, Екатерина Фурцева была просто красивой женщиной. Казалось, что Екатерина Фурцева — «воплощение советской мечты». Но только казалось...

«Вообще, она была несчастна в том отношении, что о ней никто никогда не заботился. Она никому была не нужна. Близким людям тоже!» — сказала однажды о Фурцевой знаменитая певица Людмила Зыкина. Редко, очень редко выдавались такие мгновения, когда Екатерина Фурцева могла сказать себе: «Я счастлива...».

Екатерина Алексеевна Фурцева родилась 7 декабря 1910 года в Тверской губернии, в деревушке неподалёку от Вышнего Волочка. Отец сгинул на полях Первой мировой, мама, Матрёна Николаевна, работала на ткацкой фабрике. Казалось, что перспективы у Кати — «самые радужные». Семилетка, затем фабрика, где среди неимоверного грохота ткацких станков она проработает всю жизнь, и под конец — мизерная пенсия и полунисщенское существование. Единственным вариантом вырваться из этого круга могло быть удачное замужество. Катя, как и любая другая девочка, наверняка мечтала о прекрасном принце на белом коне или, учитывая романтику послереволюционного времени, о каком-нибудь герое Гражданской войны, легендарном красном командире, который на белом коне приедет специально за ней. Но ни принцы, ни красные командиры в Вышнем Волочке не появлялись...

Нет, не случайно Екатерину Фурцеву сравнивали с великой русской императрицей. Решительность и нежелание покоряться сложившимся обстоятельствам — вот что объединяет этих двух женщин, хотя одна была царской крови, а вторая — самого простого происхождения. Бедная принцесса из Ангальт-Цербстского княжества смогла стать государыней огромной страны, и всё потому, что не испугалась опасности и действовала очень твёрдо и напористо. И так же решительно поступала простая ткачиха Катя Фурцева...

Когда ей было всего двадцать, Екатерина вступила в партию. За год она несколько раз переезжает из одного конца страны в другой. Вначале её направляют в Курскую область, затем — в Крым, в Феодосию, где она работает в местном комитете комсомола. Но на благодатном Юге Катя долго не задерживается. Она хочет учиться и поступает на ленинградские курсы инженеров гражданского воздушного флота. В Ленинграде молодая комсомольская активистка знакомится со своим первым мужем, Петром Ивановичем Битковым, начальником политотдела по комсомолу Саратовского авиационного техникума. Некоторое время супруги живут в Саратове, а через год Екатерину по комсомольской путёвке направляют в Москву, на должность инструктора студенческого отдела в аппарате ЦК ВЛКСМ. Через некоторое время Екатерину по рекомендации ЦК направляют в московский институт тонкой химической технологии учиться и поднимать комсомольскую работу в учебном заведении.

Сразу же после начала войны Пётр Битков ушёл на фронт, а Екатерина осталась в Москве. Расставаясь с мужем, она ещё не знала, что беременна. В мае 1942 года, в Куйбышеве, где Екатерина была в эвакуации, родилась дочь Светлана. Через четыре месяца после рождения дочери с фронта на побывку приехал муж. Приехал только для того, чтобы сказать, что давно живёт с другой...

Заглушить личное горе Екатерина пытается с помощью работы. Она поступает в аспирантуру, становится партгором института, а через некоторое время её назначают сначала вторым, а затем и первым секретарём Фрунзенского райкома партии. Теперь у неё появилась цель в жизни — она стояла на партийной лестнице, и путь наверх был очень нелёгок. Но Фурцева никогда не останавливалась перед трудностями, если надо, она сжимала зубы и добивалась своего. Например, ей, как и любому советскому чиновнику более или менее высокого ранга, приходилось выступать с докладами. Эти доклады писали для неё сотрудники, а она зачитывала их с листа. Но получалось у неё это плохо — она часто запинаясь, ставила неправильно ударения. И тогда она вспомнила, как учила роли в драмкружке. Дома Екатерина Алексеевна становилась перед зеркалом и заучивала доклад наизусть. Слово в слово, благо память у неё была отменная. А затем выступала на собрании — эмоционально, порой даже артистично, и совершенно не подглядывая в бумаги, что для тех времён было в диковинку.

Её заметили. Фурцева всё чаще стала появляться на мероприятиях, где встречалась с представителями высшей партийной элиты. И наконец, в 1949 году, на партийном концерте в Большом театре, пробил её «звёздный час». В перерыве председатель Президиума Верховного Совета СССР Николай Шверник представил её Сталину. На вождя Фурцева произвела

благоприятное впечатление, он даже пожелал, чтобы при совместном фотографировании после концерта Фурцева была рядом с ним. В те годы такое внимание со стороны Сталина означало, что перед облагодетельствованным чиновником открывались невероятные перспективы.

Екатерина Фурцева, как говорится, попала в обойму. Через несколько месяцев после памятной встречи со Сталиным она заняла кабинет второго секретаря Московского горкома партии. Её непосредственным начальником стал Никита Хрущёв, занимавший пост первого секретаря МГК. Долгое время ходили слухи, что Хрущёва и Фурцеву связывало нечто большее, чем просто взаимная симпатия. Так это или нет, мы уже никогда не узнаем, но то, что Екатерина Алексеевна до определённого момента была любимицей Хрущёва, — факт неоспоримый. Не зря же Никита Сергеевич, уже после того как стал Генеральным секретарём, чуть ли не перед каждым зарубежным визитом отдавал распоряжение подчинённым: «И обязательно включите в делегацию Фурцеву! Мне она будет нужна!». И другой неоспоримый факт — Фурцева до поры до времени безоговорочно верила Хрущёву и считала его тем руководителем, который способен вывести страну из тяжёлого наследия сталинизма и привести её к процветанию.

Верила Екатерина Алексеевна и Николаю Фирюбину, одному из секретарей Московского горкома. Красавец-мужчина, он умел нравиться женщинам, и однажды Фурцева поняла, что влюбилась в своего подчинённого. Но Фирюбин был женат, имел двоих детей, а в те времена развод для чиновника такого ранга был весьма опасным делом, сразу же могли приписать «аморалку» с соответствующими последствиями. Фирюбин долго не решался подать на развод. После прихода к власти Хрущёв отправил Николая Павловича послом в Чехословакию, а затем в Югославию (кстати, в этой «ссылке» кое-кто усматривал ещё один довод в пользу того, что Хрущёв был неравнодушен к Екатерине Алексеевне). Фурцева, не обращая внимания на досужие разговоры за спиной, часто ездила к нему в Прагу и Белград. В конце концов они поженились. И вот тут-то Екатерина Алексеевна поняла, что ошиблась. Начались проблемы: Фирюбин откровенно завидовал Фурцевой, не мог смириться с тем, что она добилась в жизни гораздо большего, чем он. Супруги не разводились, однако о любви не было и речи.

Но вернёмся в 1953 год. Хрущёв, завоевавший власть в нелёгкой борьбе с Берией, не забыл и о своей любимице. В 45 лет Екатерина Фурцева становится первым секретарём Московского горкома партии — первым лицом в столице. Но это было не просто новое назначение, многим казалось, что Хрущёв готовит себе преемницу, что этот пост может стать стартовой площадкой для Фурцевой, впоследствии она может занять очень высокий пост, вплоть до... Это кажется маловероятным, но может быть, и Генерального секретаря... Ещё больше эти «подозрения» укрепились летом 1957 года. Если раньше Фурцева была любимицей Хрущёва, то теперь она стала его «спасительницей».

Старая сталинская «гвардия» во главе с Маленковым, Молотовым и Кагановичем задумала сместить Хрущёва. Для этого в Кремле было устроено заседание, большинство из присутствующих на котором были противниками генсека. Пригласили и Фурцеву, видимо, полагая, что она, даже несмотря на привязанность к Хрущёву, помешать планам «заговорщиков» не сможет. Очень быстро Екатерина Алексеевна поняла, куда клонится чаша весов, — подавляющее большинство членов Президиума ЦК выступили против Хрущёва.

Здесь мы немного отвлечёмся от хода заседания и расскажем о некоторых бытовых особенностях Кремля. В той его части, где проходили заседания партийной верхушки, не было женского туалета. Екатерине Алексеевне, чтобы отправить естественные потребности, приходилось, словно школьнице на уроке, просить разрешения выйти и бежать через несколько коридоров в то крыло Кремля, где был туалет. Само собой, эти «пробежки» ей радости не доставляли, но в 1957 году это неудобство стало спасительным для Хрущёва. К отлучкам Фурцевой привыкли, не обратили внимания на её просьбу выйти и долгое отсутствие и в этот раз. Но вместо туалета она понеслась в свой кабинет, чтобы дозвониться до тех, кто мог спасти страну от переворота. Прежде всего — Жукову, за которым была армия. Тогда Георгий Константинович, как и Фурцева, безоговорочно верил генсеку. И не знал Жуков, что буквально через несколько месяцев по распоряжению Хрущёва он будет смещён с поста министра обороны и уволен из армии...

По иронии судьбы, похожий «трюк с туалетом» чуть позже проделал человек, из-за которого через семь лет Хрущёв был отстранён от власти. Леонид Брежнев сослался на нелады с желудком и попросился выйти. Как и Фурцева, он побежал не в туалет, а в свой кабинет и стал звонить своим соратникам.

Благодаря звонкам Фурцевой и Брежнева Хрущёв был спасён и остался «на троне». Генсек помнил, чем он обязан Екатерине Алексеевне, и щедро отблагодарил её. В 1957 году Екатерину Фурцеву избрали членом Президиума ЦК, на неё сыпались ордена, премии и различные, иногда достаточно дорогие, подарки. Хрущёв даже распорядился сделать кандидатом в члены ЦК КПСС мужа Фурцевой Николая Фирюбина. Но вскоре эта идиллия закончилась.

В начале 60-х члены ЦК стали замечать явные перемены в характере Хрущёва. Человек, боровшийся с культом личности Сталина, начал формировать такой же культ, но уже по отношению к себе. Появились признаки того самого «волюнтаризма», Хрущёв принимал важнейшие решения

единолично, не советуясь с другими. Всё чаще члены Политбюро в разговорах между собой стали высказывать недовольство действиями генсека. Один такой разговор очень дорого обошёлся Екатерине Фурцевой...

В телефонной беседе с членом ЦК Аристовым Екатерина Алексеевна очень нелестно «прошлась» по «глупому Никите». На следующий день стенограмма разговора Фурцевой и Аристова лежала на столе у Хрущёва. Месть последовала незамедлительно. На внеочередном Пленуме Фурцева была выведена из состава Президиума Политбюро и снята с поста секретаря ЦК. В этот же день Екатерина Алексеевна приехала домой, легла в ванну и вскрыла себе вены. Спасла её подруга, с которой Фурцева накануне договорилась о встрече. Когда никто не открыл ей дверь в назначенное время, подруга позвонила «куда следует», спецслужбы взломали дверь и увидели истекающую кровью Фурцеву.

«Дамские капризы. Что вы хотите, у Екатерины Алексеевны банальный климакс!» — так на Пленуме ЦК отреагировал Хрущёв на известие о попытке самоубийства Фурцевой. Он, как и многие другие, полагал, что Фурцева просто хотела вызвать к себе жалость и вернуть утраченное положение. И вообще, самоубийство — это инсценировка, мол, Фурцева специально не отменила встречу с подругой, чтобы та пришла и спасла её. Может быть, и так... Вот только что бы было, если бы знакомая Екатерины Алексеевны опоздала, или вовсе не пришла, или, например, когда ей не открыли, не стала бы поднимать тревогу, а просто развернулась бы и ушла...

Фурцеву спасли, но она долго лежала в больнице, лечилась от тяжелейшего нервного стресса. После выхода из больницы ей «доверили» пост министра культуры СССР. Конечно, это было серьёзное понижение в партийной иерархии. Что такое пост министра, да ещё «непрестижной» культуры, по сравнению с той властью, которой она обладала, будучи секретарём и членом Президиума ЦК? Но Екатерина Алексеевна, как и всегда, без остатка отдалась новой работе.

Каким она была министром? Однозначно сказать невозможно. Одни называли её чуть ли не спасительницей культуры, другие же считали, что она занимает не своё место. Вот как о Екатерине Алексеевне высказывались известные люди, с которыми ей приходилось сталкиваться по работе. Михаил Шолохов: «Фурцева была отличным министром». Микаэл Таривердиев: «Человек трогательной безграмотности в области культуры». Олег Табаков: «Для меня она была, прежде всего, удивительно красивой и мудрой женщиной... Если человек вызывал у неё доверие, его национальность, партийность не были важны. Екатерина Алексеевна довольно круто умела брать руль на себя. При этом она была весёлым, лукавым человеком, но не хитрым». Галина Вишневская: «Запойная пьяница, которая ни черта не смыслит в культуре» (что было, то было — после изгнания из Политбюро Фурцева начала пить, но при этом никогда не позволяла себе напиваться до беспамятства). Игорь Кваша: «Мы называли её мамой». Никита Богословский: «Фурцева была очень славной, милой женщиной, всем своим существом старалась понять, что такое культура и искусство. Правда, мало что у неё получалось. Иногда она бывала просто очаровательной, мягкой, а иногда — фурия».

Да, Фурцева не отличала симфоническую поэму от оперы и при этом «пробивала» организацию в Москве гастролей театра «Ла Скала» и оркестра Дюка Эллингтона. Не без её протекции фильм великого Федерико Феллини «8 1/2» получил Гран-при Московского кинофестиваля, и она же распекала Михаила Ромма за фильм «Обыкновенный фашизм». Фурцева спасала от закрытия театр «Современник» и разгоняла выставку абстракционистов. Она поддерживала в трудную минуту Олега Ефремова и Галину Волчек и одновременно устраивала гонения на журнал «Новый мир» и его главного редактора Александра Твардовского...

Приход к власти Брежнева практически не сказался на судьбе Екатерины Фурцевой. Она по-прежнему оставалась министром культуры и понимала, что выше ей уже не подняться. Да и, видимо, не особенно стремилась, работа в министерстве её увлекала, она чувствовала, что нужна людям. Но в начале 1970-х вокруг её имени разразился новый скандал. Якобы стройматериалы для загородного дома были куплены не совсем законно, гораздо ниже их реальной стоимости. Фурцева просила во всём разобраться, создать комиссию. Но комиссию так и не создали, министру культуры объявили строгий выговор, дачу заставили продать государству.

Тучи продолжали сгущаться, Екатерина Алексеевна чувствовала, что скоро её могут отправить в совсем не почётную отставку. В 1973 году её впервые за многие годы не избрали депутатом Верховного Совета СССР. «Что бы там ни было, что бы про меня ни говорили, я умру министром!» — сказала она однажды Людмиле Зыкиной. Так и случилось...

В ночь с 24 на 25 октября 1974 года Екатерина Фурцева внезапно скончалась. По официальному медицинскому заключению — от острой сердечной недостаточности. Но на здоровье она никогда не жаловалась, к врачам практически никогда не обращалась. Это и породило слухи, что Фурцева ушла из жизни добровольно, отравившись цианистым калием. Что случилось на самом деле, мы уже никогда не узнаем...

Её искренне любили и так же искренне ненавидели. В одном, правда, и те и другие были

солидарны — Екатерина Фурцева никогда не была равнодушной...

«Одиссея» экипажа катера Т-36

«Варяг», «Аврора», «Титаник»... Знаменитые названия этих кораблей знает каждый. А слышали ли вы, уважаемый читатель, о корабле Т-36? Хотя это даже не корабль, а так, самоходная баржа, не удостоенная имени собственного, морской грузовичок, задача которого — доставлять на берег груз с крупных кораблей. Возможно, люди постарше вспомнят что-нибудь об этом судёнышке, если назвать четыре фамилии: Зиганшин, Поплавский, Федотов, Крючковский. Хотя формально они и не являлись моряками, а были военными строителями, приписанными к пограничной заставе. Маленький самоходный катер, четыре молодых бойца, один из которых был младшим сержантом, а остальные и вовсе рядовыми. Всё как-то незначительно, что же такого могли сделать эти четверо, чтобы навеки вписать свои имена в историю? А между тем, в начале 60-х годов каждый житель Советского Союза знал, кто такие Зиганшин, Поплавский, Федотов, Крючковский. Мало того, их имена гремели и по ту сторону океана, в стане «главного идеологического врага» подвигом советских матросов восхищались не меньше, чем на родине. И ещё — пускай невольно, но четверо простых матросов сделали для сближения двух супердержав, СССР и США, едва ли не больше, чем многочисленные делегации политиков и дипломатов...

Утром 17 января 1960 года на Курильские острова налетел сильнейший шторм. Шквальный ветер, снегопад и огромные волны высотой до 20 метров обрушились на пришвартованные возле островов суда. В бухте острова Итуруп стояли несколько катеров типа Т-36. Эти судёнышки не были предназначены для выхода в открытое море и доставляли грузы с морских судов, которые не могли подойти близко к скалистым берегам островов. О приближавшемся тайфуне экипажи этих вспомогательных судов предупреждены не были.

Около 7 часов утра один из катеров сорвало с места. Огромные волны, как щепку, выбросили судно на берег. К счастью, экипаж Т-36 остался жив. Через пару часов сорвало с места ещё один катер, которым командовал младший сержант Асхат Зиганшин. Шквальный ветер порвал стальной трос, и Т-36 стало относиться в открытый океан. Ещё через несколько часов в штаб Тихоокеанского флота пришло донесение: «17 января 1960 года по местному времени в результате сильного шторма со швартовки в заливе острова Итуруп была сорвана самоходная баржа Т-36. Связь с судном отсутствует. На борту судна экипаж в составе: младший сержант Асхат Зиганшин, рядовые Филипп Поплавский, Иван Федотов, Анатолий Крючковский». Тогда казалось, что для четырёх моряков главное — выдержать шторм. А потом... Потом шторм прекратится, у них есть радиостанция, они сообщат свои координаты, и их быстро спасут. Но даже если вдруг что-то случится с радиостанцией — их всё равно найдут, ведь у Тихоокеанского флота много кораблей и самолётов, которые без труда обнаружат их судно...

Незадолго до этих событий Т-36 поставили на ремонт. Полагающийся по инструкции десятидневный неприкосновенный запас пищи (так называемый НЗ) сдали на склад. А вечером 16 января поступил срочный приказ: «Спустить баржу на воду и подготовить к работе». В бухту прибывал рефрижератор с мясом, и Т-36 необходимо было участвовать в его разгрузке. О том чтобы вернуть на судно НЗ, забыли...

Одиннадцать часов экипаж Т-36 боролся со штормом. Ударом волны разбило радиорубку, и радиостанция вышла из строя. Когда запасы топлива стали подходить к концу, Асхат Зиганшин сказал своим товарищам: «Попробуем выбраться на берег». Три раза моряки пытались направить баржу к берегу, но каждый раз их несло на скалы. Во время одной из таких попыток огромная волна буквально швырнула Т-36 на камни. Судно получило пробоину, от удара разлетелись в щепки ёмкость с углём и бочка с пресной водой.

К вечеру шторм немного утих. Взвод солдат прочесал берег острова Итуруп. Солдаты нашли обломки бочки и ёмкости для угля, которые снесло с палубы судна. На них было написано: «Т-36». Командование поспешило сообщить, что судно Т-36 затонуло, а экипаж погиб. Родственникам моряков направили телеграммы, в которых сообщалось об их гибели. Ни один корабль или самолёт не был направлен в район предполагаемого крушения Т-36.

Почему же их не искали, почему на поиски Т-36 не отправили самолёты и корабли, почему четырёх моряков поспешили объявить погибшими? Погодные условия? Да, весь день 17 января бушевал тайфун, который не позволял начать поиски. Но затем погода улучшилась. Причина была в другом. В судьбу четырёх моряков вмешалась большая политика, по сравнению с которой судьба экипажа Т-36 показалась малозначительной...

Для растопки печки моряки использовали подшивку газеты «Красная звезда», найденную в рубке. В одной из газет Асхат Зиганшин случайно наткнулся на сообщение ТАСС. В нём говорилось:

«На основе достигнутых в Советском Союзе успехов по освоению космического пространства с помощью баллистических ракет, в соответствии с планами научно-исследовательских работ советскими учёными и конструкторами ведутся работы по созданию более мощных ракет для запуска тяжёлых спутников Земли... В течение ближайших месяцев 1960 года будут произведены

запуски этой ракеты без последней ступени в центральную часть Тихого океана... Падение предпоследней ступени ракеты ожидается в районе, ограниченном координатами:

Широта — Долгота

9 гр. 06 мин. сев. — 170 гр. 47 мин. зап.

10 гр. 22 мин. сев. — 168 гр. 22 мин. зап.

6 гр. 16 мин. сев. — 166 гр. 16 мин. зап.

5 гр. 03 мин. сев. — 168 гр. 40 мин. зап.

Первые пуски ракет состоятся ориентировочно с 15 января по 15 февраля 1960 года... Правительство СССР просит зарубежные страны дать указания капитанам кораблей и командирам самолётов не заходить в указанные районы».

Прочитав это сообщение, Асхат Зиганшин понял — их несёт в район, куда должна упасть ступень баллистической ракеты. На самом деле испытываемая ракета должна была нести на своём борту не тяжёлые спутники Земли, а доставлять боеголовки. Это была та самая «кузькина мать», которую Никита Хрущёв обещал показать Америке. Но для четвёрки моряков было, в общем-то, всё равно, для чего именно испытывается ракета. Главное, что в течение месяца в районе испытаний не появится ни одно судно, которое могло бы им помочь.

Около 22 часов 17 января Т-36 вынесло в открытый океан. Шторм хоть и не прекратился, но стал немного ослабевать. Именно тогда моряки впервые подумали о еде. Они подсчитали запасы еды. Всё, что у них было, — буханка хлеба, банка консервов, немного крупы и три ведра картошки. Эта картошка во время шторма рассыпалась по машинному отделению и пропиталась соляжкой. Не лучше было и с пресной водой. Пили моряки ржавую жижу, слитую из системы охлаждения двигателя.

В первый день они съели хлеб. Потом сварили картошку «в мундире», но есть не стали — от впитавшейся соляжки запах и вкус были просто невыносимыми. Кто-то предложил выбросить картошку за борт, но Асхат Зиганшин сказал: «Пусть полежит». Тогда они ещё не знали, что эта пропахшая соляжкой картошка спасёт им жизнь. Так же как и случайно обнаруженная в газете заметка об испытаниях ракеты.

Когда Асхат Зиганшин прочитал товарищам сообщение в «Красной звезде», сначала его не поняли. «Зачем командир читает нам это? — подумали рядовые. — Может быть, он уже начал потихоньку сходить с ума?». Но потом и до них дошло — когда их найдут, неизвестно. И тогда моряки стали экономить свои скудные запасы. Они ещё не знали, сколько дней им придётся питаться картошкой, сваренной в ржавой воде...

День, другой, третий, неделя, вторая, третья, месяц... Т-36 по-прежнему дрейфовала на просторах Тихого океана, и по-прежнему на горизонте не было ни единого судна, а в небе не слышно было гула самолёта. И всё так же экипаж Т-36 боролся за жизнь — свою и своего корабля. Они всё делали вместе и ни разу никто не позволил себе втайне от товарищей взять хотя бы один лишний грамм еды или выпить лишний глоток воды.

Последнюю картофелину съели 24 февраля. Дальше морякам пришлось есть кожаные ремни. Кусочки нарезали как вермишель и варили. Когда ремни закончились, вспомнили, что есть ещё кирзовые сапоги. Кожаную часть сапог варили в океанской воде, гуталин выплавляли, а оставшуюся кожу жарили на печке-буржуйке, используя вместо масла тавот.

2 марта, на 44-й день дрейфа, моряки впервые заметили на горизонте судно. Для такого случая экипаж заранее приготовил на палубе факелы, пропитанные маслом и белые простыни. Видимость была хорошая, однако их не заметили. И всё-таки это судно дало надежду — значит, Т-36 находилась в районе, где судоходство разрешено, и вскоре может появиться другой корабль. 6 марта мимо баржи прошли целых два судна. Обессиленные моряки отчаянно махали тряпками, зажигали факелы, но всё безрезультатно. На тот момент у них оставались остатки кожи от сапога и чайник ржавой воды. Неужели их так и не спасут...

В 16 часов 7 марта 1960 года с палубы американского авианосца «Кирсадж», шедшего из Японии в Сан-Франциско, поднялся вертолёт. Спустя несколько минут пилот доложил капитану Роберту Тансену: «Обнаружил неуправляемое судно, судя по признакам, терпящее бедствие. На судне четыре человека в советской военной форме». Тансен связался с базой и, получив разрешение, направил корабль в район, указанный пилотом вертолёта. Вскоре огромный авианосец подошёл к

Т-36. С палубы поднялся вертолёт, оснащённый специальным устройством для спасения терпящих бедствие людей.

Это было спасение. Однако экипаж Т-36 не спешил им воспользоваться. Перед ними был американский военный корабль. А значит, перед ними был враг. Холодная война в самом разгаре, отношения между СССР и США были очень напряжёнными. Четверо молодых солдат были воинами Советской Армии, они давали присягу и боялись её нарушить.

После некоторых раздумий Асхат Зиганшин сказал: «Мы попросим у американцев продуктов, воды и топлива, а дальше пойдём своим ходом». Тогда они ещё не догадывались, что течение отнесло их более чем на 2000 километров от острова Итуруп. С помощью потомков украинских эмигрантов, которые были в составе экипажа «Кирсаджа», капитану удалось уговорить Зиганшина оставить баржу и следовать в Сан-Франциско.

Впервые за 49 дней они смогли нормально поесть. Когда им дали воду, Асхат Зиганшин стал передавать кружку по кругу. «Зачем? — удивились американцы. — Пейте, воды у нас много». Но моряки настолько привыкли всё делить поровну, что уже не могли поступать иначе.

Они были крайне истощены, даже побриться не могли сами. Но к счастью, под наблюдением американских врачей моряки быстро поправлялись. Через неделю после спасения, когда Зиганшин, Поплавский, Федотов и Крючковский чувствовали себя нормально, на борту «Кирсаджа» была организована пресс-конференция. На авианосец на вертолётах были доставлены журналисты американских и европейских изданий (советских журналистов на пресс-конференцию не допустили). А перед началом пресс-конференции экипажу Т-36 передали официальное предложение американского правительства предоставить всем четверым политическое убежище в США. Однако Асхат Зиганшин в ответ заявил: «Нет, мы хотим домой, возвращаться мы не боимся». Именно эти слова, твёрдое желание вернуться в СССР сделали их героями на родине.

Предположим, что дрейфующую в океане Т-36 обнаружило бы советское судно. И тогда, если бы даже экипаж остался в живых, их бы ждали крупные неприятности и обвинения в дезертирстве, в попытке сбежать за границу. Не случайно ведь КГБ в домах, где до призыва жили моряки, провёл обыски, а родственников допросили. И только после того как спасённая четвёрка моряков вернулась на родину героями, руководство КГБ принесло им и родственникам извинения...

На пресс-конференции вопросы сыпались один за другим. «Что было самым трудным за эти дни? Как вы не подрались и не выкинули друг друга за борт? Как вам удалось не сойти с ума?». И наконец: «Как вы не съели друг друга?». Такие вопросы задавались не случайно. Когда экипаж Т-36 возвращался в СССР, один британский моряк рассказал им, что тоже оказался когда-то в подобной ситуации. Английский корабль потерял управление, радиостанция сломалась, пищи и воды было не много. И уже на второй день обезумевшие люди подрались из-за куска хлеба, при этом погибло три человека. А четыре советских молодых бойца 49 дней дрейфовали в открытом океане, и при этом ни у кого не возникло даже мысли забрать лишний кусок пищи у товарища. Так что на все подобные вопросы ребята отвечали: «Мы люди советские, а у нас человек человеку друг, товарищ и брат».

Спустя несколько дней авианосец «Кирсадж» прибыл в Сан-Франциско. Четвёрку моряков встречали в советском консульстве. Встреча была торжественной. Морякам зачитали приветственную телеграмму Никиты Хрущёва, в которой он благодарил их «за яркое проявление мужества и силы духа советских людей в борьбе с силами стихии». Однако советские граждане ещё долго не знали о том, что случилось в Тихом океане, и о спасении американцами советских моряков. Только небольшая заметка в «Правде» рассказала об одиссее экипажа Т-36.

Между тем в Америке четверо моряков были героями № 1. Все радиостанции Сан-Франциско говорили о них. Не осталось в стороне и телевидение. Мэр Сан-Франциско вручил четверым морякам символический ключ от города. Раньше из советских граждан такой чести удостоивались знаменитая балерина Галина Уланова и генсек Никита Хрущёв. Госсекретарь Ричард Никсон, до того занимавший достаточно жёсткую позицию по отношению к СССР, заявил, что «потепление в отношениях двух супердержав получило новый импульс».

В США моряки с Т-36 пробыли несколько дней. Для молодых ребят эти дни запомнились на всю жизнь. Огромные небоскрёбы, большие роскошные американские автомобили, даже телевизор, который был в их апартаментах в советском посольстве, они видели в первый раз. После Сан-Франциско четвёрка переехала в Нью-Йорк. Оттуда во Францию четвёрку везли на роскошном океанском лайнере «Куин Мэри». И здесь их продолжали преследовать журналисты, да и пассажиры лайнера быстро узнали, кто едет вместе с ними. Едва ли не каждый шаг советских моряков по кораблю был заснят на киноплёнку.

На Родину они вернулись уже героями. Сверху «дали отмашку», газеты, радио и телевидение быстро сделали своё дело, и вскоре в каждой советской семье знали, кто такие Зиганшин, Поплавский, Федотов и Крючковский. Из Франции четвёрка моряков прилетела на самолёте. В аэропорту их встречала восторженная толпа, здесь же был зачитан указ о награждении всех

четверых орденом Красной Звезды. А дальше были чуть ли не каждодневные митинги и встречи. Ребята вернулись в родную часть, правда, в океан они больше не выходили. Едва ли не всё время их службы занимали встречи, на которых моряки рассказывали о своей знаменитой одиссее. Резонанс был настолько огромным, что откликнулись даже кинематографисты — на «Мосфильме» в рекордно короткие сроки был снят художественный фильм «49 дней». Первыми зрителями, увидевшими картину на экране, стали моряки баржи Т-36.

Так продолжалось примерно год. А затем... Затем были Гагарин, Титов, Николаев, Леонов, Терешкова. У страны появились новые герои...

Суперсерия-72

Нет, недаром-таки перед поездкой в Канаду советским хоккеистам говорили: «Ребята, сыграйте как можете и постарайтесь просто не проиграть слишком крупно». Похоже, оправдывались самые мрачные прогнозы — канадские профи по всем статьям превосходили наших хоккеистов. Первый матч, шестая минута встречи, счёт становится 2:0. В пользу сборной Канады, естественно. В этот момент под сводами монреальского «Форума» заиграл похоронный марш. Канадцы уже «хоронили» советскую сборную. На наших же страшно было смотреть...

Впервые с канадскими хоккеистами советская сборная встретила ещё в 1954 году, на мировом первенстве в Стокгольме. До тех пор канадцы, даже любительские команды, не получали серьёзного отпора со стороны европейцев. Но первая встреча между сборной СССР и клубом «Линдхерст Моторс» (тогда Канаду на чемпионатах мира представляли любительские клубы) закончилась убедительной победой советских хоккеистов со счётом 7:2. Случались и поражения, иногда и крупные, и всё же довольно долго сохранялась общая тенденция: наши любители гораздо сильнее канадских. Но в том-то и дело, что речь шла о любителях, а вот бороться на равных с профессионалами — это казалось несбыточной мечтой. Хотя ещё в 1957 году Анатолий Тарасов побывал на тренировках заокеанских профи и, скажем так, в обморок от увиденного не упал. «Разница была колоссальной, — рассказывал Тарасов. — Но не в уровне подготовки, а в отношении друг к другу. Я просмотрел их занятие „от и до“ и не припомню другого такого случая, когда бы записывал так много и так быстро. Они же постояли на нашем занятии всего минут пять и только смеялись над нашими хоккеистами. Что ж, я был очень рад, что эти самодовольные люди так и не поняли, что мы делаем». Тарасов уже тогда был готов сражаться с профессионалами, однако советское спортивное руководство по-прежнему разрешения на встречи не давало. «Они большие, они сильные, они умеют играть в хоккей так, как нашим и не снилось», — рассуждали чиновники. И только весной 1972 года, во время чемпионата мира в Праге, наконец-то удалось договориться о проведении серии встреч между советской сборной и командой, составленной из лучших игроков Национальной хоккейной лиги. Четыре матча должны были пройти в Канаде, четыре — в Москве.

«Суперсерия-72 — это всеобщее хоккейное помешательство, её обсуждали и гуляющие во дворе дети, и стоящие в очередях бабушки, — вспоминал игрок сборной СССР Евгений Зимин. — Люди знали наперечёт всех канадцев, не говоря уже о наших игроках. В то время жить в СССР и остаться вне хоккея было невозможно». Действительно, интерес к встрече советских и канадских хоккеистов (позже эти встречи назвали «Суперсерией») по обе стороны океана был просто невероятным. Канадцы в успехе своих «звёзд» не сомневались, наши же болельщики надеялись, что сборная СССР будет выглядеть достойно в играх с грозными профессионалами. Вообще же предсказатели разделились на два лагеря: оптимисты полагали, что советская команда серию, безусловно, проиграет, но окажет сопротивление канадской сборной и, может быть, выиграет одну-две встречи. Пессимисты же считали, что предстоящие матчи никакого спортивного интереса не представляют, — это будет «избиение младенцев», канадцы без труда, одной левой, победят русских хоккеистов. Особенно разглагольствовал по этому поводу журналист газеты «Глоб энд мэйл» Дик Бедоуз. «Эти парни быстры, однако они носятся на льду сломя голову, как будто за ними гонится разъярённый пчелиный рой, — писал Бедоуз в своей статье накануне начала Суперсерии. — Русские умеют точно пасовать, но они всегда опаздывают, как их поезда на великой Транссибирской дороге. Вячеслав Старшинов — хороший нападающий, а Юрий Блинов — неплохой защитник. Но никто при всём желании не спутает Старшинова с Фрэнком Маховличем или Виком Хэдфилдом, а Брэд Парк съест Блинова, словно сладкоежка пирог с черникой». Дик Бедоуз почему-то решил смешать вместе кулинарию и хоккей и продолжал в том же духе: «Запомните! Мы победим во всех восьми матчах. А если Советы выиграют хотя бы одну встречу, я съем эту статью вместе с их знаменитым борщом. P. S. Уважаемый редактор, позаботьтесь, чтобы сметана была под рукой». И никто до начала Суперсерии, конечно, не предполагал, что после первого же матча канадские газеты выйдут с заголовками вроде: «Мы повержены русскими медведями», «Шок в „Форуме“» и «Мистер Хоккей стал товарищем».

2 сентября 1972 года на утренней тренировке советские хоккеисты увидели на льду своих будущих соперников. Конечно, канадцы производили сильное впечатление на наших игроков, особенно на молодых. Они, казалось, летали по площадке, а шайбы после их бросков летели со сверхзвуковой скоростью. «У нас до тренировки оставалось ещё какое-то время, — рассказывал Владислав Третьяк. — Сидим на трибуне, притихли, смотрим. Каждый думает: ну и ну, достанется нам». А вечером премьер-министр Канады Пьер-Эллиот Трюдо сделал символическое вбрасывание, которое разыграли Владимир Викулов и Фил Эспозито. И началось...

Уже на 30-й секунде матча канадцы открыли счёт. Фрэнк Маховлич мощно бросил по воротам Владислава Третьяка, вратарь бросок отразил, но наехавший на пятак огромный Фил Эспозито раскидал защитников и с лёта вогнал шайбу в сетку. «Шум тогда поднялся чудовищный, — вспоминал Владислав Третьяк. — Мне показалось, что на трибунах началось какое-то всеобщее безумие. Рёв, треск, свист».

«Сушите вёсла, товарищи!» — кричали болельщики посдержаннее. Другие же были более

«откровенны» в своих эмоциях: «Какого чёрта они тут делают?! Мы съедем русских медведей живьём!». Через шесть минут Бобби Кларк выиграл вбрасывание в зоне сборной СССР, отпасовал шайбу назад на Пола Хендерсона, и тот забросил её в ворота. Третьяк не успел даже отреагировать на бросок. Вот тут-то под сводами ледового дворца и заиграл похоронный марш...

«У меня появилось какое-то недоброе чувство, — вспоминал те волнующие минуты один из героев Суперсерии Пол Хендерсон. — Уже после первого периода. Мы были не готовы. Мы стали выдыхаться. Это было нехорошее чувство. Одно из наиболее неприятных воспоминаний моей жизни». Предчувствие не обмануло канадского игрока. На 12-й минуте матча оставшийся совершенно один на пяточке Евгений Зимин сократил разрыв в счёте. Через несколько минут канадцы пропустили новую «оплеуху». После паса Бориса Михайлова Владимир Петров забросил вторую шайбу в ворота, защищаемые Кеном Драйденом, причём сделал это в тот момент, когда сборная СССР играла в меньшинстве. А второй период стал «бенефисом» Владислава Третьяка и Валерия Харламова...

Перед началом серии тренерский штаб «кленовых листьев» прислал двоих наблюдателей на товарищеский матч сборной СССР и ЦСКА. Надо же хотя бы посмотреть, что из себя представляют эти русские. И что же они увидели? Прежде всего — молодого вратаря сборной, который в тот вечер умудрился пропустить целых девять шайб. Неизвестно, знали или нет заокеанские специалисты, что Третьяк в тот момент думал не о хоккее, а о предстоящей на следующий день свадьбе, но вскоре канадские газеты написали: «Третьяк, очевидно, ещё очень молод, чтобы противостоять нападающим из НХЛ. В трудных ситуациях он теряется, проявляет нерешительность. Вратарь — это самое слабое звено в советской команде». На Третьяка хоть так обратили внимание. А Валерия Харламова вообще за игрока не считали. Ну не укладывался Валерий в традиционные представления канадцев об идеальном нападающем!

Однажды Яков Костюковский, сценарист «Операции „Ы“...» и «Кавказской пленницы», сказал: «Когда я впервые увидел Харламова на фоне могучих партнёров, его фигура олицетворяла не телосложение, а теловычитание». Валерий, конечно, не был каким-то убогим карликом, но рядом с монументальными канадскими защитниками выглядел не впечатляюще. А теперь, уважаемый читатель, представьте, что вы, опытный канадский защитник. Вы «собаку съели» на этом хоккее, вы много раз справились с лучшими нападающими лучшей хоккейной лиги мира. Вы размажете по льду любого, кто посмеет приблизиться к вашей зоне. И вот вы видите, как навстречу бежит какой-то русский нападающий. Ничего не стоит с ним разобраться. И вдруг... «Вот я здесь, а вот меня нет...». Через мгновение этот русский каким-то непостижимым образом оказывается у вас за спиной и на всех парах мчится к воротам. Наверное, вы очень «обидитесь» на этого нападающего.

Канадцы не просто обиделись, в последующих матчах они устроили жесточайшую охоту на Харламова. Защитники Рон Эллис и Бобби Кларк изо всех сил старались сломать Валерия в буквальном смысле этого слова и своего, к сожалению, добились. Именно тогда Николай Озеров произнёс свою знаменитую фразу: «Такой хоккей нам не нужен!». Харламов не смог закончить шестой матч серии, пропустил седьмой, в заключительной, восьмой, встрече всё же вышел на лёд, однако играть в полную силу не мог. А ведь Харламов был лучшим нападающим сборной СССР в первых пяти матчах!..

Но это было потом, а в первом матче Суперсерии Харламов раз за разом, словно нож сквозь масло, проходил оборонительные порядки канадской сборной. Именно он во втором периоде забросил две шайбы в ворота противника. А «ничего не умеющий юниор» Третьяк творил чудеса в воротах, отражал броски такой силы, от которых другой вратарь оказался бы в сетке вместе с шайбой. Вообще получилось так, что два чуть ли не самых слабых, как считали канадцы, игрока в сборной СССР, фактически и решили судьбу матча.

В начале третьего периода «кленовые листья», сократив счёт до 3:4, на некоторое время отодвинули надвигающуюся катастрофу, но затем были окончательно смяты. Борис Михайлов, Евгений Зимин и Александр Якушев провели три безответные шайбы в ворота Кена Драйдена и сняли вопрос о победителе в матче.

«Всё позади, — писал вратарь канадской сборной Кен Драйден в своей книге „Хоккей на высшем уровне“. — За этой игрой наблюдали сто миллионов телезрителей в Советском Союзе, несколько миллионов — в Европе, более двадцати пяти миллионов канадцев и американцев смотрели её у себя дома. А в „Форум“ пришли почти двадцать тысяч зрителей. Клянусь, что теперь все они знают, что отчество Валерия Харламова — Борисович, а Владислава Третьяка — Александрович. Всё было готово для великого триумфа канадского хоккея. Но приехали русские и всё испортили, показав 60 минут такой игры, какая нам никогда не снилась...».

Да, «великого триумфа канадского хоккея» явно не получилось. 2 сентября 1972 года хоккей разделился на «до» и «после». Теперь уже никто не говорил о превосходстве профессионалов. Речь теперь могла идти только о сравнении двух хоккейных школ: канадской и советской. Канадцы поняли, что русские — это не «мальчишки для битвы», они не просто способны противостоять игрокам НХЛ, а во многих компонентах игры их превосходят. Наверное, лучше всех это понял Дик

Бедоуз. Надо отдать должное канадскому журналисту — он, как истинный джентльмен, сдержал своё слово. После игры Дик пришёл в гостилицу к нашим спортсменам, чтобы прилюдно съесть свою злополучную статью, в которой он опрочел наш предрекал разгромное поражение советской сборной. Наши хоккеисты с юмором отнеслись к «жертве советского хоккея» и разрешили Бедоузу накрошить небольшую часть газеты в борщ и в таком виде съесть столь «изысканное» блюдо.

Победа есть победа, и всё же в первом матче в пользу наших хоккеистов в какой-то мере сыграли «эффект неожиданности» и излишняя самоуверенность канадцев. В следующей встрече профи взяли реванш, выиграв в Торонто 4:1. Умудрённые опытом канадцы получили очень жестокий урок, но они смогли сделать из него правильные выводы. Во второй игре, проходившей в Торонто, в составе «кленовых листьев» появились сразу восемь новых игроков. Сборная Канады очень чётко играла в обороне, защитникам удалось практически полностью нейтрализовать нападающих советской команды. Вообще же, обе команды больше внимания уделяли защите. К началу третьей двадцатиминутки счёт был 1:0 в пользу канадцев. В начале третьего периода Курнуайе довёл преимущество своей команды до двух шайб. Но на 46-й минуте матча за удар соперника клюшкой был удалён с поля Бобби Кларк, и Александр Якушев реализовал численное преимущество. Буквально через несколько секунд канадцы вновь оказались в меньшинстве. Казалось, во встрече в этот момент должен произойти перелом. И перелом действительно наступил, правда, не в ту сторону... Имея преимущество на одного игрока, советские хоккеисты пропустили проход Пита Маховлича. Игра была сделана. Гол второго из братьев Маховличей, Фрэнка, забитый за минуту до конца встречи, установил окончательный счёт во втором матче серии.

Третий матч, проходивший в Виннипеге 6 сентября, завершился вничью 4:4. Канадцы владели инициативой по ходу матча, однако благодаря блестящей игре Владислава Третьяка, отразившего немало «мёртвых» бросков, сборной СССР удалось сдержать противника и свести матч к ничьей.

Четвёртая игра, состоявшаяся в Ванкувере, решала, кто же выйдет победителем в канадской части серии. «Кленовым листьям» очень хотелось перед своими зрителями показать себя во всей красе. Но... 5:3 в пользу сборной СССР, и канадцы покидали лёд под оглушительный свист трибун. «Мы делаем всё что можем, и выкладываемся до конца, и я хотел бы, чёрт побери, чтобы вы, люди, поняли это. Эти русские — великие хоккеисты. Почему бы вам не оценить их по достоинству и не прекратите осыпать нас обвинениями?». Эти гневные слова нападающего Фила Эспозито, сказанные им по национальному телевидению, наиболее точно отражали настроения, царившие в тот момент в канадской сборной. Канадцы действительно делали всё что могли, отбросили ненужное бахвальство и выкладывались изо всех сил, но русские были сильнее, и с этим ничего нельзя было поделать. Надо сказать, что проникновенный призыв Фила Эспозито услышали, и болельщики изменили отношение к своим хоккеистам. Более трёх тысяч канадцев отправились в Москву. И в какой-то мере, их неистовая поддержка помогла «кленовым листьям» одержать итоговую победу в Суперсерии. «Без них мы не победили бы, — вспоминал Пол Хендерсон. — Канадские болельщики стояли за нашей спиной. Я думаю, они помнили речь Фила Эспозито в Ванкувере, он пробудил целую страну и сказал: „Эй, это — наши мальчишки, это — наша команда, и они нуждаются в поддержке“. И канадцы поехали туда и там помогли нам, они перекричали русских. Русские просто не понимали, почему солдаты не выведут наших фанатов».

Но в первом матче в Москве канадских игроков и болельщиков опять ждало жестокое разочарование. «Кленовые листья» очень мощно начали игру и к середине второго периода вели со счётом 3:0. В начале третьей двадцатиминутки команды обменялись голами — на шайбу Юрия Блинова очень быстро ответил точным броском Пол Хендерсон. Казалось, что канадцы сумеют довести матч до победы. Но сборная СССР после отчаянного штурма смогла сравнять счёт, а за три минуты до финальной сирены Владимир Вилков забил пятую шайбу в ворота голкипера Тони Эспозито.

3:1... Для того чтобы выиграть Суперсерию, сборной СССР в оставшихся трёх играх надо всего лишь один раз сыграть вничью. Но канадцы сдаваться не собирались. «Каким бы безнадёжным ни казался матч, нужно бороться до конца, до самой последней секунды» — эту мысль канадские тренеры буквально вбивают каждому игроку с самых юных лет, с того самого момента, когда юный хоккеист берёт в руки клюшку и выходит на лёд. Наши же...

После победы в пятом матче в действиях советских хоккеистов стали явно просматриваться расслабленность и даже некоторое пижонство. Там чуть-чуть не доиграли, здесь чуть-чуть не доторовались. Но это «чуть-чуть» в игре с канадцами может оказаться роковым.

В шестом и седьмом матчах сборной Канады удалось с минимальной разницей в счёте переиграть советскую команду. И преимущество сборной СССР растаяло, теперь всё должно было решиться в последней игре, состоявшейся 28 сентября 1972 года. Напряжение было столь велико, что игра чуть не была сорвана. В первом периоде канадские болельщики, недовольные решением судьи удалить за неспортивное поведение до конца матча Жана-Поля Паризе, начали швырять на лёд всё, что попадало им под руку. На площадку полетели перчатки, клюшки, полотенца, даже несколько стульев. Матч был прерван почти на двадцать минут. К счастью, страсти всё-таки улеглись и игра возобновилась.

С первых минут матча инициативой владела советская команда. 2:1 — сборная СССР впереди после первого периода, 5:3 — после второго. Но к третьему периоду советские хоккеисты явно устали, чем и воспользовались канадцы. За семь минут до конца матча Айвен Курнуайе сравнивает счёт. Благодаря лучшей разнице шайб даже ничья делает сборную СССР победителем серии, но в самом конце матча «палач советской сборной» Пол Хендерсон остался без присмотра на пятчке у ворот Третьяка и протолкнул шайбу в сетку. «Я помню, как забил решающий гол в серии за 34 секунды до конца, — вспоминал Хендерсон. — Этот бросок стал звёздным часом для меня, благодаря этой шайбе меня до сих помнят, и думаю, будут помнить ещё долго». Через 34 секунды прозвучала финальная сирена, зафиксировавшая победу сборной Канады в последней игре и общую победу в серии со счётом 4:3.

После игры состоялся совместный банкет, на котором игроки обеих команд наконец-то смогли сбросить с себя напряжение ответственных матчей и ненависть друг к другу. В своих воспоминаниях канадские хоккеисты признавались, что иногда им просто хотелось убить противника, да и наши отвечали им «взаимностью». Теперь же хоккеисты могли расслабиться. Во время дружеской пирушки канадцы даже подарили нашим игрокам деревянный индейский тотем, который долго хранился в музее лужниковского дворца спорта.

Наверное, такое мнение кому-то может показаться спорным, но окончательный итог Суперсерии устроил обе стороны. Канадцы, пусть и с минимальным преимуществом, одержали верх над сборной СССР и доказали свою силу. А советские хоккеисты, хоть формально и проиграли, смогли победить долго существовавшее мнение, что никто в мире не может играть на равных с канадскими профессионалами, развенчали миф о непобедимости профи. Они доказали всему миру, что в хоккее играть могут не только в Канаде...

Ленинградский рок-клуб

Рок-группа, рок-клуб, рок-движение — этих понятий в СССР не существовало. Официально не существовало. Но они были, «рокеры» сочиняли и играли свои песни и музыку, устраивали концерты и фестивали. У них были даже свои менеджеры и продюсеры, хотя и это было запрещено. Власть пыталась с ними бороться. И не потому, что рокеры пели что-то крамольное, — подавляющее большинство текстов не содержали в себе чего-то опасного с точки зрения советской власти. Просто они были другими, неконтролируемыми и не желали становиться в один ряд с комсомольско-задорной советской молодёжью, бодро шагающей вперёд к победе коммунизма...

«Городской экспериментальный клуб любителей современной молодёжной музыки». Так назывался открытый в 1979 году в районном клубе на проспекте Энергетиков первый в Ленинграде рок-клуб. Город на Неве в советское время считался столицей рока и иной альтернативной музыки. Правда, тогда понятие «рок» скрывалось за более обтекаемым «современная молодёжная музыка», а сами «рокеры» были просто «любителями» этой музыки. Клуб на проспекте Энергетиков объединял под своим крылом 10 коллективов, среди которых были, например, «Земляне», «Аргонавты», «Кронверк» и другие группы. Под эгидой этого клуба состоялся большой концерт, официально разрешённый властями.

В марте 1980 года в Тбилиси был проведён первый официально разрешённый Всесоюзный фестиваль ВИА и рок-групп «Весенние ритмы» («Тбилиси-80»). Такого Советский Союз ещё никогда не видел. Сотни коллективов со всей страны, представлявших как филармонии и дворцы культуры, так и просто самих себя, играли музыку, за которую ещё недавно могли выгнать из комсомола, забрать аппаратуру, а то и просто посадить. Зал грузинской филармонии, где проходили концерты, каждый раз был забит до отказа.

От Ленинграда в фестивале участвовали три группы. Две, «Земляне» и «Кронверк», получили приглашение через обком комсомола, а третью, малоизвестный тогда ещё «Аквариум», позвал на фестиваль Артемий Троицкий, один из организаторов «Весенних ритмов». Именно выступление «Аквариума» и поведение лидера группы Бориса Гребенщикова спровоцировало самый грандиозный скандал на фестивале. «Борис начал играть на гитаре стойкой от микрофона, а затем лёг на сцене... Виолончелист Сева водрузил на лежащего лидера виолончель и начал перепиливать всю конструкцию смычком, фаяготист, бегая вокруг со своим зловещим инструментом, имитировал расстрел всего этого безобразия... Жюри растворилось под зелёной надписью „Выход“ ещё в середине их программы, — вспоминал Артемий Троицкий, — а выступление ближе к концу напоминало форменный бардак. Половина зала неистово аплодировала, половина — возмущённо свистела». Жюри во главе с композитором Юрием Саульским, «возмущённое подобным безобразием», покинуло зал.

Фестиваль в Тбилиси привёл к закрытию ленинградского «Клуба любителей современной музыки». Правда, власть имела к этому весьма косвенное отношение. Причиной случившегося стало стремление одного из организаторов клуба подстраховаться от возможных неприятностей, ради чего он написал в вышестоящие инстанции «телегу» на группу «Аквариум» (которая, кстати, к этому клубу не имела никакого отношения). Узнав об этом, музыканты объявили нечто вроде вотума недоверия, и в результате клуб развалился сам собой. Но идея объединения рок-музыкантов под одной крышей по-прежнему витала в воздухе. И что интересно, в данном случае совпали интересы как музыкантов, так и властных структур, в том числе и всемогущего Комитета госбезопасности. Этому парадоксу есть своё понятное и логичное объяснение. Так КГБ было проще контролировать набиравшее силу, несмотря на все запреты и препоны, рок-движение. Рокеры, кстати никогда и не скрывали, что им приходилось контактировать с госбезопасностью. «Только при мне было попыток пять или шесть организовать что-то вроде рок-клуба, — вспоминал те „славные“ времена Борис Гребенщиков, — и все ходили по горкомам комсомола и пытались это пробить, поскольку без официальной санкции просто разогнали бы с милицией, и всё. Как это всегда и было. В конце концов, по-моему, после семнадцатой или восемнадцатой попытки Комитет госбезопасности всё-таки решил, что в одном месте за всеми будет легче присматривать. И через Дом народного творчества всё это разрешил. И мы это использовали».

В январе 1981 года в кабинете директора Ленинградского Межсоюзного дома самодеятельного творчества (ЛМДСТ) Анны Александровны Ивановой собрались известные деятели ленинградского рок-движения, большинство из которых занимались организацией официальных и подпольных концертов. Согласиться «пригреть» у себя таких беспокойных людей ох как нелегко. И всё-таки директор ЛМДСТ решила. «Ну ладно, если меня уволят с работы, у меня есть муж — он меня прокормит», — сказала Анна Иванова, и таким образом судьба Ленинградского рок-клуба была решена. На этом заседании была выбрана инициативная группа, которая разрабатывала устав клуба, определяла его структуру, решала, кто может стать его членом. Структурно Ленинградский рок-клуб находился под опекой областного правления профсоюзов.

7 февраля 1981 года в ЛМДСТ состоялось, можно сказать, историческое, и даже эпохальное, первое общее собрание, в котором приняли участие музыканты, представлявшие 14 рок-групп:

«Аргонавты», «Аквариум», «Апрель», «Гулливер», «Россияне», «Зеркало», «Техническая помощь», «Мифы», «Пикник», «День рождения», «Джонатан Ливингстон», «Патриархальная выставка», «Орнамент», «Дилижанс». Через месяц, 7 марта, в зале ЛМДСТ состоялось открытие клуба и первый концерт, в котором принимали участие четыре группы.

Вступление в рок-клуб сопровождалось обычными для тех времён процедурами. Необходимо было написать заявление, после чего группа становилась кандидатом в члены клуба. Затем музыкантов прослушивала высокая комиссия, и только по её решению группа или музыкант могли стать полноправными членами Ленинградского рок-клуба. Интересно, что рок-клуб хоть и был некоей альтернативой советскому строю, во многом копировал черты этого строя. По воспоминаниям музыкантов, для того чтобы без проблем стать членом клуба, нужно было организовать для комиссии хороший банкет, «накрыть поляну». Не обходилось без склок и передраг между самими членами клуба. Связано это было, прежде всего, с разным видением задач клуба. Часть членов, в основном администраторы, предлагали создать, по сути, концертную организацию для рок-групп, которая бы занималась организацией концертов и, соответственно, зарабатыванием денег. Другие же считали, что клуб должен быть прежде всего местом духовного единения музыкантов, надёжным пристанищем для рокерских душ. Трудностей и проблем у клуба хватало с головой. И всё-таки, несмотря ни на что, клуб выполнял свою задачу. «Аквариум», «Зоопарк», «Пикник», ДДТ, десятки других рок-команд благодаря рок-клубу имели хоть какую-то возможность выступить.

11 апреля 1982 года в «Комсомольской правде» была опубликована печально знаменитая статья «Рагу из синей птицы». Разгромная публикация была посвящена только одной группе, «Машине времени», но это был удар по всему советскому рок-движению. Времена относительной свободы для рок-музыки закончились. В то время рок-клуб оставался практически единственным местом, где рок-музыканты могли собираться и давать концерты в маленьком зале.

А потом грянула перестройка. Из квартир и крошечных клубов рокеры вышли на стадионы. Всё, о чём раньше можно было только мечтать, стало реальностью. Появилась возможность петь песни, не согласовывая их с работниками отделов культуры, организовывать концерты, не спрашивая ничего разрешения, записывать пластинки как на родине, так и за рубежом. Но среди этого кайфа многие рок-музыканты с ностальгией и даже с некоторым сожалением вспоминают времена «квартирников» и клубных «сейшенов», бесконечных согласований и прослушиваний работниками ответственных комиссий и комитетов комсомола. А тот, ещё «ленинградский» рок-клуб по-прежнему существует (хотя теперь это один из многочисленных рок-н-рольных клубов Санкт-Петербурга). Ведь в своё время он был единственным и неповторимым, «святым» местом для первых советских рокеров...

Великое шахматное противостояние

«А дерутся, между прочим, не только боксёры, но и шахматисты. Однажды, играя чёрными, Каспаров дал в ухо Карпову... за то, что тот первый начал». «Великое шахматное противостояние», борьба «двух К» — это не только история шахмат, это, без преувеличения, символ эпохи. Можно сколько угодно говорить и писать о том или ином событии, но если о нём рассказывают анекдоты, а герои становятся, по сути дела, фольклорными персонажами — значит, это событие стало частью истории страны.

Прежде чем приступить к рассказу о борьбе между Анатолием Карповым и Гарри Каспаровым, вспомним послевоенную историю шахмат. В 1946 году в Португалии неожиданно скончался действующий чемпион мира Александр Алехин. Для определения нового чемпиона мира в 1948 году под эгидой ФИДЕ (Международной шахматной федерации) был проведён матч-турнир среди пяти претендентов на чемпионский титул. Победителем турнира стал советский гроссмейстер Михаил Ботвинник, который и был объявлен пятым чемпионом мира по шахматам! После этого долгое время чемпионами мира становились только советские шахматисты. Михаил Ботвинник, Василий Смыслов, Михаил Таль, Тигран Петросян, Борис Спасский прочно удерживали шахматную корону за советской шахматной школой. До тех пор, пока на арену не вышел «шахматный гений» Бобби Фишер. В 1972 году Фишер легко переиграл в финальном матче Бориса Спасского и стал одиннадцатым чемпионом мира. Это была катастрофа! Мало того что советские шахматы лишились чемпионского звания, так оно к тому же досталось Соединённым Штатам, главному идеологическому противнику СССР. Казалось, что Фишер пришёл всерьёз и надолго и бороться с ним невозможно. Но строптивый американец, отказавшись играть финальный матч с Анатолием Карповым (который в то время был первым в списке претендентов), сам отдал шахматную корону. 3 апреля 1975 года в Москве президент ФИДЕ доктор Макс Эйве на торжественном заседании в Колонном зале Дома союзов провозгласил Анатолия Карпова двенадцатым чемпионом мира.

Вообще Карпов как чемпион мира для советской системы был фигурой просто идеальной (и никакой вины Анатолия Евгеньевича в этом, собственно говоря, нет). Ведь до него все советские чемпионы мира имели те или иные «недостатки». Ботвинник — убеждённый коммунист, не менявший, кстати, своих взглядов до конца жизни, но еврей (это в Советском Союзе всегда было недостатком, хотя открыто об этом, естественно, никто не говорил), к тому же человек достаточно твёрдый, иногда проявлявший строптивость по отношению к власти имущим. Василий Смыслов, седьмой чемпион мира, пробыл на шахматном троне очень недолго, всего один год. Таль — еврей, Петросян — армянин (тоже недостаток). Спасский с точки зрения национального вопроса — кандидатура подходящая, однако Борис Васильевич всегда был человеком абсолютно независимым в своих взглядах. Например, когда ему было всего 18 лет, он, будучи в Бельгии, спросил руководителя делегации, почему в этой стране, где никто не изучает марксизм-ленинизм, люди живут намного лучше, чем в СССР, где марксизм-ленинизм изучают чуть ли не с пелёнок. И к тому же Спасский «посмел» проиграть американцу Фишеру, и, естественно, этот проигрыш ему не простили.

И вот тут появляется Карпов — паренёк из рабочей семьи, выходец с Урала, русский, что называется, «до седьмого колена», комсомолец и тому подобное, и ко всему прочему, действительно очень талантливый шахматист.

Был в те годы в Советском Союзе и ещё один претендент на звание чемпиона мира — Виктор Корчной. Человек, склонный, в отличие от Карпова, к неконформизму, всегда презиравший советскую власть и её «достижения». Нетрудно догадаться, кого из двоих претендентов — Карпова или Корчного — советская власть предпочла видеть двенадцатым чемпионом мира. Естественно, что ставка была сделана на Карпова. Дисциплинированный и послушный молодой человек вселял в шахматных (и не только шахматных) чиновников надежду на успешное противостояние Бобби Фишеру. Перед Карповым открывались все двери, ему оказывали поддержку на самом высоком уровне. Такое явное благоволение одному советскому шахматисту и пренебрежение интересами других игроков не понравилось Корчному. Он даже решился на отчаянный шаг — в 1974 году, после полуфинального матча претендентов между ним и Карповым, в интервью западным изданиям заявил, что на него во время матча оказывалось сильнейшее давление со стороны спортивного руководства и что Карпов был обеспечен самыми лучшими тренерами и условиями для подготовки. Но и это интервью результата не принесло. В конце концов терпение Корчного лопнуло, в 1976 году он не вернулся в СССР с турнира в Амстердаме и попросил политического убежища на Западе.

Тут уж, как говорится, дальше отступать было некуда. Можно проиграть иностранцу, можно, в худшем случае, уступить американцу, но проиграть «изменнику Родины», «предателю», «отщепенцу» и «империалистическому прихвостню» (так называли Корчного в советских газетах) было никак нельзя. Все силы были брошены на победу Карпова, ни один претендент до него не был обеспечен такими условиями подготовки к матчу. В команду Карпова входили не только сильнейшие шахматисты. Психологи, врачи, массажисты, повара, водители работали не покладая рук на чемпиона мира. Не случайно Карпова в шахматных кругах называли «государственным чемпионом».

Матч между Анатолием Карповым и Виктором Корчным, состоявшийся в 1978 году в филиппинском городе Багио, оказался очень напряжённым. После 31-й партии матча счёт был равным — 5:5. Можно себе только представить, что чувствовал Карпов. Стоило ему проиграть ещё одну партию, и всё — на столь блестяще начавшейся карьере можно было бы поставить крест. Даже ходили слухи, что Анатолий Евгеньевич в случае поражения мог последовать примеру Корчного и что в кассе манильского аэропорта уже лежал билет на имя Карпова на самолёт, летевший не в Москву, а в Лос-Анджелес. Однако Карпову всё-таки удалось выиграть 32-ю партию, а с ней и весь матч. Через три года в итальянском Мерано состоялся ещё один матч между Анатолием Карповым и Виктором Корчным. На этот раз острой борьбы не получилось — чемпион мира легко выиграл матч со счётом 6:2. За победу над «отщепенцем» Корчным Анатолий Карпов был обласкан властью, что называется, «с ног до головы».

Между тем, пока Карпов и Корчной боролись между собой в высших шахматных кругах, в Баку стремительно подрастало новое «шахматное чудо». Впервые за шахматным столиком Анатолий Карпов и Гарри Каспаров встретились в ноябре 1975 года в Москве на Всесоюзном турнире Дворцов пионеров. Карпов провёл несколько показательных встреч с участниками турнира, среди которых был и двенадцатилетний бакинский шахматист. Понятно, что исход борьбы между действующим чемпионом мира и кандидатом в мастера спорта был предрешён заранее. Но говорят, что Анатолий Карпов уже тогда понял, что с Каспаровым ему ещё не раз придётся встретиться, и на уровне куда более высоком, чем турнир команд Дворцов пионеров.

Путь Гарри Каспарова по шахматной лестнице действительно был впечатляющим. В 1975 году Гарри выиграл чемпионат СССР среди юношей. В 1978-м, после победы на состоявшемся в Минске взрослом турнире памяти гроссмейстера Алексея Сокольского, Каспаров получает звание «мастер спорта СССР». В том же году он становится самым молодым в истории участником финального этапа чемпионата СССР. Через год на первенстве страны бакинский шахматист вошёл в число призёров, заняв в итоговой таблице 3-4 места. В 80-м Каспаров в составе советской сборной завоевал золотую медаль на XXIV Всемирной шахматной Олимпиаде, а в 1981 году он стал чемпионом СССР.

В 1982 году Каспаров начал свой трудный поход за званием чемпиона мира. «Я позволил себе вступить во владения Кощея», — так Гарри Кимович охарактеризовал ситуацию в советских шахматах. Каспаров всегда считал, что после двух побед над Виктором Корчным Анатолий Карпов стал чуть ли не единоличным правителем в советском шахматном мире. Гарри Кимович утверждал, что все решения шахматных чиновников Советского Союза, зачастую действовавших в альянсе с президентом ФИДЕ Флоренсио Кампоманесом, были направлены на сохранение абсолютной власти Карпова. Со столь категоричным мнением можно поспорить, но то, что Анатолий Евгеньевич по степени влияния на шахматную жизнь в СССР превосходил всех остальных игроков вместе взятых, — факт очевидный.

Для того чтобы встретиться с чемпионом мира, необходимо пройти сквозь сито отборочных матчей. В 1982 году Гарри Каспаров выиграл межзональный турнир в Москве. В четвертьфинальном матче претендентов в 1983 году в Москве со счётом 6:3 Каспаров победил Александра Белавского, в полуфинале переиграл Виктора Корчного — 7:4. Последним шагом к матчу за звание чемпиона мира был финальный поединок претендентов. Двадцатилетнему Каспарову противостоял седьмой чемпион мира Василий Смыслов, которому на тот момент исполнилось 63 года. В классической схватке молодости и опыта убедительную победу одержал Каспаров, обыграв экс-чемпиона мира со счётом 8,5:4,5.

19 сентября 1984 года в Москве, в Колонном зале Дома союзов начался финальный матч за звание чемпиона мира между Анатолием Карповым и Гарри Каспаровым. Насколько легко (по крайней мере, на первый взгляд) Каспаров переигрывал соперников до этого, настолько же «легко» он проигрывал партию за партией Карпову. За первые девять встреч действующий чемпион мира одержал четыре победы, а ведь по регламенту матч продолжался до шести побед одного из соперников! Ещё две победы, и всё — Анатолий Карпов без труда удержит чемпионскую корону. Правда, соперники начали осторожничать — Карпов не хотел рисковать и ждал ошибки противника, Каспаров же понимал, что один неверный шаг — и он окажется на краю пропасти. В итоге последовала рекордная для матчей на первенство мира серия ничьих — в 17 партиях победитель так и не был определён.

Постепенно матч превратился, так сказать, в элемент повседневного быта, такой же привычный, как, например, ежедневный прогноз погоды. «Передаём сводку погоды. Сегодня в Мурманске минус 15 градусов, в Воронеже минус 9, в Сочи плюс 5, в Москве — ничья», — шутили юмористы. Или: «Вчера состоялась 113-я партия на первенство мира, следующая ничья — в понедельник». Не отставали и карикатуристы. В газетах появился рисунок — два скелета за шахматным столиком, один из них спит, а другой спрашивает: «Ну что, опять ничья?».

Ничейная серия была прервана в 27-й партии, которую выиграл чемпион мира. Тут уже, как говорил Каспаров: «Карпову оставалось завернуть и упаковать противника, то есть меня». Да, матч, в котором предсказывалась упорная борьба, грозил закончиться убедительной победой чемпиона

мира. Но дальше началось что-то из области фантастики. Кое-кто из журналистов и болельщиков уже начал паковать чемоданы, не дожидаясь конца, как вдруг в матче появилась интрига. Да ещё какая! В 32-й партии Каспаров одержал первую победу. Выигранная партия, конечно, обрадовала претендента, но его противника не сильно расстроила — Карпов по-прежнему сохранял вполне комфортное преимущество. Вновь последовала длинная серия ничьих, а затем в матче наступила странная развязка. Развязка, которая ничего не решила...

В 47-й и 48-й партиях Гарри Каспаров одержал две победы подряд. Карпов по-прежнему сохранял преимущество, но было видно, выражаясь боксёрскими терминами, что он находился в состоянии грогги, явно поплыл, и его противник может выиграть матч. И тут в дело вмешался Флоренсио Кампоманес...

Состоявшаяся 15 февраля 1985 года в гостинице «Спорт» пресс-конференция продолжалась несколько часов. Президент ФИДЕ объявил, что своим решением он прекращает матч без выявления результата, а новый матч начнётся 1 сентября со счёта 0:0. По словам Кампоманеса, чемпион мира согласился с его решением, а претендент ему подчинился. Тогда, кстати, ходили упорные слухи, что такое решение Кампоманес принял под давлением советских властей, которые опасались, что «правильный и образцово-показательный» Карпов может проиграть неугодному «высочке» Каспарову. В своём выступлении Каспаров выразил резкое несогласие с решением президента ФИДЕ, Карпов же ограничился словами, что он хочет продолжения матча. Несмотря на явное нарушение регламента матча, на состоявшемся позже заседании исполком ФИДЕ подтвердил правомерность действий Кампоманеса. Самый длинный в истории шахмат матч, продолжавшийся 159 дней, завершился ничем.

Начало нового матча было назначено на 3 сентября 1985 года. Регламент, с учётом прошлых ошибок, был изменён. Шахматисты играли до шести побед, однако общее число партий было ограничено 24-мя. Первые 15 партий прошли в равной борьбе — каждый из соперников одержал по две победы. В 16-й и 19-й партиях Гарри Каспаров одержал ещё две победы. В 22-й партии Анатолию Карпову удалось сократить разрыв в счёте, однако в 24-й Каспаров вновь выиграл и, таким образом, стал победителем в матче. 10 ноября 1985 года Гарри Каспаров был провозглашён тринадцатым чемпионом мира по шахматам.

Если посмотреть на историю противостояния «двух К», то может показаться, что они были злейшими врагами, только и мечтающими о том, чтобы уничтожить противника. «Это война! Если бы взгляды могли убивать, то величайший матч в истории шахмат закончился ещё до того, как он начался», — писали английские газеты перед началом третьего матча между «двумя К» в Лондоне. Так оно и было, когда дело касалось шахмат. Но в жизни отношения между Карповым и Каспаровым были если и не дружескими, то вполне спокойными. Они нередко вместе анализировали только что сыгранные партии, когда было свободное время — играли в карты. Однажды Флоренсио Кампоманес был несказанно удивлён, застав в гостиничном номере двух якобы непримиримых противников за игрой в карты. Картина была просто идиллическая — со стороны они походили на двух закадычных друзей. А когда произошла катастрофа на Чернобыльской АЭС, Каспаров и Карпов договорились перечислить существенную часть призового фонда матча-реванша на закупку медикаментов для пострадавших. Однако за шахматной доской идиллия заканчивалась...

Всего с 1984 по 1990 год два великих шахматиста сыграли между собой пять матчей за звание чемпиона мира. И во всех, кроме незавершённого первого, сильнее был Каспаров. Но это не значит, что победы давались Гарри Кимовичу без проблем. Особенно драматичной была концовка четвёртого матча, проходившего в 1987 году в испанской Севилье. До 22-й партии сохранялось равенство — оба соперника одержали по 3 победы. В случае ничьей в матче Каспаров сохранял чемпионский титул. Но предпоследнюю, 23-ю партию выиграл Карпов и захватил лидерство. У Гарри Каспарова оставалась только одна партия, чтобы спасти положение. «Та партия действительно была фантастической! — вспоминал Гарри. — Для сохранения чемпионского звания мне ведь требовалась только победа, а в шахматах такие вещи на заказ не делаются. Накануне со мной приключилась форменная истерика, ведь матч шёл очень нервно и, объективно говоря, должен был закончиться вничью. Если бы две последние партии закончились вничью, все расценили бы это как вполне закономерный результат. Однако неожиданно возникла интрига. В итоге развязка получилась предельно драматичной, почти детективной. Ничего подобного в моей жизни больше не случалось...». Каким-то непостижимым образом Каспарову удалось выиграть последнюю партию, свести матч вничью и таким образом сохранить чемпионское звание. А дальше...

Дальше наступили другие времена, в шахматы пришла «эра раскола», и старые соперники лишь изредка встречались за шахматным столиком. Однако в декабре 2002 года в Нью-Йорке состоялся ещё один матч между «двумя К». Да, эта встреча из четырёх партий с ограничением времени была мало похожа на их знаменитые матчи 80-х годов и больше напоминала шоу, чем истинно шахматное противостояние. Но тем не менее, интерес к матчу, организованному с присущим американцам размахом, был огромным. В успехе Каспарова не было сомнений, тем более что на тот момент он занимал первое место в мировом шахматном рейтинг-листе, а его давний соперник — только 17-е.

Первую партию выиграл Каспаров, вторую — Карпов. А затем грянула сенсация. Карпов уверенно победил белыми в третьей партии, а в четвёртой умело организовал защиту и сумел свести игру к ничьей. В итоге мини-матч завершился со счётом 2,5:1,5 в пользу Карпова. Конечно же, Гарри Кимович был страшно раздосадован этим поражением. И понятно, что Анатолий Евгеньевич не скрывал своей радости, ведь впервые ему удалось обыграть своего самого главного соперника в матчевой встрече. «В плане турнирных результатов 2002 год был для меня не слишком удачным, — говорил Карпов в одном из интервью. — Несколько раз я был в полушаге от победы, однако так и не смог победить. Но всё это, конечно, сполна компенсировалось победой в матче над Гарри Каспаровым. Так что в итоге год оказался весьма позитивным!».

10 марта 2005 года, после победы на турнире высшей категории в испанском Линаресе, Гарри Каспаров объявил о своём уходе из профессиональных шахмат. В дальнейшем он собирается принимать участие лишь в соревнованиях по быстрым шахматам и в сеансах одновременной игры. Так что мы вряд ли когда-нибудь увидим новую встречу «двух К». Хотя... Кто знает, может, Гарри Кимович изменит своё решение. Будем надеяться, что история «великого шахматного противостояния» ещё не закончена...

Беловежские соглашения

Римская империя, Золотая Орда, Британская империя и многие другие... Все империи в период своего расцвета кажутся такими великими, такими могущественными и такими вечными... Но проходит время, и о том, что под властью империй было полмира, мы узнаём только из учебников истории. И оказывается, что конец у всех империй одинаков...

В XX веке на территории одной шестой части суши была создана ещё одна империя. Или «союз нерушимый республик свободных». Через несколько лет два слова — «Советский Союз» — уже казались символами незыблемости и вечности. Но ворох проблем и противоречий накапливался с каждым днём. И в конце концов стало ясно: Советский Союз не станет исключением и повторит судьбу всех империй...

В середине 80-х годов в СССР всё чаще и чаще стало звучать слово «суверенитет». Первыми о независимости и выходе из состава Союза в открытую заговорили в Прибалтике, затем в Украине, республиках Закавказья. Центробежные процессы нарастали с угрожающей быстротой. Попытки Москвы их остановить, используя самые жёсткие меры, с помощью танков и солдат, результата не дали. 17 мая 1991 года был проведён всенародный референдум, на котором примерно 70 % процентов граждан высказались за сохранение единого союзного государства. Но ситуацию этот референдум не изменил — Союз, ещё недавно казавшийся нерушимым, трещал по швам.

Руководство СССР во главе с Михаилом Горбачёвым надеялось, что новый союзный договор поможет сохранить единую страну. Было ясно, что «самых независимых» — прибалтийские республики и Грузию — удержать уже невозможно, но оставшиеся 11 республик всё ещё казались «единым и нерушимым». Союзный договор представлялся той самой соломинкой, за которую мог ухватиться тонущий Союз. В горбачёвской загородной резиденции Ново-Огарёво проект договора готовила рабочая группа, которую курировал лично Президент СССР. Союзный договор был представлен руководителям союзных республик, и практически у всех лидеров ново-огарёвский вариант вызвал серьёзные возражения. Чем же были недовольны региональные элиты? Договор предусматривал расширение числа республик как самостоятельных субъектов Союза с 15 до 35 за счёт 16 автономий Российской Федерации и четырёх автономных образований других союзных республик. Все субъекты Союза согласно этому договору обладали бы равными правами. Именно это положение и не устраивало лидеров союзных республик, поскольку оно фактически понижало их статус. Попытка подписать союзный договор окончилась неудачей. После чего была предпринята ещё одна попытка найти компромисс. Был разработан второй вариант «Договора о союзе суверенных государств», подписание которого намечалось на 20 августа 1991 года. В Москве должны были собраться главы республик во главе с Михаилом Горбачёвым, который собирался вернуться в столицу из Крыма, где на даче в Форосе отдыхал вместе с семьёй.

Что было 19–21 августа 1991 года — помнит, наверное, каждый. Путч, ГКЧП, танки в Москве, защита Белого дома, баррикады, пресс-конференция, на которой вице-президент СССР с трясущимися руками пытался отвечать на вопросы журналистов, выступление Ельцина с броневика, трёхдневное форосское заточение Горбачёва без связи и информации о происходящем, победа сторонников российского руководства, возвращение Президента СССР в Москву...

Путч, как это часто бывает в подобных ситуациях, оставил больше вопросов, чем дал ответов. И среди них: «Что же будет с Союзом? Удается ли сохранить единое государство?». 2 сентября Михаил Горбачёв и главы девяти союзных республик заявили о подготовке нового договора о создании Союза суверенных государств на конфедеративной основе. «Союз суверенных государств (ССГ) — конфедеративное демократическое государство, осуществляющее власть в пределах полномочий, которыми его добровольно наделяют участники договора». Таков был основополагающий принцип устройства нового государства. А 5 сентября состоялся внеочередной Съезд народных депутатов СССР. На съезде был принят закон о власти в переходный период, а также признана независимость Литвы, Латвии и Эстонии. Три прибалтийские республики окончательно оформили свой суверенитет.

Интенсивные переговоры и консультации по проекту нового союзного договора продолжались два месяца. 1 декабря 1991 года украинский народ на референдуме высказался за свою независимость. Через два дня признало независимость Украины руководство России. Последней надеждой сохранить Союз была намеченная на 9 декабря встреча Михаила Горбачёва с Борисом Ельциным, Леонидом Кравчуком, Станиславом Шушкевичем и Нурсултаном Назарбаевым. Однако встреча Президента СССР с главами союзных республик не состоялась. События стали развиваться по иному сценарию.

7 декабря 1991 года Станислав Шушкевич, Председатель Верховного Совета Белоруссии, предложил Борису Ельцину и Леониду Кравчуку встретиться в неформальной обстановке. Встреча лидеров трёх республик должна была состояться в Беловежской пуще, в правительственной резиденции «Вискули», что в нескольких километрах от польской границы. Как вспоминали непосредственные участники тех событий, у них было предчувствие, что в Вискулях должно

свершиться что-то важное, однако конкретного плана встречи не было. Собраться в неформальной обстановке, поговорить, обсудить стратегию поведения на предстоящей встрече с Горбачёвым, поохотиться, попариться в баньке. Но уже вечером Ельцин, Кравчук и Шушкевич объявили своим помощникам о намерении подписать документ «огромного исторического значения».

«В Вискулях у нас компьютера не было. Проект соглашения печатался на электрической машинке, а размножали его на факсе — таково было техническое обеспечение». Эти воспоминания Сергея Шахрая, тогдашнего советника Бориса Ельцина по правовым вопросам, ещё раз подтверждают тот факт, что подписание каких-либо документов заранее не готовилось, что всё произошло спонтанно. Именно Сергею Шахраю, как человеку разбирающемуся в юридическом праве, было поручено подготовить соглашения, которые вошли в историю под названием «беловежские».

Подписание таких документов, историческое значение которых трудно переоценить, требовало какой-то торжественности и даже помпезности. Но всё было обыденно и тривиально. Днём 8 декабря президенты ознакомились с предоставленными им документами. В «Вискулях» не было парадного зала, и Шушкевич предложил подписать документы в столовой. Офицеры охраны сдвинули два обычных стола (такие стояли в советских столовых), заменили белые скатерти на зелёное сукно, поставили по краям маленькие государственные флажки, президенты сели на простые табуретки и подписали документы, согласно которым огромная супердержава, до недавнего времени объединявшая под своим крылом почти полмира, прекращала своё существование. Интересно, что о подписании соглашений первым сообщили тогдашнему президенту США Джорджу Бушу-старшему. Михаилу Горбачёву о прекращении существования государства, руководителем которого он являлся, сказали гораздо позже.

Сразу же после подписания «беловежских соглашений» начался «парад суверенитетов» — республики одна за другой объявляли о своей независимости. 12 декабря 1991 года на совместном заседании Совета Республики и Совета Национальностей РСФСР выступил Президент России Борис Ельцин. «Украина отказалась подписывать союзный договор, — сказал он. — Последствия этого очевидны: серьёзное нарушение геополитического равновесия в мире, эскалация конфликтов внутри бывшего Союза, проблемы государственных границ, национальных валют, собственных армий и другие. А ведь на Украине имеется ядерное оружие. В этих условиях заключать Договор о союзе из 7 республик без Украины и при этом оставаться спокойными, ждать очередных соглашений, ничего не предпринимать — было бы просто преступно». В этих словах больше лукавства, чем правды. Подписывать договор не хотели все три руководителя славянских республик, а не только Леонид Кравчук. Но так или иначе, без России, Украины и Белоруссии попытки подписать новый союзный договор и сохранить Советский Союз (или, как намечалось в договоре, создать новое государство под названием ССГ) потеряли всякий смысл. Последней республикой, объявившей о своей независимости, 16 декабря 1991 года стал Казахстан.

Но формально Союз Советских Социалистических Республик ещё несколько дней продолжал существовать. 25 декабря в 19:00 по московскому времени первый и последний Президент СССР Михаил Сергеевич Горбачёв выступил по телевидению и прямо в эфире подписал указ № 3162 о сложении президентских полномочий и полномочий Верховного главнокомандующего. Над Кремлём был спущен Государственный флаг СССР и поднят российский флаг. А на следующий день в Кремле в последний раз заседал Совет Республик, одна из палат Верховного Совета СССР. На этом заседании присутствовали представители лишь пяти среднеазиатских республик. На заседании они приняли 4 документа, ставшие последними в истории СССР: декларацию, констатировавшую прекращение существования СССР как государства и субъекта международного права; постановление об освобождении от должности судей Верховного и Высшего арбитражного судов СССР и коллегии Прокуратуры СССР; постановления об освобождении от должности председателя Госбанка В. В. Геращенко, который категорически отказался подчиняться представителям Центробанка России, пока его не снимет с должности Верховный Совет СССР, и его первого заместителя В. Н. Куликова.

«Советский Союз как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает своё существование». Так было записано в Беловежских соглашениях. Союз Советских Социалистических Республик исчез с карты мира. Однако жизнь на этом не остановилась. А советская эпоха... Эпоха закончилась, оставив нам воспоминания о людях, событиях, фильмах, книгах и памятниках архитектуры, которые стали её символами...

Заметки

1

Бракёр — работник, определяющий качество продукции.

Казимир Малевич умер в 1935 году. — *Прим. читателя.*

3

Дом (от *лат.* domus — господин) — монашеское звание, обращение к духовному лицу во Франции.

4

В немецком языке звук «ч» обозначается четырьмя буквами.

Анкер — деталь часов в виде качающейся вилки, обеспечивающая равномерный ход часового механизма.

6

Евгеника — теория о наследственном здоровье человека и путях его улучшения.